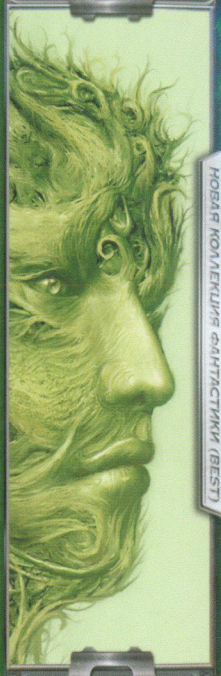
Андрей Рубанов



НОВАЯ КОЛЛЕКЦИЯ ФАНТАСТИКИ (BEST)

ХЛОРОФИЛИЯ

ЖИВАЯ ЗЕМЛЯ

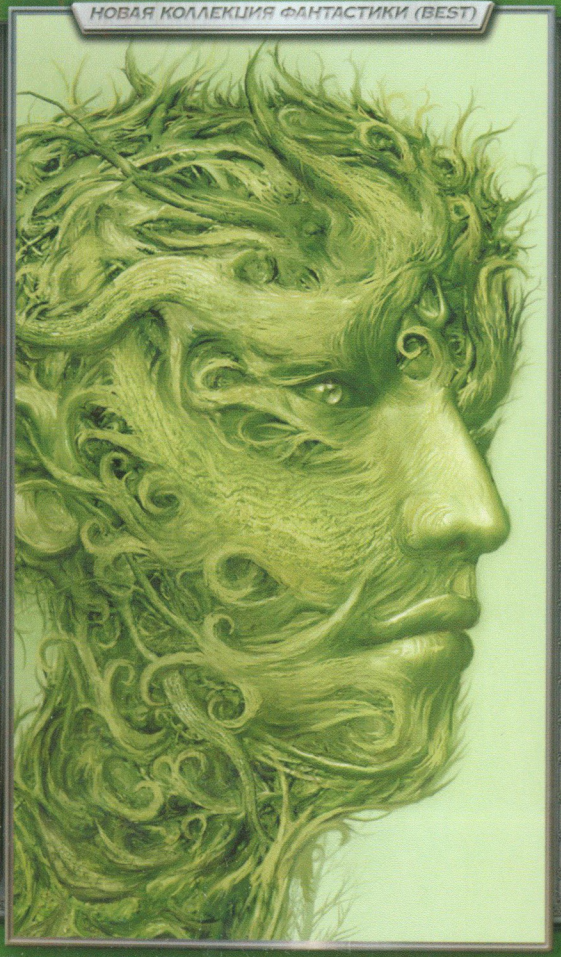
Андрей Рубанов

Дипломант «АБС-премии» (им. А. и Б. Стругацких)

НОВАЯ КОЛЛЕКЦИЯ ФАНТАСТИКИ (BEST)

ХЛОРОФИЛИЯ

ЖИВАЯ ЗЕМЛЯ



ВПЕРВЫЕ ДИЛОГИЯ В ОДНОМ ТОМЕ!

Андрей Рубанов

Андрей Рубанов

ХЛОРОФИЛИЯ
ЖИВАЯ ЗЕМЛЯ

Романы

АСТ
Астрель
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
Р82

Серийное оформление – Юлия Межова, дизайнер Василий Половцев
В оформлении переплета использованы иллюстрации
А.Фереза, В.Половцева

Рубанов, А.В.

Р82 Хлорофилия. Живая земля : романы / Андрей Рубанов. – М. : АСТ : Астрель, 2011. – 636, [4] с. – (Новая коллекция фантастики (best)).

ISBN 978-5-17-074280-6 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 978-5-271-35797-8 (ООО «Издательство Астрель»)

«Хлорофилия». Россия, XXII век. Все население переехало в столицу, а Сибирь сдана в аренду китайцам. «Никто никому ничего не должен» – девиз, под которым живет Россия-Москва на китайские деньги. А однажды за двое суток Москва поросла травой с телебашню... Савелий Герц – специальный корреспондент журнала «Самый-самый» – узнает по тайным каналам: китайцы уходят из Сибири! Что ждет страну в будущем? Одно пока не вызывает ни у кого сомнения: трава безобидна для человека... Но так ли это?

«Живая земля». Прошло двадцать лет. Небоскребы Москвы стоят полузаброшенными, люди не живут выше восьмого этажа. Кормившая всех трава исчезла, но сохранилась легенда, что где-то есть семя, способное возродить грибницу! Неожиданно это семя попадает в руки сына Савелия Герца Дениса и его друзей...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Подписано в печать 29.04.11. Формат 84x108/32.
Усл. печ. л. 33,6. Тираж 3 000 экз. Заказ № 4565.

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953000 – книги, брошюры

ISBN 978-5-17-074280-6 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 978-5-271-35797-8 (ООО «Издательство Астрель»)

© Рубанов А.В.
© ООО «Издательство Астрель»

ХЛОРОФИЛИЯ

ΡΗΠΛΝΦΟΟΦΟΠΧ

Часть первая

1

— Очень хочется пить, — сказал Савелий.

— Держи. — Варвара протянула бутылку воды, обогащенной витамином А. — Утоли жажду жизни. Как тебе сегодня моя внешность?

— Я в восторге, — без восторга ответил Савелий. Он терпеть не мог интерактивный макияж.

— Разве я не сексуальная?

— Успокойся. Сексуальная.

Он прибавил ход и перестроился.

На тридцатом километре стебель рос совсем рядом с дорожным полотном — мощный, темно-зеленый, уходящий, казалось, прямо в центр неба. Варвара задрала голову и элегантно поежилась.

— Вблизи они выглядят просто ужасно. Чешуйчатые. Как будто из земли торчит змеиный хвост.

— А ты не разглядывай, — посоветовал Савелий. — И вообще близко не подходи. Примут за травоядную.

Варвара заметно обиделась и гордо выпятила грудь.

— Я что, похожа на травоядную?

— Нет. Но все равно.

— Говорят, она с каждым годом все выше. Трава.

— Да, — ответил Савелий. — Трава выше, тень гуще. Бледных все больше. Скоро мир рухнет. Останется только трава и те, кто живут выше сотого этажа. Китайцы и их подручные.

Варвара, невеста Савелия, никак не походила на травоядную женщину. Травоеды обоих полов — особенно если принадлежали к бледным слоям населения — всегда выглядели преувеличенно бодрыми. Они шутили и непрерывно пританцовывали, одевались небрежно и норовили создать очереди возле каждого дешевого уличного солярия. А Варвара, как полагалось женщине с семьдесят пятого этажа, была томная, даже немного вялая. Эта специальная анемичность, неверность движений, манера говорить негромко и лениво считалась среди молодежи верхних этажей особенным шиком. В комплект достоинств входили красивые сильные плечи и необычайно высокие грудки, упругостью сходные с теннисными мячиками.

«У меня полно времени, — подумал Савелий. — Не свернуть ли на обочину? Не использовать ли даму по прямому назначению? Красивая девушка, все при ней, в редакции завидуют...»

На подъезде к Юго-Западной скоростной эстакаде — как обычно, как вчера и позавчера, как десять лет назад — глазам Савелия открылась огромная, в полнеба, ярчайшая (невозможно отвести взгляд) и при этом удивительно ненавязчивая, спокойных коричневых и зеленых цветов, голографическая инсталляция: стройная женщина с приятным лицом, бесконечно делающая один и тот же мягкий жест рукой, а над ней, под ней, сквозь нее, вокруг нее проступал, словно из воздуха, словно бы из самого здешнего жизненного уклада, основной лозунг, который уже много лет как объединял обитателей Москвы:

ТЫ
НИКОМУ
НИЧЕГО
НЕ ДОЛЖЕН.

И как обычно, как вчера и позавчера, как десять лет назад — Савелий улыбнулся и ощутил легкость. Все просто. Напиши в небе огромными изумрудными буквами простую фразу из пяти слов — и народ будет счастлив.

Здесь тебя все любят и ничего не ждут взамен. Здесь ты никому ничего не должен.

Никто никому ничего не должен. Никто не обязан. Никто не согнут под бременем необходимости.

На перекрестке Петросяна и Дубовицкой встали в заторе. К открытому по случаю теплого сентябрьского дня окну машины подбежал полуголый дилер, очень бледный, очень веселый, типичный травоед со стажем не менее чем в пять лет; грудь, спина и плечи сплошь покрыты давно вышедшими из моды трехмерными татуировками.

— Четвертая возгонка, — пробормотал он, улыбаясь.

— Уйди, — попросил Савелий.

— Недорого, — продолжал бледный поставщик радости. — Могу за наличные, могу по дружбе.

Савелий закрыл окно. «Кому нужна твоя дружба, убогий? Я — Савелий Герц, специальный корреспондент журнала "Самый-Самый", моего расположения ищут тысячи людей».

— Лично я, — заметила Варвара, — вообще никогда не разговариваю с бледными.

— По-твоему, они не люди?

Тем временем дилер, ничуть не смутившись, клоунской походкой направился к следующему экипажу, по пути поправляя болтающийся на поясе глушитель полицейских сигналов.

«Четвертая возгонка, — подумал Савелий. — Какая гадость». Вся московская богема уже год как не опускается ниже седьмой. И вот-вот обещают восьмую. А на девяностых этажах, в царстве самых богатых, уже в ходу девятая, и эта девятая возгонка, по слухам, — что-то уди-

вительное. Капсулы замаскированы под таблетки витамина А, одной дозы хватает на два дня, и использованы особые эффекты: ни при каких обстоятельствах ты не выглядишь травоедом. Не подпрыгиваешь от приливов энергии, не отпускаешь остроумные шуточки, не улыбаешься, не размахиваешь руками и трижды в день ешь обычную пищу, как добропорядочный гражданин. Но внутри себя — там, где твоя душа, в глубине «я», в голове, в сердце, — там тебе так хорошо, как никому никогда не было.

Еще говорят, что шеф Савелия и Варвары, издатель и главный редактор журнала «Самый-Самый», могущественный и отвратительный Пушков-Рыльцев, безжалостный разрушитель чужих карьер, потомственный обитатель девяносто первого этажа, в три слоя покрытый натуральным шоколадным загаром, блестящий столетний ум, уже полгода сидит на девятой возгонке.

Но это слухи, распространяемые завистниками. Савелию точно известно, что старик не употребляет.

Тронулись. В зеркале Савелий успел увидеть, как дилер отпрыгнул на тротуар и растворился в толпе.

Корреспондент журнала «Самый-Самый» Савелий Герц проезжал через этот перекресток уже несколько лет. Утром и вечером один и тот же человек продавал тут мякоть травы — сначала вторую возгонку, потом третью, теперь у него есть и четвертая, а через год, надо думать, появится пятая.

«Почему его никогда не арестуют? Почему, — поражался Савелий, — я — профессиональный журналист, персона, информированная донельзя, — не понимаю скрытых механизмов распространения главного зелья трех последних десятилетий? Почему в век тотального контроля, когда объективы двадцати пяти конкурирующих друг с другом полиций простреливают каждый метр пространства, когда каждый смертный с младенче-

ства имеет под кожей микрочипы, когда участники проекта "Соседи" сами с наслаждением контролируют собственную жизнь, — почему в то же самое время нищие бледные человечки, ничего и никого не опасаясь, на каждом углу готовы предложить тебе мякоть стебля в любых количествах? При том, что закон предусматривает десять лет тюрьмы за одну-единственную дозу?»

Ближе к центру Москвы трава пошла гуще. Находиться в тени было физически неприятно — Савелий прибавил ход.

Стебель рос на каждом свободном пятачке земли. Черно-зеленая чешуйчатая гадина двадцати пяти метров в поперечнике. И около трехсот метров высотой.

Стебли росли густо. Торжествующе покачивались на ветру. Отобрали все солнце. Заставили людей ощутить себя муравьями.

Савелий решил переключить мозги на что-нибудь более приятное и спросил:

— Как поживает твоя Маша?

— Кошмар, — тут же отозвалась Варвара, вчера просидевшая весь вечер в гостях у приятельницы; домой пришла после полуночи, пропахшая мартини и фруктовым кальянным дымом (сейчас Савелий с удовольствием понял, что она считает себя виноватой). — Эта авантюристка взяла пятизначный аванс за книгу «Как выйти замуж за сибирского китайца».

— Что же тут кошмарного?

Варвара засмеялась:

— А то, что она понятия не имеет, как выйти замуж за сибирского китайца. Позвонила одной случайной знакомой, которая замужем за миллионером, директором действительно китайского колхоза. Апельсиновым плантатором из Магадана. Попросила совета. А та говорит: дура, кто ж такие вещи рассказывает? И вообще, сказала, не звони сюда больше, потому что я теперь не Наташка

Гаврилова, а Цзин Шу, что в переводе означает «тихая березка» или что-то в этом роде...

— Ну и пусть вернет аванс, — сказал Савелий.

— Ха. Он уже потрачен. А книга — анонсирована.

— Тогда пусть эта великая сочинительница прочтет пару путеводителей, биографию Мао Цзэдуна и брошюру «Конфуций для "чайников"». Перескажет своим языком, остальное досочинит.

Варвара помолчала немного и возразила:

— Все равно нужен какой-то минимум конкретики. Хотя бы два-три реальных совета.

— Зачем? — удивился Савелий. — Чтобы выйти замуж за китайца, надо выучить китайский язык. Это минимум четыре года упорного труда. А дуры, желающие выйти замуж за сибирского китайца, не способны к упорному труду. Потому что хотят выйти замуж за китайца, именно чтобы не трудиться. Замкнутый круг! Твоя Маша ничем не рискует. Покупатели ее книги изначально не способны воспользоваться ее советами.

— О, — сказала Варвара. — Ты гений. Я немедленно звоню.

— Учти, я потребую долю с гонорара.

— Не выйдет. Наша беллетристка за копейку удавится.

— Тогда, — сухо ответил Савелий, — пусть и думает сама. Пятизначные авансы брать умеет — значит, пора научиться и мозгами шевелить. Я гляжу, в последнее время писательниц многовато стало. В собаку кинешь — в писательницу попадешь.

Варвара посмотрела на него и спросила:

— А чего это ты так расшумелся?

— Того, — грустно ответил Савелий. — Чтобы написать роман, Гарри Годунов, если ты такого помнишь, специально переехал с шестидесятого этажа на пятый, в сырость и плесень, в самый дикий район, в болото. К конченым травоедам. И бесследно пропал.

— Чтоб бесследно пропасть среди конченых травоедов, — возразила Варвара, — много ума не надо.

Савелий усмехнулся. Спорить не хотелось, он не любил спорить. Тем более с подругой. Один жестокий хитрец сказал, что в споре рождается истина, — сколько миллионов часов провели, бесполезно сотрясая воздух, те, кто ему поверил?

Он повернул с проспекта. Впереди, меж слегка изогнутых зеленых столбов, появилась конечная цель поездки, место работы Савелия и Варвары — колоссальная пирамида ультрасовременного административно-жилого комплекса «Чкалов».

Савелий вздохнул и включил радио.

«...Премьер-министр отметил, что индекс экономического благополучия поднялся на четыре процентных пункта, и особо подчеркнул, что нет оснований ожидать в ближайшее время замедления темпов роста благосостояния граждан. Контроль над финансовыми поступлениями из Восточно-Сибирской Свободной Экономической Зоны будет усилен. "Идеология абсолютного процветания предусматривает непрерывную индексацию рентных платежей с учетом инфляции и цен на основные продукты потребления. Китайцы будут работать и платить, а мы будем тратить и наслаждаться" — так премьер закончил свою речь. Выступление неоднократно прерывалось овациями... К другим новостям. Сегодня утром возле здания Министерства экономики состоялась мирная демонстрация сторонников освоения периферийных территорий. Собравшиеся — около двадцати человек — потребовали выделения средств и организации исследовательских экспедиций в Тверскую и Ивановскую области. Лидер собравшихся, известный популист Иван Европов, заявил, что ситуация, при которой все население России, страны с самой большой в мире территорией, сосредоточено

в одной только Москве, является абсурдной. Митинг сторонников господина Европова продолжался около часа и закончился стихийным банкетом... О культуре. В проекте "Соседи" продолжается беспрецедентный рост рейтинга популярности семьи Валяевых. Напомним, что Анастасия Валяева заявила сразу пятерым соискателям ее руки о своем согласии на замужество, причем двое из пятерых — отец и сын Гришко. В связи с этим рейтинг трансляций из апартаментов семьи Гришко также резко вырос. Как известно, лидером топ-листа по-прежнему остается семья Блоховатовых, где вчера состоялся крупный скандал по поводу раздела сумм, поступающих от спонсоров проекта. За трансляцией событий наблюдала аудитория в двадцать пять и семь десятых миллиона человек. Криминальная сводка. В Юго-Восточном округе Москвы вчера ночью группа злоумышленников пыталась произвести незаконную вырубку сразу четырех дикорастущих стеблей. Органами правопорядка задержано более ста участников акции, изъято и уничтожено семьдесят тонн субстанции, известной как "мякоть стебля"...»

Савелий поймал себя на том, что иронически кривит губы. Чепуха, а не новости. В наши времена процветают все, кроме журналистов. О чем писать? Об очередной эскападе этого болвана Европова? Если его так беспокоит периферия, Ивановская область или как там ее, — пусть сам едет в дикие дебри, лично исследует безлюдные пространства и заброшенные города, где некому жить и где уже полвека хозяйничают медведи и волки.

Впрочем, гражданский гнев профессионального журналиста Герца быстро угас. Не было желания гневаться в такой приятный день.

«Иногда, — подумал Савелий, — моя работа вступает в противоречие с содержанием моей жизни. Я очень люблю свою работу и терпеть не могу новости».

Автостоянкой на двадцать втором этаже дома «Чкалов» пользовались только те, кто в этом доме работал. Сейчас паркинг был почти пуст. Никто в Москве не работал до полудня. Только китайцы. Но у них имелись свои отдельные автостоянки.

У них имелись свои отдельные лифты, рестораны, увеселительные заведения, свои прачечные и зубоврачебные кабинеты. Только самые богатые выходцы из Восточно-Сибирской Свободной Экономической Зоны могли себе позволить жить в Москве, и эти миллиардеры жили не просто отдельно, но выше всех, на сотых этажах, в пентхаусах с полями для гольфа и вертолетными площадками. Почти все высотные дома в гиперполисе строились китайскими компаниями, из китайского железобетона и на китайские деньги. Даже самым оголтелым местным патриотам приходилось мириться с тем, что малочисленная китайская диаспора забирает себе лучшие места.

Савелий не считал себя оголтелым патриотом, он не любил завидовать и злобствовать, ему было все равно, где и как живут богатые китайцы. Он закрыл машину, подмигнул милицейскому объективу, взял Варвару за руку и пошел к лифтам.

По мере подъема из полутемного ущелья, где царствовали въевшиеся во все горизонтальные и вертикальные поверхности нездоровые запахи стоячей воды и горелой электроизоляции, по мере продвижения наверх, к солнцу и свету, Савелий стал переживать сначала бодрость, потом легкую, на пределе чувствительности, эйфорию, а затем и почти восторг. Хорошо было возноситься к небесам — туда, где лазурь и облака, — в бесшумном скоростном механизме. Хорошо было наблюдать подмигивание кнопок, подсвеченных нежно-сиреневым. Хорошо было впитывать льющуюся с потолка тихую музычку, немного сладковатую, но, в общем, изящно придуманную и жизнеутверждающую. И совсем здорово было вдыхать

запах стоящей рядом, вполоборота, здоровой молодой женщины — при том, что женщина считалась его, Савелия, невестой, любила его прямой и веселой любовью, и если бы сейчас он, предположим, с наигранно серьезным выражением лица ухватил ее за попку или даже (а что тут такого, черт побери?) запустил ладонь в ее штаны, оттянув ремешок из кожи питона, и поиграл пальцами в самых интересных местах, то женщина поощрила бы его покачиванием стана, смеживанием век и благодарной улыбкой.

— На шестидесятом этаже, — тихо произнес он, — есть новый экспресс-отель. Альковы с голосовым управлением. Давай забежим на полчасика.

— Нам не хватит полчасика, — возразила Варвара, и Савелий понял, что она размышляет о том же.

«Вдвоем думать одну и ту же мысль — это замечательно», — восхитился про себя корреспондент журнала «Самый-Самый».

— Мне — хватит. — Савелий улыбнулся.

— А мне — нет. Можем опоздать. Старик будет ругаться.

— На то он и старик.

Варвара вздохнула.

— Лучше потерпеть. Предлагаю просто зайти куда-нибудь и выпить.

На семьдесят седьмом, на уступе, они зашли в кафе, обожаемое снобами из окрестных офисов (в основном адвокатских бюро и резиденций крупных продюсеров). Тут обслуживали живые официанты и открывался неплохой вид на город: стебли, у самой земли мощные, покрытые наполовину омертвевшей чешуей, здесь, на высоте двухсот пятидесяти метров, гнулись под ветром и собственным весом, мерно покачивались, и Савелий, задрав голову, увидел их глянцево отсвечивающие ярко-зеленые верхушки. На семидесятых уровнях уже можно было

жить, тут сквозь зеленый частокол пробивались горячие солнечные лучи. У самой ограды, над пропастью, полуразвалясь, бездельничали завсегдатаи, отхлебывая воду «Байкал дабл-премиум» и наблюдая из-под руки за появлением и исчезновением в небе голографических реклам, обещающих по сходной цене все мыслимые и немыслимые наслаждения, начиная от подключения к проекту «Соседи» и заканчивая специальным предложением: два китайских «бентли» по цене одного, только в этом месяце и только для членов Партии Абсолютного Процветания.

Савелий подвинул спутнице кресло, сел сам, попросил свежевыжатого сока — дыня с апельсином (плюс особый тоник по специальному рецепту бармена, ингредиенты держатся в секрете), вытянул ноги, чтобы всем — а главное, ему самому — были видны его новые, удобно облегающие ступни туфли, зажмурился от удовольствия (небо, ветер, полдень, XXII век) и позвал:

— Варвара.

— Что?

— Я тебя люблю.

— Я тебя тоже. Только подвинься немного. Ты загораживаешь мне солнце.

— Слушай, — Савелий выполнил просьбу, — ты ведь писала диплом по русской литературе XX столетия.

— Это было давно.

— Помнишь выражение «лакировка действительности»?

— Смутно.

Савелий помолчал и выдал:

— А я его вижу.

— Что именно?

— Лак.

— Я тебя понимаю, — кивнула умная Варвара.

— Мне кажется, — Савелий сменил удобную позу на еще более удобную, — что все вокруг переливается.

— Ты просто выспался и отдохнул.

— Да. Смотри, какой смешной мальчишка.

— Не смешной, а модный. В этом сезоне все опять носят оранжевое и фиолетовое.

— А что носили в прошлом?

— Желтое и белое.

— А в позапрошлом?

— Лиловое. И трехмерные татуировки.

Герц тут же вспомнил чумазого дилера, давеча предлагавшего на перекрестке запрещенную дрянь, и ощутил угрозу личному психологическому комфорту.

«Надо реже бывать внизу, — решил он. — И ездить на работу, как все нормальные трудящиеся, по платным эстакадам на высоте двадцать пятого уровня. Дороговато, зато ты избавлен от необходимости наблюдать своих бледных соотечественников, обожравшихся мякоти, хихикающих, грязных, а главное, весьма многочисленных. Да, удручает не их вид, а именно количество. Причем бледных все больше. Это заметно всякому внимательному человеку...»

— Отличный день. — Он опять улыбнулся Варваре, снова перенастраивая себя на получение удовольствия. — У меня появилось вдохновение. Предлагаю выпить по бокалу шампанского. И пойдем. Сегодня нельзя опаздывать.

— Шампанское? — задумчиво протянула невеста. — В полдень? В понедельник? Нет. Мне воспитание не позволяет.

— Как хочешь. — Савелий встал, оттолкнувшись ладонями от подлокотников и успев отметить силу своих мышц-разгибателей. Прекрасные мышцы-разгибатели, прекрасное кресло, прекрасное утро.

Его подруга строила свою жизнь в рамках статуса «серьезной девушки из хорошей семьи», и ее любимая форма отказа предусматривала ссылку на «воспитание». Тем

самым, считала Варвара, элегантно подчеркивалась ее независимость от мужчин. За спиной невесты Савелия Герца всегда словно маячили любящие, финансово благополучные папа и мама, а также апартаменты в двенадцать комнат, с бассейном, зимним садом и живыми слугами. На самом деле, Савелий знал доподлинно, Варвара секретно презирала родителей за склонность к мещанству и с семнадцати лет жила отдельно. Дважды сходила замуж (обошлось без детей), собиралась посвятить жизнь сначала юриспруденции, затем борьбе за экологию, а потом дизайну и ваянию, пока не приземлилась в редакции ежемесячника «Самый-Самый», где выросла в первоклассную журналистку. Она надевала смелое платье, «включала леди» (ее собственное выражение) и добивалась откровенных интервью от таких людей, которые регулярно публично мамой клялись, что интервью никогда никому не дадут.

Сейчас Савелий и его женщина шли работать. Пробирались, подмигивая незнакомым и обмениваясь шуточками со знакомыми, сквозь благодушную нарядную толпу, где о работе думал примерно один из десяти. Даже на семьдесят седьмом этаже трудились только идеалисты-фанатики и те, кто очень любил деньги. Остальные твердо знали, что работать — удел китайцев. А жители Москвы родились, чтобы наслаждаться жизнью. В XXII веке гражданин России никому ничего не должен.

Савелий Герц тоже знал, что никому ничего не должен, и тоже очень любил наслаждаться жизнью (этому учили в школе мудрые и терпеливые педагоги), но он происходил из незначительной прослойки общества, когда-то называемой «интеллигенцией», а среди ее уроженцев считалось хорошим тоном что-то делать, утруждать себя ради общественной пользы, подталкивать прогресс. Савелию сызмальства внушили презрение к праздности.

Варвара же много раз признавалась, что ей плевать на общественную пользу, она работает только потому, что некуда девать энергию.

Несмотря на разницу в происхождении и во взглядах, они отлично ладили.

Выше поднимались не на лифте — на особом самодвижущемся эскалаторе. Медленнее, зато интереснее. Веселая беззаботность семидесятых этажей сменилась чопорностью и спокойными цветами восьмидесятых. Сюда бездельникам вход был заказан — неработающему гражданину восьмидесятые уровни были просто не по карману. Здесь почти все занимались делом либо проживали родительские капиталы — но тоже осторожно и с умом. Никто не пританцовывал и не торчал по полдня в массажных салонах, торговых галереях и экспресс-отелях. Здесь кое-кто выглядел мрачным. Можно было услышать брань и возгласы досады. Здесь квартировали крупные торговые компании, продающие нищим европейцам лес и байкальскую воду, а в шикарных кабинетах стряпали свои делишки посредники, распределяющие денежные «ручейки», поступающие через правительство из китайской Сибири. Распределители не «ручейков», но «рек» и «морей» сидели, разумеется, на девяностых уровнях: там, выше верхушек самых высоких стеблей, наслаждалась солнечным светом элита Москвы — самые богатые, самые влиятельные, самые ловкие и самые страшные люди.

На восемьдесят третьем они прошли через зал, устроенный так, чтобы всякий попавший сюда человек проникался специальной благородной меланхолией: негромко журчала вода в фонтанах, и подле высокотехнологичных каминов с живым огнем в глубоких креслах сидели дочерна загорелые мужчины и женщины, озабоченные не расходованием дармовых китайских денег, а их приумножением. Улыбаясь друг другу, они демонстрировали зубы, покрытые, по последней моде, ярко-красным лаком.

Савелий толкнул дверь из карельской березы, пропустил вперед Варвару и вошел в помещение редакции одиозней-шего, скандальнейшего и популярнейшего московского журнала «Самый-Самый».

2

Всякий переступивший порог редакции первым делом видел местную достопримечательность — известное всей Москве кресло чиппендейл, крытое лоснящейся кожей. Сделанное на заказ, оно было ровно в два с половиной раза больше, чем любое другое обычное кресло. Три метра высотой. Героев очередного номера журнала фотографировали в лоне гиганта либо на его фоне: это считалось честью, при том что персонажи интервью, по контрасту с циклопическими подушками и подлокотниками, выглядели, как правило, малолетними хулиганами либо девочками-хорошистками с плотно сжатыми коленями. Посредством уникального кресла здесь культивировалось парадоксальное остроумие: мы напишем, что ты самый-самый, но увековечим в виде дурака. Согласишься — стало быть, ты и есть настоящий, стопроцентный самый-самый.

Савелий и Варвара прошли дальше, в залитый светом общий зал. В редакции презирали кабинетную систему, люди работали на глазах друг у друга. В сотрудника, ведущего сверхважную телефонную беседу, могли бросить комком бумаги или апельсиновой кожурой. Во-первых, чтобы расслабился, а во-вторых, чтобы не забывал: нет и не бывает ничего сверхважного. Есть только самое-самое и все остальное.

Здесь, в ожидании начала еженедельного совещания, собрался мозговой центр скандального еженедельника. Те, кто, собственно, и создавал каждый номер. Маленькая Валентина Мертваго, редактор отдела новостей, и два

журналиста-универсала: Пружинов, узкий брюнет с холодным взглядом, безжалостный сноб, знаменитый сумасшедшей работоспособностью, и его антипод Гоша Деготь — неряшливо одетый, с потухшим взглядом. Оба маэстро — вместе с Савелием и Варварой — тянули на себе всю творческую часть: интервью, репортажи, аналитику, но если блестящий Пружинов только набирал вес и считался в профессиональном сообществе первостатейной восходящей звездой, то Гоша Деготь, хоть и выдавал шедевры, быстро скользил в обратном направлении. Много пил и недавно пережил развод. Сейчас он единственный из всех не улыбнулся вновь прибывшим.

У стены на стуле пристроился смутно знакомый Савелию мальчишка с оранжевыми волосами. Герц сообразил, что именно эти волосы обсуждал с Варварой полчаса назад в баре на семьдесят пятом уровне.

— Наконец-то, — звучно провозгласил Пружинов. — Старик без вас не хочет начинать.

Тут же из-за полуоткрытых дверей конференц-зала послышался скрипучий фальцет:

— Что там? Соизволили прибыть наши голубки?

— Так точно! — крикнул Герц.

— В задницу твое «точно»! Заходите, начнем.

Все, включая загадочного юношу, торопливо вскочили и прошли, едва не толкаясь локтями, в соседнее помещение, где во главе стола в новейшей китайской инвалидной коляске поджидал свою паству, своих детей, своих рабов маленький старик со скрюченным телом мумии. Два десятка длинных волос, уцелевших на сером, в пятнах пигментации, черепе, были забраны сзади в косицу, непомерно длинные пальцы, лежащие на ручках управления, хищно шевелились. Сколько ему лет — знал только он один, официальный возраст был сто три года.

Шеф-редактор и владелец журнала «Самый-Самый» Михаил Евграфович Пушков-Рыльцев выглядел как чело-

век, в юности сочинявший стихи о любви, но однажды резко завязавший со стихами, любовью и юностью. В гостиной его квартиры — Савелий сам видел — за антикварным ломберным столиком сидели голые по пояс голографические модели Зигмунда Фрейда и Карла Маркса — играли в «Монополию» на щелбаны.

Глядя в огромное окно, шеф ждал, пока все рассядутся.

Гоша Деготь дернул Савелия за рукав и прошептал:

— Ты мне сегодня нужен. Вечером. Приезжай. Только обязательно.

— Что случилось? — осторожно поинтересовался Герц.

— Ничего. Но это очень важно.

Савелий уловил запах перегара. Удержался — и от того, чтобы поморщиться, и от того, чтобы удивленно поднять брови. «Очень важное ничего». Как раз в стиле нынешнего Гоши.

— Герц! — каркнул Пушков-Рыльцев. — Прими вправо! Ты загораживаешь нашему трезвеннику солнце.

Гоша Деготь побагровел. Сидящая напротив Варвара поджала губы, чтобы не улыбнуться. Незнакомый мальчишка, наоборот, улыбался во весь рот.

— Все понял, — сказал Савелий Гоше. — Я приеду. Извините, шеф.

— Сам ты шеф, — отбил Пушков-Рыльцев.

— Я не шеф, — мирно возразил Герц.

— Тогда сиди и не хрюкай.

Пружинов фыркнул.

— Начнем, — провозгласил старик.

* * *

Гошу Дегтя в редакции жалели и презирали. Именно в такой последовательности. По крайней мере сам Савелий, завидев угрюмого сутулого Гошу, испытывал сначала сильную жалость — как если бы Гоша имел какой-либо

физический недостаток типа косоглазия, — а потом, сразу, столь же сильное презрение, поскольку Гоша в своем косоглазии был сам виноват.

Семь лет назад Гоша вступил в экспериментальный проект «Соседи». По заданию редакции. В квартире Гоши установили пятьдесят миниатюрных видеокамер. Наблюдать за подробностями Гошиной жизни, включая самые интимные детали, мог любой участник проекта «Соседи». И наоборот, сам Гоша, включив телевизор, получал доступ к первоклассным цветным трансляциям из квартир нескольких тысяч прочих участников затеи. Проект был коммерческим: семьи, чье существование вызывало интерес у наибольшего количества наблюдателей, попадали в особый рейтинг и получали от спонсоров одежду и бытовую технику.

Гоша Деготь считался зубром журналистики. Его первые статьи о проекте «Соседи» взахлеб читала вся Москва. Гоша стал подтянут, красиво одевался, бросил пить и сквернословить. Еще бы, ведь за ним круглосуточно наблюдали (надо сказать, что отказ от ругани дался ему с трудом — журналисты все страшные матерщинники). Гоше завидовали. Спустя год проект разросся и стал бешено популярным. В «Соседи» записывались десятками тысяч — в основном нижние этажи, бледные слои населения. Число преступлений на бытовой почве резко сократилось. Органы правопорядка торжествовали. За первые три года в проект вошли две трети населения гиперполиса. Гоша Деготь издал книгу «Я ваш сосед», затем еще одну, обе стали бестселлерами. Однако на исходе третьего года со звездой журналистики что-то произошло. Поведение звезды изменилось. Когда-то ухоженный импозантный мужчина, само обаяние и остроумие, он перестал следить за собой, не причесывался и избегал появляться в собственном доме — проводил время или на работе, или в баре за стаканом алкоголя.

В то время в рейтинге «Соседей» первое место стабильно занимала семья Петуховых: агрессивный папа Петухов, истеричная мама Петухова, бабушка-алкоголичка и три взрослые дочери, все нимфоманки. Женихи дочерей непрерывно менялись, букмекерские конторы принимали ставки на срок сожительства с тем или иным молодым человеком. Никто из семьи давно нигде не работал и вообще не покидал обширной квартиры — входную дверь открывали, только чтобы принять от спонсоров очередную кофеварку. Однажды, спустя неделю после грандиозного банкета, посвященного пятой годовщине проекта, папа Петухов — к тому моменту миллионер в рублях, долларах и юанях, — дождавшись прайм-тайма, забаррикадировал окна и двери, взял топор и с криками: «Я не Петухов, я — Раскольников!» — зарубил насмерть и жену, и бабушку, и трех дочерей. Казнь смотрела рекордная аудитория в восемнадцать миллионов. Пульт оперативного дежурного по городу сгорел от пяти миллионов одновременных входящих звонков.

По личному приказу тогдашнего премьер-министра проект «Соседи» был закрыт.

Следующий месяц вошел в новейшую историю страны как «кровавый июль». Около тысячи человек, бывшие участники проекта, главным образом люди преклонного возраста, покончили с собой, более пяти тысяч объявили голодовку, десятки тысяч вышли на улицы. Премьер лишился кресла. Проект возобновили. Интеллектуалы с семидесятых и толстосумы с восьмидесятых этажей презирали «Соседей». Само слово стало бранным, за невинное когда-то обращение «сосед» можно было получить по физиономии. Но семью Петуховых сменила в топ-сто другая, столь же достойная, семья.

Гоша Деготь, давно вышедший из проекта, весь последний год писал книгу «Нет, я не ваш сосед!!!», но вдох-

новение покинуло мэтра, а издатели не проявляли интереса, поскольку всерьез связываться с «Соседями» никто не хотел. Система, где граждане сами с наслаждением подглядывают друг за другом, была выгодна всем. Одно время поговаривали, будто создатель «Соседей» — глава акционерной компании «Двоюродный брат» миллиардер Голованов — вот-вот получит государственную премию.

Савелий не любил тех, кто жалеет себя. А Гоша Деготь — когда-то отличный малый — теперь только и делал, что вздыхал и заглядывал всем в глаза, ища сочувствия. Его карьера была погублена. Едва он отваживался опубликовать очередной материал — хотя бы невинный репортаж с выставки декоративных собачек, — как интеллектуалы заваливали редакцию письмами с требованиями вышвырнуть «этого соседа» вон. Телевизионщику Маркину, ведущему программы «Кумиры прошлого», Гоша едва не сломал шею в ответ на предложение поучаствовать.

Дело осложнялось тем, что Савелий был товарищем Гоши Дегтя.

— Господа! — провозгласил старик, грубо откашлявшись. — Прежде чем начнем, я сделаю сообщение. Нашего полку прибыло. В журнале новый сотрудник. Знакомьтесь. Филипп.

Мальчишка откинул со лба оранжевую прядь, встал и кивнул. Юный, гладкий, загорелый, пахнущий ультрамодной туалетной водой «Солнце страсти». Волосы до плеч, удлиненное лицо со слабыми, но все же заметными признаками вырождения, фиолетовая рубаха с интерактивными аппликациями — эдакий индустриальный херувим.

— Четвертый курс университета, — продолжил шеф, — отличник и прочее. Взят на испытательный срок. Кликуха его будет Филиппок. Ты не против, о прекраснейший?

Новичок покраснел и опустил глаза.

— Чудненько, — провозгласил Пушков-Рыльцев и поморщился (видимо, тоже унюхал тяжелый аромат, специально рассчитанный на семнадцатилетних девочек, обожающих шоколадки и песенки в исполнении томных блондинов). — Итак, сначала о главном. — Старик вздохнул и задрал подбородок. — Камрады! Завтра у нас большой день. Юбилей! Нам тридцать лет! А через две недели мы должны сдать праздничный номер. И это, — шеф обвел паству тяжелым взглядом, — будет сумасшедший номер. Бешеный. Не имеющий, черт побери, аналогов. Насчет полиграфии я уже договорился, у нас будет обложка с трехмерной графикой и каждая страница — с отдельным запахом... Но про всю эту ерунду — потом. В данный момент меня волнует содержание. Сейчас каждый из вас встанет и выскажет гениальную идею. Другие не принимаются. Только гениальные. Начнем с дам-с. Валентина, прошу.

Валентина переглянулась с остальными и тихо произнесла:

— Пусть скажет Варя.

— Да, лучше я. — Варвара встала и прижала руки к груди. — Идея есть. Одна на всех. Мы вместе думали несколько дней. Идея такова. Михаил Евграфович! Весь юбилейный номер будет посвящен вам.

Коллектив энергично зааплодировал, причем громче всех хлопали Пружинов и новичок. Но Пушков-Рыльцев, сначала изумленно вскинувший мохнатые брови, одним мановением ладони установил тишину.

— Мне? — с отвращением переспросил он. — Что за бред? То есть я вас понимаю, ребятки, спасибо и так далее, но это невозможно. Варя, сядь. Следующий!

— Это не я придумала, — проигнорировав распоряжение, звенящим голосом произнесла Варвара. — Это общее решение. Каждый из нас напишет про вас текст. Далее — фоторепортаж о вашем кабинете, о вашей квартире...

— Общее решение? — перебил старик. — Вы все заодно, значит?

Коллектив расцвел улыбками. Старик выкатился из-за стола, подрулил к стене и резко развернул кресло. Сделался хмур.

— В задницу общее решение. Этого не будет.

— Но почему? — воскликнула Варвара.

— Потому что, дети мои, журналюга не может писать о самом себе. Это неэтично. Я не могу допустить, чтобы мой собственный журнал публиковал обо мне статьи.

Пружинов поправил шикарный галстук.

— Мы решили, что сейчас — особый случай.

— В задницу такой случай.

Варвара села, шумно двинув стул.

— Мы настаиваем, — решительно заявила Валентина и посмотрела на Филиппка.

Тот энергично кивнул.

«Тебя пока никто не спрашивает», — раздраженно подумал Савелий.

Тем временем старик грустно вздохнул и произнес:

— Значит, бунт на корабле? Послушайте меня, мальчики и девочки. Для широкой публики я уже давно не существую. Каждый из вас мог заметить, что я подписываю псевдонимом даже колонку редактора. Знаете, что будет, если выйдет номер, целиком посвященный мне, грешному?

Над столом воцарилось молчание. Савелий понял, что у каждого есть свой вариант ответа и каждый решил оставить его при себе.

— Будет вот что, — желчно продолжил Пушков-Рыльцев. — Люди удивятся и скажут: «Надо же! Оказывается, этот старый пердун еще жив!»

Юный стажер, не привыкший, разумеется, к манерам шефа, не выдержал и рассмеялся.

— Правильно, Филиппок! — воскликнул старик. — Это смешно! Я стар, я инвалид, я пукаю мхом и никому не интересен. Мне не нужна слава и портрет на обложке. Поэтому вашу общую идею я отметаю как неконструктивную. Материал о столетнем маразматике не укрепит наши позиции на рынке качественной прессы. Давайте что-то другое.

Сотрудники безмолвствовали.

Заговор был устроен еще неделю назад. Идейными вдохновительницами выступили редакционные дамы. Уговорились твердо стоять на своем и убедить патриарха любыми путями. Но сейчас все рухнуло: патриарх, как всегда, в две минуты подавил всех силой авторитета.

Савелий подождал несколько мгновений и заявил:

— У нас нет других идей. Мы хотим написать о вас, и только о вас. Потому что вы, Михаил Евграфович, и есть настоящий самый-самый. Уступите нам. Позвольте сделать то, что мы задумали.

— Нет, — ответил старик. — Еще одно слово на эту тему, и все присутствующие, кроме юного дарования, будут немедленно уволены.

Тишина стала гулкой, почти невыносимой. Потом Варвара — девушка дерзкая — швырнула на стол карандаш, достала из сумочки зеркало и демонстративно занялась рассматриванием собственных губ.

— Раз других идей нет, — спокойно продолжил Пушков-Рыльцев, снова подъезжая к столу, — слушайте мою идею. Мы найдем героев предыдущих юбилейных номеров, и не только юбилейных — всех наших лучших, ударных номеров, — и напишем о том, как сложилась их жизнь спустя десять или двадцать лет.

— Отлично! — тут же воскликнул Пружинов.

Присутствующие немедленно прожгли его взглядами.

— Кто еще согласен? — спросил шеф. — Ну? Я жду.

— Все, — вздохнул Савелий. — Все согласны.

— Тогда приступим к распределению задач. Я просмотрел вчера весь архив. Кое-что нашел. Первое: был когда-то такой юноша, Гарри Годунов, он написал роман и прогремел. Наш журнал писал о нем подробно. Потом гений объявил о начале работы над новым опусом и исчез.

— Не исчез, — поправил Савелий. — Переехал на нижние этажи. Стал употреблять мякоть стебля... и погубил себя. Он был моим товарищем. Это я писал о нем.

Старик кивнул:

— Найди его и узнай, что с ним.

— Я и так знаю. Он деградировал.

Пушков-Рыльцев пошевелил остатками бровей.

— Это не ответ. Что значит «деградировал»? До какой степени? Может, он специально деградировал, чтобы описать свои ощущения. Может, именно сегодня он поставил точку в книге, которую писал все эти годы, и сейчас, всеми забытый, прикидывает, как ему информировать человечество о своем новом великом творении. Разыщи его.

Савелий кивнул и посмотрел на подругу. Варвара показала ему кончик языка.

— Дальше, — грянул Пушков-Рыльцев. — Был бизнесмен, придумал продавать горячие чипсы. Мы о нем писали. Разбогател неслыханно...

— Это был мой герой, — подал голос Гоша Деготь. — Отдайте мне. Только он скучноват для юбилейного номера.

— Вообще-то, — сказал шеф, — для тебя, Деготь, у меня особое задание. Я хотел, чтобы ты пошел к Евгению Голованову, главе корпорации «Двоюродный брат» и создателю проекта «Соседи»...

Гоша Деготь побелел и задрожал. Пушков-Рыльцев улыбнулся.

— Ладно-ладно. Я пошутил. В «Двоюродный брат» пойдет Варвара. Разведка донесла, господин Голованов любит сексуальных брюнеток.

Варвара покраснела.

— Только тебе, маманя, — невозмутимо продолжил старик, — придется сделать чудо. Потому что Голованов, хоть и свинья тщеславная, меня ненавидит и уговорить его будет нелегко.

— Мне что же, — осведомилась Варвара, — заплатить за интервью натурой?

— Обсуди это с женихом, — хмыкнул Пушков-Рыльцев. — Но Голованов в юбилейном номере мне очень нужен... Следующий кандидат — некто Глыбов, по прозвищу Продавец Солнца. Создал сеть соляриев для малоимущих. Мы писали о нем десять лет назад, ему тогда было только двадцать девять.

— Я возьму, — вызвался Савелий. — С бизнесменами у меня хорошо получается.

Старик благосклонно кивнул, поморщился от резкого приступа некой стариковской хвори, перевел дух и продолжил:

— Наконец, главное. Когда все вы еще ходили в детский сад, в первом номере своего журнала я делал материал про доктора Смирнова. Это великий человек, чтоб вы знали. С ним я поработаю сам. Только мне нужны его координаты. Чтоб через час адрес и телефон лежали у меня на столе. Пока все.

— А мне что? — спросил Пружинов.

Пушков-Рыльцев пожевал губами.

— Тебе — специальное задание редакции. Будешь готовить банкет. Найди хороший кабак, где-нибудь на девяносто пятом уровне. Договорись, заплати, согласуй меню. Скажи там, чтоб не расслаблялись. Будет гулять журнал «Самый-Самый», и мы не потерпим на нашем торжестве коньяка моложе пятидесяти лет. — Шеф-редактор набрал в грудь воздуха. — Чтоб завтра все были при параде! Мальчики при бабочках, девочки при декольте.

— Спереди или сзади? — поинтересовалась Валентина.

— Глупый вопрос. И там, и там! Минимум одежды — максимум надежды! Что, Филиппок? Я прав?

— Да, — отозвался новичок.

— Отлично. Напоследок давайте пробежимся по новостям. Огласите сводку. Сенсации, скандалы, небо упало на землю, китайцы ушли из Сибири с извинениями — есть что-нибудь?

— Сводка скучная, — подала голос Валентина. — Я кое-что нашла, но...

— Говори.

Валентина раскрыла папку из настоящей бумаги (в шикарных редакциях — а редакция журнала «Самый-Самый» считалась в Москве самой шикарной — не было принято использовать пластик), тоненько прокашлялась и начала:

— Регулярный авиарейс «Чикаго — Москва» отменен по требованию американской стороны. По новым, только что вступившим в силу стандартам каждый аэропорт, где принимаются самолеты из США, должен быть оборудован специальными дверями и проходами шириной не менее семи футов, чтобы граждане США не застревали при движении. В очередной раз подчеркивается, что в случае застревания Соединенные Штаты готовы послать для спасения своего гражданина авианосец. У американской стороны есть претензии и по туалетным помещениям: прочность и пропускная способность сантехники должна быть увеличена.

— Интересно, — хмыкнул старик. — Я это обдумаю. Дальше.

Валентина опять прокашлялась.

— В топ-сто проекта «Соседи» взлет недели...

— В задницу «Соседей», — перебил Пушков-Рыльцев и повернулся к Гоше Дегтю: — Правда, Гоша?

Деготь кивнул.

«Зря он так», — подумал Савелий о шеф-редакторе.

— Дальше, — потребовал босс.

— В клубе «Сома» представлен новый проект: журнал «Форбс» для младшего школьного возраста.

— Интересно. Пусть туда сходит Филиппок. Материал сделать в критическом ключе. Максимум сто строк. Дальше.

— В третий раз за год осквернена могила Иосифа Сталина, органы следствия подозревают изъятие тканей с целью клонирования. Как известно, на сегодняшний день на учет поставлено семьдесят два кустарных клона Сталина — все они могут произносить только три слова: «Братья и сестры»...

— Старый анекдот, — с отвращением поморщился шеф-редактор. — Вдобавок — вранье. Я беседовал с одним из клонов Сталина три часа. Умнейшее существо. Только курит много. Дальше.

— Неделя до премьеры нового фильма «Страсть и гнев», в главной роли Анжелина Лоллобриджида, беспрецедентный актерский состав, задействованы модели седьмого поколения. Обещаны боевые сцены с участием моделей Керка Дугласа, Джеки Чана и Михаила Пореченкова, в эпизодах модели Митхуна Чакроборти, Марлен Дитрих, Энтони Хопкинса и Георгия Вицина.

— В задницу такие фильмы. Что есть из сибирского корпункта?

— От китайцев — только официальные сводки. Рекордный урожай зерновых, введен в действие новый завод по производству...

— В задницу. Дальше.

Все знали, что Пушков-Рыльцев не любит китайцев. И даже ходили слухи, что владелец журнала «Самый-Самый» воевал в Сибири. Поговаривали, будто именно китайская пуля, попав в позвоночник, лишила подвижности нижнюю часть тела шеф-редактора.

Валентина закрыла папку.

— Это все.

— Негусто, — проскрипел старик. — Ладно. Теперь, — он сипло вздохнул, — все встают, выходят отсюда и начинают действовать. Герц!

Савелий вздрогнул.

— Останься.

Пушков-Рыльцев терпеливо подождал, пока последний выходящий — новичок Филиппок — закроет двустворчатую тяжелую дверь. Со спины у стажера оказалась немного бабская фигура — вялые плечи против тяжелой задницы.

— Что у тебя за дела с Дегтем?

Савелий выпрямил спину.

— Он мой товарищ. Вот и все дела.

— Держись от него подальше. Он пьет.

— Это его дело, — спокойно отозвался Савелий.

— И мое тоже. И твое. — Старик подождал возражений, не получил их и объявил: — Кое-что меняется. Я передумал. Тебе придется сходить к доктору Смирнову. Это мой старинный приятель, я позвоню ему и договорюсь.

Герц кивнул:

— Сходить — это легко. Но тогда получится, весь юбилейный номер будет написан одним только мною.

Старик удивился:

— А что тут такого? Я начинал журнал в одиночку. Тебе будет полезно. Покрутись, побегай. Пожертвуй этим, как его... персональным психологическим комфортом.

С какой стати чем-то жертвовать, подумал Савелий.

— Это будет, — продолжал старик, — твой, хе-хе, дембельский аккорд. Знаешь, что такое «дембельский аккорд»?

— Нет.

— Ну и ладно. А вечером, ровно в девятнадцать тридцать, будь здесь. В редакции. Надо поговорить. Отмени все дела. Не опаздывай. — Пушков-Рыльцев игриво подмигнул (эта игривость была ужасна, так мог бы ухмыляться тираннозавр) и добавил: — А то испортишь себе жизнь на много лет вперед.

Покинув конференц-зал, озадаченный Савелий нашел коллег в дальнем помещении редакции, приспособленном для перекуров, чаепитий и уединенных посиделок. Как обычно, по окончании оперативного совещания сотрудникам требовалось время, чтобы прийти в себя. Столетний шеф-редактор распространял вокруг себя слишком мощные энергетические волны.

Впрочем, к моменту прихода Герца монстры журналистики, вполне расслабленные, развлекались тем, что допрашивали новичка.

— ...Он мне говорит: закончи университет! — рассказывал румяный Филиппок. — Я говорю: зачем? Я и так все знаю. И уже приглашен работать в солидное место. Мне, говорю, надоело учиться. Потом доучусь. Года через три или четыре. А он: нет, ты должен получить диплом. Я ему: папа, я никому ничего не должен. А он обижается...

— Но ты действительно никому ничего не должен. — Варвара блеснула глазами.

— Естественно! Но папа... Ему восемьдесят лет, он человек из прошлого. Я всю жизнь от него слышу: ты должен это, ты должен то... Я тебя растил, я тебя кормил... Я ему говорю: папа, ты не обязан был меня кормить, меня бы в любом случае прокормило государство...

«Приятный парень», — подумал Савелий, а вслух произнес:

— Тяжело тебе с папой.

— Не то слово! — воскликнул мальчишка. — Однажды он посмотрел один из моих учебников. «Основы тео-

рии абсолютного процветания». Заплакал, представляете?! Пытался порвать книгу. Думал, она — бумажная.

— А на каком этаже ты живешь? — спросил кто-то с дальнего конца стола.

— Ну, я родился на шестьдесят первом. Сейчас снимаю на пятьдесят седьмом, на двоих с подругой.

Савелий и Варвара переглянулись. Вокруг раздались вежливые вздохи.

— Хороший этаж, — похвалила Варвара. — Скромно и со вкусом. А чем занимается твоя... э-э... девушка?

— Пока ничем. Дома сидит. У нее родители — «соседи», она выросла под объективами. А квартира, где мы сейчас живем, не подключена. И теперь у нее депрессия. Все время на меня рычит, ругается... Жалуется, что я ей солнце загораживаю... Говорит, без «соседей» невыносимо. Ей кажется, что она никому не нужна, всеми брошена и так далее. Я объясняю, что «соседи» — игрушка для бледных, а она обижается.

— Сходи к участковому психотерапевту.

— Ходил. Врач сказал, что это зависимость. Отвыкание займет несколько месяцев, потом станет легче. В крайнем случае посоветовал подключиться... Сказал, что сам — «сосед» с большим стажем.

— Все психотерапевты — «соседи» с большим стажем, — тихо заметил Гоша Деготь.

— Отвези свою девушку отдохнуть, — посоветовал кто-то. — В Европу.

Филиппок покачал головой:

— Там еще хуже. Я два раза ездил. Больше ни ногой. Скучно, грязно, все голодные, все бледные. Или работают с утра до ночи, или попрошайничают. По пять раз в день умоляют продать немного мякоти стебля. У них это называется «русская трава». Или «кремлевская». Дурацкие вопросы задают. Думают, мы тут, в Москве, сами растим эту траву для собственного удовольствия.

Завидуют страшно... Нет, я больше не поеду. И подруга не поедет.

Над столом опять пронесся вздох.

— Извини, Филипп, — мягко прервала его Варвара. — Ты хороший мальчик, но тебе не следует употреблять слово «подруга». А тем более — «друг» или «дружба»... На верхних этажах так не принято.

Студент покраснел, улыбнулся и тряхнул головой.

— Понял. Прошу прощения. Нельзя ли мне еще воды? Обожаю «экстра-премиум».

— Ее нам поставляет рекламодатель, — со значением произнес Пружинов. — Теперь, юноша, вы будете пить ее каждый день.

Филиппок восторженно рассмеялся.

Мысленно планируя день, Герц вышел в общий зал — к этому времени уже заполненный чернорабочими журнального дела: секретаршами, верстальщиками, координаторами фотосъемок и самими фотографами, главным образом переутомленными, но разбитными юношами в богемных свитерах, — и прошелся из угла в угол. Его аккуратно обходили, боясь задеть и потревожить. Молодежь давно считала его мэтром и обращалась по имени-отчеству, с легким поклоном, что, кстати, немало помогло Савелию в период покорения сердца своенравной и насмешливой девушки Варвары.

«Неплохо было бы, — подумал он, — отловить сейчас своенравную и прижать где-нибудь в углу, для забавы и вящей эмоционально-гормональной подпитки». Но Варвара, окруженная помощниками, уже была сама не своя — настоящая деловая женщина. Герц только махнул ей рукой на прощание, а сбоку референтка с личиком старательной дуры (впрочем, вполне приятная) уже протягивала ему листок с адресом места первой встречи — интервью подготовлено, с клиентом со-

звонились и договорились, очертили круг вопросов, которые желательно затронуть, а также вопросов, которые затрагивать нежелательно. Осталось поехать и сделать дело.

3

В детстве Савелий играл в сибирских партизан.

Все мальчишки играли в сибирских партизан. Сибирские партизаны были в моде. Точнее, не сами партизаны, а игры в сибирских партизан. Самих партизан мало кто видел даже в Сибири. Не говоря уже о Москве. Но Савелий играл.

Он воображал себя неутомимым, жующим вяленую медвежатину. Он скрывался в тайге, он возглавлял маленький надежный отряд, он наводил ужас на жадных, суетливых, одуревших от опиума китайцев, считающих, что земля, куда их временно пустили пожить, принадлежит им.

Правда, отец — старый гуманитарий — иногда пытался объяснить Савелию, что двести миллионов китайцев живут в Сибири не бесплатно, что они ежегодно платят огромные деньги и именно эти китайские деньги являются основой невиданного в мировой истории благосостояния российского народа. А главное, отец повторял, что до прихода китайцев Восточная Сибирь была диким полем, а теперь там — цветущие сады, заводы и фабрики. Где русский человек не сподобился вырастить картофельный клубень, китаец теперь растит апельсины.

Савелий намазывал китайское масло на китайский хлеб, его возили в школу на китайском автомобиле, он сидел за китайской партой и учил науки по учебникам, отпечатанным на китайской бумаге.

Китайцы умели делать все. Они работали с утра до ночи и еще аккуратно платили за то, что им позволили

работать на чужой территории. Поэтому никто не любил китайцев. И сибирские партизаны были очень популярны.

В самой же Китайской Народной Республике, несмотря на ее никем не оспариваемое лидерство в мировой экономике, не все было гладко. Полвека назад, в начале пятидесятых, наконец произошло накликанное учеными таяние полярных льдов, то самое ожидаемое всеми глобальное потепление, которым пугали детей еще в XX веке; Китай потерял почти двадцать процентов своей территории. Ушли под воду все стратегически важные порты, включая Гонконг, Шанхай, Циндао, Далянь, Тянцзинь, Ляньюньган, Фучжоу, Шантоу, Нинбо и Сямэнь. Правительство Поднебесной развернулось лицом в сторону северного соседа. Заговорили о великой дружбе, восходящей ко временам Сталина и Мао.

Северный сосед переживал странные времена. К началу последней трети XXI века население России сократилось до сорока миллионов. Это сильно уязвляло национальную гордость граждан — но не до такой степени, чтобы граждане стали активнее размножаться. Гордость гордостью, а детей растить — дело хлопотное. Может быть, русские люди плохо размножались из вредности, в пику многодетному исламскому Кавказу или тому же многодетному конфуцианскому Китаю. Или оттого, что русские женщины вынуждены были не только рожать, но и работать наравне с мужчинами. Так или иначе, в какой-то момент Москва вместила всех граждан России. Миграционные процессы стали необратимо центростремительными. Все, кто хотел (а хотел почти каждый), перебрались в столицу и осели.

Гигантские пространства обезлюдели, потом пришли в запустение. Идея сдать свободные территории в аренду перестала казаться кощунственной.

Кто-то возмущался. Кто-то ушел в партизаны. Потом все успокоилось само собой. И Савелий рос, имея твердое понимание мирового устройства: в Москве — деньги, в Сибири — китайцы, а в Уральских горах — партизаны.

Впрочем, школьные учителя разъяснили юному романтику, что сибирская партизанщина давно ликвидирована. Возможно, бродят по тайге два или три десятка последних непримиримых идеалистов — но и только. Еще позже, уже в университете, сведущие приятели намекнули Савелию, что антикитайское сопротивление кишело провокаторами и вообще с самого начала было организовано спецслужбами, чтобы напугать граждан, чтобы общественное мнение смирилось с законом о всеобщей оцифровке.

Идеолог сибирского сопротивления, генерал Агафангел Рецкий, умер в изгнании, в Новой Зеландии, когда Савелию исполнилось шесть лет. Но книгу генерала «Терра нострум» можно было достать и прочесть в ней, что русский человек по своей природе есть хозяин и работодатель, а никак не раб и не работник, что он владелец, но не пользователь, и подсознательно стремится владеть собственностью, даже если не умеет ею владеть. «Уметь можно научиться. Любой навык, ремесло или профессию можно освоить, и в этом нет никакой доблести, — утверждал Рецкий. — Доблесть в том, чтобы бескорыстно обладать, ничего не меняя, не прикасаясь и ни в коем случае не подпуская чужаков. Важно оторвать кусок. Можешь ты его проглотить или нет — не имеет значения». Согласно учению бесноватого Агафангела, русская земля заповедана навеки. Дикие сибирские территории должны пребывать в собственности русских и оставаться дикими, в том же самом виде, в каком обнаружил их покоритель Сибири Ермак Тимофеевич.

По рассказам стариков, последователей опального генерала когда-то было достаточно. Не всем понравился

переход через Амур двухсот миллионов подданных Поднебесной.

Савелий, однако, не застал бурных дискуссий вокруг Сибирско-Китайской Свободной Экономической Зоны. Он был младенцем, когда дискуссии прекратились. Выгоды от сотрудничества с Пекином оказались слишком очевидны: граждане России поголовно превратились в счастливцев. Двести миллионов китайцев, компактно заселившись в Забайкалье и Якутии, учредили столицу в легендарном порту Ванино и в несколько лет доверху наполнили российскую казну. Воцарилось благоденствие.

Русские не работали. Работали только китайцы. На каждого русского приходилось по четыре трудолюбивых китайца. Для получения денег гражданину Российской Федерации требовалось одно: пройти оцифровку. Разрешить вживить в собственное тело микрочип. На тех, кто отказывался и кричал о тотальном полицейском контроле, смотрели как на дураков. Один укольчик, и ты обеспечен до конца своих дней! Раз в год твоя доля поступает на банковский депозит, передавать ее кому-либо нельзя, можно только тратить.

Выдача любых ссуд и займов преследовалась по закону. Ссуды, кредиты и прочие фокусы времен дикого капитализма были запрещены Конституцией еще в начале XXI века, после окончания великого кризиса десятых годов.

Понемногу наступали времена невиданной роскоши, и детство Савелия было упоительно.

Процветать было здорово. Замечательно, великолепно было просыпаться по утрам и процветать до позднего вечера — и так год за годом. Золотой век наступил невзначай, легко и изящно, — его никто не приближал, все устроилось само собой. К черту нефть, газ, древесину, прочее сырье, продажей которого когда-то пробавлялась страна. К черту русские мозги, русских изобретателей, балерин,

писателей, манекенщиц, программистов, хоккеистов и невест. Русские территории — вот главный капитал нации. Квадратные километры, просторные равнины, не знающие землетрясений, цунами и торнадо. Прочные горы, влажные пространства — этого было в колоссальном избытке, и когда пятая часть цивилизованного мира ушла под воду, выяснилось, что Россия едва ли не единственная территория планеты, где можно жить, не опасаясь буйства стихий.

Однако природа приготовила здешним обитателям особенный, фантастический, уникальный сюрприз.

В один прекрасный день мальчик Савелий проснулся рано утром от грохота: за окном по проспекту шла окутанная сизыми угарными облаками танковая колонна. Мальчик не смог рассмотреть ее как следует. Меж домом и дорогой, на широкой полосе газона, из земли выходил огромный лоснящийся столб черно-зеленого цвета, покрытый чем-то, похожим на чешую. Он тянулся прямо в небо, Савелий не смог увидеть его верхушку.

То время он помнил смутно. Рыдающую мать, панику, короткий период военной диктатуры, разговоры о конце света, многочисленные самоубийства, забитые машинами улицы. Люди бежали из Москвы на периферию, чтобы через несколько недель вернуться обратно. На периферии невозможно было жить, там отсутствовали супермаркеты, не лилась горячая вода и не включалось электричество. Там не было ничего, кроме свистящей ветрами пустоты. А Москва, хоть и превратилась в пародию на лучший город Земли, по-прежнему стояла.

Трава росла повсюду. Средний стебель достигал высоты в триста тридцать метров.

Однажды летом 2065 года за двое суток трава, появившись ниоткуда, превратила огромный город в декорацию сюрреалистического фильма. Она пришла и больше не уходила.

Но жизнь вошла в привычную колею. Большая часть общества укрепилась в мысли, что граждане Москвы имеют дело с инопланетным нашествием, что споры травы занесены из космоса, что разумна либо сама трава, либо те, кто ее насаждает. Иначе как, черт возьми, объяснить тот факт, что ни один из десятков тысяч стеблей никогда не повредил человеческой инфраструктуры, ни дорог, ни тротуаров, ни зданий. Трава не оборвала ни единого провода электропередач, не коснулась ни одной проложенной под землей коммуникации, ни канализационных труб, ни теплоцентралей. Трава росла только на свободном месте, и точка. Стебель мог вырасти на пустыре, в парке, в сквере, на крошечном газоне перед жилым домом. Стебель мог вырасти в метре от детской площадки — но никогда на самой детской площадке.

Сорок миллионов человек проснулись и увидели, что они больше не хозяева своей земли. Им оставили все их железо, весь камень, весь асфальт, всю пластмассу — отобрали только почву и солнце.

Победить траву было нельзя. На месте уничтоженного стебля вырастал новый, точно в течение пятидесяти часов. Повалить отдельное растение мог любой желающий. В первые месяцы этим занимались сотни тысяч профессионалов и добровольцев. Разбей топором чешуйчатую кору — под ней изумрудная мякоть. Трое рабочих за два часа — если с перекурами — могли срубить даже самый крепкий взрослый стебель, но спустя несколько часов на его месте появлялся новый, такой же. Скорость роста потрясала. Многие с непривычки падали в обморок, когда видели, как из земли лезет к солнцу черно-зеленое острие — это напоминало древние мифы о гидре, которой нельзя рубить голову, иначе на месте одной отрубленной вырастали две новых. И почему, кстати, то фантастическое чудовище назвали гидрой, если гидра в переводе с греческого значит «вода»? Может, та первая

гидра и была стеблем травы, пожирающей воду и солнечный свет?

Около сотни экстренно созданных специализированных научных центров занимались проблемой искоренения заразы. Все выделенные средства — огромные — были освоены до последней копейки, но без практического результата. Наука не смогла объяснить, почему стебли появились именно в Москве, а не в калмыцкой, допустим, степи. Трава не принадлежала ни к одному известному виду или семейству растительного мира. Собственно, она вообще не являлась травой — скорее, это была колоссальная грибница, где все зеленые лезвия связывались единой корневой системой и происходили, вероятнее всего, от одного-единственного семени, которое было либо занесено из космоса, либо подброшено геополитическими врагами России как биологическое оружие, либо лежало в земле миллионы лет, чтобы однажды ожить и прорасти по загадочным причинам.

Корневая система уходила на многие километры вниз. В гиперполисе изменились климат, температурный режим и состав атмосферы. Подобно любому растению, гигантская трава испаряла девяносто девять процентов взятой из грунта влаги. Столица России обратилась в болото, звенящее кровососущими насекомыми. Ветер перестал продувать пространства меж зданиями, улицы превратились в ущелья, где в самые солнечные и свежие дни царил влажный полумрак. Зато над землей, на высоте четверти километра, повисло огромное облако чистейшего кислорода.

Много надежд было связано с наступлением первой зимы. Эксперты предполагали, что трава теплолюбива и не выдержит морозов. Правительство собиралось приурочить к февральским холодам тотальную вырубку. Но загадочные растения никак не отреагировали на отрицательные температуры, и кампания по зимнему повалу закончилась крахом. Новые побеги появились на месте

уничтоженных как ни в чем не бывало, набирая рост и массу с одной и той же скоростью: один метр в минуту, шестьдесят метров в час, триста метров за двое суток.

Был создан проект «Плита». Стебель срезáли, заподлицо с почвой, разрушали корневище, вынимали грунт на глубину в пятьдесят метров, устанавливали заслон: бутерброд из титановых плит, меж ними — прочный железобетон китайского производства. Спустя двенадцать часов веселый зеленый побег пробивал заслон насквозь и за двое суток достигал своей обычной высоты.

Был создан проект «Дровосек». Специальный робот, находясь в точке роста стебля, срубал побег, едва тот вырастал хотя бы на метр — тогда растение пускало боковой отросток и выходило из земли в нескольких метрах рядом с глупым механизмом.

Были другие, столь же простые и якобы эффективные проекты и способы борьбы — физические, химические, — все они потерпели крах.

За следующие десять лет в городе было снесено три четверти малоэтажных зданий — на их месте возвели стоэтажные небоскребы. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь стебли, иногда достигали пятидесятых этажей и весьма часто проникали на шестидесятые этажи. На семидесятых было очень терпимо, на восьмидесятых люди загорали, на девяностых — наслаждались, как если бы травы вообще не существовало.

А на сотых этажах жили китайцы. Все работники Сибирско-Китайской Свободной Экономической Зоны имели двойное гражданство и, как граждане России, получили право свободно покупать московскую недвижимость. Пока не скупили самую лучшую.

Через год после того, как вся Москва заросла травой высотой с Останкинскую телебашню, мякоть невиданного растения стали употреблять в пищу.

Через полтора года все работы по искоренению были остановлены, результаты засекречены, пожирание мякоти — запрещено под страхом уголовного наказания.

Через пять лет подходить к самому растению уже считалось дурным тоном, дотронуться значило оскорбить общественную мораль. Даже говорить о траве в публичных местах избегали. Но если о первых случаях травоедения с возмущением писали все газеты, то спустя полдесятилетия пожирание мякоти уже считалось тяжелой стыдной болезнью, чем-то сродни сифилису или наркомании.

* * *

Неизвестно, кто первый вкусил от стебля. Однако Савелий познакомился с оригинальным бранным словом «травоед» еще в начальной школе, через три года после того, как трава атаковала Москву. Новое модное ругательство примерно соответствовало старинному и универсальному эпитету «козел» (ведь козлы тоже травоядные) — или даже превосходило по тяжести нанесенного оскорбления. За «травоеда» можно было легко получить в морду. Савелий несколько раз получал и сам давал. Эпоха абсолютного процветания не отменила честных мальчишеских драк.

Четырьмя годами позже родители накопили наконец нужную сумму и перебрались в современную башню, на сорок девятый этаж. К тому времени социальное расслоение шло полным ходом: жильцы средних и верхних уровней пользовались отдельными входами и отдельными лифтами, где самую нижнюю кнопку украшала цифра «25».

В тот же период своей жизни Савелий увидел первого настоящего травоеда.

Однажды лучший друг Гарри Годунов предложил для расширения кругозора прокатиться на окраину города,

в Восточное Крюково — густо заросшее стеблями скопище лужковских домов между Третьей и Четвертой кольцевыми дорогами, настоящее гетто а-ля «кризисные десятые». Савелий, благоразумный бесконфликтный паренек, не слишком рвался в сомнительный вояж, но не хотел выглядеть трусом в глазах товарища, известного хулигана и философа.

Они долго ехали на метро — то под землей, то над нею. Добравшись, прогулялись по сырым, дурно асфальтированным дорожкам, засыпанным мусором, удивились тишине и безлюдью. Савелий воображал агрессивную шпану, проституток, сверкающие огнями двери притонов и шалманов, а увидел унылые пустые улицы. Пахло мочой, на дверях магазинов висели внушительные замки. Редкие прохожие, завидев модно одетых четырнадцатилетних путешественников, широко улыбались и приветственно махали руками, но непосредственно после улыбок и доброжелательных жестов почему-то спешили перейти на другую сторону улицы либо свернуть в подворотню. Ни с одним из аборигенов не удалось сблизиться менее чем на тридцать шагов. Никто не задирал двоих отважных героев, не провоцировал, не пытался отобрать деньги. В конце концов Годунов — всем известный авантюрист — осмелел и предложил купить бутылку вина, чтоб демонстративно распить в публичном месте. Стали искать торговую точку, заблудились и в одном из дворов почти нос к носу столкнулись с тощим, совершенно дикого вида человеком. Не успели испугаться, как лицо незнакомца, очень бледное, даже серое, перекосилось в радостно-изумленной гримасе: последовали улыбки, подмигивания и демонстрация большого пальца, но одновременно странный дядька стал ловко пятиться назад, устанавливая дистанцию, неудобную для разговора.

Он выглядел так, словно выиграл в лотерею миллион. Слегка пританцовывал. Глаза блестели. Он что-то напевал

себе под нос и поминутно закидывал голову, смотрел в небо и жмурился. Он был грязен, небрит и нечесан, босые желтые ступни — в ветхих засаленных тапочках.

— Эй, — громко позвал смелый Годунов. — Как дела?

— Отлично, бля! — воскликнул незнакомец, улыбаясь и дергая головой в такт музыке, которую никто, кроме него, не слышал. — Просто отлично, бля.

— А где тут ближайший магазин?

Не переставая пятиться, дядька пожал плечами и состроил комическую гримасу. Годунов сделал несколько решительных шагов вперед, однако абориген, счастливо захихикав, повернулся к ним спиной и пошел прочь, не спеша, не оглядываясь и выражая спиной полное равнодушие к своим несостоявшимся собеседникам.

— Наркоман, — предположил Савелий.

— Нет, — ответил Годунов. — Это травоед. Они тут все травоеды. Мне рассказывали — я не верил. Но теперь сам убедился. Говорят, их сейчас чуть не пол-Москвы.

— Ладно врать. Я такого оригинального типа впервые вижу.

— А это не обычный, — объяснил Годунов. — Это — конченый. Я тоже в первый раз вижу конченого травоеда. Который жрет только траву. И больше ничего. Мне про таких взрослые пацаны говорили. Конченого травоеда ничего не интересует, и ему никто не нужен. Поэтому тут так пусто. Они все по домам сидят...

— И что делают? — спросил Савелий, ощущая неуют и оглядываясь.

— Ничего, — сказал Годунов. — Зачем им что-то делать? Им и так хорошо.

— Это и есть наркомания.

— Нет, — авторитетно ответил Годунов. — Наркотики наносят здоро́вью вред. От наркотиков умирают. Передозировка, ломка и прочие ужасы. А мякоть стебля безвредна. Это доказано учеными. У меня есть приятель,

он стащил у своего отца секретный доклад и снял копию. Мне давал почитать, на одну ночь. Никакого вреда, понимаешь? Десяти граммов сырой мякоти стебля достаточно, чтобы человек получил суточную дозу энергии. В мякоти есть все. Растительный белок, витамины и углеводы. Это как питаться хлебом, орехами и оливковым маслом, только в концентрированном виде. Проглотил чайную ложечку — и весь день сыт. Плюс сильное ощущение эйфории. Радость в чистом виде, понял?

— Понял, — мрачно ответил Савелий (ему хотелось домой). — Я же говорю, наркотик.

— Говорят тебе, это не наркотик, — возразил Годунов, горячась. — Даже самые мягкие наркотики разрушают нервную систему. Принимаешь наркотик — тебе хорошо. Перестаешь принимать — тебе плохо. При систематическом приеме наркотика организм перестает вырабатывать естественный гормон удовольствия, эндорфин...

Они стояли на углу. Справа был двор, некогда облагороженный газоном. Сейчас этот газон превратился в пыльную плешь, из центра ее тянулся вверх мощный стебель: тридцать метров длины, четыре метра ширины, глянцевая черно-зеленая поверхность в мелких чешуйках, а высота — отсюда и до облаков. В полутора метрах от земли тело стебля украшали шрамы. Они немного отличались по цвету — по краям коричневые, в центре изумрудные. Слева тянулась темная пустая улица: то одна, то другая одинокая фигура перейдет дорогу (в любом месте; машины тоже отсутствовали) — и опять возвращается странное ощущение нереальности происходящего.

— ...А мякоть стебля, — продолжал Годунов, — действует на человека иначе. Как — никто не знает. Ученые теряются в догадках. Это самая настоящая таблетка счастья, понимаешь? Съел ложечку мякоти — и ты сыт, доволен, весел, тебе хорошо, и все это — без последствий.

— Так не бывает. — Савелий покачал головой. — Ты, Годунов, конечно, умный, рассказы пишешь и вообще... но я тоже кое-что знаю. В природе все уравновешено. За удовольствия надо платить. Тем более за эйфорию. Всякое животное устроено так, что ему нужны не только удовольствия, но и стресс. Страх, гнев и так далее. Если человек будет только наслаждаться и не будет страдать — он перестанет совершенствоваться и исчезнет с лица земли.

— Ага. — Годунов потер сломанный нос. — Ты, брат, это все сказал бы дураку, которого мы встретили. Догнал бы его, поймал за рукав и поговорил про страдания. Только ему сначала надо грязь из ушей вытащить.

Они еще раз огляделись и зашагали в направлении ближайшего метро.

— Такую опасную дрянь, — задумчиво произнес Савелий, — надо запретить под страхом смерти.

Годунов кивнул:

— Уже запретили. Десять лет тюрьмы за хранение одного грамма субстанции. Но они все равно жрут. Видел на стебле отметины? Ночью выходят, топором кожу разрубят — и набирают. Государство с этим мирится. Иначе придется забить до отказа все тюрьмы и еще новые построить. Пойми — травоеды безвредны. Они не совершают преступлений. В этом их коренное отличие от наркоманов. Наркоман может убить за дозу. А травоядному достаточно дождаться темноты. Травоядный не проявляет недовольства, его даже не надо кормить. Он сидит дома, смотрит телевизор и спит. Или трахается. Говорят, мякоть — это афродизиак.

— Тогда надо опутать каждый стебель колючей проволокой и поставить солдат с пулеметами!

— В первые годы так и делали. Потом перестали. Угадай почему?

Савелий подумал и предположил:

— Солдаты сами жрали мякоть.

— Ха! — воскликнул Годунов. — Ты небезнадежен. Слушай, давай приедем сюда ночью. И вырежем себе немного.

— Еще чего.

— Боишься.

— Нет. Просто это мне не нужно.

— Боишься, — усмехнулся Годунов. — Ладно. Это была шутка. Но я все равно попробую.

— Зачем?

— Что значит «зачем»? Мне интересно. Я должен знать, что это такое.

Савелий иронично осведомился, не желает ли его друг попробовать на вкус человеческие экскременты, и они, кое-как отыскав вход в метро, поехали по домам, споря и переругиваясь так, как могут спорить и переругиваться только полные единомышленники.

Они дружили с шести лет. В их тандеме Годунов верховодил, генерировал идеи. Савелий был ведомым: критиковал, отбраковывал неудачные предложения, пожимал плечами. Гарри лез вперед — Савелий страховал. Гарри был революционер — Савелий дипломат, оппортунист и соглашатель. Гарри был упрям — Савелий осторожен. Даже в самые сопливые годы, во времена игр в сибирских партизан, Гарри Годунов сражался только за китайцев; если его брали в плен, он неизменно кончал с собой, проглатывая зашитую в угол воротника ампулу с ядом, а когда приятели кричали, что так не бывает, он спорил до хрипоты и приносил из дома ветхие, столетней давности, бумажные книги, где действительно черным по белому было написано насчет ампулы в уголке воротника.

Взрослея, Гарри постепенно менялся, и не в лучшую сторону. К моменту окончания школы их крепчайшая детская дружба уже выглядела необязательным при-

ятельством. Они не поссорились, просто взаимно охладели. Годунов отдалился от всех, стал нервным, нетерпимым, отвратительно насмешливым. Мог устроить скандал в самой теплой и интимной компании. Полюбил выпить и заимел обыкновение приставать к чужим девчонкам. Иногда говорил Савелию, что пишет роман, который сведет с ума весь мир. На что Савелий резонно замечал, что роман молодого писателя Гарри Годунова прежде всего сведет с ума самого Гарри Годунова. В ответ обычно неслись ругань и саркастические афоризмы.

Через год восемнадцатилетний Савелий стал студентом. И одновременно получил доступ к персональному депозиту. К своей личной доле от миллиардов, ежегодно перечисляемых китайцами за право жить и работать на российской территории.

Оцифровку он прошел заблаговременно. Добрый дядя в белом халате посреди сверкающего никелем кабинета ввел ему под кожу микрочип, невидимый простым глазом. Теперь Савелий мог зайти в любой магазин и взять все, что хотел: сумма списывалась с депозита на выходе из магазина, не доставляя владельцу микрочипа никаких хлопот.

Размер депозита был изрядный, но подавляющее большинство граждан предпочитало экономить. Купить себе вертолет на китайские деньги было нельзя. И квартиру на семидесятом уровне — тоже. Но осесть в статусе мирного рантье где-нибудь на пятьдесят пятом, вкусно кушать, покупать недорогую прочную одежду и посещать кинотеатр — вполне. При известной сноровке китайский депозит позволял полноценно жить, не утруждая себя хождением на службу.

Молодежь отчаянно экономила на самом необходимом, чтобы однажды потратиться на нечто пафосное. Допустим, на винтажное авто с бензиновым мотором. Девушки обычно проходили через бурное увлечение пла-

стической хирургией (во времена юности Савелия как раз входил в моду вспененный силикон), но к двадцати пяти годам охладевали. Наиболее рассудительные, правильно воспитанные, жадные до жизни получали профессию, заработок и со временем выбирались на семидесятые и восьмидесятые этажи.

Но правильных и рассудительных было мало.

На одной из студенческих вечеринок Савелий Герц (в тот год он тоже приобрел старинный мощный «шевроле», ездивший с трудом, но быстро; девчонкам нравилось) впервые попробовал мякоть стебля. Когда хозяин квартиры — точнее, сын хозяев — с азартным восклицанием бросил на стол целлофановый пакет, наполненный зеленовато-бурым желе, компания притихла, затем раздались вздохи, требования немедленно убрать эту гадость и фразы: «Без-меня!» Пакет был удален, но спустя два часа хмельной Савелий увидел, что запретная субстанция переходит из рук в руки. К тому времени коллектив собутыльников поредел, свечи погасли, наиболее стойкие играли на понижение (после вина взялись за пиво), дамы либо спаслись бегством, либо уединились со счастливчиками в дальних комнатах.

— Дайте и мне, что ли, — попросил Савелий.

— Не дадим, — ответили ему. — Ты пьяный, а мякоть нельзя мешать с алкоголем. Плохо будет. Тошнота и все прочее. Травоеды вообще не пьют.

— Я не травоед, — возразил Савелий.

— Тогда тем более не лезь, — сказали ему.

Под утро, когда уснули все, включая самых стойких джентльменов, Савелий кое-как очнулся для посещения уборной и обнаружил почти пустой пакет на полу. После некоторых колебаний студент запустил внутрь палец, понюхал, рассмотрел, лизнул. Ничего не понял. Мякоть не имела вкуса и запаха. Отважный неофит покосился на храпящих товарищей, отнес пакет к столу, вывернул на-

изнанку и наскреб почти полную чайную ложку. Съел. В голове шумело, но Савелий не пил пива после вина, да и вина употребил не более двух стаканов. Он был в порядке, голова работала. Савелий сел на подоконник, коснулся лбом стекла и стал ждать.

За окном в мутном полумраке покачивались стебли, меж ними угадывался соседний дом; горели два-три окна. Даже в самые глухие предутренние часы во всяком доме горят несколько окон, подумал он. Что делают люди за этими окнами, почему не спят? Что мешает им предаваться естественным радостям, из которых сон — самая простая, дешевая и доступная?

Он стал размышлять, почему не спят те, кто мог бы спать. Потом надоело. Вдруг появилось удивительно отчетливое понимание полной бесперспективности самого процесса размышления. Захотелось воды.

«Похмелье, — понял он. — Значит, вчера я все-таки перебрал. Как звали ту маленькую нахальную, которая пыталась обидеть меня, хохоча и называя "бледным"? Разве я бледный? У меня прекрасный цвет лица».

Нашарил полупустую бутылку с водой, выпил до дна, запрокинул голову, потряс над открытым ртом, поймал языком последние капли. Испытал оригинальное легкое удовольствие. Возможно, мякоть начинала действовать. Ощутил бодрость и одновременно сильную лень, причем оба чувства составляли единое целое. Не хотелось шевелиться и напрягать мозги. Хотелось принять вертикальное положение, замереть и прислушаться к себе. Внутри происходило интересное: стучало сердце, сдвигались и раздвигались легкие, желудок и кишечник тоже слали сигналы — впрочем, ненастойчиво. Савелий соскочил с подоконника, прошелся по комнате. Процесс ходьбы развеселил. Это напоминало аттракцион. Очень смешно, странно, немного глупо. Несколько раз пройдясь от стены к стене, устал, но едва замер неподвижно, как все во-

круг — стены, воздух, сама действительность — наполнило его энергией. Что-то приятное текло через тело, сверху вниз, а другой такой же ток бежал в противоположном направлении, от ступней к макушке.

Он то ходил, то застывал. Несколько раз пил воду. Времени не замечал. Потом лег и заснул, глубоко и без сновидений.

Новый опыт ему скорее не понравился. Действительно, весь следующий день он совсем не хотел есть и чувствовал бодрость. Зато плохо соображал. Решил даже прогулять лекции. Бодрость существовала сама по себе, ее нельзя было куда-либо применить. Оставаясь неподвижным, он наслаждался, но едва решал дойти хотя бы до ванной комнаты, чтобы умыть лицо, — все вокруг немедленно превращалось в абсурдный мультфильм. Отец, рано вернувшийся с работы, спросил его о чем-то — Савелий только подмигнул и улыбнулся: мол, все в порядке, и я в порядке, и ты тоже в порядке. Потом повернулся к нему спиной и ушел к себе.

Только на вторые сутки все прекратилось. Было смутное желание проглотить еще одну порцию, побольше и в более комфортных условиях — не в чужом доме, меж пустых бутылок, а в собственной комнате, в тишине и уединении, чтобы разобраться в ощущениях. Но Савелий отбросил эту мысль. Мякоть показалась ему чем-то вроде марихуаны. Но если марихуана всего лишь расслабляла нервы, то мякоть стебля действовала по-другому, она изменяла саму личность, намекала на возможность особенной жизни — такой, где нет нужды, проблем, голода, суеты, а есть только безмолвная радостная неподвижность.

«Так или иначе, это не мое», — решил Савелий.

К двадцати годам он все про себя знал. И про других тоже. Все просто: человек рожден, чтобы наслаждаться жизнью во всех бесчисленных проявлениях. И задача человека — развивать себя так, чтобы уметь ощутить мак-

симальную ее полноту. Перед тобой и жизнью — дверь, учили Савелия. Слабый способен едва приоткрыть ее, чтобы получить простейшие блага и ощущения. Сильный и образованный распахнет дверь на всю ширину и обретет все многообразие жизни.

Экзамен по основам теории абсолютного процветания Савелий сдал на отлично.

Потом он увидел друга детских забав Гарри Годунова по телевизору. В двадцать два года Гарри Годунов опубликовал роман и прославился. Не менее трех дней о новом гении говорила вся Москва. Потом его вытеснили из эфира другие герои. В тот год и в тот месяц началась активная колонизация Луны. Отважные космонавты выглядели гораздо фотогеничнее и живописнее тощего и мрачного молодого писателя, и о писателе все забыли.

Но Савелий не забыл. Ни про Гарри Годунова, ни про мякоть стебля.

4

Мультимиллионеру Петру Глыбову, известному под прозвищем Продавец Солнца, было тридцать девять лет. Журналисту Савелию Герцу — пятьдесят два. Взрослый мужчина шел брать интервью у сопляка-выскочки. Поднимаясь на девяносто первый этаж в шикарном, отделанном в стиле «псевдо-нео-хай-тек» лифте, журналист воображал себе снисходительные ухмылки, пренебрежительные взгляды и прочие нуворишеские фокусы. «Впрочем, — размышлял Савелий, — это можно как-то повернуть, построить материал на ноте тонкого презрения, подпустить интеллигентной издевки».

Все кнопки огромного VIP-лифта, начиная с девяносто девятой, вместо привычных цифр снабжены были ие-

роглифами и надписями на кириллице: «Только для китайцев». Висящая рядом дацзыбао лаконично напоминала про уголовную ответственность за незаконное вторжение на частную территорию.

Бесшумно ступающий, как бы бесплотный камердинер — босой, однако в полотняной пиджачной паре — проводил Савелия в обширный гулкий зал. Миллионер Глыбов, совершенно голый, занимался спортом: прыгал на батуте. За стеклянными стенами переливалась в знойном мареве умопомрачительная панорама: белые и серые здания, пирамиды, конусы и параллелепипеды, меж ними, густо, зеленые острия стеблей. Супергород, техногенное чудо. Уникальное свидетельство могущества человеческого гения, однажды за пятьдесят часов побежденного примитивными растениями.

Еще выше — голубое небо, застегнутое на желтую пуговицу.

Савелий вздохнул.

У дальней стены миллионеровой резиденции, возле полыхающего камина, в шезлонгах возлежали, лениво кидаясь друг в друга конфетными обертками, голографические модели Бриджит Бардо и Эмми Уайнхаус — обе полуголые.

— Здорово, журналист! — взмывая к потолку, зычно провозгласил Глыбов. — Присоединяйся!

— Спасибо, — вежливо отозвался Савелий. — Боюсь, шею сломаю.

— А ты не бойся. — Миллионер сделал сальто. — Сломаешь — куплю тебе другую!

— Вы очень любезны.

— Давай свои вопросы, — велел Продавец Солнца. — Только быстро. И сделай два шага в сторону. Ты загораживаешь мне солнце.

Савелий торопливо повиновался и щелчком пальцев включил имплантированный в ладонь диктофон.

— Господин Глыбов, — с нажимом произнес он, — я представляю серьезный аналитический журнал. Нас читают влиятельные люди. Я собираюсь поднять в разговоре важные темы, и мне бы хотелось...

— Я понял, — небрежно ответил миллионер и соскочил на пол. Приблизился, протянул мускулистую руку: крупный, разящий потом самец, излучающий неприятное, избыточное здоровье. — Я понял, — повторил он. — Извини. Я забыл, что в наше время существуют серьезные журналы. Вчера ко мне приходил один дурак, тоже из какого-то журнала. Спрашивал, сколько оргазмов я имею в неделю и кто делает мне маникюр...

— Ваши оргазмы, — вежливо ответил Савелий, — наш журнал не интересуют.

— Ага, — кивнул миллионер. — А чьи оргазмы интересуют ваш журнал?

— Лично меня интересуют только мои собственные оргазмы.

Глыбов расхохотался, продемонстрировав великолепные зубы, покрытые ярко-красным лаком.

— Ладно. Выпить хочешь? Пожрать? Чаю, кофе, сигару, кальян? Будь как дома.

— Если можно, воды.

— Воды? — Миллионер жестом отпустил камердинера. — Много пьешь? Это правильно. Пойдем, я сам тебе налью.

Прошли в глубину зала, к огромным креслам, к стойке с напитками. Глыбов всмотрелся в лицо Савелия и вдруг спросил:

— Ты ходишь в мои солярии?

— Нет.

— Почему?

— В моем кругу, — сухо объяснил Савелий, — принято считать, что ваши солярии предназначены для бледных.

— А ты, значит, не бледный, — ухмыльнулся Глыбов.

— Бог миловал.

— Молодец. Присядь.

Журналист кивнул. Черт бы побрал этих нуворишей. Хоть бы халат накинул.

— Господин Глыбов, — начал он. — Мы пишем о людях, добившихся... э-э... успеха. Журнал называется «Самый-Самый». Понятно, что сегодня, в первые годы XXII века, когда средняя продолжительность жизни составляет девяносто семь лет, само понятие успеха выглядит анахронизмом. За семьдесят лет активной жизни каждый из нас имеет возможность успеть везде и всюду. Лично я, например, чемпион Москвы по трехмерному бильярду и кандидат философских наук. В обществе, где никто никому ничего не должен, успех гарантирован каждому...

— Понятно, — перебил миллионер и наконец завернулся в халат. — То есть я в мои сорок — зеленый пацан и при этом — хозяин большого дела. Такова тема интервью.

— Угадали.

— С чего начнем?

— С биографии.

Глыбов сел, мощными глотками осушил свой стакан и вздохнул.

— Биография моя скучная. Ничего особенного. Родился на окраине. Среди бледных. На девятом этаже. У нас в Балашихе трава растет густо. Сплошной полумрак. Я годами не видел солнца. Первый солярий — дешевую китайскую кабину — купил в восемнадцать. Сейчас у меня двадцать тысяч кабин. Любой, даже самый бледный человек может позагорать в моей кабине, потому что это дешево...

— Я знаю, — небрежно произнес Савелий. — Читал рекламные проспекты. А почему восемнадцатилетний Петр Глыбов решил посвятить жизнь именно соляриям?

Миллионер пожал плечами:

— Покойный отец часто рассказывал про старые времена. Когда каждый имел бесплатно столько солнечного света, сколько захочет. Я слушал его и думал: почему раньше было так, а сейчас иначе? В школе меня учили, что настоящее всегда лучше прошлого. Прошлое — это дикость, голод и беззаконие. Но я смотрел за окно и видел, что все не так. У моей страны солнечное прошлое и серое настоящее. Мне говорили, что прогресс — это хорошо. А я не понимал, что это за прогресс такой, если сегодня я вынужден платить за то, что вчера доставалось даром? Я догадался, что цивилизация устроена по простому принципу: никто никогда ничего не может получать бесплатно. В этой системе лучше быть тем, кому платят, чем тем, кто платит. Недостаток солнечного света приводит к дефициту в организме витамина D. Мне платят за этот витамин. Вот и все.

— Что же, — Савелий кивнул, — коротко и ясно. А продавать свои услуги бледным гражданам — ваш принцип?

— Мой принцип — давать людям то, в чем они нуждаются.

Савелий вдруг понял, что сидящий перед ним молодой, атлетически сложенный, дочерна загорелый человек очень некрасив. А был, вероятно, даже уродлив — до тех пор, пока пластический хирург не переделал ему нос и губы.

«Ага, — подумал опытный журналист Герц, — тут мы имеем скрытый комплекс. Перед нами сублимант. Отсюда страсть к богатству, мускулы и прочее. Бесплатно, видать, ему девчонки не давали. А умные фразы насчет прогресса подобраны и выучены задним числом».

— Вы, — продолжил разговор Савелий, — очень популярны среди бледных слоев населения.

Миллионер отмахнулся:

— Мне наплевать. Я не искал популярности. Все, чего я хотел, — это переехать с двенадцатого этажа на девяностый. Чтоб наслаждаться солнцем.

Журналист помедлил. Дальше предполагался блок основных вопросов. За некоторые из них можно и в морду получить. Вон какие у этого малого кулачищи...

— Ходят слухи, — начал он, — что ваша империя — гигантская финансовая пирамида. Что вы вынуждены непрерывно расширяться, ставить новые и новые кабины. Говорят, что вы в долгах и ваши прибыли не покрывают издержек...

— Я никому ничего не должен, — спокойно ответил Глыбов.

Савелий проделал амортизирующий жест.

— Разумеется. Никто никому ничего не должен. Но я слышал, что вам помогают, как говорится, по дружбе...

— Эти слухи распускают завистники, — небрежно отмахнулся Продавец Солнца. — Вообще-то, любезный, мне полагается оскорбиться. Если вы опубликуете предыдущую реплику, я немедленно подам на ваш журнал в суд. Что значит «по дружбе»? Дружба — удел гангстеров и бледных.

«Можно дать как заголовок», — тут же прикинул Савелий.

— Даже дети знают, — продолжал Глыбов, — что кредиты запрещены — таков залог устойчивости национальной экономики. Официально заявляю: вся моя финансовая отчетность прозрачна и опубликована. Иначе, кстати, я бы не стал генеральным спонсором проекта «Соседи».

— А правда, что все спонсоры проекта «Соседи» сами обязаны войти в проект?

— Правда.

— То есть вы, Петр Глыбов, — участник проекта?

— Угадали.

— И здесь, — Савелий осмотрелся, — везде объективы? За нашей беседой наблюдают?

Миллионер кивнул и хмыкнул:

— У меня тут сто пятьдесят камер. Но вы не волнуйтесь. Обычные разговоры не интересуют «Соседей». Подумаешь, журналист пришел поговорить с бизнесменом. Вот если бы мы с вами поговорили, потом напились, потом подрались, а потом помирились, а в знак примирения вызвали баб, напились с бабами и повторно подрались, уже из-за баб, — тогда могли бы попасть в топ-сто. А если бы, допустим, бабы тоже подрались, из-за нас, и стали душить друг дружку колготками — тогда нам обеспечено местечко в топ-пятьдесят...

— Забавно, — задумчиво произнес Савелий. — Обычно люди с вашим уровнем жизни не любят «Соседей».

— Я тоже не люблю. Но чего не сделаешь в интересах дела! — Продавец Солнца захохотал, осушил еще один стакан воды марки «дабл-премиум» и вдруг застеснялся. — Между прочим, — он понизил голос, — по условиям контракта я обязан не только участвовать в проекте, но и рекламировать его.

— Исключено, — быстро ответил Савелий. — Повторяю, у нас серьезный журнал. Я не могу допустить, чтобы текст содержал элементы рекламы.

— Тогда, — весело произнес миллионер, — мы закончим интервью прямо сейчас.

Савелий вздохнул:

— Черт с вами. Рекламируйте.

— Это быстро, — великодушно сообщил Глыбов. — В проекте «Соседи» новая акция. Только в этом месяце. Любого желающего могут подключить в одностороннем режиме. В вашем доме не поставят камер, но вы сможете наблюдать за теми, у кого они есть. Вас не видят — зато вы видите всех... Плюс архив: топ-тысяча за прошлый год. Вы смотрите самое интересное. Чужие спальни. Женские раздевалки. Тюрьмы...

— Тюрьмы тоже подключены?

— У тюрем огромные рейтинги. В прошлом году арестанты центральной тюрьмы опустили известного убийцу и насильника Дронова. Трансляция вошла в топ-десять. Кстати, злодея поймали исключительно благодаря «Соседям». И еще одно: моя компания бесплатно установила в центральной тюрьме двадцать пять соляриев.

— Замечательно, — отреагировал Савелий. — Но хватит о «Соседях». Вернемся к вашей персоне. Правда ли, что вы ненавидите травоедов?

— Правда, — твердо ответил Глыбов. — Поедать траву — удел животных.

«Это тоже вариант заголовка», — решил журналист.

— Вы согласны с тем, что власти не способны бороться с травоедением?

Миллионер отмахнулся:

— Я не намерен критиковать власти. Я лояльный гражданин. Власти ничего никому не должны. Критика властей неизбежно ведет к разрушению персонального психологического комфорта...

Савелий вспомнил, что хотел подпустить в интервью тонкую издевку, и перебил:

— Простите, но это банально. Звучит как цитата из школьного учебника. Вы не любите травоядных, но каждый день видите, как мякоть стебля продается на каждом углу. Как вы с этим миритесь?

Глыбов посерьезнел. Его простое лицо не имело возраста, это мешало Герцу адекватно воспринимать собеседника. Издержки омолаживающих технологий, ничего не поделаешь.

— А кто вам сказал, — произнес миллионер, — что я с этим мирюсь? Я финансирую работы по изучению феномена стеблероста. У меня своя лаборатория.

— И есть успехи?

— Есть.

— Расскажите.

— Не имею права. Результаты засекречены в соответствии с законом. Могу сказать только то, что знают все. Трава выросла в течение двух суток. Логично допустить, что она засохнет так же быстро, — это первое. Второе: надо найти центр грибницы. Выяснить, что представлял собой зародыш. Семя. Зерно. Сейчас мы расшифровываем геном травы, потом попытаемся клонировать зародыш — в нем разгадка. Понимаете?

Савелий кивнул, наблюдая, как лицо его собеседника меняется. Напряжение в уголках губ слабеет, глаза загораются интересом.

— Однажды, — тоном ниже продолжил миллионер, — мы убьем ее. Люди проснутся и увидят, что ее больше нет.

— Но тогда ваши солярии никому не понадобятся.

— Да, — почти нежно выговорил Глыбов. — И я закрою свой бизнес.

— Но чем вы тогда займетесь?

— Черт его знает. Какая разница?

— Вы потратили на свой бизнес двадцать лет, а сейчас...

— Слушай, друг, — грубо перебил Глыбов, — ты говоришь, что я самый-самый. Весь из себя успешный и все такое. Я купил свою первую кабину в восемнадцать лет. В двадцать у меня было пять кабин. В тридцать — полторы тысячи кабин. Ты сказал, что ты чемпион и кандидат наук — а я не видел в своей жизни ничего, кроме кабин. Утром просыпался и думал: вот, у меня сто сорок две кабины и мне нужна сто сорок третья. Двадцать лет мне снятся только кабины. Стандартные кабины. Кабины для инвалидов. Детские кабины. Модель «Солнышко»... Если завтра мои кабины перестанут приносить прибыль — первое, что я сделаю, это лягу спать и просплю месяц. И только потом, когда высплюсь, подумаю, чем заняться.

— И все-таки — чем же?

Миллионер закинул руки за голову.

— Наверное, уеду. На периферию.

— Ого, — с уважением пробормотал Савелий. — Вы бывали на периферии?

— Я везде бывал. Даже на Луне. А на периферии — тем более. Арендуешь три-четыре танка, берешь охрану — и поехал. А лучше — на вертолете...

— И как впечатления?

Продавец Солнца встал, сунул руки в карманы халата и посмотрел на Савелия как на старого врага. Теперь он не выглядел самодовольным толстосумом, но и мечтательность исчезла. Савелий почувствовал угрозу личному психологическому комфорту.

— Если ты, — Глыбов ткнул в журналиста пальцем, — хороший журналист — а судя по вопросам, так оно и есть, — то прекрасно знаешь, что такое периферия. Ты спрашиваешь меня, Петра Глыбова, каковы мои впечатления от периферии? Ты бы еще спросил, каковы мои впечатления от могилы моего папы. Какие, черт возьми, могут быть впечатления?! Я видел огромные пустые пространства. Заброшенные города. Бескрайние поля, заросшие бурьяном. Там есть все. Банды дикарей. Медведи-людоеды. Язычники, которые молятся автоматному патрону, козьему вымени или, например, Великому Резиновому Противогазу...

Савелий вспомнил, что в лесах под Нижним Новгородом действительно есть община, где молятся Великому Резиновому Противогазу (костюмированное шоу для рисковых богатых туристов, прилетающих на собственных вертолетах), — и личный комфорт был восстановлен.

Тем временем Глыбов мрачно продолжал:

— Мой дед был военным человеком, полковником. Он часто говорил, что мы просрали свою страну. Теперь мне остается только повторить его слова. Он давно умер, мой дед. И это хорошо. Вовремя умер. Иначе он увидел бы,

как китайцы в холодной Сибири выращивают хлеба в десять раз больше, чем выращивали русские в самые лучшие годы на самых лучших черноземах. Мы едим китайские яблоки и китайское мясо. Мы конченая нация. У нас был шанс, мы могли все исправить, даже после того, как полмира затопило. Даже после того, как впустили китайцев! Но трава нас доконала. Теперь людям совсем ничего не нужно. Они жрут мякоть стебля и смотрят «Соседей». Вы давно бывали на нижних этажах? Там, где вечная тень? Где выходят из квартир только для того, чтобы купить воды и позагорать в моих кабинах? Где женщины не рожают детей, потому что им лениво?

Савелий молчал.

— Вчера, — Глыбов медленно прохаживался перед сидящим журналистом, — мне звонили старые приятели. Мы вместе росли. Они рассказали, как возле дома, где я родился, бандиты повалили стебель. Толпа растащила триста тонн мякоти в полчаса. Арестовано пятьдесят человек. А еще у нас там теперь новая мода. Среди самой бледной молодежи. Криминальный альпинизм. Ночью забираются по стеблю на самый верх, чтобы отрубить верхушку — в ней самая сласть...

— Я слышал, — кивнул Савелий. — За последний месяц пятеро разбились насмерть. А вы, как я понял, не забываете товарищей своей бледной юности.

Глыбов кивнул и произнес словно нехотя:

— Всех, кто захотел, я давно переселил на сороковые этажи.

— А были такие, кто не захотел?

— Да. Мать до сих пор не хочет. Говорит, ей и так хорошо.

— Понимаю.

— Ни хера ты не понимаешь, — буркнул миллионер. — Там, внизу, особенно по окраинам, своя жизнь. Все бледные, все веселые. Молодежь, особенно парни,

сплошь «друзья». Народ постарше — «соседи». Мякоть жрут килограммами. Самый шик — сырая субстанция, без всякой возгонки. Накидают в тарелку — и ложками... Я у мамы бываю раз в неделю. Темнота, грязь, плесень, все спят по четырнадцать часов. Продуктовые лавки заколочены досками. Канализация не работает. Потому что не нужна. Никто ничего не ест. Даже чай не пьют. Только воду. Бесплатную, государственную. Из-под крана. Вот о чем ты напиши. А то, — Глыбов покривился, — «серьезный журнал, важные темы»...

— На этажах ниже двадцать пятого, — спокойно возразил Савелий, — ничего не происходит. Вы сами сказали — люди спят по четырнадцать часов. О чем тут писать? Один мой знакомый когда-то в молодости собирался роман сочинить. «Бледные люди». Переселился на седьмой этаж — и сел сочинять.

— Сочинил?

— Нет. Я пришел к нему в гости через полгода после его переезда. Главная его забота была — раз в день ложечку мякоти проглотить. Он был довольный, счастливый, глаза блестят... Лицо цвета сырого цемента. Сальные волосы. С тех пор я его не видел.

— Вот и разыщи, — посоветовал миллионер. — И напиши о нем.

— Сначала о вас, — возразил Савелий. — Прошу прощения, но ваши слова про конченую нацию и страну, которую просрали, не попадут в текст интервью. Это чересчур. По-моему, у нас не все так плохо. Да, мы мало работаем. Да, нас осталось сорок миллионов. Да, быт травоядных граждан отвратителен. Но зато мы счастливы. Россия очень богата. Да, мы потеряли Петербург, впустили чужой народ в Сибирь, но у нас колоссальные территории на Луне...

— Болван, — грустно вздохнул Глыбов. — В Сибири текут реки. Там растут кедры, белочки по веточкам пры-

гают. А на твоей Луне уже десять миллионов лет — один только прах ледяной. И больше ничего. Я летаю туда каждый год. Летаю на китайском челноке. И гуляю по Океану Бурь в китайском скафандре...

— Но что здесь плохого? Они — производят, мы — пользуемся. Они нам должны, а мы никому ничего не должны.

Миллионер презрительно кивнул:

— Да. Конечно. Знаешь что? Тебе надо залезть на батут.

— Зачем? — удивился Савелий.

— Попрыгай — поймешь, — с ненавистью произнес Глыбов. — В верхней точке прыжка ты испытываешь невесомость. Зависаешь на миг и думаешь: вот оно, так называемое счастье. Ты ничего не весишь и никому ничего не должен. Ничего не должен, даже собственным весом не обременен — хорошо, правда?

— Я слышу в ваших словах иронию.

Глыбов выпрямился и вздохнул:

— Тебе показалось. Еще вопросы?

— Вопросов много, но...

— Да, — перебил миллионер. — На сегодня хватит. Оставайся на обед. Будут девки. Группа «Стоки Блю» в полном составе.

— Благодарю. — Савелий покачал головой. — Я не любитель.

— Я тоже. Но девки забавные. У всех троих синтетические связки и гортани. У одной под Марию Каллас, у другой под Любовь Орлову, у третьей под Кристину Агилеру. Хорошо поют. Но самое интересное начинается, когда они не поют. Две родились на шестом этаже, одна — на седьмом. Очень веселые. Дуры дурами. Мякоть жрут три раза в день. Десятую возгонку...

— Десятую?

— Ну, или одиннадцатую.

Савелий покачал головой:

— Простите, но для поднятия настроения мне не нужны девки с синтетическими гортанями.

— А мне нужны.

— Вы не производите впечатления счастливого человека.

— Угадал, — широко улыбнулся Глыбов. — Знаешь почему? Потому что я не счастливый человек. В отличие от тебя.

— Много забот?

— Много, — скучным голосом ответил миллионер. — У меня на фирме, представь себе, люди стали пропадать. Бесследно. За полгода — трое...

— Известный феномен, — кивнул Савелий. — Эскаписты. Наш журнал писал об этом. Обрывают социальные связи, бросают семьи, переселяются на нижние этажи, заводят гарем из бледных женщин и погружаются в беспредельное травоедство.

— Это не эскаписты, — отрезал Глыбов. — Тех легко вычислить по сигналам микрочипов. А мои исчезли, как не было. Их сигналы пропали.

— Так не бывает.

— Бывает. Если выбраться за пределы Москвы. На периферию.

Савелий улыбнулся и встал.

— Человек из Москвы, — сказал он, — не способен жить за пределами Москвы. Каждого из нас на периферии ждет только голодная смерть.

Возвращаясь с интервью, он ощутил досаду. Покинул лифт на демократичном сорок пятом этаже, зашел в бар — пестрый, ярко освещенный (на средних уровнях тщательно культивировался так называемый позитив, в моде были розовые ковры и морковного цвета мебель). Взял китайского фруктового пива. Отругал себя.

«Плохая работа. Никакого контакта. Я не понравился ему, он не понравился мне. Сорокалетний сопляк переиграл многоопытного репортера. Я не задал и половины приготовленных вопросов. Не спросил даже про личную жизнь, а ведь официальная невеста Глыбова — звезда кино, несравненная Анжелина Лоллобриджида. Продавец Солнца вел себя так, словно все про меня понял. А вот я не понял ничего, уяснил только, что он очень богат, очень устал и полностью лишен персонального психологического комфорта».

— Вы позволите?

Савелий поднял голову и увидел маленького сухопарого человечка в мерцающем костюме. Наклонив голову немного вбок, человечек улыбался с преувеличенной сердечностью. Стол справа был свободен, слева — тоже.

Савелий спросил:

— Вы продаете или проповедуете?

— Ни то, ни другое. Но если вы хотите поговорить о Боге...

— Не хочу. Впрочем, садитесь. Одно условие: я сам угадаю. Церковь Травы?

Человечек перетек в кресло напротив — столь ловко, что на его пиджаке не образовалось ни единой складки. Впрочем, пиджак мог быть пластмассовым.

— Не угадали, — ответил он.

— Тогда — Церковь Божьего Стебля? Или Божия...

— Нет.

— Неужели мне повезло и вы из этих... Из Последователей Иоанна Стеблежуя?

Человечек перестал улыбаться и поправил:

— Иоанна Стеблееда.

— Какая разница.

— Разница есть, — значительно, даже торжественно произнес собеседник Савелия и расправил узкие плечи. — Стеблежуй — персонаж комиксов. А Иоанн Стеблеед —

или, правильнее, Стеблеядящий — существовал в реальности. Отец моего духовного наставника был его апостолом. Внимал, так сказать, учению из первейших уст.

— Интересно, — сказал Савелий. — И вы, значит, собираетесь предложить мне примкнуть к числу Последователей Иоанна Стеблеядящего?

— Нет. Я представляю Храм Стебля Господнего. Последователи Иоанна Стеблееда формально входят в наш Храм, но по существу являются отдельной конфессией. Есть... э-э... некие, так сказать, теологические расхождения... Впрочем, несущественные...

Сухопарый производил впечатление хитрого, но приятного существа.

— Что же вы замолчали? — спросил Савелий. — Проповедуйте на здоровье. У меня есть десять минут.

— Я неважный проповедник, — печально ответил сухопарый. — Кстати, я не загораживаю вам солнце?

— Нет.

— Одно ваше слово — и я немедленно удалюсь.

— Расслабьтесь.

Человечек наклонился и посмотрел в глаза Савелию:

— Как вы относитесь к траве?

— Как к растению.

— Отлично. А к тем, кто употребляет ее, так сказать, в пищу?

— Каждый употребляет, что умеет.

— А вы молодец, — восторженным полушепотом заявил сухопарый и устроился поудобнее. — Ведь это благодать. Нельзя порицать такое. Наш Храм не порицает употребление травы. Но порицает тех, кто порицает употребление травы. Наша вера тверда, но, так сказать, свободна. Я, например, сам не употребляю, но супруга моя, между нами, иногда, так сказать, любит...

— На каком этаже вы живете?

— Что?

Савелий ждал ответа. Сухопарый выдержал паузу и с достоинством объявил:

— Нас, последователей Храма, двести тысяч. И наш Храм, а также хранилище Великой Тетради и резиденции первослужителей расположены в башне «Процветание», на девяносто седьмом уровне. Что касается нас с супругой, то мы...

— Ладно-ладно, — разрешил Савелий. — Я не хотел вас обидеть.

— Пустяки, — вежливо ответил человечек. — Что вы знаете про Великую Тетрадь?

— Почти ничего.

Савелий тут же пожалел о сказанном, потому что Тетрадь, внешне имеющая вид миниатюрного пухлого томика, тут же была извлечена чуть ли не из рукава проповедника и аккуратно положена на стол.

— Здесь написано, — с достоинством пояснил сухопарый, — что Бог есть растение, а мир вокруг нас — результат его роста. Все мы суть листья на ветвях дерева Господня. Как сосна вырабатывает кислород, так Бог излучает любовь и благодать.

— Да. — Савелий кивнул. — А планета Земля суть ягода.

Проповедник по-девичьи всплеснул руками:

— Ни в коем случае. Считать планеты ягодами — опасная ересь. Вы, насколько я понял, находитесь, так сказать, в плену заблуждений. Надеюсь, что вы, изучив Тетрадь...

— Э нет, — перебил Савелий. — Так не пойдет. Насчет Тетради мы не договаривались.

— Вам нужно только, так сказать, прочесть — и вся ваша жизнь изменится.

— А я не хочу ничего менять, — с удовольствием заявил Савелий.

— Вы получите ответы на вопросы, которые беспокоят вашу душу!

— Мою душу ничего не беспокоит.

— Дьявол угрызает корни древа Божия. Приуготовляйтесь, ибо время близко. Ищите благодать под прямыми лучами желтой звезды.

— Аллилуйя.

Человечек бросил на журналиста нехороший взгляд. Савелий мысленно пожалел его, допил пиво и встал. Две тысячи лет уличные проповедники вынуждены решать одну и ту же проблему: обеспеченных людей вербовать выгоднее, однако их разум защищен; малоимущих — голодных и недовольных — уговорить легко, но они мало жертвуют. Кстати, этот дурак сказал, что штаб-квартира фанатиков устроена аж на девяносто седьмом этаже, в комплексе «Процветание». В одном из самых престижных зданий Москвы. Видимо, в Храм Стеблежуя захаживают не только бледные граждане. Надо подбросить старику Пушкову-Рыльцеву идею. Хорошая аналитическая статья. А лучше — цикл статей. С документальными репортажами по методике внедрения. Главное — не внедриться слишком глубоко, чтобы не повредился рассудок, как у Гоши Дегтя... Или как у Гарри Годунова.

«Странно, — подумал Савелий, — я ведь совсем забыл про Гарри. Двадцать пять лет не вспоминал, как парень с пятьдесят пятого этажа решил написать историю о парнях с пятого этажа. А сегодня вспомнил, дважды за полдня. Продавец Солнца прав: надо разыскать Годунова. Не может быть, чтобы трава прикончила такого решительного человека. Глыбов, кстати, прав и в другом: глупо думать, что внизу ничего не происходит. Не все люди способны вести растительный образ жизни. Там у них свое брожение, "друзья", разврат, церкви божественной зелени. Сотни тем для журналиста; исследуй, предавай огласке...»

— Кто прочел Тетрадь, — поспешно заявил человечек, глядя снизу вверх, — тот спасется.

— Я уже спасен, — ответил Савелий.

Проповедник торопливо поднялся.

— Бог с вами, — тихо сказал он. — До свидания.

Савелий изучил узкую спину удаляющегося адепта Храма Стебля Божьего, его коротко стриженный ефрейторский затылок, посмотрел на книгу. Ее, разумеется, можно забрать — полистать на досуге, — но в переплет наверняка вклеен микрочип. Дотронешься хотя бы мизинцем — с личного счета пропадут деньги. Пусть несколько рублей — но все равно, будешь чувствовать себя дураком...

Савелий поколебался и вышел из заведения. Подарок оставил на столе.

День складывался неудачно. Шел к молодому богатею, чтоб услышать похвальбу и жлобские лозунги, а услышал монолог о проблемах бледных граждан. Присел в уютном баре, пытаясь обдумать провалившееся интервью, а пришлось иметь дело с полубезумным миссионером.

Немного поколебавшись, журналист повернул к мягко подсвеченной двери ближайшего экспресс-отеля, взял одноместный звуконепроницаемый бокс, разделся, принял ванну с тоником и полчаса повалялся на кровати из квазиживых водорослей, в тишине, расслабленный, в особенном мечтательно-дремотном состоянии — любимейшем своем состоянии, когда вроде бы ничего не хочется, однако чего-то все-таки хочется, а чего именно — неясно, потому что хотеть вроде бы совершенно нечего.

Он не считал себя чрезмерно сытым и удовлетворенным жизнью. Он всегда чего-то хотел. То Варвару, то переехать на восемьдесят пятый этаж, то в отпуск на Луну. Вчера, например, ему весь день смутно хотелось совершить какой-то особенный возвышенный поступок или испытать некое новое оригинальное ощущение... А поздним вечером, перед тем как отправиться под одеяло к своей женщине, он выпил горячего крепкого чаю с лимоном и вдруг понял, что весь день хотел не особенного поступка или

ощущения, а именно и всего-навсего крепкого чаю с лимоном, а потом залезть под одеяло к своей женщине.

Так или иначе, он пытался строить свою жизнь не на желаниях и мечтах о том, что будет, а на извлечении радости из того, что есть.

Но мечтать любил. О солнце, о долгой счастливой жизни, о детях, которых родит ему Варвара. Честные, здоровые мечты скромного мужчины, реалиста и практика.

Когда он начинал мечтать, его мечты всегда вращались вокруг простейших вещей, в любом случае достижимых. Мечтать о возможном — вот занятие, достойное мужчины XXII века. Это удобно, это никак не вредит персональному психологическому комфорту.

Сейчас он понял, что страстно мечтает пообедать, и решил немедленно воплотить мечту в реальность.

О богатстве, власти и славе Савелий не мечтал. Среди его друзей и знакомых никто не унижал себя подобными непотребствами. В эпоху всеобщего процветания, когда самый последний бледный травоед имел квартиру в семь-восемь комнат с телевизорами и бесплатными коммунальными услугами, богатство считалось прихотью. Капиталисты и бизнесмены, подобные Петру Глыбову, имели репутацию оригиналов, чьи мотивы мудрено понять. Богатых было мало, их жалели, как неизлечимо больных. Всякий ребенок знал, что зарабатывание и приумножение денег сопряжено с разрушением персонального психологического комфорта. К чему богатство, если никто никому ничего не должен и каждый процветает?

То же самое касалось и власти. Тотальный полицейский контроль, перекрестный видеомониторинг чиновничьих кабинетов, прослушивание телефонных переговоров и перлюстрация переписки уничтожили коррупцию задолго до появления Савелия на свет. Быть администратором, государственным служащим — от мелкого ин-

спектора до премьер-министра — значило круглосуточно находиться под наблюдением, отчитываться за каждую невинную реплику, сказанную собственным детям. Государством управляли хладнокровные, лишенные фантазии флегматики, тщательно контролирующие все аспекты своей жизни, начиная от выражения лица и заканчивая тем, чтобы количество съеденного за обедом примерно соответствовало количеству извергнутого через задний проход. Администраторы заступали на должности в тридцать, в сорок пять с облегчением уходили на пенсию. Законодательную власть узурпировали ученые: законы сочинялись в специализированных институтах и годами скрупулезно обкатывались на компьютерных моделях. Внутренняя политика изжила себя; демагоги, популисты, любители произнесения публичных речей и прочие дилетанты имели неограниченный доступ к максимальной аудитории — для них выделили специальный телевизионный канал, всегда имевший, кстати, постыдно низкий рейтинг. Игра в политику давно никого не интересовала, политика издревле считалась искусством возможного — в государстве, где все возможное уже сделано, политика выродилась.

Что до любви к славе, эту известную страстишку полностью канализировал проект «Соседи». Если сверхновая мегазвезда проекта, восемнадцатилетняя Анастасия Валяева, вызывала на дом педикюршицу, назавтра об этом писали сто пятьдесят журналов общим тиражом в десять миллионов копий, и публика была счастлива узнать подробности жизни не самой Анастасии, недавно разрешившей установить видеокамеры в собственном биде, и даже не ее педикюршицы — но мамы педикюршицы, личного шофера педикюршицы или парикмахера собаки педикюршицы.

Всякий любитель славы мог подключиться к «Соседям», и мужу достаточно было поколотить жену, чтобы

рейтинг трансляций из его жилища резко поднялся, не говоря уже о случаях, когда жена колотит мужа.

Давний лозунг Уорхола о том, что каждый имеет право на свои пятнадцать минут славы, утратил актуальность. Теперь каждый в любой момент получал столько славы, сколько хотел. Первоклассной и громогласной. Все желающие давно объелись ею; каждый Герострат давно поджег свой храм; слава обесценилась и стала развлечением для малообразованной молодежи нижних этажей. Образованная публика семидесятых уровней, буржуазия восьмидесятых и элита девяностых вычеркнули славу из списка ценностей. В конце концов, русский поэт закрыл тему задолго до Уорхола, сказав, что быть знаменитым некрасиво.

Шестнадцатилетние звезды, «соседи» и «соседки», окруженные папарацци и охотниками за автографами, в полутьме тридцатых этажей чувствовали себя королями Вселенной, но, попав на семидесятые, держались скромно, их в любой момент могли поставить на место или даже не пустить в какой-либо уважаемый клуб или ресторан. Сам Савелий иногда наблюдал подобные случаи и даже посвящал им ироничные колонки. Журнал «Самый-Самый» был уважаем читателями как раз благодаря резкой критике тщеславия обывателей.

Обществом уважались совсем простые вещи. Юмор. Здоровый образ жизни. Безвредные хобби вроде разведения аквариумных рыбок. Считалось шикарным заниматься искусством, коллекционировать редкости и поддерживать планы правительства по колонизации Луны.

Правда, и на Луне китайцы опередили всех — китайская колония была в десять раз крупнее русской и американской, вместе взятых.

...На выходе из экспресс-отеля, возле огромного рекламного экрана, где пляшущие буквы предлагали бай-

кальскую воду, Савелия дожидалась приятная девушка в бледно-лиловом.

— Извините, — пролепетала она, — вы забыли это в нашем баре.

И протянула миниатюрный томик, подарок проповедника. Священную тетрадь.

Савелий рассмеялся. Отказываться было бессмысленно, книга принадлежала ему, это наверняка зафиксировало видеонаблюдение.

Он кивнул и сунул книжечку в карман пиджака.

5

Савелий мог принять приглашение миллионера Глыбова и пообедать с героем своего интервью. Может быть, это добавило бы интересных деталей в материал. Но журналист отказался. Во-первых, неизвестно, что предложил бы миллионеров повар. Вдруг жирное мясо? Во-вторых, еще не хватало взрослому дяде угощаться с руки сорокалетнего выскочки, выходца с девятого этажа. В-третьих и в-главных: Савелий по возможности ел в одиночестве. Любил есть и не любил отвлекаться.

Аппетит, правда, в последние годы исчез. Но есть мнение, что на шестом десятке, когда организм и его хозяин обо всем давно договорились, насчет аппетита можно уже не переживать.

Несколькими уровнями ниже он нашел подходящий ресторан. Не слишком дорогой, но с живыми официантами. Савелий, как все люди его круга, по идейным соображениям не посещал заведения, где прислуживали андроиды. Здравомыслящие граждане Москвы считали, что место андроида — не в ресторане, а там, где не способен действовать человек. В агрессивных средах. В космосе, в морских глубинах. Андроид, даже самый дешевый, не

должен отбирать у человека рабочее место. Человечество создавало андроида двести лет — и создало отнюдь не для того, чтобы превратить в лакея.

Для стимуляции приятного чувства голода Савелий на четверть часа зашел в кислородную комнату, где было плюс двенадцать по Цельсию, и там основательно надышался и продрог (человек, пришедший с холода, ест охотнее). Пока мерз и дышал, обдумал меню. От жирного, разумеется, следует отказаться. Герц вздохнул. Недавно Варвара едко прошлась насчет его фигуры. Без жирного, конечно, обед не обед. Как без жирного, если вся жизнь вокруг напоминает мастерски сваренную тройную уху в тонкого фарфора тарелке? Перламутрово-золотистую? Или же, допустим, обжигающую густую солянку с плавающими в ней оливками и маленькой долькой лимона.

Но Варвару надо слушать и учитывать ее мнение. Савелий давно уже понял, что не найдет себе женщины лучше, чем Варвара. В сущности, и без Варвары известно, что жирная пища вредит организму мужчины XXII столетия.

Его проводили в отдельный кабинет, и он, освежившись бокалом байкальской воды, начал с нескольких кусочков копченой говядины со сладкой горчицей. Известный китайский фокус: сладкое в комбинации с острым вызывает большее слюноотделение, нежели просто острое. А за слюноотделением важно следить. Между слюноотделением и личным психологическим комфортом есть прямая связь, это проходят еще в пятом классе.

Продолжил, после небольшой, но необходимой паузы, креветочным суфле с соленым сухариком. Когда доел, за стеной, в соседнем кабинете, вдруг раздался дамский хохот, отчаянный, с повизгиваниями. Видимо, целая компания веселилась там и радовалась. Савелий решил, что именно сегодня не хочет глотать и жевать

в уединении. Вызвал официанта и объявил, что намерен переместиться в общий зал. Серьезный малый ответил «разумеется» и метнулся исполнять. «Почему "разумеется"?» — подумал Савелий, останавливаясь перед своим новым местом и оглядываясь. Вокруг ели. Активно и красиво. Особенно хороша была незнакомка, сидящая по диагонали, обладательница дорогостоящего галлюцинаторного макияжа: вот она, платиновая блондинка, погружающая клубнику в карамельный мусс, а вот она уже томная брюнетка, пригубляющая модный в этом сезоне коктейль «Ультрамарин». «Я правильно сделал, отказавшись от кабинета, — удовлетворенно решил Герц, — сидел там, как филин на пыльном чердаке. А здесь улыбки и благородные лица. Сигарами пахнет и духами».

Он опять вздохнул, представляя себе большую чашку янтарного говяжьего бульона с умеренно обжаренными пресными хлебцами, и приступил к малокалорийному овощному супу — его полагалось есть остывшим, для раскрытия вкусового букета, с небольшим количеством диетической обезжиренной сметаны, но сама мысль об обезжиренной сметане показалась Савелию возмутительной, идущей вразрез не только с представлениями о персональном психологическом комфорте, но и с основными жизненными принципами современного человека. Презирать травоядных — и при этом питаться вареной спаржей и брюссельской капустой, которые суть та же самая трава. Тут можно заподозрить склонность к двойным стандартам, не так ли?

Он вспомнил, что настоящие, убежденные травоеды, называемые в народе «кончеными», отвечают почтенной публике верхних уровней точно таким же презрением и в отместку называют обычных людей «людоедами». И тут же перестал думать на эту тему, чтобы не утратить остатки аппетита.

Выбранное после некоторых колебаний в качестве основного блюда утиное крыло с белой фасолью под густым томатным соусом показалось ему приготовленным без уважения к продукту и потребителю, но все же это не было поводом расстраиваться. Через окна часто прорывались целые потоки солнечного света, полукресло с поясничной поддержкой позволяло принимать самые удобные позы — то выпрямить спину, дабы очередной кусок миновал пищевод, то откинуться для удовлетворенного выдоха, — сидящая по диагонали мадам заказала третий коктейль и уже порывалась подпереть щечку кулачком, чуть поодаль богемного вида компания в восемь рук разрушала огромного лобстера, от стен мягко накатывала музыка, возможно, специальная, возбуждающая слюноотделение... Савелий ощутил себя духовно и физически удовлетворенным и закончил трапезу хорошим куском камамбера.

Доктор Смирнов жил в Бирюлево, в старой скромной башне «Замятин», на сорок первом этаже. Савелий никогда не любил границу тридцатых и сороковых уровней и сейчас, выбравшись из лифта, понял, что сегодня его антипатия станет еще сильнее.

В обширном мрачноватом холле было чисто, но порядок явно наводили без особого рвения. В высохшей чаше фонтана валялись окурки, два или три еще дымились. Пахло кислым. Полицейские объективы были залеплены жвачкой. Видеопанель, закрытая прозрачным антивандальным кожухом, мерцала бездарно сделанной социальной рекламой.

«Хочешь настоящей жизни — иди работать в пожарную охрану». «Будь человеком, не ешь зеленое». «Лунная лотерея — твой шанс подняться к солнцу». И наконец, повсеместное: «Ты никому ничего не должен!»

Именно тут, на сорок первом, все почему-то особенно хорошо понимали, что никому ничего не должны.

Здесь обитала самая бестолковая публика. Поднявшиеся с двадцатых мелкие хитрованы. Богемные балбесы. Обыватели с амбициями. Здесь во множестве обретались одиночки: бессемейные мужчины, доступные женщины, брошенные детьми старики. Иные квартиры, наоборот, превратились в стихийные общежития и сквоты, облюбованные неблагополучной молодежью. Здесь орудовали педофилы, здесь скрывались от алиментов, здесь безумные изобретатели строили вечные двигатели. На тридцать девятом, сороковом и сорок первом можно было встретить и травоеда в обносках, и приличного дядю — например, прогоревшего бизнесмена, продавшего апартаменты на семьдесят пятом, чтоб избежать ареста за неуплату налогов. Здесь всем было на все наплевать, здесь жили временно. Неудачники, чья жизнь катилась вниз, задерживались на год или два, перед тем как окончательно утонуть в болоте двадцатых—тридцатых уровней, а выходцы из низов переводили дух, чтобы продолжить восхождение на приличные шестидесятые.

Иные квартиры пустовали. Повинуясь профессиональному инстинкту, Савелий пнул носком туфли одну из дверей. Заглянул. Комнаты пусты, гуляет сквозняк, у входа возле стены — брошенная хозяевами очень старая голографическая копия щуплого бородатого мужчины с горящим взглядом — то ли Владимира Ленина, то ли Чарли Мэнсона; как известно, в старости оба были неотличимы друг от друга.

Герц нашел нужный коридор. На повороте столкнулся с пожилым человеком, по виду — армейским вербовщиком, обладателем особенного выражения лица, в равных пропорциях сочетающего брезгливость и отеческую любовь.

Вербовщик безошибочно угадал в Савелии чужака и подмигнул:

— Тухлое местечко.

Журналист вежливо кивнул, едва не наступил на мятую пивную жестянку и увидел наконец дверь с нужным номером.

Вопреки опасениям доктор Смирнов оказался хорошо одетым мужчиной, пожилым, но явно сохранившим крепость в плечах и руках. Его спокойное и значительное лицо Савелий тут же легко представил себе на обложке журнала «Самый-Самый» или любого другого солидного журнала. Великолепен был огромный лоб в сетке глубоких морщин — вертикальных даже больше, чем горизонтальных; седые подвижные брови, голубые глаза; взгляд существа, много десятилетий шагавшего от зла к добру и наконец дошагавшего.

Савелий вдруг почувствовал, что слабо улыбается. Сейчас его проводят в замечательную просторную комнату, предложат скромное, но удобное кресло, нальют чаю и простыми фразами расскажут, как устроен мир. У людей с такими морщинами и такими глазами иначе быть не может.

— Вы Савелий, — сказал доктор Смирнов. — Проходите. Хотите чаю?

— Нет. Спасибо.

Хозяин дома кивнул. Герц вошел в просторную комнату и сел в скромное, но удобное кресло.

— Как там Миша? — спросил Смирнов.

Савелий не сразу понял.

— Михаил Евграфович? Лучше всех.

Смирнов благожелательно покивал. Видимо, вспомнил что-то хорошее.

— Неужели до сих пор издает газету?

— Журнал.

— Невероятно. И что, его журнал хорош?

Герц небрежно ответил:

— Его журнал — лучший. Самый лучший.

— Даже так.

Смирнов сел напротив, утвердил на коленях большие старые кисти рук.

— Извините, — вежливо сказал Савелий. — Наверное, я загородил вам солнце.

— Ничуть.

— Хотите, я пересяду?

Смирнов улыбнулся:

— Слушайте, мне глубоко наплевать на солнце.

Грубое слово немного покоробило Герца, но никак не изменило его отношения к хозяину дома: судя по голосу, жестам, манерам и выражению лица, доктор Смирнов был весьма неординарный человек из породы, про которую говорят «таких теперь не делают».

— Вы отказались от чая, — произнес хозяин. — Может быть, хотите воды?

— С удовольствием.

Старик направился в угол, служивший ему кухней. Принес большой стакан. Его вода была изумительна — гораздо лучше, чем «дабл-премиум» миллионера Глыбова. Савелий ощутил любопытство.

— Хорошая вода, — заметил Смирнов, угадав мысли гостя. — Это самоделка. Мы производим ее для себя, в лаборатории. Сами обогащаем витаминами.

— Ваша вода великолепна, — признал Савелий. — А что за лаборатория?

— Мое хобби, — спокойно объяснил хозяин. — Вам будет неинтересно.

— Что же, тогда перейдем к делу.

Доктор Смирнов улыбнулся и вздохнул:

— Собственно, я все объяснил Михаилу по телефону. Моя школа давно закрыта.

Его голос был одновременно мягкий и твердый.

— Почему «школа»? — удивился Савелий, щелчком пальцев активируя диктофон. — Мне сказали, что вы — врач.

— Доктор педагогики. И немного биолог.

— Ага.

Герц изучил морщины на лбу доктора и неожиданно решил сказать то, чего говорить не хотел.

— Видите ли... Мне поручили написать о вас статью. Вы были героем самого первого номера нашего журнала. Вынужден признаться: я не читал того номера. То есть абсолютно не готов к беседе. Это отвратительно. Хуже того: это непрофессионально. Можете выставить меня за дверь прямо сейчас.

— Чепуха, — ответил Смирнов. — Миша меня предупредил. Честно говоря, я не помню, что именно обо мне писали газеты. Все это было очень давно. Писали, да, много... Жена собирала вырезки... Но она умерла. Двадцать пять лет назад я закрыл свою школу. Десять лет назад похоронил жену. Сейчас — бездельничаю. — Он помедлил и улыбнулся. — Почти.

— И что же это была за школа?

— Школа для особенных детей. — Смирнов посмотрел за окно, где колыхался обычный дневной полумрак, потом перевел взгляд голубых глаз на журналиста и внимательно всмотрелся. — Слушайте, если Михаилу действительно нужна статья...

— Статья действительно нужна.

— Мне придется рассказывать подробно, это займет время...

— Я готов, — сразу отреагировал Герц. — Если у вас нет времени, мы можем начать сейчас, а продолжить завтра.

Седой человек помрачнел, опустил глаза и слабо усмехнулся.

— Тридцать пять лет назад я занимался детьми. Работал учителем в школе. Как известно, один из главных принципов современной педагогики заключается в том, что каждый ребенок талантлив. Задача учителя, воспита-

теля — формировать личность ребенка, раскрывая его способности. Одарены все без исключения. Масштаб дара разный, но Божья искра заронена в любую душу. Один вырастает талантливым музыкантом, другой — талантливым водопроводчиком. Один становится Эйнштейном, другой — ассенизатором. Разумеется, обществу одинаково важны как Эйнштейны, так и способные трудолюбивые ассенизаторы. Сейчас я излагаю вам, так сказать, преамбулу, чтобы вы четко поняли...

— Продолжайте, прошу вас.

— Гении и крупные таланты появляются нечасто, но постоянно, и их количество во все времена и эпохи примерно одинаково. Гении равномерно рассеяны по планете. Шекспиры, Коперники и Ломоносовы рождаются в нищей Африке так же, как и в богатой Америке. Но если в благополучной стране опытный педагог быстро выделяет самородка из среды менее одаренных детей, то в бедной и неразвитой стране человек может прожить всю жизнь, выращивая капусту и лишь смутно мечтая о том, чтобы выразить свой дар. Или же, повинуясь внутреннему импульсу, он пытается реализоваться самостоятельно, не имея ни образования, ни условий... Бог знает сколько Шекспиров родится по всей земле и заканчивает свои дни, так и не придумав своего Гамлета. Вы понимаете меня?

— Еще бы!

Смирнов кашлянул. Было заметно, что он не испытывает удовольствия от собственного рассказа.

— ...Отдельно надо упомянуть, что общество в целом совершенно не заинтересовано в обилии Эйнштейнов и Шекспиров. Обществу безопаснее, когда их мало. Избыток гениев приведет к тому, что своей бешеной активностью они погубят цивилизацию. Гении должны пребывать в плотном кольце трезвых осторожных практиков. А если мы заговорим не об обществе, а о государстве — здесь картина еще интереснее. Большие таланты нужны

государству в единичных экземплярах. Достаточно троих-четверых технарей, корифеев точных наук, чтоб изобретали ракеты и бомбы. Плюс желателен один какой-нибудь мыслитель-гуманист, на должность, образно говоря, «совести нации»... Что касается тех, кто изобретает не бомбы, а мирные телефоны и паровозы, — эти всегда заботились о себе сами, не имея поддержки ни от государства, ни от общества. Даже в периоды правления самых мудрых администраций многие великие изобретения десятилетиями лежали под сукном. Государству не нужны Эйнштейны. Нужны солдаты, налогоплательщики и избиратели. Ну и естественно, женщины: для воспроизводства новых солдат и налогоплательщиков. Это страшно звучит, но даже самое справедливо устроенное государство существует, опираясь на посредственностей, и чем их больше — тем государству лучше. А гении всем мешают, они — еретики, они не любят подчиняться и плодят вокруг себя сомневающихся...

— Значит, — перебил Савелий, — вы сделали школу для гениев?

— Наоборот. — Доктор Смирнов поджал губы. — Для бездарей.

— Вот как.

— Меня интересовали абсолютные, классические бездари. Их избыток тоже опасен. На протяжении многих лет своей работы я сталкивался с детьми, которые ни на что не способны. Предлагаешь книгу — ему неинтересно. Даешь музыкальный инструмент — не хочет. Подводишь к токарному станку — не то. Отправляешь ухаживать за животными — мимо. Выводишь на сцену — опять мимо. Ничего, нигде, никак. Глуп, слабоволен, бесхарактерен. Бесполезен. Безнадежен. Я стал наблюдать за такими детьми. Все они жили в неблагополучных семьях. Как правило, в неполных. Исследуя проблему, я понял простую вещь: да, всякий ребенок талант-

лив, но при одном условии — если он зачат в любви. Он может быть рожден в сарае, он может вообще не знать родителей, это неважно... Главное — чтобы его биологический отец любил его биологическую мать. Бездарные дети — это нежеланные дети, появившиеся на свет в результате случайных половых контактов. Я ходил по семьям, собирал статистику, расспрашивал, составлял досье... Я знаю случаи, когда у опустившихся родителей, деклассированных наркоманов и алкоголиков, рождались прекрасные талантливые дети только потому, что родители искренне любили друг друга... Я создал школу-интернат. На свои деньги. Вместе с друзьями — они тоже вложили сбережения. Миша, кстати, активно поучаствовал, и финансово, и вообще... Я собрал не просто трудных детей. Я собрал детей, про которых точно знал, что это случайные дети, зачатые по глупости. Дети, которых не хотели ни мама, ни папа. Это были духовно и интеллектуально бедные существа. Балласт. Они даже воровать не умели, потому что для воровства нужны сноровка и отвага. Я стал искать в каждом Божью искру...

— Зачем?

Доктор смешался и посмотрел на Савелия с удивлением.

— Мне казалось, — вежливо произнес он, — что это мое призвание.

Герц мысленно отругал себя за бестактность. Смирнов посмотрел на журналиста, как смотрел, наверное, на самого бездарного ученика своей школы, и ровным голосом продолжил:

— ...Ребенок, рожденный в любви, гарантированно получает Божью искру. Даже если любовь — на одну ночь. Даже если на десять минут... В общем, я купил большой дом в Подмосковье. Тридцать лет назад, если помните, еще существовало такое странное место, как

Подмосковье. — Смирнов печально улыбнулся. — Дети жили одним коллективом. Мы сами обеспечивали себя всем необходимым. Носили воду из колодца. Отапливали газом...

— Газом? — спросил Савелий. — Где же вы взяли газ? Он давно кончился.

— Тогда еще можно было купить газ. Если газа не хватало, мы топили дровами и углем. Как в XX веке. Вся идея была в том, чтобы жить не в башне, не в муравейнике на жуткой высоте — а уединенно, изолированно. У нас были трактор и грузовик, у нас были куры и даже кролики, мы выращивали картошку и морковь. Маленькая колония в пустоте, в двадцати километрах от ближайшего зеленого стебля. Я едва добился, чтобы нам провели электричество. Это стоило кошмарных денег, но все равно через год нас отключили и предложили перебраться в башню. «Не занимайтесь ерундой, — говорили мне, — живите как все, мы даем вам замечательное помещение с горячей водой и центральным кондиционированием». Я не согласился. Для чистоты эксперимента было важно, чтобы дети контактировали только с педагогами или с себе подобными. С каждого родителя была взята расписка. Впрочем, — Смирнов повторил свою улыбку, — родителям было, что называется, все равно. Нелюбимые дети — они и есть нелюбимые. Учителей было четверо. Мы с женой и еще одна семейная пара. Мы возились с этими детьми в сто раз больше, чем со своими собственными... У вас есть дети?

— Нет, — ответил Савелий и сразу почувствовал стыд. Нельзя отрицательно ответить на такой вопрос и не ощутить стыда.

— Почему?

— Сейчас, — отшутился Герц, — я как раз над этим работаю.

Смирнов покачал головой.

— Умоляю вас, продолжайте, — попросил Герц. — Что было дальше?

— Я не верил в свою теорию. Я создал школу не для того, чтобы доказать теорию, а чтобы опровергнуть ее. Мои дети были абсолютно безнадежны. Не какие-нибудь инвалиды с задержкой умственного развития — нет, совершенно здоровые, нормальные мальчики и девочки, от шести до двенадцати лет... Все как один — абсолютно бездарные. Нелюбопытные, глупые, неловкие существа. Я был молод и полон сил. Был вместе с ними с семи утра и до десяти вечера. Придумывал на ходу, даже перечитал наивные труды Макаренко. Я учил их, что мир прекрасен и они в этом мире тоже прекрасны. Я исследовал душу каждого. Иногда плакал от бессилия. Мне казалось, глупо искать Божий дар там, где в основу положена не любовь, а случайность, прихоть или блуд. Это был поиск добра в зле...

— Черт возьми! — воскликнул Герц. — Финал вашей повести должен быть либо страшен, либо великолепен.

— Я работал восемь лет. Но потом...

В кармане у Смирнова затрещал телефон, и он вздрогнул. Выслушал абонента, глухо произнес: «Сейчас буду», — и с изменившимся лицом встал:

— Мне очень жаль. Мы должны прерваться.

— Одну минуту! — вскричал Савелий. — Скажите, что было дальше? Вам удалось? Удалось?

Смирнов развел руками:

— И да, и нет. Я не рассказал и половины того, что вам следует знать. Если, конечно, вы намерены сделать хорошую статью...

— С ума сойти! Это будет мой лучший материал. А чем вы занимаетесь сейчас?

— Я всегда занимался детьми. И до сих пор занимаюсь.

— Бездарными?

Доктор Смирнов сделался очень мрачным и сказал:

— Пока не знаю. Может быть, наоборот: они слишком одарены. Впрочем, это неважно. Передавайте Мише поклон... И позвоните завтра. Я расскажу свою историю до конца.

Было семь вечера, когда Савелий обогнул башню «Замятин» по спиральной эстакаде и на высоте тридцатых уровней выскочил на горб скоростной юго-западной магистрали. Сразу набрал максимальную разрешенную скорость: во-первых, любил прокатиться с ветерком, а во-вторых, спешил на встречу с шефом. Старик Пушков-Рыльцев не любит тех, кто опаздывает.

Старик был человеком строгих правил, он презирал сусальное благополучие российской столицы и вообще плохо вписывался в современную расслабленную жизнь. Впрочем, его подчиненным, в том числе Савелию, это не мешало. Сотрудники журнала «Самый-Самый», как и остальные обитатели гиперполиса, с детства знали, что нельзя обитать в Москве и не наслаждаться Москвою.

Прошло полвека с тех пор, как утонули многие центры цивилизации. Океаны поглотили Нью-Йорк, Лондон, Токио, Лос-Анджелес и Рио-де-Жанейро. Уцелевшие материковые столицы восточной Евразии — Москва, Дели, Пекин — вошли в большую силу и стали глобальными финансово-экономическими центрами.

Теперь Москва продавала и покупала все и всех.

Кто жил в Москве, того мало интересовал остальной мир: и Европа, превратившаяся в огромный обветшавший музей, где под сенью великих монументов бродили толпы выходцев из Африки, вымогая у растерянных правительств пособия и субсидии; и сама вконец одичавшая Африка; и Ближний Восток, где шейхи и эмиры потрясали друг перед другом кустарными атомными бомбами.

Москва стала возмутительно богата. Москва обеспечивала умопомрачительный комфорт и первоклассный

сервис. Москва опоясалась дорогами из ультрасовременного резиноасфальта. Москва предлагала все мыслимые и немыслимые развлечения, начиная от гонок на оленьих упряжках и заканчивая полетами в стратосферу. Москва хотела радоваться жизни.

Здешние люди пресытились бесконечными войнами, кризисами и прочими глобальными потрясениями. Здесь погубили одного за другим величайших диктаторов, своих и чужих тиранов: Наполеона, Гитлера, Сталина. Здесь проводили над своими гражданами такие эксперименты, которые в других местах боялись проводить над чужими гражданами. Здесь научились подыхать от голода и одновременно летать в космос. Здесь главной книгой считалась не Библия, а история о том, как студент убил топором старуху. Здесь из поколения в поколение генетически накапливалась усталость от исполнения добровольно взятой на себя миссии народа-богоносца.

Однажды народ-богоносец понял, что он давным-давно доказал и себе, и человечеству свою уникальную силу; пора отдохнуть.

Тогда здесь решили послать человечество к черту, сдать в аренду Сибирь и уйти в отпуск.

6

В 19:22 Савелий поставил машину в гараж и поспешил к лифтам. Шеф и хозяин журнала «Самый-Самый» жил в том же здании, где располагалась редакция, но восемью этажами выше. Журнал был главным делом жизни старика — по крайней мере в последние четверть века, — и старик, подобно легендарным трудоголикам XX столетия, не отделял личное пространство от рабочего. Специальный подъемник связывал его спальню с офисом, и часто в разгар дня сотрудники не догадывались, где

находится их босс — то ли решил прикорнуть в послеобеденный час, то ли сей момент заорет во всю мощь синтетической глотки, чтобы вызвать на ковер нерадивого верстальщика или корректора.

В 19:35 Савелий стоял перед дверью, и она не замедлила открыться, поскольку дверь была умная и знакомых впускала беспрепятственно. Однако Пушков-Рыльцев исповедовал старинные законы гостеприимства и предпочитал лично встречать визитеров. Даже если ради этого ему приходилось пересекать на своей коляске из конца в конец всю фешенебельную пятисотметровую квартиру.

— Проходи, — нелюбезно проскрипел он.

Седой, тощий, в ветхом бархатном халате, грудь засыпана сигаретным пеплом — старик лихо развернулся и покатил в святая святых: в огромный кабинет, где пахло старым деревом и от сквозняка развевались всегда опущенные шторы, где в герметичных шкафах хранились уникальные коллекции бумажных книг и под бронированным стеклом особых, на заказ изготовленных витрин сурово отсвечивали раритетные револьверы, кинжалы, сабли, мятые снарядные гильзы, каменные топоры, какие-то бляхи, кокарды и прочие милитаристские редкости и древности.

Пушков-Рыльцев был не один. У журнального столика, сервированного для кратковременного мужского междусобойчика — бутылка, рюмки, банка маслин, — сидел крепкий большеносый человек, не молодой и не старый, не красивый и не уродливый, одетый невыносимо скромно, в выцветшую и обвисшую, мышиного цвета пиджачную пару — примитивный костюм резко контрастировал с осанкой. При появлении Савелия незнакомец непринужденно сменил одну полную достоинства позу на другую, полную еще большего достоинства. Савелий посмотрел на него, потом на шеф-редактора и ощутил странное чувство. Удивительно было видеть одномо-

ментно сразу двух взрослых мужчин, не имеющих на себе перстней, браслетов, цепочек, игривых татуировок, цветного лака на ногтях и зубах и прочих штук, которыми люди привыкли поднимать друг другу настроение во времена дефицита солнечного света.

— Познакомься, — велел Савелию шеф. — Это мой брат.

— Муса. — Большеносый приподнялся и протянул руку, далеко отставив локоть и одновременно сыграв плечом — словно хотел ударить Савелия по печени.

Что-то не похож он на брата, подумал Савелий и пожал сильную ладонь.

— Не похож? — улыбнулся шеф, продемонстрировав стариковский талант к чтению мыслей.

— Нет, — честно признался Савелий.

— Тем не менее мы братья, — пьяновато заявил Пушков-Рыльцев, перевел взгляд на большеносого и ткнул в Савелия пальцем: — А это мой лучший сотрудник. Золотое перо.

— Перо, говоришь? — «Брат» Муса слабо усмехнулся.

Савелий вдруг понял, что перед ним человек с первого этажа. Бандит. Редкая птица на девяностых уровнях.

— Не бойся, Герц, — рекомендовал старик. — Выпей с нами. Смотри, какой подарок мне принесли.

Савелий оглянулся и увидел подарок — действительно весьма оригинальный: сидящая в вольтеровском кресле первоклассная голографическая копия Солженицына, в лагерном ватнике, с номером Щ-854.

Классик гладил бороду и сурово грозил пальцем.

— Пожалуй, мне пора, — негромко произнес Муса.

— Сиди, — приказал Пушков-Рыльцев. — Выпьем втроем. За знакомство. Савелий Герц — тот парень, про которого я тебе говорил.

Савелий напрягся. Владелец журнала «Самый-Самый» считался живой легендой. Помимо сибирской пар-

тизанщины ему приписывали дружбу с двумя премьер-министрами, вражду с третьим, несколько сколоченных и пущенных по ветру состояний, минимум дюжину жен и много чего еще. Если такой человек в присутствии бандита показывает на тебя пальцем со словами «я тебе про него говорил» — скорее всего это означает перемены в твоей судьбе.

— А ты, золотое перо, — шеф повернулся к Савелию, — налей-ка нам всем. Как самый младший в компании.

Савелий наполнил рюмки. Выпили. Алкоголь обжег нутро журналиста и вверг его в дурноту. Муса — видимо, крупный специалист — закинул прямо в горло, одним лихим движением. Старик проглотил шумно, вибрируя дряблым зобом. Сразу попросил:

— Повтори. Кстати, ты есть не хочешь?

— Нет, — возразил Герц. — И выпивать тоже не хочу.

«Кстати, — вспомнил он, — мне еще ехать к Гоше Дегтю. Товарищ попросил приехать — значит, надо приехать. Гоша Деготь — хороший человек, переживающий плохие времена, его надо поддержать».

— Выпивать не хочешь, — сварливо заметил Пушков-Рыльцев. — Кушать тоже не хочешь. Очень странно.

— Чего ты к нему пристал? — тихо попенял старику большеносый «брат». — Может, человек употребляет радость в чистом виде.

— Вряд ли, — медленно ответил шеф-редактор. — Я бы знал. Ты ведь, Савелий, не употребляешь радость в чистом виде?

Савелий решил обидеться. Только богатые, пожилые и пьяные люди, вдобавок близко знакомые, могли допустить меж собой такую бестактность, как разговоры о поедании мякоти стебля. Но «брат» явно наблюдал за Савелием, и взгляд серого человека до такой степени ничего не выражал, что благоразумнее было просто отмолчаться.

Несмотря на богатейший репортерский опыт, Герц мало знал эту публику: бандитов, «друзей», обитателей этажей с первого по пятый или квартирантов уцелевших кое-где по окраинам обветшавших лужковских семнадцатиэтажек, где каждый второй подросток с пятнадцати лет норовил сколотить бригаду, чтобы однажды ночью завалить стебель, распродать перекупщикам мякоть и заиметь собственный вертолет. На самых нижних этажах не боялись ни милиции, ни дьявола, изобретали сложные смеси мякоти пятой возгонки с кокаином и опиумом, занимались работорговлей, содержали фешенебельные бордели и букмекерские конторы с миллиардными оборотами. Там подделывали все на свете, начиная от китайских «роллс-ройсов» и закачивая туристическими путевками на Луну, изобретали аппаратуру для подавления сигнала государственных микрочипов, пытались клонировать Березовского, Билла Гейтса, Зинедина Зидана, Брюса Ли, Михаила Круга, Пита Догерти и генерала Агафангела Рецкого. Разумеется, великий и могучий Пушков-Рыльцев, один из одиознейших общественных деятелей Москвы, непотопляемый старик, джентльмен и негодяй, имеющий как судимости, так и государственные награды, поддерживал прочную связь с преступным миром, и Савелий не удивился, увидев в его кабинете профессионального злодея. Но сидеть рядом со скромнейшим, экономно цедящим словечки «братом» за одним столом, выпивать — это было слишком. «Зачем старикан меня позвал? — думал Герц, раздражаясь. — Познакомить с уголовником? Зачем мне уголовник? Уголовники не дают интервью. Вся их жизнь, до мелочей, организована так, чтобы сделаться как можно незаметнее. Для любого уголовника журналист — самый главный враг после милиционера».

— Не напрягайся. — Шеф-редактор опять угадал мысли подчиненного. — У меня к тебе разговор. Важный. Му-

са просто забежал на огонек, меня проведать. Это хорошо, что вы теперь знакомы. Будете полезны друг другу. Короче говоря, у меня созрел тост. Налейте по последней.

Савелий протянул было руку, но на этот раз «брат» состроил мгновенную точную гримасу — мол, позволь, теперь я сам — и мастерским движением плеснул каждому.

Пушков-Рыльцев, держа рюмку в узловатых, слегка дрожащих пальцах, посмотрел на Мусу — с большой приязнью, потом на Герца — строго и внимательно.

— Завтра, парни, моему журналу исполняется тридцать лет. Завтра будет банкет и все остальное. Но так получилось, что мы начали отмечать юбилей уже сегодня. Я давно разменял сто лет и ненавижу юбилеи. Но эта дата — повод к большому празднику. Когда я вспоминаю, как начинал, — мне становится страшно. Первые три номера я написал один. От первой полосы до последней. Под восемью псевдонимами. Никто не верил, что я сделаю крутой качественный журнал, который будет рассказывать не о звездах экрана, а о тех, кто делает дело. С тех пор я выпустил триста шестьдесят номеров, прославил на всю страну полторы тысячи человек, и это были лучшие люди. Люди труда и идей! Инженеры, врачи, педагоги, художники. Созидатели. Сейчас русскому человеку вроде бы незачем созидать. Все давно создано, всего немерено, жри от пуза! Абсолютное процветание, халявное богатство, персональный психологический комфорт и прочее говно. Но я не любитель халявы. Мне говорили: «Не ставь на обложку инженеров, не ставь изобретателей — у них тревожные лица, у них старая кожа, у них морщины, они плохо подстрижены...» А я ставил. И оказался прав. Выпьем за тех, кто делает дело. Неважно какое.

«Чем же не угодил ему персональный психологический комфорт?» — подумал Савелий, внутренне сжался и заставил себя проглотить водку. Еще рюмка, решил он, и будет катастрофа.

К его облегчению, сразу после тоста Муса вздохнул и поднялся. Осанка его была великолепна.

— Я провожу, — пробормотал шеф, жуя маслину, и «братья» двинулись вон, исчезли за дверью, оставив ее полуоткрытой. До Савелия донеслись обрывки прощальных фраз, все на изощренном жаргоне первых этажей.

Прикатив обратно, Пушков-Рыльцев объявил:

— А я б еще выпил.

«Не сомневаюсь», — хмыкнул про себя Герц.

Старик беззаботно улыбнулся:

— Знаешь, я ведь могу за раз два литра на грудь взять. Желудок — пластиковый, почки и печень — тоже. А самое главное — мне не надо беспокоиться о том, чтобы меня ноги держали. Эта падла, — старик постучал пальцем по подлокотнику коляски, — знаешь, какая умная? Я нажимаю кнопку, и она сама на автомате едет до туалета и над унитазом меня наклоняет, чтобы я, значит... ну, ты понял...

— Понял, — вежливо ответил Савелий.

Старик хотел сказать что-то еще, даже рот открыл, но ему помешал грохот пролетевшего мимо окон вертолета: очередной китаец возвращался к себе домой после ужина в фешенебельной «Фанзе», или в «Янцзы», или в «Великой стене», или в другом закрытом клубе, где отпрыски богатейших семейств сибирско-китайского анклава проигрывали друг другу миллионы в маджонг.

Пушков-Рыльцев покачал головой:

— Представь себе, Савелий, я помню времена, когда не было ни травы, ни домов в сто этажей. Я жил на четвертом, в девятиэтажном доме, и прекрасно себя чувствовал. А дом был самый высокий в городе. Правда, город назывался не Москва. По-другому. Были тогда и другие города, кроме Москвы... Вот что я тебе скажу: человек не может жить на небесах. Бог создал нас, чтобы мы ходили по земле. И смотрели на мир с высоты собственного роста. Когда я въехал в квартиру на сорок пятом уровне, у меня бы-

ло такое чувство, будто я — в самолете. Я просыпался и засыпал с ощущением ожидания: когда же, мать вашу, мне скажут, чтоб я пристегнул ремни и готовился к посадке?

Савелий терпеливо ожидал завершения ностальгической увертюры. Сам он, наоборот, именно внизу, у подножия башен, ощущал дискомфорт и даже тревогу. Разумеется, патриарх не прав. Бог создал человека не для того, чтобы он жил на земле. Бог создал человека, чтоб он жил везде. Внизу, наверху. Под водой и над облаками. На Луне и еще дальше.

— Вижу, ты не согласен, — с сожалением заметил Пушков-Рыльцев. — Ладно. Мы еще вернемся к разговору о том, для чего нас создает Бог. Ты готов выслушать нечто очень важное?

— Готов, — ответил Герц.

Шеф-редактор прикрыл глаза, нажал кнопку и сделал круг по комнате. Мотор его кресла тихо жужжал.

— Завтра на банкете я объявлю о том, что ухожу. Я стар, я устал, я инвалид. Мне пора в колумбарий. Журналом будешь руководить ты.

От изумления Савелий едва не потерял сознание. Старик сверлил его взглядом — словно воткнул зазубренный штык и проворачивал в ране.

— Почему я?

— Таково мое решение.

— Но вы не спросили моего согласия.

— А зачем? Ты бы ответил, что не хочешь.

— Да. Я бы ответил, что не хочу.

— Ты единственный, кто сможет руководить делом.

— Мне казалось, Пружинов...

— В задницу Пружинова! — раздраженно каркнул шеф-редактор. — Пружинов слишком любит власть! Люди, которые слишком любят власть, не должны властвовать! Они превращаются в тиранов и разрушают все, что им подвластно. Только ты, Савелий. Только ты.

Герц покачал головой:

— Я не готов.

— Тебе пятьдесят лет, — тихо, но гневно произнес старик. — Тебе пора расти.

— Пусть трава растет. А я хочу просто жить, и все.

— Нельзя «просто жить», дорогой мой. Человек не должен «просто жить, и все».

— Человек никому ничего не должен.

Пушков-Рыльцев опять нажал кнопку и подкатил совсем близко к Савелию.

— Мальчик, тебе пора перестать повторять эти лозунги для сытых идиотов.

— Эти лозунги повторяет вся страна.

— Ты ничего не знаешь про страну, Савелий. Тебе пора понять, что нет более наивных и неосведомленных существ, чем профессиональные журналисты. Каждый из них думает, что все понимает, и поэтому на самом деле не понимает ни хера.

— Если я не понимаю ни хера, — возразил Савелий, чувствуя себя сильно задетым за живое, — как тогда я смогу возглавить журнал?

— Так и сможешь. Начнешь, и суть вещей постепенно откроется тебе.

Савелий понял, что больше не может сидеть. Встал и вытянул руки по швам.

— Михаил Евграфович, поверьте... Мое уважение к вам очень велико, но...

— В задницу уважение, — перебил старик. — Я знаю все, что ты скажешь. Ты скажешь, что не хочешь нести нагрузку. Ты скажешь, что тебе и так хорошо. Что ты боишься. Что можешь не справиться. Ты скажешь еще какую-нибудь чепуху...

— Нет, — твердо возразил Савелий. — Я просто откажусь. Наотрез.

Пушков-Рыльцев кивнул и развел руками.

— Тогда, — печально произнес он, — наш боевой листок придется продать. Голованову. Эта сволочь тут же отвалит огромные деньги. И вольет журнал в корпорацию «Двоюродный брат». Будете брать интервью у «Соседей», вошедших в топ-сто. Уверяю тебя, Савелий, при новых хозяевах ты не продержишься и года. Потому что писать про настоящих людей — это одно, а писать про олигофренов, которые дерутся сковородками, женятся и разводятся раз в неделю, — совсем другое.

Савелию стало страшно. Он представил себя автором статьи о семействе Валяевых и вздохнул:

— В общем, это ультиматум.

— Вся жизнь состоит из ультиматумов, — сухо ответил старик, отъехал на два метра, изучил Савелия с ног до головы и театрально провозгласил: — Шеф-редактор Савелий Герц! Звучит. Ты будешь хорошо смотреться в моем кабинете.

— Мне не до шуток.

Пушков-Рыльцев сверкнул глазами:

— Мне тоже. Слушай сюда, парень. Слушай очень внимательно. Ежемесячник «Самый-Самый» кормит тридцать человек. Я бы хотел, чтобы после моего ухода журнал продолжал существовать. И обеспечивать людей работой, деньгами и статусом. Что и как будет здесь после меня — мне не важно. Главное — чтобы дело двигалось. Именно поэтому я делаю предложение тебе, а не Пружинову. Хотя этот жук, как ты сам заметил, спит и видит себя в моем кресле. — Пушков-Рыльцев указал подбородком на дверь, давая понять, что речь идет не об инвалидном кресле, а именно о кресле босса. — Но Пружинов будет разочарован. Новым шефом станешь ты, Савелий. Ты спокойный, умный и лояльный малый, ты будешь твердой рукой крутить штурвал и прокладывать курс.

— А если не потяну?

— Потянешь, — небрежно ответил шеф. — Повторяю: главное — решиться, а потом само пойдет. Не забудь, вас же будет двое. Ты и Варвара. Муж и жена.

— Я не женат.

— Так женись, черт возьми!

— Я не умею руководить, — твердо заявил Савелий. — Требовать, подчинять, насаждать дисциплину — это не мое. Я не лидер от природы.

— В задницу природу! — прорычал Пушков-Рыльцев. — Думаешь, я — лидер? Если бы пятьдесят лет назад мне сказали, что я буду управлять собственным журналом, я бы даже не понял такой глупой шутки. Я еще меньший лидер, чем ты. А вот приперло — и пришлось лидировать. Я обещал, что мы вернемся к разговору о том, для чего нас создал Бог. Скажи, тебе понравился Муса, мой гость?

— Муса как Муса, — ответил Савелий.

Старик кивнул и понизил голос:

— Бог создал Мусу убийцей. Настоящим. Я видел его в деле. Не один раз. Однажды мы вдвоем отстали от отряда и вышли на китайский пикет. Я не успел затвор передернуть, как он положил троих и за четвертым погнался... А сейчас у него — бизнес, офис, секретарша и прочее. Деньги делает! Хотя рожден для того, чтобы сражаться. Савелий, не пускай слюни. Бери журнал и занимайся.

— Дайте время подумать.

— Даю, — мгновенно ответил старик. — До утра. И не забудь, я предлагаю тебе не только достойное дело, но и достойный доход. Ты сейчас на шестьдесят третьем?

— На шестьдесят девятом.

— Что же, через год переберешься повыше. Куда-нибудь на восемьдесят второй. Если, конечно, эта зеленая гадость не сгниет и людям не будет наплевать, на каком этаже жить...

— Думаете, она сгниет?

Шеф-редактор погладил подлокотники и помрачнел.

— А ты не веришь?

— Не знаю, — искренне ответил Савелий. — Как-то не думал об этом.

— А ты подумай. — Пушков-Рыльцев подмигнул. — И главное, верь. Чем больше нас будет верить — тем скорее наступит великий день. Правда, если он наступит — нам мало не покажется... Кстати, с Варварой я сам поговорю. Будете рулить вдвоем. Муж с женой, оба — журналисты, управляют собственным ежемесячником — это прекрасно!

«Варвара, разумеется, запрыгает от счастья», подумал Савелий.

Старик меж тем внимательно следил за его лицом. Помедлил, затем начал говорить, тихо, почти стеснительно:

— Журнал — это все, что у меня есть. Было многое, но остался только журнал. Я хочу, чтобы он меня пережил. Мне не нужно, чтобы после моего ухода люди сказали: «Вот, был Пушков-Рыльцев — был журнал, нет Пушкова-Рыльцева — и журнала нет». Мне, дорогой Савелий, хочется, чтобы люди сказали: «Ого! Пушков-Рыльцев давно в могиле, а журнал его процветает!» Вот о чем я мечтаю, Савелий. Разумеется, у нас с тобой будет время для того, чтобы передать дела... Месяц или два я буду все время рядом. Помогать и подсказывать. Потом двинешь самостоятельно. Мы с тобой очень разные. Я — инакомыслящий, ты — лояльный. Но так даже лучше. Кое-кто, — старик состроил свою фирменную презрительную гримасу, — будет очень рад, что я ушел на покой и во главе журнала стоит мирный законопослушный гражданин... Только, парень, не будь слишком мирным и законопослушным.

— Это как? — спросил Савелий. — Как отличить просто законопослушного человека от слишком законопослушного?

— Сам поймешь, — отмахнулся старик. — А теперь иди. Только перед уходом пошарь в том шкафу, рядом с энциклопедиями... Там есть бутылки, одна полная, другая наполовину пустая — тащи сюда обе. Я сегодня ночью пить буду. Один. Любишь пить один?

— Нет.

— Ну и дурак.

Солженицын все кутался в свой лагерный бушлат, грозил пальцем из угла.

— Погоди, — сказал старик, когда Савелий стоял в дверях. — А ты чего такой напуганный?

— А какой я должен быть? После услышанного?

— Эх ты, — снисходительно прохрипел Пушков-Рыльцев. — Веселись, дурак. Риск, ответственность, нагрузка — это и есть счастье! Если тебе доверяют — наслаждайся. Возглавить большое дело — все равно что невинность потерять. Такое бывает только один раз. И запоминается навсегда... Тебе, малый, надо не вздыхать и ужасаться, а праздновать. Понял?

— Да.

— Иди.

«Хорошо ему, столетнему и безногому, учить меня жизни», — раздраженно думал Герц, спускаясь в гараж.

Однако по мере продвижения лифта и изменения порядка цифр на экране — шестидесятый уровень, пятидесятый, сороковой — Савелий понемногу укрепился в мысли, что старик прав.

«Действительно, чего бояться? Подумаешь, журнал. Это же не оборонный завод. И кстати, перемены в судьбе давно назревали. Если откровенно, я сам их желал. При всей моей нелюбви к переменам, при всем стремлении к упорядоченности и стабильности я давно нуждался в новом и большем. Как пел тот странный музыкант сто лет назад? "Сны о чем-то большем"? Бывает,

противишься чему-то большему, а оно само стучится в дверь.

Женюсь, да. Стану шефом. Настоящим журнальным боссом. Поселюсь на восьмидесятых, где солнце бывает минимум полдня в день. Я не карьерист — и не лез к новому и большему. Не карабкался, стиснув зубы, по чужим головам. Все произошло своим чередом. Значит, так тому и быть. Евграфыч, дьявол ветхий, все-таки мудр. Он титан, фигура, он во всем прав. Власть и влияние опасно вручать авантюристам с пылающим взором. Власть и влияние должны находиться в руках у трезвых рассудительных Савелиев».

Он вышел из лифта, лелея в себе новые ощущения. Как будто вдруг стал шире в плечах. И обоняние обострилось, и слух. Старая жизнь осталась в прошлом, впереди сверкала новая.

В огромном зале гаража было шумно, из широкого китайского «майбаха» выгружалась, хохоча, группа раскрашенной молодежи — видимо, приехали из дансинга, чтобы продолжить активный отдых у кого-то в квартире. Динамики лимузина исторгали нечто дикое, будто целая армия шаманов молотила в бубны, упившись секретного шаманского зелья. Пританцовывающие девочки — блудливые мордашки, задорно торчащие сиськи из высококачественного вспененного силикона — увидели журналиста, издали мелодичные возгласы, помахали — присоединяйся, мол, дядя, у нас весело, смотри, какие мы открытые для всего нового и большего; гляди, какие у нас попки упругие, какие наши мальчики мускулистые; нам хорошо, пусть и тебе будет хорошо.

Савелий сурово улыбнулся и двинулся к своей машине. Надо сказать, ребята подозрительно благодушны и раскованны. Не иначе, мякоти обожрались. Нынешняя молодежь все-таки очень неосторожна, тут повсюду объективы...

«Праздник — праздником, журнал — журналом, но осторожность необходима», — сказал себе Савелий, вспоминая адрес Гоши Дегтя и настраивая автопилот.

Он давным-давно не был в гостях у старого товарища. Гоша жил далеко, практически на окраине, в районе с дурной репутацией, в старой башне для низкооплачиваемой интеллигенции. Визит к Гоше обещал угрозу личному психологическому комфорту. Лучше не ехать в сомнительное место на дорогой машине, а вызвать такси — и не автомат, а с живым водителем; очень дорого, зато безопасно.

«Ладно, — подумал Герц, — рискнем. Я шеф-редактор популярного журнала, зачем мне кого-то опасаться? Пусть теперь меня опасаются. Я теперь, если захочу, любую сволочь пропечатаю, тиражом в сто пятьдесят тысяч, с цветными фотографиями. В порошок сотру. Мой журнал называется "Самый-Самый", ясно? Вон, девки маются от безделья и здоровья юного — сейчас поманю пальцем, и любая все сделает, лишь бы ее портрет в моем журнале появился...»

Он вздохнул и тронул машину с места. «Зачем мне девки. У меня есть женщина, и я ее люблю».

7

— Я думал, ты не приедешь, — выдал Гоша Деготь вместо приветствия и неприятным жестом вытер мокрый рот. — Проходи пока на кухню. Подожди пять минут. У меня тут небольшая проблема.

Савелий кивнул и отправился, куда ему рекомендовали. Он устал, в голове слегка шумело. Его не удивили странности в поведении товарища. «Небольшая проблема» была на самом деле бывшей супругой Гоши. Усевшись за стол, покрытый нечистой скатертью — в центре

на тарелке лежало огромное ярко-красное яблоко, рядом стояла початая бутылка коньяку, — Савелий услышал гневные возгласы.

— Подойди к зеркалу! — надсадно кричала женщина за стеной. — Посмотри на себя! Ты отвратителен!

Оппонент что-то неразборчиво бормотал. То ли клялся, то ли успокаивал.

— Все люди как люди! Приятные! Разносторонние! Кто марки собирает, кто запахи старинные! Всем весело, всем комфортно! Вон, у меня приятельница — на Луну летала! С «другом»! Красота, говорит, невероятная и легкость во всем теле! На будущий год опять полетит! А ты? Чего тебе не живется? «Соседи» жизнь испортили? Да они сейчас везде! Забудь, выбрось из головы!

Она права, сказал себе Савелий. «Соседей» все больше. Теперь уже и на шестидесятых вовсю увлекаются. Это сразу заметно, когда сосед становится «соседом». Он тогда ежедневно рядится исключительно в лучшие одежды и его жена даже собачку выгуливать идет только в вечернем платье. Или, наоборот, в мини-юбке и безумной раскраске наподобие грубого театрального грима.

— Встряхнись! — кричала женщина. — Ты знаешь кто? Ты — беззубый!

«А вот тут ты ошибаешься, — подумал Герц. — Он точно такой же зубастый, как и ты, уважаемая. И еще в сто раз зубастее. Ты же не читала его статьи. А я читал. Внимательно. Только ты, мадам, свои зубы норовишь в других вонзить. В первую очередь в мужа своего бывшего. А он, бывший муж, свои зубы не показывает, он ими грызет исключительно самого себя. Такова между вами разница».

— Ты скоро окончательно превратишься в бледного! Ты мне противен!

«А сама ты лучше, что ли? Визжишь, как электродрель. Найти бы твою кнопку да выключить». Савелий вздохнул.

— Чего притих? Стыдно, да? Молчишь?

«Конечно, ему стыдно. За тебя стыдно. Как же ему не молчать, если ты слова не даешь вставить».

— Все! Я ухожу!

«Давно пора. Иди. Подключись к "Соседям", там такое любят. Там скандал — это круто, это рейтинг. Это слава и подарки спонсоров».

Герц посмотрел в окно. XXII век мерцал и колыхался. Пространство, перечеркнутое вертикальными линиями стеблей, в вечерней полутьме на их поверхностях играют блики, меж стеблями — яркие огни, всех цветов, их тысячи, и парящие голограммы реклам, и бегущие по горбам эстакад машины, выше — вертолеты, еще выше — чернильные небеса.

Сто лет назад было иначе, подумал Савелий. О, дикое и жестокое прошлое! Кровавый зарешеченный XX век! Беспорядочный и форс-мажорный XXI-й! Суровые прямые люди, никаких семейных конфликтов, воплей, никаких изнеженных истеричек, никакого мещанского безделья и туристических поездок в места, где каждому гарантирована легкость во всем теле.

Мужчин часто тянет в прошлое. В те благословенные незамысловатые времена, когда можно было молча взять дуру за волосы и тряхнуть пару раз. Для упрочения личного психологического комфорта.

Или, продолжал размышлять Герц, перестаешь ее, допустим, кормить. День не кормишь, два — на третий она уже совсем тихая и послушная.

Закрыв за своей благоверной дверь — вернее, это благоверная сама хлопнула ею, — Гоша вошел в кухню, шаркая. Сутулый, со слезящимися глазами. Выхватил с полки два стакана, налил в оба. Молча выпил. Покачал головой.

— Двадцать лет вместе. Двое взрослых детей. Девять комнат. Пятьдесят четвертый этаж. Чего ей не хватало?

Савелий молчал. Он не нанимался третейским судьей и не желал «работать» жилеткой для чужих слез. Все это уже происходило много раз.

Гоша опять налил себе и с нажимом произнес:

— Выпей.

Савелий перевел взгляд на красное яблоко. Оно было здоровым. Все остальное — скатерочка, дыхание сидящего напротив нетрезвого товарища, сам воздух кухоньки — больным.

— Я уже пил сегодня, — ответил он. — Больше не хочу. Зачем звал?

Гоша Деготь зажмурился и несколько раз глубоко вздохнул. Савелию стало его жаль. Все-таки, наверное, Гоша был боец и бился, как умел. Изо всех сил. Но вышло так, что силы кончились.

— Прости, — пробормотал Гоша. — Ничего особенно не случилось. Просто захотел... не знаю... посидеть, поболтать... Черт знает что творится... В общем... — Он встал, опять сел, схватился за бутыль, потом решительно ее отодвинул и посмотрел на Герца. Устало и затравленно.

— Тяжко тебе, — осторожно заметил Савелий.

Неожиданно Гоша злобно захохотал.

— Мне? Я в порядке. У меня есть вот это. — Он показал на бутылку. — Это тебе, Савелий, тяжко. У тебя этого нет.

— Не имею потребности.

Гоша сощурился:

— Это меня и пугает.

— Ты о чем?

— Выпей. С товарищем и коллегой. Выпей.

— Не буду.

— Выпей! — крикнул Гоша и сильно двинул к Савелию стакан. — Просто выпей, и все.

Несколько мгновений Герц сидел без движения, потом в два больших глотка исполнил просьбу.

— Доволен?

Гоша Деготь не сводил с него глаз. Процедил:

— Пока не знаю. Подождем.

— Ничего не выйдет, — усмехнулся Герц. — Я чистый.

Гоша молчал, тяжело сопел. Савелий вдруг расслабился — или алкоголь его расслабил, — хлопнул приятеля по плечу:

— Успокойся. Ты позвал меня проверить, не жру ли я мякоть стебля?

— Нет, — тихо ответил Гоша и опустил глаза. — Не за этим.

— Тогда зачем?

— Я же сказал: посидеть, поболтать.

— Тогда давай болтать.

— Мы уже это делаем.

Гоша ухмыльнулся. Взъерошенный, тощий, плохо выбритый. Жертва древней, как мир, болезни. «Будь я его женой, — подумал Савелий, — я бы тоже устраивал скандалы. И в конце концов ушел бы. В доме грязно. Пыль. Пахнет едой. Дурной, жирной едой. Когда в доме пахнет едой — это несовременно, это мешает персональному комфорту. Сколько пропивает этот бывший баловень фортуны, автор бестселлера "Я ваш сосед"? Алкоголь стоит больших денег. В наши времена пьянство — недуг богатых. Как триста лет назад — подагра. Бледные граждане не пьют водку, у них есть мякоть стебля».

— Кстати, — заявила жертва недуга богатых, — передай нашим, что я не пойду на банкет.

— Пойдешь, — отрезал Герц. — И не просто пойдешь. Ты пойдешь трезвый, в смокинге и с супругой. Все идут — и ты пойдешь.

Гоша покачал головой и грубо выругался.

— Пойдешь, — спокойно повторил Савелий и закинул ногу на ногу. — Таково распоряжение шефа.

— Похер мне распоряжения шефа, — так же спокойно парировал Гоша. — У шефа пластмассовая задница и резиновый желудок. Шефу сто лет, он живет в своем мире...

— Ошибаешься, — произнес Герц. — Теперь шеф — я. А мне всего пятьдесят, и моя задница натуральная.

Вопреки ожиданиям Гоша Деготь отреагировал вяло. Всего лишь молча кивнул. «Даже не поздравил, — подумал Герц. — Тоже мне товарищ. Впрочем, что взять с пьющего?»

Он воодушевился и продолжил:

— Более того, господин Деготь, именно с банкета начнется твоя новая жизнь. Я загружу тебя работой так, что у тебя не останется времени на водку. Ты станешь моей правой рукой.

— А Варвара — левой, — тусклым голосом сказал Гоша.

— Нет. Варвара займется финансами.

— Ах да. Разумеется.

— Через два года ты переедешь отсюда в приличное место. Гарантирую. Допустим, в башню «План Путина». Куда-нибудь на шестьдесят восьмой. И это будет только начало. Мы перестроим работу. Мы станем более развлекательными, цветными и веселыми. Тираж поднимется. Рекламные поступления возрастут. Мы с тобой, дружище, оставим внукам резиденции в пятнадцать залов на восьмидесятых уровнях...

— Внукам? — иронично спросил Гоша, пододвигая к себе бутылку. — У тебя и детей-то нет.

— Надеюсь, будут.

— Что ж, отличный план. Варвара знает?

— Еще нет.

— Она будет рада.

— Я тоже так думаю.

— Только это ничего не изменит.

— А что должно измениться?

— Ничего, — сурово произнес Гоша. — Это я так. Нахожусь под впечатлением беседы с матерью моих детей. Женщины — особенные существа. Они никогда не хотят ничего менять. Они принимают мир таким, какой он есть. Они адаптируются. И требуют того же от своих мужчин. Ты очень изменился, Савелий. Я помню тебя другим. Ты был злой. Ты хотел что-то изменить. А теперь у тебя есть твоя Варвара, и она переделала тебя...

— Прекрати.

Гоша ухмыльнулся:

— Прекратить? Ты еще скажи, что я наношу вред твоему персональному психологическому комфорту.

— Не в этом дело. Просто Варвара тут ни при чем.

Гоша вдруг послушно кивнул:

— Ты прав! Извини. Варвара ни при чем. — Он провел ладонью по лицу. — Не слушай меня. Видишь ли, Савелий... Не знаю... Надо как-то... Я всегда тебя любил. Ценил и уважал. Я хочу, чтоб ты это знал. Я журналист, но я — неконтактный человек, одиночка, вокруг меня всегда было мало людей... У меня близких — дети... ты... и все. Понимаешь?

— Понимаю, но не до конца. К чему ты клонишь?

— Ни к чему! — крикнул Гоша. — Просто мне нужно, чтобы ты именно сегодня от меня это услышал.

— Что-то случилось?

— Ничего. Абсолютно ничего. Кстати, ты... В общем, прими поздравления.

— Я не хотел, — деловым тоном сказал Савелий. — Но старик настаивал.

— Старик — он, да... — пробормотал Гоша. — Он кого угодно... Ты — шеф, это прекрасно, это первоклассная новость... Это лучшее, что можно представить. Особенно сегодня. Это счастье. Это мне знак...

«Сколько он выпил?» — подумал Герц. Не удержался, протянул руку и взял яблоко. Тут же крупно вздрогнул — оно оказалось декоративным, пластиковым.

— Мне пора.

Гоша Деготь вздохнул:

— Посиди еще минуту. Просто посиди. Ты хороший человек, Савелий. Завтра все будет по-другому. Для тебя и для меня. Ты станешь шефом, а я... — он помедлил, — ну, тоже, наверное, стану кем-нибудь... В любом случае жизнь продолжается. Трава растет, контора пишет. Китайцы работают. Никто, так сказать, никому ничего. Ты прости меня, ладно?

— За что?

— За все. И жену мою прости. Она немного несдержанная женщина, но она права. Я слабак, сам себя загнал в угол.

— Поедем со мной, — предложил Савелий. — Переночуешь у меня. Ты мне совсем не нравишься. Напьешься сегодня — утром будешь страдать. А завтра — тяжелый и важный день.

— Не волнуйся, — твердо сказал Гоша. — Все будет хорошо. Варваре привет передавай.

В дверях он схватил Герца за плечи, сильно рванул к себе и обнял. От друга пахло потом, коньяком и соевым соусом. Савелий осторожно провел ладонью по худым вздрагивающим лопаткам.

— Держись. Завтра все изменится.

— Знаю, — тихо ответил пьяный товарищ. — Еще как изменится.

Через пять минут Савелий, мучимый виной — ему казалось, что он слишком мало сделал, чтобы приободрить унылого выпивоху, — позвонил Гоше из машины.

— Ты точно в порядке?

— Более чем! — Голос звучал бодро, трезво и даже немного грубо. — Знаешь что? Ты, уважаемый господин шеф-редактор, за меня не переживай. Ты за себя переживай.

Савелий обескураженно попрощался, посмотрел на часы и прибавил ход. Все-таки алкоголики — тяжелые

люди. Говорят, сейчас даже модно иметь в друзьях настоящего хронического алкоголика. Говорят, такие, если очень много выпьют, начинают в собеседника пальцем тыкать и говорить неприличные, но, в общем, правдивые вещи. Или плачут и бессвязно объясняются в любви. Или начинают признаваться в дурных поступках, совершенных, предположим, пятнадцать лет назад.

До ближайшей скоростной эстакады было около трех километров темной, в ямах и лужах, дороги меж старых домов эпохи начала высотной застройки. Герц сообразил, что даже для этого района, неблагополучного, сплошь заселенного бледнейшими, здесь как-то слишком темно. Словно произошла авария и уличные фонари разом выключились. Мелькали группы людей — все почему-то прижимались к стенам. Только мужчины: темная одежда, капюшоны, поднятые воротники, руки в карманах. Почти все курят. Лица бледные. Кто-то отделился от остальных, торопливо перебежал дорогу.

— Ах ты, черт трущобный, — выругался Савелий, выворачивая руль и предчувствуя нечто дурное, впрямую угрожающее личному психологическому комфорту.

Тут же предчувствия сбылись: впереди и сбоку ослепительно сверкнуло бело-желтым, вспышка озарила улицу на сотню метров вокруг, и оказалось, что людей, прижавшихся к стенам, очень много — может быть, несколько сотен. Спустя мгновение донесся звук взрыва. Машину тряхнуло, но Герц не потерял управления. Затормозил, всмотрелся. Секунду или две ничего не происходило. Потом сверху косо надвинулась тень. Что-то огромное медленно опускалось, загораживая небо и дальние огни. Герц, ничего не понимая, инстинктивно втянул голову в плечи. Тень изогнулась, накрыла собой все. Стебель, понял Савелий, они валят стебель! Земля дрогнула, звук удара был протяжный и неприятный. Узкое чешуй-

чатое тело рухнуло поперек дороги в двух десятках метров от капота. Асфальт лопнул, вздыбились обломки, мелкая пыль взлетела в воздух.

Люди побежали еще до того, как трехсотметровая змея перестала колебаться. Взревели моторы, из переулков вылетели автомобили с выключенными огнями. Никто не подавал голоса, слышался только бешеный топот многих ног. На Герца не смотрели. Кто-то упал, другой спортивно через него перепрыгнул. Вообще большинство бегущих демонстрировали отменную физическую форму и заметна была организованность: по мере приближения к поверженному стеблю толпа разделилась на примерно равные группы — машины устремились к верхушке, пешие облепили середину. Взревела портативная пила, потом еще одна, и еще — дребезжащие визги слились в дикий хор.

Герц сидел не шевелясь, загипнотизированный зрелищем. Однако его привели в чувство: подскочили двое широкоплечих, с железными трубами наперевес, и несколькими точными ударами разбили ему передние фары. У Савелия хватило ума не покидать безопасный салон, а злодеи явно преследовали чисто практические цели — ликвидировав помеху, бегом присоединились к остальным.

Выполнив свою работу, пильщики подхватили инструмент и рванули прочь, в темноту. Навстречу им неслись другие, с ведрами и даже архаичными одноколесными тачками. Замелькали тесаки, топоры и лопаты. Полные ведра передавали по цепочке. Иные, подхватив на руки большие, оплывающие куски мякоти, тут же погружали в них лица, это выглядело отвратительно.

В домах одно за другим зажигались окна. Спустя несколько минут верхушку оприходовали, и черные машины, взвыв моторами, растворились во мраке. Пешая толпа быстро редела, унося с собой полные ведра, тазы и бо-

чонки. Вдалеке уже хрипели милицейские сирены, с запада приближались вертолеты, гоня перед собой конусы прожекторного света. Стебель был растащен, остались только бесформенные сегменты коры и длиннейшие белесые волокна — те самые, уникальной структуры, благодаря которым живая антенна всегда стояла вертикально, сгибаясь лишь под сильным ветром. Среди остатков теперь бродили, оскальзываясь, помятые существа из числа неорганизованных: распихивали мякоть по карманам, в убогие пакеты и мешки и одновременно глотали, давясь, размазывая бурую массу по щекам, облизывая пальцы, жмурясь и воровато содрогаясь.

Герц пришел в себя и стал разворачивать машину.

Вертолеты приближались, но у него был шанс. Он выжал из мотора все, что мог, моля Бога, чтобы в темноте не задавить зазевавшегося травоеда, и через несколько секунд был уже далеко. На перекрестке догадался снизить скорость. Осторожно свернул, на ближайшем светофоре добропорядочно нажал на тормоз. В зеркале увидел, как несется к месту преступления целая стая мощных милицейских броневиков. Над головой прогрохотала вторая группа вертолетов — на этот раз телевидение.

Выбрался, подумал Савелий и едва не вскрикнул от неожиданности: к прозрачному колпаку снаружи приникло перекошенное страхом лицо.

Он не сразу сообразил, что это женщина. Даже почти девчонка. Очень нарядно одетая и очень испуганная.

Огляделся. Ничего подозрительного не обнаружил. Для злодейской засады место не подходило, повсюду горели фонари, на ближайшем столбе висела гроздь милицейских видеокамер. Открыл дверь. Тяжело дыша, девчонка влезла, головой вперед, явно не заботясь о том, как выглядит со стороны. Подобрала длинные ноги, прижала к плоскому голому животу крошечную сумочку.

Загорелся зеленый, Герц тронул.

— Кошмар, — выдохнула пассажирка и засмеялась.

Только молодые и цветущие девочки умеют так быстро переходить от испуга к веселью. Савелий тут же расслабился, а когда выскочил на трассу, где можно было включить автопилот, высвободить руки и напиться воды «Байкал экстра-премиум», тоже усмехнулся. Появление загадочной незнакомки с круглыми коленями, едва восемнадцати лет, явно можно считать финальным аккордом сумасшедшего дня. Это был его, Герца, приз.

— Спасаетесь бегством? — осведомился он.

— Ага, — дружелюбно ответила девчонка. — Спасибо вам.

Очень приятная, решил Савелий.

— Куда путь держите?

— Куда-нибудь. Отсюда! Я такого кошмара давно не видела.

Герц изловчился и состроил гримасу глубокого недоумения.

— Какого кошмара?

— Ну, вертолетов... и прочего.

Он спросил, что, собственно, произошло, зачем и откуда вертолеты, и получил сбивчивый рассказ о поваленном стебле.

— Это был ужас! — восклицала юная леди, перехватив у него бутылку с водой. — Вы бы это видели! Толпа черных ниндзя с ведрами! Пять минут — и осталась одна кора!

Рассказывать она не умела. Медленно подбирала слова, и всякий раз найденное слово оказывалось самым скучным, грубым и простым.

Финал экспрессивной новеллы совсем не понравился Герцу. Его спутница сунула руку в сумочку и достала изрядный кусок мякоти, завернутый в пластиковую гигиеническую салфетку.

— Вот, — важно заявила девчонка. — Это она и есть.

— Стоп, — нахмурился Савелий. — Мы так не договаривались. Я не желаю на это смотреть. Откройте окно и выбросьте.

— Да ладно вам. Ее все едят.

— Во-первых, не все, — твердо возразил Савелий. — И даже не большинство. Во-вторых, я могу быть милиционером. В-третьих, это просто неприлично. Такая хорошая культурная женщина...

— Ладно вам. Какой вы милиционер. Вы какой-то известный тип, архитектор, что ли... В общем, шишка... Я вас видела. По телевизору.

— Это было давно, — мирно ответил Герц. — И я не архитектор.

— Но и не милиционер! Я слышала, все эти... знаменитые... жрут мякоть. Только не сырую. Концентрат, в таблетках.

Савелий пробормотал:

— У вас обширные познания.

— Не издевайтесь.

— А вы уберите дрянь. За ее хранение вас могут посадить в тюрьму. И меня заодно.

— За траву не сажают.

— Вам виднее.

— Я серьезно. — Девчонка понюхала содержимое салфетки.

Стало ясно, что она большая любительница. При том что Герц точно знал: сырая мякоть не имеет запаха.

— За траву не сажают, — повторила младая травоядная. — Мне «друг» говорил. Он там был. В тюрьме. Уже давным-давно за траву никто не сидит. Наоборот — там ее едят. Все. И охрана тоже.

— Не может быть. Тюрьмы подключены к проекту «Соседи», там везде объективы...

— Везде, да не везде, — взросло возразила девчонка.

— Значит, у вас есть «друг»?

— Как же без «друга» приличной девушке?

— Вот как.

— Между прочим, он приятный. Пальцем меня не трогает. Он меня всему научил.

— И траву есть — тоже научил?

— А что такого? — с веселым вызовом воскликнула девчонка. — Я вижу, вы хоть и архитектор, а совсем темный дядя. Вы знаете, как ее правильно жрать?

— Употреблять, — поправил Герц.

— Употребляют, — снисходительно, по слогам сказала его спутница, — наркотики. А траву — жрут. Знаете, как ее жрут?

— Понятия не имею, — твердо произнес Савелий. — А что, есть особые хитрости?

— А как же. Вас как зовут?

«Она первая начала», — сказал себе Герц и представился.

— А меня — Илона. Будем знакомы. Кстати, это... Спасибо вам.

— Пустяки.

— Если бы не вы, я бы уже сидела в изоляторе. Пришлось бы звонить Моисею. Он бы, конечно, сразу меня вытащил, но потом... — Девчонка вздохнула. — Он, это... не любит, если я попадаю во всякие истории. Он любит, чтобы все было тихо.

— Я его прекрасно понимаю. Куда вас отвезти?

— А никуда не надо. Могу выскочить прямо здесь. Возьму такси. Денег, правда, нет... Но я знаю ребят, которые отвезут по дружбе.

— Хотите — я вам одолжу.

Девчонка рассмеялась:

— Эх вы. Давать в долг нельзя! Это настоящее преступление. В сто раз хуже, чем хранить мякоть стебля. За такое как раз могут в тюрьму. И меня, и вас.

Пятисложное слово «преступление» далось ей с большим трудом.

— Мелкие суммы разрешены, — внушительно возразил Савелий. — Одиннадцатая поправка к Конституции.

— Ну, я в этом не понимаю. И в долг брать не буду. Я никому ничего не должна. Я бы закурила, вот.

— Курите, — разрешил Савелий.

— Нет, — твердо сказала девчонка. — В вашей машине не курят. Это сразу чувствуется. Я, между прочим, не какая-нибудь... У меня своя порядочность есть.

— Вы хотели меня научить. Насчет травы.

Девчонка подумала, посмотрела на Герца и серьезно заявила:

— Если вас до сих пор не научили, я не хочу быть первой. Пусть вас учит, это... кто-нибудь другой. Я вас научу — вам понравится. Вам понравится — вы начнете жить совсем другой жизнью. Это серьезное дело.

Савелий кивнул:

— Я готов. Я люблю серьезные дела.

Девчонка улыбнулась:

— Ну вас к черту. Не буду.

Помолчали. Он смотрел на дорогу и на спутницу. Она — в боковое окно.

— В двух словах, — мягко попросил Герц. — Чисто теоретически.

— Лучше на практике.

— Исключено. Ограничимся вводной лекцией. Я весь внимание.

Девчонка опять засмеялась:

— Сколько вам лет?

— Пятьдесят.

— И вы про это ничего не знаете?

— Клянусь.

— О Боже. А еще архитектор. В общем, слушайте. Главных правил всего три. Первое правило: вода. Если

вы едите траву, вам надо пить воду. Чем больше, тем лучше. Не чай, не кофе, не сок — только чистую воду. Съели дозу — сразу пейте. Много пьете — много радуетесь.

— Ясно, — кивнул Савелий.

— У вас вон, на заднем сиденье, пять или шесть бутылок дорогой воды. Вы тоже много пьете. Сейчас все непрерывно пьют воду. Потому что модно. Чтобы знали, эту моду создали те, кто жрет мякоть стебля.

— Не может быть. А какая связь?

— Очень простая. Пьют все. И те, кто жрет траву, и те, кто не жрет. Поэтому тот, кто жрет, не привлекает к себе... ну, внимания. Поняли хитрость?

— С ума сойти. Вот оно как.

— Второе правило: надо различать движняк и отходняк...

— Я не запомню, — озабоченно перебил Савелий. — Это надо записать.

Девчонка усмехнулась:

— Тут нечего запоминать. Сначала у вас движняк. Все очень весело. Особенно — двигаться. Ходить пешком. Общаться — неохота. Лениво. Зато секс — в самый раз. Секс, кстати, очень интересный...

— Чем же?

— Ну... — Инструкторша закинула ногу на ногу и задумалась. — Это так просто не объяснить. Сами поймете. В общем, движняк длится где-то двенадцать часов. Смотря какая доза. Потом надо лечь и поспать. Проснулись — наступает отходняк. Он еще лучше, чем движняк. Ничего не хочется. Даже секса. Как проснетесь — сразу надо хорошо напиться воды. И потом у вас есть еще целый день, пока не отпустит...

— Целый день чего?

— Отходняка.

— И что надо делать в этот день?

— Ничего. А вы и не сможете ничего делать. Я же сказала: ничего не хочется. Даже телевизор смотреть лениво. Вы сидите, или лежите, или стоите — и имеете, это, радость в чистом виде.

— Ага. Я понял.

— Ну, — девчонка вздохнула, — теперь вы все знаете.

— А третье правило?

— Да. Вот дура. — Спутница Герца тряхнула головой. — Башка не варит. Это потому что понервничала. Третье правило — насчет еды. Если вы жрете мякоть, вам можно не кушать обычную еду. Вообще. Потому что не хочется. Мякоть — сама по себе еда. Чистые, это... слово забыла... Калории, вот! Одна ложечка — запас энергии на двое суток. Но некоторые кушают. По привычке или просто обжоры. Вот если вы едите — вам можно все, кроме животной пищи. Мясо — нельзя. Вообще ничего жирного. Рыбу тоже.

— Почему?

— Потому что оно просто не полезет. А если сможете прожевать и проглотить — оно, как это слово... не переварится. Организм не примет, короче говоря. Мясо едят только эти, — девчонка брезгливо указала пальцем вверх, — людоеды. Которые траву не жрут из принципа. Всякие чистенькие с верхних этажей. Кто не умеет радоваться.

— Выходит, я тоже людоед?

Травоядная вздохнула, сменила позу и изучила Герца с ног до головы.

— В принципе да. Но вы хотя бы не конченый.

— Спасибо, — усмехнулся Савелий. — А как выглядят конченые людоеды?

— Сами знаете, — запальчиво ответила девчонка. — Вы среди них живете. Восемьдесят первый или второй этаж, угадала?

— Шестьдесят девятый, — ровным голосом отрекомендовался Герц. — Но работаю на восемьдесят третьем.

— Самое гнездо! Все едят мясо. Все злые и угрюмые. Работают. Суетятся. Другим жить мешают. Не умеют радоваться.

— Ну, я-то умею.

— Это вам так кажется! Людоед не может радоваться. На то он и людоед. Радовать может только то, что само из земли к небу тянется. И никому не мешает.

— Хорошо сказано. — Герц уважительно кивнул. — Дорогая Илона, беседа с вами, так сказать, заронила в меня...

— Ладно вам. — Девчонка стеснительно улыбнулась. — Я все поняла. Извиняюсь. Мне все говорят, что я много болтаю.

— Через две минуты я сворачиваю с шоссе.

— Тогда остановите на повороте. Вот вам мой телефон. Только это... обязательно позвоните, хорошо? Все от зависти сдохнут, когда узнают, что у меня есть знакомый архитектор.

Она бросила на Герца приязненный взгляд.

— Погодите. — Савелий выключил автопилот и притормозил. — Я слышал, если употреблять траву — нельзя пить алкоголь.

— Почему? — удивилась девчонка. — Можно. Только немного. Если выпить много — тогда будет плохо. А чуть-чуть вина или пива — пожалуйста. Только это бесполезно. Зачем пить вино, если и так хорошо?

— Чтобы было еще лучше.

— Вы смешной. Вы должны просто попробовать. Один раз.

— Я никому ничего не должен.

— Я не о том. — Юная травоядная небрежно отмахнулась. — Если вы жрете траву, — на последнем слове она сделала ударение, словно речь шла о фазанах, фаршированных черной икрой, — вам так хорошо, что лучше некуда. Ясно?

Она выскользнула из машины. Наклонилась к окну, прощально улыбнулась. Кинула на сиденье сверток.

— Это вам. На память. Не сожрете — потом вернете.

Съезжая с эстакады, Герц притормозил, повел рулем, заставив автомобиль прокатиться вплотную к ограждению, и швырнул подарок в темноту.

Разумеется, камеры слежения все подробно зафиксируют: и номер машины, и лицо водителя. Завтра же в банковской распечатке обнаружится списание огромного штрафа за избавление от мусора вне специально отведенного места. Но сам криминальный груз улетит вниз, с огромной высоты, по пути его отнесет ветром, и он приземлится где-нибудь в мрачном сыром переулке — хорошо бы прямо под ноги бледному обитателю самых нижних уровней. На глаз там было граммов сто, можно жрать два месяца.

А девка совсем не простая, если так небрежно рассталась со столь внушительным количеством отравы; безусловно, «друг» Моисей снабжает ее чем-то более интересным, нежели сырая субстанция...

«Бог с ними, — решил он. — Каждый живет как умеет. Каждый жрет, что хочет. Проклятая зеленая напасть перевернула всю нашу жизнь. Молодежь уже и не подозревает, что когда-то все было иначе. Люди не ползали, как лесные букашки, у подножия растений. Молодежь не понимает, до какой степени мы унижены. Мы считали себя царями природы — и природа жестоко посмеялась над нами. Поставила на место. Теперь нам остается только смотреть, как с пеной у рта дискутируют в прямом эфире высоколобые академики».

На днях, вспомнил Герц, некие самородки скандализировали общественность, расклеив на пятидесятых уровнях листовки с изложением новейшей концепции: трава якобы выведена сто пятьдесят лет назад, в тайных лабораториях КГБ, с целью решения продовольственной проблемы (да, господа, была в России и такая проблема),

но впоследствии гениальное изобретение засекретили — ведь сытый человек плохо подчиняется приказам тиранов. Однако группа энтузиастов на свой страх и риск сохранила часть семян для будущих поколений, и вот упомянутые семена каким-то образом попали в почву и проросли: таким образом, нынешним гражданам страны следует питаться и ни о чем не переживать...

«Очень это по-нашему: выписать себе индульгенцию от лица мертвых предков, — досадливо подумал Савелий. — Бог с ними, Бог с ними. Переживем».

8

Савелию всегда нравилось его жилище. Удачная планировка, приятная аура. А приходить сюда вечером, после насыщенного событиями дня, было совсем хорошо. За долгие годы хозяин дома все здесь наладил наилучшим образом. В любой точке квартиры любой нужный предмет пребывал на расстоянии вытянутой руки. Начиная от старинных бумажных книг (десяток таких он в юности получил в подарок от Гарри Годунова) и заканчивая несколькими, тут и там вмонтированными в стены, шкафами с запасами охлажденной воды «Байкал экстра-премиум». Но сейчас Герц огляделся с иронией. Квартирка — да, уютная, но никак не соответствует статусу шеф-редактора популярного журнала. Шеф-редакторы популярных журналов не живут столь скромно. Шеф-редакторы популярных журналов не используют пластиковых табуретов, и у них не путаются под ногами задумчивые, морально устаревшие киберпылесосы, вдобавок страдающие хроническими программными сбоями. Наконец, в апартаментах шеф-редакторов популярных журналов никогда не пахнет едой.

Он пнул ногой киберпылесос — хотел дружелюбно, получилось раздраженно, — и глупый робот, поскрипы-

вая, обиженно укатил в свой угол, не успев до конца собрать пыль с туфель шеф-редактора.

Еще утром туфли казались Савелию эталоном элегантности, сейчас умиляли неважным качеством выделки кожи.

Голос невесты шеф-редактора донесся издалека, информируя о ее занятости.

Герц нашел ее в будуаре. Варвара сидела перед зеркалом и программировала галлюцинаторный макияж. Сейчас сверхмодная штука работала в режиме «Барби»: Варвара, от природы брюнетка с белой кожей и подвижным треугольным личиком, выглядела живой куклой — губки бантиком, глазки-блюдечки, ресницы, румянец и тяжелая масса густых каштановых волос.

— У нас пахнет едой, — заметил Савелий.

— Это потому, — ответила сосредоточенная Варвара, — что я сейчас готовила еду.

— Мы договаривались, что в доме не будет пахнуть едой.

— Извини. — В голосе невесты не слышалось раскаяния.

— Едой должно пахнуть только на кухне, — наставительно произнес Савелий, — и только во время ее приготовления.

— Мне нечего тебе возразить, дорогой.

Ладно, подумал Герц и не удержался от замечания:

— Тебе не идет кукольная внешность.

— Знаю. Но я должна попробовать все режимы.

— Я бы понял, если бы ты была прыщавой, косоглазой и длинноносой.

Варвара усмехнулась:

— По статистике, основные покупатели этой новинки мужчины. Женам дарят. Представь: сейчас ты обнимаешь блондинку, а через двадцать минут уже шатенку...

— На первый взгляд заманчиво, — живо отреагировал Савелий. — Но со временем от таких фокусов можно сойти с ума.

— Ты не сойдешь, — уверенно ответила Варвара. — Ты крепкий дядька. Смотри, тут есть режим «сексуальная рыжая стерва»! И даже «леди-драйв»!

— Интересно. А что такое «леди-драйв»?

— Понятия не имею. Хочешь, попробуем?

— Нет, — подумав, ответил Герц. — На сегодня с меня достаточно драйва.

— А через месяц появится модель, адаптированная для мужчин. Я тебе куплю. Нажимаю кнопку — и ты у меня широкоплечий блондин с римским носом! Потом опять нажимаю — и ты жгучий латинский мачо, волосатый, смуглый, с ярко-красными губами и такой, знаешь, мускулистой, немного жирной шеей...

— Ага. Или, допустим, восторженный нежный мальчик. Студент-практикант с оранжевой гривой и улыбкой полукретина.

Варвара прервала свое занятие и обернулась:

— Ты о чем?

— Сама знаешь, — спокойно произнес Савелий, падая в кресло и вытягивая ноги.

— О Боже, ты ревнуешь.

— Он, конечно, мальчик, а я всего лишь крепкий дядька, но...

— Ты ревнуешь! Решил, что мне понравился наш новенький.

— Давай не будем формулировать столь сильно. — Савелий поморщился. — Иначе я кое о чем тебе напомню.

— Например?

— Я же говорю, давай не будем.

— Нет уж, теперь говори.

— Ну тебя к черту.

— Говори немедленно.

Савелий потянул носом. Едой действительно пахло. Какими-то вареными овощами. Варвара не отличалась талантами в кулинарной области.

— Сколько было парнишке, с которым ты ездила в Петербург? Нырять в развалинах Эрмитажа? Двадцать девять?

— Тридцать четыре. И что? Это было давно.

— Тридцать четыре. Черт побери. Тридцать четыре. О чем вы с ним говорили? О подгузниках? О шоколадных конфетах? Мне сказали, что он абсолютно бледный. С ног до головы. Бледнее некуда.

Варвара подбоченилась. Она была в этот момент элегантная, под мальчика стриженная, с огромными пепельно-серыми глазищами.

— Да, это было. Да, я встречалась с юношей тридцати четырех лет. Да, у него в голове не было ничего, кроме подводного плавания. Да, он был дико бледный. Он и сейчас бледный. И будет бледным. Да, да, да. А теперь скажи: какое тебе до этого дело? Он был тонкий и печальный. Он писал поэму.

Герц кивнул:

— Прости. Это все меняет. Конечно. Поэма! Тридцать четыре года. Подводное плавание. Тонкий и печальный.

Варвара вскочила. Это у нее всегда хорошо получалось: резко вскочить. Бросилась вон. В дверях обернулась. На этот раз волосы огненного цвета и нос с горбинкой. Очевидно, задействован режим «сексуальная рыжая стерва», сообразил Савелий.

— Если хочешь знать, я до сих пор ему звоню. Он дописал свою поэму. Почти. И еще одно... — Лицо Варвары стало злым. Видимо, режим «сексуальная рыжая стерва» предусматривал гневное сверкание глаз и презрительную кривизну верхней губы. — В отличие от тебя он никогда в жизни не жрал зеленую дрянь. А ты глотаешь каждое утро.

Савелий кивнул.

Возразить нечего. И незачем. И неохота.

Шеф-редакторы ведущих журналов не унижаются до скандалов. Они — полубоги. Они управляют скандалами, создают их и на этом зарабатывают, но сами не участвуют. Это неприятно, это вредит их персональному психологическому комфорту.

— Варвара! — позвал он. — Прости. У меня сегодня эмоциональная перегрузка.

Из соседней комнаты донеслось:

— С утра ты был в порядке.

— Это было с утра.

— Если ты перегружен, зачем пришел сюда? Шел бы сразу к участковому психотерапевту.

— Вообще-то я хотел видеть тебя. А никак не участкового психотерапевта.

— Хорошо, — сказала Варвара, — я тебя прощу. Но не прямо сейчас. Сейчас все равно не получится. И не хочется.

— А чего тебе сейчас хочется?

— Пройтись. Одной. Посидеть где-нибудь и подумать.

— Не уходи, — попросил Савелий. — У меня есть для тебя важная новость.

Варвара опять появилась в дверном проеме. Уже без макияжа. Герц увидел, что его подруга печальна. И очень красива.

— У меня тоже есть новость, — сказала она. — И моя новость важнее твоей.

— Ого! А откуда ты знаешь, чья новость важнее?

— Я не сказала, что знаю, — спокойно ответила Варвара. — Просто моя новость самая важная.

— Вот как.

— Я беременна.

Она развернулась и ушла.

Иногда сидишь на шестьдесят девятом этаже, уединенно, в начале ночи, в своей комнате, выключив свет,

в центре дивана, раскинув в стороны руки, и смотришь в окно. За окном покачиваются гигантские стебли, появившиеся неизвестно откуда неизвестно зачем (хотя предположения есть). Сидишь, и в голове как бы плещется теплая мыльная вода. Шестьдесят девятый — забавный этаж. Ты не наверху, но и не внизу. Однако и не между, не в середине. Начинаешь вычислять точное местоположение и после некоторых усилий — не слишком изнурительных — понимаешь, что ты в трех четвертях от самого низа и немногим более чем в одной четверти от самого верха. Если бы ты был тщеславным и самолюбивым, это бы тебя обрадовало. Но ты не тщеславный, ты не подсчитываешь, сколько людей пребывают ниже тебя и сколько — выше. Ты просто намерен точно выяснить свое местонахождение. Не относительно тех, кто выше или ниже, а относительно себя самого.

В этом, черт побери, весь фокус: определить свое место относительно себя самого.

Относительно других — все очень понятно. Внизу землекопы, сверху конструкторы ракетных двигателей (хотя бывает и наоборот). Внизу глупцы и бездельники, вверху, у самых облаков, — титаны мысли и трудолюбия.

Однако ты не желаешь определять свои координаты относительно гениев или дураков. Ты сам себе дурак и сам себе гений. Зачастую одновременно. Ты не хочешь смотреть на других. Всегда есть какие-то другие. Всегда кто-то выше и всегда кто-то ниже. Если все время думать о других — тех, кто выше или ниже, — однажды можно перестать существовать.

Чтобы понять, что ты существуешь, надо в начале ночи устроиться в своей комнате, выключив свет, в центре дивана, раскинув в стороны руки, и посмотреть в окно.

Савелий сидел, может быть, полчаса, наслаждаясь неподвижностью, пока не понял, что ему нестерпимо хочется разрешить себе принять капсулу. Добавить чистой

радости. В конце концов, сегодня был большой и трудный день. Исторический. Множество новостей. «Где мои капсулы? Где моя мякоть стебля, где благословенная седьмая возгонка? В пиджаке, в надежном внутреннем кармане».

Встал. Хотелось пить. Хотелось вполголоса пропеть гимн самому себе. У каждого государства есть официальный гимн — почему же отдельно взятому человеку не иметь простую торжественную песенку? Чтоб изредка дудеть про себя, для вящего воодушевления?

«Мне пятьдесят два года, и я, прямо скажем, не последний человек в этом, прямо скажем, не последнем городе. У меня будет ребенок. У меня будет большое дело. Тридцать подчиненных сотрудников. На меня ляжет ответственность. Где мои капсулы?»

Пиджак был в коридоре. Висел у входной двери. Висел странно: одна пола намного ниже другой.

Подошел, обшарил карманы. Да, конечно. Совсем забыл. Подарок сумасшедшего. Священная Тетрадь. Кстати, великолепная дорогая полиграфия, сверхтонкий негорючий пластик, переплет одновременно скромнейший и шикарный.

Раскрыл. Буквы, казалось, были подсвечены и слабо шевелились, меняя очертания, а иные даже будто норовили выпрыгнуть из строки. Это тоже знакомо, усмехнулся про себя Герц. Мнемонический шрифт. Два раза посмотрел — считай, навсегда запомнил. Однако в Храме Божия Стебля дело налажено серьезно.

Он прочел:

«И СКАЗАЛ БОГ: ВОТ, Я ДАЛ ВАМ ВСЯКУЮ ТРАВУ, СЕЮЩУЮ СЕМЯ, КАКАЯ ЕСТЬ НА ВСЕЙ ЗЕМЛЕ, И ВСЯКОЕ ДЕРЕВО, У КОТОРОГО ПЛОД ДРЕВЕСНЫЙ, СЕЮЩИЙ СЕМЯ; ВАМ СИЕ БУДЕТ В ПИЩУ».

Часть вторая

1

— Очень хочется пить, — сонно пробормотала Варвара и осторожно повернулась на другой бок.

— Сейчас, — прошептал Савелий и встал.

Нашарил на прикроватном столике стакан с водой. Жена приподнялась, не открывая глаз, протянула розовую руку. Выпила и со слабым удовлетворенным стоном упала головой в подушки.

Савелий вышел из спальни. За спиной бесшумно сомкнулась китайская звуконепроницаемая дверь. Новинка обошлась в большие деньги, но не важно. Скоро такие двери будут стоять во всей квартире: Через полгода на свет появится Герц-младший. Пора готовить дом к появлению нового живого существа.

В ванной включил режим подачи ледяной воды: она пошла того пограничного градуса, когда из крана вот-вот начнет выходить натуральный снег.

Вгляделся в зеркало. Будущий папаша выглядел неплохо, но бегущая поверху строка безжалостно оповестила об увеличении числа мимических морщин (плюс 0,025% за сутки) и падении индекса влажности кожи (минус 0,003% за сутки). Обвисание верхних век — плюс 0,007, коэффициент дряблости — плюс 0,014, итого общий темп старения выше среднего на 4,5% и выше индивидуального расчетного на 2,77. Дальше пошел список рекомендуемых процедур, Герц не стал его изучать. «Да, ста-

рею, ничего удивительного. Кто работает, тот изнашивается».

Осмотрел зубы, позавчера заново покрытые красным лаком. Выхлебал литр «Байкал экстра-премиум-люкс», умылся тщательно и поспешил в кабинет.

Достал из ящика стола зеленую горошину, проглотил.

По утрам медлить нельзя. Перескочишь незаметно для себя границу между состояниями — считай, день пропал. Отходняк коварен и накрывает быстро. Вроде бы минуту назад ты был бодр, планировал принять очередную капсулу, одеться и пойти по делам — и вот уже ничего не планируешь, не одеваешься и не идешь, а зависаешь, как бы в паузе между предыдущей секундой и последующей, где-нибудь возле окна, под лучами солнца; незачем планировать, некуда идти, и так все хорошо.

Но занятому мужчине, сыну XXII века, отходняк не нужен. Вернее, нужен, конечно, — все знают, что отходняк гораздо приятнее, чем движняк. Именно отходняк и есть радость в чистом виде, ничем не замутненное, рафинадное удовольствие от жизни. Но те, кто предпочитает второе состояние, очень быстро превращаются в конченых. Иным достаточно нескольких месяцев. Активные современные мужчины не злоупотребляют вторым состоянием. Они жрут мякоть стебля каждое утро и весь день пребывают в движении.

Особенно хороша в таких случаях возгонка не ниже седьмой.

Савелий Герц, шеф-редактор журнала «Самый-Самый», употреблял девятую и десятую.

Завтракать не стал. В принципе девятая возгонка позволяет есть даже мясо. Правда, в небольших количествах. Чтоб никто не заподозрил. Вообще все степени очистки мякоти выше седьмой — настоящий прорыв. Хочешь — ешь жирную пищу. Хочешь — пьешь алкоголь. Хочешь — работаешь. Можешь даже сделаться мрач-

ным, угрюмым и злым. Только вся твоя работа, и угрюмость, и злость происходят снаружи. А внутри — радость в чистом виде, вся, до последнего грана, принадлежащая тебе и никому больше.

Вместо завтрака он выпил еще два бокала «премиум-люкс» и принял ванну с тоником. Когда содержимое капсулы стало действовать, закрыл глаза, задержал дыхание и погрузился с головой. Каждый продвинутый травоед знает: первая минута — самая интересная. Внешнее стремительно отходит на дальний план. Остается только безудержное веселое любопытство к самому себе. К внутренним процессам, к физиологии. Ощущаешь вибрации каждой клетки. Бег крови: по артериям — горячими резкими толчками, по венам — медленно и сладко; так густой крем ползет через кондитерский шприц.

Чувствуешь рост ногтей и волос. Точно знаешь, какая из многих десятков ресниц выпадет сегодня днем.

Нервы гудят, как провода под током. Все удивляет и забавляет, вплоть до накапливания пота в железах.

Вынырнул, вдохнул. Рассмеялся беззвучно. Это первое состояние, о травоядные братья мои. В народе его называют «движняк». Это девятая возгонка. Она стоит каждого рубля из потраченных тысяч.

В последний раз взял оптом, полугодовой запас: сто восемьдесят капсул. Со скидкой. Предлагали по дружбе, но Герц не любил «друзей» и всегда платил наличными. Впрочем, «друзья» не настаивали. На то они и «друзья» — одно сплошное дружелюбие. Или, наоборот, пуля в спину.

Впрочем, он до сих пор почти ничего не знал про «друзей». На то они и «друзья», чтобы про них никто ничего не знал.

Протянул руку через борт ванны. Не глядя нащупал брошенный на пол халат, в кармане халата — маленький толстый томик.

Пластиковые книги удобны, их можно листать мокрыми руками.

В прошлом месяце Филиппок по заданию Герца делал большую статью о культовых текстах травоедов. Выяснилось, что вся полиграфическая продукция многочисленных зеленых церквей, общин и сект — будь то Священная Тетрадь Последователей Иоанна Стеблеядящего или «Бессмертные Скрижали» Храма Травы — изготовлена с применением новейших технологий. Каждая книга имеет встроенный микрочип — однако не для выкачивания мелких сумм с банковских счетов наивных новичков, как когда-то предполагал Савелий. Все оказалось хитрее. По сигна́лам чипов отслеживалось не только местоположение каждого томика, но и сам процесс чтения. Компьютеры зеленых храмов фиксировали, сколько раз за день (или в месяц, или в год) открывается каждая конкретная книжечка и на каких страницах; какие главы внимательно изучены, а какие пролистаны. Статья Филиппка наделала шуму. Постфактум выяснилось, что после ее выхода спрос на «мракобесное чтиво» (термин Патриарха Всея Москвы и Сибири) резко подскочил. Из общины последователей Иоанна Стеблеядящего в редакцию даже прислали подарки — кстати, вполне светские — лунный тур на двоих, экономклассом. Герц приказал отослать обратно. Журнал «Самый-Самый» — вне религии и политики, презенты принимаются только от рекламодателей.

Он раскрыл томик. Стал читать.

«И сказано было ему так:

О человек! Пять тысяч лет ты бьешь себя кулаком в грудь и кричишь: "Я человек!" А когда тебе говорят: "Продолжай", — ты замолкаешь. Ибо не знаешь, кто ты есть.

Бог ли ты? Нет. Ни мига единого не был ты Богом и ни мига единого не будешь. Бог разрушает, Бог создает, и это од-

но и то же действие. Ты же совершаешь тысячу тысяч действий в попытке создать — и всякий раз, начиная создавать, заканчиваешь тем, что разрушаешь все, что создано тобою. И еще многое, что создано не тобою.

Зверь ли ты? Нет. Зверь убивает только ради пищи. Ты убиваешь ради идей, ради забавы, ради гордыни, ради облегчения немощи своей. И всегда найдешь тысячу тысяч причин, чтобы убить.

Камень ли ты мертвый? Нет, ты не камень, ты живой, ибо родишь потомство живое. А камень имеет от Бога привилегию не родить потомства.

Еще сказано ему было так:

Ты есть стебель. Внизу ты укоренен, вверху свободен. Под тобой черный прах, над тобой свет прозрачный. Твои корни во прахе останков предшественников твоих — оттуда берешь ты половину силы. Твое тело в лучах желтой звезды, в облаке света прозрачного — оттуда берешь ты вторую половину силы.

Не пытайся брать только внизу или только наверху. Лишенный корней, обнимающих прах предшественников, ты погибнешь. Лишенный света прозрачного, ты не способен расти.

Потом сказано было так:

Ты есть стебель, и вот удел твой: чтобы взять половину силы, внизу обнимай корнями как можно больше праха предшественников. На их костях ты процветаешь.

Запомни, и всем скажи, и повторяй каждый день: нельзя процветать иначе как на костях предшественников.

Чтобы взять вторую половину силы, наверху ищи свет прозрачный. Воздвигайся как можно выше. На то тебе даны все дни твоей жизни.

И еще сказано было:

Ты есть стебель, и как у тебя две половины силы, так у тебя две половины планиды. Воздвигнуться как можно выше, повсюду искать лучей желтой звезды — есть первая полови-

на планиды. Самому стать прахом — есть вторая половина планиды. Стань прахом, смешайся с прахом подобных тебе, чтоб укоренился последователь твой, сын и сын его сына, потомок и потомок его потомка, из колена в колено, из рода в род. Как ты сам укоренен, так укоренится в твоем прахе потомство твое».

Герц закрыл томик и бросил на ковер. Всякий раз, когда пытался читать Тетрадь, он не мог одолеть больше нескольких абзацев кряду. Потом прекращал с ясным ощущением, что зря теряет время. Но ощущение возникало не оттого, что содержание книги раздражало Савелия, а оттого, что он понимал: все, написанное в Тетради, ему уже известно.

Однако та же причина заставляла Савелия регулярно — в последнее время дважды в день или даже чаще — снова вчитываться в шевелящиеся, лукаво мерцающие строки. Каждый человек охотнее и внимательнее изучает то, что и без того знает. Хорошая книга не дарит тебе откровение, хорошая книга укрепляет тебя в твоих самостоятельных догадках. Она обращается не к жажде информации, а к твоим страхам — дает понять, что ты не один, есть еще кто-то, кого мучают те же вопросы, что и тебя.

Правда, Герц не был уверен, что Тетрадь — хорошая книга. Наоборот, он бы назвал ее дурной. Вредной. Слишком беспокоящей. Подтверждающей некоторые худшие опасения.

Книга раздражала. Она рекомендовала, например, непрерывно искать света прозрачного, постоянно пребывать в лучах желтой звезды. А где их взять на проклятом восемьдесят восьмом этаже? Здесь ужасно. Здесь за окнами — самые верхушки стеблей. Они все время в движении. Колеблются под ветром. Двадцатью уровнями ниже все ясно: вот тебе, бледный человек, неподвижный

зеленый частокол, утром, днем и вечером одинаковый. Ты смотришь на него и всегда точно знаешь, сколько именно узких солнечных лучей и в какие часы тебе достанется. На восьмидесятых — все иначе. Только зажмуришься, счастливый, согретый горячей желтой волной, как вдруг ближайший черно-зеленый хвост сдвинется под порывом ветра и отберет весь свет прозрачный. Приходится переступать, вправо или влево, дальше от окна или ближе. Чувствуешь себя полным дураком.

Говорят, к этому надо просто привыкнуть. Но Савелий жил на восемьдесят восьмом меньше месяца и пока не привык.

Старик сказал: «Через год переедешь повыше». Слукавил. Денег стало в пять раз больше. Герц продал старое жилье, добавил все, что накопил, и вот: восемьдесят восьмой уровень.

Одной мечтой стало меньше.

Все равно его мало, солнца. Его тотально не хватает. Очень мало солнца! Возмутительно мало! Его должно быть гораздо больше. Живешь в постоянном голоде. Тень — даже самая жидкая, серая — отвратительна до тошноты. Ненависть к проклятой траве отравляет душу. Конечно, мякоть стебля — это здорово, это помогает жить. Но ведь и солнца хочется. Приятель по этажу, владелец экспортной компании, давно предлагает Савелию вступить в кооператив: несколько пайщиков — все достойные люди — вкладывают общий капитал в создание исследовательской лаборатории. Инвестировать в технологии искоренения — самая крутая мода восьмидесятых уровней.

А выше, на девяностых, у каждого свой исследовательский центр, талантливых биохимиков сманивают сразу с университетской скамьи. Толстосумы хвастают личными лабораториями, как когда-то, двести лет назад, аристократы козыряли друг перед другом конюшнями или псарнями. И это при том, что изучение феномена стебле-

роста официально считается монополией государства и за разглашение информации можно крупно пострадать.

Интересно, любопытно жить на восьмидесятых. Здесь все иначе. Старик Пушков-Рыльцев был прав: журналист, даже самый лучший, ничего не знает про жизнь. Единственный способ разобраться в событии или явлении — поселиться в эпицентре. На месяц, на два, на год.

Герц вылез из воды, завернулся в массажную простыню. Вздохнул. Правда и то, что все эти центры и лаборатории — а их сотни — до сих пор не нашли ответов на самые простые вопросы. Почему, например, трава выросла именно в Москве, в черте города, меж домов и дорог, среди железа, бетона и пластика? Почему за пятьдесят часов она достигает высоты в триста метров, а потом перестает развиваться? Почему ей не вредят морозы? Почему грибница восстанавливает каждый уничтоженный стебель, но не разрастается, не выбрасывает новых побегов? Почему, наконец, вызываемое пожиранием мякоти эйфорическое состояние не отягощено побочными эффектами? Ведь человек не создан для вечной эйфории. Эйфория ослабляет волю к сопротивлению. Человеку требуются горе, гнев, страх, отчаяние, боль, голод. Отрицательные эмоции совершенствуют род людской, адаптируют, закаляют. Так утверждала наука, и с ней не спорили — до того дня, пока зеленые побеги не полезли из московской земли.

Сорок лет ищут побочные эффекты. Сорок лет не могут поверить, что трава безвредна. Анализируют. Смотрят в микроскопы. Ставят опыты. Клонируют семена, зародыши. Тем временем за стенами лабораторий кипит другая жизнь: миллионы беззаботно жрут мякоть и тихо радуются.

...Обсохнув и взбодрившись, Герц неторопливо оделся, выбрав для сегодняшнего дня костюм в стиле высокооплачиваемого распиздяя-интеллектуала. Спортивные туф-

ли, мятые джинсы, полотняная рубаха навыпуск, пиджак с кожаными пуговицами, которые якобы вот-вот оторвутся, но на самом деле никогда не оторвутся, потому что прогресс, друзья, не стоит на месте и пуговицы уже пятьдесят лет не отрываются даже у самых неопрятных холостяков.

В последнее время шеф-редактор предпочитал прикид распиздяя-интеллектуала всем прочим прикидам. Самые серьезные дела делаются именно в небрежной, легкомысленной одежде. Давно известно, что именно распиздяи-интеллектуалы — наиболее серьезные, влиятельные и даже опасные люди: развлекаясь и шутя, меж двумя сигаретками они способны произвести на свет идеи, сводящие человечество с ума.

Напоследок бесшумно дошел до спальни, заглянул. Жена спала, погрузившись щекой в подушку. Зрелище немного сдвинутой набок нижней губы Варвары, пунцовой маленькой губы, вдруг испугало Савелия. «Вот живое существо, — подумал он, загрустив. — Мыслящее, лично мне дорогое. Иногда по ночам оно утверждает, что целиком находится в моей власти. Внутри его зреет еще одно существо. Теперь их, значит, двое. И это я устроил так, чтобы рядом появилось сначала одно существо, потом и второе. Зачем, почему, что мне с этим делать? Смогу ли я их защитить? Сберечь? Оправдаю ли ожидания?»

Тряхнул головой. Пора идти.

Вот так выбегаешь утром из дома, а перед тем как распахнуть дверь во внешний мир, замираешь на несколько мгновений, иногда даже с закрытыми глазами, и обещаешь себе: это будет мой самый лучший день. Я проживу его достойно, я добьюсь своего. Я их сделаю, я восторжествую, я им всем вставлю. Но еще до того, как шагнуть за порог, понимаешь: сегодня будет так же, как вчера и позавчера. Выйдешь к ним, а они грустные, ти-

хие, улыбаются мирно: парень, нас уже сделали, нам уже вставили, неоднократно... Каждую минуту вставляют. Желающих множество. Хочешь — и ты вставь, если тебе от этого легче.

И тебе ясно тогда: нет никакой чести в том, чтобы вставить всему миру.

Но и не вставлять тоже нельзя. Иначе мир расслабится и решит, что может обойтись без тебя. А ты не согласен.

Тебе точно известно: мир не может обойтись без тебя. Иначе зачем тогда ты рожден?

2

Через десять минут после выезда на шоссе он понял, что за ним следят.

В соседней полосе движения, в пятидесяти метрах сзади, катил серый китайский «кадиллак». Не отставал и не приближался.

Савелий ездил быстро, любил и умел, но водитель серого седана тоже был мастер.

Пришлось набрать номер Мусы. Герц объяснил, что и как, продиктовал номер машины преследователей. Через две минуты Муса перезвонил.

— Их номер не пробивается, — спокойно произнес он. — Засекречен. Но ты не переживай. Точно могу сказать одно: это не государственные менты. И не полугосударственные. Частная контора. Сыскное агентство или что-то такое... В общем, в измене родине тебя не обвинят. А кому и как ты насолил — сам прикинь. И не вздумай отрываться, никаких шпионских игр, понял?

— Понял. — Герц улыбнулся.

Слежка — это интересно. Это возбуждает. Если за тобой следят — значит, ты живешь как надо. Слежки еще нужно удостоиться. За безобидным обывателем следить

не будут. А ты — шеф-редактор влиятельного общественно-политического ежемесячника, и если за тобой пустили хвост, стало быть, уважают; стало быть, не так уж плох твой общественно-политический ежемесячник.

Следят — пусть. Следить за журналистом — старинный русский обычай. И не просто следить, а пасти — спокойно, почти в открытую. Чтобы клиент нервничал и боялся.

«А я не буду бояться и нервничать, — подумал Савелий. — Не дождетесь. Вы, наверное, думаете, я только на бумаге смелый, а в действительности — книжный червячок. Жаль вас разочаровывать, но придется».

Сначала он бросил машину. Свернул с эстакады возле новейшей башни «Бондарчук», нашел на пятьдесят пятом уровне супермаркет, припарковался на стоянке, двинул пешком. Уходить от наблюдения надо именно пешком, налегке. Ноги надежнее колес. На колесах вы не протиснетесь в узкую щель, не прыгнете, не повернете резко на сто восемьдесят градусов.

Вы умеете уходить от слежки? Я умею. Я Савелий Герц, мне пятьдесят два года, я выгляжу на тридцать пять — и я на движняке, господа. Я многое умею. Краем глаза вижу, как серый «кадиллак» резво катит вдоль сплошного ряда машин — парковка огромна, но свободных мест нет, граждане Москвы необычайно любят шопинг, особливо по утрам, чтобы к обеду отовариться модными в этом сезоне горячими чипсами и засесть перед телевизорами «Соседей» смотреть... Вот филеры нашли местечко, первый выскочил, бежит, вертит головой, второй ставит машину, как положено, и догоняет. Тут мы их срисовываем. Выясняем внешность. Преследователи теряют преимущество анонимности. Да, их двое, и они, разумеется, андроиды: плечи крепкие, задницы круглые, движения ловкие. Морды гладкие; отсвечивают, как сортирный кафель. Суперсамцы, ни единого изъяна. Такие холеные мачо —

если они живые люди — не работают в спецслужбах, в наружном наблюдении. Слишком легко одеты для промозглой московской осени, и одежда сидит как влитая, поскольку карманы пусты: андроид не носит с собой ни бумажника, ни блокнота, ни носового платка, ничего.

Возможно, они поняли, что раскрыты, — но ничего страшного. Наоборот, так проще. Спецоперация превращается в банальную погоню. Ну, погоня — громко сказано. От андроида нельзя убежать. Андроид не устает, и пот никогда не заливает его глаза.

Посмотрим, кто кого.

Кстати, Герц похолодел, а почему я решил, что они — филеры? Почему уверен, что мне не грозит, например, избиение? Или убийство? Сейчас эти двое загонят меня в безлюдное местечко и аккуратно ликвидируют. Влетит мне в затылок специальная нанопуля, которую потом невозможно будет найти в теле покойного. Загнанных журналистов пристреливают, не так ли?

А вот паниковать нельзя. Да и спешить тоже. Лучше приземлиться в уютном баре, вот здесь, — вытянуть ноги в теплом полумраке. Выпить чашечку кофе. Кстати, тут отличные кресла с подушками из квазиживых водорослей. Сделано все для упрочения персонального психологического комфорта клиентуры. За мной андроиды не сунутся — они не оцифрованы, не имеют под кожей государственного чипа... короче говоря, денег у них нет. Ага, правильно: внутрь не вошли, один пристроился напротив дверей, с понтом шнурок завязывает, второй — в двадцати метрах, талантливо сделал вид, что разглядывает витрину журнального киоска. Кстати, на самом видном месте сверкает там обложка свежего номера ежемесячника «Самый-Самый». Отличная обложка, Филиппок придумал: черно-белый, в стиле аскетических посткризисных двадцатых годов, портрет Анжелины Лоллобриджиды. Глазищи, губищи, воплощенный секс.

Но Варвара лучше.

Зачем и кому я нужен? С какой стати за мной следить, если год за годом каждое утро я проделываю один и тот же простейший путь — из дома на работу? Хотят выяснить распорядок дня? Мой адрес, мои телефоны известны. Проще и быстрее — позвонить в редакцию, представиться вымышленным именем, задать несколько хитрых вопросов.

Организаторы слежки — странные люди. Безусловно, они умны, рациональны и явно презирают современные технологии. Принято считать, что в наши времена за гражданами следят при помощи нажатия кнопок: спутники, беспилотные вертолеты и так далее. Однако слежка со спутника стоит очень дорого и вдобавок возможна исключительно в ясную погоду, а слежка через милицейские системы видеоконтроля доступна лишь официальным структурам. Тот, кто решил пасти журналиста Савелия Герца, хорошо понимает, что старые добрые топтуны дешевы и эффективны и спрятаться от пары внимательных синтетических глаз гораздо сложнее, чем от спутников. Андроид не теряет концентрацию и никогда не захочет отлучиться по малой нужде.

Герц понял, что успокоился. Даже снял свой пижонский пиджак с болтающимися пуговицами. Кто они, организаторы слежки, уважающие старую школу? Кому я перешел дорогу? Допустим, в том же последнем черно-белом номере, в рубрике «Самый Опасный», стоит репортаж о судебном процессе над лесоторговым магнатом Степаном Прослойко, создавшим крупнейшую лабораторию по изучению стеблероста. Лаборатория активно действовала десять лет, однако ее сотрудники изобретали отнюдь не способы искоренения — очищали мякоть стебля. Господин Прослойко, светский лев и спонсор фестивалей классической музыки, оказался гадом и барыгой, его лаборатория в промышленных масштабах

производила мякоть десятой степени концентрации. В итоге лев и спонсор получил пятнадцать лет, однако подельников не сдал, все взял на себя. И перед публикацией статьи на Савелия давили, рекомендовали не рисковать. Может, приятели барыги-миллионера решили припугнуть строптивого журналиста?

Чепуха, сказал себе Савелий, кинематографические бредни. Прослойко давно сидит в одиночной камере. Зачем мочить журналиста, если статья уже опубликована? Да и не станут эти упыри, травяные мафиози, унижаться до слежки. Послать бессловесного клона, чтобы задушил жертву в лифте голыми руками, — вот их метод.

Жертва вытянула ноги и стала усиленно думать. Допустим, можно позвонить в милицию и заявить, что известного и уважаемого журналиста преследуют двое подозрительных мужчин. Наряд прибудет в течение ста двадцати секунд. Но вместе с нарядом, а может, и раньше, прибегут папарацци, и уже к вечеру желтые телеканалы раздуют скандал. Неизвестные лица следят за шефом журнала «Самый-Самый»! Шеф журнала «Самый-Самый» требует у властей защиты! Шеф журнала «Самый-Самый» до смерти напуган андроидами! Они найдут, как сформулировать, чтобы максимально унизить жертву. Ибо желтая журналистика торгует в первую очередь унижением.

...Или возьмем предпоследний номер, рубрику «Самый Веселый», где гвоздем была издевательская фотосессия с презентации нового клуба «НаноПьяно». Триста VIP-гостей, крашенные красным лаком зубы, перекошенные мокрые физиономии, бабы в бриллиантах скачут, задирая ноги в лучших традициях вокзальных кабаков конца XX века. На безразмерных столах в серебряных лоханях — переложенная дольками лимона сырая мякоть стебля. Кое-кто по последней моде высшего света жрет даже не ложками, а прямо руками — почему-то считается, что так сильнее вставляет и дольше держит.

В объектив попали два-три сыночка высокопоставленных правительственных чиновников. Общественность взвыла, журнал раскупили за трое суток, а спустя неделю один промоутер, ряженый под авторитетного гомосека, подойдя в ресторане «Сома» к столику Савелия Герца, слюняво грозил и затушил сигару в блюде с авокадо-салатом Савелия Герца, за что и получил от Савелия Герца в челюсть.

Но и эти не будут устраивать шоу с наружным наблюдением — не их стиль. Они уже объявили Герцу войну. Вся Москва знает, что светским хроникерам журнала «Самый-Самый» больше нет хода на частные вечеринки.

Шеф-редактор заказал второй кофе.

За соседний столик уселись двое — он и она, оба с мотоциклетными шлемами. Вот хороший вариант, возбужденно подумал загнанный в угол шеф-редактор. Подсесть к ребятам, попросить. Может, предложить денег. Девочка подождет полчасика. Нежная, полусонная, на вид дура дурой — явно никуда не торопится. А мальчик пусть невзначай подгонит мотоцикл ко входу в заведение и подождет: я выйду, резко прыгну в седло, парень даст полный газ... Андроиды бегают очень быстро, но все же не набирают сто километров за две секунды. Правда, это серьезные мужики. Говорят, они видят сквозь стены, слышат любой шепот и читают по губам. Сразу разгадают мой замысел. Да и мальчик со шлемом, судя по его гладкому личику, вполне законопослушный гражданин. Наверняка откажется...

Что еще? Предположим, можно попробовать дедовский метод. Сесть в вагон монорельсовой дороги и рвануть прочь за миг до того, как двери закроются... Савелий поймал себя на том, что нервно барабанит пальцами по столу. Попробовать — да, можно, но у искусственных людей молниеносная реакция и бычья сила, они вполне могут отжать двери или головой стекло пробьют. На пол-

ном ходу выпрыгнут, с них станется. Машины есть машины — им дали приказ, они его выполняют.

Только кто дал приказ? Кто кукловод?

Савелий отхлебнул. Слава Богу, хотя бы кофе здесь не китайский, а бразильский. Когда вокруг тебя все китайское — это надоедает. Хочется чего-нибудь некитайского. Даже если платишь деньгами с китайского депозита.

Вот. Придумал. Еще один способ, старый и простой. Даже приятный. Можно отменить работу. Вообще не ехать в редакцию. Потаскать хвост за собой по городу. Изобразить жуира и сибарита, сходить в бассейн, в массажный салон, посетить модный вернисаж. Театр. Или хоккейный матч. Погонять по старой памяти в трехмерный бильярд. Вступить в контакт с пятью десятками ненужных мужчин и женщин. Зайти, например, в гости к приятелям-конкурентам, в журнал «Вертикальная Россия», заодно спросить, с какой стати наглецы регулярно пытаются переманить рекламодателей. Пусть хозяева андроидов анализируют мои связи, проверяют случайных знакомых, пусть думают, будто Савелий Герц — светский бездельник и жизнь его — сплошной карнавал, коктейли, развлекуха, скольжение по поверхности...

Шеф-редактор вздохнул. Когда-то, тридцать лет назад, он и сам так думал. А теперь вот: с утра до ночи в офисе, тотальная нехватка времени, бешеные счета за аренду, экономия на скрепках и вместо дисциплинированного трудового коллектива — малоуправляемая ватага расслабленных гуманитариев. Нет, в редакцию мы поедем обязательно.

Допил, подхватил пиджак. Встал.

Кстати, в баре есть второй выход. Можно ускориться прямо сейчас, мгновенным напряжением сил — через десять секунд буду возле лифтов, и если хотя бы в одном открыты двери — есть шанс оторваться. Потаскаю погоню по этажам, по лестницам, эскалаторам, пандусам, по

ярко освещенным кондиционированным пространствам, сквозь подвешенные в воздухе магазины, оранжереи, парки, рестораны, галереи, террасы, вверх и вниз, с пятидесятого уровня на восьмидесятый и обратно. Говорят, когда-то человек обыгрывал машину в шахматы, почему бы теперь человеку не обыграть машину в древнем соревновании под названием «погоня»?

Набрал в грудь воздуха. Сейчас.

Он помедлил. И пошел прямо на своих преследователей.

Тот, что завязывал шнурки, отвернулся, неторопливо стал дрейфовать прочь. Избегает, сволочь, не желает сокращать дистанцию, подумал Савелий. В пять широких шагов догнал филера, хлопнул по твердому, как дерево, плечу.

Андроид изобразил вежливое недоумение. Краем глаза Герц фиксировал второго — тот по-прежнему топтался возле газетного ларька.

— Пасешь, да? — спросил Герц.

— Прошу прощения, — прогудел андроид. — Я не понимаю...

Савелий толкнул его в грудь:

— Все ты понимаешь. Все ты, сука, понимаешь.

— Прошу прощения...

— А ну-ка пошел отсюда! — негромко велел Савелий. — Передай привет хозяевам. Скажи, если ко мне есть вопросы — пусть приходят и спрашивают. А не присылают пластмассовых дебилов. Понял?

Искусственный человек изобразил натуральную оторопь:

— В чем дело? Какие хозяева?

— Пошел отсюда, я сказал. — Герц еще раз толкнул искусственного и попытался послать ему взглядом угрозу.

Говорят, их надо бить в живот, поскольку процессор и жесткий диск вмонтированы не в голову, а пониже пуп-

ка — там, где центр тяжести. Нет, решил Савелий, не в живот. Выдерну из кармана авторучку, попробую воткнуть в глаз. Крови не будет, вместо крови у них жидкий гель-антифриз, а вместо мозга — радиатор, охлаждающий всю систему. В общем, ничего ему не будет, искусственному. Испорчу деталь — пусть хозяева знают, с кем имеют дело.

Но андроид, не вступая в дискуссию, стал ловко пятиться назад и исчез за углом. Герц оглянулся: второй тоже канул.

Пока шел к парковке, устраивался за рулем машины, пока выезжал — специально не смотрел по сторонам.

К черту вас всех. Я шеф-редактор влиятельного журнала, я на движняке, моя жена носит моего ребенка. Не связывайтесь со мной.

3

Первое, что увидел шеф-редактор, войдя в собственный кабинет (правда, Герц пока избегал называть его собственным даже в мыслях; здесь вовсю витал дух великого старика), — были маячившие над просторной столешницей подошвы дешевых китайских ботинок сорок пятого размера с безбожно сбитыми каблуками.

— Убери ноги со стола, — приказал Савелий.

— Ха! Господин шеф-редактор!

Гарри Годунов был королем эпатажа, но глубоко культурным мужчиной (среди людей искусства такое возможно) — он мгновенно выполнил распоряжение и освободил место. Правда, при этом умудрился непристойно задрать колени и вполголоса грубо выругаться.

— Еще раз залезешь в мой кабинет, — равнодушно сообщил Герц, — велю тебя не пускать.

— Звучит ужасно, — ответил Годунов. — Архаично и немузыкально. В стиле дворянчиков из русской класси-

ки. «Подите прочь, граф, вы несносны, я велю вас не пускать...»

Он захохотал. Нескладный, отвратительный, пьяновато-хамоватый. Однокашник. Старый товарищ. Если все циники мира соберутся на демонстрацию, он понесет знамя. Мощнейший мозг, два метра долговязого тела, неизменная брезгливая гримаса, множество раз сломанный нос. Волосы дыбом, коричневые зубы. Под тонкой жилистой шеей на кожаном шнурке какие-то амулеты. Нелепая заношенная фуфайка с надписью «Kannabis Über Alles». Герц не отказал себе в удовольствии лишний раз полюбоваться внешностью гения и подумал, что гений, в общем, выглядит, как и положено гению, умопомрачительно.

За последние пятьдесят дней гением было написано пятьдесят статей, очерков и эссе. Причем совершенно бесплатно. И вдобавок именно благодаря язвительным статьям и очеркам нового колумниста Гарри Годунова тираж журнала «Самый-Самый» существенно возрос.

И не только тираж. За два месяца изменилось многое. Кабинет шеф-редактора был преображен. Голографическую инсталляцию — бородатого Солженицына — старик велел перевезти в свою квартиру. В компанию к Марксу и Фрейду. На освободившемся месте Савелий установил новинку последнего поколения, из жизни титанов прошлого, под названием «Глеб Пьяных опускает Руперта Мэрдока по всем понятиям». Изучив ее детально, дамы краснели.

Впрочем, Герц того и добивался.

— Больше не клади ноги на стол, — примирительно попросил он, усаживаясь и открывая очередную флягу «дабл-премиум-люкс».

— Пустое, граф, — отбил Годунов, легко удерживаясь в стиле русского дворянчика. — Лучше повесьте сбоку бронзовую табличку: «На сию мебель возлагал натружен-

ные конечности великий русский писатель...» Далее — неразборчиво.

— Когда пойдешь ко мне в штат?

Гений рухнул в ближайшее кресло, шумно почесал живот и зевнул. Посмотрел на Савелия печальными глазами сенбернара:

— Никогда. Я за деньги не работаю. Только из любви к искусству. Тем более в твоем грязном желтом листке...

— Согласен, — с достоинством кивнул Савелий. — Мы немного пожелтели. Но так было задумано. Так велел старик, когда уходил. Иди ко мне в штат, Гарри.

— Нет, — отмахнулся Годунов. — Не пойду. Еще десяток баек сотворю — и исчезну.

— Обратно на пятый этаж?

— Может, на пятый. А может, на сотый.

Герц развеселился:

— Кто тебя, дурака, пустит на сотый уровень?

— Не пустят, — спокойно поправил Годунов, ковыряя в носу, — а позовут. Уже звали. Опытные квалифицированные дураки вроде меня требуются везде. Осталось только денег подкопить.

— Зачем?

— Секрет. Но тебе скажу. Перед внедрением на сотые этажи надо сделать пластическую операцию. Переделать физиономию. Под монголоида. — И Годунов оттянул кончиками пальцев кожу возле внешних углов глаз: изобразил азиата.

— Не выйдет, — усмехнулся Герц. — Ты типичный славянин. Треть от татарина, треть от финна и треть от грека. Иди в секретариат и пиши заявление о приеме на работу. И сразу будут деньги. Много. Хватит и на операцию, и на новые ботинки.

— Еще чего, — с отвращением поморщился Годунов. — Секретариат? Заявление? Что за казенный жаргон?! Слушай, Герц, давай не будем. Помочь корефану

Савелию — это одно. Это я могу. А работать на корефана Савелия — это совсем другое. Ты сказал: «Помоги, Гарри, у меня лучший репортер без вести пропал, я не справляюсь». Вот, старый Гарри помог. Но зачем предлагать старому Гарри работать на своего корефана? Старый Гарри может обидеться. А он знаменитый, он книги пишет, с ним лучше не связываться...

Савелий помолчал немного, потом спросил:

— Куда он все-таки мог исчезнуть? Этот наш лучший репортер?

— Вниз ушел, — сразу ответил Годунов. — Сидит где-нибудь на четвертом этаже, в притоне, и жрет мякоть ложками в компании удолбанных блядей.

— Ах я идиот, — пробормотал Герц. — Он ведь позвал меня в гости. Перед тем как сбежать. Прощался. Едва не плакал. А я его не понял. По плечу похлопал — и уехал... Идиот.

— Еще какой.

— Слушай, а его микрочип?

— На нижних этажах умеют все. В том числе и сигналы глушить. Правда, глушители кустарные, работают плохо. Потребляют слишком много энергии. Кстати, как и заводы по возгонке мякоти... Внизу, господин Герц, бурная деятельность. Первые пять этажей пожирают почти треть всей городской электроэнергии. Чтобы замаскировать и легализовать перерасход, умными людьми устроена широкая сеть соляриев для бледного простонародья. Власти думают, что электричество потребляют солярии, а на самом деле солярии нужны главным образом для отвода глаз. Все киловатты уходят на возгонку.

Савелий ощутил досаду.

— Где ж ты раньше был? Со своими познаниями...

— А ты? — невинно возразил Годунов.

Герц не нашелся что ответить.

— Не волнуйся, — хмыкнул гений, изучая ногти. — Твой Гоша найдется. Перед бегством он наверняка снял наличными все свои деньги...

— Откуда знаешь?

— Я ничего не знаю, господин шеф-редактор. Я просто думаю вслух. Вредная привычка, со времен уединенной жизни... В общем, я предполагаю, что твой лучший репортер подхватил сбережения и махнул на четвертый уровень. К блядям. А бляди с четвертого этажа, — Годунов значительно поднял палец, — это не простые бляди. Это, брат, очень ловкие и ушлые бляди. Ловчее блядей с четвертого этажа только бляди с третьего этажа. Но на блядей с третьего этажа у твоего Гоши не хватит денег.

— Представляю, — вздохнул Герц, — что за бляди тогда на втором этаже.

— На втором этаже, — строго заметил Годунов, — блядей не держат. Там сидят только серьезные ребята. Там царство «дружбы».

— А на первом?

— А на первый, — с сожалением произнес Годунов, — я не спускался. Слабо мне, понял? Духа не хватило.

— Извини.

— Ничего.

Гений достал пачку дешевых китайских сигарет, закурил.

— На четвертом уровне твоего Гошу обчистят досуха за полгода. Потом он вернется.

— Дай Бог.

— Бог здесь ни при чем. — Годунов нехорошо усмехнулся. — Богу нет дела до твоего Гоши. Твой Гоша Деготь отпал от Бога. Если он однажды вернется, то уже не человеком. Будет думать, что он стебель и внизу у него прах, а над головой свет прозрачный.

— Даже так?

— А по-другому не бывает. Вернется он, заметь, весь в долгах. Ему там с радостью в долг дадут. И по дружбе дадут, и в долг. Это у вас, людоедов, на восьмидесятых, на самом солнышке, никто никому не должен. А внизу, где мокрицы бегают и плесень по стенам, — там, господин Герц, каждый должен каждому! Захочешь — дадут хоть сто миллионов наличными. Можно мякоть в долг взять. Можно женщину одолжить. Только если в срок не вернешь — тебя в инкубатор отправят. Слышал про инкубатор?

— Смутно.

— Это лечебница такая, — весело объяснил Годунов. — Первоклассная. Там тебя обследуют, здоровье проверят. Продуют легкие чистым кислородом, кровь очистят, грязь и токсины выведут. Будешь как новенький... А потом... — гений сделал небрежный жест, — распилят на части. Бережно. Почки, печень, селезенку — продадут. Глаза тоже. Сейчас, говорят, глаза в дефиците, спрос намного превышает предложение... Само собой, попутно государственный микрочип вырежут. И какой-нибудь веселый парень будет получать с китайского депозита твою персональную долю.

Савелий подумал и тихо спросил:

— Слушай, Гарри... а... ты там... это... Когда жил внизу... никому не задолжал?

— Было дело, — хладнокровно ответил гений. — Только я все отдал. С процентами. Чудом в инкубатор не попал... — Он нахмурился. — А теперь хватит мемуаров. Кто тут шеф — я или ты? Давай работать. Тебя искала Валентина. У нее есть новости.

Герц нажал кнопку и особым баритоном босса (три недели тренировался) потребовал принести воды, вызвать Валентину, подготовить к проверке макет очередного номера, накидал еще каких-то распоряжений — обозначил начало нового рабочего дня. Опустил глаза —

ковер кабинета до сих пор хранил следы инвалидной коляски великого Пушкова-Рыльцева.

Месяц назад старик заявил, что Савелий готов к самостоятельной деятельности. После чего затворился в квартире и запретил беспокоить даже в случае атомной войны.

Когда Валентина вошла, Годунов засуетился и поспешно сбежал в угол — сел там на диван, закинул ногу на ногу и стал изучать фигуру женщины пристальным взглядом ценителя.

— Говорят, у тебя есть новости, — обратился к ней Герц.

— Еще какие. — Серьезная Валентина оглянулась и посмотрела на Годунова, как учительница на двоечника.

Герц вздохнул:

— Терпеть не могу новости.

— Мне начать с главной? Или по порядку?

— Как хочешь, — величественно произнес шеф-редактор.

Валентина раскрыла папку.

— Аргентина выдворила сразу десять тысяч нелегальных гастарбайтеров. В основном граждан Франции и Бельгии.

— В задницу гастарбайтеров, — велел шеф-редактор. — Это не новости. Неинтересно.

— Дальше будет веселее, — обнадежила Валентина. — Иван Европов сделал очередное заявление...

— Валентина, — вдруг перебил Годунов из своего угла, — ты ведь замужем, да?

Валентина вздохнула:

— Я тебе сто раз повторяла. Я замужем, но с мужем не живу.

— Годунов, не мешай работать, — буркнул Савелий.

— Пардон. — Гений заерзал задом. — Просто мне нравится, как наша уважаемая Валентина произносит эту фразу: «Я замужем, но с мужем не живу!» Звучит

как стихи. Отличная аллитерация, три «ж» в одной строке...

— Иван Европов, — невозмутимо продолжила Валентина, — объявил голодовку. Требует срочного выделения средств для изучения периферийных территорий.

— Голодающий Иван Европов, — ядовито произнес Годунов, — это круто. Вся Москва знает, что он конченый травоед и уже много лет не жрет человеческую пищу.

— Можешь доказать? — сухо осведомился Савелий.

— Конечно, могу. Я подрабатывал репетитором у сына его дилера. Только зачем что-то доказывать? Неужели, Герц, ты осквернишь страницы своего журнала репортажем про этого незначительного ублюдка?

— Если официально докажешь, что он травоядный, — мы его сотрем в порошок. Сделаем героем рубрики «Самый Лицемерный».

— Есть ребята и полицемернее, — пробормотал Годунов, глядя в сторону.

Савелий пожал плечами и сделал Валентине знак продолжать.

— В проекте «Соседи» очередной скандал...

— Жаль, — звучным баритоном перебил Годунов, — что ты замужем, Валентина!

— Заткнись, — повысил голос Савелий.

Валентина улыбнулась:

— Ничего. Он мне не мешает. Я привыкла.

— Протестую! — тут же воскликнул Годунов. — Ко мне нельзя привыкнуть! Я непредсказуем.

— Встань и исчезни, — прорычал Савелий.

Старый товарищ проделал жест извинения:

— Молчу! Извините, что помешал обсуждать скандалы проекта «Соседи»! Но хотел бы заметить, что в проекте «Соседи» существует специальный отдел. Так и называется: «Отдел скандалов». Двести пятьдесят сценаристов и психологов. Жесткий график. Каждые три дня — скан-

дал на пять-шесть баллов, каждые пять дней — скандал на восемь баллов. В отделе имеются секции инцеста, рукоприкладства и изнасилований...

— Потом расскажешь, — раздраженно заметил Герц и посмотрел на Валентину особенным взглядом, скопированным у старика Пушкова-Рыльцева: — Что еще?

— Известный предприниматель Бокановский, продюсер нашумевшего фильма «Встречный зов», и его жена, солистка группы «Стоки Блю» Люся Хрущева, арестованы по обвинению в употреблении мякоти стебля...

— Не может быть, — удивился Савелий. — За траву никого не сажают. А посадить этого прощелыгу Бокановского, да еще вместе с женой...

— Я проверяла. Пресс-центр полиции нравов сообщает, что задержанные дали признательные показания.

— Какой-то бред. Надо проверить еще раз.

— Хорошо.

— Это все?

— Осталось главное, — тихо объявила Валентина и положила на стол дешевую пластиковую зажигалку: — Вот.

Гарри Годунов немедленно привстал и вытянул шею.

— Что это? — осторожно спросил Герц.

— Флэш-карта, — еще тише сказала Валентина и поежилась. — Там — копия доклада российского сопрезидента Восточно-Сибирской Свободной Экономической Зоны. Доклад датирован вчерашним числом. Срочно, совершенно секретно. Особая государственная важность. Лично премьер-министру, в единственном экземпляре. Мне принесли это сегодня утром.

— Кто? — спросил Герц.

Валентина порозовела.

— Я никому не раскрываю свои источники.

Герц помолчал и вздохнул:

— Если прочитаю, стану соучастником уголовного преступления.

Гарри Годунов оглушительно зевнул.

— Наверное, да, — спокойно произнесла Валентина. — Станешь.

— Послушай... Ты... когда на работу ехала... не заметила ничего странного?

— Например?

— Слежку.

Годунов захихикал:

— Ха! Это я за ней следил! Я маньяк и навязчиво мечтаю, так сказать, овладеть...

— Иди к черту, — беззлобно огрызнулась Валентина.

— Ладно, — сказал Савелий. — Рассказывай. Что там, в докладе?

— Конец света, — прошептала Валентина, блестя глазами.

— Вот как.

— Доклад состоит из двух частей. Первая часть — вводная. Справочные расчеты. Основная мысль такова: природные ресурсы Восточной Сибири истощены на четыре пятых. Точка, после которой естественное возобновление невозможно, давно пройдена... Вторая часть — приложение. Перехваты телефонных переговоров китайского сопрезидента Зоны и его пекинского куратора. Весной будущего года вступит в силу секретный правительственный план «Гуэй Цзя», в переводе — «Возвращение домой». Свободная Экономическая Зона прекратит существование. Рентные платежи заморозят. В одностороннем порядке. — Валентина кашлянула. — То есть китайцы сворачиваются. Их решение окончательное и принято на самом высоком уровне.

Смысл сказанного не сразу дошел до Герца. Он молчал около минуты. Потом произнес:

— Они перестанут нам платить.

— Давно пора, — отозвался Гарри Годунов и опять зевнул.

— Наверное, — тихо сказала Валентина, — будет война.

— Не будет, — хмыкнул Годунов. — Страна, где солдатскую форму придумывают кутюрье, не способна воевать. И потом: китайцев три миллиарда, нас — сорок миллионов. Какая тут может быть война? Каждый китаец кинет в нас куском дерьма, и мы будем погребены навеки.

— Слышь, Годунов, — сказал Савелий, — ты говори, да не заговаривайся. В моем журнале с этим строго. Можно издеваться над Родиной, но нельзя издеваться над ее военной мощью. Ты же сам писал про новый беспилотный супертанк на воздушной подушке. Который не горит, не тонет и сам берет в плен живую силу противника...

— Писал, да, — кивнул гений. — Но я не написал, как на испытаниях один из генералов разбил небьющийся пульт управления супертанком и все увидели клеймо «Сделано в Китае».

— Вот как, — произнес Герц. — Почему же ты мне не сказал?

— Потому что в твоем журнале с этим строго.

Савелий вздохнул и огляделся словно впервые. Пятнадцать минут назад кабинет был его личной крепостью, надежной скорлупой — сиди на мягком, занимайся делом, верь в себя и в будущее. Сейчас все показалось непрочным, игрушечным, из картона склеенным. Будущее надвинулось, непроницаемое, черное.

«Годунову хорошо, — подумал Савелий. — У него нет дома, семьи, здоровья и денег, нет ничего, кроме имени. Годунов азартен и жаден до событий, ему чем хуже — тем лучше. Интереснее. А мне что делать?»

Он осторожно взял зажигалку и спрятал во внутренний карман — туда, где покоились в изящном футлярчике несколько капсул мякоти стебля. Посмотрел на бледную Валентину, тихо спросил:

— Сколько людей знает?

— Четверо. Мой источник и мы трое.

— Меня вычеркивайте, — небрежно разрешил Годунов. — Мне наплевать. На месте китайцев я бы перестал платить еще двадцать лет назад.

— Может быть, это липа? — Савелий сразу почувствовал, что в его голосе звучит детская надежда. — Дезинформация? Слив? Кстати, сколько денег хочет твой источник?

— Источник не хочет денег, — деловито ответила женщина. — Источник хочет меня.

— Как я его понимаю! — воскликнул Годунов.

— Вряд ли это слив, — продолжила Валентина. — Зачем кому-то сливать через нас такой ужас?

— Чтобы мы клюнули. И тогда нас закроют.

— Кому вы нужны?! — брезгливо бросил Гарри Годунов. — Вы — аполитичный глянцевый листок. Вы лояльны. Вы скучны. Вы беззубые.

Герц встал. Подумал, что пора выпить воды. Валентина, маленькая, прямая, смотрела на него снизу вверх. Он поискал в ее взгляде страх — и не нашел.

— Гарри, — ласково сказал он, — давай сделаем так: ты думай о своих зубах, а мы будем думать о своих.

— Как скажешь, — весело ответил гений. — Кстати, прекрати красить их в красный цвет. Это некрасиво...

— Заглохни, — приказал Герц. — Надоел. Сделаем так. Сейчас все расходимся. Улыбаемся, делаем текущие дела. Никому ни слова. Я сам просмотрю файлы и приму решение.

— Я хочу предупредить родителей, — заявила Валентина.

— Не сегодня, — с нажимом возразил Герц. — Надо все обдумать. И серьезно проверить. Наверное, позвоню Евграфычу. Он, правда, запретил его беспокоить, но... Гарри прав: война маловероятна. Однако возможны

беспорядки, анархия, экономический кризис и так далее. Вплоть до голода. Боюсь, если все будет так, как написано в секретной бумаге, мы с вами останемся без работы...

— И хрен с ней, — выдал Годунов. — С работой.

Из-за дверей общего зала послышались крики.

— Опять, — с досадой произнесла Валентина. — Савелий, тебе пора принять меры.

— Что ж, пойдем, — процедил Герц. — Примем.

Он схватил бутылку «дабл-премиум-люкс» и направился к выходу, причем Годунов — хулиган, хам и циник — необычайно благородным жестом распахнул перед ним дверь.

В общем зале царило нездоровое оживление. Девочки жались к стенам. У окна в боевых позах друг напротив друга стояли Пружинов и Филиппок.

— В чем дело? — грянул Савелий, чтобы всем сразу стало ясно, кто в доме хозяин.

Филиппок обратил к хозяину белое от негодования лицо:

— Я стоял у окна! Никого не трогал! А этот гад...

— Не кричи, — велел Герц.

— Я не гад! — ответил Пружинов. — Сам ты гад!

— А чего ты мне солнце загораживаешь?!

— А чего ты вечно у окна торчишь?!

Обоих крупно трясло, оба брызгали слюной. Прочие свидетели скандала — уже третьего за последние несколько дней — либо делали вид, что ничего не происходит, либо наблюдали, отойдя подальше.

— Ты тут не один! — выкрикнул Пружинов. — Ишь какой резвый! Твой стол и так ближе всех к окнам!

— А тебе завидно.

— Хам. Сопляк.

— Сам хам! — Голос Филиппка сорвался в фальцет. — Еще надо разобраться, кто кому солнце загораживает.

Выкрикивая разнообразные гадости, неприятели дергали плечами и наклоняли друг к другу перекошенные лица.

— Пружинов, — позвал Герц. — Ты же вдвое старше. Тебе что, мало солнца?

— Солнца много не бывает! — заорал Пружинов, и Савелий понял, что дело плохо.

— Угомонись, пожалуйста, — с ледяной вежливостью велел Годунов, выдвигаясь из-за спин Герца и Валентины. — Или я тебя угомоню.

— Что?

— Что слышал.

— Безобразие. — Пружинов обвел глазами притихший коллектив: люди смотрели на него без симпатии, впрочем, как и на юного Филиппка. — Савелий, во что превратилась наша редакция?

Савелий молчал.

Годунов сложил на груди руки и засмеялся:

— Ну вы и придурки. Заткнитесь оба. И валите к черту. Остыньте. Перекурите.

— Я не курю! — запальчиво сообщил Филиппок.

— Ну и дурак.

— Гарри прав, — тихо произнесла Валентина. — Это отвратительно. Убирайтесь отсюда.

Филиппок выдернул из кармана салфетку и промокнул вспотевшее личико.

— Эх вы, — тяжело вздохнул Годунов (он был выше всех собравшихся на полторы головы). — Ругаетесь как... женщины. Филя, ты ж молодой, сильный. Чего воздух сотрясаешь? Дай ему в лоб, и дело с концом.

Пружинов позеленел и осклабился.

— Или в ухо, — предложил Годунов.

— Еще чего, — надул губы Филиппок. — Вы тоже скажете... Я не какой-нибудь... Мне отвратительна животная агрессия.

Гарри презрительно хмыкнул:

— Ага. Ты, Филя, предпочитаешь растительную агрессию.

— Почему бы и нет?

— Типа кто сильнее — тот выше вырастет и все солнце себе заберет. Угадал?

Филиппок патетически всплеснул руками:

— Солнце общее! Мало ли кто кому загородил!

Пружинов, уже овладев собой, тщательно застегнул блестящий пиджак, неприятно улыбнулся и погрозил пальцем сначала Годунову, потом мальчишке.

— Не на того напали, — проскрипел он.

Гарри Годунов сделал шаг вперед (Пружинов вздрогнул) и негромко сказал:

— Кто ты такой, чтоб я на тебя нападал? Остынь, милый. Помирись с мальчиком и сходи в кафе. Попей водички.

— Я вам не мальчик, — прозвенел Филиппок, доставая вторую салфетку.

— Валентина, — добродушно попросил Годунов, — одолжи парню зеркальце. И пойдем работать.

Валентина собрала губы в нитку: удержалась от улыбки.

— Кстати, да! — провозгласил Савелий, с удовольствием поняв, что вверенный ему коллектив разобрался со своими проблемами без участия руководителя. Если система саморегулируется, значит, она устойчива. — Тут вам не цирк, господа. Занимайтесь своими делами. Пружинову и Филиппу — покинуть помещение. Обоих через полчаса жду у себя.

— К черту, — процедил Пружинов. — Я беру отпуск. Прямо сейчас.

Герц посмотрел в лицо старому коллеге и отчеканил:

— Тут я решаю, кто и когда берет отпуск. Запомни. Моя фамилия Герц, и в моем журнале все решаю только я.

— В твоем журнале, — тихо повторил Пружинов. — В твоем, значит.

Он подвигал челюстью, развернулся на каблуках и вышел. Савелий ждал, что Пружинов хлопнет дверью, но старый коллега, хоть и позволял себе с некоторых пор вспышки гнева, все-таки оставался самим собой — умным, хитрым, энергичным и расчетливым. Он даже подмигнул секретарше и выскользнул из зала почти бесшумно.

«Жаль его, — подумал Герц. — Когда-то Пружинов считался фаворитом Пушкова-Рыльцева. И был убежден, что журнал достанется именно ему. А не мне. Пружинов всегда работал больше других, и тщательно отлаженная сеть осведомителей поставляла ему первоклассную информацию. Но карьерная неудача его надломила. Ходили слухи, будто он собирался затеять что-то отдельное, собственное: журнал, газету или телеканал. Искал инвесторов и даже пытался прибегнуть к помощи "друзей". Однако "друзья" не любят таких, как Пружинов. Высокомерных, резких и безжалостных...»

Вернулся в кабинет. Подавил желание положить ноги на стол. От происшествия остался неприятный осадок. Скандалы — хлеб журналиста, но Герц никогда не считал себя типичным журналистом и тяжело переживал каждую нештатную ситуацию. Перебранки меж своими — ерунда. Хуже, когда заявляются герои критических статей и шумно вываливают обиды и претензии. Миллионер Глыбов после публикации интервью прислал целую банду: троих адвокатов и троих мордоворотов без шей и животов, сплошные мышцы. Адвокаты тихо пообещали сровнять журнал с землей, мордовороты молча кивнули. Разумеется, Герц бы не выстоял против Продавца Солнца. Но у него был Муса, незаметный человек с тихим голосом. Шеф-редактор журнала «Самый-Самый» сделал звонок, и через три часа люди Глыбова, скрипя зубами, принесли официальные извинения.

Герц достал из кармана зажигалку и повертел ее в руке. Позвонил секретарю:

— Найдите Годунова. Пусть зайдет.

— Годунова нет, — робко ответил секретарь. — Он велел передать, что пошел выпить.

Савелий шепотом выругался.

Он отыскал бывшего одноклассника этажом ниже в маленьком баре «Четыреста пятьдесят один градус» — неприлично дорогом заведении, где пожилые бизнесмены, полулежа средь бархатных подушек, отмечали удачные сделки. Гарри Годунова здесь держали за знатока — он был рафинированный барфлай. Ему даже наливали в кредит — это разрешалось одиннадцатой поправкой к Конституции.

— Что пьешь? — спросил Савелий, присаживаясь.

— Не важно, — ответил гений. — Допустим, портвейн.

«Он выглядит стариком, — подумал Герц. — Бодрым, наглым, но стариком. А ведь мы ровесники. Или нет — он старше почти на год. Сорок лет назад, в школе, это казалось важным».

— Пожалуй, я тоже выпью. С тобой. Можно?

— Можно. — Гарри кивнул. — Только зачем? Ты ж травоядный. Тебе от алкоголя никакой пользы.

Савелий в панике огляделся и пробормотал:

— Откуда ты...

Годунов брезгливо хмыкнул:

— Перестань, Герц. У меня глаза есть. Давно жрешь мякоть?

— А ты?

— А я пятнадцать лет как завязал. Последний раз употребил в тридцать семь. Тогда только-только научились делать третью возгонку. Шептались: «Ах, третий номер — это нечто!..» А я сидел на втором номере. Попробовал третий и сказал себе, что пора прекращать...

— И как это было? — тихо спросил Савелий. — Говорят, завязать с мякотью нельзя.

— Можно. Берешь — и завязываешь. Я, например, мясо ел. Пять раз в день. Тошнило, в обморок падал. Давился, но глотал. Сало, баранину жирную... И водку хлестал. Так продолжалось почти два года. Потом полегчало.

Герц помолчал и спросил:

— Ты веришь, что китайцы перестанут платить?

— Еще бы.

— Но это же катастрофа. Что с нами будет? Четыре пятых населения разучились работать. В Москве растет третье поколение профессиональных бездельников. Как они выживут, если китайцы объявят дефолт?

Годунов пренебрежительно скривился:

— Кто захочет — выживет. Например, этот болван Пружинов легко выживет. Он тяжелый человек. И даже, наверное, плохой. Завистливый. Но он умеет трудиться, он выживет. Мальчишка Филипп без памяти влюблен в себя, но он тоже выживет. Валентина выживет непременно, она твердая, как железо. Она даже на ощупь твердая...

— Старый селадон, — с отвращением пробормотал Герц.

Годунов улыбнулся, глотнул из своего стакана.

— Выживут многие. Но не все. И не большинство.

— Выживут сильные, — шепотом предположил Савелий.

— Разумеется, — кивнул Годунов. — Выживут лучшие. Те, кто умеет терпеть и адаптироваться. Но лучших, уважаемый шеф, мало. Надо, чтобы выжили и другие. Худшие. Они тоже нужны обществу. Ленивые, глупые, бессильные, кроткие необходимы. В Библии сказано: «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю...» И вот их — слабых, кротких — всегда особенно жаль. При любом катаклизме именно огромная масса слабых принимает на себя основной удар...

— Гарри, — перебил Савелий, — а я, по-твоему, какой? Сильный или слабый?

— А сам ты как думаешь?

— Э нет, Годунов. Так не пойдет. Мне интересно твое мнение. Школьный товарищ, единомышленник, однокорытник, исчезает на тридцать лет. Потом я его нахожу, отмываю от грязи, высмаркиваю, предлагаю интересное дело, а он, видите ли, не может ответить на простой вопрос. Давай говори. Какой я теперь стал? Сильный или слабый? Только без вранья.

Гений рассмеялся. Когда-то Герц знал Гарри Годунова как смельчака, охотника за истиной. Теперь его суждения представляли собой сокрушительную смесь цинизма и демагогии.

— Мужскую силу, — сказал гений, — считают по бабам. Сколько баб у тебя было, настолько ты и силен. Но ты не напрягайся, не веди подсчеты. Важно не только количество, но и качество.

«Насчет баб — это он правильно мне напомнил», — подумал Савелий и с достоинством произнес:

— По количеству я середнячок. А качество было разное... Впрочем, не важно. Иди к черту, Годунов. Джентльмен никогда не пересчитывает своих женщин.

— Ха! — Годунов съехал из положения сидя в положение полулежа. — Я не джентльмен. Я сочиняю книги, я вне систем и оценок. Я пьяница, хам, экстремист, подонок, житель пятого этажа...

Савелий кивнул и засобирался:

— Сиди тут, пьяница. А я отъеду. Ненадолго. Срочные переговоры. Вернусь через три часа.

4

— Зачем я тебе нужна? — спросила Илона между выдохами. — Я девушка с двадцать первого этажа. Я никогда ничего не делала. И не буду делать. Я ничего не знаю.

Я нигде не была. А ты весь в работе, в мыслях каких-то... Серьезный, богатый...

— ...людоед, — подсказал Савелий.

— Да. Людоед. А людоеды с травоедами дел не имеют.

— Я тоже не имею с тобой дел. Я с тобой сплю. Да и то — днем. И потом: я не настоящий людоед.

— Вы все такие, — протянула Илона. — Ненастоящие.

— Что значит «все»?

— Ну... Ты ведь у меня не один.

— Да, — пробормотал Герц. — Перекрестное опыление.

— Что?

— Ничего. Надеюсь, нас хотя бы не слишком много.

Илона открыла глаза, подняла к лицу ладошку и стала загибать пальцы. Когда все пять сжались в кулачок, Савелию стало неприятно.

— Не продолжай.

— Ты первый начал.

— А зачем тебе... чтобы нас было много?

Девушка улыбнулась:

— Дурак. Много — это много. Это хорошо. Это лучше, чем мало. А мало — это плохо. Понятно? А еще говорят, людоеды умные... — Она закрыла глаза. — Вот так, ага. Медленнее. Да. Ты хороший людоед. Только глупый. Наверное, мало воды пьешь. Тебе хорошо?

— Очень.

— Тогда отвечай на мой вопрос.

— Я забыл его.

— Зачем я тебе нужна?

— Потом скажу.

— Нет. Говори сейчас.

Савелий стал думать, что ответить. Думать не хотелось.

Собственно, за этим он сюда и приходил. Чтобы не думать. Здесь от него этого не требовали. Здесь это считалось глупым занятием.

Дом был дешевый, с тонкими стенами, и он слышал, как рядом, в соседней квартире, кто-то играл на губной гармошке.

Илона была великолепна абсолютным растительным великолепием. Находясь рядом с ней (чем ближе, тем лучше), он ощущал восторг и уют. В ее мире отсутствовали идеи как таковые, и когда она наклонялась над ним или он над ней, было слышно, как потрескивают в ее голове думаемые ею простые мысли, одна или полторы. Впрочем, каждая мысль, как правило, тут же озвучивалась.

Восторг и уют — да. Все просто и надежно сцеплено меж собой. Зачем куда-то идти, если можно не ходить? Зачем ложиться спать, если не хочется? Зачем выключать телевизор — пусть будет, жалко, что ли?

Отсутствовали полутона, исключения из правил, сомнения, недоговоренности, двусмысленности. Отсутствовали все слова длиннее четырехсложных. Если бы Савелий заговорил с девчонкой о «недоговоренностях» или «двусмысленностях», она бы просто ничего не поняла.

Пока не освоил ее трехсложный язык — «хорошо», «плохо», «приятно», «неприятно», — он то и дело натыкался на ее беспомощно-насмешливый взгляд.

Если Илона не понимала его речь, она тут же называла его дураком. И Савелий с наслаждением соглашался. Действительно дурак. У него все сложно, длинно, извилисто — у нее просто, точно и коротко. Кто из двоих дурак?

Зато теперь он знал, что только самое примитивное по-настоящему сексуально.

Она не рядилась в эротическое белье, не жгла благовоний, не умащивала себя туалетными водами. Ей было лениво накладывать макияж и кокетничать. Ей было лениво одеваться, и Герц, толкнув не имеющую замка дверь, обычно находил девчонку полностью готовой к употреблению. Иногда в спальне сидела ее приятельница Елена, зашедшая исполнить единственный уважаемый тут гиги-

енический ритуал — причесывание. Сначала Илона приводила в порядок Елену, потом Елена — Илону. У обеих волосы достигали талии. Им было лениво стричься.

Причесавшись, смотрели «Соседей». Хозяйку полутемной квартирки подключил «друг» Моисей пиратским образом, в обход общего кабеля. Она могла смотреть все, но трансляция из ее квартиры не велась. Правда, «Соседи» Илону не слишком интересовали.

Ее ничего не интересовало. Когда-то, в начальной школе, она научилась читать и писать. Потом забыла без практики. Нарядные тряпки ее не возбуждали — ей было лень бегать по магазинам и вертеться перед зеркалом.

Капсулы мякоти — всех возгонок, начиная от простонародной четвертой и заканчивая элитарной десятой, включая сложные коктейли с кокаином и галлюциногенами, — валялись повсюду. Но Илона более всего уважала сырую субстанцию. Ее могла выгнать из дома только возможность раздобыть дефицитный натуральный продукт — даже у Моисея (судя по ее коротким рассказам — весьма влиятельного парня) сырая мякоть водилась не каждый день.

В свои девятнадцать травоядная молодуха ни разу не поднималась выше тридцать седьмого этажа, а когда Герц однажды предложил прогулку на семидесятые, в хороший ресторан, она отказалась резко, даже с испугом. С изумившей Савелия грустью произнесла:

— Там солнце.

— И что же? — спросил Савелий.

— Боюсь, привыкну. И не захочу обратно вниз.

Он долго расспрашивал, пока не узнал одно из главных правил ее жизни: конченому бледному травоеду нежелательно выходить под прямые солнечные лучи. Кто живет в полумраке — тот не должен менять полумрак на яркий свет. Если бледный травоед с двадцатого этажа выберется из тени и побудет на ярком солнце хотя бы несколько часов — потом, вернувшись на свой уровень, он страдает

мучительными депрессиями. Правда, соблазн подняться на верхние уровни, под прямые лучи, был слишком велик. Формально все граждане страны имели равные права, в том числе на свободу перемещения, и сотни травоедов, особенно из числа начинающих, прогуливались днем по верхним уступам башен, скромно сидели, наслаждаясь солнцем, в недорогих кафе на шестидесятых и даже семидесятых этажах. Но возвращение в тень превращалось для них в пытку. Иногда от самоубийства травоеда спасал только срочный визит в дешевый солярий.

Несмотря на дикость быта, на пятно плесени в углу спальни, на неприлично огромные телеэкраны (как все малоимущие, Илона предпочитала большие телевизоры), несмотря на убогую музыку (группа «Стоки Блю»), несмотря на приятельницу Елену, при знакомстве спросившую Савелия через зевок: «Хочешь меня?» («Нет». — «Ну и дурак»), несмотря на всю эту дурную экзотику, Герц точно знал, что приходит сюда за восторгом и уютом.

Бледная девчонка точно, до долей секунды, знала, когда приподнять ногу, или выгнуть спину, или положить ладонь на его шею или грудь, или перевернуться со спины на живот. Савелий приходил к ней ежедневно, на протяжении двух месяцев, провел в ее постели в общей сложности десятки часов, и она ни разу не сделала лишнего движения. Она могла в решающий момент выскользнуть из-под него безо всяких предупреждений или извинений со словами «я хочу воды», а Савелий вместо раздражения или досады испытывал благодарность. Напившись дешевого «Байкала лайт», она возвращалась ровно в ту же позицию и без каких-либо усилий, простейшими приемами доводила Герца до такого изнеможения, когда от конвульсий у него каменела нижняя челюсть.

Она была скучна, некрасива, неряшлива, невежественна, неинтересна, она была совершенна и великолепна.

Сначала он принял ее за обыкновенную набитую дуру. Из тех, которые, услышав: «Раздвинь ноги!» — спрашивают: «На какую ширину?» Но она не совершала поступков, свойственных дурам, и не произносила фраз, характерных для глупых женщин. Она давным-давно превратилась в стебелек, имеющий под ногами прах, а вверху свет прозрачный. Растения не бывают глупы или умны, они вне этих категорий.

Он ничего о ней не знал. И она не смогла бы ничего о себе рассказать, даже если бы очень захотела. Единственным заслуживающим уважения событием биографии бледной девушки Илоны был сам факт ее рождения. Потом она уже ничего не делала. Только росла.

Савелий впервые имел дело с травоядным существом во втором поколении. Где-то здесь же, в огромном дешевом доме «Величие», несколькими уровнями ниже, проживали бледная травоядная мама и бледный травоядный папа. Дочь интересовалась их судьбой ровно так же, как яблоко интересуется судьбой яблони.

Губная гармошка гнусаво выводила тоскливые рулады.

Что будет делать эта девушка, думал Герц, когда начнется «Гуэй Цзя» и китайцы прекратят платить? Допустим, еда ей не нужна. Воду она нальет из-под крана. Добыть мякоть — не проблема. Но это — летом. А зимой? Длинных и холодных московских зим никто не отменял. Сейчас коммунальные услуги для всех бесплатны. Щедрое государство отапливает жилища граждан, освещает и бесперебойно вывозит дерьмо. Но щедрость закончится, как только иссякнет ее источник.

Савелий — голый, вспотевший, прижимающий к себе горячее, подвижное и послушное — ощутил дурноту. Ему показалось, что он лежит в постели с покойницей. Тотальная щедрость за чужой счет показалась ему верхом цинизма. Все бесплатные услуги будут отменены, едва закончится китайская халява. Что станет с Илоной?

И с тридцатью миллионами других Илон и Елен? Они не пойдут работать. Не потому, что не умеют или не захотят. Предлагать им работу — все равно что предложить работу репейнику или кусту смородины.

Ближайшей зимой все они тихо умрут. Спокойно, молча. Уснут и не проснутся.

— Зачем ты так смотришь? — спросила она.

— Как?

— Будто хочешь заплакать.

— Это плохо?

— Это глупо. Не надо плакать. Надо радоваться.

— Наверное, ты никогда не плакала.

— Зачем плакать? — весело удивилась Илона. — Плачут только дураки.

Савелий усмехнулся:

— Значит, я — дурак.

— Ха! Еще какой.

— Зачем тогда я тебе нужен?

— Ты приятный, — ответила она не задумываясь.

— Я людоед. Я дурак. Но я — приятный. Тебя сложно понять.

— Ничего сложного. Кто такой дурак? Это людоед, который жрет мякоть и ходит в гости к бледной девушке. Как ты. Есть приятные дураки. Есть — наоборот. Ты — приятный дурак. Хороший. Ты двигайся, двигайся. Или хочешь, я буду двигаться?

— Давай будем двигаться вместе.

— Нет. Вместе — глупо.

— Когда оба двигаются, — возразил Савелий, — так интереснее.

— Фигня, — ответила Илона. — Интерес тут ни при чем. Главное — чтобы было приятно.

— Тебе виднее. Тогда давай просто поваляемся и поболтаем. А потом я уеду. У меня на работе случилось что-то важное.

— Откуда ты знаешь?

— Мне позвонили.

— Я ничего не слышала.

— Разумеется. Телефон имплантирован в мою ушную раковину.

— Дурак, — констатировала Илона. — Скажи просто: телефон вставлен в голову.

— Хорошо. Телефон вставлен в мою голову.

— Какая гадость.

— Почему гадость? По-моему, очень удобно.

— Дурак. Что тут удобного? Ты лежишь с девушкой, тебе хорошо — и вдруг в голове звенит звонок... Ужасно.

— Ничего не поделаешь. У меня работа.

Илона снисходительно улыбнулась:

— Тогда иди работай.

— Сначала мы закончим.

— Ты сказал, случилось что-то важное.

— К черту все важное. Я не собираюсь отказываться от удовольствия. Это глупо и не по-мужски. Пусть весь мир рухнет, но мы должны закончить.

— О Боже, — простонала Илона. — У вас, людоедов, все так сложно! «Мир рухнет»! Откуда ты знаешь, что он рухнет?

— Я журналист. Я знаю многое.

— Только не гордись собой так сильно.

— Хорошо.

— Тебе удобно?

— Да.

— А так?

— Еще удобнее.

— Мне все говорят, — гордо сказала Илона, — что я приятная.

— Прекрати. Я не хочу слышать про «всех».

— А что тут такого? У тебя есть жена, у меня — другие мужчины.

— Например, Моисей, — подсказал Герц.

— Моисей не мужчина, — строго поправила травоядная. — Он «друг». Ты не поймешь. Я ему должна. Он — мне. Это у людоедов никто никому не должен. А здесь, внизу, другие правила. И вообще, это тебя не касается. Хочешь, я сделаю вот так, а потом вот так, и ты...

— Хочу. Сделай.

— И еще вот так. Людоеды этого не умеют, правда?

— Правда. Не умеют.

— Только ты сначала расслабься.

Он дрожал, хрипел, он прокусил себе губу, он задохнулся и даже, наверное, на какое-то время отделился от простыней и воспарил, невесомый. А за стеной кто-то продолжал извлекать из губной гармошки красивые и печальные звуки.

Садясь в такси, огляделся. Поискал серый «кадиллак», не увидел. Впрочем, они могли сменить автомобиль. «К черту их, — решил он. — Еще раз увижу — выдерну из штанов ремень и пряжкой по пластиковым мордам... Чтобы не разрушали персональный психологический комфорт».

Правда, копить злобу не хотелось. Лениво было. Савелий устроился полулежа на заднем сиденье. После визита к бледной подруге ему нелегко давалось возвращение к обычной жизни — быстрой, активной, требующей мыслительных усилий и мгновенных реакций. Людоедский мир с его страстями раздражал и утомлял, в постели Илоны было проще, спокойнее и приятнее: главное, чтобы у изголовья стояло несколько бутылок воды, остальное не имело значения.

Несколько недель назад Герц нашел способ переключения: чтобы сравнительно безболезненно выбраться из травоядного мира, надо прочитать хотя бы полстранички из Священной книги травоедов.

Вздохнул, оглянулся. Ничего подозрительного. Набирая скорость, машина выбиралась к въезду на северо-западную эстакаду, ультрасовременную, законченную меньше года назад: тридцать полос первоклассного резиноасфальта, аварийные и технические лифты, тысячи контрольных видеокамер. Тут невозможны пожары, столкновения и вообще какие-либо нарушения порядка. Через каждые пятьдесят метров в воздухе парили голографические дацзыбао: «Пей байкальскую воду и процветай», «Проект "Соседи" — лучший способ прожить тысячу жизней».

Если китайцы перестанут платить, подумал Савелий, это техногенное чудо будет последним сооружением здешней цивилизации самодовольных сибаритов.

«...Сильным мира сего, князьям и мужьям государственным скажи: плачьте и бойтесь, ибо кончилось ваше время. Не возьмете ничего с подданных своих. Давно уже все взято, кроме праха, который внизу, и света прозрачного, который наверху. Не обложить вам податью тех, кто тянется к лучам желтой звезды. Не пополнить ряды воинов своих. Никогда не станет воином и солдатом стебель зеленый, даже если б захотел, и не пойдет по приказу вашему убивать себе подобных, даже если б убивали его самого. Ибо стебель не сражается, но растет.

Купцам, ростовщикам и менялам скажи: бойтесь и плачьте, ибо кончилось ваше время. Давно уже вами куплено все и все продано. А иное тысячу тысяч раз куплено и продано. А иного еще не существует, а все равно куплено и продано. Но не купить и не продать вам праха и света прозрачного. У последнего нищего есть весь прах вокруг него и весь свет прозрачный над ним. Скажи им так и повтори, если не поймут: плачьте и бойтесь, все можете обменять на металл желтый, но желтую звезду не обменяете.

Ворам, лихим людям скажи: бойтесь, ибо кончилось и ваше время. Кто растет, тот не строит стен высоких и не запи-

рает дверь на замок прочный. Стебель не копит имущество, но тянется вверх.

Инженерам, ученым, мудрецам и книжникам скажи так: тысяча тысяч книг написана, тысяча-тысяч машин создана вами, но внизу все тот же прах, а вверху все тот же свет прозрачный. Где польза мудрости вашей? Вы говорите, что умеете в мертвой пустыне вырастить рукотворный сад, и это так; но уже вы погубили тысячу тысяч садов нерукотворных, и тысячу тысяч мертвых пустынь произвело на свет безумие вашей мысли. Плачьте и бойтесь, ибо ничтожный стебель живой, бессловесный и кроткий, в тысячу тысяч раз мудрее тысячи тысяч мудрецов, и тысяча тысяч инженеров не разгадают секрета роста его.

И нет там секрета. Кто растет, тот поймет. Кто укоренен во прахе, тот сам себе князь, и купец, и меняла, и вор, и инженер, и мудрец...»

Когда меж стеблей показались розово-серые уступы башни «Чкалов», Валентина позвонила снова.

— Где ты, когда будешь? Он не уходит. Сидит, ждет тебя. Говорит, будет ждать, пока не дождется. Нет, не из милиции — но похож. Серьезный дядя, на вертолете прилетел...

— Наверное, это из-за твоего секретного сибирского доклада, — предположил Савелий.

— Не знаю, — нервно ответила Валентина. — Мне уже все равно.

5

Герц выдержал характер: сначала прошел за стол, утвердился в кресле, неторопливо расстегнул пиджак. Только потом бодро спросил:

— С кем имею честь?

Незнакомец протянул скромнейшую визитную карточку и улыбнулся:

— Мое имя вам ничего не скажет. Допустим, Иванов. Иван Иванович. У нас говорят: главное не фамилия, а должность.

Герц изучил текст на карточке, проникся:

— Да, должность серьезная. Внушает, так сказать. Значит, Иван Иванович. Отлично. Чем обязан?

Над крепкими плечами «Ивана Ивановича» реяла, слабо мерцая, неопределенно-симпатичная физиономия. Дружелюбие, казалось, стекало с подбородка и капало наподобие слюны. Савелий ощутил покалывание в области затылка. Незваный гость явно использовал интерактивный спецгрим. Это мы знаем, враждебно подумал Савелий. С таким обаяшкой можно просидеть целый день, обмениваясь мнениями о самых щекотливых вопросах современности, но через десять минут после расставания лицо собеседника начисто исчезает из памяти. Как и содержание разговора.

Смотреть в невинную простоватую физиономию было бессмысленно, и Савелий сосредоточился на руках гостя: ладони в мозолях (спортсмен; впрочем, в корпорации «Двоюродный брат» все спортсмены), ногти холеные (следит за собой; впрочем, в корпорации «Двоюродный брат» все следят за собой), сухие крепкие запястья, молодая кожа. «Максимум мой ровесник, — решил Герц. — Или младше. А уже начальник департамента безопасности. То есть охраняет жизнь самого влиятельного и богатого человека страны. Серьезный малый. Если, допустим, он сейчас задушит меня своими белыми молодыми руками — ему за это ничего не будет».

«Иван Иванович» вздохнул и сказал:

— Я разыскиваю Пушкова-Рыльцева, Михаила Евграфовича. Владельца этого журнала.

— Здесь, — осторожно ответил Савелий, — вы его не найдете. Пушков-Рыльцев остался владельцем, но отошел от дел. Теперь журналом управляю я.

Дружелюбный кивнул:

— Это мы знаем. И судя по всему, неплохо управляете. За два месяца перебрались с шестьдесят девятого уровня на восемьдесят восьмой.

— Вы хорошо осведомлены, — сухо заметил Герц. — Хотите воды?

Гость небрежно отмахнулся:

— Я, знаете ли, один из самых... э-э... осведомленных людей в нашем веселом городе, поэтому...

— Насколько я знаю, — перебил Савелий, — в настоящее время Михаил Евграфович пребывает у себя дома. Адрес у вас наверняка есть.

— Когда вы видели его в последний раз?

— А в чем дело? Это допрос?

— Нет, — вежливо возразил дружелюбный. — Это частная беседа. Как начальник департамента безопасности корпорации «Двоюродный брат», я уполномочен передать вам личную конфиденциальную просьбу президента корпорации господина Голованова. Личную просьбу, понимаете?

— Еще бы.

— Господин Голованов просит вас... — Дружелюбный вдруг мгновенно выключил свое дружелюбие и прищурился: — Понимаете, да? Всего лишь ПРОСИТ... помочь отыскать вашего бывшего босса, Пушкова-Рыльцева. Михаила Евграфовича.

— Что значит «отыскать»?

— Упомянутый Пушков-Рыльцев Михаил Евграфович пропал. Исчез.

— Ага. — Савелий сглотнул.

Дружелюбный, разумеется, внимательно наблюдал. Подождал, пока изумленный Герц совладает с собой, и негромко добавил:

— Примерно две недели назад.

Если бы не мякоть стебля, первоклассная девятая возгонка, если бы не радость в чистом виде, переполняющая шеф-редактора журнала «Самый-Самый», — шеф-редактор, наверное, побледнел бы, всплеснул руками, вскочил бы, шокированный, и забегал от стены к стене. Но он не всплеснул и не забегал. Подумал, припоминая, и сказал:

— В конце августа я говорил с ним по телефону. Звонил домой. Старик сказал, что теперь журнал — моя, и только моя, головная боль. И попросил не беспокоить. Я его очень уважаю и серьезно отнесся к просьбе... Кстати, с чего вы взяли, что он исчез? Ему сто три года...

— Сто девятнадцать, — мягко поправил «Иван Иванович», снова сделавшийся дружелюбным.

— Тем более! Вы не допускаете, что он просто...

— Тогда бы мы обнаружили тело. Но в квартире пусто.

Савелий ухмыльнулся:

— Про вашу корпорацию многое говорят. Ходят слухи, что вы всесильны. Но чтоб до такой степени... Вы, значит, вломились в чужой дом?

— Правильно говорят, — небрежно произнес дружелюбный. — Мы... э-э... кое-что можем. Но в данном случае это неважно.

— Зачем вы его ищете?

«Иван Иванович» закинул ногу на ногу.

— Странный вопрос. Я думал, вы знаете...

— Знаю — что?

— Михаил Евграфович Пушков-Рыльцев приходится господину Голованову родным отцом.

Савелий моргнул и усилием воли прижал нижнюю челюсть к верхней.

— Мне поручено, — невозмутимо продолжил собеседник, — принять меры, неофициально, к поиску отца господина Голованова. Это деликатное дело, исключаю-

щее какую-либо огласку. Да, мы были в квартире. Там чисто. Следов взлома и грабежа нет. Все предметы на своих местах. Ценные коллекции невредимы. Отсутствует только владелец квартиры. И его инвалидное кресло.

— А микрочип? Почему не поискать по сигналу микрочипа?

— Господин Герц, — укоризненно произнес засекреченный «Иван Иванович», — вы меня разочаровываете. Для редактора популярного журнала вы слишком невежественны. И даже наивны.

— Не понимаю.

— У старика не было микрочипа.

Савелий подумал, что со стороны выглядит полным идиотом.

— Не может быть.

— Может. Пушков-Рыльцев не проходил оцифровку. Из идейных соображений. Подобные случаи известны.

— Не проходил оцифровку, — повторил Герц и шепотом выругался. — Из идейных... Но как... А деньги? Китайский депозит?

— Плевать он хотел, — ровным голосом сказал «Иван Иванович», — на китайский депозит. Такой человек, как Пушков-Рыльцев, никогда бы не прикоснулся к китайским деньгам.

— Охотно верю, — пробормотал Савелий. — Слушайте, а если старикан просто сбрендил? Сто девятнадцать лет — это, знаете ли... Что вам известно про эскапистов?

— Все, — веско ответил дружелюбный и понизил голос: — У нас их называют «бегуны». За последние три года из корпорации исчезло двадцать четыре сотрудника. Некоторые из «бегунов» занимали ответственные посты. Мы их искали. И нашли. Почти всех. Пятнадцать человек. Они скрывались...

— ...на нижних этажах, — перебил Герц, довольный тем, что у него наконец появился шанс показать профес-

сиональную информированность. — В притонах. В обнимку с травоядными бабами.

— Угадали.

— А остальные?

— Никаких следов. Мы думаем, что они в Сибири. Батрачат на китайцев.

— Что, и такое бывает?

«Иван Иванович» пожал крепкими плечами:

— Бывает. Но версию бегства на нижние уровни мы отработали. Во-первых, старик не похож на потенциального «бегуна». Не тот психотип. Во-вторых, на нижних уровнях у нас есть... э-э... свои люди. Богатый пожилой мужчина на инвалидной коляске — слишком заметная фигура. Мы бы вычислили его за трое суток. Даже если бы он купил самый мощный подавитель видеосигналов. В-третьих, пропавший никогда не употреблял мякоть стебля. Что ему делать среди грязных травоедов?

Герцу стало обидно. Циничный всезнайка говорил о великом человеке, создавшем лучший в Москве журнал, как о непутевом подростке, убежавшем из дома по велению мгновенного импульса.

— Послушайте, — твердо произнес Герц. — Михаил Евграфович Пушков-Рыльцев — гений поступка. Гений, понимаете? Он везде и всегда найдет, что ему делать.

«Иван Иванович» внимательно слушал. «Я тебе покажу "психотип"», — подумал Савелий и продолжил:

— Пытаясь его просчитать, вы делаете ошибку. Если он никогда в жизни не употреблял траву и презирал травоядных — это ничего не значит. Завтра я узнаю, что он жрет мякоть ложками, — и не удивлюсь. Будьте уверены: если он осел в притоне, то обведет всех ваших осведомителей вокруг пальца, не вставая с коляски... Правда, я тоже не верю в его эскапизм. Наш журнал, знаете ли, писал об эскапистах. Более того, недавно исчез мой лучший друг. Некто Георгий Деготь. Так что я, что называется,

в теме... У эскапистов есть одна общая черта: они бегут не просто так. Они бегут не ради мякоти или доступных женщин. Они бегут от проблем. От себя, если угодно. А у нашего старика, насколько я знаю, не было никаких проблем.

— Одна была, — сказал «Иван Иванович».

— Какая?

— У всех стариков одна проблема. Старость.

— Бросьте. Я знаю его двадцать пять лет. И все это время он был очень стар. По-моему, из старости он извлекал только преимущества...

— В самом низу, — перебил «Иван Иванович», — на вторых и третьих этажах, есть тайные лаборатории и клиники.

— Инкубаторы, — подсказал Герц.

— Да. Инкубаторы. Там по сходной цене любому желающему могут пересадить сердце, почки, желудок, глаза... Спинной мозг. И даже половые органы. Какой-нибудь никому не нужный бледный юноша вдруг пропадает, а через месяц его яйца уже болтаются между ног у богатого пенсионера с девяносто девятого этажа...

— Ерунда, — с отвращением поежился Герц. — Вы говорите о вещах, которые омерзительны. Старик может отдать свое сердце добровольно. И глаза. И все остальное. Тому, кто нуждается. Включая яйца. Надеюсь, такой психотип известен вашим аналитикам?

— Конечно, — деловито ответил «Иван Иванович». — Он называется «благородный идеалист».

— Вот именно. На вашем месте я бы предположил обратное.

— Продолжайте.

— Может быть, — Савелий сделал драматическую паузу, — его выкрали? Зачем ему, действительно, китайский депозит, если он и без депозита богатый? Вдруг он сидит сейчас в логове бандитов, на третьем этаже? Или

еще ниже? Может, он все-таки оцифрован и сейчас его чип из него... вырезают?

Дружелюбный усмехнулся:

— Боюсь, вы начитались детективов, господин Герц. Чип нельзя вырезать. Собственно, само понятие чипа — неправильное. Человеку с его письменного согласия вводят одним уколом сразу четыре микросхемы. Государственную, фискальную и две секретных, разработанных Министерством обороны. Каждый из четырех чипов работает автономно и записывает свою информацию. Государственный отслеживает перемещения, фискальный — все доходы и расходы... Про оборонные я умолчу, не имею права разглашать... Сразу после того как чипы введены под кожу, они начинают мигрировать, пока не прикрепятся в наименее доступных местах. Там, где их не достанет нож хирурга. Например, в районе аорты. Или на продолговатом мозге. Но это не все. Одновременно с четырьмя настоящими чипами вводятся несколько ложных. Да, у бандитов на первых этажах есть и специалисты, и техника, но чтобы найти среди пятнадцати чипов один фискальный, надо, знаете ли, умертвить жертву и буквально разрезать ее на куски.

— Так, может, он уже... — предположил Савелий, — разрезан?

— Не разрезан, — сурово ответил «Иван Иванович». — Он жив. Вчера господин Голованов получил видеосообщение. Его отец выглядит бодрым и даже веселым. Прощается. Просит его не искать. Мы не смогли проследить отправителя письма. Все сделано очень профессионально. Явный почерк «друзей»...

Савелий вспомнил незаметного Мусу и приказал себе помалкивать. Перед уходом Евграфыч отдал насчет Мусы четкие распоряжения. Никому, ничего, никогда. Ни слова.

— У старика, — неторопливо продолжал глава департамента безопасности, — были связи среди «друзей». Вы что-нибудь об этом знаете?

— Боже мой, — тоскливо сказал Герц. — Я знаю про «друзей» столько же, сколько любой другой человек. То есть практически ничего. Как вы понимаете, такие слова, как «друг» или «дружба», в моем кругу даже вслух не произносят... Мы ходим, многозначительно пожимаем плечами и делаем вид, что всем все понятно... А на самом деле ничего не понятно! Я опытный журналист, знаю про наш город многое, но «друзья»... Могу только предполагать, что это законспирированная преступная организация, но мои предположения...

— Слушайте внимательно, — вполголоса перебил засекреченный человек. — В середине XXI века государство Путина—Медведева, так называемое «эффективное государство», исчерпало себя. На смену ему пришло другое государство. Вы, журналисты, иногда называете его «высокотехнологичным». Или «наногосударством». Наногосударство контролирует своих граждан с их же помощью. Контролирует тотально и абсолютно. Проект «Соседи» — только верхушка айсберга... Особенно внимательно отслеживается движение денег. Финансовые транзакции. Но наше государство умеет не только применять нанотехнологии. Оно — умное и хорошо понимает, что не следует слишком... нажимать. Люди — не ангелы, у людей есть пороки. Люди хотят иногда выпустить пар. Проституция, азартные игры, алкоголь, наркотики... До известного предела государство готово закрыть на это глаза. Так было всегда. И в Древнем Риме, и в тоталитарном Советском Союзе. Поэтому наше высокотехнологичное государство до сих пор сохраняет такой рудимент, как наличные деньги. Именно наличными купюрами вы платите проститутке или букмекеру...

— Лично я не плачу проституткам, — с достоинством возразил Герц.

— Не важно, — с раздражением буркнул «Иван Иванович». — Вы добропорядочный гражданин, и на ваши

отношения с проститутками государство готово закрыть глаза. Я не об этом.

— Извините.

— А вы не перебивайте, — тихо, почти ласково велел гость. — Я ведь пришел сюда не лекции читать. Я ищу отца моего босса. У меня в подчинении полторы тысячи человек. И столько же андроидов. Есть мясники, головорезы, палачи. Если я захочу, вас отловят в темном переулке и вытряхнут всю информацию за тридцать секунд...

— Понимаю, — перебил Герц. — Кстати, на кой черт вы устроили за мной слежку? Что за провокация?

— Это не провокация, — спокойно возразил дружелюбный. — Это работа. А вы молодец. Смелый парень. Только учтите: в следующий раз андроид может обидеться и оторвать вам руку.

— Андроиды не умеют обижаться.

— Умеют. Они знаете какие обидчивые? Но мы отклонились от темы. Итак, однажды наше наногосударство, несмотря на то что умное, сделало глупость. Слишком увлеклось нанотехнологиями. Решило, что оборот наличных денег тоже надо контролировать. Микросхемы стали вклеивать в каждую бумажную купюру. Это была серьезная ошибка. Преступный мир быстро все понял. И преступникам это не понравилось. В попытке выйти из-под контроля они изобрели систему натурального обмена товаров и услуг. Гениальную и простую систему. Никаких денег! Я тебе девочку — ты мне ставку на тотализаторе. Я тебе незаконный кредит — ты мне дозу кокаина. Система называется «дружба». Вся она построена на личных связях. Каждый, кто хоть раз делал что-то «по дружбе», оказывается втянут в круговорот обмена и повязан круговой порукой. Бороться с системой нельзя, схватить злодея за руку невозможно, поскольку внешне ни один из участников системы не имеет явной материальной выгоды...

— Черт! — воскликнул Савелий, и кровь ударила ему в лицо. — Как просто. А почему об этом никто не догадывается?

— Потому что — просто. Дилетанты из числа интеллектуалов всегда все усложняют.

Герц вздохнул:

— С ума сойти. Теперь я понял. Например, «друг» оплачивает малоимущей девушке квартиру и содержит ее, но сам с ней не спит. Зато к этой девочке ходят те, кто имеет дело с ее «другом»...

— Уловили, — равнодушно похвалил дружелюбный. — Но мы опять ушли от темы. У меня, господин Герц, есть основания предполагать, что ваш бывший босс, он же папа моего босса, Михаил Евграфович Пушков-Рыльцев, задолжал «друзьям». Крупно. Может быть, фатально. Помогите нам. Достаточно одного слова. Вспомните. Наверняка вы слышали какое-то имя. Или кличку. Допустим, Гриша Паровоз. Или Ксюша Рэдиссон. Или Муса Чечен...

Герц подумал и твердо ответил:

— Нет. Но если вспомню...

— Вспоминайте, — посоветовал «Иван Иванович». — А чтоб легче было вспоминать, вот вам альбомчик с фотографиями. Здесь все известные нашему департаменту «друзья». Влиятельные персоны. Изучите на досуге. А я вам позвоню. Завтра утром.

Непростой гость встал и офицерским жестом одернул пиджак.

— Постойте. — Савелий дернулся. — Неужели это правда?

— Что именно?

— Хозяин проекта «Соседи» — родной сын Пушкова-Рыльцева?!

— А что вас удивляет?

Савелий облизнул губы.

— Старик ненавидел проект «Соседи»! И всю вашу корпорацию!

«Иван Иванович» улыбнулся:

— Ну и что? У отца своя дорога, у сына своя. Да, не все любят нашу фирму. Но не нужно забывать, что благодаря проекту «Соседи» бытовая преступность практически ликвидирована. Извращенцы, садисты, педофилы обезврежены и сидят в тюрьме. Люди больше не режут друг друга по пьяному делу кухонными ножами. А продолжают, так сказать, жить...

Герц помедлил и спросил:

— Зачем?

— В каком смысле?

— Ничего. Это я так. Простите.

— Кстати, — небрежно произнес дружелюбный, — о ненависти. Вам будет любопытно узнать, что господин Голованов много лет помогал своему отцу. Материально. Фактически ваш журнал создан на деньги господина Голованова. То есть на доходы от проекта «Соседи».

Савелий ощутил гнев.

— Это бред! Я видел всю бухгалтерию за последние четыре года! Журнал приносит прибыль.

«Иван Иванович» кивнул:

— Охотно верю, господин Герц. Но так было не всегда. Вам бы посмотреть бухгалтерию не за последние четыре года. А за первые четыре... Но мне пора. Кстати, если вы пытались записать нашу беседу на диктофон...

— Не пытался, — зло ответил Савелий. — Мне это не надо. У меня хорошая память. Профессиональная.

— Рад за вас, — доброжелательно сообщил гость. — Только, господин Герц, не обольщайтесь. Все можно стереть.

— Догадываюсь.

— Пожалуйста, просмотрите альбомчик. Сегодня же. И сразу звоните. А насчет памяти... Я обязан вас преду-

предить... альбомчик этот — хитрый. Так сказать, для внутреннего пользования. Когда вы закроете последнюю страничку, у вас немного заболит голова. А через несколько часов вы начисто забудете все, что увидели.

Почти час Герц листал пухлую книжицу с портретами «друзей». Просмотрел около двух сотен снимков. Лица сплошь невзрачные, в большинстве некрасивые, но, так или иначе, отмеченные печатью власти. Лица мужчин и женщин, отягощенных заботами и познаниями о темной стороне людского естества. Утомленные, старые, изборожденные морщинами.

Он нашел дилера, продававшего ему мякоть стебля. Нашел Мусу. Нашел сурового камердинера из резиденции миллионера Глыбова. Нашел пиар-агента кинозвезды Анжелины Лоллобриджиды. Нашел бойфренда писательницы Маши Потс, недавно прогремевшей с мегабестселлером «Как выйти замуж за сибирского китайца». Нашел владельца популярного ночного клуба «Сома». Нашел пресс-секретаря популярного парламентария Ивана Европова. Нашел лесоторгового магната Степана Прослойко.

А на одной из последних страниц обнаружил старую любительскую фотографию доктора Смирнова.

6

— ...а потом он предупредил, что все портреты сами собой сотрутся из памяти.

— Ха, — небрежно произнес Гарри Годунов, бросая альбом через плечо на заднее сиденье машины. — У тебя, может, и сотрутся. А я — высшее существо. Я на девяносто девять процентов состою из чистого марочного коньяка. На меня их гестаповские технологии

не действуют. К тому же половину героев книжечки я знаю лично.

— А мне, — с обидой произнес Савелий, — ты ничего не рассказывал.

— Ха! Еще не хватало. Я, может, и дурак, но не самоубийца. Ты ведь журналист, у тебя в каждом ухе по диктофону... А куда мы едем? Да еще так быстро?

— К твоему соседу по журнальным страницам. В юбилейном номере статья про тебя стояла рядом со статьей про него. Кстати, диктофон у меня не в ухе, а в указательном пальце.

— Помню соседа, — сказал Годунов. — Бывший содержатель интерната для бездарных детей.

— Доктор Смирнов.

— И зачем он нам?

— Он старинный приятель нашего старика.

Годунов подумал и проговорил:

— Зря едем. Не найдем старика. Можно, я закурю?

Савелий проигнорировал просьбу гения и угрюмо возразил:

— Найдем или не найдем — попробовать надо. Старик — владелец ста процентов акций журнала. Я, знаешь ли, не хочу однажды проснуться и узнать, что журнал принадлежит темным личностям со второго этажа.

На лице Годунова изобразилось глубокое презрение.

— Я так и думал. Ты такой же, как все. Не хочешь найти пропавшего человека. Просто дрожишь за барахло.

Герц прибавил ход. Бортовой компьютер уже известил владельца машины о списании с его банковского счета весомой суммы — штрафа за превышение скорости, — и через четверть часа нарушителю грозил второй штраф, в три раза больше первого. Но это не имело значения. Работодатель, на чьи деньги журналист Савелий Герц жил двадцать пять лет (и хотел бы прожить еще столько же), пропал без вести. К черту штрафы.

Перед выездом он трижды звонил по личному номеру Мусы, но абонент не отвечал на вызовы, и это дополнительно нервировало Савелия.

— Барахло? — переспросил он. — Заткнись, Годунов. Лучше покури, да. Только молча. Я возглавляю большое дело. А ты всего лишь гений. Человек искусства. Безответственный, грубый, инфантильный алкоголик.

Инфантильный алкоголик извлек сигареты, выпустил из кривого рта клуб дыма и изрек:

— Когда меня называют гением, у меня не хватает силы воли, чтобы возразить.

— Слушай, гений, сколько книг ты написал?

— Полторы.

— И сколько экземпляров продал?

— Ну... Почти восемь тысяч.

— За двадцать лет.

— А что?

— Это примерно четыреста книжек в год.

— Допустим.

— А журнал «Самый-Самый» выходит двенадцать раз в год тиражом в сто пятьдесят тысяч. На протяжении тридцати лет. По-твоему, это барахло?

— Типичное, — сразу ответил Годунов и с несколько глупым видом стал шарить вокруг себя в поисках кнопки, открывающей боковое окно. — Ты дурак, Герц. Не раздражай старого Гарри. Восемь тысяч моих читателей — лучшие люди. Отборные. Нестандартно мыслящие. Цвет, я извиняюсь, нации... Я чувствую каждого из них. Горжусь ими. Я с ними связан, ментально. Восемь тысяч энергетических нитей тянутся ко мне от моих читателей. Восемь тысяч мозгов помнят мои слова, и восемь тысяч ртов готовы повторить их в любой момент. А кто твои читатели, Герц? Что за существа образуют эту ужасную стотысячную толпу? Что ты о них знаешь?

— Я знаю, — сказал Савелий, — что сейчас все они с удовольствием читают твои статьи.

— Это меня и пугает, — прорычал Годунов, прикуривая вторую сигарету от первой; как все гении, он легко возбуждался. — Ждать от моих текстов удовольствия — значит оскорбить меня. Пошел ты со своими удовольствиями. Рули давай.

— Уже приехали.

— Ха. — Годунов огляделся. — Ну и дыра. Уважаю. Какой этаж?

— Тридцать девятый.

— Отлично. Твой доктор — интересный парень.

— Я тоже так считал. А теперь оказывается, что он в числе «друзей». Никогда бы не подумал... У него внешность доброго волшебника.

Постанывая и отдуваясь, Годунов по частям извлек из машины нескладное свое тело — руки-грабли, ноги-циркули, — выпрямился и изрек:

— Значит, он такой и есть. Первое впечатление — самое верное... Стой! Чувствуешь?

Савелий вздрогнул.

— Что?

— За нами наблюдают. И их много...

— Ну тебя к черту. Пойдем.

Гений запрокинул голову и мощно потянулся.

— Мое любимое ощущение! Тревога разлита в воздухе. Поздняя осень. Холодно. Сумерки. Мрачный дом. Пустынный двор. Два пижона вылезают из лакированной тачки. Вот-вот откроется какая-то тайна. Потом пижонов скорее всего расчленят... Старый Гарри будет отчаянно сопротивляться, но тщетно... Слушай, надо срочно найти кабак и выпить.

— Хватит с меня тайн на сегодня, — грубо отозвался Савелий. — И кабаков — тоже. Я перегружен тайнами. И прочими новостями. Ненавижу новости.

Годунов издал смешок.

— Я же говорю — надо выпить. Смотри, какой лифт! Настоящая самодвижущаяся помойка. Сортир, который всегда с тобой. Прекрасное название для книги...

Доктор Смирнов удивил: ладонь Герца пожал вежливо, но без эмоций, а полупьяного Годунова рассмотрел как диковину, с широкой улыбкой, и уважительно потрепал по плечу, сообщив:

— Я читал вашу книгу.

— Я тоже, — скромно отозвался Годунов.

В кабинете доктора было чрезвычайно чисто. Сам хозяин, облаченный в белоснежный полотняный комбинезон без карманов, выглядел как человек, от которого грязь и микробы отталкиваются сами собой.

— К сожалению, — вежливо произнес он, — у меня мало времени...

— Тем лучше, — деловито ответил Герц.

— Мы к вам, доктор, — продекламировал Годунов, — и вот по какому делу...

Смирнов кивнул и присел на узкий скрипящий табурет — настоящая антикварная штука из натурального дерева.

— У нас проблема, — перебил Герц. — Точнее, не у нас. У Михаила Евграфовича.

Доктор кивнул.

«Типичный "друг", — подумал Савелий. — Слово "проблема" его не пугает. Невозмутим, корректен, улыбчив. Большая внутренняя сила. Где были раньше мои глаза?»

— У Михаила Евграфовича, — медленно повторил доктор. — Ах, Миша. Да. И что за проблема у Михаила Евграфовича?

— Он исчез.

— Вот как. — Лицо доктора Смирнова сделалось печальным, и сетка морщин на лбу изменила свой рисунок.

— Помогите нам, — попросил Савелий. — Пожалуйста.

— Помочь? — Доктор удивился. — Но как?

— Мы хотим найти его.

Смирнов поудобнее устроился на табурете и доброжелательно спросил:

— А почему вы уверены, что его надо искать?

— Мы ни в чем не уверены, — встрял Годунов. — Мы вообще не знаем, что делать.

«А ты, дорогой "друг", наверняка все знаешь», — подумал Герц.

Доктор вздохнул:

— Уважаемые господа, а вам не приходило в голову, что Миша — очень старый человек — мог уехать, куда-нибудь подальше, чтобы просто... как бы вам объяснить... спокойно помереть?

— Приходило, — мгновенно ответил Годунов. — Причем именно это слово. Не умереть, а «помереть». Так говорят люди, давно готовые к естественной смерти. Прошу прощения за прямоту...

— Стоп. — Герц переводил взгляд с Годунова на доктора. — Что значит уехать и спокойно помереть? Куда уехать?

— Ото всех, — пояснил Смирнов.

Савелий не понял.

— Во-первых, — сказал он, — Михаил Евграфович не собирался умирать. А тем более помирать...

— Откуда вы знаете?

— Он всегда был бодрым дядькой. Шутил и строил планы...

Доктор Смирнов скупо усмехнулся.

— ...а во-вторых, — с нажимом продолжил Савелий, — кто же не давал ему спокойно помереть в комфортабельной квартире на девяностом уровне?!

— Она и не давала, — развязно ответил Годунов. — Комфортабельная квартира. На девяностом уровне.

— Ваш друг, — обратился доктор к Савелию, — хорошо все понимает.

Герц вспомнил портрет из секретного альбома и разозлился.

— У меня, уважаемый доктор, есть другая версия. Гораздо менее романтическая. Я подозреваю, что к исчезновению старика причастны люди, известные как «друзья».

На лице Смирнова не дрогнул ни один мускул.

— Старик, — продолжал Савелий, — богат, одинок и практически беспомощен. Идеальная жертва для похищения.

Доктор опустил глаза и поинтересовался:

— Вы знаете, кто его сын?

— Теперь знаю, — с вызовом ответил Герц и налил себе воды.

Смирнов печально понаблюдал за тем, как полный бокал превращается в пустой, и произнес:

— Ни один похититель не станет связываться со службой безопасности «Двоюродного брата».

— Вам виднее.

Доктор оставался невозмутим.

Савелий расправил плечи, решился и вкрадчиво попросил:

— Расскажите нам про «друзей», доктор. Вы старый товарищ Пушкова-Рыльцева. Вам известно, что он собирался уехать ото всех, чтобы, как вы выразились, «тихо помереть». Такие вещи говорят только самым близким! Мне кажется, у вас и старика были и есть общие «друзья». Расскажите о них.

Гарри Годунов выдвинул челюсть: дал понять, что присоединяется к просьбе. Однако доктор, недоуменно поднявший было брови, теперь улыбался.

— Молодые люди, это глупо. Неужели вы решили, что я имею отношение к мафии?

— Мы ничего не утверждаем, — деревянным голосом произнес Савелий. — И мы не молодые люди. У нас есть веские основания для подозрений.

— Переубедите нас, — небрежно предложил Годунов.

Доктор улыбнулся еще шире:

— Но чего ради? Вы что, работаете в полиции нравов?

— Ха, — выдохнул Годунов. — Это не разговор. Савелий — журналист, я — литератор, мы известные люди, у нас репутация. Наше слово кое-что весит. К тому же вы читали мою книгу... Обещаю, все останется между нами. Мы хотим знать, можно ли вам верить. Хотим понять, почему пропадают люди. А вы ведете себя как человек, который знает многое, если не все, и помалкивает...

— Молодые люди, — медленно повторил доктор, — помалкивать — это тоже позиция. Кстати, не самая плохая. Особенно в наше время. — Он встал. — Пойдемте со мной. Я покажу вам свою мафию. Своих «друзей» и «подруг». То, что вы увидите, вас шокирует. Но вы заговорили о доверии... И у вас, я вижу, благородные намерения. Лучший способ установить доверие — позволить вам узнать то, что знаю я. Не так ли?

Смирнов перестал улыбаться, повернулся и прошел в соседнюю комнату. Она оказалась сплошь заставлена шкафами и стеллажами, где были во много рядов выстроены огромные фляги с питьевой водой. Савелий уловил сильный странный запах.

— Лаванда, — мгновенно опознал Годунов.

— Здесь мы храним постельное белье, — негромко пояснил доктор. — И разумеется, воду. Мы расходуем воду в огромном количестве.

Он нажал кнопку. Один из шкафов сдвинулся в сторону, открывая массивную стальную дверь.

— Прошу за мной. Соблюдайте тишину и ничего не трогайте.

Они вошли в коридор. Сделали несколько шагов по толстому белому ковру. За огромным, от пола до потолка, стеклом увидели обширную светлую комнату. Вдоль стен стояли в ряд десятки маленьких детских кроватей. Смирнов посмотрел на спутников, поднес к губам палец. Часть стеклянной перегородки скользнула в сторону.

Герц шагнул.

Здесь был свежайший прохладный воздух, как в сосновом лесу, а влажность явно приближалась к ста процентам.

В ближайшей к себе кровати Савелий увидел ребенка. Мальчика. Голого, лежащего на боку. Ребенок спал.

Он был обыкновенный, пухлый. Может быть, годовалый. Или даже младше. Пальчики на одной руке слегка шевелились.

Он сопел и иногда шевелил бровями — ему что-то снилось.

Его кожа имела оливково-бронзовый оттенок.

Стебли за окном изменили положение, приоткрылся просвет, ударило предзимнее солнце, густо-желтое, — в его лучах младенец стал просто зеленым.

Он был зеленый, как сосновая хвоя. Как березовый лист.

Савелий наклонился, чтобы рассмотреть внимательнее, и ему показалось, что зрение обманывает его, а когда он понял, что не ошибся, — пол стал плавно уходить из-под ног. Чьи-то руки удержали его, подхватили за плечи, за поясницу.

Очнулся он в коридоре, сидящим на кушетке. Мрачный Годунов совал ему в зубы стакан с водой. Вода лилась по подбородку и дальше вниз, на грудь, на рубаху. Голос доктора доносился, словно сквозь вату.

— Мы называем их «зеленые дети». Сейчас тут у нас тридцать малышей. Самому старшему — четырнадцать месяцев. Это очень необычные дети. Мы знаем о них

очень мало. Говоря простым языком, они наполовину — люди, наполовину — растения.

Годунов увидел, что Савелий уже владеет собой, немедленно вручил ему полупустой стакан и выпрямился:

— Дайте угадаю. Они ничего не едят?

Доктор кивнул:

— Даже материнское молоко.

— Но много пьют.

— Очень много, — кивнул Смирнов. — Они набирают вес как люди — примерно семьсот граммов в месяц за первые полгода жизни. При этом употребляют воду как растения: на один грамм сухого веса — примерно пятьсот граммов воды. То есть каждый ребенок в сутки выпивает около двенадцати литров. Физиологически младенцы вполне здоровы. Органы чувств, нервные реакции — все в полнейшем порядке. Но они не мочатся и не испражняются — всю воду испаряют через кожу. Они дышат как люди, зато их кожа, как у всякого растения, поглощает углекислый газ, освобождая кислород. Здесь у нас нет кондиционеров, но всегда свежо и влажно. Эти младенцы — уникальные существа. Они не желают смотреть, слышать, обонять и реагировать. Их глаза обычно закрыты, даже если они бодрствуют. Ни один ни разу не заболел. У них нет диатеза, аллергии, кожных раздражений. Они умеют ползать, кричать и плакать, но в состоянии покоя никуда не ползут и не кричат...

— Только растут, — произнес Годунов.

— Да, — подтвердил Смирнов. — Растут.

— Тянутся к свету прозрачному, — пробормотал Савелий и глубоко вдохнул носом.

— Заткнись, — прошептал Гарри Годунов. — Послушайте, доктор, а ведь это катастрофа.

— Может быть.

— А власти? Они знают? Что они делают?

— Они все знают. Но пока только наблюдают. Точнее, наблюдаем мы, с ведома властей.

— Надо бить тревогу!

— Скоро начнут, — спокойно ответил доктор. — Возможно, в ближайшее время. Видите ли, тут имеется некая предыстория... Два года назад было принято окончательное официальное решение о том, что употребление мякоти стебля не приносит организму человека никакого вреда. Понимаете?

— Да. — Годунов подошел к прозрачной стене и прижался лбом. — Я давно этого ждал. Они решили легализовать траву.

— Именно. Конечно, осторожно и поэтапно... Так сказать, не сразу и не для всех... Исследования продолжались сорок лет и велись очень тщательно. Сотни лабораторий, государственных и частных, работали независимо друг от друга, и никто не нашел никаких противопоказаний. Академики-лауреаты — биологи, психологи, химики и так далее — в один голос заявили, что мякоть стебля абсолютно безвредна. Для государства открылся новый источник доходов. Мякоть собирались экспортировать в огромных масштабах. Кое-кто уже потирал руки. Все было готово, и первые контракты подписаны... Лучшую цену, разумеется, предложили американцы... Речь шла о невообразимых суммах, по сравнению с которыми китайские депозиты — чепуха. А потом, — доктор положил на стекло ладонь, — появились эти вот зеленые младенцы... Один из моих бывших учеников, талантливый педиатр, наблюдал самый первый случай, написал статью и связался со мной... Сейчас его статья засекречена. В настоящий момент мы имеем почти тысячу зеленых детей. Все они изолированы в таких заведениях, как это. Мы работаем с ними.

— А родители? — спросил Годунов.

— С ними тоже работаем. Пока нам точно известно одно: и отцы, и матери этих детей систематически упо-

требляли мякоть стебля. Не сырую — очищенную и концентрированную.

— Насколько, — прохрипел Савелий, — очищенную?

— Что?

— Какую возгонку?

Смирнов посмотрел в глаза Герцу:

— Седьмую и выше. Вам опять нехорошо?

— Мне? Да. То есть нет. Не обращайте внимания... И как долго они... то есть матери и отцы... жрали? Я имею в виду, употребляли... мякоть?

— Все опрошенные — более трех лет. Ежедневно.

— Ага, — произнес Герц.

Годунов незаметно для доктора ткнул Савелия кулаком в спину.

Меж кроватей медленно прошлась женщина в белом. На визитеров за стеклом посмотрела внимательно, даже с тревогой. Доктор сделал ей успокаивающий жест и продолжил:

— Первые полгода на нас сильно давили. Представьте: весь мир готов покупать у русских траву. Русские имеют ее в неограниченных количествах. У русских она растет сама собой, под каждым окном! Мегаломаны из правительства уже готовились диктовать условия и Америке, и Китаю...

— Еще бы, — вполголоса, но грубо сказал Годунов. — Наступает самый настоящий золотой век. Всеобщая сытость. Проблема голода решена. Америка в жопе, Россия банкует. Таблетки счастья распределяются по всей планете прямо из кабинета нашего любимого премьер-министра...

— Не надо думать о премьер-министре слишком плохо, — вежливо перебил Смирнов. — Но вот его окружение... Многие уже возомнили себя спасителями цивилизации. И тут все рушится, появляются зеленые человечки... Несколько десятков новорожденных детишек с зеленой

кожей ставят крест на планах мирового господства. — Доктор хмыкнул. — В общем, в какой-то момент мне показалось, что я — покойник. Пришлось задействовать все свои связи. И даже обратиться к помощи «друзей». — Доктор сделался суров. — Да, да. У меня есть «друзья». Но даже они не смогли бы мне помочь. Помог случай. У одного из самых рьяных сторонников промышленного экспорта мякоти, влиятельнейшего человека, высокопоставленного чиновника, вдруг родилось зеленое дитя... Остальное вы видите сами. Теперь мы сидим тихо. Изучаем новый феномен. Дети поделены на группы и растут в условиях разной освещенности. Нам уже понятно, что пациенты прекрасно крепнут и набирают вес под прямыми лучами. А в тени, как здесь, на сороковом этаже, — развиваются медленно. Я бы сказал, чахнут...

— Простите, — подал голос Герц, — я могу отсюда выйти?

Смирнов мгновенно кивнул:

— Конечно. Давайте вернемся в кабинет. Я найду нашатырь...

— Доктор, — тоскливо протянул Гарри Годунов, — насчет нашатыря... У вас есть водка?

— Я вас предупреждал, — вздохнул Смирнов. — Эх вы. Литераторы. Есть водка, есть. Еще б у меня водки не было...

Герц надеялся, что в кабинете ему станет легче, однако ошибся. Нашатырь не слишком помог. С тоской и завистью Савелий смотрел, как Гарри Годунов деловито опрокидывает в себя прозрачный алкоголь. Смирнов, приведя в сознание одного гостя и налив второму, не стал садиться на свой миниатюрный табурет. Было видно, что он ждет, когда визитеры очистят помещение.

— Да, — произнес Годунов, моргая слезящимися глазами. — И что теперь будет?

— Не знаю, — ответил доктор. — Могу сказать одно: закон, запрещающий поедание мякоти, много лет не действовал, но скоро начнет действовать. Более того, его ужесточат. Правительство готовит решительные меры. Обращение премьера к нации — дело ближайших дней. Людям нельзя есть очищенную траву. Употребление очищенной и концентрированной мякоти приводит во втором поколении к серьезной мутации. К необратимым изменениям в человеческих тканях и полному разрушению личности. Скоро начнутся повальные аресты и показательные процессы. Травоядным пришел конец. Люмпенов и прочих так называемых бледных граждан это коснется в меньшей степени, но состоятельная публика, употребляющая высокие степени возгонки, попадет под репрессии. Каждого заставят сдать кровь, сделают анализ, поставят на учет... Травоедение объявят опасной болезнью. Речь может пойти об эпидемии. Зеленые дети продолжают прибывать. Мы едва справляемся...

— С детьми?

Доктор горько усмехнулся:

— При чем тут дети? С родителями. С матерями. Матери бьются в истерике. Были попытки суицида.

Годунов помолчал и спросил:

— Как вы живете со всем этим?

— Неправильный вопрос, — хладнокровно возразил Смирнов. — Я, знаете ли, свое отжил. Повидал всякое. Между прочим, я не намного младше Миши Пушкова-Рыльцева. С вашей точки зрения, мы с ним почти ровесники. Правильнее будет спросить, как ВЫ будете жить со всем этим.

— Надо ехать, — хрипло произнес Савелий и заставил себя встать.

— Я не должен был вам ничего показывать, — сказал доктор.

Гарри Годунов цинично подмигнул:

— А мы ничего не видели. Мы поговорили насчет исчезновения старика. Пять минут. Потом вы нас выпроводили. Жаль, что вы ничего не знаете о судьбе Михаила Евграфовича.

Доктор кашлянул.

— Может быть, — негромко произнес он, — вам следует проверить последние рейсы на Луну. Дешевые туры, эконом-класс.

— Бинго, — сверкнув глазами, выдохнул Годунов. — Я обязан был догадаться. Что скажешь, Герц?

— К черту, — ответил Савелий. — Мне уже наплевать. Пора ехать, Гарри. Я должен ехать. Срочно.

— Ты никому ничего не должен, — спокойно заметил Годунов. — Но я тебя понимаю. Поедем.

7

— Ты жрала? Жрала или нет?

— Не кричи.

— Говори!!! — заорал Савелий.

— Да. Но ведь и ты тоже...

— Замолчи!

Варвара подняла к нему опухшее от слез лицо.

— Не кричи. Пожалуйста.

— Какой номер?!

— Что?

— Какую возгонку?

— Шестую, — обреченно пробормотала Варвара. — Или седьмую. Пятую, девятую, восьмую... Не помню.

Она сидела, обхватив руками колени, подсвеченная рубиновым и золотистым. Свет шел снаружи: за огромным окном спальни висела в вечернем небе огромная трехмерная инсталляция, облачная сфера с рекламой воды «Байкал дабл-экстра-премиум».

Плясали, дрожали, мигали циклопические буквы:

ПОБЕДИ СУДЬБУ. ПОБЕДИ ВСЕХ.
ПОБЕДИ ЖАЖДУ.

— Вспоминай, — произнес Савелий. — Пожалуйста. Какой номер? Пятый? Или все-таки шестой?

— Какой был, такой и брала.

— Где брала?

— Это не имеет значения.

— Говори, где?! Где брала?!

— Послушай, зачем...

— Говори!!!

— У Маши.

— А где брала Маша?

— Не знаю.

— Зато я знаю. У Маши есть «друг». И ты покупала мякоть у «друга» Маши. Угадал?

— Да, — сказала Варвара.

Савелий задрожал и прохрипел:

— Отлично. Можно было и не спрашивать. Я уничтожу эту суку. И ее «друга».

— Прекрати! — выкрикнула Варвара, вдруг вскакивая с постели. Савелий отпрянул и едва не опрокинул стул. Минуту назад он хотел разбить этот стул об стену — удержался с трудом.

Варвара, неприятно скривившись, толкнула его в грудь.

— Смотрите, какой! Поборник морали! А ты? Сколько лет ты сам жрал эту дрянь? Десять? Пятнадцать? Сколько денег спустил на нее? Сколько тысяч таблеток проглотил? Кто ты такой, чтобы сейчас упрекать меня?

— Я? — спросил Савелий. — Кто я такой? Я — мужчина. Мужчины всегда травят себя всяким дерьмом. Они без этого не могут. Так было всегда. Водка. Наркотики. Мякоть стебля. Не путай одно и другое. Не сравнивай се-

бя и меня. Мужчина не умеет без допинга. Какая-то отрава всегда нужна...

— Зачем? — с презрением осведомилась Варвара.

— Не знаю. Но так было, и так будет. Если не мякоть, то водка. А ты — женщина, чистое существо, зачем тебе допинг?

Он вдруг обессилел. Стул оказался очень кстати.

— Ты, — почти прошептала Варвара, — не хуже меня знаешь, что траву жрут все. Ты. Я. Маша. Ее «друг»... — Савелий сделал протестующий жест, но жена повысила голос: — Все! Кто-то — постоянно. Кто-то — время от времени. Кто-то врет, что не жрет, а сам жрет больше остальных. Кто-то просто молчит. И жрет тихо, ни с кем ничего не обсуждая. Делая вид, что он чистый. Таких большинство... Все сосут воду, все ругаются из-за солнца... Никто не виноват, Савелий.

— Всегда кто-то виноват! — крикнул Герц, опять вскакивая и сжимая кулаки. — Я виноват! Ты виновата! Все виноваты!

— Ее жрет вся Москва. Уже сорок лет.

— Не вся, — горячо сказал Савелий. — Гарри Годунов не жрет. Раньше жрал, потом перестал. И Гоша Деготь не жрал... И доктор Смирнов. Они смогли, а мы — нет.

— И где теперь твой Гоша?

— Не знаю. Но Годунов...

— Годунов, — отчеканила Варвара, — подзаборная пьянь. Лучше жрать траву, чем быть таким, как Годунов.

— Вот, значит, как, — сказал Савелий.

— Да. Так. Лучше рожать зеленых человечков, чем вообще никого не рожать.

— Человечков? — переспросил Савелий, глядя в лицо жене. — А с чего ты взяла, что родишь человечка? Ты родишь растение. Маленький стебелек. Как только перережут пуповину, новорожденный забудет о твоем существовании...

Глаза Варвары стали злыми.

— Мне все равно. Стебелек, растение, кто угодно. Это мой ребенок. Какой он родится — такой он и будет.

— Наш, — негромко произнес Герц.

— Что?

— Наш ребенок.

— Наконец ты это сказал.

— А ты думала, не скажу?

— Я не думала. Я боялась.

— Не бойся. Ты и он — это все, что у меня есть.

— Но ты тоже боишься. Я вижу.

— Как только он родится, у нас его отберут.

— Я не отдам.

— Они объявят, что он опасен.

— Мне все равно.

— Они скажут, что он — мутант!

— Пусть говорят что хотят. Я не отдам его. Я сделаю все. Сама стану мутантом. Растением. Травой, мхом, лишайником — мне все равно.

Она произносила фразы столь спокойно, что Савелий устыдился своей недавней истерики, своего отчаяния, своих дрожащих коленей. Его мучила жажда, но ощущение пересохшей гортани сейчас казалось ему отвратительным. Вода требовалась не самому Савелию Герцу, но растению, пустившему корни внутри Савелия Герца. Пить хотела его часть, уже не желающая быть человеком.

Человеком быть сложно, от этого устаешь.

— Может быть, все обойдется, — неуверенно произнес он. — Сколько дураков жрут седьмую возгонку? Полмиллиона? Миллион? А зеленых детей — всего несколько сотен. Значит, они родятся не от каждого, кто ест очищенный концентрат. У нас есть шанс. Мы не заслужили...

— Перестань, — одернула его Варвара. — Теперь это неважно. Нам надо успокоиться...

— Согласен! — с энтузиазмом воскликнул Герц, хорошо понимая, что не сможет успокоиться. — И вообще, мы слишком мало знаем. Незачем спешить с выводами, правда? Я должен опять поехать к этому доктору. И все выяснить. Он работает не один. И вообще, он слишком необычный человек. Тут что-то не так. — Савелий вскочил со стула и заходил по спальне. Вдруг остановился. — Да! Что-то не так. Китайцы прекращают платить, люди исчезают без следа, родятся зеленые дети — слишком много всего! Так не бывает. Может, мы с тобой сходим с ума? Или нет — я один схожу с ума?

— Мы все давно сошли с ума. Иди сюда. Сядь рядом. Тебе надо поспать.

Савелий рассмеялся:

— Спать? Ты с ума сошла. Я не смогу заснуть. Я их видел. Они маленькие. Живые. И зеленые...

Он выбежал на балкон. Вытер слезы. В лицо ударил осенний ветер. Радужная сфера с рекламой воды «Байкал» дрейфовала с севера на юг, задевая облака. Савелий зажмурился. Даже взрослому, пятидесятилетнему, начинающему черстветь мужчине иногда хочется закрыть глаза, потом открыть — и обнаружить, что все изменилось к лучшему, само собой, волшебным образом.

Он разлепил веки. Нет. Черно-зеленые стебли никуда не делись. Мир был виден как будто сквозь расческу. Сейчас Герцу стало ясно, что этот мир доживает считаные часы. Этот вот желто-серебристо-лиловый, пестрый, расцвеченный улыбками, до блеска отполированный, готовый обеспечить всем желающим бесконечное количество психологического комфорта. Этому благодушному, упорядоченному, невыносимо безопасному, всеядному, до мелочей продуманному, устроенному ловко и просто — скоро придет конец.

Сверху сочилась музыка, классическое диско. Кто-то что-то праздновал. Конец празднику, подумал Герц. Ведь

если вокруг только радость в чистом виде — это праздник, правильно? Еще вчера мы полагали, что праздник — наше повседневное обыкновенное состояние. Жаловались друг другу на рутину, проблемы, недостаток времени, недостаток денег, недостаток сил. А еще на недостаточно удобную одежду, недостаточно понятливое окружение, недостаточно красивых жен и недостаточно просторное жилье. Теперь оказалось, что вчерашняя жизнь, со всеми ее недостатками, была подарком судьбы. Белой полосой. Сегодня праздник кончился, вчерашние проблемы смешны, вчерашние заботы достойны в лучшем случае кривой грустной усмешки. Бархатное вчера сменилось шершавым сегодня.

Странно. Это можно понять умом, но нельзя понять сердцем. Ведь мы не были глупцами, не жили одним днем. Мы работали. Прилагали усилия. Думали о себе как о дальновидных и умных существах. Мы были убеждены, что наше завтра в любом случае комфортабельнее нашего сегодня, — а иначе зачем мы тогда прилагаем усилия? Затем, чтобы завтра было чище, легче, спокойнее. Мы создавали. Мы уставали. Мы пытались подстелить соломку. И вот результат: кубарем летим с высоты, мимо соломки, мимо всего. Прогнозы ошибочны, расчеты неверны. Вчера мы были сверхчеловеками, сегодня завидуем насекомым.

Мы сотни раз поднимались вверх и столько же раз скользили вниз. Всякий раз, поднимаясь к свету, мы клялись себе, что это навсегда. Что войны, голод и нужда навсегда остались за спиной.

А они не за спиной.

Тяжело дыша, Савелий смотрел из-под руки, как со стороны центра города движется вереница милицейских вертолетов. Их было необычно много. Он вообще не предполагал, что в Москве есть столько милицейских вертолетов. Вид гудящей винтокрылой армады вызывал уважение и страх — именно так обычно реагирует русский

человек, наблюдая могущество ревущей, слепящей прожекторами, огнедышащей правоохранительной техники. Герц зачем-то стал считать, но сбился на пятом десятке.

Доктор Смирнов не соврал. Москва всерьез готовилась к новой жизни. К арестам и репрессиям. Все вот-вот начнется. Или уже началось. В гиперполисе двадцать пять милиций и полиций, они жестко конкурируют меж собой и оснащены по последнему слову техники. Если дать им полномочия и невзначай закрыть глаза на то, что двести лет назад называлось «перегибы», — все травоядные будут вычислены в несколько суток.

Нужно немедленно выбросить капсулы, решил Герц. Завтра же сказаться больным, доверить журнал Валентине, найти сговорчивых врачей и лечь под капельницу. Очистить кровь. Надо срочно поговорить с Годуновым — пусть гениальный пьяница научит, как завязать с травоедением. Надо прекратить хлебать воду десятками литров. Надо каким-то образом отвыкать от привычки недовольно морщиться, если кто-то загораживает солнце. Надо набить холодильник жирным мясом и жрать только мясо, и ничего, кроме мяса, пять раз в день... И Варвару заставить...

Его тошнило. Очень хотелось пить. Еще больше хотелось проснуться и радостно понять, что сегодняшний день был всего лишь дурным сном. «А книга? — вспомнил он и задрожал в панике. — Священная Тетрадь, где она? Срочно выбросить. Это, впрочем, не поможет. Если храмы и общины травоедов будут разгромлены, все их электронные архивы попадут в руки властей. Каждого обладателя Тетради возьмут на карандаш. Или даже арестуют. Между тем Тетрадь прочитана. Вся. Хуже того — въелась в память, и я готов цитировать ее страницами». Особенно последнюю главу: «Житие апостолов Гавриила и Глеба, а также их сподвижников».

Особенно финал последней главы.

«И пошли, и шли долго, ибо равнины в этой земле просторны, а дороги плохи. И увидели город, и говорили друг другу:

— Вот город городов, самый чистый город, и огромные богатства сконцентрированы тут. Нет лучше места для того, кто желает очищать и концентрировать.

Потом огляделись и сказали так:

— Вот город городов, здесь один созидает, а десять тратят и расходуют. Примкнуть ли нам к тем, кто созидает, или к тем, кто тратит и расходует?

И ответили друг другу:

— Не примкнем ни к тем, ни к другим, ибо и те и другие неправы. А особенно неправ тот, кто созидает. Ибо терпит вокруг себя тех, кто тратит и расходует, — и, значит, глупец. А какой из глупца созидатель?

И не примкнули ни к тем, ни к другим, а укоренились отдельно и стали расти.

Иные росли молча, выделяя кислород.

Иные стали искать, чем заняться, и решили очищать и концентрировать. И сказали: вот занятие, достойное нас! И улыбались, и призывали всех: очищай и концентрируй!

Очищай и концентрируй, но будь настороже.

Очищенный и концентрированный опиум превращается в героин.

Очищенный и концентрированный труд превращается в бумажки с водяными знаками.

Очищенная и концентрированная любовь превращается в проституцию.

Очищенная и концентрированная воля превращается в убийство.

Очищенный и концентрированный Бог превращается в дьявола.

Все, что можно очистить, очищай. Все, что можно концентрировать, концентрируй. Но однажды умей остановиться.

Нельзя доверять слишком чистому — слишком чистое и есть самое грязное.

Нельзя бесконечно увеличивать концентрацию, ибо концентрируя все, что угодно, — концентрируешь в первую очередь зло».

8

Меньше чем через час после скандала Варвара завернулась в простыню и спокойно заснула. Савелий мысленно упрекнул жену в легкомыслии, но чуть позже упрекнул уже себя. В глупости. Жена поступила правильно. Маленькому существу, зреющему в ее животе, не нужны стрессы.

Сам Герц не стал ложиться. За полночь тихо вышел из квартиры, спустился на семь этажей вниз, присел в первом попавшемся баре. Выпил несколько порций виски. Вокруг пересмеивались дружелюбные полуночники. Кто-то рассказывал о Луне, кто-то с апломбом повторял, что никому ничего не должен, кто-то небрежно вставлял в речь китайские слова, путая мандаринское наречие с кантонским, и какая-то немолодая женщина с голыми плечами и едва прикрытыми веснушчатыми сиськами посматривала из дальнего угла сквозь табачный дым. Когда Герц уперся взглядом в ее жирно подведенные глаза, она не спеша отвернулась.

«С сегодняшнего дня, — решил Савелий, — буду напиваться ежедневно. И не просто крепко выпивать, а — до бессознательного состояния. И не дома, а обязательно в заведениях. Садясь лицом к ближайшему полицейскому объективу. Травоеды не пьют. Если человек пьянствует — значит, он не жрет мякоть. Начнем создавать себе алиби. Больше меня никто никогда не увидит трезвым и веселым. Если какой-либо собеседник спросит, не загораживает ли он мне солнце, — отвечать буду грубо, с презрением. В гробу я видел ваше солнце. Мне плевать на солнце. Засуньте ваше солнце себе в...

Зеленый человечек — это беда, но не катастрофа. Жизнь продолжается. Гарри Годунов выбрался — и я выберусь. И Варвару вытащу. Мы родим еще одного ребенка. Здорового. Я еще не старый. Китайцы перестанут платить за аренду сибирских территорий — пусть. Я профессионал и хорошо зарабатываю, я не пропаду. Не будем преувеличивать значение китайцев в жизни граждан России. Граждане России тоже кое-что умеют. Граждане России разучились работать — ничего страшного, вспомнят. История знает периоды, когда граждане России неплохо работали и сами себя кормили».

Бармен-андроид осведомился, не долить ли в стакан, — Герц коротко послал его к черту. Штраф за оскорбление человекоподобного механизма будет включен в счет (есть особый закон, запрещающий грубое обращение с ресторанными андроидами) — но теперь это даже хорошо. Теперь Савелий Герц, шеф-редактор журнала «Самый-Самый», прославится как незаурядный скандалист. Шеф-редактор станет хамить, дерзить и безжалостно разрушать персональный психологический комфорт ближних.

А вы сосите воду, грейтесь под лучами желтой звезды, тянитесь к свету прозрачному. Очищайте и концентрируйте.

К рассвету он оставил попытки привести нервы в порядок. Алкоголь подействовал странно: убрал страх, но добавил досады, слюнявой детской обиды на миропорядок. Герц мрачно расплатился и решил ехать на работу. Четыре утра — замечательное время для начала рабочего дня. До гаража добрался без проблем; однако машина не подчинилась — объявила хозяина пьяным и предупредила, что при следующей попытке запустить двигатель хозяин будет оштрафован и вдобавок оповещена милиция. Савелий расхохотался. Дура, отныне у милиции есть дела поважнее. Теперь милицию интересуют не угрюмые пьянчуги, а трезвые и бодрые травоядные.

Вызвал такси. Подкатил робот: крошечный электромобильчик. В салоне пахло сладкими женскими духами и потом. Сексом пахло. Молодежь XXII века любит уединиться в беспилотных такси, это весело и романтично. Давайте, ребята, давайте. Совокупляйтесь. Рожайте зеленых младенцев, которые не хотят ни на что смотреть, даже если бодрствуют. И сосут по двенадцать литров воды в день.

Предутренняя Москва удивила шумом, обилием машин. В больших городах никогда не проходит мода на бессонницу, усмехнулся нетрезвый шеф-редактор. Открыл окно и сплюнул. Смотрел, как выступают из молочно-серой полумглы стебли.

«А ведь мы ими едва не гордились, — сказал себе он. — Еще бы. Уникальная достопримечательность. Невиданная диковина. Москва — единственный на планете город, сплошь заросший гигантским бурьяном. А нам, местным, все едино. Мы как жили тут, так и живем, и будем жить. Стебли, глобальное потепление — нам плевать. "Хоть трава не расти" — так мы сами про себя говорим».

И вот — она выросла.

Устроился поудобнее, вытянул ноги. Когда доехали — не захотел выходить, почти было решил назвать любой другой адрес, в противоположном конце гиперполиса, просто для того, чтобы еще четверть часа побыть в уюте, в положении полулежа. Потом сообразил: все с ним происходящее называется «отходняк».

Шепотом выругался и вылез на холодный тротуар.

В лифте ощутил слабость, присел на пол. Спать не хотелось, но и бодрствовать тоже. Не хотелось ничего. Коекак добрался до знакомых дверей, отомкнул. В пустых темных залах пахло нагретой пластмассой и свежеотпечатанными фотографиями. Однако распознавать запахи было лень. Прошелся вдоль столов. Задержался возле рабочего места Филиппка. Здесь царил беспорядок. Маль-

чишка работал много и хорошо, статьи у него выходили бодрые, ироничные, но не злобные, пропитанные юношеским максимализмом. Филиппок тоже травоед, сказал себе Герц. Всегда легок и доброжелателен.

Вот стол Валентины. Здесь чистота, ничего лишнего, в рамочке портрет сына, но в углу маячит полупустая бутылка воды — значит, Валентина тоже жрет мякоть. А может, и не жрет. Это уже неважно. Какая разница, кто и что жрет? Важен только рост. Важно укорениться внизу, и чтоб наверху был свет прозрачный.

Вот незаурядный стол незаурядного мужчины Пружинова. Стерильная поверхность: Пружинов чистит ее особой салфеткой несколько раз в день. А раз любит очищенное — значит, уважает и концентрированное. Давеча орал на Филиппка, белый от ярости. Нервишки подвели. С травоедами такое бывает, если девятую возгонку чередовать, допустим, с дешевой четвертой...

Чуть позже обнаружил себя укорененным у входа, в знаменитом кресле, где фотографировались почетные гости.

«Сколько лет я не переживал полноценный отходняк? — спросил себя Герц. — Оказывается, я совсем забыл, что это такое. Завораживающая безмятежность. Радость в чистом виде. Зеленые детишки правильно делают: они ни на что не смотрят, потому что нет и не будет под солнцем ничего нового. Каждый день одно и то же — хоть все глаза прогляди, а черное не станет белым. Зеленые младенчики не двигаются — это бессмысленно. Глупо дергаться из стороны в сторону, если есть только одно настоящее направление движения: снизу вверх. К центру неба. Туда, где желтая звезда».

«Отходняк лучше, чем движняк», — говорила Илона. Она с детства не ест ничего, кроме мякоти стебля, она не может ошибаться. Она права. Растение движется только на самой ранней ступени своего развития. Когда пребы-

вает в виде семени. В виде малого зернышка. Будучи семенем, оно падает в землю, его несет ветром, его крадут птицы и животные. Кстати, и люди. Но когда зерно достигло почвы — оно уже неподвижно. Оно растет и радуется.

Кое-как выбрался из полузабытья, посмотрел на часы. Оставаться в редакции глупо. Скоро придут люди. Нельзя, чтобы они видели своего босса в столь постыдном полужидком виде. Надо найти экспресс-отель. Полежать в ванне. Может быть, подремать. Вернуться в нормальное состояние. Хотя бы попробовать вспомнить, что это такое: нормальное состояние.

«Я ведь не зеленый одуванчик. Я не растение. Я хищник, я людоед, я человек. Я создан, чтобы рвать зубами горячую плоть. Я выберусь. Годунов выбрался — я ничем не хуже Годунова...»

Возникший в памяти образ старого товарища сильно помог Савелию. Усилием воли он представил, что именно долговязый грубый Гарри ведет его по коридорам и лестницам, поддерживая, подбадривая и подшучивая; именно Гарри втаскивает вялого шеф-редактора в искомое заведение, заказывает одиночный номер с полной звукоизоляцией, доводит до бокса, где освещено мягким лимонным светом только изголовье кровати.

Тишина, покой. Слабо нагретый пол. Радость в чистом виде. «Отдыхай, Савелий. Расти большой».

Проснувшись, он долго лежал не шевелясь. Открыл глаза, увидел подсвеченную солнцем штору. Доковылял, отдернул — и захлебнулся в потоках света, твердого и одновременно нежного. Мысль о том, чтобы выйти из-под теплых желтых лучей, казалась глупостью. Но и оставаться было опасно: Савелий плохо соображал, но все же помнил, что он вовсе не стебель зеленый, а шеф-редактор солидного журнала.

Был полдень. Герц отказался от идеи принять душ, выпил воды, побрел на работу. С изумлением понял, что до

сих пор пьян. В редакции было непривычно тихо, половина сотрудников находилась вне рабочих мест. Впрочем, при появлении босса засуетились, как минимум сменили позы. Герц заметил чужаков, двоих — скромные пиджаки, сырые невыразительные физиономии.

Подбежала Валентина, упрекнула напряженным голосом:

— Где ты пропадаешь второй день? Мы тебя везде ищем. А ты отключил связь.

— В задницу связь, — проскрипел Герц. — Что происходит?

— У нас обыск. Полиция нравов.

— В задницу полицию нравов.

— Скажи им это сам.

Невыразительные выступили из толпы.

— Зачем же так грубо, господин Герц?

Предъявили значки.

— Мы можем поговорить у вас в кабинете?

— Не можем. — Савелий засунул руки глубоко в карманы. — У меня нет секретов от моих людей.

— Зато у них от вас — есть, — веско возразил один из невыразительных — сутулый, в дешевых пластиковых брюках — и спародировал Герца: тоже сунул руки в карманы, причем это получилось у него гораздо более грозно, чем у шеф-редактора.

Валентина из-за спин незваных гостей сделала страшные глаза. Прочие — мальчики, девочки, секретарши, фотографы — смотрели на Савелия как на отца родного.

— Что же, — произнес он, — пойдемте.

В кабинете сутулый с любопытством огляделся и присел на край стула. Второй остался возле двери. При внимательном рассмотрении оказалось, что оба мента едва не валятся с ног от усталости, оба были плохо выбриты, пахли носками, смотрели диковато, в подглазьях залегла синева. Впрочем, это им шло. Усталого борца с преступ-

ностью всегда приятно видеть: устал — значит, борется, а не бездельничает.

— У вас все в порядке? — озабоченно спросил сутулый. — Вы неважно выглядите...

— Вы тоже, — буркнул Савелий.

— Мы работали. Всю ночь.

— А я — пил.

— Понятно, — протянул сутулый. — Собственно... Ваша сотрудница несколько погорячилась. Мы не делали обыск. В данном конкретном случае всего лишь проведено изъятие запрещенных субстанций. К сожалению, нам пришлось задержать двоих... Гарри Годунова и Филиппа Миронова. К остальным гражданам претензий нет.

— Хорошо работаете, — на автомате отозвался Герц.

Сутулый пожевал губами. Он сидел точно между Савелием и окном, загораживая все солнце.

— Хорошо или плохо — это не важно. В данном конкретном случае мы получили сигнал и были обязаны отреагировать.

— Ага. — Герц усмехнулся. — Сигнал. Вот оно что. Надеюсь, анонимный?

— Теперь это не имеет значения. В данном конкретном случае налицо факты. Субстанция, известная как мякоть стебля, обнаружена в ящике рабочего стола Филиппа Миронова. Второй ваш сотрудник, Гарри Годунов...

— Он не сотрудник, — перебил Герц. — Он мой товарищ и известный писатель. Он работал в моем журнале временно. На добровольных началах. И кстати, бесплатно.

Сутулый сильно удивился:

— Бесплатно? Добровольно? Но... зачем?

— А вы спросите у него.

— Уже спросили. — Сутулый переглянулся со своим спутником. — Но ваш товарищ... С ним трудно беседовать. Он говорит очень много, но... э-э... в общем, из того, что он сказал, мы мало что поняли.

Герц мрачно усмехнулся:

— Еще бы.

Сутулый опять спародировал Герца: повторил его мрачную усмешку, но добавил мрачности.

— Однако этот... э-э... как вы сказали, писатель... Он заявил, что найденные капсулы так называемой мякоти принадлежат лично ему, а вовсе не Филиппу Миронову.

Разумеется, подумал Савелий, ощущая тоску и головную боль. Иначе и быть не могло.

— Что вы хотите от меня? — морщась, осведомился он.

Полицейский сменил позу, борта его пиджака разошлись, и Савелий увидел торчащую из наплечной кобуры потертую рукоять пистолета.

— Завтра, — объявил он, — вы должны прибыть к нам. Где-нибудь часиков в шесть вечера. Адрес и официальную повестку вам пришлют. В данном конкретном случае мы имеем уголовное преступление. Хранение мякоти стебля. Мы допросим вас как свидетеля.

— Буду рад помочь, — сказал Савелий. — Я, знаете ли, не люблю травоедов. Насколько мне известно, в моем коллективе никто никогда не играл в эти игры. Если вы читали наш журнал, вы знаете, что мы выступаем за здоровый образ жизни.

— Не читал, — спокойно произнес сутулый. — Я вижу, вам совсем плохо. Вам надо похмелиться.

— Закончу с вами — сразу похмелюсь.

Сутулый подавил зевок и спросил:

— Кстати, я не загораживаю вам солнце?

— В задницу солнце, — с наслаждением ответил Герц. — Что у вас еще?

— Собственно, пока все. Только один вопрос... Ваше... э-э... частное мнение... Как вы думаете, эти капсулы... чьи они все-таки? В данном конкретном случае?

— Не знаю, — с сожалением ответил Савелий. — Честное слово. Слушайте, травоеда можно вычислить. Сле-

ды мякоти остаются в организме. Сделаете анализ крови или что там — и все будет ясно.

Сутулый встал.

— Разумеется. Более того... Боюсь, нам придется взять анализ у всех сотрудников вашего журнала. Включая вас. Конечно, такая проверка — дело сугубо добровольное. Сами понимаете, в нашем государстве никто никому ничего не должен. Но в данном конкретном случае мы возьмем на карандаш каждого, кто откажется...

— Понимаю. — Герц кивнул. — Я готов сдать кровь немедленно. Запишите меня первым в очередь.

Сутулый посмотрел почти с симпатией, однако на прощание руки не подал.

— Подождите, — остановил «гостей» Савелий. — У меня просьба. Услуга за услугу. Скажите, куда увезли моих людей, и я помогу вам. Я сам выясню, кто из двоих — травоед. Мне надо только поговорить с обоими наедине. А вы за это... — шеф-редактор подмигнул, что называется, по-свойски и вдруг стал сам себе противен, — не станете предавать огласке историю с обыском. Иначе коллеги из желтой прессы сотрут нас в порошок... Будет скандал, репутация журнала пострадает...

— Сожалею, — ответил сутулый без малейшего сожаления. — Но у полиции нравов контракт с одиннадцатым кабельным каналом. В данном конкретном случае наша беседа транслируется в прямом эфире. И потом... — Сутулый спародировал Савелия: подмигнул по-свойски. Это выглядело отвратительно. — Поверьте, господин Герц... Не пройдет и недели, как всем будет наплевать на чью-либо репутацию. За последние сутки мы провели семнадцать изъятий. Семнадцать репутаций уже... — Полицейский начертил пальцем в воздухе крест. — Одной больше, одной меньше... Расслабьтесь. Задержанные сотрудники вашего журнала пока сидят в отделении. Вечером мы переведем их в изолятор. Разумеется, вы не сможете с ними

пообщаться. Да и зачем? Мальчишку мы отпустим, а ваш товарищ, который писатель... В данном конкретном случае он предстанет перед судом. До скорого свидания. У вас есть претензии, замечания по существу беседы либо к поведению и внешнему виду сотрудников нашей полиции? Жалобы? Пожелания?

— Нет.

Едва полицейские ушли, Герц вызвал Валентину. Она держалась спокойно. Савелий вспомнил жену и вздохнул. Поразительное самообладание. Вот вам и слабый пол.

— Я сейчас исчезну, — объявил он. — Мне надо срочно похмелиться. И кое-кому позвонить. А ты узнай, куда увезли ребят.

Валентина опустила глаза и тихо попросила:

— Савелий, не лезь в это.

— С какой стати?

— Сам пропадешь.

— Пропаду не пропаду — это не главное.

— А что для тебя главное, Савелий?

— Главное? — бодро переспросил Герц. — Ха! Это очень просто, Валентина. Главное — сохранять персональный психологический комфорт.

— Прекрати, — сказала женщина. — Прекрати немедленно. Неужели ты не чувствуешь? Что-то происходит! Не раздувай щеки, Савелий. Не изображай сверхчеловека. Подумай о других. О Варваре. О нас. Мы должны уцелеть и сохранить журнал.

— Я никому ничего не должен.

— Еще как должен! — выкрикнула Валентина, бледнея. — Тебе доверили дело! Не ты его создал! Ты получил его в готовом виде! И теперь оно принадлежит тебе, но и ты принадлежишь ему!..

Герц подпер рукой щеку, смотрел, как напряглась и стала старой ее шея.

— Слушай, — тихо спросил он, — какую возгонку ты употребляешь?

— Что?

— Я говорю, какой номер жрешь?

— Я?!

— Да. Ты. Какой номер?

Валентина криво усмехнулась. Некоторые из них, подумал Герц, умеют криво усмехаться, не теряя при этом привлекательности.

— Я пробовала, когда была студенткой. Два или три раза. Не знаю, какой номер. Меня угощал ухажер... В общем, это было давно. И мне не понравилось.

— Почему?

— Мне было неприятно. Казалось, что со стороны я выгляжу дурой. А я не люблю выглядеть дурой.

Савелий кивнул:

— Есть мнение, что дурой быть выгодно.

— Наверное. Но только среди дураков. А меня всегда тянуло к умным людям.

— К Годунову?

— А что Годунов?

— К нему тебя тянет?

— Не твое дело.

— Согласен. Извини. Это не мое дело. Иди и срочно узнай, куда увезли Годунова. И еще... — Он вздохнул. — Приготовь приказ. О твоем назначении на должность шеф-редактора. Принесешь мне, я подпишу. Если что — возьмешь бразды в свои руки. Валентина Мертваго, железная леди, шеф-редактор журнала «Самый-Самый» — это будет сильно.

— А ты? — новым, тихим и твердым, голосом спросила женщина.

Савелий опустил глаза.

— Что я? Я — конченый травоед с большим стажем. Я много лет жру мякоть высокой концентрации. Ты пе-

реживаешь о нашем деле — молодец. Чтобы наше дело не пострадало, я обязан подать в отставку.

Он ждал, что Валентина кивнет или взглядом одобрит его. Не дождался.

Добавил:

— Но это будет не сегодня.

Встал. Пора было звонить «другу».

— Сегодня я попробую выкрутиться. И вытащить наших мужиков.

9

Муса уверенно управлял скромным китайским «фордом»: ускорялся резко, в повороты входил лихо — и все равно, сидя за рулем, выглядел как типичный малоимущий пенсионер. Такова была его маскировка. «Друг» Савелия был богат — возможно, очень богат — и умел нажимать на самые разные тайные пружины, однако роль потертого старичка с седенькой головенкой исполнял даже не талантливо — гениально. Он нарядился в обвисшую вязаную кофту и бесформенные туфли без каблука, весело посматривал поверх очков, шаркал при ходьбе, из ушей у него торчали волосы — безобидный кавказский дедушка, кефирно-клистирный вариант, валидольчик в нагрудном карманчике. На самом деле — практически всесильный и самый опасный человек из всех, с кем сводила Герца судьба.

Они дважды объехали по кругу дом «Свобода» — сначала внизу, по земле, потом по эстакаде, на сороковом уровне, — пока не отыскали вход в участок. В Москве милицейские конторы были самыми незаметными учреждениями — правоохранительная деятельность велась очень активно и одновременно скрытно и бесшумно, чтобы не раздражать граждан, не разрушать их психологический комфорт.

При входе в отделение дежурил андроид, электронный мент в штатском. Подпирал стену, маскируясь под бездельника. Муса проехал мимо, свернул за угол. Резко затормозил.

— Я договорюсь. Потом вернусь за тобой.

— Там везде объективы, — предупредил Герц. — Все отделения милиции подключены к проекту «Соседи».

Муса презрительно усмехнулся. Савелию стало неловко. Действительно, чему журналист может научить профессионального негодяя?

Профессиональный негодяй вернулся довольно быстро. Приблизился к машине, сделал мгновенный, почти незаметный знак. Герц торопливо выскочил, подбежал.

— Пойдем, — велел Муса. — Только не суетись. Зачем суетишься?

— Извините. — Савелий перешел на шаг.

— Извиняться тоже не надо. Зачем извиняешься? Ты ничего не сделал.

Савелий не нашел, что ответить.

— Всегда, — произнес Муса, глядя в сторону, — веди себя так, будто ты ничего не сделал. Даже если ты пять минут назад кого-то убил — веди себя так, будто ничего не сделал.

— Понял, — деловито кивнул Герц.

Андроид, охраняющий вход, не удостоил их вниманием. Войдя, они оказались в ярко освещенном лобби, где из-за хромированно-никелированной стойки им улыбнулись две девушки, похожие на стюардесс.

— Нам в седьмой кабинет, — вежливо сказал Муса.

Одна из девушек мило предложила:

— Я вас провожу.

Пожилой злодей отечески улыбнулся.

Издалека донесся чей-то вопль. Савелий вздрогнул.

— Сегодня много пьяных, — тут же объяснила девушка.

«Еще бы, — подумал Герц. — Не я один такой умный».

За четверть века журналистской практики он множество раз бывал в правоохранительных учреждениях. Год от года они становились все чище и пахли все лучше. Стало ли меньше преступников? Этого Савелий не знал. Этого никто не знал, даже сами преступники. Официально столица России была провозглашена абсолютно безопасным городом. Однако официальные заявления никогда не отменяли здесь бурной и сложной неофициальной жизни. И чем старше становился Герц, чем больше опыта он накапливал, тем чаще убеждался в том, что Москва — самое неофициальное место на земле.

Преступность мутировала. Кражи ради куска хлеба остались в прошлом, на смену им пришли изощренные махинации. Мальчиков и девочек, склонных к обману и насилию, брали под контроль еще в материнских утробах — но обмана и насилия это не отменило. Победа над бедностью не гарантировала победы над жадностью, завистью и тягой к разрушению.

В седьмом кабинете из-за стола поднялся мрачный малый с сержантскими нашивками и мускулатурой пляжного спасателя. Не глядя на Герца, он коротко кивнул Мусе, вышел и закрыл за собой дверь. Многозначительно зашипев, сработал пневматический замок. «Звуконепроницаемая, — догадался Савелий. — Почти такая же стоит в моей спальне. Бережет покой Варвары. Настоящее китайское качество. Только эта милицейская дверь — в десять раз серьезнее».

— Присядь, — небрежно рекомендовал Муса. — Имей в виду, у нас будет три минуты, не больше.

Герц сел на металлический стул и огляделся.

— Тут они допрашивают, — пояснил Муса. — Эта комната — один большой детектор лжи. В стенах, в потолке, в полу — датчики. Измеряют колебания температуры тела арестованного. Выделение пота. Сужение

и расширение зрачков. Анализируют химический состав паров дыхания... В такой комнате трудно соврать.

— Но можно, — сказал Герц почему-то с надеждой.

— Можно, — ровным голосом ответил старый негодяй. — Только зачем? Кто ничего не сделал, тому врать незачем. Кому не в чем сознаваться, тот никогда не сознается.

Савелий кивнул и сделал вид, что понял. Пауза затягивалась. Он кашлянул.

— Я все-таки... Насчет Михаила Евграфовича...

— Замолчи, — раздраженно приказал Муса. — Я тебе говорил: про него у меня не спрашивай. А ты опять спрашиваешь. Зачем?

— Извините.

Пожилой маргинал тяжело вздохнул:

— Опять извиняешься. С тобой тяжело. Ты не понимаешь с первого раза. Вроде бы взрослый человек, начальник журнала... Ты своим людям тоже по два раза повторяешь?

— Бывает, и по десять.

Дверной замок опять зашипел. Савелий вскочил. В проеме появилась знакомая долговязая фигура. Следом за Годуновым вдвинулся сержант: кинул взгляд на Мусу, показал пальцем на запястье. Муса кивнул. Герц обнял Годунова. Гений литературы провел в кутузке всего несколько часов, но уже выглядел осунувшимся и похудевшим. А может, причина не в кутузке, а в том, что хронический пьяница не выпил своей обеденной дозы. Так или иначе, Савелий едва не заплакал, ткнувшись носом в твердую колючую щеку гения.

Сержант бесшумно вышел.

— Говорите свободно, — сказал Муса. — Только быстро. Если у вас какие-то секреты, я отойду в сторонку.

— Папаша! — вскричал Годунов. — Какие секреты? Я так рад! Тут исключительно забавно! Я в ментовке двадцать лет не был!

— Гарри, — позвал Савелий. — Гарри! Успокойся. Что ты наделал?

Гений посуровел:

— Задай этот вопрос Пружинову. Это он настучал.

— Я догадался, — сказал Савелий. — А ты зачем влез?

— Ты бы тоже влез, — ответил Годунов, блестя глазами. — Они бы посадили мальчишку. Они бы сломали ему жизнь.

Герц перевел взгляд на Мусу — тот сидел, подперев кулаком скулу. Возможно, даже дремал.

— Они посадят либо мальчишку, либо тебя.

— Мальчишка уже ушел. — Годунов ухмыльнулся. — Два часа назад. А я подписал протокол. То-се, капсулы мои, давно храню, где взял — не помню; пьяный был...

— Дурак. Они проверят вас обоих. Сделают анализ крови. И твоей, и Филиппка. А ты давно не жрешь траву.

— Уже сожрал, — деловито объявил Годунов. — Купил у соседа по камере. Обменял на сигареты. Третья возгонка. Гадость страшная.

Савелий вспотел.

— Черт. А я не сообразил. Я тебе даже сигарет не привез...

Гений сделал небрежный аристократический жест:

— Забудь. А Филиппок не пропадет. Я ему адресочек шепнул — там надежные люди, за сутки ему кровь почистят, специальной химией... В общем, он парень неглупый, отвертится.

— А ты?

— А я посижу.

— Ты сумасшедший, Годунов.

— Есть немного, — прогудел Годунов. — Я ведь, Савелий, книжки сочиняю. Иногда, раз в год, доходит даже до того, что меня называют писателем. А книжки, брат, пишутся не в кабинетах. Вернее, в кабинетах они тоже пишутся, но самые лучшие книжки пишутся вот в таких

местах... — Он обвел руками комнату. — В тюрьмах, в окопах, в канавах. В грязных шалманах. На кабацких салфетках. Мое место — тут. Не волнуйся, я быстро вернусь. Мне много не дадут. Лет пять от силы. Заодно протрезвею. Кое-что обдумаю. Семьи у меня нет, мама умерла, плакать по мне некому, так что...

— Есть, — возразил Герц. — Есть кому плакать.

Годунов улыбнулся:

— Передай тому, кто по мне плачет, чтоб не плакал. Плакать не надо. Надо смеяться. Это единственный способ выжить. Понял меня?

Герц покачал головой.

— Папаша! — воскликнул Годунов. Муса открыл глаза. — Сержанта нельзя подводить. Он нормальный мужик. Иди, зови его.

Муса встал.

— Гарри, — пробормотал Герц. — Ты... держись, ладно?

Годунов принял бравый вид.

— Сам держись.

— И не жри траву, — прошептал Савелий. — Особенно очищенную. А то... Не успеешь сообразить, как превратишься... Будешь думать только про свет прозрачный...

Дверной замок опять зашипел. Годунов вдруг рассмеялся:

— Я давно понял, что ты читаешь Священную Тетрадь.

— Уже прочитал.

— Эх ты! — сказал гений. — Это я ее написал. Пятнадцать лет назад. Предложили халтуру, хорошие деньги — настрочил за две недели. Прощай, брат.

— Подождите, — остановил его Муса. — Самое главное забыли.

Он сунул руку в карман пиджака и достал две пачки дешевых китайских сигарет.

— Душевно благодарю, — с чувством произнес Годунов. — Папаша, ты береги Савелия. Я вижу, ты все можешь. Освобожусь — я тебя найду. Я — Гарри Годунов, я добро помню.

Глядя в немного перекошенную спину товарища, Савелий подумал, что верит ему во всем, кроме одного: он не верит, что товарищ быстро вернется.

— Хороший у тебя друг, — сказал Муса, когда они остались одни.

— Это вы мой «друг», — сухо ответил Герц. — А Гарри... Мы с ним...

— Не цепляйся к словам, — мягко возразил Муса. — Я никому не «друг». Я давно вышел из системы. Ты о Гарри теперь не думай. Тюрьма — не самое плохое место. Ты теперь о себе думай.

— Нечего думать, — мрачно произнес Герц. — Думай не думай — мне конец. Завтра меня проверят. Я, конечно, мякоть ложками не жрал, но... Всем моим людям из редакции тоже предложат пройти проверку. Скорее всего большинство откажется. Я тоже откажусь... Но это не главное.

— А что для тебя главное? — осведомился Муса.

Савелий набрал в грудь воздуха, чтоб ответить, но вошел мрачный сержант. Сделал знак.

— Пошли отсюда, — сказал Герцу старый преступник, и стало ясно, что он покидает стены участка с облегчением.

«Стюардессы» выдали очаровательные прощальные улыбки.

— Благодарим за посещение, — мелодичным голосом произнесла одна из них. — Если у вас есть претензии по существу беседы или к внешнему виду наших сотрудников либо предложения и пожелания...

— Перестань, дочка, — прервал ее Муса. — Все было прекрасно.

Они направились к машине.

— Я все-таки не понял, — тихо спросил Муса. — Почему ты решил, что тебе конец?

— Потому что не верю в их проверки, — угрюмо ответил Савелий. — В анализ крови и прочее. Какой, к черту, анализ крови, если они по выдоху могут определить, врет человек или нет?! Думаю, анализ крови — сказочка для дураков. С их техникой они любого травоеда вычислят за сто метров.

— Правильно думаешь, — одобрительно кивнул Муса. — Куда тебя отвезти?

— Куда? — Савелий задумался. — На работу.

«Друг» лихо рванул с места.

— Значит, для тебя главное — работа?

— Нет. Главное — семья. И ребенок.

— У тебя есть ребенок?

— Будет.

— Что-то ты как-то... без восторга.

Герц помолчал и спросил:

— Слышали про зеленых человечков?

Муса наклонил голову вбок и посмотрел на Савелия с интересом:

— Кое-что слышал. Значит, у вас...

— Да.

— Жена знает?

— Знает.

— И что вы решили?

— А что тут решать? Если он родится зеленым, тогда и будем решать. Но в любом случае — не отдадим. Пусть он будет зеленый, синий, фиолетовый — я не отдам своего ребенка.

— Э, — грустно вздохнул Муса. — Ты не понимаешь. Придут вооруженные люди — и отнимут. Окажешь сопротивление — посадят. И жену твою посадят. Выбьют твои модные красные зубы, дадут десять лет — и до свидания. Никто за тебя не заступится.

— А вы? — спросил Герц.

Муса сильно удивился:

— При чем тут я? Ты сам сказал, что тебе конец. Зачем я буду заступаться за человека, если он хватает себя за волосы и кричит, что ему конец?

— Я кричу, потому что не вижу выхода.

Старый злодей ничего не ответил.

— Здесь лучше повернуть, — сказал Савелий. — На проспект Константина Эрнста. Так ближе.

— Повернем, — ответил Муса. — Только сначала заедем в одно место. Посидим, поговорим спокойно. Я люблю, когда можно посидеть и поговорить спокойно...

— О чем? — Савелий напрягся.

— О жизни, — сурово ответил злодей. — Это будет на третьем этаже, но ты не волнуйся.

Они долго ехали, удаляясь от центра. Проскочили Шестое и Седьмое транспортные кольца. Свернули со скоростной эстакады, углубились в массивы, тесно застроенные дешевыми железобетонными башнями времен пёрвых лет стеблероста. Теперь, спустя годы, здесь было совсем мрачно. На одном из перекрестков колесами вверх лежал сожженный мусороуборочный комбайн. Возле кабин уличных соляриев маячили группы небрежно одетых людей с бледными лицами. Здесь глазам Савелия предстали результаты упорной борьбы правительства с травоядными гражданами: каждый местный стебель был обнесен пятиметровым забором из сверхпрочного углепластика. Как утверждали китайские изготовители, сей уникальный материал не поддавался насильственным воздействиям — ни разбить, ни разрезать, ни расплавить, — но сейчас Герц увидел, что в заборах пробиты, прорезаны и проплавлены дыры, достаточные для проникновения любого страждущего.

Подкатили к одной из башен — стены покрыты плесенью, окна первых пяти этажей заложены кирпичом

либо вовсе грубо замурованы. Пахнущий пищевыми отходами вестибюль имел вид магазина, под грязным стеклом убогих витрин — сплошь бутыли и фляги с питьевой водой. Увидев Мусу, лохматый продавец вышел из прострации («У парня типичный отходняк», — догадался Герц) и отвесил уважительный поклон.

— Лифт не работает, — предупредил Муса.

— Ничего страшного, — ответил Савелий, немного покривив душой.

Поднялись по заплеванной лестнице, углубились в сырые полутемные коридоры. Вдруг за исцарапанной дверью обнаружился чрезвычайно уютный ресторанчик, маленький, со вкусом обставленный, безлюдный. Был даже камин. В углу мерцала превосходная трехмерная инсталляция: красивый мускулистый азиат то печально улыбался, то принимал стойку из арсенала кун-фу. Судя по всему, здесь была малина, преступная база, место встреч и переговоров.

Чтобы скрыть напряжение, Савелий кивнул на мерцающего бойца:

— Джеки Чан, да?

— Нет, — строго ответил Муса. — Это не Джеки Чан. Это Талгат Нигматуллин. Слышал о нем?

— Какой-то герой из XX века.

— Ну, герой не герой — а погиб как мужчина.

— Ага, — сказал Савелий. — А как он погиб?

— Его забили насмерть.

Пахло жареным мясом. На стене висело объявление крупными буквами:

ДРУЗЬЯ ПЛАТЯТ.

Противоположную стену украшало еще одно предупреждение:

ВОДУ НЕ НАЛИВАЕМ.

Подошел официант. Не говоря ни слова, отодвинул стулья от одного из столиков. Зажег свечу. Здесь Муса вел себя иначе: уже не горбился и не возил при ходьбе подошвами по полу. Теперь это был осанистый, с тяжелым взглядом самец в благородных сединах — таким Герц увидел его впервые, два месяца назад, в кабинете Пушкова-Рыльцева.

— Это хорошее место, — деловито сообщил Муса, садясь вполоборота и величественно закидывая ногу на ногу. — За стенкой кухни стоит самый мощный глушитель в этом районе. Обычно мы отправляем людей прямо отсюда.

— Отправляете? — спросил Герц. — Куда? На тот свет?

Стул под ним заскрипел, как настоящий деревянный. Возможно, это и был настоящий деревянный стул.

— Не груби, — ответил Муса. — Зачем грубишь? Я тебе повода не давал.

— Случайно выскочило, — признался Савелий. — К слову пришлось. Голова... того. Совсем не соображает.

Муса улыбнулся:

— Так бывает, когда человек перескакивает с мякоти на алкоголь. Пытаешься говорить с ним о деле, а он только глазами хлопает.

— А мы уже говорим о деле?

— Я пытаюсь, — вежливо ответил Муса. — Но ты все время перебиваешь.

— Извините.

— Не извиняйся.

Савелий вздохнул.

— Кстати, — грустно произнес большеносый злодей, — водку ты пьешь зря.

— Почему?

— Потому что ты, Савелий, обеспеченный человек. И жрал, я так думаю, только хорошо очищенную мякоть. Восьмую, девятую возгонку. Угадал?

— Да.

— С восьмой возгонки, — мягко произнес Муса, — никто никогда не соскакивал. С водкой или без водки — это абсолютно невозможно. С сырой мякоти — да, соскакивают. С четвертой, пятой, шестой — соскакивают. С седьмой соскочить почти невозможно. С седьмой степени концентрации слезают только очень сильные люди. А с восьмой никто еще не слез. Не говоря уже про девятую.

Савелий помолчал, осознавая сказанное, и возразил:

— Мой товарищ, Гарри — тот, которого сегодня посадили, — он соскочил. На водке и мясе...

— Наверное, это было лет двадцать назад. Когда четвертый номер считался роскошью. А сейчас, когда в ходу одиннадцатый... — Муса с сожалением покачал головой. — Знаешь, что такое возгонка? Берут ведро сырого материала, выпаривают воду — получается сухая фракция. Потом кладут под пресс и под огромным давлением сжимают, превращая вот столько, — Муса раздвинул руки, — вот в такую таблеточку. — Он прижал ноготь большого пальца к кончику указательного. — Если ты, скажем, три-четыре года каждый день закидывался седьмым или восьмым номером — считай, в одиночку сожрал целый взрослый стебель.

Герц почувствовал, как его начинает бить озноб.

— И что со мной будет?

— Конкретно с тобой — не знаю. Знаю, что в твоей ситуации люди обычно превращаются в ныряльщиков. Их еще называют «бегуны». Ныряют с девяностого этажа на десятый. Становятся конченными. Трава, друг Савелий, — это растение. Оно не прыгает, не вонзает клыки — оно убивает человека медленно. Незаметно. Сначала люди начинают жрать траву каждый день. Каждое утро — новую капсулу, чтобы все время быть на «движняке». Это очень вредно, когда все время на «движняке».

Потому что потом, примерно через год, начинаются приступы гнева. Человеку нужно солнце, как можно больше солнца — если его заслонить, травоед приходит в ярость. Известны случаи насилия. Бывают и убийства. Ходит такой малый, занимается своими делами, вроде бы веселый, весь на чистой радости, а потом случайный прохожий встает между ним и прямыми лучами, он берет что-нибудь тяжелое — и с размаху по голове...

— Я не буду нырять, — мрачно заявил Герц. — Я не стану «бегуном». Это последнее дело.

— ...А что касается зеленых человечков, — продолжал Муса, словно не расслышав, — ты не все про них знаешь. Самый главный зеленый человечек сидит внутри тебя. Давно ты жрешь мякоть?

— Почти семь лет.

— И все время — концентрат?

— Да.

Муса помолчал.

— Это очень плохо. Даже не знаю, как тебе сказать...

— Говорите как есть.

— Хорошо. Я скажу. Но ты должен выслушать мои слова как подобает мужчине... — Муса сузил глаза. — Дело в том, что ты уже не человек.

— Вот как, — прохрипел Герц.

Его собеседник склонился над столом, заговорил тихо, твердо:

— Я говорю с тобой как с человеком только из уважения к тому, кто нас познакомил. К моему бывшему командиру, боевому товарищу. Тебе он известен как Михаил Евграфович. Я ничего не могу для тебя сделать, Савелий. Ты не человек, ты зеленый стебель, твоя судьба решена. Ты будешь долго и мучительно превращаться в растение. Не ты один — многие, очень многие. Все, кто закидывался мякотью. Бедняки — кто жрал сырец — продержатся несколько лет. Может быть, даже десять

лет. Или двадцать. Они будут ходить, разговаривать, рожать детей. А богатые, с верхних этажей, людоедская публика... Любители очищенного концентрата... В ближайшие годы они обратятся в стебли. Утратят человеческий облик. Буквально. Физиологически. Я не знаю, как это будет. Никто не знает. Это началось совсем недавно, и лично я видел только начало процесса... — Муса облизнул губы. — Жаль, что именно мне, старому грешнику, досталась такая доля — объявить тебе, что ты пропал. Но лучше это сделаю я, Муса Чечен, в этом тихом кабачке, чем премьер-министр по первому каналу. Правильно?

Савелий ничего не ответил и не пошевелился.

— Все, кто жрал концентрат, — голос седого мафиози доносился как со дна ущелья, — обречены. Они пустят корни, и их лица будут всегда обращены к солнцу. Спасутся только те, кто вообще не прикасался к траве. Их очень мало. Даже я, наверное, не спасусь, потому что слишком поздно узнал обо всем этом... А теперь — еще одно. Последнее и самое главное. Я, Савелий, тебя не знаю, и мне на тебя наплевать, ты — живой мертвец. Но Миша очень просил помочь тебе. «Помоги, — сказал он, — всем, кому сможешь, но за Савелия и его жену особенно прошу». Так он сказал. А я его очень уважал. И я сделаю, как он сказал. Я не Аллах, я не смогу тебя излечить. Но облегчить жизнь, дать еще один спокойный год или два года... Сейчас я подробно расскажу, как это сделаю. Потом ты скажешь «да». Или ты скажешь «нет». Мне все равно, что ты скажешь. У меня всегда очередь, от желающих нет отбоя... Но если ты скажешь «нет» — через час ты очнешься где-нибудь в центре города с ощущением, будто на пять минут потерял сознание. Ты вспомнишь все — свой журнал, свою редакцию, свою жену, своего арестованного товарища. Но меня, своего «друга» Мусу, никогда не вспомнишь. И этот разговор тоже не вспомнишь. А теперь — слушай меня внимательно.

10

В пять часов утра они подъехали к банку, и Герц снял со счета почти все свои деньги. Повинуясь инстинкту закоренелого буржуа, оставил несколько сотен, «на донышке». Тут же посмеялся над собой. Зачем оставил, для кого? Неловко распихал по карманам пачки купюр — переливающиеся, ультрасовременные, свободно конвертируемые, немнущиеся, негорючие, надежнейшие рашн рублз, украшенные портретами великих: от Владимира Мономаха до Аллы Пугачевой. Впрочем, отпечатанные в Китае.

Вернувшись в машину, стал выкладывать богатство перед Мусой. Тот вздрогнул и отстранился:

— Не здесь! И не сейчас.

— А когда?

Злодей, недавно снова оборотившийся мирным старичком, церемонно объяснил:

— Я беру оплату по факту. После доставки на место.

— Ясно.

— Спрячь деньги. И покажи мне свой телефон.

— У меня имплантат.

— Тогда отключись.

Герц послушно исполнил.

— Еще год назад, — сказал Муса, — перед отправкой мы обязательно удаляли все имплантаты. Держали свою клинику, хирурга... А сейчас другие времена. Приходится работать по ускоренной программе. Желающих слишком много.

— Наверное, — мрачно предположил Савелий, — скоро их будет еще больше. И вы озолотитесь.

Муса покачал головой:

— Наоборот. Если побегут все — мне придется закрыть бизнес. Начнется бардак, паника, истерики... Армия, двадцать пять полиций... Я не люблю работать в та-

ких условиях. Но ты меня не отвлекай. У твоей жены тоже имплантат?

— Нет. Беременным не рекомендуют использовать подкожные средства связи.

— Правильно не рекомендуют. Скажешь ей, чтоб она тоже выключилась. И оставила аппарат дома. Абсолютно все нужно оставить дома. И никому ничего не говорить. Никаких прощаний, записок — совсем ничего. Ты меня понял?

— Да.

— Домашние животные у тебя есть? Собака, кошка, попугай?

— Нет.

— Это хорошо. А то бывает, знаешь... Мы вывозим пассажира, а он с собой любимую собачку тащит. Потом она бегает вокруг стебля и воет, как по покойнику...

— Что можно взять с собой?

— Что хочешь. Но на двоих должно выйти не более десяти килограммов багажа. Вертолет маленький.

— А что обычно берут... другие?

— Фотографии. Что-нибудь на память о родственниках и близких людях. Одежда, пища, лекарства, деньги, документы — это не понадобится. Там вам все дадут. Включая предметы гигиены, или как там... Сейчас мы едем к тебе домой, по дороге подумай, что взять. Фотографии возьми обязательно. Говорят, они хорошо помогают...

— В каком смысле?

Муса сделался серьезен:

— Когда начинается расчеловечивание, портреты родственников помогают замедлить процесс.

Савелий глотнул горькую слюну. Он чувствовал себя разбитым. Иногда знобило, в другие моменты вдруг бросало в жар. Час назад старый негодяй предложил ему маленькие, отвратительного бурого цвета таблетки. Сказал, что

это экстракт сырой мякоти, облегчающий ломку. Но Герц гордо заявил, что больше не намерен жрать траву. Никогда.

— Как хочешь, — равнодушно ответил Муса. — Дальше будет хуже. Я бы на твоем месте послушал опытного друга...

Вместо таблеток Герц употребил стакан водки. Ему не хотелось верить в то, что он услышал от Мусы. Он знал, что обязан поверить, что у него есть только один выход — поверить безоговорочно, потому что все сходилось, каждая мелочь вставала на свое место, разрозненные факты образовывали стройную систему. Но за ним, Савелием Герцем, пока еще мыслящим человеком, сохранялось право не верить до конца. Надеяться на лучшее.

У растений не так. Они ни на что не надеются, они все про себя знают. Стебель не хочет себе лучшей доли, его все устраивает. Он растет, пока не вырастет.

Дальше действительно стало хуже: физическое недомогание уступило место нервному напряжению. Пять лет Герц находился в состоянии чистой радости, и по мере того как пятая возгонка — услада небогатых творческих работников — сменялась шестой, уважаемой среди богатых творческих работников, а потом седьмой, восьмой и девятой (статусные марки, любимые снобами и богатеями), радость становилась все чище, прозрачнее, волшебнее. Сейчас вокруг Савелия смыкался серый и безрадостный реальный мир.

Он ничего не сказал жене. Он все равно бы не смог ничего объяснить, она бы не поверила. Он ей просто солгал. Объявил, что отвезет к доктору, первоклассному специалисту, для консультации.

— Профессор очень занят, назначил на шесть утра — поспеши, дорогая.

Услышав про доктора, Варвара активно засобиралась, побежала в душ. Беременные женщины очень уважают докторов. Впрочем, все остальные женщины тоже. В ожи-

дании Савелий прошел по квартире, пытаясь привыкнуть к мысли о том, что больше сюда не вернется. На что бы ни смотрел, видел он это в последний раз. Пьяного, оглушенного, дрожащего, его потрясло обилие вещей и предметов, еще вчера казавшихся абсолютно необходимыми, а сегодня ставших бессмысленными сгустками материи.

Он всегда считал себя минималистом, не уважал сувениры — все эти вазочки, статуэтки, фигурки, портретики в рамочках, — а теперь ужаснулся своей черствости. Что взять с собой, если уезжаешь навсегда? Телевизор? Холодильник? Шкаф со шмотками? Фотографии он нашел в дальнем ящике стола. Отец, мать. Отобрал одну из школьных: Герц и Годунов, лопоухие, четырнадцатилетние, ухмыляются. Вихры торчат, глаза горят — два сапога пара, не разлей вода, пятерки по литературе, двойки по поведению. Нашел снимок юной Варвары: открытая шея, взгляд с элегантной безуминкой, влажные губы. Роковая брюнетка в бриллиантовых серьгах. Отругав себя, сгреб все фото, какие ухватила рука, попытался затолкать во внутренний карман пиджака — там теснились радужные пачки. Полез в другой карман — с тем же результатом. В конце концов задрал на животе рубаху, сунул за пояс.

Потом вез жену прочь из центра Москвы. Радовался, что Варвара спит, устроившись на заднем сиденье, и не задает вопросов насчет маршрута. Не видит сомнительных предместий, ветхих стен, пораженных грибком, гнилых луж на щербатых мостовых, бледного отребья в лохмотьях и пустых пластиковых бутылок, гонимых сквозняками вдоль черных переулков. «Ей не надо тревожиться, — думал он. — Хорошо бы взять на себя все тревоги мира, лишь бы ничего не досталось матери моего ребенка».

Прости меня, Господи, и оставь меня. Ничего у Тебя не прошу, потому что знаю: не так уж много Ты имеешь. Пусть другие просят, я не буду. А если приготовлено что-

нибудь специально для меня — немного счастья, или здоровья, или солнца, или воздуха, — отдай матери моего ребенка.

Машину бросил возле входа в дом. На тридцать пятом они пересели из смрадного лифта для малоимущих в сухой и просторный лифт верхних уровней. Он шел в три раза быстрее и за несколько минут доставил их на крышу башни.

Варвара помалкивала, зевала в ладошку.

Здесь гулял ледяной ветер. Скоро зима, подумал Савелий. Это хорошо или плохо? Растения не любят зиму. Или, может быть, наоборот? Только и ждут холодов, чтобы уснуть?

Вертолет действительно был совсем маленький, почти игрушечный, вдобавок ярко раскрашенный. Герц почему-то ожидал увидеть нечто суровое, черное — полуночный экспресс, ранавэй трейн, — а на посадочной площадке шумела крыльями изящная стрекоза и дверь придерживал красивый пилот в желтом комбинезоне с эмблемами какой-то смутно знакомой Савелию коммерческой структуры.

Зато веселенький вертолетик очень понравился Варваре.

Муса влез последним. Деловито пристегнулся. Жестом предложил пассажирам сделать то же самое. Варвара долго поправляла ремни — берегла живот.

Спустя полминуты после старта Савелий посмотрел вниз, и у него перехватило дыхание.

Город не был виден. Города не существовало. Вертолет летел над ярко-зеленым лугом. Торчащие из травы верхушки башен смотрелись чужеродно. Словно кто-то огромный вышел в дикое поле и забил колышки, размечая площадку для будущих построек, а потом вдруг передумал строить и оставил все как есть. Изумрудный ковер

уходил за горизонт. Савелий посмотрел вправо, влево и задрожал от ужаса. Сознание отказывалось верить, что в мире не существует ничего, кроме голубого неба и зеленой травы. Голубое и зеленое, никаких других красок. Только небо и растения — ничего человеческого.

— Не смотри, — озабоченно посоветовал Муса. — Плохо станет.

— Мне уже плохо, — выдавил Савелий.

— Некоторых тошнит, — сказал Муса. — И почти все плачут.

Часть третья

1

Очень хочется пить.

Ничего другого не хочется. Только пить воду.

Сколько бы ни дали — Савелий пьет сразу все. Но дают мало, шесть кружек в день. Кружка — двести тридцать граммов.

Чай или кофе дают без ограничения — однако травоеды не употребляют ни чая, ни кофе. Им требуется только чистая вода.

Можно выйти за территорию колонии — в пятистах метрах к востоку есть овраг, по краю его растут кривые ветлы и ивы, ниже по склону, густо — репейник, а еще ниже течет мелкий ручей. Но пить из ручья здесь считается чем-то очень неприличным. Все, кто ходит пить из ручья, тщательно это скрывают.

Впрочем, вода не запрещена. В колонии вообще нет запретов, все добровольное, даже само пребывание. Не хочешь, надоело, устал — иди в Москву. До нее четыреста пятьдесят километров, как-нибудь дойдешь. Если волки не съедят.

А воды много. Раз в два дня кто-нибудь из волонтеров — например, Гоша Деготь — заводит старый грузовичок с бензиновым мотором, грузит в кузов пластиковые фляги и едет на север, в деревню. Там есть колодец. Грузовичок громко рычит и отвратительно пахнет. Когда Гоша побуждает его к жизни, травоеды отходят подаль-

ше. Они не переносят индустриальных запахов. Но по обычаю волонтерам надо помогать. Савелий зажимает нос и идет трудиться, обычно взяв с собой напарника по прозвищу Полудохлый.

У Полудохлого вторая стадия расчеловечивания. Полудохлый почти не разговаривает, он худ и высок. Два метра восемьдесят сантиметров. У него отсутствует слюноотделение, зато он сильно потеет. Как все растения, он испаряет девяносто девять процентов выпитой влаги.

Его кожа имеет оливковый цвет. Пальцы на ногах очень длинные. Доктор говорит, что так формируется корневая система.

Савелию пока везет, у него до сих пор первая стадия — внешне он выглядит как обычный человек, только на плечах и животе недавно проступили светло-зеленые, неправильной формы, пятна — сначала совсем бледные, теперь они все ярче, и их площадь понемногу увеличивается. Это хлорофилл образуется в клетках эпидермиса.

Работник из Полудохлого скверный, но в колонии работают все. Даже те, кто с трудом передвигается. Наводят чистоту, подкрашивают, дежурят на кухне. Каждый четверг Савелий вместе с Полудохлым помогает Гоше Дегтю поместить фляги в кузов грузовичка. Потом Гоша поддергивает свои грязные, в пятнах масла, штаны и садится за руль. На соседнее сиденье помещает автомат. Савелий и его длинный приятель влезают в кузов и там едут, держась руками за стальные борта, по кривой дороге в деревню.

Дороги, собственно, нет. Дорога была пятьдесят лет назад, сейчас от нее остались только заплывшие грязью кюветы. Само асфальтовое полотно покрыто слоем песка и глины толщиной в полметра. Повсюду репейник в человеческий рост и осока. Но за многие месяцы колеса грузовичка пробили в зарослях надежную колею.

За пользование колодцем местные берут с колонистов плату. Соль, патроны, топоры, ножи. Шоколад. У местных

свой хороший мед, но они любят городские сладости. Подношения берут, однако колонистов презирают. А колонисты ответно презирают местных. Правда, есть исключения. Гоша, например, знаком с большинством дикарей и разбирается в их обычаях. А Муса, наоборот, вообще не считает их за разумных существ. Говорит, люди не могут жить так грязно и бестолково, в землянках с дырявыми крышами. Местные ненавидят Мусу и очень боятся его вертолета — в их наречии нет даже слова для обозначения такой машины, как вертолет. Может быть, они ненавидят Мусу вовсе не за то, что его вертолет громко шумит и непонятно как летает, а именно за то, что в их словаре нет такого слова.

Иногда Гоша говорит, что местные хотят убить Мусу. Но у местных на всех — три ржавых винтовки, а Муса никогда не расстается с автоматом.

Местные бородаты, кривоноги и подозрительны. Говорить с ними трудно. Впрочем, почти все волонтеры кое-как владеют местным наречием. Иногда Савелию кажется, что и сами местные с трудом владеют собственным наречием.

С солнцем тут порядок. Солнце — бесплатно, сколько хочешь, всем желающим. Особенно сейчас, в середине мая. На рассвете колония уже не спит, травоеды, все как один, выходят из своих домиков и стоят лицом к востоку. Встречают. Это самые волшебные минуты каждого дня. На траве роса, птицы поют. Прохладный ветер. Потом появляются волонтеры и врачи — тормошат пятнистых пациентов, приводят в сознание. Если кто-нибудь особенно сильно завис — могут и укол сделать. Ведут всю толпу принимать лекарства. Травоеды сонные, вялые, у многих глаза едва смотрят. Но идут послушно. Тут никто не конфликтует, потому что не хочется. Хочется только пить, пребывать под прямыми лучами и расти. Все остальное несущественно.

Лекарства все время разные. Врачи и фармацевты пробуют, экспериментируют. Чаще всего дают маленькие бу-

рые таблетки с отвратительным вкусом: экстракт говяжьей крови. Далее — самый драматический момент дня: всем болезным измеряют рост. Если травоед начинает прибавлять в росте — диагностируют вторую стадию. Но на самом деле это ничего не значит. Никто не знает, как лечить первую стадию, как лечить вторую, никто не знает ничего. Никто не знает, почему сырая мякоть не приносит здоровью никакого ущерба, и мякоть третьей возгонки не вредит, и мякоть пятой не вредит — а седьмая степень концентрации превращает людей в зеленых полуидиотов.

После обмеров — рост, длина пальцев рук и ног — объявляют утренний полив. Каждому выдают сразу два стакана воды с минеральными солями. Травоеды счастливы в такой момент. Они не пьют, не хлебают, не глотают — втягивают, как любые другие растения, с той же нечеловеческой силой: около пятнадцати атмосфер (давление в струе пожарного гидранта в четыре раза меньше). Резкий хлюпающий звук, одновременно горловой и утробный, очень громкий и, прямо сказать, малоприличный — и воды нет. Потом травоед стоит, закрыв глаза, подняв брови, медленно вращая головой и делая руками плавные движения. Пока влага не разойдется по телу. Пока каждая клетка не получит свою долю.

Вода, солнце, почва — больше ничего не надо.

Биохимики каждый день говорят, что вот-вот синтезируют совершенно новое лекарство, оно будет полностью блокировать процесс расчеловечивания. Но Савелий и еще несколько критически настроенных травоедов убеждены, что врачи специально рассказывают сказки, чтоб укрепить в пациентах дух.

После полудня в домик Савелия приходит Гоша Деготь. Иногда сидит допоздна. Такова работа волонтера: находиться рядом с подопечным и не давать ему забыть, что он человек. Иногда Гоша заставляет Савелия слушать музыку или смотреть кино. У Гоши есть маленький, раз-

мером с горошину, накопитель — флэш-карта. Там записано все, что когда-либо создано человечеством, — вся музыка, все фильмы, репродукции всех картин. Книги, стихи, философские труды. Гоша носит в кармане всю мировую культуру, она ничего не весит. Гоша включает фильм, а Савелий делает вид, что слушает и смотрит. Кино ему неинтересно. Человеческие страсти — слезы, крики, заламывание рук, беготня — кажутся Савелию бессмысленной суетой. Вчера смотрели «Лолиту» — Савелий ничего не понял. Герой уже вырос, а героиня еще только растет, но герой почему-то этого не понимает (хотя что может быть понятнее?) и обходится с героиней так, словно она уже выросла. Потом герой кого-то убил, и фильм закончился. Савелий едва дождался.

Позавчера было интереснее. Гоша принес новый, только неделю как доставленный из Москвы документальный фильм. Трехчасовая лента, снятая в модной манере сверхновой искренности, называлась «Назад, через Амур» и живописала подробности ликвидации Восточно-Сибирской Свободной Экономической Зоны. Утверждалось, что в последние годы за Уралом проживало не менее полумиллиарда китайцев. И почти миллион — в Москве. За четыре десятилетия этот миллион незаметно просочился в гиперполис — и в нужный момент бесшумно исчез, не потревожив миграционную службу. Савелия не так удивили полмиллиарда китайцев в Сибири, как миллион китайцев в Москве. Бывший редактор журнала «Самый-Самый» всегда полагал, что в столице проживает от силы десять — пятнадцать тысяч уроженцев Поднебесной. Но миллион?

Чтобы выйти замуж за сибирского китайца, утверждали создатели фильма, вовсе не обязательно было покупать книгу «Как выйти замуж за сибирского китайца». Умные женщины без лишних мудрствований прилетали в Сибирь и там находили подходящего жениха. Правда,

далеко не все сибирские китайцы имели личные вертолеты и миллионы. Большинство жило очень скромно и от потенциальных жен требовало того же.

Авторы фильма собрали огромный фактический материал, взяли сотни интервью. По их мнению, исход из Сибири был вызван скорее естественными причинами. Китайцы теплолюбивы, они на протяжении столетий охотно осуществляли экспансию на юг — в Индию, Австралию, на Филиппины — и никогда не рвались в тайгу и тундру. Осевшие в Сибири семейства много работали, богатели, плодились, но своих детей отправляли жить в места с более благоприятным климатом. В самой Поднебесной сибирский проект никогда не был особенно популярен; даже самые отчаянные и бедные, даже отпетые мао сянь цзя — авантюристы — не хотели переезжать в русскую тайгу навсегда. Только на время, на пять-семь лет, чтобы сколотить капитал. Но главная — и сенсационная — мысль фильма заключалась в том, что проект освоения Сибири — «Чжэнь Син Бэй Фан» («Поход на север») — считался проверкой сил перед осуществлением колоссального, рассчитанного на сто пятьдесят лет проекта «Дэн Юэ Синь Дон» («Поход на Луну»). Именно ради глобального космического переселения в Якутии возводились города, накрытые прозрачными куполами, десятки тысяч квадратных километров теплиц, миллионы километров дорог, фабрики и заводы, где изготавливалось все, начиная от музыкальных инструментов и заканчивая ракетным топливом. Сибирская эпопея была генеральной репетицией броска на естественный спутник Земли. Обкатывались технологии выживания, готовились специалисты, просчитывались бюджеты. В конце концов, на Луне в тени минус двести градусов, а в Оймяконе зимой — минус семьдесят. В общем, сопоставимо.

Фильм хорошо держал политкорректное равновесие. Китайцы не выглядели расчетливыми муравьями, а рус-

ские — жестокими бездельниками. По мысли документалистов, и те и другие стали полноправными участниками беспрецедентного исторического эксперимента. Каждая сторона преследовала свои цели, в итоге все получили то, к чему стремились: одни накопили опыт, приобрели уникальные знания, закалились и выиграли время, другим достались деньги, чтобы тратить, и еда, чтобы жрать.

«Где мы живем, такие мы и есть», — утверждал один из героев ленты, бывший сибирский партизан, перековавшийся в совладельца китайской мастерской по производству сувенирных русских лаптей и матрешек.

Голос за кадром интеллигентно комментировал: «Беда русского человека в том, что он все время мучительно пытается быть достойным своей страны. Как бы ни был велик каждый из нас в отдельности — он абсолютно ничтожен в сравнении с территорией. Несопоставимость масштаба части и целого — наша национальная драма. Сибирский эксперимент был возможен только в России, ибо каждый русский в душе неисправимый мегаломан и любит только то, что необъятно...»

В этом месте Гоша Деготь выключил телевизор и долго выкрикивал разнообразные бранные слова.

— Демагоги! — ругался он. — Философствующие деграданты! Просрали отечество, пустили по рукам великую державу, сдали родину внаем, скоро у нас ничего не останется, кроме собственного эякулята...

Савелий не ответил. Ему хотелось не сидеть в полутемном домике, а выйти на улицу, под прямые лучи.

Вечера он проводит в одиночестве. После захода солнца расчеловеченные травоеды пребывают в глубокой меланхолии. По вечерам Гоша тоже приходит, но редко. А если приходит, то пьяный. Он достает у дикарей медовуху и напивается. В колонии практически все волонтеры напиваются по вечерам — им тяжело смотреть, как

люди становятся растениями. А Гоше Дегтю вдвойне тяжело, ведь Савелий — его друг.

Савелию жаль Гошу. Доктор говорит, что это очень хорошо — если кого-то жаль.

Гошу особенно жаль, если он приходит с дежурства в изоляторе. Тогда он обязательно напивается. Сам Савелий, конечно, ни разу не был в изоляторе, а Гоша ничего не рассказывает. В изолятор пускают только врачей, но Гоша Деготь — старожил, один из основателей поселка, старшина волонтеров, он работает не за деньги, а из идейных соображений, — ему доверяют, и он ходит в изолятор помогать врачам. В изоляторе сидят травоеды с третьей стадией расчеловечивания. Говорят, один из них — Иван Европов. Но наверняка никто не знает. Да это и не важно. В колонии все равны. В прошлой жизни, в Москве, каждый пациент был влиятелен, знаменит, как минимум — богат. Мякоть высокой степени очистки употребляли только очень обеспеченные люди. Теперь все они — наполовину стебли зеленые.

Однако унылых лиц здесь не встретишь. Нравы самые простые. Травоеды безмятежны, у кого вторая стадия — те и вовсе живут в своем мире. Что касается волонтеров, почти все они завербовались в колонию не ради денег, они беглецы от московских проблем, от неприятностей с законом или ищут приключений. Некоторые явно знакомы с пенитенциарной системой. По вечерам можно услышать нестройное пение:

Сверху кедра, снизу недра,
В середине — лагерек.
Я сегодня очень нервный,
Я мотаю третий срок.

Атмосфера поселка пропитана здоровым духом авантюры, и если бы отсюда вдруг исчезли те, ради кого все

затевалось — молчаливые и малоподвижные мужчины и женщины с зелеными пятнами на коже, — то прочая публика вряд ли захотела бы возвращаться в гиперполис. Тут определенно лучше. Тут тихо и свежий воздух, среди персонала есть общительные сговорчивые женщины, а также мужчины, уважающие как футбол, так и, допустим, покер. Тут не скучно.

Конечно, вновь прибывшие бывают шокированы, когда впервые видят, например, Полудохлого или его собратьев — трехметровых существ с глянцевой зеленой кожей, — но быстро привыкают. К тому же у Полудохлого бывают периоды просветления, и тогда он уверяет всех, что намерен выздороветь и остаться человеком во что бы то ни стало.

Варвара живет в соседнем домике. Савелий видится с женой каждый день. Но ему трудно с Варварой. Она до сих пор — человек. Женщины расчеловечиваются гораздо медленнее, чем мужчины. Варвара отлично держится и полна решимости родить здорового ребенка. Она ругает Савелия, обвиняет в слабоволии и даже иногда бьет. Она заставляет его следить за собой, чисто одеваться и бриться, сама стрижет ему волосы. Савелий не любит бриться, ему нелегко смотреть на себя в зеркало. Красный лак с зубов наполовину сошел, почему-то именно это особенно печалит Савелия. Ну и главное — пятна на коже. Цвет — словно у молодых березовых листочков, нежно-изумрудный.

Домики имеют тонкие стены и стоят близко. Иногда Савелий слышит, как его жена плачет. Но бывает и так, что она вполголоса напевает что-то веселое.

В колонии Варвару все очень любят и уважают, ставят в пример. Вот, смотрите: Варвара хочет оставаться человеком — и остается. Но другим травоедам неинтересно знать, чего хочет Варвара. Им интересно только пить воду и пребывать под солнцем. Если волонтер по какой-то

причине хоть на пять минут оставляет своего подопечного без присмотра, травоед немедленно выходит из домика и замирает, обратив лицо к небу. Вертикально, неподвижно, закрыв глаза. Если посмотреть в окно, всегда можно увидеть, что кто-нибудь сбежал из-под опеки волонтера и завис.

Если зависаешь — становится хорошо. Радостно. Думать лениво. Мысли путаются, их мало. Но мир понятен. Есть солнце — хорошо. Есть вода — тоже хорошо. Нет воды — нехорошо. Нет воды и солнца — очень нехорошо. Все можно объяснить трех- и четырехсложными словами. Полудохлый — тот вообще думает о мире на уровне «да», «нет», «хорошо» и «нехорошо». Он не может произнести даже свое прозвище. В Москве он был топ-менеджером, продавал элитную байкальскую воду, разливаемую китайцами на китайском оборудовании в китайские бутылки и доставляемую китайскими вагонами для нужд российских граждан, по принципу, провозглашенному теорией абсолютного процветания: вода — наша, желудки — тоже наши, остальное не имеет значения. Теперь Полудохлый ждет наступления третьей стадии, чтобы процвести окончательно. О Москве он не скучает. Савелий — тоже.

О Москве думать особенно лениво. Пусть она сама о себе думает. Последние триста лет она только этим и занимается.

Мысли тяжелы, мозг с трудом производит их. Иногда из памяти выскакивают какие-то обрывки, детские стихотворения.

Идет бычок, качается.
Мама мыла раму.

Фрагменты наук, когда-то вставленные в голову маленького Савелия педагогами. Осколки культуры — с их помощью из Савелия выращивали человека. Дикого маль-

чика окультуривали стихами, сказками, песенками. Сейчас в голове шевелятся остатки: фразы, строфы, рифмы.

Вот моя деревня, вот мой дом родной.
Всем известно, что земля начинается с Кремля.
У Лукоморья дуб зеленый.
Однажды в студеную зимнюю пору сижу
за решеткой в темнице сырой
гляжу поднимается медленно в гору
вскормленный в неволе орел молодой.

Мозг испаряет культуру и медленно высыхает. Мозг не нужен — расчеловеченному травоеду достаточно вегетативной нервной системы, простой овощной логики. Конечно, в будущем Савелий хотел бы видеть себя не овощем, а неким экзотическим деревом, рожающим сладкие плоды с шелковистой кожурой. Или цветком, испускающим дурманные ароматы. Но Россия все-таки овощная страна, и Савелий, напрягая разум, понимает, что через год-полтора станет чем-то вроде картофеля.

Иногда в ногах возникает приятное покалывание. Обувь отвратительна, расчеловеченный травоед ходит по земле только босиком. Нет, не ходит, ходить не хочется. Хочется стоять, и чтобы ступни касались живого грунта. Тогда по пальцам ног пробегают искры, и сладко тянет, и щекочет, и чешется, и ноги хотят вглубь, в почву. А у Полудохлого пальцы ног длиннее пальцев рук и широко расставлены. Для таких, как он, травоедов второй стадии, у которых ноги уже не помещаются в ботинки, волонтеры изготавливают специальные лапти. Полудохлому запрещено ходить без лаптей. Однажды не доглядели, он полчаса простоял, ухватившись за землю, и почти врос, а когда попытались согнать его с места, он ударил волонтера, мычал и плакал.

Но бывает иначе. Наступают периоды просветления, иногда они длятся часами. Савелий возвращается в человеческое состояние, много думает и разговаривает. Доктор говорит, просветление — это очень хорошо.

— Если тебе хочется думать, — говорит доктор, — думай, это полезно. Думай изо всех сил. О чем угодно. Вспоминай, фантазируй, спорь сам с собой.

Савелию не хочется разочаровывать доктора, и он лжет: говорит, что думает часто. На самом деле периоды просветления бывают не каждый день.

Он думает главным образом о Варваре. Ей вот-вот рожать.

Гоша утверждает, что насчет Варвары нечего беспокоиться. Все родили, и она родит. В колонии есть лучшие лекарства, первоклассная китайская техника. Врачи всегда подбадривают пациентов и очень радуются, даже если рождается зеленый ребенок. А уж если рождается нормальный, розовый — тогда в колонии праздник. Правда, это бывает редко. За полгода родилось всего несколько нормальных детей.

Гоша часто говорит, что у Савелия будет нормальный ребенок. А Савелий молчит. Во-первых, ему страшно, а во-вторых, на все воля Божья.

Полгода назад, сразу после прибытия, Варвару обследовали. Гипнолог ввел ее в транс, и она все рассказала. Сколько мякоти съела, какую возгонку — вспомнила каждый день, каждый случай употребления. Врачи сказали, что случай не фатальный и вероятность рождения зеленого младенца невелика. Но они всем так говорят.

Здесь хорошие врачи, и вся колония устроена грамотно и рационально: у каждого члена коммуны — травоеда, волонтера, врача, лаборанта — свой маленький пластиковый домик, отдельно — столовая, лабораторный корпус, склады, вертолетная площадка. С трех сторон густой лес, сосны и березы, с четвертой стороны — овраг и ог-

ромное поле, дикая малина, клевер, лопухи размером с одеяло. Дальше пологий холм, а за холмом — тысячи километров дикого пространства — позабытый людьми край, брошенные села и города, насквозь проржавевшие железные дороги, обвалившиеся здания, скелеты механизмов, бурьян, пыль, лебеда, лоси, медведи, редкие племена дикарей, промышляющих охотой, земледелием и раскапыванием руин. Здесь не прошла война, не взрывались бомбы, здесь все было здоровым и пригодным к сытой жизни. Но жить было некому — владельцы этой земли не знали, что с нею делать.

Иногда в периоды просветления Савелий даже начинает прогуливаться: в домике, из угла в угол, или по тропинке между домиками, или вообще уходит за территорию колонии, в лес, и бродит там, удивляясь и прислушиваясь к себе. Если много и усиленно думать, ноги сами собой куда-то несут тебя. Размышление — это ходьба.

Правда, в лесу небезопасно: местные не любят, когда колонисты бродят и распугивают дичь. Местные, впрочем, не агрессивны — максимум могут напугать, бесшумно появившись в поле зрения. Все равно приятного мало. Местные умеют стремительно скользить меж стволами, перепрыгивая черный кривой валежник. Лес — их дом, а кто потерпит в своем доме чужаков?

Савелий не боится местных, он любит гулять по лесу и удивляться тому, насколько велико удовольствие от процесса размышления. Пока был человеком, этого не замечал. А сейчас, когда человеческого с каждым днем все меньше, каждое временное возвращение воспринимается как праздник.

«Почему раньше я это не ценил, — сокрушается Савелий. — Почему забыл, насколько интересно оставаться человеком. Растение хочет только воды и солнца, а человек желает все на свете. Более того, ему мало желать всего на свете, и он непрерывно придумывает что-нибудь

новое. То, чего раньше не существовало. А потом желает это придуманное. С точки зрения растения — полный абсурд. Человек изобрел алкоголь, потом спился и умер. Человек изобрел самолет, взлетел и разбился. В конечном итоге человечество страдает от того, что само изобрело. Но продолжает изобретать и страдать. Почему?»

Савелий Герц, бывший шеф-редактор модного журнала, а ныне хронический травоед с первой стадией расчеловечивания, знает простой ответ: потому что думать — это наслаждение.

Обычно он думает о Варваре. О том, как ему повезло с женой. Если мужчина гордится своей женщиной — это счастье. Женщине можно многое простить, когда она дает повод для гордости. Если бы не жена, Савелий утратил бы многие человеческие качества.

Вчера вечером Варвара пришла, села на кровать, долго молчала, а потом сказала:

— Странно.

— Что странно? — спросил Савелий.

— Неужели, — спросила жена, — это все было с нами? Городская жизнь. Квартира со стеклянными стенами. Интересная веселая работа. Рестораны. Клубы. Нарядные люди. Умные машины, которые сдувают с тебя пылинки. Казалось, все такое прочное, надежное... Вечное...

— Это было не с нами, — отозвался Савелий. — Нас там вообще не было. И быть не могло. Мы все время были здесь.

Варвара подумала и ответила:

— Да. Разумеется. Ты прав. Мы все время были здесь. Умывались из рукомойника, ходили босиком... Нам повезло, правда?

— Конечно, — уверенно ответил Савелий. — Мы с тобой очень везучие.

Варвара обрадованно всплеснула руками:

— А прошлая жизнь нам только приснилась. На самом деле ее нет. Нет никаких городов, никаких домов в сто этажей.

— Естественно, — кивнул Савелий. — Откуда им взяться? Что за глупость — дома в сто этажей? Непонятно, зачем ты вообще об этом заговорила. Покажи мне хоть одно доказательство, что где-то на земле есть дома в сто этажей. Хоть какой-нибудь намек.

— Да, — засмеялась Варвара. — Я должна была понять гораздо раньше. Все сходится. Мы все время были здесь.

— Прошлого нет, — заявил Савелий. — Прошлое — это сон. Вдобавок плохой сон. Дурной. Зачем человеку стеклянные стены? Для какой надобности? Самая лучшая стена — это ее отсутствие. Самый лучший город — это лес. Нет на свете никаких городов. А если и есть — нам с тобой они не нужны. Когда нам понадобится город — мы его сами придумаем. И это будет не какой-нибудь глупый каменный город, где все суетятся, толкают друг друга локтями и подсматривают, у кого какие штаны или машины.

— Да, — улыбнулась Варвара. — Это будет особенный город. Наш с тобой.

— Не только наш. — Савелий положил ладонь на живот жены. — Его тоже.

Потом Варвара ушла. А Савелий стал думать о себе. Если бы он не был успешным журналистом, если бы не зарабатывал так много, то не покупал бы себе седьмую возгонку, а покупал бы скромную, пятую, и остался бы человеком, и не имел бы сейчас на теле зеленых пятен.

Потом думал о Москве. Новости из Москвы привозит Муса, и это плохие новости. Китайцы перестали содержать русских. Депозиты заморожены, работа банков приостановлена. В Москве перебои с продовольствием, введена карточная система. В Москве теперь все работают, но толку мало — большинство забыло, как это делается. Открыты бесплатные государственные курсы двор-

ников, сапожников, медсестер. Проект «Соседи» находится в стадии ликвидации: с одной стороны, люди очень любят смотреть, как работают другие, с другой стороны, кто не работает, тот не ест. Так потребности духа в очередной раз были побеждены потребностями тела.

Прилетая из города, Муса обязательно привозит журнал «Самый-Самый», два экземпляра. Один — Савелию, другой — Гоше. Журнал стал тоненький и очень злой. Печатается на плохой серой бумаге. Валентина, Филиппок и Гарри Годунов делают его втроем.

Годунову дали семь лет за хранение мякоти стебля, но через четыре месяца освободили по специальному указу премьер-министра. Освободили всех, кто способен к труду. В народе указ прозвали «мозольная амнистия».

Муса утверждает, что Годунов давно догадался о существовании тайных колоний для травоядных, но благоразумно помалкивает.

Савелий много раз просил Мусу передать Годунову письмо. Но Муса непреклонен: всякие контакты с городом строго запрещены. Хотя письмо совсем короткое — Савелий лишь хотел сообщить школьному товарищу о своей догадке. Бывший шеф-редактор давно понял, зачем писатель Годунов сочинил Священную Тетрадь.

Вовсе не ради денег. А чтобы сказать людям: любое процветание возможно только на чьих-то костях.

После нескольких погромов, устроенных разъяренными гражданами на сотых этажах, китайские бизнесмены покинули столицу России практически в полном составе. Несколько десятков их русских невест и содержанок покончили с собой. Но кое-кто последовал за своими мужьями на их историческую родину.

Вопреки опасениям Мусы после ухода китайцев массовое бегство горожан на периферию не состоялось. Женщины метут улицы, мужчины монтируют на крышах башен оранжереи и солнечные батареи. Высокотех-

нологичное наногосударство трещит по швам, в кабинах уличных соляриев выращивают редиску. Обстановка нервная. Все лаборатории по очистке мякоти разгромлены, граждане пьют водку. Конченые травоеды не перевелись, однако теперь жрут только сырую субстанцию. Из-за нехватки еды незаконный повал происходит в массовом масштабе. Каждую ночь в городе валят по две-три тысячи стеблей, и с этим правительство бороться не может, поскольку денег нет и все двадцать пять коммерческих милиций и полиций обанкротились, а государственные органы не справляются. По окраинам гиперполиса стебли не успевают вырастать, и кое-где, по слухам, возобновление биомассы замедлилось: для того чтобы достигнуть взрослого возраста, молодому побегу требуется теперь не пятьдесят часов, а несколько недель. Часто новому стеблю дают вытянуться на десять — пятнадцать метров, потом рубят — очень кушать хочется. В коридорах власти цитируют фразу премьер-министра, высказанную в частной беседе: «Пусть жрут; авось всю сожрут».

В одну из ночей было повалено даже старейшее растение на бульваре Максима Галкина, бывшем Страстном. Репортаж о событии показывало CNN.

За употребление мякоти теперь не сажают в тюрьму — сразу высылают в Восточную Сибирь, на поселение. Китайцы ушли за Амур, но под нажимом Москвы — испугавшись ее танков, ее разделяющихся боеголовок, ее самолетов, умеющих летать боком и задом наперед, — оставили всю инфраструктуру: дороги, дома, электростанции. Правда, леса сведены под корень, почва истощена, реки загрязнены, животный мир уничтожен. Но власти полны решимости исправить ситуацию — последнее программное обращение премьер-министра к народу завершилось словами: «Мы что-нибудь придумаем».

Цены на жилье резко упали, в Москве небывалый наплыв иностранцев, особенно из беднейших европейских

стран — Англии, Франции, Швейцарии. Приезжают целыми семьями, со стариками и детьми, селятся на двадцатых этажах. Активно расхищают и жрут мякоть. Пытаются контрабандно вывозить. При том, что коренное население, по всегдашней русской снисходительной любви к басурманам, демонстрирует удивительную сердобольность и помогает советами.

Впрочем, за незаконный экспорт теперь тоже высылают в Восточную Сибирь.

Есть и победы: например, эпидемия расчеловечивания считается локализованной. Всего в секретные периферийные колонии вывезено около тридцати тысяч человек — сорокамиллионный гиперполис легко пережил такую потерю. Несколько сотен зеленых младенцев подрастают под наблюдением ученых. Денег, правда, не хватает, и Муса говорит, что отдаленные поселения ликвидируют, остальные — укрупнят. Ходят слухи, что скоро колония будет расширена, у местных выкупят большой кусок земли, и поселок превратится в городок.

Но Савелию все равно.

Когда период просветления заканчивается, он опять мечтает только о воде и прямых солнечных лучах.

2

— Тут нужна осторожность, — покачал головой Гоша Деготь.

— Перестань, — усмехнулся Муса. — Они дикари. Чего с ними церемониться?

Вездеход тряхнуло, и доктор Смирнов поправил зажатый меж колен автомат.

— Именно с дикарями, — заметил он, — и надо церемониться.

— Я о том же, — сказал Гоша, круто перекладывая руль. — В общем, слушайте. В деревне живут два племени. Раньше это было одно племя, но недавно старший сын вождя решил отделиться. Сейчас у них как раз идет процесс раздела имущества и территории. Вождь — старый, богатый и опытный. Сынок — сильный, молодой и дерзкий. Ножи, винтовку и повидло мы отдадим старому. А девчонку отдадим молодому. В результате оба нас зауважают.

Муса пренебрежительно поморщился:

— Они никогда не будут нас уважать. Уважать можно только того, кто равен тебе. А мы для них — полубоги. Нас они могут только бояться. Или — не бояться. Надо отдать молодому все: и подарки, и девчонку. Старый испугается, что мы о нем забыли, — Муса щелкнул пальцами, — и сам прибежит.

— Согласен, — кивнул Глыбов. — В бизнесе то же самое.

— Все равно, — сухо произнес доктор Смирнов. — Девушка меня смущает. Все-таки живой человек. Это смахивает на работорговлю.

— Не смахивает, — небрежно возразил Муса. — Во-первых, девчонка — травоядная во втором поколении. Полная дура. Как это... деградировала, вот. Во-вторых, она осуждена на семь лет поселения. За пожирание мякоти стебля. Сейчас она должна сидеть в Восточной Сибири. В-третьих, доктор, я вас не понимаю. Вы сами говорили, что дикари вырождаются, им нужна свежая кровь. При чем тут работорговля? В Москве эта малолетка валялась на диване и ковыряла в носу. А здесь она родит детей и будет счастлива. Она еще больший дикарь, чем местные дикари. Она не умеет ни читать, ни писать. Поверьте, доктор, именно тут она станет человеком. Хотя бы морковку сажать научится.

Доктор с сомнением покачал головой:

— Если это всплывет...

— Доктор, — укоризненно произнес Глыбов, — ну что вы, в самом деле. Вам-то чего бояться?

— Действительно, — поддакнул Муса.

По пуленепробиваемым окнам хлестали ветки сосен. Глыбов достал из нагрудного кармана плоскую флягу и отхлебнул. Вытер бороду, посмотрел на Савелия:

— В Москве теперь все пьют.

— Еще бы, — пожал плечами Савелий. — А сколько сейчас стоит доза девятой возгонки?

— Понятия не имею, — враждебно ответил миллионер. — Я не специалист.

— Не обижайтесь на нашего Савелия, — мягко произнес доктор Смирнов. — У него просветление. Новое лекарство дает хороший результат. Пусть говорит, что хочет. И вы с ним тоже говорите.

— Девятая возгонка, — ответил Муса вместо Глыбова, — ничего не стоит. Она не продается. Никакая не продается. За производство концентрата теперь дают двадцать лет особого режима. Одиночная камера и полчаса прогулки в день. Все лаборатории разгромлены. Либо люди сами свернули лавочки. Юное поколение коегде гонит второй номер или даже третий — но не на продажу. Для себя. В общем, с этим делом сейчас лучше не шутить...

Глыбов еще раз отхлебнул. Он прилетал каждую неделю и, пока находился в колонии, — все время отхлебывал.

— И не только с этим делом, Савелий, — с ледяной вежливостью заметил он. — Сейчас, Савелий, в Москве все по-другому. Китайцы, Савелий, поставляли в город 75% мяса, 60% фруктов и 90% овощей. Сейчас они поставляют 0%. Теперь, Савелий, люди в Москве едят траву не потому, что она дает радость в чистом виде. А потому, что кушать хочется. Стебелек едва на десять метров взойдет — а его уже пилят и жрут. Вечером едешь по эстака-

де — густые заросли. Утром смотришь — пусто, все сожрали... Тридцать миллионов безработных, каждому нужно питаться. Они ее жарят, варят... Вместо хлеба жуют. Понимаешь, Савелий?

— Понимаю.

Миллионер потер пальцами переносицу.

— И мои биохимики в один голос говорят, что скоро все кончится. В один прекрасный день траву сведут под корень. Новые побеги вырастают слабые. Даже цвет другой, желто-серый. Это ведь грибница, единое целое. Мне объясняли, что для полноценного воспроизводства ей надо, чтобы каждый стебель обязательно достигал взрослого состояния...

— Правильно объясняли, — заметил Смирнов. — Наземная часть получает солнечную энергию с верхушек взрослых стеблей. Если непрерывно вырубать вершки — подземная часть лишится питания и постепенно подохнет. Но для этого надо уничтожать несколько тысяч побегов одновременно, каждый день, на протяжении длительного времени...

— Уже уничтожают. — Глыбов махнул рукой. — Рубят, режут, пилят. Ногтями рвут. Вы засиделись на периферии, уважаемый доктор. Хотите — слетаем в Москву, сами все увидите.

— У меня тут пациенты, — сухо ответил Смирнов. — И вообще...

— Трава, — мрачно перебил Гоша Деготь, — никуда не денется. Это никакая не грибница. И не растение. Это наша бестолковость. Русская. В материальном виде.

— А я — не русский, — сказал Муса и засмеялся.

— Но живешь в России, — бросил Глыбов. — Поэтому нечего тут... ухмыляться. В присутствии граждан титульной национальности. Грибница или не грибница — зеленая гадость не продержится и месяца. У меня есть графики, расчеты. Нас ждут новые времена.

— Интересно, — пробормотал Гоша, — как все будет.

Вездеход вкатился в болото, в лобовой триплекс ударила коричневая вода.

— Никак, — ответил миллионер, упираясь руками в стены. — В первый раз, что ли? Революции, войны, перестройки, путчи, кризисы — чего только не было. То окно в Европу прорубали, то полмира кормили, а сами при этом сидели без штанов. И все это никого ничему не научило. Теперь вот — трава. Сожрем ее, и все будет по-старому. Ничего никогда не изменится.

— Нет, — тихо возразил доктор Смирнов. — Изменится. Надо сделать так, чтобы изменилось. Надо остановить этот бег по кругу. Трава — это не война, не кризис. Мы сорок лет с нею живем. Сорок лет! Если она исчезнет, история начнется с чистого листа. Каждый неравнодушный человек должен воспользоваться моментом и попробовать изменить общественное сознание к лучшему.

— Да, — подал голос Гоша. — Согласен.

Глыбов кивнул и как будто мгновенно постарел. На его лице отразилось глубокое презрение.

— Занимайтесь, господа. — Он сардонически ухмыльнулся. — С чистого листа — замечательно. Великолепно. Изменить общественное сознание — это круто. В добрый путь. Лично я — пас. Мне сорок лет, и двадцать из них я работаю не разгибаясь. И вижу все время одно и то же. Из десяти один — трудится. Второй учит его, как трудиться лучше. Третий продает результаты труда. Четвертый считает деньги. Пятый охраняет. Шестой руководит. Седьмой развлекает всех духоподъемными песнями... А остальные трое просто ничего не делают. Все десятеро друг другу мешают, переругиваются и лезут не в свое дело... Наш уважаемый старшина волонтеров, — миллионер ткнул пальцем в грудь Гоши Дегтя, — правильно сказал. Трава есть наша национальная нелюбовь к порядку. За тысячу лет мы накопили ее столько, что она перешла в новое качество. От-

делилась от нас и стала самостоятельной биологической сущностью.

— Это не я сказал, — заметил Гоша. — Так написал Гарри Годунов в книге «Бледные люди».

— Я читал, — отозвался доктор. — Интересно, но совершенно антинаучно.

Глыбов выругался.

— А вручать свою судьбу в руки китайцев — научно? А сто лет вывозить нефть и газ, чтоб ввозить утюги, кофеварки и малолитражные автомобили — это научно? А сосредоточить все богатства огромной страны в одном-единственном городе, чтоб люди в нем сходили с ума от обжорства, а остальная страна утопала в говне, — это научно?

— Кто бы говорил, — произнес доктор Смирнов.

— Ах, простите. — Глыбов нехорошо усмехнулся. — Я забыл. Я ведь богатый. Буржуй. Эксплуататор. Прохиндей. Не имею права голоса. — Он повернулся к Савелию: — Говори тогда ты, зеленый человек.

Савелий подумал и вежливо ответил:

— Наверное, если трава перестанет расти, нам всем станет плохо. Но это... будет хорошо. Понимаете?

— Еще бы, — заметил Гоша. — Чем хуже, тем лучше. Кстати, это очень по-русски. Но она не исчезнет сразу. Там миллионы тонн биомассы.

— Сейчас, — сказал Глыбов, — пожирается две тысячи тонн в сутки. И это зрелище не для слабонервных. По окраинам перебили все уличные фонари. Тридцать миллионов днем спят, а по ночам валят траву и питаются. Настоящий Содом. В воздухе постоянно висят пятьсот милицейских вертолетов. Все, кто имеет азиатскую внешность, либо сидят по домам, либо сбежали. Центр патрулируют танки...

— Все равно, — произнес Муса, — здесь веселее.

Миллионер махнул рукой. Он был порядочно пьян. Что касается колонистов — Смирнова и Гоши, — разме-

ренная сельская жизнь сделала их спокойными, и описанные Глыбовым апокалиптические события, конечно, взволновали, но не ужаснули. Кто был в изоляторе и видел третью стадию расчеловечивания, того нелегко удивить рассказами о миллионах голодающих бездельников. А Муса — эмоционально прохладное существо — вообще не питал иллюзий относительно рода человеческого. Разговор развлекал его, и только.

Деликатный доктор сменил тему: похлопал Савелия по плечу и спросил:

— Как самочувствие?

— Никак, — отозвался Савелий. — Скоро корни пущу.

— Не надо так трагично. Мы вас вылечим. Вижу, таблетки вам помогают.

— Да. Только от ваших таблеток с души воротит.

— Побочный эффект, — встрял Глыбов и опять отхлебнул.

Сам он никого не лечил и не придумывал таблеток — но оплачивал. Колония была построена на деньги Глыбова. Савелия и Варвару, как и всех остальных, привез сюда вертолет Глыбова. Глыбову принадлежали и вездеход, в котором они сейчас ехали, и оружие, и предназначенные дикарям подарки. Наверное, Глыбову принадлежали судьбы всех обитателей колонии. Кроме, может быть, Гоши Дегтя и еще нескольких волонтеров-добровольцев.

— Три ящика подарков, — вздохнул Муса. — Полная машина. Я не могу вытянуть ноги. Я не понимаю. Нам нужна земля. Если дикари мешают — надо просто послать их... э-э... подальше. В чем проблема?

— Проблема в вас, — раздраженно ответил Гоша. — Проблема в том, что вы не понимаете. Местное население не различает понятий земли, дома, двора или обеденного стола. Зайти без спроса на землю дикаря — для него это то же самое, как если бы вы полезли к его жене. Их

земля — это они сами. Приведу простой пример. Иногда нашим пациентам не хватает воды, и они ходят в овраг. Пить из ручья. Так вот, если колонисты пьют — местные сразу это чувствуют. Подсознательно. Уверяю, они терпят наше присутствие с большим трудом.

— Перестрелять, — буркнул Муса.

— Их четыреста человек. Вы собираетесь перестрелять всех?

— Зачем всех? — удивился Муса. — Завалим троих-четверых, самых дерзких. Остальные сами разбегутся. Или, наоборот, приползут. Потом объявим господина Глыбова великим владыкой, эмиром, фараоном, шейхом. Живым богом. А меня — скромно, наместником. Начальником особого отдела.

— Спасибо, друг, — ответил миллионер. — Статус живого бога — это как раз то, чего мне не хватало.

— Тебе понравится, — непринужденно улыбнулся Муса. — Кстати, а у них есть вера? Они молятся? Как насчет шаманов или колдунов?

— Колдуна точно нет, — ответил Гоша. — Но есть тотемные животные. Символы добра и зла. Белый Лось и Худой Петух.

Муса захохотал.

— Белый Лось, — невозмутимо продолжал Гоша, — олицетворяет справедливость и изобилие дичи в лесу. А Худой Петух — нечто вроде демона. Худым Петухом пугают детей. Допустим, вас, уважаемый Муса, они считают слугой Худого Петуха. Ваш вертолет очень их раздражает...

Муса ухмыльнулся:

— Вот, значит, как. Я им одного повидла за последний месяц привез больше тонны — а теперь, значит, слуга Худого Петуха.

Доктор Смирнов улыбнулся.

Шнурки на его грубых армейских ботинках были завязаны бантиком. Несмотря на автомат, доктор выгля-

дел абсолютно гражданским человеком. Сидящий рядом Глыбов смотрелся типичным богачом, выехавшим на сафари: от новенького камуфляжа пахло свежим текстилем. Правда, с оружием Глыбов обращался почти так же ловко, как Муса.

А Муса — он был в своей тарелке. Скалился и наслаждался. Автомат поглаживал, как любимого верного пса. Но, улыбаясь и балагуря, Муса, единственный из всех пятерых, не забывал внимательно поглядывать по сторонам. Сидел, прочно уперевшись ногами и спиной, и не убирал большого пальца с предохранителя.

Вкатились в деревню. Эту дорогу Савелий не знал. Приезжая за водой, они огибали селение по задам, а сейчас медленно продвигались по центральной улице. Гоша сбавил ход, чтобы не задавить курицу или собаку. Возле жилищ маячили закутанные в мех и тряпье женские фигуры. Женщины — широкобедрые, низкорослые — смотрели равнодушно, часто зевали. Некрасивые, с мелкими кривыми зубами и неправильными подбородками: либо тяжеловесными, либо, наоборот, скошенными назад. Стариков не было видно. Старики, знал Савелий, лежат по домам, помирают. Старики здесь не доживали и до сорока пяти. Против местных стариков Савелий, сам разменявший полвека, смотрелся юнцом.

Обиталища дикарей представляли собой нелепые постиндустриальные хибары: наполовину шалаши, наполовину норы. Однако зажиточные семейства квартировали в избенках, крытых кусками полиэтилена, сгнившими листами фанеры, соломой и досками. Бегали куры, кошки и грязные голые дети с криво завязанными пупками. Меж хибар над кучами отбросов и нечистот суетились мухи. По словам Гоши, сельцо считалось богатым, а местное племя — мощным и влиятельным; территория его простиралась на несколько сотен квадратных километров. Местные практиковали и охоту, и земледелие,

били зайца, лося и волка, растили капусту, репу и морковь. Носили шкуры, жили самодостаточно. Но все же главными ценностями тут считались предметы, оставшиеся от старых времен. Ближняя и дальняя округа неустанно прочесывалась. Заброшенные в середине прошлого столетия села и городишки, пустые, сгнившие, заросшие бурьяном здания представляли для дикарей великий интерес — там искали и находили истлевшую обувь, осколки стекол, ржавые чайники, куски проволоки. Все это необычайно ценилось, разбиралось по кирпичам, по кускам и пристраивалось в хозяйстве.

Вождь племени, как полагается всякому вождю, обитал во дворце. Чтобы сложить дворец, по близлежащим деревням было разобрано несколько старых срубов, иные венцы тащили, может быть, за много верст; бревна сильно отличались цветом и размером.

Выпрыгнув из вездехода, Глыбов огляделся и заметил:

— Бедно живут. Год назад я летал в Ростовскую область — там дикари побогаче. У тех лошади, свиньи, вигвамы из металлочерепицы. А эти совсем дремучие. Вымрут скоро.

— Не вымрут, — тихо возразил Смирнов. — Есть секретная директива правительства. Дикарей не трогать, беречь, вступать в контакт.

— Вступим, — бодро произнес Муса и перехватил автомат.

— Не размахивайте оружием, — посоветовал Гоша. — Не поймут.

Вокруг шумел лес, полноценный, дремучий, и делегатов мгновенно атаковали разнообразные летающие твари, главным образом комары. Прилетели и жуки, и пчелы — полюбопытствовать, — и даже проплыл мимо лица Савелия паучок, оседлавший нить серебристой паутины.

— Чего ждем? — спросил Глыбов.

— Приглашения, — ответил Гоша. — Как пригласят — пойдем. Все вместе. Нас должно быть много. Так принято. Кроме того, я их боюсь. Без скоропала к ним лучше не соваться.

— Без чего? — спросил Смирнов.

— Скоропал — так они называют автомат. Один местный предлагал мне за скоропал пятьдесят кур. Целое состояние.

— Их нельзя вооружать, — покачал головой Муса. — Им даже ножей нельзя давать. А ты таскаешь им ножи.

— Не таскаю, — спокойно поправил Гоша, — а меняю. На медовуху. Их медовуха чистая, как слеза, а от твоей московской водки голова болит. Предупреждаю: переговоры веду я один. Если заговорит кто-то, кроме меня, вождь сочтет это за оскорбление. Савелий, ты несешь подарки.

— Есть, — отозвался Савелий.

Он был рад, что его взяли. Гоша Деготь специально настоял на кандидатуре Савелия. Савелий каждую неделю бывал в деревне, местные к нему привыкли.

— Если делегация будет состоять сплошь из незнакомцев, вождь может сразу всех прогнать, — сказал Гоша.

И ему никто не возразил.

К тому же новые таблетки действительно помогли Савелию. И не только ему. Уже неделю среди врачей и волонтеров царило оживление. Заговорили о решительном прорыве, о приостановке процесса расчеловечивания. Савелий готов был радоваться вместе со всеми, но ему мешали головные боли и сильнейшая депрессия.

Тем временем Муса открыл заднюю дверь вездехода и вывел сонную, осунувшуюся Илону.

Два дня назад Савелий увидел ее выходящей из вертолета — и не удивился. Не стал подходить и здороваться. Не потому, что боялся вопросов жены. Здесь никто никогда не подходил и не здоровался, если видел московских зна-

комых в группе вновь прибывших. Здесь каждый подвел черту под прошлой жизнью, прополол свою память. Прежние связи, отношения, прежние страстишки — все высыхало, увядало, все выдиралось с корнем. И новички понимали это с первых минут. Столичные бизнесмены, чиновники, звезды кино и шоу-бизнеса, успешные люди, самые-самые — вели себя тихо, с ужасом оглядывались и без гонора расселялись по домикам.

Что касается Илоны, в первое же утро она встретила Савелия в столовой поселка и не узнала. Посмотрела без интереса и отвела взгляд.

Сейчас она поежилась и капризно спросила:

— Моисей, куда ты меня привез?

— На природу, — вежливо ответил Муса. — Тут хорошо.

— Да, — согласилась Илона, потягиваясь. — Хорошо. А что мы будем делать?

— Сама поймешь.

Тем временем из дворца вышел хромой абориген с рыжей бандитской физиономией. Савелий помнил, что его зовут Федяй. Увидев дикаря, Илона шепотом сказала «ой» и тихо захихикала. Убрав черным кривым пальцем волосы с лица, рыжий Федяй изучил делегатов — каждого с ног до головы, — сурово кивнул Гоше, а потом, немного поколебавшись, и Савелию. Савелий немедленно загордился. В прошлой жизни, в Москве, он возглавлял модный журнал, но никогда не чувствовал себя таким нужным, как теперь, когда его, расчеловеченного травоеда, включили в состав делегации для переговоров с дикарями.

Рыжий повернулся и пошел в дом. Делегаты двинулись следом.

Внутри был чад и полумрак. В очаге пылали поленья, дым уходил через дыру в потолке. У Савелия заслезились глаза. Вождь, крупный сутулый старик, завернутый в ме-

ховую мантию, восседал на троне — старом автомобильном кресле с подголовником. Брови патриарха были огромны. Подле, поджав под себя голые дряблые ноги с варикозными узлами на фиолетовых венах, сидела маленькая старуха со злым лицом. Вдоль стены на земляном полу располагались еще четверо мужчин, свита или охрана, — косматые, жилистые, при кинжалах, с хмурыми сосредоточенными физиономиями, как у профессиональных футболистов перед стартовым свистком.

— Ой, мамочки, — прошептала Илона.

Боковым зрением Савелий увидел, что стоящие рядом Муса и Глыбов едва удерживаются, чтобы не расхохотаться.

— Мое почтеньице, Митяй! — бодро провозгласил Гоша.

Согбенный Митяй осторожно кивнул. На делегатов он не смотрел.

Гоша сделал два шага вперед и спросил:

— Как оно?

Вождь опять кивнул и медленно огладил бороду.

— Охота говорить, — объявил Гоша.

Вождь засопел. Старуха выдержала паузу и хриплым басом произнесла:

— Можно.

— Такое дело, — начал Гоша. — Дай землю, Митяй. Оно очень надо. Лес дай. От оврага до поля. Десять раз по десять шагов, и так пять раз. Было твое — будет наше.

Патриарх пошевелил бровями, опять посмотрел на старуху и улыбнулся. Сидящие вдоль стены косматые чудовища тут же синхронно засмеялись, показывая гнилые коричневые зубы.

Гоша подождал, пока веселье утихнет, и невозмутимо продолжил:

— Даем восемь ножей. И пять топоров. Еще — одну бердану. К ней патронов даем. И пять раз по десять боль-

ших мер повидла. Не дашь землю — не дадим ничего. Уйдем, будем злые. Дашь землю — будем добрые.

Старый Митяй молчал.

— Еще даем бабу. — Гоша показал на Илону. — Ваши бабы худые, не родят. А наша — белая, здоровая.

Старуха фыркнула. Вождь долго — может быть, минуту — молчал, потом глухим надтреснутым голосом произнес:

— Покажь бердану.

Гоша протянул руку назад, и Савелий вложил в нее малокалиберную спортивную винтовку. Гоша демонстративно передернул затвор. Волосатые придворные зачарованно вздохнули, один не выдержал — восторженно щелкнул языком. Впрочем, вождь никак не отреагировал.

— Зырь сюды, — продолжил Гоша. — Это патроны. Два раза по десять. Повидло в туесах, туеса при мне. Хошь — пощупай бабу. Баба нехудая, смирная. Самое то.

Савелий подумал, что старик, наверное, предпочел бы проверить не винтовку, а девушку, но побаивается старухи. Сейчас седой Митяй безмолвствовал.

В нем чувствовалась сила, и физическая, и духовная. Савелий вдруг понял, что старик откажет гостям. Или сразу, или после раздумий, но все равно откажет.

Вождь был печален. Возможно, предвидел конец привычной жизни, наступление перемен. Пришельцы слишком сильны, у них есть машины, летающие по воздуху, и другие машины, выпускающие по десять пуль в секунду. Они пришли, забрали землю, построили крепкие чистые дома, где сам собой горит яркий свет. Они придут опять и опять, будут отбирать все больше и больше территории. Это можно замедлить, но нельзя остановить.

«Ему примерно пятьдесят лет, он мой ровесник», — подумал Савелий. Он, разумеется, слышал от родителей рассказы о том, что когда-то дикая земля была другой.

Возделанной. В селах и городах жили люди, по дорогам ездили железные машины. Потом эта разноцветная сложная жизнь сама собой угасла, люди уехали. А те, что остались, быстро одичали, кое-как родили потомство и основали новую цивилизацию, где кусок полиэтилена, нож или курица считались главными ценностями. Гомо сапиенс быстро адаптируется и возвращается к состоянию троглодита мгновенно и легко.

Пауза затягивалась. Трещали березовые дрова. Один из сидящих телохранителей оглушительно почесался. Старуха в упор рассматривала зевающую Илону. Глыбов хлопнул ладонью по шее: убил комара.

Наконец вождь прочистил горло, вперил взгляд в Гошу Дегтя — глаза желтые, страшные — и произнес:

— Ты. Сюда слушай.

Гоша расправил плечи. Старик подвигал челюстью и сказал:

— Я знаю, кто я. В лесу живу, лопух жую, берестой закусываю. Грязный, дикий. Вши в волосьях. Вчерась так было, и завтрева так будет.

Гоша кивнул.

— Но я, — гордо проскрипел старец, — землю на повидло не меняю. Понял?

— Да.

— Молодец. Теперича шагай отсюдова.

— Зря, — проговорил Гоша.

Но рыжий Федяй, охраняющий выход, уже поместил на его плечо огромную ладонь, давая понять, что аудиенция закончена.

Вернувшись к вездеходу, делегаты переглянулись.

— Не повезло тебе, — обернулся Муса к Илоне.

Та захихикала.

— Дедок был не прочь, — пробормотал Гоша. — Но старая дура все испортила.

— В точку, — рассмеялся Муса.

— Ладно. — Глыбов сплюнул. — Старого не уговорили — поедем к молодому. Где его искать?

— Тише, — испуганно произнес Гоша. — Не кричите. Поломаете мне всю дипломатию. Молодой в лесу. На то он и молодой, чтоб по лесу бегать. Только там разговор будет немного другой.

Погрузились. Илону везли отдельно, в багажном отсеке. Всю жизнь, с младенчества, она питалась только мякотью стебля и сейчас, лишенная привычной еды, понемногу сходила с ума. Она не совсем понимала, куда и зачем ее привезли. Что делать с такими, как она, никто не знал. Пока мякоть считалась безвредной, внимательное и умное наногосударство мирилось с существованием конченых травоедов. Но когда благоуханная Москва превратилась в сумасшедший дом, несколько миллионов безвольных, оторванных от действительности мужчин и женщин оказались в вакууме. Концентрированная мякоть исчезла из продажи, сырой на всех не хватало. Физически вполне здоровые, но психологически сломленные люди сотнями кончали с собой, тысячами погружались в безумие, сотнями тысяч спивались. Кто был посильнее, от природы имел крепкую нервную систему — пытался вернуться к нормальной жизни. Но помогать таким, кормить, трудоустраивать никто не собирался, не было денег. Муса выкупил осужденную на поселение Илону у начальства пересыльной тюрьмы путем многоходовой «дружеской» комбинации. И считал, что совершил благодеяние.

Разворачивать тяжелую машину было негде, и Гоша решил выезжать из поселка задним ходом. Опустил стекло, высунул голову и плечо. В открытое окно тут же устремились комары.

Муса достал сигареты, устроился поудобнее, погладил автомат.

— Помню, в Сибири один раз было почти так же. Мы сидели под Иркутском. Подыхали от холода. От китай-

цев пришел парламентер. По-русски, кстати, лучше меня тараторил. «Сдавайтесь, — сказал, — иначе всех перебьем. Пришлем бригаду спецназа, поймаем вас, казнить будем. Мы, — говорит, — китайцы, мы насчет пыток и казней величайшие в мире мастера, можете поверить...» Кстати, с ним никто не спорил. Да и спецназ ихний тоже не подарок, шайтаны и беспредельщики, ничего не боятся... «Складывайте оружие, — говорит парламентер. — Муса еще раз нежно провел ладонью по прикладу. — Сдавайтесь, и к нам. Примем со всем уважением. И по телевизору покажем: вот, русские террористы осознали и сдались, причем не своим властям, а китайским...» А мы тогда уже были объявлены вне закона, и осталось нас тридцать пять человек. И тогда наш командир, Миша, этому парламентеру говорит: «Слушай сюда, уважаемый! Я тут хозяин, а ты гость. Для меня тут все мое, а для тебя — чужое. Если я сдамся, меня моя земля не поймет. По моей земле могу ходить только я. Потому что в эту землю я своего отца зарыл. А настанет время — и меня сюда же зароют. Ты, — говорит Миша китайцу, — умный малый, ты должен понимать: у русских ничего нет. Ни ума, ни культуры. Была когда-то нефть, и газ, и уголь, и камешки, и металлы цветные, но давно уже все распродано, а деньги по ветру пущены. Была культура великая, но ушла через телевизор, как через унитаз. Были и мозги — и сейчас есть, и еще какие мозги! — только очень мало; на одного великого умника приходится тыща пьяных дураков. Такая наша национальная пропорция. Теперь русские могут только водку пить и в грудь себя бить. Все, что у нас осталось, — это земля, которую за сто лет не обойти. И вся наша надежда — землю сберечь и внукам передать, с той мыслью, что внуки будут умней дедов и найдут своей земле достойное применение...» — Муса ухмыльнулся. — Мы потом еще два года от китайского спецназа вдоль Ангары бегали. Пока не надоело.

Подминая подлесок, вездеход катил по руслу ручья. Другого способа проехать сквозь дикую чащу не было.

Глыбов посмотрел в окно и спросил:

— Так что насчет молодого вождя?

— Не волнуйтесь, — ответил Гоша, — будет вам молодой. Видели рыжего Федяя? Это большой ловкач. Он вроде бы при старом вожде, но в любой момент готов переметнуться к молодому. У нас уговорено, что я доеду до условленного места и буду ждать. Федяй устроит встречу. Молодому нужно оружие. Кстати, насчет повидла он тоже не дурак. Не говоря уже про женщин. Думаю, мы его уломаем...

— Хорошо. — Глыбов кивнул. — Молодой даст согласие. А старый?

— Старый не пойдет против собственного сына.

— Слушай, старшина, — перебил Муса. — Не обижайся, но ты всех нас утомил. Тебя послушать — здесь у дикарей жизнь сложнее, чем в Москве. Повидло, берданы... Хочешь, я все решу один? По-своему? Зайду к этому мохнатому аксакалу, дам очередь в потолок — разбегутся все. И старые, и молодые.

— Исключено, — отрезал доктор Смирнов. — Никакого насилия. И насчет девушки — тоже.

— Девушка уже согласна, — возразил Муса. — Ей интересно и весело. Спросите сами.

— Не буду я у нее ничего спрашивать. — Доктор состроил постную гримасу. — Все это одно большое безобразие. Зачем вы ее в багажнике возите?

Сибирский партизан засмеялся:

— Это не безобразие, доктор. Это жизнь. Какая ей разница, где валяться? Здесь, в лесу, с дикарями или в Сибири с уголовниками? Или, допустим, в багажнике? Я там ей одеяло постелил. Согласитесь — при дикарях ей будет лучше. Если я ей скажу, что этот лес и есть Сибирь, а бородатые мужики — осужденные травоеды, она так и будет думать.

— Черт знает что, — пробормотал Смирнов и отвернулся.

— Ладно вам, — поморщился Глыбов. — Бросьте ваши интеллигентские сомнения. Вы беспокоитесь насчет одной конченой дурочки, а в это время миллион таких, как она, в Москве сходят с ума и продают себя за полграмма сырой мякоти. Мы не можем спасти всех, но спасаем кого можем. И как можем.

Смирнов не ответил.

— Приехали, — объявил Гоша Деготь. — Пойдемте.

Вездеход встал посреди поляны.

Вылезли, размяли ноги. Прислушались к птичьим воплям, прищурились на солнце. Муса открыл багажный отсек, помог сонной пассажирке.

— Хороший лес, — громко произнес Глыбов. — Мне нравится. Смотрите, какие мхи. Нога тонет.

— Ай! — вскрикнула Илона. — И правда тонет. Круто!

— Вы не особо разгуливайте, — предупредил Гоша. — Тут повсюду змеи.

— Я слуга Худого Петуха, — насмешливо заметил Муса, — меня змеи не тронут. А вообще я согласен. Здесь хорошо. Что скажете, господин Герц?

Савелий улыбнулся. Уже полгода к нему никто не обращался по фамилии.

— Господа в Москве, — пошутил он.

Ему тоже нравилось в лесу. Здесь была империя хлорофилла, здесь был понятный и простой порядок: если ты вырос — ты забрал себе свет прозрачный, а если не вырос — значит, ты лишайник или мох. Или, например, папоротник.

— Опа, — вдруг тихо произнес Муса. — А вот и они.

Глыбов вздрогнул.

— Только не вертите головами, — сквозь зубы прошептал Муса. — Двое справа, один слева, остальные у нас

за спиной. Ты бы, Гоша, им крикнул, чтоб показались. Дай понять, что мы их видим.

— Эй! — позвал Гоша. — Митяй! Федяй! Доброго дня!

Ничего не произошло.

— А почему — «Митяй»? — спросил Глыбов, перехватывая автомат. — Старый вождь тоже вроде был Митяй?

— Ну да, — ответил Гоша. — Тот Митяй старый, а этот — Митяй молодой.

— Стало быть, Дмитрий Дмитриевич, — пробормотал Смирнов. — Вот, я их вижу. Выходят.

Свита молодого Митяя состояла из семи молодцев, совсем юных, безбородых. Все широкоплечие и мускулистые, но мышцы их, конечно, ничего общего не имели с мускулатурой спортсменов-атлетов, никаких рельефных бугров, никакой красоты — грубые жилы под темной кожей, мощные зады, жировые запасы возле талии. Двое сжимали в руках антикварные ружья с грубо обтесанными самодельными прикладами, остальные были вооружены мощными копьями либо помахивали суковатыми дубинами.

Предводитель — парняга лет семнадцати, поперек себя шире — оглядел камуфлированных переговорщиков и заулыбался. Грудь предводителя пересекал шрам, несколько передних зубов отсутствовали, но глаза были красивые, васильковые. Отчаянные. Интересный мальчишка, подумал Савелий. До краев переполнен дерзостью. Двигается мощно, дышит носом. Славянская круглая рожа, щеки в шелковистом пуху, и просвечивает румянец. Трепещет мясо ноздрей. В цивилизованной Москве такой парень давно бы шел по кривой дорожке, примкнул к «друзьям», валил бы ночами стебли, смеясь и наслаждаясь жизнью.

— А где Федяй? — спросил Гоша.

— Чего тебе Федяй? — небрежно спросил предводитель. — Чего Федяй, если тута сам Митяй? Говори, чего тебе до меня.

— Дело.

— Ну.

— Землю твою хотим. От оврага до поля.

— Ишь ты. — Митяй оглянулся на своих бравых спутников. — Землю.

— За это даем... — Гоша поднял руку и стал загибать пальцы, — восемь ножей, пять топоров, одну бердану и пять раз по десять больших мер повидла. Вдобавок — бабу.

— Баба — это да, — степенно произнес молодой и бросил быстрый взгляд на Илону. — У батяни был?

— Был, — ответил Гоша. — Батяня твой не дал землю. Прогнал.

— Вишь как, — презрительно произнес молодой Митяй и оперся на палицу. — Впервой ты к батяне пошел, а уж потом ко мне. Это худо. Дурак ты. Надо было впервой ко мне, а я уж с батяней — сам... Эх, дурак.

— Прости, — сокрушенно повинился Гоша.

Дикарь покачал головой:

— Батяня, он — да... Он — это.

— А ты?

— А я, — строго сказал молодой и опять посмотрел на своих полуголых соратников, — сам на сам.

Соратники приняли горделивые позы.

— Знаю, — сказал Гоша. — Овраг — твой?

— Мой.

— А поле?

— Считай, мое.

— Дай землю. Меж полем и оврагом.

Дикарь с сожалением покачал головой:

— Не. Нельзя. Не дам. Землю не дам. Она моя. По ей хожу только я. И еще — Белый Лось. А тебе — никак нельзя.

— Она твоя и есть, — ответил Гоша. — Но мы сядем на ей и будем свое делать. Смекни, брат, сколь оно хоро-

шо. Тебе бердану. Тебе бабу. Тебе патроны, ножи, повидло. А нам — землю.

Дикарь улыбнулся и оглядел Илону. Потом винтовку. И в том и в другом случае его глаза блестели одинаково сильно.

— Бердана, — сказал он, — оно, да... И баба тоже.

Он вдруг сделал неуловимое движение и в долю мига переместился на несколько метров вперед. Указал пальцем на Смирнова. Доктор попятился, но тут же выяснилось, что юного дикаря интересует не сам доктор, а висящий на его груди автомат.

— Скоропал, — твердо произнес дикарь. — И бердана. И баба. Пять раз по десять больших мер повидла. Пять туесов патронов. Два раза по десять ножей.

— Больно шибко, — возразил Гоша.

— Ага, — весело согласился молодой Митяй и посмотрел на соратников. Те заулыбались.

— Скоропал не дам, — твердо сказал Гоша.

Митяй пожал плечами:

— Скоропала нет — земли тоже нет.

— Не могу.

— Стало быть, и я не могу.

Гоша помолчал и сунул руки в карманы.

— Что ж. До завтрева, Митяй. Завтра опять будем говорить.

— Слышь, — остановил его молодой вождь. — А две бабы?

— Две нету. Есть одна.

— Эх, — добродушно вздохнул дикарь. — Врешь. В твоей деревне четыре раза по десять баб. Все белые, все медом пахнут. Нехудые бабы.

Гоша усмехнулся:

— У меня всего много. И бабы, и скоропалы, и ножи, и кой-чего еще. Давай землю — не прогадаешь. Мы тут надолго. Ты — тоже. Думай, Митяй.

Митяй поднял лицо к небу и сощурился.

— Не люблю, — весело сказал он. — Не люблю думать.

Через мгновение дикари растворились в чаще. Ни одна ветка не шелохнулась.

— Чингачгук херов, — с сердцем произнес Глыбов, извлек флягу и отхлебнул.

— Шпана, — пробормотал Муса и сплюнул.

— Нормальный парень, — хмыкнул Гоша. — Но автомат ему давать нельзя.

— Ему надо не автомат, а подзатыльник, — сурово ответил Муса. — А вот копья у них хорошие. Мне понравились. Серьезные копья. Я даже не ожидал, что у этих папуасов будут такие копья.

— Они охотники, — пояснил Гоша. — Они этими копьями лося за пятьдесят шагов бьют. Сам видел.

Муса пренебрежительно махнул рукой и повернулся к Илоне:

— Что, милая, как тебе местные мальчики?

— Ничего, — весело отозвалась Илона. — Только воняют. И еще, тут все время что-то летает и меня кусает...

— Это называется «комары».

— Больно, между прочим. Сделай так, чтоб не кусали.

Муса кивнул:

— Попробую.

Илона поежилась:

— А где здесь туалет?

— Везде, — презрительно ответил Глыбов. — Слушайте, давайте постреляем. Зря я, что ли, из Москвы летел? Там сейчас такая тоска. Я всю неделю мечтал сюда прилететь и отвести душу...

— Нежелательно, — ответил Гоша. — Завтра договоримся окончательно, заберем землю — тогда и постреляете.

— Ну вас к черту, — раздраженно нахмурился миллионер. — Муса был прав. Надоела ваша пещерная дипло-

матия. Ножи, повидло, Белый Лось, Худой Петух... Вы что, всерьез решили считаться с этими неподмытыми неандертальцами? Вы, господин Деготь, представляете себе, сколько я вбухал в вашу колонию?

— Перестаньте, — подал голос доктор Смирнов. — Не надо строить из себя благодетеля. Вам рекомендовали — вы вбухали. Если бы не вбухали — уехали бы на поселение. Вместе с этой девочкой. В Сибирь или даже дальше.

— Эх, доктор, — произнес Глыбов, явно задетый за живое. — Вам хорошо. Вы у нас неприкасаемый. Любую дверь ногой открываете. Ладно, считайте, что я заткнулся. — Миллионер нагнулся, сорвал бледный цветок, понюхал и отбросил.

— А что значит «неприкасаемый»? — Илона выговорила длинное слово по слогам.

Все повернулись к ней.

— Ой, — прошептала девушка, — я что-то не то сказала, да?

Глыбов и Гоша Деготь засмеялись.

— Неприкасаемый, — дружелюбно объяснил Муса, — это такой дядя, которому никто ничего не может сделать. Видишь дядю доктора? Это особенный дядя...

Смирнов скупо улыбнулся. Муса невозмутимо продолжал:

— Однажды, давным-давно, наш дядя доктор собрал в одном детском саду самых бездарных детей страны. И стал их учить. Дети были глупые, ленивые, но дядя доктор возился с ними так, будто это гениальные дети. Он вырастил их, выучил. Дал, в общем, путевку в жизнь. Эти дети не стали учеными, инженерами, изобретателями. Они не стали летчиками, космонавтами, моряками, врачами. Все они, до одного, превратились в успешных государственных чиновников. Сделали карьеру. Три последних премьер-министра — воспитанники нашего дорогого доктора. Поэтому наш дядя доктор делает что хочет,

знает все государственные тайны, и ему доверяют самые рискованные и трудные дела...

— Как интересно! — с чувством воскликнула Илона. — А кто такие «премьер-министры»?

— Поехали, — перебил ее Гоша Деготь.

— Погодите. — Глыбов махнул рукой. — Сейчас поедем.

Он сдернул с плеча автомат, рванул затвор, взял на мушку ствол ближайшей сосны и выстрелил. От дерева брызнула белая щепа. Илона восторженно завизжала. Над лесом поднялись птицы.

— Савелий, — спросил доктор Смирнов, — с вами все в порядке?

— Да. Но голова кружится. Не буду я больше есть эти новые таблетки. Такой от них мрак, хоть в петлю лезь. Лучше в стебель превратиться, чем с ума сойти.

— Перестань, — грубо оборвал его Гоша Деготь. — Не для того тебя лечили, чтоб ты теперь с ума сошел. Ты выберешься, Савелий. Поедем домой. Там тебя подарок ждет. Свежий московский журнальчик. Называется «Самый-Самый».

3

Гоша прокашлялся, грубо послюнявил пальцы, развернул журнал и стал читать вслух:

— «Еще месяц назад нам казалось, что мир перевернулся. Исход китайцев, ликвидация Китайско-Сибирской Свободной Экономической Зоны, перебои с продовольствием. Сегодня ясно — это был всего лишь пролог...»

— Не изображай телediктора, — перебила Варвара. — Читай, как говоришь. Мы поймем.

— «...всего лишь пролог. Главное — впереди. Нас ждут новые испытания. Со страной в очередной раз происхо-

дит великая метаморфоза. Источник в правительстве, пожелавший остаться неизвестным, сообщил нам, что экспертная комиссия при Академии наук готовит официальное заявление. Гигантская грибница исчерпала свой ресурс. Трава подыхает. Сорняк, губивший нас на протяжении сорока лет, перестает расти. Это не новость. И даже не сенсация. Это финал целой эпохи. Конец старой истории мира и начало новой. Трава побеждена — но не усилиями науки, не в результате решительных мер, предпринятых властями. Траву попросту съели...»

— Годунов писал, — предположил Савелий.

— А вот и не угадал, — ответил Гоша. — Шеф-редактор теперь Валентина. Это ее колонка. Статья Годунова будет дальше.

— Читай, читай.

— «Здесь, в колонке редактора, я буду рассказывать не о том, как толпы режут и топчут стебли. Не о тротуарах, ставших зелеными от раздавленной мякоти. Не о столкновениях милиции с хорошо организованными и вооруженными бандами травоедов. Не о разгроме тайных лабораторий по очистке мякоти, занимавших целые этажи и производивших десятки тонн концентрата. Подобными сюжетами нас уже досыта накормило телевидение. Сейчас главное — понять, что нас ждет. Вопрос "кто виноват?" не так важен, как вопрос "что делать?". Ответ на вопрос "кто виноват?" давно известен. Виноват каждый. В Москву из Восточной Сибири ввозилось четыре пятых всех продуктов питания. Мы жили плодами чужого труда. Теперь нация Ломоносова и Достоевского, Чкалова и Гагарина вынуждена думать, как себя прокормить. Самый первый, беглый и поверхностный анализ событий показывает: массовое поедание мякоти стебля продолжится до тех пор, пока не будет сожран последний побег. И это вопрос нескольких месяцев. Может быть, даже недель. Что будет дальше? Власти утверждают, что голод нам не

грозит. Что к концу года в Москве будет создано десять миллионов рабочих мест. Что выделены беспрецедентные суммы для закупки продовольствия за рубежом. Поверим властям. По крайней мере наш премьер-министр действует решительно. Хочется надеяться, нам хватит сил не сойти с ума, перестроить экономику, создать новое гражданское общество. Сорок лет мы жили среди стеблей, и теперь не так трудно нам будет перебороть физиологическую зависимость, как зависимость психологическую. Трава превратила нас в рабов. В спекулянтов солнечным светом. Мы сражались друг с другом за место под солнцем, мы карабкались выше и выше. Из миллиона дорог нас интересовала только та, что ведет наверх...»

— Нет, — покачал головой Савелий. — Это писал Годунов. Его стиль. Он у нас джентльмен. Пишет вместо Валентины — она только подпись ставит.

— Не важно, — отмахнулась Варвара. — Читай дальше.

— «Теперь света хватит всем. Жить на десятом этаже станет проще и выгоднее, чем на девяностом. Пора честно признаться: жить на девяностом уровне, взирать на мир с высоты птичьего полета — это был перебор. Мы не птицы, мы — люди. Нам придется спуститься с небес. Нам придется сломать подвешенный в воздухе город — он теперь не нужен. Он уже умер, он был слишком помпезный, чрезмерно сложный и дорогой. Нам незачем жить так сложно, помпезно и дорого. У нас есть земля, ее много, на ней хватит места для тысячи простых городов. Нам придется вычистить авгиевы конюшни у подножий наших башен. Возможно, разрушить сами башни. Остальное доделает солнце. Оно нас просушит. Оно поджарит все, что было сырым. Оно отучит нас от вялой жизни в тени. Оно сделает тайное явным...»

Варвара протянула руку.

— Дай, — попросила она. — Я лучше сама.

— Извини, — вежливо возразил Гоша. — Читать вслух — это моя обязанность. Врачи рекомендуют. Каждый день не менее получаса...

— К черту врачей, — ответила Варвара, отбирая журнал. — Я ничем не болею.

Савелий посмотрел на жену — злую, решительную, красивую — и вздохнул.

— Жаль, — сказал он, — Евграфыч не дождался. Он был бы рад.

— Да, — ответил Гоша.

— Надо сходить, поправить могилу.

— Завтра сходим. Вернемся от дикарей — и сходим.

— Все-таки зря он так. — Савелий поморщился. — Никого не предупредил, исчез... Как будто мы дети малые... А мы его искали, голову ломали...

Гоша пожал плечами:

— Он был старый и умный. Ему было виднее. Здесь он сразу всем объявил, что прилетел помирать. Сказал, что всегда хотел жить в Москве, а помереть в деревне.

— Смените тему, — велела Варвара.

— Да. — Гоша привстал и закрыл окно. — Ты права. Есть разговор поважнее.

Он ссутулился и хрипло зашептал, быстро переводя взгляд с Савелия на Варвару:

— Слушайте, надо что-то делать. У меня есть подозрения, что наш спонсор и благодетель Глыбов в один прекрасный момент сядет в свой красивый вертолет и помашет нам ручкой. Сбежит куда-нибудь в Парагвай. Мы останемся без еды и без энергии. Волонтеры сразу разбегутся...

— С чего ты взял, — спросила Варвара, — что Глыбов сбежит?

— Кое-что слышал. Он, когда напивается, много чего говорит. В том числе и про Парагвай. Так что, братцы, предлагаю подумать о возвращении. Нам надо назад. В Москву.

— Хочешь идти пешком? — осведомился Савелий.

— Нет, — еще тише зашептал Гоша. — Я хочу захватить вертолет.

— Еще чего, — фыркнула Варвара.

— Но пешком — тоже вариант.

Савелий грустно усмехнулся:

— Я не дойду. Я наполовину стебель.

— Ты наполовину человек, — возразила Варвара. — Прекрати. Будешь ныть — я сама тебя в землю вкопаю. По пояс. И буду поливать. Чтоб не мучился. Понял?

— Понял.

— Не ругайтесь, — попросил Гоша. — Не время. Я могу пойти один. Четыреста пятьдесят километров — за две недели дойду. Автомат возьму — и пойду. Приведу помощь.

— Бред, — покачал головой Савелий. — Не верю. У нас есть Смирнов, он влиятельный мужик. Он не допустит, чтобы колонию бросили на произвол судьбы. Да и Глыбов не такой человек...

— А он человек? — с иронией спросила Варвара. — Вдруг он тоже расчеловеченный? И напивается, чтоб не заподозрили?

— Может, и расчеловеченный, — спокойно ответил Гоша. — Никто никогда не видел его без одежды. Но чтоб вы знали: здесь, в изоляторе, находится его жена. Анжелина. Уже семь с половиной месяцев. У нее третья стадия. Корневая система, боковые побеги и прочее. Когда он прилетает — сам ходит ее поливать, каждое утро.

— Это называется «любовь», — печально произнесла Варвара.

— Это никак не называется, — перебил Гоша. — Ее мозг уже не работает. Зачем она ему? Зачем ему колония? Зачем ему, миллионеру, Москва, которая теперь ходит ходуном? Нет, ребята. Он сбежит из страны. А нам с вами пора думать своей головой. И действовать.

— Но он, — возразил Савелий, — затеял расширение территории. Переговоры с дикарями. Если б хотел сбежать...

— Если бы я хотел сбежать, — раздраженно заметил Гоша, — я бы тоже развел бурную деятельность. Для отвода глаз. Строил бы планы, затевал новые проекты. Демонстративно. Чтоб ни у кого не возникло подозрения, что я мысленно уже на другом конце глобуса... Поэтому, брат, мы с тобой сделаем так: завтра как ни в чем не бывало опять поедем к местным. Доведем до конца сделку. Обменяем землю на повидло. Пусть все думают, что меня, старшину волонтеров, волнует только судьба колонии. А я начну собирать вещички. Пора в Москву, ребята.

— Слушай, — сказал Савелий, — ты предлагал дикарям десять больших мер повидла...

— Пять раз по десять. Пятьдесят.

— А что такое «большая мера»?

Гоша сложил ладонь ковшиком:

— Это малая мера. А вот, — он соединил обе ладони, — большая. Все просто, Савелий. Эти ребята живут очень просто и понятно. Гораздо проще и понятнее, чем мы. Годунов правильно написал: мы живем сложно и глупо. А дикари — молодцы. Живут просто и умно...

— Проще и умнее всех, — усмехнулся Савелий, — живут стебли. Они ничего не меряют. Ни большой мерой, ни малой. Они растут, и все.

— Иди к черту, — нахмурился Гоша. — Откуда знаешь? Ты пока еще не стебель.

— Мне недолго осталось.

Варвара вздохнула, сложила журнал и сильно ударила им Савелия по голове.

— Знаешь что? — крикнула она. — Ты меня не зли! Мне нельзя нервничать. Мне надоело твое нытье. «Ах, отстаньте, я стебель, мне на все наплевать...» Противно слушать! Хочешь ныть и плакать — иди к своему другу, к Полудохлому. Сядьте вдвоем где-нибудь на лавочке и плачьте. А при мне не надо.

— Хорошо, — мирно отозвался Савелий и встал. — Тогда я пошел.

— Куда? — поинтересовался Гоша Деготь.

— Искать Полудохлого.

— Иди, иди. — Варвара презрительно скривила губы. — Поищи. Он тебя поймет. И пожалеет. Я тебе не говорила, что помню его еще по Москве? Он жил в одной башне с моими родителями. Богатый человек, бизнесмен. Хочешь, я тебе про него расскажу?

— Нет, — искренне ответил Савелий. — Не хочу.

— А я все равно расскажу. Твой Полудохлый всегда был растением. Всю жизнь только жрал, спал и загорал. Больше ничего не делал.

— Он работал, — возразил Савелий.

— Нет. Он не работал. Он других заставлял. Пинал, подгонял... Неудобных увольнял, нанимал удобных... Послушных, бессловесных... Это не работа. Так что теперь ему в стебли зеленые — прямая дорога. Но ты же не такой!

— А какой? — Савелий не смотрел на жену.

— Слушайте, — перебил Гоша. — Если вам надо поругаться, я выйду. Но нам надо решать насчет Москвы...

— Нет, — возразил Савелий. — Останься. Лучше выйду я. Сегодня моя женщина не в духе. А насчет Москвы...

— Может, я и не в духе, — перебила Варвара, — зато дух — во мне. А в тебе его нет. Ты был созидателем, Савелий. Ты делал. Изобретал. Придумывал. Ты никогда не станешь растением. Запомни. И сын твой родится не зеленым уродцем, а нормальным здоровым ребенком. А теперь иди. Если хочешь.

Она была большая, круглая, она светилась предчувствием материнства. Она ничего не боялась — ни Бога, ни черта, ни беспорядков в Москве — и упреки произносила, словно читала хорошие лирические стихи: нараспев, блестя глазами, с умной полуулыбкой. Может быть, про-

ецировала мужа на сына, подсознательно тренировала интонации.

Савелий хотел извиниться, дотронуться, погладить ее по голове, вместо этого пнул ногой дверь, вышел в ночь, переживая гнев, досаду и прочие несвойственные растениям эмоции.

Уходить, правда, очень не хотелось. В домике жены пахло едой. Час назад Варвара варила мясо. Курицу варила. Пахло супом. Варвара редко ходила в столовую, готовила сама: утверждала, что это ее успокаивает, помогает держаться. Пока читали журнал, Савелий с удовольствием вдыхал запах живого существа, убитого, сваренного и съеденного другим живым существом, и осторожно размышлял о выздоровлении.

Судя по всему, новое чудо-лекарство действовало. По сложившейся за долгие месяцы привычке он думал про себя как про растение — но апатия отступила, нервы жаждали возбуждения, мускулы напрягались сами собой, и мысль о куске горячего мяса не шла из головы.

Он спрыгнул с крыльца, вдохнул влажный воздух.

Хорошо бы действительно вернуться в Москву. Там горячее мясо, там драка, там страсти. Там жизнь. Надо возвращаться. Человеком или стеблем зеленым — не важно. Пешком, на вертолете, любым способом. Господи, какой из меня стебель! Я человек, я хищник из хищников. Надо вернуться, да. Обнять старого пьяницу Годунова. Рассказать ему о секретном поселке в лесной глуши. Потом вместе с ним (и Филиппка прихватить) найти Пружинова, из-под земли достать, открутить голову и язык вырвать. И забыть про гада навсегда. И заняться делом. Рвануть зубами мясо событий. Написать статью. Опубликовать тиражом сто тыщ. Найти короткие и точные слова, не длиннее четырехсложных. Убедить людей: пусть перестанут есть то, что растет без их участия, а едят только то, что выращено в поте лица.

Кто придумал жрать мякоть — тот глупец. Зачем жрать мягкое, если ты рожден, чтобы грызть, терзать, глодать и рвать на куски? Зачем покупать из-под полы таблетку счастья, если счастье — вот оно, даром, сколько хочешь, — только положи ладонь на живот своей беременной жены...

Поселок не спал. Отовсюду слышались возбужденные возгласы, ругань и смех. В нескольких местах жгли костерки, метались тени, темноту чертили огоньки сигарет. Кто-то хрипло пел, кого-то тошнило, кто-то громко и косноязычно провозглашал, как хорошо было бы закинуться сейчас восьмым номером или лучше девятым напоследок, чтобы запомнить навсегда. Ему запальчиво возражали в том смысле, что вредно кушать слишком много сладкого.

И не только сладкого, добавил про себя Савелий, обходя стороной место дискуссии, слишком много кушать вообще вредно. И мягкого, и твердого. И мяса, и таблеток счастья.

Виноват не тот, кто пробует новое, а тот, кто уверяет, что счастье можно сгустить в таблетку. Не тот преступник, кто первый вкусил от стебля. А тот, кто решил очищать и концентрировать.

Им ведь все равно, где брать сырье. Не будет гигантских зеленых стеблей — они отыщут что-нибудь другое. Они знают, что спрос на сладкое есть всегда. Они хорошо понимают: человек не способен устоять, если искусить его радостью в чистом виде, — схватит и сожрет и забудет, что в природе нет ничего в чистом виде.

«Пора в Москву, — повторил себе Савелий. — Хватит сидеть в лесу, в комфортабельном дендрарии, мне больше нечего здесь делать».

В Священной Тетради — он дословно помнил — про это было написано так:

«Если нечто неведомое прорастает рядом с тобой или сквозь тебя — не спеши вкусить от этого. А если вкусил — не

спеши объявлять это медом. Это может быть яд. Но и ядом не объявляй — это может быть одновременно и отрава, и амброзия. Все зависит от величины твоего желания.

Чем больше вкушаешь меда сладкого — тем бóльшим ядом становится мед. И кто пожелает сожрать весь мед этого мира — тот кончит тем, что будет жрать весь его яд».

4

Вечера здесь были прохладные, медленные. В полночь мрак густел до такого состояния, когда его, протянув руку, можно было почти потрогать, как пугливое животное. На крыльце каждого домика горел фонарь, но за пределами освещенного пространства шевелилась влажная фиолетовая неизвестность.

В столовой волонтеры пили водку. Пахло пригорелой кашей.

Савелий не боялся темноты и тем более леса. Он чувствовал прилив сил. Ноги шли сами собой. От земли исходило тепло. Очень хотелось снять ботинки.

У опушки его окликнул Муса.

— Ты бы тут не бродил, — посоветовал он.

Рядом появился Глыбов: камуфлированный, нетрезвый, с автоматом наперевес. Шумно дышащий старым (вчера выпитым) и новым (выпитым сегодня) алкоголем миллионер мало походил на развязного мясистого атлета, когда-то снисходительно отвечавшего на вопросы журналиста Савелия Герца посреди пронизанной солнцем московской резиденции. Продавец Солнца сильно похудел, отпустил бороду, по делу и без дела сквернословил и оглушительно сморкался, зажав пальцем одну ноздрю. Он напоминал мелкого жулика, который утаил общую добычу и точно знает, что завтра подельники побьют его ногами. Вспоминая прежнего Глыбова, Савелий

смотрел на нынешнего и думал, который из них настоящий. Если люди становятся самими собой только в минуты испытаний — тогда выходит, что комфорт и благополучие противопоказаны им; тогда выходит, что правы те, кто живет по принципу «чем хуже, тем лучше». Если испытания делают людей людьми — значит, людям нужны в первую очередь испытания, а потом все остальное.

Небо было беззвездным.

«Тучи, — подумал Савелий. — Будет дождь. Это хорошо».

— За нами наблюдают, — вполголоса сообщил Муса, глядя в чашу. — Весь вечер. Вижу минимум двоих. Вон у той сосны.

Савелий попытался всмотреться в темноту, ничего не увидел.

— Обычно они не подходят так близко, — сказал Муса. — А сейчас стоят и глазеют. Не стесняются.

— Ну и пусть, — пожал плечами Савелий.

— Как думаешь, чего они хотят?

Савелий подумал и предположил:

— Сегодня в поселке очень шумно. Вот они и пришли. Узнать, в чем дело.

— Значит, — спросил Муса, — вчера было не так шумно?

— Нет. Вчера было тихо. Во-первых, не было вас...

Муса усмехнулся:

— А во-вторых?

— Во-вторых, вы привезли из Москвы новости. Сейчас их обсуждают.

— Ты имеешь в виду новости насчет травы?

— Да.

Глыбов сплюнул:

— С травой в Москве пока ничего не ясно.

— По-моему, — возразил Савелий, — уже все ясно. Трава подыхает. Волонтеры возбуждены. Кое-кто празднует. Пьянство, музыка. Дикари забеспокоились и прислали разведчиков.

Миллионер опять сплюнул.

— А я не люблю, — сказал он, — когда за мной наблюдают. Мне этого в Москве хватало. Две видеокамеры на кубический метр пространства! Стоило лететь за пятьсот километров, чтобы поиметь то же самое. Здесь что, дикий лес или проект «Соседи»?

— Ладно, — произнес Муса. — Пусть смотрят. Пойдем спать. Завтра много дел.

— Сейчас пойдем, — пробормотал Глыбов и шагнул вперед. Толкнув Савелия плечом, он передернул затвор и грубо выкрикнул: — Алло! Граждане индейцы! Выходи, кто смелый! Мы с вами одной крови!

Муса тихо засмеялся.

— Господа маугли! — хрипло продолжал миллионер. — Скоро мы вас подвинем! Привезем сто тыщ городских бездельников — будете учить их репку сажать и рыбу ловить! Кончился наш город! Как Атлантида утонула в океане, так Москва тонет в собственном жире. Выходите, поговорим. Цивилизация погибла. История окончена. Возьмите меня к себе. Я сильный. Я вам пригожусь. Прошу принять в ряды племени Белого Лося! Не то я собственное племя организую. Племя пожирателей зеленой мякоти! Давай выходи! Мы вас видим! Мы про вас знаем!

Дикари, естественно, не вышли. Если бы Савелий был дикарем, он бы тоже не вышел.

— Давай выходи! — заорал Глыбов, передергивая затвор. — Хули в кустах гаситесь?! Я Петя Глыбов, я свой первый стебель в тринадцать лет завалил! Я из плесени вылез, я на седьмом этаже рожден! Выходи, кто смелый! Ножи, топоры, повидло — тоже мне, хозяева! Всем головы поотрываю! Как спрыгнули с ветки, так и назад запрыгнете! Раздавлю, уничтожу, сто раз куплю и продам!

— Хватит, — примирительно произнес Муса. — Никто не выйдет.

— А тогда пусть валят отсюда! Слышь, команчи хуевы! Давай, валите к себе, в норы! По щелям забейтесь и тихо сидите! Раздавлю! Подо мной вся Москва была, и вы подо мной будете!

Глыбов поднял автомат и выстрелил в небо. Со стороны столовой, где сейчас коротали вечер волонтеры, послышался женский визг.

— Э! — досадливо сказал Муса.

Глыбов подождал.

— Или выходи, — крикнул он, — или проваливай! Считаю до трех! А то оставим без повидла!

Сейчас начнет стрелять, подумал Савелий. И он будет стрелять не в небо. Он будет стрелять в лес.

Нетрезвый миллионер перехватил оружие, собираясь выпустить очередь от живота. Автомат выплюнул оранжевое пламя. Савелий прыгнул, изумившись собственной ловкости. Ухватил дуло, рванул от себя и вверх; пули ушли в листву. Эхо выстрелов прокатилось от одного края неба до другого края, как бильярдный шар от борта к борту. Ладонь обожгло. Изумленный Глыбов зарычал, оттолкнул Савелия, грубо ударил ногой в живот. Савелий споткнулся о корень, упал, тут же вскочил, сжал кулаки, от всей души дал сдачи, попал в живот и скулу. Миллионер оказался крепким мужчиной и лишь едва пошатнулся. Темнота скрыла его намерения и выражение лица — очевидно, Муса быстро среагировал, удержал, оттащил, помешал миллионеровой ярости развиться во что-то худшее. Может быть, Глыбов застрелил бы Савелия. Или сильно избил. Или, наоборот, Савелий искалечил бы миллионера. Или оба, вцепившись друг в друга, покатились бы по мокрой траве.

Миг — и оба успокоились, Савелий разогнулся, опустил руки. Почувствовал сожаление. Он бы ударил еще раз. Или четыре раза.

— Э! — прогудел Муса. — Хватит, хватит.

— Гляди-ка, — сквозь зубы процедил Глыбов, рывком предплечья освобождаясь из объятий своего спутника, — наш стебель проявил активность! Что, жалко зеленых собратьев? Одно дерево защищает другое дерево?

— Я не дерево, — отрезал Савелий.

— Хватит, — повторил Муса.

— Деревья ни при чем, — выдохнул Савелий. — В лесу живут люди.

— А я? — прорычал миллионер. — Я тебе не человек?

— Вот и веди себя по-человечески.

Потом послышался еще чей-то голос, по лицам забегал луч фонаря. Глыбов отшагнул, отвернулся, из него словно вышел воздух. Он стал ругаться в голос и даже, кажется, всхлипывать.

— Вы с ума сошли! — воскликнул владелец фонаря. — Что происходит?

— Все в порядке, доктор, — ответил Муса.

— Зачем вы ударили больного?

— Я не больной, — подал голос Савелий. — Еще неизвестно, кто тут больной. Здесь нельзя стрелять в лес. Можно попасть в людей.

— А кто стрелял?

— Никто, — глухо ответил Глыбов. — Случайность. Неосторожное обращение с оружием. Между прочим, доктор, вам известно, что колония окружена? Неандертальцы смотрят из-за каждого куста.

— Это их кусты, — спокойно сказал Смирнов. — Пусть смотрят.

— Ах вот как.

— Да. Именно так. Савелий прав — стрелять нельзя. Им нельзя делать ничего плохого.

— Вы их еще в Красную книгу занесите!

— Послушайте, мы этим людям должны.

Глыбов нервно рассмеялся:

— Я никому ничего не должен.

— Нет, — возразил Смирнов. — Должны. Мы все им должны. Именно по нашей вине они живут как дикари.

— По нашей вине? — презрительно уточнил миллионер.

— Они живут в той же стране, что и мы с вами. Они говорят на том же языке.

— А я тут при чем?

— Если хотите — оставайтесь ни при чем.

Муса что-то прошептал, не по-русски. Смирнов вздохнул и новым, тяжелым голосом произнес:

— Формально я здесь первое лицо. Руководитель. Я прошу всех разойтись. И впредь соблюдать дисциплину. Я и так с трудом ее поддерживаю. Сами знаете, что тут за публика. Жулье, картежники, пробы негде ставить... А когда прилетаете вы, с вашими автоматами, — начинается полный хаос... Не разлагайте коллектив. Больше никакой стрельбы. Вам ясно, Глыбов?

Лицо миллионера в желтом свете фонаря выглядело совершенно безумным.

— Вы правы, доктор, — медленно произнес он. — Конечно. Никаких проблем. Будем всех любить и жалеть. Все люди братья и так далее...

— Хотите, я сделаю вам укол? Сразу успокоитесь.

Глыбов пнул ближайший куст.

— Идите вы к черту с вашими уколами! Кому и когда помогли ваши уколы? Вы обещали, что спасете мою жену! А сами переживаете за дикарей! Почему вы сейчас здесь? Почему не рядом с ней? Я валялся у вас в ногах! Умолял! Все, что угодно! Любые деньги! Верните мне ее, мне нет без нее жизни, мне дышать нечем... Вся ваша наука не может спасти одну-единственную женщину... Все было ради нее! Бизнес, солярии, девяносто пятый этаж — все, все! А теперь вы тут, а она...

— Я сделаю все, что в моих силах. Прошу вас, успокойтесь.

Глыбов отшвырнул автомат, побрел прочь.

— Муса, — попросил Смирнов, — приглядите за ним.

— А вы, — вежливо сказал Муса, — больше не пускайте его в изолятор.

Смирнов фыркнул:

— Слушайте, это его жена. И его изолятор. Вся колония — его собственность. Как вы себе это представляете?

— Я просто предложил.

— Прошу вас, завтра же вечером — улетайте.

— Хорошо, — спокойно ответил Муса, поднимая брошенное оружие.

— А ты, Савелий, пойдешь со мной. Я тебя осмотрю.

Домик Смирнова изнутри смахивал на монашескую келью. Савелий огляделся:

— Вы, доктор, наверное, себя не любите.

Смирнов присел за крошечный узкий столик, пожал плечами:

— Почему не люблю? Люблю. Но скажем так, не слишком сильно. Что у вас с Глыбовым? Конфликт?

— Никакого конфликта. Он хотел стрелять. Я ему помешал.

Смирнов кивнул, изучил Савелия с ног до головы.

— Как ты себя чувствуешь?

— Как я себя чувствую? Кстати, очень неплохо. Спать не хочется. Голова ясная. Бодрость. Наверное, новые таблетки действительно дают эффект...

— Ага, — сказал Смирнов. — Странные ощущения в ногах?

— Есть немного.

— Возбуждение? Кулаки чешутся? Хочется подраться?

— Угадали. А что такое?

— Ничего. Так, спросил на всякий случай... Глыбов ударил тебя?

— Пустяки. Забудьте. — Савелий с удовольствием потянулся и посмотрел в выцветшие глаза собеседника. —

Лучше скажите, что с нами будет. Ходят слухи, будто наш миллионер перестанет нас содержать. Подхватит свои денежки и эмигрирует. В Москве ему нечего делать. Москва перестала быть городом, удобным для жизни.

Смирнов повернул свой табурет, сел боком к столу. Морщась, осторожно вытянул ноги. Савелий вспомнил: точно такой же колченогий табурет стоял в московском жилище доктора. Сиденье размером не более тетрадного листа.

— Москва, — произнес Смирнов, — всегда была такой.

— А как насчет травы? Неужели с ней покончено?

— Очень может быть.

— Тогда Москве конец.

Смирнов покачал головой:

— С Москвой ничего не случится. Никогда. Москва — вечный город. Подумаешь, трава... Мне, Савелий, девяносто лет. Я вырос в Москве. Я ее люблю. Я помню настоящую старую Москву. Особнячки, дворики. Бульвары. Идешь по улице — шум, грохот, машины несутся. Свернул за угол — а там тишина, переулочек, какой-нибудь Денежный или Староконюшенный, тут же хочется прилечь, подремать... Тот город как будто ходил за тобой, чтоб в нужный момент мягкую подушечку под голову подложить... Потом все разрушили. Не знаю, кто и зачем изобрел эти башни, железобетонные пенисы, эрегированную архитектуру... В общем, не важно. — Смирнов вздохнул. — Не волнуйся, Глыбов никуда не сбежит. Его просто не выпустят. Раньше такие, как он, убегали в Лондон, а теперь англичане с каждого русского туриста справку требуют. О том, что у него денег нет. Богатым визу не дают. Что касается травы... Конечно, если грибница действительно истощилась, в скором времени все изменится. Мы получим тридцать миллионов люмпенов с необратимо поврежденной психикой. Это будут люди, навсегда потерянные для общества. Они до самой смерти

не забудут ощущения, которые им дарила мякоть стебля. Их ждет унылая тяжелая работа, плохая однообразная пища. Их нельзя будет воодушевить, организовать, призвать к терпению. Они станут непрерывно отравлять себя воспоминаниями о комфортном прошлом. О временах, когда китайцы работали, а русские имели радость в чистом виде... Может быть, их придется вывозить на периферию, создавать трудовые коммуны наподобие старинных израильских киббуцев. Заставлять возделывать землю. Учить труду. Понемногу превращать плебс в полноценных людей... Будет тяжело. Но мы не погибнем. Мы триста лет под татарами сидели. Нас поляки жгли, и Наполеон, и Гитлер. Нас товарищ Сталин в лагеря сажал. Весь мир был у нас в долгу и над нами же издевался. Что нам эта трава? Пустяк. Выберемся. Мы всегда были и всегда будем...

— Согласен, — решительно кивнул Савелий. — Слушайте, доктор... У меня такое ощущение, что я излечился.

Смирнов спокойно кивнул.

— Я хочу назад, — продолжал Савелий. — В город. Глупо сидеть в лесу, когда там заваривается такая каша. В конце концов, я журналист... Отправьте меня обратно.

— А Варвара?

— Варвара — моя жена. Она меня любит. И во всем поддерживает. Я дождусь, когда она родит, и вылечу первым же вертолетом. Я хочу действовать. Я не люмпен и не ищу от жизни одной только радости.

— Что ж, — Смирнов озабоченно задвигал по столу карандаши и блокноты, — это хорошо. Ты молодец. Говоришь, помолодел?

— Да.

— Тебе хочется бегать, прыгать, у тебя хорошее настроение, ты готов свернуть горы?

— Именно так.

— А кушать хочется? Аппетит есть?

Савелий подумал.

— Не то чтобы аппетит... Но если пахнет едой — мне это приятно. Пить хочется, да. Наверное, остаточное явление...

Смирнов встал, неторопливо поправил лямки поношенного комбинезона.

— Давай-ка... — он помолчал, — измерим твой рост.

— Вы думаете, я...

— Никто пока ничего не думает. Вы, журналисты, всегда спешите с выводами. Вставай сюда и выпрями спину.

Пока Смирнов проделывал необходимые манипуляции, пока изучал файл с историей болезни, Савелий подавленно молчал. Бодрость куда-то делась. Как и желание свернуть горы.

— Что там, доктор?

Смирнов поджал тонкие губы.

— Как тебе сказать...

— Говорите как есть.

— Знаешь, Савелий... Сейчас я тебе ничего не скажу. Завтра твой лечащий врач сделает повторный обмер, тогда и сделаем выводы.

— Завтра, — мрачно напомнил Савелий, — мы с вами едем в лес. К местным. Менять землю на повидло.

— Ну, тебя никто не заставляет. Останься в поселке. Побудь с женой. Отдохни.

— От чего? Я не устал. Я поеду вместе со всеми.

— Хорошо. Поедешь.

— Сколько я прибавил?

— Почти два сантиметра. Но ты пока не переживай...

— Я не переживаю.

— Надо тщательно обмерить пальцы на ногах, тогда будет ясно.

— Значит, прилив сил, бодрость и прочее — симптомы второй стадии?

Смирнов кивнул:

— Их путают с признаками выздоровления. На самом деле мы имеем временное улучшение самочувствия непосредственно перед началом периода деформации костных тканей. Извини, Савелий. Мне очень неприятно говорить это именно тебе...

— Ничего. — Савелий сглотнул горькую слюну. — Переживу.

— Не забудь принять лекарство.

— Приму. Только зачем? Если началась вторая стадия...

Доктор положил на его плечо легкую ладонь:

— А ты не думай зачем. Просто прими, и все. Ты знаешь, что в одной из колоний зафиксирован случай полноценного выздоровления? У женщины была четко выраженная первая стадия. Апатия, тяга к неподвижности, изменение цвета кожного пигмента. Но она излечилась.

Савелий улыбнулся:

— Прошу вас, доктор, не надо. Вы не умеете врать. Рассказывайте сказки кому-нибудь другому. Полудохлому, например. Он вас любит. Он вам верит.

— И ты верь. Случай выздоровления действительно был. Правда, только один. Но мы очень рады. Главное, прецедент есть. Мы связываем его факт с прекращением роста грибницы. Возможно, между взрослыми стеблями и зараженными травоедами существует связь. Так сказать, на тонком уровне... Так что, друг мой, для тебя еще не все потеряно.

— А для тех, кто в изоляторе?

— Не знаю. Но мы намерены вытащить всех. Любой ценой.

— «Мы», — повторил Савелий. — Слушайте, доктор, вы все время говорите о себе: «мы». Сколько вас знаю, вы всегда ведете себя так, словно за вами стоит некая сила. Тайный орден. Кто вы такой? Тамплиер? Масон?

— Масон? — Смирнов улыбнулся. — Я не масон, Савелий. Я принадлежу к другому ордену. Более многочислен-

ному и благородному. Это крупнейшая и самая влиятельная неформальная организация в истории человечества. Мы хитрые и крепкие, и мы непобедимы... — Доктор сделался печален, собственная непобедимость его явно не радовала. — Мы гораздо сильнее, чем все розенкрейцеры и тамплиеры. По сравнению с нами масоны — маленькая декоративная секта. Наш масштаб — огромен. Наша история уходит корнями в глубь веков. Мы повелеваем умами. Мы творим историю, делаем политику и культуру. Мы казним царей, устраиваем революции, создаем ракеты, бомбы и лекарства от всех болезней. Мы везде, и мы всесильны.

— И кто же вы такой?

— Я — русский интеллигент, — сказал Смирнов. — Как и ты. Так что верь мне, Савелий. И не только мне. Верь себе. Верь своей жене. Своим товарищам. Верь. Я говорю про себя «мы», чтобы ты верил: таких, как я, много... Каждый человек должен понимать: если с ним случится беда, к нему придут и ему помогут. И придут — многие. Это очень важно — верить в то, что придут МНОГИЕ. Хороших людей вообще больше, чем кажется. Ты тоже хороший человек, Савелий. Верь в это.

— Постараюсь.

— Честно говоря, я немного зол на тебя. С самого первого дня, как ты приехал сюда, я вижу тебя унылым. А я на тебя рассчитывал. В Москве ты управлял журналом. Был лидером. Здесь я жду от тебя того же. Забудь об унынии. Мы люди, и мы будем подпитывать друг друга верой и надеждой. Я верю и надеюсь, и я сделаю все, чтоб ты тоже верил и надеялся. Иначе какие мы тогда люди?

Савелий кивнул и сразу понял, что выглядит более унылым, чем когда-либо.

— Гоша Деготь, твой товарищ, говорит, что ты опустил руки, — продолжал доктор, — и всем заявляешь, будто ты наполовину стебель. Так нельзя. Ты — человек. Ты всегда им был и им останешься. Даже если человеческо-

го в тебе останется доля процента. Кончики ногтей. А теперь иди. Не думай о том, какая у тебя стадия. Найди своего товарища Гошу и помоги ему угомонить эту пьяную банду. Если что — зовите меня.

5

Дождь шел с вечера, к утру ослабел, но не перестал. Сеял. После получаса езды сквозь лес вездеход до крыши облепило хвоей, мокрыми листьями, комьями глины. Со стороны машина выглядела очень внушительно, как свидетельство всесилия технологической цивилизации.

Чащоба гудела. Покачивались обвисшие под тяжестью воды еловые лапы. С ветвей срывались тяжелые капли, ударяли по голове, по плечам. Савелий быстро вымок. Как человеку ему было неприятно, но он только наполовину был человек. Как начинающий стебель он наслаждался обильной влагой и с превосходством смотрел на спутников.

Муса и Гоша Деготь не обращали на непогоду никакого внимания, зато Глыбов с мокрой бородой выглядел жалко. Невыспавшийся, мрачный, миллионер распространял резкий запах одеколона и поминутно отхлебывал из бутыли «Байкал дабл-премиум-люкс». Вчерашнюю драку и пальбу, а также собственную истерику он словно забыл. Глаза, конечно, не прятал, но в сторону Савелия ни разу не посмотрел. Как человеку Савелию было наплевать. Как стеблю зеленому — тем более.

Бывший шеф-редактор все прислушивался к себе, пытался прочувствовать подробности, связанные с наступлением второй стадии расчеловечивания. Пока помогал Смирнову и Гоше выбить траву посреди поляны, пока расстилал брезент — думал о том, что он, судя по всему, единственный на планете журналист, переживающий мутацию, единственный гомо флорус, способный скла-

дывать слова во фразы, и его долг — записать все подробно, в назидание прочим. Пока голова способна думать, пока руки не превратились в ветви.

«Сегодня же начну», — твердо пообещал себе Савелий.

Брезент сразу намок, приобрел бурый цвет, но дождь понемногу уставал, и сквозь прорехи в серых облаках то и дело проливался свет прозрачный. Полированная сталь ножей и топоров отражала пронзительную небесную синеву.

Сверкали лезвия и клейма. Сделано в Китае. Сделано в Китае. Сделано в Китае.

Им не пришлось долго ждать. Дикари не знали часов, жили от утра до вечера, но на встречу не опоздали. Лес был их дом. Разумеется, они почувствовали появление чужаков на расстоянии многих километров. Вдруг Савелий ощутил на себе взгляды многих внимательных глаз — из зеленой сельвы проявились мокрые полуголые тела. Сдвинутые брови, спутанные волосы до плеч, на чреслах тряпье, колени, локти, плечи — в ссадинах.

Муса вдруг положил ладонь на плечо Савелия.

— Что-то не так, — тихо сказал он.

— В каком смысле? — спросил Смирнов.

Глядя себе под ноги, Муса озабоченно сообщил:

— Их слишком много. Человек тридцать. Может, и больше. Они окружили всю поляну.

— Еще бы, — презрительно пробормотал Глыбов. — Повидло, ножи, топоры, девка... Команчи заявились всем табором. Мы уедем, и у них начнется пир горой. Большой дележ.

Молодой Митяй казался еще более веселым, нежели вчера. Дождь, по всей видимости, никак его не беспокоил.

— Утречка доброго, — торжественно произнес Гоша.

— И тебе, — ответил дикарь и оглядел выложенные в ряд презенты.

«Сейчас спросит насчет автомата», — подумал Савелий.

Дождь сильно смущал бывшего шеф-редактора. Под дождем лучше быть стеблем зеленым, нежели человеком. Под дождем стебель счастлив, а человек грустит и мается. Человеком быть хорошо, если есть теплый сухой дом. А выйди за порог — и сразу позавидуешь и зверю мохнатому, и стеблю зеленому.

Дождь напомнил Савелию о преимуществах растительного существования, и процесс переговоров не вызвал в нем никакого интереса. Ножи, цинки с патронами, контейнеры с повидлом, ухмылки, горящие взгляды лесных людей — чепуха, скука. Людоедская суета. Дождь гораздо интереснее. Скоро он кончится, и желтая звезда обрушит свою благодать, и пойдет теплый пар — сначала от высыхающих верхушек, потом от изумрудного подлеска, а потом и от земли, укрытой ковром из мхов и еловых игл. Насытится водой воздух, мир станет сырым и ярко-зеленым, как первозданный Эдем до момента вхождения в его пределы первого двуногого прямоходящего.

Тем временем Митяй довольно щурил бедовые глаза, пробуя пальцем лезвия, заблаговременно наточенные Гошей Дегтем до бритвенной остроты.

— Не худое добро.

— А то, — отвечал Гоша.

— Патронов мало.

— Тебе, Митяй, патронов всегда мало.

— Добавь патронов.

— Нету больше.

— Врешь. У тебя все есть.

— Не забижай. Ты меня знаешь. Я не врал, не вру и не буду. Нету патронов.

— А зажигалу дашь?

— Не дам. Я тебе восемь дней как давал зажигалу.

— Она уже не зажигает.

— Правильно, Митяй. Кончилась, вот и не зажигает. Выбрось.

— Меня батяня учил ничего не выбрасывать.

— Правильно учил.

— Батяня, он — да. Худого не скажет.

— А про наш уговор знает?

— Считай, знает. Хошь — иди к батяне, спроси.

— Нет, Митяй. Не хочу к батяне. Мы лучше с тобой.

Гоша отвечал на реплики дикаря грубовато, но подобострастно. Савелию показалось, что он переигрывает. Странно, но и дикарь тоже как бы немного исполнял роль пещерного человека — по его взглядам, нет-нет бросаемым на своих волосатых соратников, было заметно, что немытый богатырь лукавит и чего-то ждет. Соратники — кто с дрекольем, кто с ружьем — оживленно переминались, перемигивались, но колонистов держали в поле зрения. Савелий посмотрел на Мусу: старый сибирский партизан был напряжен и держал оружие наготове.

Дождь слабел. Глыбов зевнул и стал изучать ногти.

Про автомат не говорили. Про Илону — тоже. Ее, сладко спящую, завернутую в одеяло, Муса утром отнес на руках, устроил в багажнике, сейчас она спала.

Молодой Митяй, взвешивая в руке каждый предмет, перебрасывал его приятелю, тот — второму, в конце концов добро бесследно исчезало в зарослях. До повидла добрались в последнюю очередь. Митяй запустил нечистый палец, облизал, засмеялся. Сделал знак: из кустов вынесли жбан, накрытый мятой алюминиевой крышкой.

— Местный алкоголь, — шепотом объяснил Гоша. — Каждому надо выпить по глотку.

— Еще чего, — брезгливо возразил Глыбов.

— Не волнуйтесь. Экологически чистая вещь. Вам понравится.

Тем временем юный вождь уже зачерпывал медовуху берестяным ковшом. Выпрямился, через плечо бросил взгляд на спутников.

— Земля — моя, — с расстановкой провозгласил он и значительно посмотрел в глаза каждому делегату. — Все, что на ей, — мое. Все, что в ей, — тоже мое. Ходи по ей, свое делай — а помни, по чьей земле ходишь. А забудешь — придет Белый Лось и топтать тебя будет. Пока совсем не затопчет.

Он отхлебнул из ковша, вручил Гоше. Серьезный Гоша пригубил, передал доктору. Тот — Мусе.

Когда Муса протянул руку, из леса прилетело копье, ударило его в спину, меж лопаток, пробило насквозь. Хрустнули переламываемые кости. Муса издал горловой звук и упал в брезент, подбородком вперед.

Рядом рухнул Глыбов.

В Гошу Дегтя воткнулось сразу три копья. Может быть, его особенно спешили умертвить. Он был почти друг, он был свой, а своих, судя по всему, здесь не жалели.

Безоружного доктора зарезал Митяй — подскочил и ударил ножом в живот. Как и Савелий, доктор ничего не успел сделать, только вскрикнул. Свободной рукой дикарь зажал ему рот, а потом, немного подсев, силой предплечья поднял нанизанного на клинок человека в воздух, чтоб глубже вошло и вернее получилось.

Пятачок вокруг вездехода наполнился обнаженными фигурами. Всем лежащим деловито разбили дубинами головы. Наклонялись, смотрели — готов или еще дышит? — опять били, с размаху. Сквозь шум дождя доносились спокойные реплики: «сюды», «погодь», «щас». Поляна едва вместила всех бойцов, но Савелия не тронули и даже не прикоснулись. Потом его ноги ослабели, он сел на мокрое, прислонился спиной к колесу вездехода. Смотрел, как Митяй обтирает лезвие пучком травы и поднимает на него ярко-синие глаза.

С мертвых тут же стали срывать одежду. У Глыбова оказался жирный живот. А на спине и плечах — зеленые,

неправильной формы, пятна. Над ним нагибались, рассматривали.

— Порченый.

Обнаженные тела городских людей по контрасту с мощными, поджарыми, рукастыми дикарями смотрелись жалко.

Митяй присел перед Савелием, спросил весело:

— Баба где?

— Бабы нет, — хрипло соврал Савелий.

Он точно знал, что местные побоятся лезть в вездеход. Просто не сообразят, как открываются двери. Главное, чтобы Илона не закричала, не стала колотить изнутри по стеклам.

— Нет бабы, — повторил он. — Она... хворая.

— Ага. — Дикарь поднял нож и быстрым движением рассек Савелию щеку. — Не врешь?

— Нет, — твердо произнес Савелий и через плечо молодого Митяя увидел, как на поляну под руки выводят старого Митяя.

Завернутый в мех старец шел очень медленно, с двух сторон поддерживаемый бородатыми ординарцами. Тяжело переставлял ноги в огромных, изъеденных молью валенках. Воины примолкли, торопливо расступились. С их дубин обильно текло ярко-красное. Старик внимательно осмотрел окровавленные тела, пошевелил бровями, взглянул на сына. Тот ухмылялся. К Савелию подскочили, железными пальцами схватили за волосы, за локти, рванули, поволокли. Он застонал от боли, но его ударили в живот, выбили дыхание. Несколько секунд он хрипел, зажмурив глаза, а когда открыл — увидел прямо перед носом валенки и даже распознал их кислый запах.

Глядя сверху вниз, патриарх вздохнул и объявил:

— Тебя не убьем.

Вдруг Савелий решил схватить его за ноги, повалить, вцепиться в горло. Пока в спину будут вонзать лезвия, по-

ка будут ломать дубинами затылок, он успеет покончить со стариком, и самому умирать будет уже не так обидно. Но потом он вспомнил, что его судьба — превратиться в стебель зеленый, а растения не мстят за собратьев.

— Садись в свои железные санки, — продолжал старик. — Возвертайся до своих. Расскажи, чего тута было. А кто не поймет, тем по новой расскажи. И мои слова передай. Пускай все, сколько вас есть, уходят отсюдова. Тута все наше, а вашего ничего нету. И не будет. Не уйдете — всех убьем. Уйдете и возвернетесь — тоже всех убьем. Понял меня?

Ногой, обмотанной в смрадную сыромятную портянку, Савелия пнули в пах. Старик терпеливо подождал, пока пленник перестанет кричать.

— Мне, — продолжил он, — отец говорил, что далече отсюдова стоит город большой, где все есть. Знаю, что вы оттудова пришли. Из города, где все есть. Зачем пришли — не знаю и у тебя не спрошу. Ты все равно не скажешь. Потому как сам не знаешь. По глазам вижу. Только тута вам жизни не будет. Вы злые и порченые. Вы своих баб готовы на сторону отдать, чтоб свои беды исправить. Видать, крепко вас Худой Петух в жопу клюнул. Правду говорят: у кого все есть, тот еще больше хочет. Иди до своей деревни, скажи слова старого Митяя и сына его: пускай Худой Петух заберет вас всех обратно. Туда, где все есть, но толку нет. А по своим друзьям не плачь. Их Белый Лось растоптал, иначе никак было. А бабу свою белую никому не отдавай, себе оставь.

Валенки исчезли из поля зрения. Когда Савелий поднялся на ноги, поляна была пуста. Только в центре ее лежали вповалку четыре обнаженных тела. Красная кровь, зеленая трава. Доктор лежал на спине, череп был раздавлен, но на лице — ни царапины, в раскрытых глазах выражение покоя. Тела Гоши Дегтя и Глыбова были обезображены до неузнаваемости, Муса — изрезан вдоль и поперек.

Дикари унесли даже брезент.

«Закопать, — пронеслось в голове. — Похоронить. Нет, погрузить в вездеход, отвезти в поселок. Снарядить карательный отряд. Зачем? Я не каратель. Я даже не человек. Вернусь, брошу пить чудо-таблетки, стану стеблем. Корни пущу, буду тянуться к солнцу. Репейником стану, смородиновым кустом, чем угодно».

Дождь прекратился, и над поляной уже сужала круги какая-то ширококрылая птица, из тех, что не прочь потерзать еще теплое мясо.

Савелий огляделся. Полез в вездеход. Под сиденьем нашел то, что искал, — еще один автомат, принадлежавший Смирнову. Проверил магазин — полон. Открыл заднюю дверь вездехода и увидел, что Илона спит. Завернулась в одеяло, поджала к груди колени. Она ничего не видела, не слышала предсмертных хрипов и хруста костей. «Как хорошо, — подумал Савелий. — Как хорошо, что она спит! Не стану я тела грузить. Отвезу девчонку в колонию, возьму Полудохлого, еще двоих-троих, вернусь. А Илоне ничего не скажу. Никому ничего не скажу, это будет по-человечески».

Он завел машину, разобрался с управлением. Мощный китайский аппарат пошел, подминая кусты, неожиданно легко.

«Вернее, скажу, но не сразу. И не всем. Превращаться в стебель теперь нельзя. Нет времени. Все, кто управлял жизнью поселка, убиты. Надо вооружать остальных, налаживать оборону. Дикари, если захотят, растерзают изнеженных колонистов в несколько минут. Тем более теперь у них есть автоматы. Надо организовывать эвакуацию. Возвращаться в Москву. В город, где все есть. Пусть там теперь почти ничего не осталось. Надо выставить вооруженную охрану у вертолета. Паникеров угомонить. Может быть, применить силу. Вывезти первым делом женщин и детей, потом обитателей изолятора. С первым

же рейсом передать записку Гарри Годунову, пусть мчит сюда, помогает. А потом, когда все спасутся, когда работа будет сделана, настанет время обратиться в стебель. Чтобы забыть о мщении. Ведь я не мститель, я всего лишь бывший журналист, травоед расчеловеченный».

Въехав в колонию, он почувствовал облегчение и сразу обессилел. Остановил вездеход, вылез. Увидел старого приятеля: пошатывающееся зеленое привидение, Полудохлого. Приятель счастливо улыбался.

«Очень кстати», — подумал Савелий. Перекинул через голову ремень автомата, дотянулся и взял Полудохлого за плечо. Сжал.

— Слушай меня. Внимательно. Это очень важно. Слушаешь?

— Ага. — Полудохлый приязненно глядел сверху вниз и разлеплял губы с видимым трудом.

— Сядь в машину. Запрись изнутри. Там есть вода. Сиди в машине и пей воду. Ты понял меня?

— Ага, — промычал Полудохлый.

«Надо вспомнить, как его зовут, — подумал Савелий. — Вадим, вот. Его зовут Вадим! Для расчеловеченного травоеда у меня хорошая память».

— Ты понял меня, Вадим?

Полудохлый кивнул.

— Вода, — сказал он. — Хорошо.

— Да, — кивнул Савелий. — Вода — это хорошо. Сиди внутри и не выходи. Если выйдешь, я убью тебя. Ты понял?

— Ага.

— Если к машине подойдет кто-то, кроме меня, и ты откроешь двери — я тоже убью тебя. Понял?

— Ага.

— Ты будешь сидеть внутри, пить воду и ждать, когда я вернусь. В багажном отсеке спит женщина. Если проснется, не выпускай ее. Понял?

— Да.

— Ты молодец, Вадим. Сделаешь все, как я сказал, — буду считать тебя человеком.

Полудохлый насупил брови и полез в кабину. Савелий благодарно махнул ему рукой, побрел к домику жены. Но Варвару не нашел. Рванул с гвоздя полотенце, обтер кровь с рассеченной щеки. Перекинул поудобнее ремень автомата, направился к столовой. У входа встретил молодую полную женщину, лаборантку. Как сказали бы местные, нехудую белую бабу. Схватил ее за плечо. Наверное, вид его был очень убедителен, поскольку женщина только ахнула и побледнела.

— Вас все ищут, — сказала она. — Ваша жена родила.

— Спасибо, — прохрипел Савелий. — Хорошая новость.

— Кстати, с сегодняшнего дня вам назначены новые процедуры. Уколы внутривенно, капельница и...

— В задницу процедуры, — оборвал ее Савелий. — Я ничем не болею. Послушайте. Это очень важно. Срочно бросьте свои дела и соберите людей. Всех. Врачей, волонтеров, санитаров. Срочно. Через десять минут, здесь, на крыльце.

— А что случилось?

Савелий подумал — говорить или не говорить и если говорить, то как? — и коротко объявил:

— Люди погибли.

Женщина закрыла ладонью рот.

— Остальное скажу, когда все соберутся... — Он не сдержался и выкрикнул: — Идите! Быстрее!

Лаборантка кивнула и убежала.

«С женщинами будет проще, — подумал он. — Женщины сделают все, о чем я их попрошу. Что касается мужчин, их будем вразумлять старым добрым способом — держа палец на спусковом крючке. А может, доктор Смирнов был прав и хороших людей больше, чем кажется? И не будет никакой паники, попыток захвата

вертолета или вездехода. Впрочем, все равно. Я готов к любому варианту. Если надо, буду угрожать, кричать и стрелять. Доктор говорил, что хочет вытащить всех. Значит, надо вытащить всех. Тех, кто наполовину человек, и на четверть человек, и почти уже не человек. Всех.

Мне все равно, как я себя чувствую. Мне наплевать, какой у меня диагноз. Мне все равно, на солнце я или в тени.

Мне все равно, кто я. Стебель, животное, гомо сапиенс. Травоед, людоед, бледный или наоборот. Я становлюсь человеком каждый раз, когда совершаю человеческий поступок. И пока у меня есть разум и сердце, я буду пытаться совершать такие поступки каждый день, каждую минуту.

Мне все равно, кем я буду завтра. Тем более послезавтра. Если сегодня я человек, я сделаю все, чтобы им остаться.

Я пока человек. Человек».

У входа в больницу он опять столкнулся с той же лаборанткой.

— Я уже, — торопливо запричитала она. — Я почти всем сказала... Скоро соберутся... Но сюда нельзя в грязной одежде...

— Моя жена, — произнес Савелий. — Как она?

— Все в порядке. И с мамашей, и с новорожденным. Прекрасный мальчик, абсолютно здоровый... У вас кровь по лицу течет.

— Ничего, — сказал Савелий. — Вы уверены, что ребенок здоров?

— Еще бы. Розовый, голосистый. Почти четыре килограмма.

— И что мне теперь делать?

Нехудая белая баба заплакала:

— Радоваться.

ЖИВАЯ ЗЕМЛЯ

RIUMƎƎ RABNX

Часть первая

1

К часу ночи они дошли до тридцать третьего этажа.

Снаружи Денис был покрыт пылью, под комбинезоном — обливался потом. Пыль была везде. Тонкая, как пудра, она плохо пропускала свет фонариков. Шедший первым Глеб ставил ногу на ступень — и поднималось новое облако невесомой дряни. Таня двигалась второй, часто сбивалась с шага, делала много лишних движений, каждое из них — неловкое касание стены или перил либо чрезмерно старательный удар подошвы по цементному полу — взметывало обильные и плотные вихри пыли. Денис был замыкающим, ему доставалось больше всех.

Перчатки насквозь промокли и почернели, очень хотелось их снять и почесать запястья, но Денис знал, что ладони его под перчатками такие же черные, как сами перчатки. Денис не хотел, чтобы Таня видела его грязные руки; она презирала неопрятных людей.

Перчатки стоили приличных денег — толстые, льняные, купленные в магазине народного кооператива «Все свое». Скользкая их ткань не нравилась Денису, он предпочел бы иметь такие перчатки, как у Глеба Студеникина: хлопковые. Китайские. Контрабандные.

Но в России хлопок не растет, и хлопковая одежда была Денису не по карману.

Он поймал себя на том, что в уме называет Глеба по фамилии, и немного устыдился. Все-таки лучшего друга лучше называть по имени. И вслух, и в уме.

Хотя Таня, например, всегда называет Глеба только по фамилии. «Не сходи с ума, Студеникин». Впрочем, женщин вообще трудно понять.

И потом, подумал Денис, наблюдая, как Глеб мерно переставляет ноги со ступени на ступень, еще неизвестно, чем закончится эта дружба. Друг никогда не уведет у тебя девушку. А Глеб увел. Взял и увел девушку Таню у своего друга Дениса. Он, Глеб Студеникин, уведет любого и любую.

Ладно, ему виднее. Он старше. Против Дениса Глеб Студеникин — взрослый мужчина двадцати пяти лет. Это по паспорту, а на вид ему все тридцать. Есть даже морщина на лбу.

А у Тани все наоборот: она смотрится девочкой, малолеткой; кукольное личико, так и хочется сказать «глазки» вместо «глаза». Или «носик» вместо «нос». Но попробуй скажи: «девочка» сузит «глазки», сверкнет ими и выдаст что-нибудь свое, какую-нибудь домашнюю заготовку — у нее низкий грудной голос, и она умеет им пользоваться — и ты в лучшем случае поперхнешься и покраснеешь.

Глебу хорошо, он не умеет краснеть, Танины фразочки его не трогают. Или трогают, но он не подает виду.

Денис смотрит на спину Тани: комбинезон на два размера больше, чем надо, но Таня перетянула его ремешками — на талии, под коленями, под грудью и возле щиколоток, она выглядит замечательно.

— Стоп, — выдохнул Глеб, останавливаясь. — Тридцать пятый.

Таня тут же присела на ступени, вытянула ноги.

— Тебе пора, — сказал ей Глеб. — Отдохни две минуты и возвращайся.

Таня посмотрела на спутников — сначала на одного, потом на второго, причем, как ревниво отметил Денис, чуть дольше задержала взгляд на лице Студеникина — и рассмеялась.

— Весело тебе, да? — сурово спросил Глеб.

— Да, — призналась Таня. — Если б вы себя видели! Вы такие серьезные — обхохочешься. Настоящие мачо. Суровые парни, покорители мира...

По обычаю каждый из троих освещал фонариком собственное лицо — Глеб и Денис, как все мужчины, делали это небрежно, снизу, Таня же старалась подсвечивать чуть сбоку, чтобы хорошо выглядеть. В Москве давно не было уличного света, зато фонари, продаваемые в магазинах народного кооператива «Все свое», стоили дешево, весили мало и служили долго.

— Малыш, — сказал Глеб, — я не шучу. Все шутки остались внизу.

Денис промолчал.

Он бы тоже хотел сказать ей «малыш». Хоть один раз. Но она не прощала «малыша» даже Глебу. Считала прозвище пошлым и вдобавок слишком интимным. Альковным.

Женщины, философски подумал Денис, в пятый раз проверяя замок на поясном ремне. Женщина всегда делает вид, что презирает пошлость, а потом хоп — видишь ее в ресторане, раскрасневшуюся, в компании какого-нибудь разложенца, жуткого пошляка; она совершенно пошлым образом закидывает ногу на ногу и хохочет над самыми наипошлейшими шутками кавалера.

— Да, — сказал он Тане, выдавая отрепетированную скупую улыбку. — Мачо или не мачо, но тебе пора.

Глеб втянул носом воздух. Нос его, подсвеченный снизу, выглядел дико: дважды сломанный, крючковатый, с длинными, узкими, подвижными ноздрями.

Таня молчала. Лицо Глеба сделалось словно деревянным.

— Во-первых, — тихо сказал он, — мы договаривались. Доходим до тридцатого, и ты возвращаешься. Ты обещала. И мне, и ему (он посмотрел на Дениса, тот кивнул). Во-вторых, наверху тебе просто нечего делать. В-третьих, ты все равно не дойдешь, потому что неправильно двигаешься. Я говорил, что надо ставить на ступень только мысок (Глеб подсветил себе фонариком и показал) и напрягать икроножную мышцу. А когда икра устанет — ставить уже всю ступню, и напрягать переднюю поверхность бедра. И еще — активнее работать ягодицами...

— Не учи меня, — грубо ответила Таня, — работать ягодицами.

— Хорошо, — благосклонно произнес Глеб. — Не буду. Но сейчас — возвращайся. Пожалуйста.

Таня сменила тактику: сложила губки бантиком и посмотрела снизу вверх, льстиво-умоляюще. У гордых людей такие взгляды не получаются, и у нее не получилось.

— Послушай, — миролюбиво сказал Глеб. — Наверху ничего нет. Грязь, битое стекло и дерьмо. Кошки дохлые... И так — семьдесят пять этажей подряд. Наверху у нас заберут груз, дадут денег — и всё, мы пойдем назад.

— Знаешь что, Студеникин, — спокойно сказала Таня. — Пошел ты в жопу!

Развернулась и зашагала вниз.

Глеб хлопнул Дениса по плечу и крикнул:

— Я не могу пойти в жопу!

Таня не обернулась. Глеб хмыкнул и добавил:

— Я уже там!

Таня ничего не ответила, дисциплинированно светила себе под ноги.

Студеникин подождал, пока звук ее шагов затихнет, и хрипло пробормотал:

— Баба с возу — ей же хуже.

– Хорошо, что в лифт не послала, – сказал Денис.

– Она не будет посылать меня в лифт, – сказал Глеб. – Она не настолько груба.

Потом они несколько минут молчали, восстанавливали дыхание. Готовились. Выпили по два глотка воды.

– Держи обычную скорость, – хриплым полушепотом учил Студеникин. – Сто пятьдесят ступеней в минуту. Вся дистанция – десять минут, полторы тысячи ступеней. Сто лет назад люди с такими результатами взбегали на «Эмпайр стейт билдинг» и были чемпионами. Но они были спортсмены. Шли не отвлекаясь, а главное – без груза. Да и строили тогда по-другому. Толщина перекрытий была больше, потолки – ниже. И меньше ступеней на каждом марше. Мы с пацанами для прикола както съездили в Бутово, зашли в старый лужковский дом. Там – всего восемь ступеней на каждый марш, и сами марши очень крутые... То есть ты понял, да? Сто лет назад люди были физически сильнее, а лестницы – круче.

– Люди были круче, – сострил Денис.

– Что?

– Люди, говорю, были крутые, и лестницы тоже.

– Крутые? – переспросил Глеб. – Не знаю. Не уверен. Мир был злее, а люди – добрее. Это во-первых. Во-вторых, нас с тобой тогда не было. Ты не видел тех людей, я тоже. Правильно?

– Да, – сказал Денис.

Глеб сплюнул и выключил фонарь.

– Наши пацаны, – сказал он, – круче тех спортсменов. Наши таскают по двадцать килограммов, делают по три рейса за ночь, причем до семидесятого этажа идут спокойно, а дальше делают резкий рывок на пятнадцать – двадцать маршей...

– Зачем?

– Так надо. Ты не болтай, лучше дыши. И пульс проверь. В нашей команде рекорд – сто килограммов бала-

баса за ночь. На одного. Иногда берем заказы на всю бригаду, например — тонну дизельного топлива. Разливаем по канистрам — и пошли, группами по пять — семь человек. Но это редко. Кто посерьезнее, у кого постоянная клиентура — те в одиночку работают или в паре...

— Как ты, — сказал Денис.

— Я? — Студеникин хмыкнул. — Я, брат, таскаю балабас уже девять лет. Мне давно пора завязывать. Ты как, продышался?

— Еще минуту.

— Не торопись, время есть. Дыши спокойно. И слушай внимательно. Это плохая башня, тут много народу. Но до сороковых этажей проблем не будет. Пойдем спокойно, без спешки. Дальше придется без фонарей. Я вставлю инфракрасные линзы, а ты держись прямо за мной. После сорок второго пойдут дурные уровни, бестолковые. Сплошные сквоты, молодежь, наркоманы, балбесы всякие, случайные любители приключений и прочие идиоты. Грязь, вонь, везде обоссано, постоянно костры жгут... Дымно, дышать нечем... Те места никто не любит. В смысле никто из моей команды. Понял?

— Понял, — сказал Денис. — А сколько людей в твоей команде?

— Примерно тридцать пацанов, — после паузы ответил Студеникин. — Старший — Хобот, ты его знаешь. Мы держим три башни. Эта, еще «Ломоносов» и «План Путина». Но люди часто меняются. Обычно пацан приходит на три месяца, на полгода, денег заработает — и отваливает. Кого-то патруль ловит. Кого-то скидывают...

— Куда? — спросил Денис.

— Вниз, — сухо сказал Глеб. — Поймают, отберут балабас — и выбрасывают. В окно.

— И часто... ловят?

— Зависит от башни. Наши дома тихие, спокойные. Тут мы теряем двоих-троих в год. Самая опасная баш-

ня — «Федерация». Особенно седьмой пояс. Люди бьются раз в месяц. Но там у каждого серьезного пацана — нанопарашют. Очень полезная штука. Размером с фильтр от сигареты. Стоит бешеных денег, зато жизнь спасает. Суешь его в карман — и пошел. Поймают, выкинут из окна, а у тебя парашют в кулаке зажат...

— Черт, — сказал Денис. — Почему ты раньше не рассказывал?

Глеб усмехнулся.

— Во-первых, ты не спрашивал. Во-вторых, пока человек сам не взялся за рюкзак, ему все знать необязательно.

— А у тебя есть такой парашют?

— Нет, — сказал Студеникин. — Я не собираюсь всю жизнь балабас таскать. Накоплю сколько надо — и завяжу. Но ты не перебивай, а слушай. После сорок пятого уровня будет труднее. Там всякие мелкие негодяи, гопники, тухлые притоны — в общем, неприятно, но не смертельно. Могут крикнуть что-нибудь или камнем кинуть. Эти места мы проходим на средней скорости. Там все пропитые и прокуренные, даже если кто погонится — не выдержит и десяти маршей. Но останавливаться нельзя, ни в коем случае. Кого-то увидишь — не обращай внимания. Если что-то скажут или крикнут — не отвечай. Схватят за рукав или плечо — бей сразу, не глядя, ногой, рукой, головой, чем получится, — и ускоряйся. Ясно?

— Да.

— Повторяю первое правило: от любой угрозы уходим вверх, и только вверх.

— Я знаю, Глеб. Ты сто раз повторял.

— Ты слушай, слушай. Испугаешься, пойдешь вниз — догонят. Пойдешь вверх — не догонят никогда. Без тренировки ни один гопник не выдержит ускорения на пятнадцать маршей вверх... Даже не гопник, а любой крепкий человек, даже некурящий, даже спортсмен — не выдержит, потому что бегать вверх — это дело хитрое...

— А если андроид? — спросил Денис. — От него еще никто не убегал.

— Во-первых, убегал, — ответил Глеб. — Человек от любой машины убежать может. Потому что он жить хочет, а машина — вообще не живет. Во-вторых, андроиды тут не водятся. На пятидесятых живет мелкая шушера, козлы всех мастей, им андроиды не по карману. Не та публика. В-третьих, ты когда в последний раз андроида видел? Даже государственного? Они давно на складах хранятся. В резерве. До лучших времен. Все обесточены.

— Говорят, не все.

— Конечно, не все, — согласился Студеникин. — Некоторых используют для спецопераций. Емельяна Головогрыза именно андроиды брали. Но здесь ты их не увидишь. Клоны есть, да. Раз в год встречаю. Плохие клоны, низкого качества. Кустарные. Дебилы кривые. Не то что бегать — ходят с трудом. В основном тут баб клонируют, сам знаешь для чего. Клоны стареют очень быстро, ими год-два пользуются, а потом выгоняют, и они бродят по этажам, грязные, голодные... Смотреть страшно. Потом попадают под облаву, их вывозят в резервации, там они подыхают тихо, вдали от людей... А андроидов — нет, никто из наших ни разу не видел.

Некоторое время Студеникин молчал, потом произнес:

— Только, говорят, на резервных складах андроидов давно нет. Всех продали по-тихому. За границу. Русские андроиды ценятся. Они, как автоматы Калашникова, — дешевые, простые и безотказные. Ты знаешь, допустим, что в литиевой войне между Чили и Боливией бились пять тысяч русских андроидов, причем с обеих сторон?

— А ты там был? — иронично осведомился Денис. — На литиевой войне?

— Не был, — спокойно согласился Глеб. — Но я телевизор смотрю. В отличие от тебя. Это вы, интеллектуалы, те-

левизором брезгуете. А я — простой парень. Ни папы, ни мамы, рванина детдомовская... Я телевизор смотрю. Нулевой канал. Конечно, там вранья много, всякой дешевой пропаганды, но иногда такое видишь, что не захочешь — поверишь. Вчера показывали реального американского андроида, на запчасти разобранного, а какой-то профессор пальцем тыкал и объяснял, что американский боевой андроид в сильный дождь воевать не идет, потому что защита срабатывает. А при минус пятнадцати по Цельсию у него зависает операционная система. И еще — ему нужна обязательная ежедневная диагностика. Русскому тоже нужна, но американский дурень без диагностики сражаться не может, а русский — может...

— Тебе виднее, это ты у нас патриот, — сказал Денис, подкидывая дровишек в их старинный спор, длящийся уже три года.

— Дальше слушай, — раздраженно рекомендовал Студеникин, не поддавшись на провокацию. — Шестидесятые уровни — мертвая зона. Там — никого, но места опасные. Повторяю второе правило: твоя территория — только лестница, на этаж заходить нельзя. То есть ты понял, да? Поссать, передохнуть — только на лестнице. Даже если на этаже кто-то будет ребенка расчленять или баба голая пальцем поманит — это не твое дело. И вообще, это может быть подстава, голограмма. Третье правило — не приближайся к окнам. Есть стекло или его нет, разбито — к внешней стене не подходи. Пролетит патрульный вертолет, увидят — сразу расстреляют. А могут и ракетой шарахнуть. Без суда и следствия...

— Понял.

— И четвертое правило: прошел седьмой пояс — ставь свечку. На семидесятых мы ускоряемся по полной программе. Там самое трудное. Там сидят отмороженные. Беглые уголовники, наркомафия и так далее. Чаще всего наши пропадают именно на семидесятых. За пять литров воды

пацана могут на части порезать. Выстрелов не бойся, если человек бежит по лестнице вверх — в него почти невозможно попасть. Максимум — срикошетит от стены или от перил. Держись ближе к стене, при повороте с марша на марш отталкивайся плечом и бедром. Следи за дыханием. Хуже всего — если засада. Сейчас есть популярная новинка, какой-то гад изобрел: натянут, суки, нить из нановолокна поперек марша — и ждут. Нитку глазом не видно, толщина — десять микрон, а выдерживает она десять тонн веса. Бежишь — и вдруг тебя пополам перерезает, ноги налево, руки направо... Или, если нитка на уровне шеи, голова падает, а сам ты дальше побежал, навроде курицы... Но это я так, страсти нагоняю. У нас тут народец дремучий, я не слышал, чтоб кто-то на нитку напоролся. Вот «Федерация» — это душегубка, там в прошлом году пятеро на нитку попали. Одного вообще на пятьдесят кусков развалило...

Глеб замолчал, включил фонарь, посветил в лицо Денису. Хочет понять, испуган я или нет, подумал Денис и заслонился ладонью.

— Пройдем семидесятые — можно расслабиться. Дальше до самого верха безопасно. Только на восемьдесят шестом будет проблема, там один марш взорван. Кто-то с кем-то воевал. Когда траву сожрали и начался реальный голод, люди обвинили во всем китайцев и пошли громить сотые этажи. Китайцы, понятно, сбежали, но не все, кто не успел — защищался. Я несколько раз ходил на «Чкалов» — там все уровни выше девяностого сожжены дотла. Был такой Виктор Саблезуев, захватил милицейский вертолет, целый день летал и ракетами пентхаусы расстреливал. Пока его не сбили...

— Знаю, — сказал Денис. — Слышал. Только он не захватывал вертолет. Он сам был офицер милиции.

— Неважно. Короче говоря, сейчас выше семьдесят восьмого никого и ничего нет. Только свои пацаны. У многих наших там склады и тайники. В районе девяностых.

— А у тебя есть тайник?

— Есть, — сказал Глеб. — И не один. И тайники есть, и схроны. Но это не твое дело. Готов?

— Готов.

— Тогда пошли.

Ноги надо ставить правильно. Шагать не вразвалку, а строго по прямой, чтобы плечи не ходили вправо-влево и не расходовались лишние силы. Хотя сначала может показаться, что вразвалку — легче и проще. Корпус надо немного наклонить, чтобы рюкзак отягощал всю плоскость спины, а не только плечи. Следить за мышцами: переработает икра или бедро — будет судорога. Правая рука вовсю работает: хватает перила, тянет корпус вверх. У Глеба правая рука вдвое сильнее левой, и если драка — он только правой действует или — если один против нескольких — ногами; а ноги у него — как у лошади, каменное мясо, сила бешеная, взрывная, ударит в грудь — человек в воздух поднимается и на пять метров летит. А потом полчаса лежит, думает.

Денис выше Глеба, и плотнее, и плечи шире, и кости длиннее. Перед сегодняшней доставкой — первым реальным делом — Денис четыре месяца тренировался, и норму — полторы тысячи ступеней за десять минут с грузом в пятнадцать килограммов — выполняет легко. Но все равно против Глеба Студеникина он маленький мальчик.

На разных этажах лестница выглядела разно, и мусор был разный, и грязь, и пыль. Жестянки из-под напитков, кучи старых фекалий, обломки мебели исчезли после пятидесятого уровня, дальше было чище и свежее, а бытовой мусор и вовсе пропал — видимо, на большой высоте умели приспосабливать в хозяйство даже самое мелкое барахло. Двери на этажи почти все или были распахнуты настежь, или вообще отсутствовали, за черными проемами угадывались гулкие залы, оттуда тянуло ветром, то

теплым, то ледяным; Денис замечал пятна света или ловил запахи жилья; минимум дважды донеслась музыка. Башня была обитаема, тут везде жили, и на опасном семьдесят третьем они с Глебом поочередно наступили в дерьмо отнюдь не древнее, а отменной первой свежести. Метались тени, звучали голоса, и даже счастливый женский хохот, на опаснейшем семьдесят седьмом. Дом был слишком огромен, чтобы не иметь обитателей, живущих хоть и скрытно, но вполне полноценно, и Денис лишний раз получил подтверждение недавно посетившей его догадки: число людей, желающих жить «не как все», — велико. Возможно, тех, кто не хочет жить «как все», даже больше, чем тех, кто хочет.

Глеб Студеникин не желал быть «как все». Он далеко зашел в своем презрении к тем, кто живет «как все». За это Денис был почти готов простить своему лучшему другу даже историю с Таней.

Он сам все испортил. Познакомить свою девушку с лучшим другом — дежурная процедура, так ведь? А через месяц Таня была уже не его, Дениса, девушка. А девушка Глеба Студеникина. Вот вам и девушки. Что можно подумать про девушку Таню и про всех на свете девушек после такого случая?

Слава богу, хватило ума сразу все понять и не выяснять отношения. Таня, кстати, попыталась сама: пришла, тихая, красивая, нарядная, какой-то приятный шарфик на шее, а круглые белые плечи, наоборот, голые; улыбалась, гладила по бицепсу, тянулась поцеловать в щеку, что-то лепетала с изумившей Дениса стеснительностью, но суровый парень Денис сказал только: «Не надо, я все понимаю». И больше ничего. И даже дал ей завершить прощальный поцелуй, сухими губами в щеку. Очень круто было, одной фразой начать и закончить разговор. И это прикосновение губ к твердой колючей щеке, под кожей

желвак сыграл, и ушам почему-то жарко стало... Круто было. Правильно. По-взрослому. Потом Денис себя уважал. А Таню, наоборот, немного перестал уважать. Зачем нарядилась, как романтическая какая-нибудь Ассоль, если пришла сказать, что все кончено? Надела бы телогрейку, косынку, сапоги кирзовые, не так было бы обидно.

А Глеб — тот ничего ему не сказал, вообще. На то он и Глеб Студеникин: поманил девчонку пальцем — и она побежала. А тому, от кого убежала — лучшему другу, — только в глаза посмотрел, без выражения. Мол, ничего личного. Самка выбрала лучшего самца, любовь зла, сердцу не прикажешь, и все такое.

На восемьдесят восьмом остановились отдышаться и попить.

— А этот клиент... — спросил Денис, — он кто?

— Не знаю, — ответил Глеб. — И знать не хочу. Знаю, что у него денег — валом, и звать его Постник. То ли прозвище, то ли фамилия... Но у таких каждый год новая фамилия. Вообще, про клиента у нас говорить не принято. Даже среди своих пацанов. Мало ли по какой причине человек на сотый этаж забрался? И вниз не хочет. Может, он в десяти странах к смертной казни приговорен... Или просто людей ненавидит. Одно могу сказать — таких, как он, много и все они сумасшедшие. Так что — когда дойдем, ничему не удивляйся...

— А откуда у него деньги?

— Слышь, — печально сказал Глеб. — Если взялся за рюкзак — о таких вещах никого никогда не спрашивай. Понял, да?

— Да.

Глеб пил, как спортсмен: набирал в рот, смачивал горло и выплевывал. На пыльном полу вода скатывалась в мелкие шарики.

— Говорят, — неохотно продолжил он, — до искоренения Постник был очень богатый, и этаж, где он сейчас

сидит — девяносто первый, — это был его этаж. Собственный. То есть ты понял, да? Он всегда там жил. Верхние уровни обесточили, а он не захотел спускаться. Сам знаешь, когда башни расселяли — много чего случилось. Народ помельче, обыватели — сразу послушно спустились, со своих тридцатых и сороковых. А вот те, кто жил от шестидесятого и выше, кто своим трудом наверх пробился, — с ними была проблема. Многие не поверили, что башни отключат. Представь — всю жизнь работать ради светлой квартиры, в двенадцать комнат, на семьдесят пятом, и вдруг тебе говорят — выходи, живи как все, на десятом, в коммуналке, с пятью соседями... У многих в голове не укладывалось. Люди сидели до последнего. Сами себе воду таскали, дровами топили, при свечах жили...

— Я тоже печку топил, — сказал Денис. — Хорошо помню. И свечи помню. Мне пять лет было, когда мы с матерью спустились.

Студеникин остановился.

— Отдохнем. Тут уже совсем хорошо. Безопасно. Сними рюкзак, присядь.

Он включил фонарь и протянул Денису мятый кусок бумаги.

— На вот. Нашел недавно. Подарок тебе.

Денис расправил плотный, обгоревший с одного края лист, увидел знакомые буквы. В свете фонаря переливались, мерцали одиннадцать элегантно начертанных знаков, приплывших из волшебного легендарного прошлого. Из времен, когда все были сыты, веселы и думали, что никто никому ничего не должен.

«Самый-Самый».

— Обложка, — сказал Студеникин. — Номер пятый, за две тысячи сто третий год. Это ведь был журнал твоего отца, да?

— Да, — ответил Денис. — Спасибо, друг.

2

Крались по непроницаемо темным коридорам. На всякий случай и для общей тренировки Денис считал повороты, но после четвертого поворота угодил мокрым лицом в паутину, судя по всему — огромную, она облепила нос и щеки густыми омерзительными хлопьями; пока отрывал, плюясь и шепча ругательства, — сбился со счета.

Идти по ровной горизонтальной поверхности, после лестницы, было забавно, ноги гудели и сами собой поднимались выше, чем нужно.

Потом в лицо мощно ударило сырым сквозняком — коридор вывел в огромный, залитый лунным светом атриум. В прозрачной крыше зияли дыры, осколки битого пластика усеивали пол и сверкали, как льды под северным сиянием.

Центр зала украшала скульптура — мужчина атлетических форм полулежал в воздухе, его поза удивила Дениса и даже на несколько мгновений всерьез захватила: одна полусогнутая нога свободно заброшена на другую, левая крепкая рука под запрокинутой головой, правая поднята, палец указывает в зенит. Черный, огромный, гениально изваянный памятник абсолютному покою, невинному пересчитыванию равнодушных звезд.

— Вот так они и жили, — презрительно сказал Студеникин. — Полулежа. Метились пальцем в небо. Пока сами себя не погубили... — Он положил руку на плечо Дениса, кивнул на изваяние. — Хорош, правда? Знаешь, как называется?

— Скажи.

— «Безмятежность», — торжественно произнес Глеб. — Работа скульптора Гриши Дно. Оригинал. Внизу мне сразу дают за нее десять тысяч червонцев. А в Англии работы этого периода стоят по два-три миллиона фунтов.

– Десять тысяч, – пробормотал Денис, пропустив мимо уха информацию о фунтах. – Давай займемся.

– Займись, – небрежно разрешил Студеникин. – Она весит полторы тонны. Гриша Дно работал только в бронзе. Я прикидывал вытащить ее через крышу, на тросе, грузовым вертолетом. Рейс грузового вертолета стоит три тысячи червонцев. Еще тысячу – разрешение на полет над городом. Еще пять – сунуть кому надо, чтоб не задавали вопросов. И пятьсот пилоту – за молчание.

– Итого, девять с половиной.

– Правильно. Глупо возиться за пять сотен.

– А я бы повозился, – тихо произнес Денис. – Большое дело, хорошие деньги.

– Ну и дурак, – мрачно сказал Глеб. – Сказал тоже: «большое дело»... Мой тебе совет: не лезь в большие дела. Никогда. Таскай балабас – целее будешь.

В словосочетание «большое дело» Студеникин вложил столько ядовитого презрения, явно выстраданного, что Денис мгновенно поверил своему товарищу. Не на сто процентов, конечно, – но поверил.

Правда, почти столько же презрения Глеб вложил и в совет насчет балабаса.

Теперь он стоял возле одной из широких дверей; подняв лицо вверх, махал кому-то рукой.

Дверной замок щелкнул. Распознавателя нет, сообразил Денис. Древняя система: возле входа видеокамера, а внутри экран и кнопка. Увидел своего – впустил. Внизу, на вторых и третьих этажах, теперь тоже у многих так. Распознаватели выходят из моды. Умные двери, впускающие своих, а чужих не впускающие, были популярны до искоренения, когда заросшая стеблями Москва наслаждалась изобилием и безопасностью. А сейчас всё иначе. Своих мало, чужих много, каждый свой завтра может стать чужим, и наоборот. Поставишь умную дверь, с распознавателем, а потом придется каждый месяц за-

ново настраивать наивную автоматику, ничего не понимающую в человеческом коварстве.

Денис, впрочем, недооценил владельца старинной охранной системы. Внутри, по стенам просторного коридора, висел не один экран, а два десятка; просматривался весь атриум, и безмятежная скульптура великого Гриши Дно, и затянутые паутиной коридоры, и даже лестница возле входа на этаж.

— Доброй ночи, — вежливо сказал Глеб.

Открывший дверь был худ, бородат, от него пахло немытым телом и — густо — некой туалетной водой, из тех, что продаются в «Торгсине» по три червонца за маленькую скляночку.

— Ага! — скрипучим голосом воскликнул бородатый и захихикал. — Барахлишко приехало! Заруливай, мил-человек. И дружок твой тоже пусть заходит... Гостям рады...

— Это Денис, — сказал Глеб. — Я про него тебе...

— Помню, помню.

Бородатый повернулся спиной и зашагал по коридору, шаркая; Денис посмотрел на Студеникина, тот с серьезным лицом погрозил ему пальцем, веля быть настороже, и оба двинулись следом за хозяином дома.

Обиталище Постника поразило Дениса. Возле дальней стены полыхал камин, чуть ближе несколько десятков свечей, укрепленных в разномастных подсвечниках, отвоевывали у темноты обширный овальный стол, заставленный посудой, бокалами и бутылками, несколько кресел и широкую кровать под балдахином; судя по улетавшим в бесконечность звукам шагов, зал был огромен. Пахло едой, горячим воском, пылью, табачным дымом, носками, гнилыми фруктами, кислым пивом, горелой бумагой, почему-то бенгальскими огнями, но запахи не раздражали, ибо было свежо; пока Денис подходил к столу, его лицо несколько раз огладил тугой сквозняк.

Постник имел глаза безумца, лицо алкоголика и тело ребенка-переростка. Завернутый в грязный, во многих местах прожженный атласный халат, с голой узкой грудью, с тонкой жилистой шеей, украшенной множеством цепочек, непристойно мерцающих из-под жидкой нечистой бороды, с падающими на лоб и плечи длинными сальными волосами, с глазами, провалившимися в глазницы, в оранжевых огнях свечей он напоминал миниатюрный готический собор.

Студеникин снял с плеч рюкзак, поставил на пол, раскрыл. Бородатое существо приблизилось, пнуло босой ступней. Высыпались упаковки, свертки, пакеты, коробки, контейнеры.

— Что нам сегодня принесли... Жратву вижу... Бухло тоже вижу. Ага, батареи. Можно включить свет. И даже отопление... — Бородатый поднял глаза на Дениса. — Включим свет, а?

Денис пожал плечами.

— Правильно, — похвалил Постник. — При свечах чище. Как там? Мессир не любит электрического света, хехе... Ага, и зубочистки не забыл! Воды сколько?

— Пятнадцать литров, — ответил Глеб и сделал Денису знак. Денис отцепил лямки, поставил на пол канистру. Спина немедленно заболела, и он, не удержавшись, сделал несколько вращательных движений плечами.

— Тяжко? — осведомился Постник, сделал шаг вперед и всмотрелся в лицо Дениса. — Что скажешь, человечек? Тяжко тебе?

Его дыхание пахло алкоголем.

Денис молчал. Постник поднял ладонь — на каждом пальце по драгоценному перстню — и ткнул себя в грудь.

— Смотри на меня. Видишь? Знаешь, кто я? Думаешь, я безумный дурак? Который окопался на верхотуре, чтоб все про него забыли? Нет, брат мой. Я тот, кому тяжелее всех. Если бы знал, как мне тяжко... Если б

ты взял хоть пятую часть моей тяжести, ты бы сошел с ума через неделю...

Он запустил пальцы в волосы, замычал, затряс головой, потом — всем телом; что-то выпало из халата, со стуком ударилось о ковер. Постник тут же прервал драматическое рыдание, деловито нагнулся, подобрал. Взвесил в руке мощный пистолет неизвестной Денису марки.

Денис напрягся, но вдруг — почему-то лишь сейчас — понял, что оружие лежит повсюду. На столе — в луже пролитого коньяка, — и меж подушек кресел, и на смятых простынях постели, и на каминной полке — в любой точке жилого пространства минимум два огромных ствола — новеньких, вороненых — пребывали на расстоянии вытянутой руки хозяина дома.

— Ладно, — весело произнес хозяин, спрятал оружие в складках одежды и гулко хлопнул в узкие ладошки. — Давайте выпьем и пожрем! И не просто пожрем, а мяса жареного пожрем. Будьте как дома. Хотите в сортир — он налево. Тут у меня трапезная, она же опочивальня. Там — тронная, счас прогуляемся, сами все увидите. А там — алтарная, туда не пойдем, потому как вам не положено. С ума сойдете, как я, грешный. Я сам туда давно не хожу. (Он громко икнул.) Но к делу. Вон там, под крышкой, мясо. Лично жарил! Настоящая аргентинская говядина! Хватайте и питайтесь. Вон красненькое, сухарь, урожай две тыщи девяносто первого, в новых деньгах — двадцать чириков за пузырь... Икорочка, балычок, маслины... Устриц не предлагаю — протухли, по-моему... Там вон сыры, там фрукты, только их мыть надо... Всего навалом. Только баб нету.

Он посмотрел на Студеникина, недвижно стоявшего возле разоренного рюкзака, и рассмеялся, показывая коричневые зубы.

— Привел бы ты мне бабу.

Глеб молча покачал головой.

– Не хочешь, – сварливо процедил Постник.

– Женщин не доставляем, – отчеканил Студеникин. – Ни за какие деньги. Все доставляем, женщин – не доставляем.

Бородатый отшельник схватил фужер, неверной рукой плеснул из бутылки, выпил. Половина потекла по бороде.

– И правильно! – вскричал он. – И правильно! – Но тут же понизил голос. – Только гонишь ты мне, юноша. У меня есть соседи. Один – двумя этажами ниже, в юго-западном крыле, а второй – этажом выше, в северном. Бывает, мы перезваниваемся. Тот, что в северном крыле, говорил, что ему приводили баб, и не раз.

– Это он кислоты пережрал, – спокойно возразил Глеб, продолжая стоять недвижно. – Вот и гонит. А когда ты с ним опять созвонишься, передай от меня, Глеба Студеникина, что, если он еще раз такую сказку кому-нибудь расскажет, я его лично из окна выкину. Этот дом – мой. И вся доставка идет строго через меня. В мои башни пацаны баб не водят.

Постник выслушал, потом налил себе еще один фужер, но пить не стал.

– Твой дом? – глухо спросил он. – Эх ты. Смрадный червь. Как тебя, говоришь, – Глеб? Ты, Глеб, крепкий паренек, но мудак полный. Это не твой дом. Это мой дом, понял? И весь город мой. И все люди его – мои. Патрули, фермеры, учителя, агрономы, инженеры, мужики, бабы, детишки – все мои. Ваши судьбы у меня в кармане лежат. Знаешь такое выражение «раз плюнуть»?

– Знаю, – ответил Студеникин.

– А ты? – Косматый человек повернулся к Денису.

– Знаю, – сказал Денис.

– Вот мне, – косматый пожевал мокрыми губами и жидко сплюнул на пол, – вашу жизнь погубить – раз плюнуть. Захочу, плюну – и завтра все будет по-другому.

Совсем. Вы так не можете, а я — могу. Потому что у меня есть, куда плевать. Но вы не бойтесь, я знаю свою планиду. Садитесь, пейте и ешьте.

— Благодарствуем, — произнес Студеникин. — Но нам пора. Внизу дел много.

Постник презрительно скривился.

— Внизу? Дела? Какие у вас внизу дела? Морковку сажать? Башни пустые ломать? Делать вещи, а не деньги? Работать на благо народного кооператива «Все свое»? Главное дело — здесь. Там, где я. Важнее этого, — он обвел рукой полумрак, — ничего нет. Жрите мясо. Внизу беда с мясом, я же знаю. В нашей России как не было нормального мяса, так и нет. Курицу еще можем выкормить, а с коровой уже проблема. Жрите мясо, мальчики...

Собственно, Денис не отказался бы от хорошего куска жареной говядины, или от двух кусков, или даже от трех кусков — безумный Постник был, в общем, прав насчет курицы и коровы. Но Глеб оставался недвижим. Изучив его лицо, Постник произнес:

— Гордый. Уважаю. Тебя, наверное, бабы любят. — Он повернулся к Денису. — Что, мил-человек, любят его бабы?

Копируя старшего товарища, Денис ровным голосом ответил:

— Надо спросить у баб.

— Оба гордые, — печально констатировал волосатый анахорет, подошел к кровати, достал из-под подушки пачку купюр, протянул Глебу.

— На стол положи, — сказал Глеб.

Постник послушно швырнул деньги; Денис испугался, что гонорар попадет в лужу пролитого пойла, но обошлось. Меж тем косматый богатей сложил руки на груди и побрел куда-то прочь из освещенного свечами пространства. Позвал из темноты:

— Идите за мной.

Денис вздрогнул: скрипучий фальцет полубезумного пропойцы превратился в густой властный баритон.

— Я вам кое-что покажу. Вы гордые, вам понравится. Заодно дела обсудим...

Студеникин повиновался, на ходу сделав Денису знак: держись рядом.

— Смелей, — презрительно загудело из мрака. — Откиньте занавес и проходите. Тут у меня тронная. Тут я смотрю на мой город.

По лицу Дениса ударило пыльной плотной портьерой — дальше открылся второй зал, столь же просторный. Две из четырех стен были прозрачны, в изжелта-ртутном свете луны видно было массивное, стоявшее в центре зала кресло — единственный предмет мебели и вообще единственный предмет в огромном помещении.

— Сюда, — велел Постник. — Как вам панорама?

Денис не первый раз видел Москву с высоты сотого этажа. Студеникин был серьезный и осторожный человек, он трижды водил друга в тренировочные походы, прежде чем взять на реальное дело. Но тренировались они — как и все прочие новички в команде Глеба — только в башне «Владимир Мономах». В старые времена купить квартиру в «Мономахе» — элитном жилом комплексе с десятибалльным уровнем комфорта — считал своим долгом каждый российский миллионер; в период искоренения эту башню выше шестидесятого уровня разграбили дочиста, после чего подожгли; безотказные пожарные системы китайского производства почему-то отказали, и «Мономах» пылал почти два месяца; ждали обрушения и даже пытались инициировать его, расстреливая гнездо продажных толстосумов из гаубиц, однако гнездо устояло; теперь жить в «Мономахе» и вообще долго находиться меж обугленных стен было невозможно, дом обезлюдел полностью и двадцать лет вонзался в московское небо, как ржавый штык-нож, самый большой

в истории памятник беспощадному и бессмысленному русскому бунту; именно с его крыши Денис впервые увидел весь город. Бесконечную — от горизонта до горизонта — россыпь желтых и белых огней, в одних местах гуще, в других — реже. Не столько было звезд на небе, сколько огней в ночной Москве.

— Как солнце начнет садиться, — произнес Постник, — так я сюда прихожу и смотрю. Думаю. Или не думаю. Если есть, на что смотреть — то лучше не думать, а просто смотреть.

— Патруля не боишься? — спросил Глеб.

Постник засмеялся.

— Патруля? Вертолетов, что ли? Эх ты, смешной мальчик. Я в этой квартире двадцать семь лет живу. Это стекло при мне ставили. Я сам его заказывал и оплачивал. Цена ему была — двести тысяч конвертируемых юаней. Между нами, это вообще не стекло. Особая пленка, нанополимер седьмого поколения. Из нее купола делают.

— Да, — произнес Глеб. — Как в Сибири, над Новой Москвой.

— Эта пленка и тот купол — из одного и того же материала. Как и купола на Луне. Пленка не пропускает наружу никаких волн. Ни световых, ни звуковых колебаний, ни электромагнитных. Мы тут можем дискотеку устроить или, наоборот, перестрелку, и никто ничего не заметит, никакая аппаратура не поймает сигнала. По научному это называется — двусторонняя избирательная проницаемость. Кислород и азот проходят, а углекислый газ задерживается. И тяжелые металлы. И всякие микробы. И вредные примеси. И жесткое излучение. Пули застревают, но можно, например, устроить так, что вода будет проходить... Опять же — очищенная от всякой дряни. Чудо-материал, за него девять Нобелевских премий дали. Ничего не весит, не горит — не тонет. В мире его называют «шанхайское одеяло», в русской армии — «китайская

портянка», в Штатах — «Эн-джи-дабл-ю». The New Great Wall. Можете потрогать.

— Не будем трогать, — сказал Глеб. — Верим на слово. Ты обещал обсудить дела.

— Обсудим, — вяло произнес бородатый человек и устроился полулежа. — Не спеши, дурень. Насладись. Как я наслаждаюсь. Я всех вижу, меня — никто. Про Постника никто не знает, а Постник — самый важный человек в этом городе. Постник протягивает руки, — тут Постник протянул руки, — делает вот так, — он сложил обе ладони ковшом, — и держит всю Москву в ладонях. Гиперполис, Третий Рим, столица столиц — в его полной власти... Постник может все изменить, капнув обычной водичкой из пипеточки... Чего молчите?

— Слушаем, — произнес Студеникин.

Старик игриво хихикнул.

— Ты думаешь, я обычный сумасшедший. Засел на сотом уровне и дрочит на панораму. Знаешь, в прошлом веке, во времена Путина, хороший вид из окна добавлял семьдесят процентов к стоимости жилья. И уже тогда жить выше других было престижно. Типа черненькие внизу, беленькие наверху. А когда трава поперла, все вообще с ума посходили. Я пацанчиком был, все помню. За хату на семидесятых душу продавали и жопу подставляли, а бывало — и то и другое сразу... Никто не понимал, что везде одно и то же. А я понимал. Я смотрел и смеялся. Потому что быстро понял, что везде одно и то же. Мир так устроен. Вчера черненькие были внизу, а беленькие — наверху, и все кричали: «Правильно, так надо жить, и никак иначе, а кто по-другому живет — тот враг и гад!» Теоретики обосновывали, философы умничали, писатели заряжали правду-матку. Детей учили: лучший путь — это наверх. Потом — хуяк, бля! — все переворачивается! — Бородатый безумец громко хлопнул ладонью по подлокотнику. — То же самое, только наоборот! Чер-

ненькие наверху, беленькие внизу! Наверху все обоссано, сожжено и стекла выбиты, а внизу — живая земля, травка, палисаднички и магазинчики. А вокруг тот же самый шум, аплодисменты: «Как было раньше — неправильно, а истинно правильно — как сейчас, и всегда так должно быть». И опять те же самые теоретики обосновывают, те же философы втирают истину, те же писатели строчат пламенные книжки, наизнанку выворачивают, как рукав...

— И где же тогда правда? — спросил Глеб и посмотрел на часы.

— Правда? — Постник встал. — Твоя — не знаю. А моя — здесь, за стеной. В алтарном зале.

Надоел, раздраженно подумал Денис. Что у него там, в алтарном зале? Надувная женщина? Фотография погибшего сына? Или все проще: сундук с золотом? Волосатый идиот швыряет деньги не считая. А в алтарном зале у него понятно что. Сейф. Или даже не сейф, а вся комната забита наличными, до потолка. Говорят, во времена погромов в пентхаусах находили такие комнаты. И денежную реформу устроили именно из-за того, что слишком много награбленной наличности попало в руки населения.

— Благодарю за ответ, — сказал Глеб, — и за приглашение. А теперь нам надо вниз.

Денис вздохнул и переступил с ноги на ногу.

— Вниз... — повторил бородатый безумец, и голос его претерпел обратную метаморфозу, стал высоким, жалобным, с трещиной. — Погодите. Посидите еще. Пять минут, а? Жалко, что ли? Не пожрали, не выпили, беседу не поддержали... Я вам и то и это, а вы не хотите с человеком пообщаться. Что вы за люди? Совсем вы там, внизу, очерствели. Не умеете по-людски... Неужели не видно по мне, что я, бля, в людей влюблен? Неужели не понятно, что я устал? Я восемнадцать лет вашу судьбу храню, пыль

сдуваю, с ума схожу? Восемнадцать лет по живой земле не бегал, в речке не купался, женской коленки не трогал...

Денис увидел, что косматый человек плачет.

— А вы? — презрительно спросил косматый человек, выпрямляясь. — Два дурака, молодые, красивые, вам бы с девками нежными валяться, на мотоциклах гонять, на лошадях, чтоб ветер в рожу, чтоб хохот за спину улетал... А вы по развалинам черным бродите, пылью дышите, водку таскаете всяким грязным уродам! Типа меня... Чего не займетесь любимым делом? Чего сюда пришли? Денег надо?

— Надо, — сказал Студеникин. — Прости нас, Постник, но мы уходим.

Косматый резко встал. Молчал почти минуту, потом кивнул, плотнее запахнул халат. Оттолкнув Дениса плечом, направился вон.

В коридоре, возле выхода, внимательно изучил экраны, транслирующие внешний мир в инфракрасном режиме, ткнул пальцем в Дениса.

— Пусть выйдет. Снаружи подождет. А мы потолкуем.

Не дожидаясь сигнала от Студеникина, Денис скользнул в открывшуюся щель, после короткого щелчка замочной задвижки оказался в тишине и понял, что испытывает облегчение. Теперь вокруг было привычно. Пусто, тихо, в меру грязно, в меру сыро. Как внизу, на живой земле. А там, за дверью, в апартаментах Постника, мера не соблюдалась. Денис видел такое впервые и сейчас подумал, что останься он в логове безумного отшельника еще на четверть часа — упал бы, может быть, в обморок. Эти разоренные блюда яств, полуобглоданные кости, покрытые плесенью тропические фрукты, эти бутылки драгоценных напитков, сплошь откупоренные и едва на четверть пустые, эти небрежно раскуренные и грубо затушенные, сломанные пополам сигары, торчащие из огромных пепельниц наподобие паучьих

лап; этот воск, оплывающий со свечей на канделябры в изощренных завитках, и прожженные сигаретами шелковые простыни, и вишневые косточки в ворсе шикарных ковров, и стреляющие радужными искрами камешки на нечистых, с грязными ногтями пальцах безумного отшельника — неужели двадцать лет назад так жили все? Неужели отец так жил и мать?

Неудивительно, что она теперь часто вздыхает и поджимает губы, штопая свои льняные курточки, купленные в магазине народного кооператива «Все свое», и без аппетита ест любимые Денисом морковно-свекольные салаты, и часто по вечерам ходит по дому с рюмкой ржаной водки.

Через проломы в прозрачном потолке доносилось гудение декабрьского ветра. Меж грудных мышц и в паху бронзового человека, символизирующего безмятежность, лежал голубой снег.

Ноги болели. Денис попрыгал на одном месте, несколько раз присел, постучал ладонями по бедрам.

Разумеется, финал изобильной эпохи они теперь красиво называют «искоренением». На самом деле им стыдно. Траву никто не искоренял. Это только в пропагандистских фильмах показывают отряды деловитых искоренителей, жгущих на площадях огромные костры из стеблей. Под сдержанные одобрительные возгласы граждан, проходящих мимо по своим делам. На самом деле был голод, и траву съели. За считаные месяцы. Мать рассказывала. Толпы травоядных валили зеленый сорняк голыми руками, а в это время их расстреливали с вертолетов газовыми гранатами. Нет, они не стебли искореняли. Они искореняли в себе то, что не смог искоренить косматый Постник.

Глеб вышел через минуту. Тенью скользнул мимо, на ходу комкая и заталкивая в карман пустой рюкзак из нанобрезента.

— Пошли.

– Не беги так, – попросил Денис. – Дело сделали, куда спешить?

– Одно сделали – есть другое.

– Новый заказ?

– Не болтай. Шагай и под ноги смотри. Пятое правило: на обратном пути будь втрое осторожен. Чаще всего пацаны гибнут по дороге назад. А заказ такой, что мало не покажется. Кстати, вот тебе. Держи.

Студеникин остановился; небрежно, кончиками указательного и среднего, протянул сложенные пополам купюры. Не старые рубли, а обеспеченные золотом, платиной, никелем, титаном и литием червонцы. Пореформенное супербабло, чудо-деньги новой России, двадцать лет живущей по средствам.

Денис взял, сунул в нагрудный карман. Застегнул надежно. Глеб наблюдал с усмешкой, потом тихо произнес:

– Все расчеты меж своими делаем сразу, наверху. Это шестое правило. Очень важное. Если попадем в засаду, каждый сам бьется за свою долю. То есть ты понял, да?

– Не совсем.

Студеникин бесстрастно кивнул, как будто давно привык подробно излагать все детали важного шестого правила.

– Твоя доля у тебя, моя – у меня. Ты мне не должен, и я тебе не должен. Допустим, на семьдесят третьем нас ловят. Тебе ствол в ноздрю засовывают – и мне засовывают. В этот момент ты сам – и только сам – решаешь, что тебе важнее. Отдать бабло, или пулю получить, или биться. И я тоже решаю сам. Например, конкретно сейчас у меня, Глеба, деньги есть. Отложено, накоплено и все такое. И я могу подумать: ну его к черту, отдам и пойду вниз, живой и здоровый... А у тебя, Дениса, первый в жизни приход, и ты подумаешь иначе: никому мои деньги не отдам, я за них рисковал, потел и надрывался, идите все в лифт, любому глотку перегрызу...

– А потом?

– А потом ты бьешься, – небрежно ответил Студеникин.

– А ты?

– А я – могу остаться. И биться рядом с тобой. Но могу и уйти. И если я ушел вниз, а ты остался, но отбился и тоже ушел, и потом встретил меня внизу, на живой земле – ко мне никаких претензий. Понял?

– Да.

Глеб улыбнулся.

– Не ссы, пацан. Есть еще седьмое правило. Если ты идешь в первый раз, а я в тысячу первый, то я не могу тебя одного оставить. Бьюсь рядом, пока оба не дойдем до самого низа. Теперь нам пора. Времени совсем нет.

– А что за заказ?

Студеникин хмыкнул:

– Заказ немалый. За такой заказ пацаны меня будут на руках носить. Постник ванну решил принять. «Омовение» – так он выразился. Я ж говорю, человек не в себе... Сегодня до рассвета надо доставить четыреста литров воды. Так что ускоримся, друг, а то можем не успеть... – Денис с некоторым удивлением увидел, что его старший товарищ в возбуждении потер ладонь о ладонь. – Шикарный заказ, самый лучший. Груз дешевый, если засада – скинем канистры, налегке уйдем.

– Четыреста литров, – пробормотал Денис. – Это выходит...

– Не парься, я уже посчитал. Беру еще семерых, грузим по двадцать литров и делаем две ходки. Это триста двадцать литров. Потом из тех семерых – четверых отправляю, троих оставляю, берем еще по двадцать и идем в третий рейс.

– Для нас с тобой – четвертый.

– Для меня, – поправил Студеникин. – А с тебя хватит. Один раз сходил, увидел, понял, заработал – моло-

дец, иди домой. Это во-первых. Во-вторых, мышцы отдыхают минимум четыре дня. И то, если мясо жрать... В-третьих, сегодня воскресенье, грешно работать. Через пять дней, в субботу, можем еще сходить.

Денис ничего не сказал. Он хотел гордо воскликнуть, что минимум один рейс выдержит без особых проблем, и Глеб как друг должен дать ему возможность заработать. Тем более что он, Глеб, знает ситуацию Дениса – деньги нужны на лекарства для матери. Но Денис всегда считал себя умным человеком, а умные люди умеют и любят учиться у тех, кто еще умнее. И опытнее. За годы, проведенные рядом с умным и опытным старшим товарищем Глебом Студеникиным, Денис научился у старшего товарища Глеба Студеникина осторожности.

Вторая ходка – да, можно попробовать. Но если засада? Судорога? Если обстреляет патрульный вертолет? А новичок Денис после первого рейса еле ноги передвигает. В патруле тоже не дураки служат. В патруле знают: тайная жизнь в заброшенных небоскребах начинает бурлить именно в самые глухие предрассветные часы.

Студеникин прав. Один раз сходил – пока хватит. Жадность фраера губит.

Он всегда прав, Студеникин. Он только один раз за два года оказался не прав.

Когда увел у Дениса его девушку Таню.

– Глеб, – позвал он. – Ты такой выносливый из-за мяса?

– От природы, – ответил Студеникин через плечо. – Но мясо надо есть обязательно. Хочешь быть при деньгах – бегай быстро. Хочешь быстро бегать – жри мясо.

– Хочешь жрать мясо – будь при деньгах, – продолжил Денис.

– Да. Ты прав. Замкнутый круг. Трать, жри, бегай... Неприятно понимать, что ты бегаешь по кругу.

– А как из него выйти?

– Никак.

3

Через полтора часа — когда добрался до дома и поднялся на этаж — опять подумал, что Глеб все решил правильно. Ноги, в общем, действовали, несли тело, не подгибались и не дрожали — но гудели так, что отдавалось в затылке. На двенадцатый уровень, к себе, еще дошел — но вряд ли дошел бы на сотый, с полной канистрой за плечами.

Двенадцатый был не самый хороший этаж, но и не самый плохой. А с квартирой вообще повезло. На двоих с матерью — три отдельные комнаты. Из всей пестрой толпы друзей и знакомых Дениса только Глеб Студеникин жил без соседей, но он был особенный человек. Не такой, как другие.

Когда Денис думал про Глеба, он всегда мысленно располагал его отдельно ото всех. Все, включая даже мать и Таню, были отдельно, а Глеб Студеникин — отдельно. Разумеется, в реальности Глеб существовал точно так же, как в голове Дениса: отдельно ото всех. Снимал шесть комнат на лихом девятнадцатом уровне, в башне «Маршал Жуков».

Что касается Дениса и его матери — когда-то они тоже имели соседа. Одного. Потомственного бездельника, бывшего конченого травоеда. Бывший конченый очень любил в сильном подпитии ввалиться на кухню и прохрипеть свою любимую фразу: «Раньше ложками жрал, а теперь — стаканами пью!» Стрезву вел себя мирно, все время мрачно вздыхал и сутками напролет слушал «Радио Радость». Семь лет назад соседу надоела пшеничная водка, скромная жизнь и необходимость работать каждый день, и «Радио Радость» тоже надоело — и он прыгнул в окно. Синдром Смирнова. В те времена много таких бывших конченых прыгало из окон. Не помогали ни духоподъемные радиопередачи, ни психологи, ни свя-

щенники с тихими голосами, ни даже лекарства, включая сильнодействующий цереброн.

Комнаты покойного опечатали, новичков не вселили. Власти не поощряли желающих жить выше двенадцатого этажа. Подача воды и откачка продуктов жизнедеятельности с уровней выше десятого отбирали слишком много дефицитной энергии. Власти хотели, чтобы граждане расселялись коммунально, меж пятым и десятым. Каждому по комнате, два туалета на пять семей, общая кухня, благородно и умеренно, в полном соответствии с главной национальной идеей: «Сберегай и береги сбереженное». Сама власть при этом держала свои конторы на вторых этажах. Для солидности. На первом уровне — бизнес, на втором — власть, начиная с третьего — жилая зона, в том же порядке: сначала коммерсанты, этажом выше — чиновники, а с пятого по десятый — все остальные законопослушные. С двенадцатого до двадцатого — менее законопослушные, молодежь, оригиналы, богема, авантюристы и прочая публика, кому не лень таскать по лестницам ведра и сумки.

Когда лифты отключены и демонтированы, когда выражение «пошел в лифт» означает примерно то же самое, что «пошел на хуй», — вопрос этажности приобретает первостепенное значение.

А на тридцатом этаже все ведущие наверх лестницы, лифтовые шахты и вентиляционные колодцы замуровали еще до того, как Денис пошел в школу.

Но три комнаты на двоих, пусть и на двенадцатом, — это круто. Все завидовали Денису. Даже веселая ироничная Таня завидовала. Иногда он думал, что маленькая гордая девочка с ярко-голубыми глазами и ярко-красным ртом ходила к нему именно по причине отсутствия соседей в его квартире. Денис был очень зол на Таню в первые месяцы после того, как она сбежала к Студенникину, и подозревал бывшую подругу во всех грехах. Даже

в том, что она искала себе выгодную партию. Не любимого человека, одного на всю жизнь — а всего лишь отдельную квартиру без соседей.

Осторожно закрыв за собой дверь, Денис прислушался, ничего не уловил, кроме жужжания последней декабрьской мухи, не желающей засыпать. Стянул через голову насквозь мокрый свитер. Походный комбинезон, собравший пыль ста этажей, он спрятал в одном из тайников Студеникина, на тридцать третьем уровне покоренной этой ночью башни «Александр Первый». Глеб, правда, заметил, что каждому деловому пацану положено иметь свой личный тайник, однако времени на лекции не было: пожали руки и разбежались, уговорившись встретиться вечером.

Расшнуровывая удобные солдатские сапоги, купленные в народном кооперативе «Всё свое», Денис увидел лишнюю пару обуви: индустриально пахнущие ботинки из дорогой оленьей кожи с уродливыми, но надежными пластмассовыми подошвами. Испытал легкую, очень взрослую горечь, то ли ревность, то ли печаль. Ботинки принадлежали Вовочке.

Рано утром, в пять часов, входишь в свой дом — туда, где живешь много лет, — и видишь у порога чужую обувь. В доме гость. Он пришел вечером и остался на ночь. И не просто остался. Он с твоей матерью спит. Что ты думаешь в такой момент?

Ничего особенного. Тебе почти двадцать, ты взрослый человек. Пусть ходит, философски решаешь ты. Пусть спит. Потому ты и взрослый, что он ходит и спит.

Когда он в первый раз пришел и остался, чтобы спать с твоей матерью, — в тот день ты и повзрослел.

Ложиться не буду, решил Денис. Пять утра; пока приму душ, пока высплюсь — раньше полудня не встану. День, считай, потерян. По воскресеньям мать тоже спит допоздна. И Вовочка, за компанию. Он рожден не веду-

щим, а ведомым, он всегда делает так, как хочет мать. Наверное, поэтому она его и приблизила, хотя (Денис цинично усмехнулся) некогда вокруг стройной умной мамы нарезали круги кандидаты более интересные, нежели Вовочка. Но отсеялись — а Вовочка остался.

Надо уходить, подумал Денис. Проснемся, все трое, вылезем в коридор, будем смотреть в сонные физиономии друг друга и принужденно улыбаться. Какая прелесть, какая гадость: встретить утром возле уборной любовника собственной матери. Помятая морда, волосы дыбом. И сам ты такой же. Привет, проходи первый. Ничего, я не спешу. Представляешь себе это, и тебя знобит от брезгливости. Что ты делаешь в такой момент?

Ничего особенного. Принимаешь простое решение: спать не лягу, отдохну час-полтора, потом тихо уйду. Придумаю, куда пойти. Москва большая. Не буду мешать матери налаживать личную жизнь. Пусть проведут выходной вдвоем, как настоящие любовники. Как молодые. Таня с Глебом, наверное, так проводят каждый день. И выходной, и будний. Весело совокупляются то на одном диване, то на другом, под «Блэк бэнд» или, скорее, под гитару Симона Горского. Далее, покрытые сладким потом, нагишом расхаживают по просторным апартаментам Глеба. Далее долго принимают душ — вдвоем, разумеется (а воды у Глеба много, его команда таскает ему воду ежедневно), — далее жарят какое-нибудь мясо и кормят друг друга с руки, запивая краснодарским белым полусухим... Впрочем, Глеб не такой, он не будет пить краснодарское, он покупает испанское или французское. В «Торгсине», за червонцы.

Вовочка тоже иногда приносит из «Торгсина» вино. И фрукты, и много чего еще. Он не разложенец, он хороший человек, и много хороших дел сделал, и продолжает делать — но при этом произносит слишком много плохих слов. Жалуется, ругает власти, ругает времена, ругает

погоду. Непрерывно бормочет: «Все прогнило». И вдобавок очень любит ругать себя, а Денис уже достаточно пожил на свете, чтобы понимать — тот, кто очень ругает себя, на самом деле очень себя любит.

Хотя любить там, с точки зрения Дениса, нечего. Очки, нос, острые плечи и манера трясти указательным пальцем во время споров, до которых Вовочка великий охотник.

Правда, мать он не ругает, никогда. Еще бы. Пусть хоть раз попробует — Денис выбьет ему зубы, не особенно напрягаясь.

Самого Дениса он тоже не ругает. Но с другой стороны, и не заискивает, как будущий отчим с будущим пасынком. Не сует денег, не ведет льстивых разговоров на фальшивом «молодежном» языке. Не пытается стать своим в доску. И за это Денис благодарен очкарику, хотя в глубине души считает его нелепым, слабым и второсортным существом.

В любом случае этот близорукий Вова — не ровня матери. Денис его так и называет: Вова. Или Вова-Всё-Прогнило. Или Вовочка. Потому что гость — типичный Вовочка, и все тут. Мать сначала настаивала на Владимире Петровиче, но Денис цинично рассудил (про себя, естественно), что настоящие Владимиры Петровичи, то есть солидные дядьки (из тех, кого не захочешь — назовешь по имени-отчеству), не сходятся с женщинами много старше себя, а давно и выгодно женаты на ровесницах. Или — другой распространенный вариант — приводят молоденьких дур. А молоденьких дур в Москве с избытком хватало. Во все эпохи и времена. До искоренения и после него.

Далее мать неуверенно пыталась предложить нейтрально-уважительное Володя, и Денис для виду согласился, но в уме продолжал называть материного бойфренда Вовочкой, а со временем стал делать это и вслух.

Он влез под душ. Вода шла с приличным напором — пять утра, воскресенье, люди спят. На этажах выше десятого есть любители мыться именно по ночам, когда самый напор; днем даже на двенадцатом еле течет, а по вечерам вообще едва капает. Но граждане не в обиде.

Не на кого обижаться. Некого винить. Сами виноваты. Новое поколение — Денис и его ровесники, рожденные после искоренения, — ни при чем, конечно. А их родители до сих пор имеют на лицах по большей части озадаченно-смущенное выражение. Сами влезли в дерьмо, своими ногами. Некого, некого винить. Остается закинуться цереброном и пытаться делать вид, что все нормально.

Растираясь жестким армейским полотенцем, он понял, куда сейчас пойдет. Идея была проста и великолепна, он едва не запел от восторга. Вспомнил, что есть место, куда обязательно надо пойти и куда он теперь будет ходить регулярно. И регулярность, и частота походов зависят только от него самого.

Ближайший супермаркет сети «Торгсин» находился прямо в доме Дениса, на первом этаже, и работал круглосуточно. Любой разложенец, возжелавший тигровых креветок, миндаля, оливок, трубочного табаку, пармезану, винограду, лягушачьих лапок, рому, самбуки, текилы или другой подобной ерунды, мог удовлетворить свою тягу к прекрасному в любое время дня и ночи. При наличии конвертируемых червонцев. И в любое время дня и ночи, в любую погоду и при любой температуре — даже сейчас, синим утром середины декабря, при минус двенадцати — возле ярко освещенных дверей гастрономического эдема паслись три десятка скромно одетых брюнетов. Справа от входа — те, кто был готов продать шедшему в «Торгсин» любой товар из «Торгсина», только дешевле (естественно, за червонцы); слева — те, кто

был готов купить у вышедшего из «Торгсина» любой товар из «Торгсина», только дороже (естественно, за обычные рубли). Все они смотрелись жалко, кутались в потрепанные зипуны и волчьи тулупы, бросали себе под ноги сигаретные окурки и часто бегали за угол справлять нужду. Денису очень не нравилось, что в сорока шагах от входа в его башню справляют нужду, и год назад, когда куртка пятьдесят четвертого размера стала ему тесна, он поймал двоих активистов черного рынка и пообещал выбить им зубы, а когда активисты не вняли — выполнил обещанное; зубы они забрали с собой. Позже его вызвали в патруль и долго ругали — один из побитых оказался секретным агентом, внедренным в среду спекулянтов. С тех пор все активисты вежливо здоровались с Денисом, но справлять нужду не перестали, хотя лучше бы было наоборот.

Они и в этот раз опять дружно кивнули и барыжной скороговоркой спросили, не надо ли чего, и он опять не ответил. Хотел двинуть кого-нибудь плечом, но брюнеты благоразумно расступились.

В магазине было пусто, продавец зевал. Только в дальнем углу, возле горы ананасов, кутала голые плечи в замысловатого дизайна шубейку женщина с мужскими чертами лица, абсолютно неопределяемого возраста, на высоких каблуках, с голыми загорелыми ногами и восхитительно тонкими предплечьями, надменная, элегантная, как бы фарфоровая, — не иначе блядища.

Денис прошелся вдоль витрин и прилавков. Не сказать, чтоб деньги жгли ему карман — но ощущались. Он ходил, смотрел, а от пачки купюр прямо в сознание шел прямой сигнал. Некая весьма приятная щекотка.

Можно купить что-то матери, но она даже не поблагодарит. Наоборот, отругает. Скажет, что в стране, слава богу, с едой полный порядок. И клубника растет, и виш-

ня, и сливки есть, и творог, а морковь и яблоки ничего не стоят, а кролик и курица — почти ничего. В сети «Все свое» и семга есть, и осетрина, и медвежатина даже. И она будет права, мама. С ней трудно спорить, она умна и много всего повидала, она и шить умеет, и с автоматом обращается лучше иного патрульного.

Неожиданно фарфоровая деваха ахнула простым голосом, с ужасом посмотрела Денису за спину и срочно засеменила к выходу, стуча каблуками; выглядело это очень глупо, и Денису стало неловко. Красивая женщина, осанка, взгляд, кожа, ногти накрашенные, и вдруг ведет себя как дура, без малейших признаков достоинства; жалко видеть такое.

Он обернулся и увидел Модеста.

Появление Модеста часто вызывало переполох, особенно среди детей и впечатлительных дамочек.

Модест тоже заметил Дениса и улыбнулся полными зелеными губами.

— Не спится? — спросил Денис.

— Пошел к черту, — мрачно ответил бывший одноклассник и протянул для рукопожатия огромную, как лопата, ладонь приятного темно-изумрудного цвета. — И ты туда же. Достали вы все меня с вашими шуточками. Один говорит: «Модест, надень фуфайку, замерзнешь», другой: «Модест, поешь с нами», третий: «Модест, иди поспи, ты что-то усталый сегодня»... И ржут, как идиоты. Сбегу я от вас, под Купол. В Новую Москву. Там сейчас гомо флорусы в большой моде. А здесь я как клоун, куда ни пойду — обязательно кто-нибудь крикнет: «Эй, зеленый, а ты не голубой?»

— Я не собирался шутить, — сказал Денис. — Мало ли что с тобой происходит? Вдруг ты уже не гомо флорус, а гомо сапиенс? Между прочим, я тебя встретил не где-нибудь, а в магазине импортных деликатесов. И могу предположить, что ты захотел чего-нибудь пожрать. А раз ты

начал жрать — значит, и спать тоже начал. Логично, да? Никаких шуток, Модест, все очень серьезно.

— Ладно, — пробормотал зеленый человек. — Проехали. Ты где всю осень пропадал?

— Работал, — объяснил Денис. — В сентябре картошку убирал, в октябре остался в колхозе, элеватор строил. В ноябре — на сломе, три недели...

— На сломе вроде червонцами не платят, — сказал Модест. — Кто на сломе работает, тот в «Торгсин» не ходит.

Денис усмехнулся.

— А на сломе сейчас и рублями не платят. Только купонами. Образовательными. Три дня работаешь — две недели ходишь на лекции. Я вот набрал купонов на целый семестр и ушел сразу. Теперь могу второй курс закончить.

— Хорошо придумано, — оценил Модест. — Значит, на сломе теперь одна молодежь?

— Ничего подобного. Разные люди. Сейчас все учатся, Модест. Моей матери шестьдесят лет, она днем в школе преподает, а вечером сама учится, на ветеринара. Мало ли зачем пригодится?

— А вот в меня, — грустно сказал Модест, — наука не влезает... Но я не понял: что ты здесь делаешь? В этой помойке для разложенцев? В лотерею, что ли, выиграл?

— Не твое дело.

— Понятно, — спокойно произнес Модест и проделал свой обычный звук — щелкнул сухим языком внутри сухого полуоткрытого рта.

— Слушай, — спросил Денис, — а тебе, кстати, как зимой? В смысле, ну...

— Нормально, — враждебно ответил Модест. — Я же не обычный зеленый. А вечнозеленый. Мне что зима, что лето — один хер.

— А сюда зачем пришел?

— Машину разгружал. Полтонны фруктов и тонну всякого бухла. Виски, коньяк. Хочешь, кстати, коньяку?

Мне одну бутылку подарили, за труды. Не французского, конечно. Нашего. Но тоже ничего. И еще денег дали. Пойдем в «Чайник», я тебя завтраком угощу и сто грамм налью...

— Сегодня воскресенье, — ответил Денис, благодарно сжав огромное плечо приятеля. — «Чайник» только в восемь откроется. Спасибо, Модест. Но сегодня я лучше сам тебя угощу.

— Значит, все-таки бабла срубил.

— Ничего я не срубил. Так... кое-что заработал.

Модест презрительно дернул зеленой щекой.

— Дурак ты, Герц. Врать не умеешь. Полез, небось, на башню, со своим этим... Студеникиным. Что у тебя с ним общего? Он же типичный разложенец.

— Он мне друг.

— Он тебе друг, а ты ему кто? Мальчик-помогайчик? Дурак ты, Дениска. Нашел чем заняться. Шестерить на всяких гадов, которые на сотых уровнях шифруются. Браться за рюкзак — это последнее дело.

— Я никуда не лазил и ни на кого не шестерил.

Модест развел руками.

— Ладно. Не лазил. Кстати, не хочешь поработать? До открытия «Чайника»? Возле нашей школы труба дренажная забилась, чистить надо... Там одному трудно. Я все сам сделаю, а ты наверху постоишь... За час управимся.

— Не хочу, — честно сказал Денис. — Извини. Давай завтра.

— До завтра еще целый день, — пробормотал Модест. — Как хочешь. Мое дело — предложить.

— Граждане, — развязно воскликнул продавец. — Чего-нибудь берем? Или погреться зашли?

— А я по жизни согретый, — грубо возразил Модест. — Если что, и тебя могу согреть.

Продавец, видимо, работал тут недавно и не знал, кто такой Модест.

Денису тоже захотелось ответить хаму что-нибудь резкое, а еще больше захотелось красиво рвануть из кармана серьезную пачку серьезного бабла и красиво отовариться на серьезную сумму, чтобы придурок за кассовым аппаратом понял: перед ним не просто парнишка в телогреечке, а человек при деньгах. И еще — заставить придурка каждую покупку отдельно упаковать в красивую бумажку. И потом чаевые дать. Продавцы в «Торгсине» такие же разложенцы, как покупатели, они наверняка берут чаевые. И произносят при этом что-нибудь особенное, из старорежимного рабского словаря. «Премного благодарен» или «рад служить-с»... Но Денис подавил как первое желание, так и — с некоторым трудом — второе.

— Вот эту штуку купи, — посоветовал Модест. — Называется «спаржа». Очень полезная.

— А ты пробовал?

— Конечно.

Денис подумал — спросить или нет — и решил спросить.

— А тебе как... ну... насчет... растительной пищи?

Модест пожал необъятными плечами:

— Нормально. Ничего особенного. Я ж не растение. У нас такого нет, как у вас. Человек человека жрать не может, а гомо флорус любое растение жрет без проблем. Только мне не надо.

— А зачем тогда спаржу ел?

— Не ел, а пробовал. Из любопытства.

— Давай, Модест, я тебе тогда воды хорошей куплю. Вон, смотри, «Байкал премиум-суперлюкс», она вся на экспорт идет...

— Иди ты в лифт, — добродушно ответил зеленый человек. — Что ты понимаешь в питьевой воде? Зимой я только талую пью. А летом — дождевую, деструктурированную. Набираю, замораживаю в холодильнике, потом кладу лед в ведерко чистое, лед тает, структура меня-

ется — это самая лучшая вода. А «Байкал» твой — фуфло, иностранцев богатых разводить. Этот «Байкал» в красивые бутылки за углом из крана разливают. Настоящий «Байкал» весь идет под Купол. В Новую Москву.

Денис посмотрел вдоль витрин, мерцающих идеально чистым бронированным стеклом, и ощутил тоску.

— Модест, — позвал он. — А ты почему не уехал под Купол? Ходишь тут, один-единственный зеленый мужик на весь город... Ящики разгружаешь, трубы прочищаешь... А под Куполом такие, как ты, — в полном шоколаде...

— Еще чего, — сказал Модест и снова щелкнул сухим языком. — В полном шоколаде? Там все наши — как подопытные кролики, по лабораториям сидят. Обеспечивают умникам докторские диссертации. Мне же сестра каждую неделю звонит. Жалуется. — Модест вздохнул. — Представь, девчонке семнадцать, а она еще шире меня. Каждый день по триста приседаний, со штангой в пятьсот килограммов, чтоб рост затормозить... Я-то мужик, мне нормально, а она — баба, ей что делать? Мышцы как у чемпиона... Ни замуж выйти, ни родить...

— Брось, — сказал Денис. — Вон, эта, как ее... Лера Грин. Зеленее некуда. Звезда экрана, миллионерша. Третьего «Буслая» видел? Она там снималась.

Модест покачал головой:

— Чтоб на этом деле миллионершей стать, много ума не надо. Сиськи-то растут! У Леры Грин пятнадцатый размер. А у моей сестры — двенадцатый. Только не каждая зеленая баба умеет зелеными буферами трясти, пусть и за червонцы. К сестре тоже подкатывают. Каждый день. То шоу какое-нибудь, то в порнухе сниматься, то миллиардеры ей по пятьдесят тысяч за ночь предлагают... Разложенцы хуевы. А она художник, понял? Рисует! Трехмерная графика, акварель, масло. Ее работы в Чика-

го висят, в Мехико и в Дели. Циничный ты, Денис. Все вы, гомо сапиенсы, циничные. Вроде добрые, и чувства у вас, и совесть, и душа, и эмоции, и прочие штуки, а как доходит до червонцев — тут все сразу резко меняется. Где совесть, где душа? Нет ничего...

— Извини, — сказал Денис. — Я не хотел.

Модест хлопнул его по плечу. Едва не сломав ключицу.

— Не переживай, Герц. На любого обижусь — а на друга никогда. Идешь трубу чистить?

— Нет.

— Как хочешь. А я пойду. Через час встретимся в «Чайнике». А в этой тухлой лавке, — Модест гулко щелкнул ногтем по небьющемуся стеклу и едва его не разбил, — ничего не покупай. Тут половина — подделки. Если хочешь фруктов свежих, в центр иди. На Охотный Ряд или на Остоженку.

— Спасибо, — сказал Денис. — Семьдесят километров. В гробу я видел такие фрукты. И такой Охотный Ряд.

Сказал, а потом вспомнил: теперь в центр необязательно пешком ходить. Можно и на такси съездить.

И в «Чайник» можно не ходить. Вот Глеб — он вообще там не бывает. Глеб ходит обедать в «Евроблины», а ужинать — в «Литиум». Вдвоем с Таней. Ах, дурак я, ничего не понял про Таню. Зачем девушке Тане был нужен Денис Герц, бедный студент, если его друг Глеб Студеникин имеет в кармане червонцы? Ничего я про червонцы не знал, пока сам не заимел. Оказывается, вот оно как, если с червонцами. Иду куда хочу и чувствую себя превосходно.

Город просыпался, как всегда просыпается воскресная Москва, — понемногу, через похмельные стоны и зевки, с выбиванием изнутри примерзших за ночь дверей, с крахмальным скрипом валенок, со скрежетом лопат по ледяной корке тротуаров, с красными носами, длинно втягивающими морозный воздух, с деликатным побре-

хиванием собак, с первыми ударами золотых лучей по куполам храмов.

«Литиум» тоже функционировал круглосуточно. Как «Торгсин». Как «Товарищество русских букмекеров», «Автоимпорт», «Евромода», «Табаки-сигары», «Евроблины», «Русский чайно-конфетный домик».

Пожилой гардеробщик смерил гостя бесстрастным взглядом. Сейчас скажет: «Чего тебе парень, иди отсюда, здесь все только за червонцы», — подумал Денис и стал заранее сочинять ответ, в меру жесткий, короткий и солидный. Но седой дядя — видимо, после бессонной ночи — плохо соображал и пробормотал только:

— Ватничек пожалуйте.

Денис скинул телогрейку, на всякий случай развернул плечи и вторгся в зал, где в уши ему тут же ударил шум голосов и музыки, а в ноздри и глаза — табачный дым. Тощая девка декольте — а декольтировать было решительно нечего — проводила его к столику. Взгляды соседей уперлись в его обвисший свитер.

— Кофе, — коротко попросил Денис. — И коньяку. Пятьдесят. Нет, лучше сто.

Тощая тут же забрала со стола кожаный фолиант — меню — и сообщила, что официант сейчас подойдет. А ты тогда кто, хотел спросить Денис, но не спросил, хотя уже понял, что вести себя будет максимально твердо и развязно. А при случае и в лоб кому-нибудь даст. Местечко показалось ему гнилым. Не просто гнездо разложенцев, а настоящий притон, и запахи притона, и аура притона, и музыка соответствующая, и шевелящиеся картинки на огромных экранах — сплошь изогнутые в танце тела, и шикарные вертолеты-кабриолеты, и какие-то пальмы, и прочие фетиши. Послед, остатки, корешки старого мира, недовырванные двадцать лет назад.

В соседях была компания, двое мужчин и две женщины, — сидели явно с вечера, все были в говно, дамы

откровенно дремали, а джентльмены, забыв про дам, то ли переругивались, то ли объяснялись друг другу во взаимном уважении. Один был печальный, другой — веселый, причем если печальный напоминал Денису сразу всех пьяных печальных неудачников, то есть был в своей печали очень зауряден, то второй, веселый, лицом и взглядом смахивал на героя рекламного плаката акционерного общества «Тамбовский волк и партнеры»: тот же жесткий рот, залысины, пришур и челюсть. Вполне возможно, что веселый сосед Дениса и был главой акционерного общества, волком номер один.

— Больно, Артем... — гудел печальный, ударяя лбом в плечо тамбовского волка. — Тебе не понять, как больно... Я ж сам искоренял... Я ж в первых рядах... Столько надежд было, столько слов правильных... И вот... За что, спрашивается, боролись...

— Понимаю тебя, — бодро отвечал тамбовский, — только ты дурак. Ты уже тогда был дураком. А сейчас ты дурак не простой, а старый. Зачем ты им верил? Я им не верил, а ты — верил... Поэтому сейчас не ты меня угощаешь, а я тебя...

— Так больно, что некуда больнее, — продолжал первый. — Пятьдесят лет, а что за душой?

— Потому что душа слишком широкая, — басом произнесла одна из дам, вдруг очнувшись и обведя компанию соловыми глазами. — Когда душа широкая, за нею никогда ничего нет.

— Умолкни, — приказал печальный. — Жри вон, это, как его... Фуа-муа... Хуе-мое...

— Фуа-гра, — сказала вторая дама, очнувшись вслед за первой. — И мне закажите. И ликеру.

— Молодой человек, — с ледяной вежливостью произнесла официантка, загородив Денису обзор. — Вы погреться зашли или будете заказывать?

— А я по жизни согретый, — ответил Денис. — Если надо, и тебя могу согреть.

— Спасибо, — ровным контральто сказала официантка. — Буду иметь в виду. Какой коньяк желаете?

— Неважно, — спокойно сформулировал Денис. — Сама чего-нибудь придумай. Только в пределах разумного.

— «Мартель»?

Денис очень кстати вспомнил Студеникина и ответил:

— Женских напитков не употребляю.

— «Хеннеси»?

— Допустим.

— Лимон?

— Обойдусь. Сто «Хеннеси» и кофе, черный. С сахаром.

— Сахар на столе.

Тем временем тамбовский волк брутально высморкался в платок с монограммой и сказал печальному:

— Ты, Петруха, слишком себя жалеешь. Надеялся, искоренял... На себя надо было надеяться. Понимаешь? На себя. И на друзей. И на родню свою. На ближний круг, понял? И больше ни на кого. Ты думал, они тебе подарки будут делать? Я тоже был как ты. Тоже надеялся. Тоже первые годы — как на крыльях... Не верил, что так бывает. Новое государство, новая экономика, новая жизнь... Отдаем Россию в руки бизнеса... Сами уезжаем в Сибирь... Крупнейшая в истории безналоговая зона... Делай вещи, а не деньги... Производи свое и будь хозяином...

— Да! — выкрикнул печальный, и из его рта вылетела слюна. — Они нас всех на это купили! Делай вещи, а не деньги! Они всех нас развели, а сами, суки, под Купол, и — привет.

— А ты чего хотел? — спросил волк. — Чтоб они день и ночь о тебе ненаглядном думали?

Печальный заморгал.

— Ну... Зачем день и ночь?.. В меру, конечно. Это ж все-таки их работа.

— Их работа — держать! — прорычал тамбовский человек и обвел дымный зал налитыми кровью глазами; Денис успел отвести взгляд. — Держава — от слова «держать», понял меня? Держать и не пущать — вот их функция! Один раз пустили китайцев — до сих пор не можем опомниться.

— А я тут, значит, ни при чем? — спросил печальный, делаясь еще печальнее.

— Конечно! При чем здесь ты?

— Но я ж, блядь, гражданин!

Тамбовский волк захохотал.

— И что дальше? От налогов тебя освободили, пожизненно. Сына твоего в армию не забрили — без него народу хватает. Тебе мало? Дальше сам думай. Сам о себе беспокойся. Делай вещи. Береги и сберегай сбереженное. Эй, мать! Девушка!

Официантка торопливо поставила перед Денисом рюмку и повернулась на зов.

— Морошка есть у вас? — спросил волк.

— Конечно.

— Архангельская?

— И тверская, и архангельская, и муромская. Двенадцать сортов.

— Неси порцию.

— У нас порции по килограмму.

— В самый раз, маманя! Я эту падлу строго килограммами употребляю. И тебе советую. Смотри на меня: всю ночь сижу, два литра выжрал — и трезвый. И еще весь день сидеть буду. Только чтоб ягода нормальная была, не давленая.

Денис пригубил из широкого бокала, ничего не понял, выпил половину — понравилось; а кофе и вовсе был великолепен. Через минуту голову и тело расслабило, и про-

исходящее за соседним столом перестало интересовать. Как раз на экранах замелькал последний клип Афони Веретено, с подмонтированными кадрами из третьего «Буслая»: главный герой топором разрубал боевого андроида, в точности как в первоисточнике — пополам до седла. Денис был вполне равнодушен к «Буслаю», но уважал Афоню Веретено, особенно его альбом «Все и вся», особенно заглавный трек, целиком смикшированный из аутентичных стонов и криков, издаваемых девственницами в момент расставания с невинностью; финальная кода, где с математически просчитанной причудливостью сплетались звуки боли и восторга, вылетающие из двух тысяч девичьих гортаней, пробирала до костей. После такого хотелось жить.

— Во! — крикнул тамбовский волк, которому, видимо, морошка ударила в голову, и указал пальцем на Дениса. — Вот сидит! Это, как его, блядь... новое поколение! Давай у него спросим, где он хочет жить, в старой Москве или в новой! Э, паренек! Слышь? На два слова подойди!

Денис медленно допил коньяк, тщательно промокнул салфеткой губы.

— Пошел ты в лифт, — сказал он. — Где ты тут паренька увидел?

Тамбовский знаток морошки побагровел, потом рассмотрел представителя нового поколения внимательнее и побагровел еще сильнее: против Дениса шансов у него не было.

— Грубый ты, — мрачно сказал он.

— Зато молодой и красивый, — добавила одна из дам, опять проснувшись. — Не то что вы, старые балбесы. Скажите молодому человеку, пусть меня с собой возьмет.

— У него на тебя денег не хватит, — рассмеялся тамбовский человек. — Слышь, братуха! Не обижайся на меня. Ты молодец, смелый. Я б тебя застрелил, но мне лень. Хочешь выпить?

Денис отрицательно покачал головой, думая о том, что тамбовец оказался не из слабых. Не решившись на физическое столкновение, он решил взять свое другим способом. Морально. Унизить неприятеля посредством игры слов. К счастью, тут зазвонил телефон.

— Ты где? — спросил Модест. — Договаривались же. Я пришел, тебя нет... Приходи, тут сегодня каша гречневая с горячим молоком.

— Уже бегу, — ответил Денис, принимая деловой вид, и попросил счет.

На улице было совсем светло. Женщина в платке отдирала с веревок замерзшие ребра серых простыней. Старуха крошила птицам хлеб. Этот тамбовский разложенец, конечно, прав, подумал Денис. Но не во всем. Иногда они о нас думают. Об этой старухе, например, подумали. Провели закон, чтоб люди старше семидесяти пяти жили только на первых этажах. А не мучились, поднимаясь по лестницам. Живут они, конечно, не поодиночке, в коммунах, по двое-трое в комнате, — но старикам, наверное, так даже лучше, в компании доживать всяко веселее.

В «Чайнике» почему-то было пусто. Денис поискал зеленого товарища — нигде не увидел. Зато увидел несколько сломанных стульев и мрачного Кешу, владельца закусочной, — Кеша возил шваброй по кафельному полу, сгонял из-под столов к центру зала мутную малиновую воду.

— Забрали Модеста, — сказал он. — В патруль. Он сидел, тебя ждал, потом зашли какие-то уроды, не местные, человек семь. Здоровые быки. Вроде не разложенцы, но... В общем, они мне сразу не понравились. В восемь утра — пиво с водкой... Подсели к Модесту, разговорились... Кто-то назвал его «мыслящим тростником»...

— Ах, черт, — сказал Денис. — Что ж ты их не предупредил? Видел же, что не местные.

– Не успел, – сокрушенно сказал Кеша. – Потом всех увезли. Четверых в больницу, остальных в участок, и Модеста тоже...

– Ладно. Давай вторую швабру, помогу.

– Не надо, сам справлюсь. Садись вон, в угол, там чисто. Кашу будешь, гречневую?

– Буду, – ответил Денис. – И чаю давай, горячего. И хлеба черного.

4

За Модеста он не волновался. Модест был богаче всех друзей и знакомых Дениса, за исключением, конечно, Глеба Студеникина, и мог без особых усилий мгновенно компенсировать пострадавшим все расходы по лечению сломанных носов, выбитых зубов и вывихнутых конечностей. А тащить зеленого человека в суд было бессмысленно, ибо нельзя приговорить к исправительным работам того, кто и так готов делать любую работу и много лет ее делает. Скромно, молча, за копейки.

Денис все же пособил Кеше с уборкой, собрал сломанную мебель и понес выбрасывать, причем по дороге за Денисом увязались двое серьезных юнцов и за пять минут, подбирая варежками сопли, ловко убедили его, что два из трех стульев можно починить. Ладно, разрешил Денис, делайте вещи, берегите сбереженное; вручил мебель в руки малолетних умников, и те ушли, возбужденные и довольные, хрустя по снегу новыми валенками.

Потом долго завтракал, обсуждая с Кешей местные сплетни, потом прилег в подсобке «Чайника» на твердую кушетку, укрылся ветхим кроличьим полуперденчиком и заснул, а проснулся только под вечер, разбуженный телефонным звонком: Студеникин напомнил, что ждет в гости.

Денис не хотел идти. Точнее, в гости хотел, тем более к Глебу, — но не хотел видеть Таню. Особенно в квартире Глеба. Теплую, домашнюю, небрежно причесанную. Сидящую в кресле Глеба, проходящую по коридору Глеба, предлагающую ему — Денису, гостю — кофе Глеба, сваренный в кофеварке Глеба и налитый в чашку Глеба. Мужчина не должен видеть, как его бывшая женщина обживает чужой дом. Особенно если это дом лучшего друга. Но в «Чайнике» пахло горячими калачами, Кеша пек их каждое воскресенье, за столами тесно сидел народ, в вязаных кофтах, свежих рубахах и простых платьях из льна и ситца, все свои, правильные, и многие грубые ладони приветственно поднялись, когда Денис, почесывая легкую со сна голову, вышел в зал, а за идеально чистыми окнами густел и уплотнялся прозрачный зимний вечер, настоящий московский, сверху рубиново-лиловый, с редкими твердыми звездами, снизу — мохнато-серый, словно разумное северное чудо-юдо гостеприимно помавало мягкими лапами: расслабься, человек; позвали в гости — иди с чистой душой, если с чистой душой позвали.

И он пошел.

Таня — пусть; в халате, с маленькими голыми ступнями в шлепанцах из козьей шерсти, хозяйкой чужого дома — пусть. Он будет невозмутим. Он будет шутить, выпивать и закусывать, он не выдаст себя даже полувзглядом.

По обычаю богемных двадцатых этажей потащил увесистый мешок еды и бытовых мелочей; ничего особенного, пять килограммов сахара и десяток пачек мыла, и то и другое — купленное за простые рубли в лавке кооператива «Все свое». Дело не в самом подарке, а в его тяжести. Поднять на девятнадцатый этаж пачку сахара — тоже труд. Конечно, Студеникин не испытывал проблем с доставкой, и дешевое мыло, скорее всего, презирал, но Де-

нис любил и уважал традиции: зовут в гости, на верхние этажи — не бери конфеты, не бери вино, прихвати что-нибудь простое и тяжелое. Воды канистру. Или картошки полмешка.

Дверь у Глеба открывалась древним способом, как у безумного Постника: видеоглаз с инфракрасным режимом и электрический замок. Плюс еще совсем архаичное приспособление, древнерусское: засов. Стальная балка поперек, с внутренней стороны. Разумеется, Студеникину есть что беречь, мысленно констатировал Денис, без зависти, но с уважением.

— Ноги не болят? — осведомился Глеб, без усилий опуская на место массивную пластину засова.

— Нет, — сурово ответил Денис. — Что за шмотка на тебе?

— А что? — озабоченно спросил Глеб и приосанился. — Свиная кожа. Полторы тысячи простых рублей. Две недели вокруг нее ходил, с духом собирался и вот сегодня решил — не могу, надо взять. Сделать себе подарок... С барышей. Проходи, давай. Одного тебя ждем.

— Разложенец, — сказал Денис, изловчившись скрыть улыбку.

— Ничего подобного, — возразил Глеб и небрежно погладил богато отделанный рукав. — Я поддерживаю отечественного производителя. Товар куплен в магазине «Всё свое». Изготовлено из российских материалов по российской технологии. По-английски "tatoo-pig", по-русски — «свинячий партак». Патент продан в двадцать стран, автор патента уже миллионер и недавно переехал в Новую Москву. Гениальная идея. Татуировки наносятся живой свинье, потом ее забивают, а кожу выделывают. Дамские сумочки идут нарасхват. Куртки тоже. Я последнюю взял...

В первой комнате Студеникин устроил офис, во второй — склад, в третьей было интереснее: негромко звене-

ла музыка, в медной чаше курились благовония, на стене переливалась оправленная в полированный орех увеличенная копия финального кадра трехмерного эротического видеокомикса «Эрегатор». На огромном диване попой вверх лежала, болтая ногами, немного пьяная Таня, в мягких домашних брюках и майке с надписью «Конченая сука», а в трех метрах от нее, на ковре из квазиживых водорослей отвратительного ярко-зеленого цвета, стоял вверх ногами Хоботов, приятель и доверенный помощник Глеба, хулиган, спортсмен и отчетливый разложенец. Стоял неподвижно, опираясь только на один-единственный палец, указательный, на левой руке.

Может, мне надо было тоже благовония жечь, подумал Денис. Тогда бы я ее не потерял. Свою девушку.

— Еще пять минут, — объявил Глеб, входя вслед за Денисом, и взмахом руки убавил громкость аудиосистемы. — Не помри от натуги, Хобот.

— Хоть двадцать, — небрежно сказал Хоботов.

— Студеникин, — позвала Таня. — Не мучай человека. Сам ведь так не можешь.

Глеб сдернул с плеч куртку, швырнул ее в угол — запахло новой кожей — и с сильным выдохом утвердился рядом с Хоботовым, в той же позиции.

Денис поцеловал бывшую подругу в прохладную щеку и сел рядом. Таня тут же запустила ему в ладонь проворные пальчики, но Денис, грамотно выждав несколько мгновений, как бы невзначай убрал руку.

— Хоботов проиграл спор, — сообщила Таня. — Теперь он должен простоять на одном пальце ровно полчаса.

— Жестоко, — оценил Денис.

— Нормально, — трудным фальцетом возразил Хоботов.

Таня усмехнулась.

— Он утверждал, что саундтрек к первой части «Однажды в Иркутске» написал Тихон Бес.

— А на самом деле?

— Эй, — тяжелым от напряжения голосом проскрипел Студеникин, продолжая балансировать. — Хоть ты-то меня не разочаровывай!

Денис вспомнил:

— Симон Горский.

— Слава богу. А я уж думал, что не все про тебя знаю.

— Пижоны, — процедила Таня. — Я не поняла, вы будете всю ночь хвосты распускать перед девушкой или делом займетесь?

— Одно другому не мешает, — хрипло процедил Хоботов.

— Может быть, — сказала Таня. — Только вы глупо смотритесь. У обоих дырявые носки.

— Ничего не поделаешь, — ответил Глеб. — Такая работа. Два раза наверх сходишь — все, на пятке дырка.

— Это тебя не извиняет, Студеникин. Хватит придуриваться.

— У тебя есть кавалер, — сказал Глеб. — В отличие от нас правильный человек. Пусть он за тобой ухаживает.

— Я ей не кавалер, — сказал Денис. — Это ты ей кавалер. С некоторых пор.

— Я? Кавалер? — Глеб вскочил на ноги, тряхнул сильной кистью и улыбнулся. — Какой я кавалер? Нашел тоже кавалера. Я с ней сплю, это да. Это есть. Это глупо отрицать. Но насчет кавалера...

Таня вздохнула и поднялась с дивана.

— Пойдем, правильный человек, — сказал она и погладила Дениса по плечу. — На кухню пойдем. Расскажешь, как твои дела. Эти два подонка мне надоели.

— Хоботов, время, — сказал Глеб.

Его приятель тут же обрушился на ковер.

— Да, я подонок, — небрежно произнес он. — Зато пробиваю вот этим, — он поднял вверх указательный палец, — китайское бронестекло. Класса «А».

— Пробей себе дырку в голове, — рекомендовала Таня. — Пусть кто-нибудь вставит тебе немного серого вещества. Класса «А».

— Лучше — зеленого! — воскликнул Хоботов и расхохотался, а Глеб шевелением мизинца добавил громкости, и на все его шесть просторных, окрашенных в психоделические цвета и уставленных дубовой мебелью комнат загудели первые, самые красивые и самые зловещие аккорды «Танца нищих» — наилучшей, на взгляд многих, вещи гениального Тихона Беса, поклявшегося, как писали музыкальные журналы, больше никогда не выкладывать музыку в Интернет, чтобы не связываться со всесильными боссами рекорд-студий, а транслировать свои опусы только по радио. Бесплатно.

— Кстати, да! — Плотоядно воскликнул Студеникин. — Я ж не предупредил! Слышь, правильный человек! У нас сегодня вечер зеленого вещества!

Но Таня уже шла по коридору, а Денис — за ней.

На кухне пришлось перешагивать через пакеты с едой: устраивая посиделки, даже такие, как сейчас — скромные, на четверых, — Глеб обязательно делал богатый стол.

Таня закурила. Не глядя на Дениса, спросила:

— Кофе хочешь?

— Хочу. Я ночь не спал.

— По-моему, из нас четверых ночью спала только я. Эти двое вообще пришли в полдень. Веселые оба. Видать, много заработали.

— Очень много, — сказал Денис. — Можешь не сомневаться. А вот меня с собой не взяли.

— Не переживай, — усмехнулась Таня. — Ты еще свое заработаешь. И с ними, и без них. Лучше — без них.

Она мне ровесница, подумал Денис, а разговаривает, как с ребенком. Наверное, она и вправду конченая сука.

— Расскажи что-нибудь, — тихо попросила Таня.

— Лучше ты.

— А мне нечего рассказывать. Сам все видишь. Он меня почти никуда не выпускает. Даже тампаксы сам покупает.

Денис кивнул. На месте Глеба он делал бы то же самое.

— Скажи ему, чтобы выбросил свою куртку. Она кошмарна.

Таня рассмеялась.

— Сам скажи.

— Меня он не послушает.

— Меня тоже. Он вообще никого не слушает.

— Все равно, — сказал Денис. — У него беда со вкусом. Повлияй на него. По-женски.

— Не буду, — сказала Таня. — Безвкусица меня возбуждает.

Она стала выкладывать еду на огромный — полированная гранитная плита — стол; все было готовое к употреблению, сдирай упаковки и действуй; Студеникин запрещал своей подруге стоять у плиты. «Женщина нужна мне в постели, а не на кухне» — так он ей сказал. А она процитировала Денису. После бегства на девятнадцатый этаж она упорно пыталась сохранить с бывшим бойфрендом некий контакт, что-то из серии «остаться друзьями», или, скорее, держала бывшего в резерве, на тот случай, если выгонит нынешний; дважды сидели в «Евроблинах», платила она, и Денис удостоился некоторых подробностей, включая самые интимные, но от третьего предложения встретиться и поболтать уклонился — статус подружки показался ему унизительным.

Пока Таня нажатием разнообразных кнопок раздвигала стену и перемещала в зал полностью сервированный стол, Денис сидел в углу кухни, на высоком барном табурете, и листал попавшийся под руку журнал — из тех, что раздают бесплатно: обложка ярчайшая, в середине реклама, в начале и в конце агитация. «Делай вещи, а не деньги». Плюс обязательный «проблемный материал»,

посвященный в данном случае самой больной столичной теме — теме сноса. Денис пытался вчитаться, но быстро понял, что автор сам никогда не работал на сносе, не махал кувалдой, обливаясь потом, и кусок бетона весом в пятнадцать килограммов ни разу не падал ему на ногу.

— Эй, Герц! — крикнул Глеб. — Присоединяйся к коллективу. Предлагаю хорошо посидеть, а потом в кино, на ночной сеанс. На третьего «Буслая».

— Я еще второго не посмотрел.

— И не смотри. Ерунда. Третий сильнее. Называется «Буслай и Ванька Пешеход». В иностранном прокате — "Buslay and Jonnie Walker".

Денис сел за стол, долго думал, во что воткнуть вилку — то ли в буженину, то ли в осетрину, — в результате никуда не воткнул, налил себе водки, молча выпил, ни на кого не глядя.

— Сильный ход, — произнес Глеб, глядя ему в глаза. — Говорят, водка — наилучший аперитив.

— Кто говорит? — спросил Денис.

— Люди. Но ты меня не слушай, дружище. Ты делай что хочешь. Ешь, пей, отдыхай, сегодня твой день. А мы с Хоботом выпьем — за тебя. И Таня, может, присоединится. Налей, Хобот. По полной. — Студеникин встал. — И выпью я вот за что. Сегодня ночью мы с тобой кое-где были, кое-что сделали и кое-каких денег подняли. Но перед тем как пойти с тобой сам знаешь куда, я сидел вот в этой комнате и морально готовился. Потому что каждый раз, когда я иду сами знаете куда, мне страшно. Всем страшно, и мне тоже.

Хоботов сделался серьезен и кивнул.

— ...А вот она, — Студеникин показал на Таню, — сидела напротив и говорила мне, что я гад и тварь, потому что втягиваю Дениса в свое гнилое ремесло. А я на нее смотрел и думал: она права.

Таня сверкнула глазами.

— Я на самом деле гад и тварь, — спокойно продолжил Глеб, кланяясь Тане. — Это общеизвестный факт. Но я еще твой друг. — Тут он поклонился уже Денису. — Больше скажу: твой старший товарищ. И я позволил тебе взяться за рюкзак только после твоих многочисленных просьб. И только тогда, когда понял: деньги для тебя не цель, а средство. И нужны они для дела святого... Самым близким людям помочь... Вот что я тебе скажу, Денис: куда бы ты ни пошел, вверх, или вниз, или куда-то еще, оставайся таким, какой ты сейчас. Никого не слушай. Меня тоже не слушай. Даже ее, — Глеб вторично показал на Таню, — не слушай. Хотя она и умнее всех нас, вместе взятых. Только себя слушай. Мы разложенцы и уроды, а ты — цельный и чистый парень, будь собой и посылай в лифт любого, кто будет мешать тебе жить. За тебя!

— За тебя, — прошептала Таня и улыбнулась Денису так, как никогда не улыбалась.

— За тебя, — провозгласил Хоботов. — Ты красавчик у нас. Так и держись.

— Спасибо, Глеб, — сказал Денис.

— И еще одно, — добавил Студеникин. — Раз ты сегодня не хочешь есть, а хочешь пить, я предлагаю тебе кое-что интересное. Мы с Хоботом специально на другой конец города мотались...

Театральным жестом он снял крышку с одной из тарелок.

— О боже, — сказала Таня.

— Еле нашли, — гордо заявил Хоботов.

— Ты бери, сколько хочешь, — сказал Глеб, — а нам оставь по одной ложечке.

Денис покачал головой:

— Мне нельзя. Плохая наследственность.

Глеб и Хоботов рассмеялись.

— А у кого она хорошая? — спросил Глеб. — Ты что, Денис? Мы все в одной лодке. У всех мамки и папки жрали по полной программе. Что нам будет с сырой субстанции?

— Мой папаня в прошлом году все-таки раскололся, — сказал Хоботов. — Поведал про сладкие старые времена. По пьяному делу... Я, говорит, пятый номер вообще за номер не считал. Только седьмой и восьмой. Каждое утро — по таблеточке, и вперед.

— Слушайте, — тихо сказал Денис, — давайте просто напьемся. Ну ее в лифт, эту штуку. Она ж стоит в десять раз дороже кокаина.

— Ну, смотря какой кокаин, — небрежно сказал Глеб. — Не парься по этому поводу.

— Двести чириков за дознячок, — объявил Хоботов, глядя на Таню. — Со скидкой. Мы взяли пять дознячков. Денису две порции — и нам по одной. Кстати, я могу и обойтись. Мне бухать нравится, а стебель, если честно, — не мой кайф...

Пока развивалась дискуссия, Таня молча взяла чайную ложку, запустила в мутно-зеленый холодец, проглотила. Облизала. Пока облизывала — трое уже не дискутировали, смотрели только на нее.

— Умница, — похвалил Глеб.

— Стараюсь, — сказала Таня. — Говорят, ее теперь не достать.

Хобот ухмыльнулся.

— Правильно говорят. На всю Москву вылезает в год по пятьдесят — сто побегов, и с каждым годом все меньше. Нашел побег — считай, вышел в дамки. Травяные барыги тут же подруливают, в течение получаса, и отсчитывают премию, от трехсот тыщ до пятисот, червонцами, в зависимости от места. Но могут и башку отстрелить. Тут же. По-тихому. Это дешевле... Короче говоря, как повезет. Если место удачное — строят поверх стебелька какую-ни-

будь ерунду, пивной ларек, или закусочную, или что-то еще. И сидят тихо, пока стебелек вытянется хотя бы на два метра. Дальше не ждут — срезают. В старые времена она росла на глазах, а теперь грибница почти мертвая, побеги слабые, еле тянутся. Страшное это дело, не каждый выдержит. Надо год или полтора сидеть и ждать урожая, а если патруль узнает — никаких захватов, арестов, никаких спецопераций: прилетает вертушка, военная, бесшумная, и расстреливает все в радиусе ста метров гранатами с напалмом. У моего приятеля так брат сгорел. И с ним еще семеро. А хотели миллионерами стать...

Таня снова запустила ложечку в мякоть, но не для себя: потянулась к Денису, поднесла к его губам.

— Правильно, — похвалил Глеб, и его глаза сделались белые, колючие и блестящие, как два шарика фольги. — Ешь, Герц. Лично я из ее рук любой яд приму.

Денис обнял ложечку губами, раздавил языком комок слизи, проглотил. Таня поощрительно улыбнулась.

— Воды дай, — сказал Денис.

— Конечно, — нежно ответила Таня, наливая в стакан «Байкал дабл-люкс». — Только я сама.

Подсела ближе, коснулась твердым бедром, подняла фужер к его носу, осторожно наклоняла, пока он втягивал в себя.

— Браво, — произнес Глеб. — И эта девочка говорила мне, что я испорчу хорошего парня Дениса Герца.

— Никто его не испортит, — сказал Хоботов, наливая себе водки. — Пока он сам не захочет. Кстати, Денис... я слышал, ты журналы собираешь?

— Не журналы, а журнал. «Самый-Самый».

— Я знаю малого, у него есть такой журнал.

— И сколько он хочет?

— Не знаю. Он обычный парнишка, не деловой. Типа правильный. Позвони ему, он, может, тебе за так отдаст. Или обменяет на что-нибудь...

— Короче, не разложенец.

— Абсолютно. Третий год на сломе работает, там и нашел.

— Что ж ты молчал?

— А ты не спрашивал... У кого телефон звонит?

— У меня, — пробормотал Студеникин и вышел из комнаты, вытирая руки салфеткой.

— Денис, — слабым голосом позвала Таня. — Пей воду. Надо сразу выпить два или три стакана.

— Знаю, — произнес Денис. — А мясо нельзя. И вообще, лучше ничего не есть.

— Хочешь, потанцуем?

— Нет.

Таня прилегла, положила голову на его колени, поднесла руку к глазам.

— Так смешно... Я чувствую, как ногти растут.

— Рад за тебя.

В проеме двери появился Студеникин, сделал Хоботову знак — оба исчезли, с озабоченными выражениями красных от выпитого лиц.

Некоторое время Денис слушал, как скользят вдоль его хребта сигналы, превращаясь, по мере подъема по спине к шее и далее — к затылку, из простейших импульсов — в идеи, мысли, умозаключения; было понятно, что всякая мысль, от ничтожной до гениальной, есть не более чем слабый, затухающий остаток первородного энергетического всплеска, рожденного где-то в бесконечности и уловленного антенной позвоночного столба.

Таня закрыла глаза и стала почти бесшумно хихикать.

— Эй, — позвал Глеб, возвращаясь и шумно усаживаясь за стол. — Хватит вам уже. Ведете себя как конченые травоеды. Садитесь, поболтаем.

Не открывая глаз и не пошевелившись, Таня спросила:

— Хоботов ушел?

— Да. Заказ собирать.

— Опять в ночь пойдете?

— Да.

— Ты хочешь заработать все деньги?

— Не все, — ответил Глеб, грубо отъел от куска мякоти и стал запивать, огромными глотками, пока не опустошил литровую бутылку. — Только свои, малыш. Только свои.

— Сделай так, чтобы он больше сюда не ходил.

— Хобот?

— Да.

— Он хороший парень. За червонец горло перегрызет. Уважаю.

— А я нет, — сказала Таня.

Студеникин сложил на груди руки.

— Это потому, что ты с ним не работаешь. А только выпиваешь, изредка. А я с ним пять лет балабас таскаю. Девять раз в засаду попадал и три раза под патрульный обстрел. То есть ты поняла, да? Он монстр. Непобедимый.

— А ты не монстр? — спросила Таня.

— Не знаю. Тебе виднее.

— Хотя бы скажи ему, что волосы из ноздрей надо выдергивать.

— А тебе мешают волосы в его ноздрях?

— В общем, да.

— Буду знать, — ядовито сказал Глеб. — Но ему... Извини, малыш, не скажу. Мужчины такое друг другу не говорят. Пусть вон Герц скажет. А я не буду. Хобот — парень простой, он меня просто в лифт пошлет, и все.

— Пусть растет, — пробормотал Денис.

— Кто?

— Не кто, а что. Волос. Из ноздри... — Денис слабо засмеялся. — Он растет, я расту. Все растут... У одного волосы растут, у третьего сила прибавляется, или ум, или опыт... Или вот твоя женщина Таня, например. Как чело-

век она в последнее время не очень выросла, а как сука конченая — продвинулась очень далеко...

— Ты имеешь в виду — в сексуальном плане? — спросила Таня, села и открыла глаза — вдруг очень глубокие, темные, влажные.

— Нет, не в сексуальном. В сучьем. Это не одно и то же.

Таня помолчала и вздохнула:

— Наверное, да. Еще недавно я была просто сучка. А сейчас — всесторонне развитая конченая сука. Это мой путь, и я по нему иду. У меня растет сексуальный аппетит. У Студеникина — самомнение. У тебя, — она погладила Дениса по предплечью, — растет чувство собственного достоинства. А у Хоботова — волосы из ноздрей. Так мы все растем, каждый в свою сторону. Как трава.

— А мы не говорим про траву. Мы про себя говорим.

Таня опять легла.

— А вы знаете, почему трава, когда растет, не повреждает человеческих построек?

— Этого никто не знает, — сказал Глеб.

— Она разумна, — сказала Таня. — Это единственное объяснение. Когда примешь дозу — сразу понимаешь, что трава умнее человека. Она, когда растет, не повреждает ни одного кирпичика. Но если ей помешать, когда рост уже в разгаре... Я фильм видела, по Нулевому каналу. Положили крышку стальную, а она эту крышку насквозь пробила, за три минуты. Никому не мешать, но и не позволять, чтоб тебе кто-то мешал... Это признак высшего разума. Человек так не может, а стебель может. Сначала выбрать свою дорогу в обход всех прочих дорог, а потом убирать со своей дороги любую преграду — люди так не умеют...

— Люди мало что умеют, — произнес Глеб. — И чем дальше — тем меньше они умеют. Тыщу лет назад они друг дружку саблями на фарш рубили, подыхали от чумы какой-нибудь, но при этом создавали книги, симфонии,

скульптуры всякие... А сейчас с человеком носятся как с величайшей ценностью — а он ничего не умеет. Сидит на жопе и пережевывает пережеванное. Если ему надо кого-то убить, он посылает вместо себя машину. Андроида. Это нас всех погубит.

— Почему? — спросила Таня.

— Потому что если ты хочешь кого-то убить, надо просто пойти — и убить. Руками. Или тем, что можно в ладонь взять. Палкой, камнем. Только так. Самому. А не посылать вместо себя пулю, ракету или железного дебила.

— Знаете, — сказала Таня, — дайте мне наушники. Я музыку послушаю. А насчет кого-то убить — это вы как-нибудь меж собой, без меня...

Она украсила себя огромным обручем аудиотранслятора и тут же стала подергивать плечами и головой, в такт одной ей слышимым аккордам, но глаза не закрыла — смотрела то на Дениса, то на Глеба, серьезно, даже печально.

— Слышь, — произнес Глеб, — как самочувствие?

— Нормально, — сказал Денис. — Говорят, эта мякоть — лучше, чем та, которую жрали в старые времена, до искоренения. Тогда жрали взрослые стебли, а сейчас — побеги. Они нежнее, и вставляет от них... сильнее.

Студеникин небрежно отодвинул тарелки и рюмки, положил локти на стол, опустил плечи.

— Я статью читал. В английском журнале. У нас ее не переводили. Там пишут, что стебли росли всегда. От первого дня творения. Иногда гуще, иногда — реже. Иногда по триста метров вырастали, иногда — как сейчас, еле-еле в рост человека. Иногда в пустынях появлялись или в горах, в труднодоступных местах, на диких островах, в джунглях. Иногда — наоборот, в крупнейших городах. Стебли появляются раз в сто — двести лет. Где, когда, насколько мощно прорастет грибница — невозможно проанализировать. Кто находит ее, тот рано или поздно пробует мякоть и засекречивает свою находку, а потом сходит с ума

и уничтожает и себя, и траву. То есть ты понял, да? Так погибли одна за другой несколько древних цивилизаций. Атланты, потом майя. Следы грибницы нашли в Африке, в Австралии и на дне Атлантического океана. Якобы древние атланты культивировали стебли, растили и снимали урожай, но потом передрались из-за травы и сами погубили свою цивилизацию. Взорвали вместе с собой целый материк...

— Это ты не английскую статью прочел, — сказал Денис, — а какую-нибудь главу из зеленой книги. Типа «Священной тетради». В переводе с русского. До искоренения были люди, обожествлявшие траву, они создали свою религию и написали книги. Только это все ерунда.

— Почему ерунда?

— Потому что я лично знаю человека, который одну такую книгу написал. Он друг моей матери. Он сейчас под Куполом живет.

— У тебя есть знакомые под Куполом?

— Друг отца и матери. Гарри Годунов, писатель.

— Не читал. А почему он не переселит вас с матерью к себе? Под Купол?

— Мать не хочет.

— А ты?

— А мне тут нравится.

Глеб кивнул. Его лицо немного отекло.

— А кого бы ты этим угостил? — спросил он.

— Мякотью?

— Да. Если б тебе предложили выбрать любого человека из всех, кто когда-либо жил. От царя Соломона до Агафангела Рецкого. Кого бы угостил?

— Многих, — ответил Денис, сразу поняв вопрос. — Очень многих.

— Скажи. Кого, например?

— Гитлера. И Ницше. Вообще всех диктаторов и их духовных учителей. Чтоб их попустило.

— И Сталина?

— Нет, ему не положено. Его и так перло не по-детски. Вот Черчилля бы угостил, точно.

— Но он не был диктатором.

— Знаю. Но он был сибаритом, ему бы понравилось.

— А Бен Ладена?

— Может быть. Не знаю.

— Барака Обаму?

— Ни в коем случае. Президент США, Нобелевская премия — и еще его мякотью угощать? Обойдется. Вот де Голля — угостил бы.

— А еще?

— Генерала Белоглазова. За то, что приказал взорвать Курильские острова.

— Че Гевару?

— Конечно. Это не обсуждается. Полной ложкой. Посадил бы напротив и сказал: давай, брат, бери от души. И Фиделя, и Че, и Камило Сьенфуэгоса.

— Ага, — пробормотал Глеб. — Ладно, бог с ними, с политиками. Допустим, из музыкантов? Или актеров?

— Стинга. Мэрилин Монро. Чарли Буковского. Хантера Томпсона.

— Мэрилин Монро знаю, — пробормотал Студеникин. — Остальных не знаю. Кто такие?

— Долго рассказывать. Титаны далекого прошлого.

— А Элвиса угостил бы?

— Можно.

— Майкла Джексона?

— Чуть-чуть. За то, что правильно помер.

— Гришу Дно?

— Нет. Он разбогател при жизни, так у русских художников не принято.

— Леонардо?

— Ну, Леонардо, наверное, сам бы меня угостил.

— Согласен. Что скажешь насчет спортсменов?

– Третьяка и Зидана. Это из древних. А из новейшего времени – Сару Бейкер. Великая женщина. Сто четырнадцать побед, и все нокаутом.

– А этого, который... десятикратный чемпион по боям без правил в невесомости...

– Джо Уайт? Можно.

– Иван Крышоедов? Непобедимый геймер?

– Точно.

– Марадона?

– Он же кокаин нюхал. Его бы не вставило.

– Пеле?

– Нет. У него все было в порядке. Вот Гарринчу, умершего в нищете, угостил бы.

– А, например, Билла Гейтса?

– Никогда. Но вот Стива Джобса – обязательно.

– Калашникова?

– Накормил бы от пуза. Как лучшего оружейника за всю историю человечества.

– Гагарина?

– И Леонова.

– А Армстронга?

– А его за что?

– За то, что первым ступил на Луну.

– А он туда ступил?

– Но ведь место высадки нашли.

– Кто нашел? Американцы нашли?

– Ну... Да.

Денис криво усмехнулся.

– Вот то-то и оно.

– Принцессу Диану? – спросил Глеб.

– Вряд ли. Лучше – бабку. Елизавету. Крутая была бабка, слов нет.

– А, допустим, Фердинанда Порше?

– Тогда и Энцо Феррари.

– Доктор Элшаддай?

— Отец Андроидов? Согласен.

— Шварценеггер?

— Однозначно — нет. Малый за жизнь сделал три карьеры, зачем ему что-то еще?

— Симона Горского?

— Точно.

— Достоевского?

— Обязательно, от души.

— Ивана Грозного?

— Я же сказал: всех тиранов, кроме Сталина. Его мой дед ненавидел, потому что дед моего деда заживо сгнил, по приказу Сталина, в таком месте, где даже бактерии не живут.

— Ладно. Закончим про тиранов. Ван Гога?

— Да. Но до того, как он отрезал себе ухо.

— Пикассо?

— Нет. Лучше Модильяни.

— Он тоже рисовал?

— Да. Только Пикассо умер в шоколаде, а Модильяни — в нищете.

— Афоню Веретено?

— Нет. Меня его музыка не вставляет.

— Меня тоже, но он — гений.

— Какой же он гений, если не вставляет?

— Ладно, пусть. А Сальвадора Дали?

— Нет. Но Галу, его жену, — да, угостил бы.

— А, допустим, Ли Кьонг Минь?

— Да. Мужик нарисовал три тысячи фильмов, не выходя из дома.

— Да, это сила. А из поэтов?

— Высоцкого. Чтоб не мучился. И Бродского.

— Артема Переверзева?

— Нет. Я не верю в биомеханическую литературу. Книги не должны визжать и подпрыгивать.

— Джона Леннона?

— Да. Но без Йоко.

— Нет, ее тоже надо. Ее все ненавидели...

Студеникин усмехнулся, потер ладонью щеки и нос. Его лицо продолжало отекать, вся левая сторона съехала в нелепой ухмылке, глаза сделались стеклянными. Он сорвал крышку с очередной фляги, налил воды всем троим, протянул полный стакан Тане — она небрежно, даже брезгливо отмахнулась. То ли от стакана, то ли от Студеникина.

— Ты не выглядишь радостным, Глеб, — произнес Денис.

Студеникин посмотрел мрачно, оценивающе.

— Угадаешь, куда я ночью иду?

— К Постнику?

— Да.

— Я так понял, он твой главный клиент.

— Есть и другие, — сухо произнес Студеникин. — Хочешь знать, что заказал Постник?

Денис пожал плечами.

— Ничего, — сказал Глеб. — Приходи, говорит, пустой. Только обязательно один. И никому не говори, что ко мне пошел. Никто не должен знать. Ни друзья, ни коллеги по бизнесу. Если, говорит, кому-нибудь расскажешь, сам потом пожалеешь.

— Может, подстава?

— Может, и подстава.

— А зачем ты тогда Хобота...

Глеб ухмыльнулся.

— Хоботу я скажу, что заказ отменили. И Тане тоже так скажу. Она уснет, а я пойду тихо. А Хобота я отправил не для того, чтоб он поставку собирал.

— А для чего?

— Надоел.

Глеб встал, размял плечи, сделал несколько танцевальных движений. Танцевать он не умел.

Денис тоже не умел.

— Хобот — надежный пацан, — сказал Глеб. — Даже надежнее тебя. Помнишь старую поговорку насчет того,

с кем в разведку идти? Вот бывает — смотришь на человека и понимаешь, что ходил бы с ним в разведку хоть каждый день. А сядешь за стол, выпьешь — а вам говорить не о чем...

Таня расстегнула пуговицу на рукаве Дениса; он посмотрел осуждающе — она показала ему язык.

— А зачем ты тогда мне рассказал? Про Постника?

— Чтоб ты знал.

— Но он просил...

— Мало ли чего он просил, — сказал Глеб. — У него своя жизнь, у меня — своя.

5

Когда он пришел, мать смотрела телевизор. Это Вовочка приохотил ее к телевизору, с осуждением подумал Денис. Она вообще сильно опростилась в последнее время. Даже в баню стала ходить. Но с Вовочкой, наверное, ей все-таки лучше, чем без Вовочки.

Сам Вовочка, к счастью, отсутствовал. В ночь с воскресенья на понедельник он всегда ночевал у себя, на благопристойном шестом этаже. Чтоб ровно в восемь утра начать выполнять свои странные трудовые обязанности. Денис часто собирался спросить у бойфренда матери, в чем, собственно, заключается работа налогового инспектора в безналоговой зоне, но так ни разу и не спросил.

Мать сидела спиной к двери, в кресле, неподвижно — видимо, только что приняла цереброн. Дениса не заметила. Под цереброном она была сама не своя. Денис вспомнил, как однажды, примерно год назад, проглотил одну таблетку цереброна, из любопытства, и как потом мучился головной болью и тошнотой. Матери ничего не сказал, но стал жалеть и уважать, хотя она была сама виновата. Зачем принимала концентрат мякоти?

Впрочем, тогда, в старые времена, все жрали концентрат мякоти. И родители Дениса. И родители Тани. И родители Хоботова. Глеб Студеникин в одиннадцать лет остался без отца и матери, но точно знает, что они тоже жрали концентрат.

Теперь старшее поколение спасается цереброном. Лучше головные боли, чем расчеловечивание.

Экран переливался красками: общероссийский Нулевой канал вещал в отличном качестве. Давали вечерний блок актуальных интервью: гость студии — некто суровый, в грубо сшитом сюртучке — веско формулировал, делая простые выразительные жесты, а ведущий шоу кивал и поддакивал. Сюртучок гостя, правда, был самую малость слишком грубо сшит, а формулировки самую малость слишком веские, а жесты слишком простые, а визави кивал хоть и с умным видом, но тоже слишком истово.

— Очень просто, — излагал суровый, живописно набычившись. — Как только административная столица переместилась в Новую Москву, туда же переместилась и финансовая столица. Хотя финансистов никто под Купол не звал. Туда вообще никого не звали. Ни промышленников, ни торговцев, ни рестораторов, ни деятелей шоу-бизнеса. Заявлено было кратко и просто: администраторы едут в Азию, в Сибирь, бизнесмены остаются в Европе. Власти — отдельно, бизнес — отдельно, между ними четыре тысячи километров. Прекрасная идея (ведущий мелко тряс напомаженной головой, демонстрируя понимание). Но не вышло. Бизнесмены почему-то устремились вслед за администраторами. Остались деятели культуры, но им деваться было некуда, пришлось ехать вслед за бизнесом, ибо культура у нас привыкла быть либо при бизнесе, либо под бизнесом. Кроме того, трудно называть культурной столицей город, застроенный черными безжизненными башнями, в которых выше двадцатого этажа творится черт знает что...

Денис ухмыльнулся, бесшумно прошел к себе в комнату. Стянул через голову свитер, лег. Отягощавшая задний карман пачка червонцев мешала устроиться удобно — он вытащил, поиграл гибкими пластиковыми денежками, их количество умиротворяло. Бросил на пол.

Почему «черт знает что»? Там жизнь творится. И ниже двадцатого, и выше двадцатого. Люди добывают пищу, размножаются, спят и бодрствуют. Ссорятся и мирятся. Спасают друг друга или умерщвляют. При чем тут черт? Все они поминают черта, как только речь заходит про этажи выше двадцатого. Мы живем на третьем, и с нами бог, а все, что выше, — от лукавого.

Все телевизионные умники одинаковы. Профессионально передернуть — вот их задача.

Мама вошла почти бесшумно.

— Тебя весь день не было, — сказала она. — Ты ел?

Десны прилипли к внутренним поверхностям щек. Денис с трудом раскрыл рот. Щелкнув языком, отодрал сухой язык от неба; вспомнил Модеста: перед тем, как что-то сказать, зеленый человек издавал точно такой же звук.

— Да, ел. Два раза.

Мать увидела деньги и изменилась в лице:

— Это что?

Денис закинул руки за голову:

— Это деньги, мама. Это деньги.

Мама кивнула. Смотрела без тревоги или осуждения, но так внимательно, что сама эта внимательность содержала бесконечное количество тревоги и осуждения.

— Не смотри так, — попросил Денис. — Пожалуйста, не смотри так. Это всего лишь деньги.

— Я вижу не деньги, — сказала мама. — Я вижу кучу денег.

— У нас не было денег, а теперь есть.

Мать кивнула, оглянулась, ища стул. Села, не по-женски широко расставив колени.

— Я все ждала, когда это случится, — медленно произнесла она.

Денис улыбнулся:

— Ты ждала, когда я принесу кучу денег?

— Бог с ними, с деньгами. Я ждала, когда ты попробуешь мякоть стебля.

Денис испытал момент паники, сел, решил: лучше будет признаться.

— Мама, я давно попробовал мякоть стебля. Еще год назад.

— И как тебе? — спокойно спросила мама.

Сын подумал, развел руками:

— Трудно сказать.

— Понравилось?

— Не знаю.

— Не спеши, — мягко, едва не ласково сказала мать. — Подумай. Подбери слова. Мне важно знать твой ответ. Только точный. Расскажи подробно, что чувствуешь.

— Мне... — Денис смешался, с досадой понял, что глупо улыбается. — Понимаешь... Такие вещи надо... Ну... типа на свежую голову... А я спать хочу.

— Нет. Ты сейчас расскажи. Напряги ее. Голову. И расскажи. А я послушаю.

— Она... — Денис улыбнулся. — Она не напрягается.

— Вот именно.

Слава богу, подумал Денис, она не спрашивает, где я взял мякоть. И деньги. В последнее время она совсем перестала задавать вопросы.

Хорошо иметь умную мать. Особенно когда тебе двадцать лет.

— Знаешь, — сказала она, — я никогда не думала, что твой отец может убить человека. А он убил. Тот человек был настоящая сволочь, его надо было убить — и твой отец убил его. Тот человек взял в заложники двух женщин и захватил вертолет. Тебе было семь часов от роду. Во-

круг — лес, колония травоедов, ни милиции, ни власти, только толпа испуганных женщин и зеленых полукретинов... Твой отец застрелил того человека. Из автомата. Попал точно в лоб. И ранил еще двоих. На том вертолете увезли меня и тебя. Савелий остался. Пилоту он обещал, что найдет и убьет его, в любой точке мира, если пилот не вернется за остальными. Мы стояли толпой, на площади, перед вертолетом, и пилот поклялся перед всеми, что вернется. И увез меня и тебя в Москву. Твой отец двое суток не выпускал из рук автомата, пока из поселка не вывезли всех женщин и всех больных. Вывезли даже тех, у кого была третья стадия... Вывезли все истории болезней, все научные материалы, рабочие записи и дневники доктора Смирнова. Потом вертолет прилетел за мужчинами, но отца уже не было... Он ушел. В лес. Зачем — я не знаю. Одни говорят, что он якобы хотел забрать тела своих друзей. Гоши Дегтя и Смирнова... Другие говорят, что он ушел мстить дикарям. Третьи говорят, что он собирался покончить с собой. Говорят, в лесу несколько дней слышали выстрелы. Но отца твоего больше никто не видел.

Мать помолчала.

— Вот так все закончилось, Денис. А начиналось — как сейчас у тебя. С ложечки мякоти. Попробовать. Из любопытства. Все жрут, все веселые, все бодрые — наверное, и мне стоит закинуться... И вот — ты закидываешься... Тебя вставляет, прет, колбасит, плющит...

Денис впервые слышал от матери жаргонные слова и ощутил стыд. Как будто не она, а он их произнес, в самом неподходящем месте, в самое неподходящее время.

— Я все это знаю, мама. И про отца, и про зеленую мякоть. Я все понимаю. Не бойся за меня. Я не буду ее жрать больше. Никогда. Обещаю.

— А сегодня зачем сожрал?

— Сегодня? — Он опять щелкнул сухим языком. — Сегодня мне было очень плохо.

— Из-за Татьяны?

Он не ответил.

Мать сунула руку в карман халата, достала сигареты. Дорогие, кстати. Из «Торгсина». Она никогда не курила в комнатах и Вовочке не позволяла; только на кухне, обязательно в раскрытое окно; а теперь — закурила, и Денису странно было вдыхать взрослый горький дым в той же комнате, где десять лет назад он играл в солдатиков.

— Не носи это в себе, — спокойно сказала мать. — Хуже будет. Женщины не любят, когда мужики забиваются в какой-нибудь угол и молча страдают. Пьют, жрут всякую дрянь, с ума сходят... Женщины не уважают страдальцев. Страдальцу можно сочувствовать, можно его жалеть, можно ему помогать — но уважать нельзя. Женщина хочет иметь счастливое потомство от счастливого мужчины. А если мужик страдает — значит, и дети его будут страдать. Страдальцы никому не нужны. Будешь страдать — твоя Таня никогда к тебе не придет.

— Она теперь к другому ходит.

Мать пренебрежительно махнула рукой.

— Ну и что? Пусть сходит. Пусть сравнит. Дай ей время. Она ведь теперь с этим, как его... С Глебом?

— Да.

— Он ведь старше тебя. И ее.

— Ему двадцать пять.

— Взрослый, — оценила мать.

— Он не просто взрослый.

Мать снова подняла ладонь и отодвинула от себя возражения.

— Ну да. Он крутой. Я видела, у него мышцы, как у буйвола. И сам орел. Нос крючком, глаза бешеные. Тореадор такой... И деньги есть. И ведет себя очень уверенно. Только это не главное.

— Конечно, не главное, — сказал Денис. — Главное, мама, что он очень умный. С ним страшно разговаривать.

Начнешь спорить, а он улыбнется и пальцы загибать начинает: во-первых, во-вторых, в-третьих... Рассуждает, как будто обедает. Первое, второе, третье и компот...

Мама пожала плечами и крепко затянулась сигаретой. Курила по-мужски. Говорила, что все журналистки курят по-мужски.

— Подумаешь. Умный. В жизни ум — не главное. И потом, ты сам далеко не глупый парень. И твоя голова устроена лучше, чем его голова. «Во-первых», «во-вторых», «в-третьих», «в-десятых» — так думать трудно, Денис. Важно уметь быстро выделить первое, оно же — самое главное. А ты хочешь думать про Глеба так, как думает сам Глеб. Во-первых, он взрослее, во-вторых — сильнее, в-третьих — умнее... Это глупо, сын. Ты любишь девушку — это первое, оно же и последнее. И самое главное. Во-первых, ты ее любишь, во-вторых, ты ее любишь, и, в-третьих, ты ее любишь. Чего тут думать? Иди туда, куда тебя зовет сердце, и не думай. Дай ей сравнить тебя и его. А потом иди и забери ее себе.

— Она не пойдет ко мне.

— А ты не думай, пойдет или не пойдет, — сказала мама. — Таких тореадоров, как этот Глеб, я хорошо знаю. Они себя преподносят как подарок. Твоя Таня к нему прибежала, а он плечами пожал: оставайся, если хочешь. Потом она к тебе вернется, а тореадор опять плечами пожмет: иди, если хочешь. Я ж самый крутой, думает он. Одна ушла, другая придет. Всегда очередь стоит. Мы ж в Москве живем, здесь всегда полно девок. Так было триста лет назад, и сейчас так есть...

— Она не пойдет.

— Сделай так, чтоб пошла. Придумай что-нибудь. Только не сейчас. Сейчас ты травы нажрался и думать не умеешь... А деньги — спрячь.

— Лучше ты спрячь.

— Нет, сын. Твои деньги — ты и прячь. А я про них ничего знать не хочу.

Денис вскочил, схватил радужную пачку. Протянул.

— На. Купи цереброн. Купи сразу много, про запас. Ты же всю зарплату на него тратишь. На! Я тебе их принес.

Мама улыбнулась. Не притронулась.

— Уже не трачу. И запас у меня есть. Потом поймешь. Ложись спать.

Она встала, ушла к себе. Денис решил, что надо что-то возразить, и насчет денег, и насчет Тани, пошел следом, уже раскрыл было рот, но замер на пороге маленькой комнаты матери: с экрана телевизора смотрело знакомое лицо. Фотография, явно старая, низкого качества. Потом еще одна и еще.

— ...час назад найден мертвым, — донеслось до Дениса. — Предположительно упал с большой высоты... Лев Ставский... Он же Лева Скромный, он же Постник... Приобрел известность как личный помощник, секретарь и камердинер влиятельного бизнесмена Петра Глыбова, трагически погибшего в две тысячи сто четвертом... В последние годы вел уединенный образ жизни... По факту гибели Ставского возбуждено уголовное дело... Сотрудники правоохранительных органов отказались комментировать... Но известно, что речь может идти о самоубийстве...

Ночью его разбудил телефонный звонок. Денис оделся, бесшумно вышел из квартиры. Впрочем, мать спала очень чутко и все слышала, конечно.

Глеб сидел на ступенях, сжимал под локтем нечто объемное, завернутое в дерюгу. Сам выглядел необычно. Усталый, бледный, одетый в телогрейку и поношенные унты. Кроличий треух набок. Типичный правильный горожанин. Вернулся домой с ночной смены, взял в магазине «Все свое» шкалик пшеничной и притулился на лестнице, уединенно выпить, перед тем как предстать перед домочадцами.

Тихо спросил:

— У тебя кто дома?

— Мать. Больше никого. Насчет Постника слышал?

— Да, — сказал Глеб. — Потом поговорим. Возьми. Подержи у себя.

Денис молча кивнул, перехватил сверток, едва не уронил: под тряпкой обнаружился тяжелый контейнер светлого металла.

— Когда заберешь?

— Не знаю, — мгновенно ответил Студеникин. — Может, завтра. Может, через месяц. Или через год. Может, вообще не приду. Мне не звони, домой ко мне не приходи, никого из моих пацанов не ищи. Если что — сегодня ты меня не видел.

— Понятно, — сказал Денис. — Тогда я пошел.

Глеб посмотрел ему в глаза.

— Хочешь знать, что там?

— Нет, — ответил Денис и стал разворачиваться, но Студеникин схватил его за плечо.

— Подожди. Поставь ящик. Сюда, на пол.

Денис повиновался.

— Открой. Только тихо.

Под первой крышкой обнаружилась вторая, прозрачная. Сквозь пластик — видимо, сверхпрочный — можно было разглядеть укрепленное зажимами нечто. Темное, округлое, лоснящееся, размером с голову младенца, поперек — глубокая борозда или царапина.

— Стекло не открывай, — шепотом произнес Студеникин. — Не прикасайся. Самое главное: никакого контакта с водой. Вообще с любыми жидкостями. Малейшая капля — конец всему. Понял?

— Понял, — сказал Денис. — Это то, что я думаю?

— Да.

— Семя стебля?!

Студеникин сверкнул глазами и улыбнулся:

— Да. Это семя стебля.

Часть вторая

1

Сначала на участок приходят монтажники. Срезают перила, радиаторы отопления и водопроводные трубы. Правда, задолго до монтажников появляются мародеры и берут самое ценное: цветной металл, электрический кабель. Пятнадцать лет назад мародерство было в большой моде, десятки тысяч москвичей не занимались ничем, кроме поэтапного и вдумчивого растаскивания барахла из обезлюдевших башен. Некоторые выросли в профессионалов высокого уровня, промышлявших, например, только книгами или только мебелью ценных пород. Те времена давно прошли, нынешним монтажникам достаются трубы — но и трубы в большой цене. Сплав, из которого они сделаны, крепче оружейной стали.

Монтажников сменяют подрывники: закладывают тротил и ломают часть этажа, обычно — тысячу квадратных метров. Потом надо ждать, пока осядет пыль, и запустить грузчиков. Они выгребают мелкий мусор, набивают осколками прочные пластиковые мешки и относят вниз, к транспортеру. Транспортеры маломощные, их ставят между пятидесятым и десятым, для экономии энергии; с десятого этажа мешки просто сбрасывают вниз. Сбрасывать сразу с места работ — допустим, с восемьдесят второго уровня — запрещено, слишком много пыли.

На участке остаются крупные фрагменты стен и перекрытий. То, что нельзя унести на горбу. Наступает черед молотобойцев: орудуя ломами и кувалдами, они превращают большие обломки в маленькие. Иногда начальство велит выламывать из бетона куски арматуры: черный металл тоже нужен народному хозяйству; надо беречь ресурсы и сберегать сбереженное. За молотобойцами снова приходят грузчики. И так до тех пор, пока весь этаж — стены, перегородки и перекрытия — не будет сломан и не превращен в каменно-цементное крошево.

Если у Дениса есть настроение, он идет в молотобойцы. Если нет желания махать десятикилограммовой кувалдой — таскает мешки. Денис — ветеран слома и знает все тонкости.

Сегодня он без кувалды.

Начало — в семь утра. Рабочую одежду не дают, только маски и рукавицы. В семь ноль пять пришедших разбивают на бригады и ведут на участок.

Сегодня — семьдесят пятый уровень башни «Чкалов». Сильный ветер, но ему все рады. Ветер — первый помощник на сломе. Ветер относит пыль.

Денис надевает маску, руками хватает куски бетона, погружает в мешок. Руками всегда проще, чем лопатой. Лопата — женский инструмент. Лопата хороша на уборке снега, а камень лучше грузить руками.

Ветер мартовский, сырой. Он пахнет водой и небом, он прекрасен.

Женщин, кстати, сегодня мало. И вообще, публика неинтересная. Шутки плоские, никто не предлагает сыграть в футбол. Когда-то Денис был любитель сыграть в футбол на сломе и даже стоял в воротах, имея за спиной пропасть в двести пятьдесят метров. Когда участок закончен, он представляет собой ровную площадку, можно и бегать, и прыгать. Пропустил гол — покупаешь новый мяч. Самому лучше не падать: засмеют. К тому же это

больно. По периметру ломаемой башни ставят специальные сети, для уловления летящих вниз камней, а также и неловких рабочих.

Если ветер силен — можно и мимо сетки просвистеть, и тогда от тебя останется бесформенная куча полужидкого мяса, перемешанного с кусками костей. Похоронят за счет управы.

Денис наполняет мешок едва на треть. Лучше поменьше нагрузить и почаще бегать к транспортеру. Когда таскаешь балабас, это правило тоже работает: большой груз неудобен, много массы — много риска. Меньше, чаще и быстрее — так опытные парни действуют и на сломе, среди правильных людей, и на доставке балабаса, где из десяти пацанов восемь — разложенцы.

После первого часа работы какой-то новичок, юный и розовый, впервые в жизни сильно вспотевший и получивший две-три ссадины, сдергивает маску, плюет в пропасть и громко озвучивает дежурный вопрос: почему не взорвать сразу всю башню и не вывезти мусор посредством современных механизмов, экскаваторов, самосвалов и так далее? Вопрос всем надоел. Каждый день находится такой новичок, и каждый день какой-либо терпеливый доброхот подробно объясняет: понимаешь, приятель, если взорвать целый дом, облако пыли накроет половину Москвы и будет висеть несколько недель. Ломать вручную, понемногу — проще и дешевле. И кстати, веселее.

Слом — самая веселая работа в городе Москве.

Иногда новичку говорят, что на дворе двадцать второй век, эпоха бережливости и умеренности. Что не грех вспомнить прописные, школьные истины: человек эффективнее любой машины, его КПД весьма высок. Гомо сапиенс сам себе механизм, сам себе источник питания и сам себе наладчик. Ручной труд — дешевый, китайцы поняли это еще сто лет назад. Энергия в дефиците, она

стоит денег, она должна идти на обогрев и освещение детских садов, больниц, школ, фабрик и оборонных предприятий — туда, где она необходима. А сломать старый высотный дом можно и руками. Кому не нравится — пусть не приходит. Дело добровольное.

Денег не платят тут. То есть кто желает зарабатывать на сломе деньги, тот идет в коммерческую артель, но там все жестко, норма — три кубометра на рыло, за одну смену, там бригадир может матом наорать, там много пьющих, там много приговоренных к исправительным работам, бывших и будущих разложенцев всех мастей; там дурные порядки. Не будешь надрываться наравне с другими — побьют и выгонят.

В бесплатных бригадах все иначе. Нормы нет, каждый работает как может. Пришел, лопатой помахал — и на том спасибо. Но и явных бездельников на сломе не встретишь. Бездельник не встанет в пять утра и не пойдет пешком на семьдесят пятый уровень.

Сырой бетонный пол. Повсюду мелкие лужи, старый мусор — еще прошлых изобильных времен. Пахнет гадостно. Гнильем, тленом, птичьим дерьмом. Много смрадных тряпок и мятых пластиковых упаковок. Обрывки журнальных страниц. Их Денис внимательно разглядывает. Вдруг попадется что-то из отцовского журнала? Денис помнит: «Чкалов» — тот самый дом, где квартировала редакция ежемесячника «Самый-Самый».

Когда он сказал, что «Чкалов» ломают, — мать только молча кивнула. Но вечером по Нулевому каналу показали репортаж: подрывники закладывают первые заряды, глава управы торжественно нажимает кнопку. И бывшая журналистка Варвара Герц заплакала. А телеоператор меж тем давал панораму, крупным планом смакуя красноречивые детали: сто пятый этаж, умопомрачительных размеров пентхаус, в гнилой воде бассейна плавает какая-то разложившаяся дрянь, повсюду битое

стекло и — буквы, грубо намалеванные поперек огромного оконного стекла:

ХУЙ ВАМ, А НЕ СИБИРЬ!

...Смена — пять часов, до полудня, потом всех кормят. Столовая обычно там же, где начинается транспортер, в районе пятидесятого этажа. Длинные дощатые столы, простые льняные скатерти, лавки. Пайка элементарная: куриная нога, две-три картофелины и кружка горячего киселя. Или рыба с овощами. Хлеба — вволю. Хлеб везде давно бесплатный, бери и ешь, и радуйся, что в России живешь. Голодных нет в Москве, ни одного человека. Богатых тоже нет, все богатые под Купол уехали, в Азию. Им там хорошо, наверное. И бог с ними.

Однако большинство приходят на слом не ради еды. А потому что так принято. Кто старое не ломал, тот новое не построит. Обычно мальчишки идут на слом с четырнадцати лет. У Дениса в классе только один мальчик никогда не ходил ломать башни, и никто того мальчика не уважал, и он потом пропал куда-то, говорят, уехал на ферму, к родственникам.

Сам Денис ломает с тринадцати. Пришел, добавил себе год, он был крупный парень, и ему поверили.

Он поднимает на плечо очередной мешок и идет к лестнице. Он опытный трудяга, он знает, что спускаться с грузом почти так же трудно, как подниматься. За его спиной раздается женский визг. Пошел ты в лифт, гад! Только вдвоем с вами, юная леди. Сбоку кто-то добавляет, что сам не лифтер, но всегда может помочь с лифчиком. Старая шутка, задорно отвечает юная леди и смеется.

А Таня впервые пришла на слом в семнадцать. Собственно, у них именно на сломе все и случилось.

Слом — самое романтичное занятие в городе Москве.

Давно известно, что на сломе собираются только лучшие. Самые правильные. Те, кто знает: когда гробница издохла, страна подвела черту под старой жизнью; отныне все должно быть по-новому. Лучше, проще, честнее. Прямее. Яснее. Чище. Крепче. Веселее. И когда один говорит про другого: «Я с ним башни ломал», — значит, оба достойнейшие люди, а не какие-нибудь разложенцы.

Все время хохот, шутки, глаза блестят. Флирт всех степеней тяжести. Схватить девушку за задницу, стоя на краю пропасти, — это очень круто. Нравится всем юношам и многим девушкам. А те девушки, которым не нравится, на слом не ходят, а разлагаются внизу, в зевоте теплых квартир и уютных ресторанчиков.

Стены в столовой исписаны лозунгами. От руки. Новые изречения появляются каждый день. «Кто не ломал, тот не построит», «Ломай, или тебя сломают», «Делай вещи, а не деньги», «Кувалда — лучший друг интеллектуала», «Сломал — радуйся, построил — наслаждайся». Тут ведь каждый пришел не стены ломать, не потолки, а старую жизнь, гнилую и мутную, смрадную, липкую, пропитанную завистью, презрением, неуважением, эгоизмом.

Почти все — молодежь, но даже среди молодых есть ветераны, сломавшие не одну башню и не две. Часто Денис видит, например, знаменитого Бориса Колыванова, или дядю Борю. Дяде Боре двадцать семь лет, и он сломал, от сотого этажа до первого, девять домов.

А всего их в Москве двести тридцать пять, и ломают по три в год.

Другая популярная фигура — Модест, он вне конкуренции; когда он приходит на слом, собирается толпа, всем интересно посмотреть, как зеленый человек орудует двумя кувалдами, с двух рук, не потея и не утомляясь.

Здесь его называют Халк, но только за глаза. Модест обидчив. С другой стороны, за все время работы на сломе Денис только раз видел, чтобы Модеста всерьез вывели

из себя: какой-то неуч спросил (кстати, вполне вежливо), действительно ли зеленые люди вдыхают углекислый газ, а выдыхают кислород. Но и тогда не дошло до греха: болвана отвели за угол и растолковали, что гомо флорус дышит не легкими, а всей поверхностью тела. И вообще, Модеста, когда он работает, лучше не отвлекать. А работает он всегда.

Трудовые подвиги зеленого существа пытаются повторить многие, но пока никто с двух рук бить не научился. Денис тоже не научился, хотя по молотобойному делу он всегда был один из первых и девушку Таню именно этим привлек.

Таня, кстати, не скрывала, что пришла на слом искать себе хорошего парня. Все грязные, все в пыли, все с ног до головы обмотаны тряпками; смотришь только в глаза и еще на то, как человек себя ведет; идеальная обстановка для смотрин.

Слом — самое эротическое место в городе Москве.

В тот день молотобоец Герц вошел в столовую, поигрывая кувалдой, как ножичком перочинным. У рукомойника шумно привел себя в порядок, вразвалку встал к раздаче, пошутил с разбитными поварихами, получил порцайку; утвердился за столом, в два укуса рубанул курячью ногу, преломил пополам свежую буханку. Только потом перевел взгляд на сидевшую напротив маленькую девушку в косынке, гревшую ладошки о кружку с чаем.

Кувалда у Дениса была персональная. С гравировкой: «Для тонкой работы». Девушка прочитала, рассмеялась.

— Можно потрогать?

— Меня? — уточнил смелый молотобоец.

— Ее.

— Меня — можно. Ее — нельзя. Сложный инструмент, настройки собьешь.

Девушка опять рассмеялась. Зубы белее белого, ярчайший румянец, не красавица, но лицо правильное, откры-

тое, глаза умные, лукавые. Чистая кожа, ни грамма косметики, крепенький мужской подбородочек, живой подвижный рот, сдвигаемый набок в моменты задумчивости. После того как четыре часа подряд помахаешь кувалдой — становишься очень внимательным к деталям женской внешности.

— А зачем царапины? — спросила она.

— Это не царапины, — поправил молотобоец. — Это насечки. По числу башен.

— Ты сломал две башни?

— Эта — третья. Кстати, я Денис.

Она ему понравилась. Загадал: если встретимся внизу, в нормальной одежде, и у нее окажется хорошая фигура — ни за что не упущу.

Он не сразу признался ей, что вторую свою башню ломал, состоя в коммерческой артели. Надоело быть бедным, захотел свои деньги иметь. К тому же «коммерческие» считались крутыми ребятами, их побаивались, они ходили окруженные мрачной аурой трудолюбивых негодяев, а что может быть интереснее для шестнадцатилетнего парнишки, чем общество трудолюбивых негодяев?

Потом пошел слух, что коммерческий слом будет прекращен, поскольку стимулирует разложение, и Денис отчислился.

С самого первого дня он постановил быть с Таней максимально откровенным. Честно сказал, что беден. Честно сказал, что считает себя неудачником: поступал в летное училище, но не прошел медкомиссию, нашли некий изъян в глазном дне, пришлось идти в скучный энергетический университет. Честно сказал, что сын травоядной матери и травоядного отца. Честно сказал, что разлагаться не приучен, моду презирает, не танцует, червонцами не обладает и вообще, в материальном плане мало что может. Но девушка Таня только улыбнулась и ответила, что приверженность принципам гордой, оп-

рятной бедности крупно написана на его лбу, но это ее не пугает. Позже Денис выяснил, что папа ее, хоть и разведенный с мамой, на семнадцатилетие отписал дочери просторную комнату на четвертом уровне в квартире всего только с двумя соседями.

Первое время Таня помалкивала о том, что живет отдельно от папы с мамой. Вечерняя прогулка, бурный поцелуй на лестничной клетке — «мне пора». Впоследствии он спросил, зачем она лгала, зачем намекала, что ее честь блюдет строгая мама, ожидающая дочь не позже двадцати трех ноль-ноль? Зачем часами сидела с ним на каких-то антисанитарных лавочках, на сомнительных подоконниках в сомнительных подъездах? С какой стати обжиматься в углу душного кафе, если есть своя отдельная комната, где никто не побеспокоит? «Я была не готова», — ответила Таня. Денис не понял, но кивнул. Почему не готова? Он, например, был всегда готов.

Он тогда был фанатичный театрал, водил подругу на спектакли, билеты стоили копейки, по Москве уже несколько лет гремел театральный бум, продвинутая молодежь забивала до отказа маленькие зальчики, каждую неделю где-то давали шумную премьеру, пьесы сплошь новейшие, вчера из-под пера, непременно злободневная сатира. Издевались жесточайшим образом надо всеми: над патрулем, над разложенцами, над жадными фермерами, над владельцем «Евроблинов» Аркадием Стариковым, над правительством великой страны, сбежавшим от своего народа в супергород под Куполом. Однажды Денис даже сам едва не влился в труппу к школьному приятелю, гениальному режиссеру, алкоголику и бессребренику, но вовремя понял, что вряд ли будет полезен обществу в качестве третьеразрядного актера. Фактура сильная, но не пластичная, сказал гениальный алкоголик, отпуская Дениса восвояси; через год гения расстреляли за педофилию.

Но больше театра молотобоец любил все-таки вечера наедине со своей девушкой. Однажды девушка сказала, что «готова», и они немедля совокупились.

И даже прожили в ее комнате почти два месяца, круглосуточно занимаясь всякими глупостями.

— Я тебя не люблю, — сказала Таня в первый день совместной жизни. — Но очень хорошо к тебе отношусь.

Собственно, Денис не настаивал именно на любви — кто его знает, какая она бывает, любовь. У меня есть женщина, я о ней забочусь, и мне до мелочей известен каждый сантиметр ее тела, а любовь это или не любовь — пусть она сама, Таня, ищет название. Потом сосед по квартире — бывший конченый травоед, почти невменяемый от огромных доз цереброна, — донес в патруль, что имеет место незарегистрированное сожительство, с распитием алкоголя и полночным весельем; вдруг притон? Денис объяснялся в управе, и его простили как активиста слома.

Потом он познакомил Таню с Глебом Студеникиным.

•

Глеб и Денис сошлись тоже на сломе. Вместе работали в коммерческой артели. Правда, Глеб не скрывал, что ходит ломать не для денег, а только ради соответствующей отметки в личном файле. Он таскал балабас, снимал квартиру на двадцать пятом, не выходил за порог без тысячи червонцев и ужинал только в «Евроблинах». Если участковый, патрульный или дружинник интересовался у Глеба происхождением толстой пачки наличных, Глеб показывал ладони в мозолях и усмехался. Что за вопросы, начальник, я четыре года на коммерческом сломе! Патрульные или же дружинники смущенно отваливали, поскольку в патруль или дружину шли обычно именно те, кто не любил работать. Ни на коммерческом сломе, ни в других местах. Впрочем, в России всегда так было.

Сначала Денис принял своего нового приятеля за обыкновенного разложенца. Но ему хватило четырех совместно выпитых кружек пива, чтобы понять: Глеб Студеникин — в порядке. Он веселый, сильный и благородный человек. Особенность его характера в том, что он ни во что не верит.

Глеб не верил в главное: в то, что можно сломать старое и построить новое. Это Дениса возмущало. Налаживание новой жизни провозглашалось в букварях, мальчиков и девочек готовили к новой жизни с четырех лет; все, что происходило до искоренения, считалось детским периодом развития гражданского общества — ныне детство кончилось, игры канули в прошлое, теперь все иначе, по-новому, по-взрослому: надо работать, беречь сбереженное, делать вещи, создавать взрослую жизнь во взрослой стране, это всем известно; как может Глеб возражать против столь простых и очевидных вещей? Но Глеб возражал. Он считал, что новое можно строить сколько угодно — однако ничего старого сломать нельзя. Прошлое неуничтожимо, оно возвращается, и чем более убежден человек в том, что изжил старые пристрастия, старые правила, старые порядки, старые обычаи, болезни, моды, принципы, теории, — тем послушнее его судьба возвращается на круги своя. Они много спорили, Денис горячился, Глеб загибал пальцы: во-первых, во-вторых, в-третьих, — и неожиданно оба разучились обходиться друг без друга.

Сегодня в столовой опять треска с тушеной морковью. Рыбы в последнее время все больше, в стране бурно развивают северное рыболовство, любители длинного рубля уезжают на Шпицберген. Еще полгода назад Денис тоже любил длинный рубль — сейчас разлюбил. Сначала надо закончить университет. Энергетики все равно зарабатывают больше рыбаков.

Столовая огромна, эхо голосов улетает под своды, но зато и кухонный чад рассеивается. Денис не любит запахи еды. Мать говорит, что это фамильное, от отца.

Бригадир утверждает, до искоренения в столовой был каток. Намораживали лед, и публика развлекалась. Неудивительно, что старая жизнь рухнула, думает Денис, пережевывая, с некоторым усилием, твердую рыбу. Делать каток на пятьдесят первом этаже — типичное разложение. Зачем? Ради чего? Столько труда вбивалось во все это, столько энергии уходило. Кому пыль в глаза пускали — самим себе? Не было разве других забот? И главное: что же молчали те, кто по самой своей природе не способен молчать? Мыслители, философы, публицисты, писатели, профессиональные интеллектуалы — где они были? Почему не повернули общественное мнение, почему не смутили умы, почему допустили всю эту средневековую, воняющую тщеславием вакханалию роскоши? Если каждому школьнику известно, что роскошь убивает?

Именно поэтому, думает Денис, на слом приходит не только молодежь. Вон, через три стола склонились над мисками двое, в добротных тужурках, в крепких брезентовых штанах, один — какая-то знаменитость, его лицо мелькает в передачах Нулевого канала, и на телезвезду то и дело оглядываются девчонки, а он делает вид, что ему наплевать, и демонстративно поглощен беседой с товарищем; и тому и другому примерно пятьдесят — значит, старые времена хорошо помнят. Может, пришли ностальгировать? Может, сами катались в этом ледяном дворце, любуясь панорамой гиперполиса, заросшего зеленым сорняком? Нет, решает Денис, они не ностальгировать пришли, не те выражения на лицах. Они пришли ломать. Подлечить смущенную совесть. Им плохо сейчас, грустно. Скорее всего, оба на цереброне. У них было все, что душа пожелает. Тотальный комфорт. Нынешняя зябкая житуха, с вареной морковкой, бесплатными общест-

венными работами, подранными на локтях телогрейками, льняными портками из магазина «Все свое», круглогодичной экономией и бережливостью к сбереженному, кажется им наказанием. И они приходят сюда, на слом, отмаливать грехи. Не перед богом — перед собственными детьми.

Неподалеку от Дениса возникает шум, кто-то восторженно ахает, кто-то взвизгивает. Это пришел Модест. Денис машет ему рукой, и зеленый великан садится напротив. Ставит перед собой двухлитровую бутыль с водой, она у него особенная, крышка с таймером: выпил сто пятьдесят граммов — весь следующий час пробка не откроется. Модесту нельзя много пить.

— Опять ты здесь, — говорит Денис.

— И ты, — гудит Модест. — А я думал, ты теперь таскаешь разложенцам деликатесы. На сотые этажи.

Денис кивает.

— Таскаю. Но редко. Если деньги нужны. А вот ты обещал на сломе не появляться. А работать на живой земле, внизу.

— Внизу скучно, — отвечает Модест, оглядываясь на соседей по столу. Соседи робко улыбаются.

— Ты бы не ходил на слом, Модест, — задумчиво произносит Денис. — Нечего тебе тут делать.

Зеленый человек хмурится, шевелит бровями. В начале весны его кожа меняет оттенок. Сейчас ее колер напоминает темные полосы на перезревшем астраханском арбузе.

— Это еще почему?

— А потому, — говорит Денис, — что ты работаешь за пятерых, и обычных людей смущаешь. Все хотят за тобой угнаться. Непроизвольно. Начинают втрое быстрее махать кувалдами. В итоге — быстро выдыхаются. Я говорил с нарядчиком, он все подсчитал. На тех участках, куда ты приходишь, выработка сначала подскакивает на двести

процентов, а потом резко падает. В итоге от тебя, Модест, никакой серьезной пользы.

— Это не моя проблема, — спокойно говорит Модест. — Я гомо флорус, я вообще считать не умею. Сами считайте выработку. А я буду делать то, что доктор прописал.

Денис ломанул горбушку черного, собрал из миски остатки морковного соуса.

— Извини, Модест... Ты мне друг, мы с тобой за одной партой сидели. Вот скажи мне: как мог доктор тебе что-то прописать, если он погиб за год до того, как ты родился?

— Дурак, — сурово отвечает Модест. — Всем нам прописано одно и то же. И гомо сапиенсам, и гомо флорусам. Трудись, и будешь человек. Везде, непрерывно, телом и мыслями. Многие наши, кто под Куполом живет и не работает, уже корешки пустили. Это не афишируется, но я знаю. Потому что перестали помнить, что доктор прописал. А я помню. И книгу его каждый день читаю. Доктор успел закончить только первую главу, но нам говорили — надо наизусть...

Модест прикрыл веки, поднял вверх зеленый указательный палец и процитировал:

— «Тебе не нужно спать. Тебе не нужно есть. Ты не можешь страдать от холода, жары и усталости. Но это ничего не значит. Ты — человек. Трудись и оставайся человеком. Трудись или врастешь в прах». Вот я и тружусь. А ты лезешь ко мне с какой-то выработкой.

— Извини, — сказал Денис. — Но ведь это все знают, Модест.

— Что все знают?

— Что человеку надо трудиться.

— Да? — Модест помрачнел и навис над Денисом. — Все знают? Почему ж тогда вы ходите в рванине? В двадцать втором веке от Рождества Христова? Зимой мерзне-

те, летом потеете? То строите, то ломаете? Молчи лучше. Гомо сапиенс хуев.

— Извини, — еще раз произнес Денис.

— Ничего, — бубнит Модест. — Я привык. Пойдем в «Чайник», я тебя угощу.

Денис кивает, тянет из кружки сладкий кисель.

— Спасибо, Модест. Но я не могу. Татьяна звонила, встретиться хочет. Что-то у нее там стряслось, какая-то проблема...

Модест ухмыляется:

— Если надо кому-то шею свернуть — только скажи.

После свистящей ветрами верхотуры внизу, на живой земле, — тихо. У выхода из башни стоят три старых троллейбуса, возле них толчея. Каждый отработавший смену может за счет управы поехать в баню, предъявить талон на помывку без ограничения времени и не спеша удалить с тела грязь и пот. Кстати, в общественных банях первоклассные парилки, отечественного производства. В московских банях круто, туда вся область ездит.

Здесь же группа маленьких стариков и старушек, в пальтуганчиках, платках и валенках, с узелками. Они тоже хотят в баню, но у них нет денег, не рассчитали пенсию. Простые рубли, в отличие от твердых червонцев, быстро обесцениваются. Денис отдает свой талон ближайшей бабушке. Многие делают так же. Бабушки благословляют деточек, мелко крестятся; смущенных, но довольных, их с хохотом и прибаутками подсаживают в троллейбусы. Денис не лезет вместе со всеми. Он оглядывается и видит стоящее поодаль меж серых сугробов такси. Рядом с ярко-красной машиной переминается Таня в беличьей шубе.

Денис подходит. Он уже остыл, пот на теле высох, а лицо, шею и руки он еще наверху обтер особой влажной салфеткой. Подарок Глеба. В кооперативе «Все

свое» такие салфетки не продают, не освоили пока производство.

Таня выглядит шикарно. Она тянется к нему, даже, наверное, поцеловать хочет, но он останавливает бывшую подругу.

— От меня воняет.

Таня кивает, смотрит жалобно.

— Что случилось?

Она начинает беззвучно плакать, это ей странно идет: рыжий мех воротника, легкие пепельные волосы, влажные глаза, яркие губы.

— Я с ним больше не могу, — шепчет она. — Он совсем с ума сошел.

2

— Как тебе моя новая конура? — спросил Глеб.

Денис молча пожал плечами. Ему хотелось под душ и чаю крепкого выпить. А напрягать уставшую шею и вертеть головой, осматривая личные апартаменты друга, не хотелось. Впрочем, друг, судя по тону вопроса, не ждал восторженных восклицаний. Друг в последнее время сильно изменился и все чаще задавал вопросы, не ожидая ответов. Сейчас он был хмельной, напряженный и осунувшийся. Произносил какие-то фразы, насчет восьми комнат и двух удобных для возможного бегства выходов, насчет охранной видеосистемы, лично им вчера смонтированной, — но без особой бодрости в голосе.

— Сорок пятый — хороший этаж, — сказал он, подталкивая гостя дальше по коридору. — Только шумно бывает. Тут рядом аэропорт, тридцать рейсов в сутки, все на Азию. Иркутск, Магадан и Новая Москва.

Прошли в комнату, наполовину заставленную сумками, ящиками, баулами. Впрочем, была и мебель, потер-

тая, но первоклассная: кожаные кресла, диван, стол на львиных лапах. Из углов тихо гудели портативные отопители. Босой, в мятой майке, в армейских брюках со вставками из кевлара, Студеникин оглядел пыльного Дениса, мрачно усмехнулся, плеснул в стакан какого-то бухла с шикарным запахом, протянул.

— Скотч. Шотландский.

— Я не в гости пришел, — тихо произнес Денис, глотнув импортного зелья. — Меня Таня попросила...

— Не волнуйся за Таню, — проскрежетал Студеникин, изменившись в лице. — И больше о ней ни слова.

— Значит, я тебя зря побеспокоил.

Глеб отхлебнул из горла:

— Нет, не зря. Давно не виделись — надо поговорить. Чем занимаешься?

— Так, — ответил Денис. — То там, то здесь.

— До сих пор башни ломаешь?

— Ломаю.

— Ты тоже хитрый, — сказал Глеб. — Как я. И на слом ходишь, и балабас таскаешь.

Денис снял рабочую куртку. Хотел небрежно швырнуть в угол, чтобы поднялась пыль, чтобы друг понял: у Дениса теперь своя жизнь, пусть пыльная, зато настоящая, а у Глеба — другая, отдельная, комфортабельная, но непонятная. Однако не швырнул — скомкал, зажал под правым локтем. Все-таки негоже портить такие красивые ковры.

— Я за рюкзак редко берусь, — признался он. — Ты бы, это... Тряпочку на диван постелил. Сесть хочу. Ноги болят.

— Присядь, — разрешил Глеб. — Без тряпочки. Значит, на сотых уровнях бываешь?

— Раз в месяц. Ну, два раза. Хобот организовывает, я исполняю. Забираю гонорар и отваливаю. Жадность фраера губит.

Глеб кивнул и опять поднес к губам бутылку.

— То есть клиентура — Хобота, а твои — только ноги?

– Да. А что?

– Ничего. Просто... – Глеб прищурился и шмыгнул носом. – Хобота больше нет. Убили его. Вчера.

Денис помедлил и спросил:

– Кто?

– Хороший вопрос. А зачем тебе знать?

Денис переложил куртку под левый локоть.

– Может, и по мою душу придут.

– Вряд ли, – сказал Глеб. – Это все из-за семени.

– Оно здесь? С тобой?

– Посмотри под диваном. А куртку брось в угол.

– Она грязная.

– Я вижу.

Денис запустил руку в щель и нашарил прохладный бок контейнера.

– Вытащи, – велел Глеб.

Стены мелко задрожали, и в полукилометре от окна по серому мартовскому небу проехал, как трактор по целине, огромный «Антонов», летающий город, мегаджет, гордость возрожденного отечественного авиастроения. Десять турбин на синтетическом керосине, четыре твердотопливных отделяемых ускорителя, параболическая траектория, каждое пассажирское кресло – в отдельной противоперегрузочной капсуле. Стоимость одного билета второго класса до Новой Москвы – полторы тысячи червонцев, или три годовых оклада матери Дениса, учительницы русского языка.

– Ты бы окна занавесил, что ли, – пробормотал Денис.

– Расслабься, – ответил Глеб. – Патрули рядом с аэропортом не летают. Открывай. Там два замка, справа и слева.

С внутренней стороны к крышке контейнера был прикреплен пистолет, удерживаемый медицинским пластырем, купленным явно в кооперативе «Все свое».

Глеб протянул резиновые перчатки:

– Надень.

– Зачем?

– Сбоку – кнопка, нажми ее. Стекло откроется. Но голыми руками не бери. Частицы пота могут попасть на оболочку.

– Пошел ты в лифт, – искренне сказал Денис. – Я не буду трогать.

Глеб изменился в лице. Бутылка его была пуста на три четверти.

– Сделай, – холодно распорядился он. – Сразу все поймешь.

Денис натянул грубые желтые изделия «Резинотреста» (отечественное производство, изготовлено из вторсырья по новейшим сберегательным технологиям) и нашел искомую кнопку.

Семя было овальным, словно бы кожистым, но на ощупь твердым и шершавым, как старый асфальт; помещенное в глубину защитного бокса, оно казалось черным, однако в свете ламп стало отливать то зеленым, то желтым. Поперек, чуть наискось, шла тонкая борозда, словно кто-то пытался прорезать или прогрызть оболочку.

Денис аккуратно потащил, едва не выронил.

– Да, – сказал Глеб, внимательно наблюдавший за процессом. – Тяжелое. Но не бойся. Не разобьется.

Денис взвесил зародыш в руках и вдруг понял: с его пальцами, защищенными резиной, что-то происходит. Испугавшись, поспешно вернул страшный предмет на место и даже отступил назад.

– Что? – спросил Студеникин.

– Не знаю. Очень горячее. И током бьет.

– Да? А мне, наоборот, кажется, что холодное.

Денис сорвал перчатки, осмотрел пальцы – ничего ужасного не обнаружил. Нормальные пальцы студента и молотобойца, грязные ногти, ссадины на фалангах.

— А на самом деле? — спросил он.

Глеб протянул ему бутылку, и молотобоец несколько раз отхлебнул, сначала вроде бы машинально, но потом с удовольствием. Виски было хорошее.

— На самом деле его вообще лучше не трогать, — сказал Глеб. — Буддисты говорят, что Гаутама Будда ел одно зернышко риса в день. И его тело извлекало из этого единственного зернышка всю силу многих рисовых кустов. А тут, — Глеб показал на контейнер, — сила целой грибницы. Если плеснуть полстакана воды, эта тварь за несколько недель произведет на свет биомассу весом в сотни тысяч тонн. Сначала создаст корневую систему, а потом, — Глеб щелкнул пальцами, — как в учебниках истории: пятьдесят часов — и вокруг нас зеленая трава, каждый стебель — двести семьдесят метров...

— Я думал, их не существует. Семян.

Студеникин засопел:

— Три месяца назад я залез в Интернет, скачал кое-что. Там про семена пишут всякое. Но дело не в этом...

Он рывком встал, выдернул из ящика новую бутыль скотча. Говорил негромко, спокойно.

— Я подключился к сети через чужой кабель. На десять минут. На двадцать третьем этаже. Ночью. Потом наверх ускорился, прошел десять уровней, подождал. Еще через пять минут на двадцать третьем была облава. Ты, Денис, таких облав не видел. Патруль, дружинники, спецназ, пулеметы... Две бесшумные вертушки... Весь этаж вверх дном перевернули. Людей выдергивали из квартир чуть ли не в трусах... — Студеникин шмыгнул носом, ноздри агрессивно раздулись. — То есть ты понял, да? Я потом еще два раза подключался, в разных домах... И много чего выяснил. За точную информацию о местонахождении зародыша частные лица готовы заплатить от пяти до десяти миллионов червонцев, а государственные организации — от одного до трех. И это только в Рос-

сии. Китайцы платят десять миллионов новых юаней, наличными. Американцы — сто пятьдесят миллионов долларов.

— Значит, это все правда.

— Насчет чего? — спросил Глеб. — Какую правду ты имеешь в виду, брат?

Денис подшагнул, заглянул в контейнер, и ему показалось, что кожистое яйцо пошевелилось, затрепетало, двинулось ему навстречу; он склонился ниже, но Студеникин, мгновенно оказавшийся рядом, схватил его за плечо, отстранил. Глухо произнес:

— Не смотри. Голова заболит. Я в первый день целый час его в руках вертел — потом чуть не помер. Голоса какие-то в голове, тошнило... Галлюцинации...

— А сейчас?

— Привык, — бесстрастно ответил Глеб. — Но ты слушай. Генетики пытались клонировать зародыш еще тридцать лет назад. Геном стебля в тысячи раз сложнее, чем у человека, но его расшифровали. Расшифровкой занимались одновременно десятки лабораторий, независимо друг от друга. По расчетам расшифровку должны были полностью закончить в две тысячи сто десятом году. А в сто четвертом началось искоренение. Людям стало не до семян. То есть ты понял, да? Но сейчас другие времена. Во-первых, на рынке существует синтетический аналог мякоти стебля. Гадость, конечно, но вставляет. Во-вторых, если бы зародыша не существовало, зачем бы тогда правительство Российской Федерации предлагало за него три миллиона червонцев, свободных от налогообложения? — Студеникин почесал грудь под майкой. — Короче говоря, всю правду никто не знает. Я тоже не знаю. Зато я знаю, что три дня назад Хобот пошел выяснять, где и как можно получить премиальные за информацию о зародыше. Это я его послал. Мы все продумали. Хотели заработать, по миллиону на брата... Ано-

нимный звонок, с чужого телефона, никаких имен, никаких личных контактов... Я заранее с хаты съехал... Татьяне что-то наврал — и сюда. Это мой лучший схрон. Старый, надежный, я тут отсиживался, еще когда на меня люди Головогрыза наезжали... В общем, уговорились, что Хобот не будет знать, где я прячусь, связь только дистанционная... Он ушел. А через трое суток его нашли. В болоте, во Владимирской губернии.

Глеб аккуратно поставил бутылку на стол, посмотрел на Дениса.

— Понимаешь, где он был все это время?

— Понимаю, — сказал Денис. — Там, где ему вопросы задавали. В тихом месте, где криков не слышно.

— Молодец. Соображаешь.

Денис посмотрел на бледного спокойного Студеникина. На его белые пальцы, сжимающие горло бутылки. Ему вдруг нестерпимо захотелось еще раз взять зародыш в руки. Или хотя бы посмотреть.

— Надо, Глеб, сделать вот что, — сказал он. — Прямо сейчас отнести эту штуку в управу. Или в контору патруля. Подбросить. По почте отправить. Или просто из окошка выбросить. Или сжечь. Избавиться, от греха. Другого варианта я не вижу.

Взгляд Глеба потяжелел. Он нагнулся за перчатками, медленно натянул на ладони. Сжал и разжал кулаки. Вышел из комнаты, почему-то сутулясь, и вернулся с кувалдой.

— У меня была другая идея, — хрипло сказал он. — Ты у нас молотобоец — тебе и честь.

Денис протестующе вытянул руку, но Глеб, криво улыбаясь, без видимого усилия швырнул ему молот, через всю комнату, как зажигалку, как связку ключей; пришлось той же рукой перехватить гладкую рукоять. Студеникин достал семя из контейнера, поместил на пол, произнес:

— Делай.

Денис привычно крутанул кувалду, подумал. Покачал головой:

– Нет, Глеб. Так нельзя. Эту штуку надо отдать ученым. Пусть изучают. Распилят, положат под микроскоп... Надо разобраться, что это и откуда появилось.

– Ага, – сказал Глеб. – Или не разбираться, а просто бросить в ведро с водой. И потом иметь миллиарды на продаже мякоти. Давай, бей.

– Нет.

Глеб криво улыбнулся. Его глаза сделались стеклянными, а рот – мокрым.

– Я сказал, бей.

– Нет.

Глеб вытащил из-за спины пистолет.

– Бей!

– Эта штука может принести людям пользу.

Студеникин передернул затвор и заорал, брызгая слюной, вмиг превратившись из трезвого резонера в пьяного безумца:

– Бей, или я тебе башку разнесу! Давай!

Денис поставил кувалду к стене.

– Не разнесешь, – сказал он. – Не сможешь.

– Ты прав, – улыбнулся Глеб, положил оружие на стол и сам потянулся к молоту. Денис прыгнул, ударил плечом, однако пьяный товарищ оказался не настолько пьян, мгновенно отреагировал, и уже через несколько мгновений выяснилось, что силы неравны. Отброшенный ударом ноги, Денис улетел в угол и остался лежать, с выбитым дыханием и гудящей головой. Почему-то подумал: интересно, он меня в полную силу ударил или все-таки пожалел?

Студеникин поднял кувалду над головой.

– Дурак ты, Денис, – прохрипел он. – Полный дурак. «Распилить», «под микроскоп», «польза для людей»... Смотри!

Он обрушил молот на кожистое ядро, ударил на выдохе, от плеча, с оттяжкой, с приседом.

Подпрыгнули диван и кресла, подпрыгнул стол, подпрыгнула и упала на бок бутылка на столе.

Молот отскочил от семени, как от куска танковой брони.

— Смотри! — заорал Глеб, размахиваясь еще раз. — Смотри! Смотри!

От грохота, казалось, загудел весь этаж, весь дом. Семя оставалось невредимым. Глеб отшвырнул бесполезную кувалду, повернул к Денису мокрое лицо.

— Понял, нет?!

— Не кричи, — мрачно произнес Денис, восстанавливая дыхание и поднимаясь. — Услышат.

— Не услышат, — прохрипел Глеб, переводя дыхание. — Весь уровень пустой. И сверху пусто, и снизу. Зря я, что ли, рядом с аэропортом устроился...

— А пулей пробовал?

— Нет, — сказал Глеб, поднимая семя на уровень глаз. — И так все ясно. Везде пишут одно и то же. В семени заключена огромная жизненная сила, и его оболочка — сверхпрочная. Я нашел в Интернете математическую модель зародыша, там куча параметров... Ты сказал, что оно бьет током, — это не электрический ток. Это биополе. Бешеной напряженности... То есть ты понял, да? Эту суку нельзя ни разбить, ни сжечь, ни потравить кислотой. Возможно, если ее поместить в эпицентр ядерного взрыва — она выживет. Потому что она сама — бомба. Только живая... — Глеб вернул зародыш в контейнер, захлопнул крышку. — Оно неуничтожимо. Его можно либо хранить таким, какое оно сейчас, в спящем виде, либо бросить в воду и запустить процесс роста. Одно из двух. Сквозь него не проходят даже рентгеновские лучи. Оболочка проницаема только для молекул аш-два-о. Так сказал мне Постник. Перед тем, как в окно прыгнуть.

Денис ощупал ребра, не удержался и спросил:

— А может, это ты ему помог?

— Нет, он сам, — сразу ответил Студеникин, словно ждал вопроса, и лицо его сделалось таким, что Денис не усомнился в правдивости ответа.

— Понятно, — сказал он.

Студеникин рухнул в кресло, вспотевший, взъерошенный, на скуле багровое пятно (все-таки Денис один раз попал), вытянул ноги.

— Знаешь, — сказал он, — квартира, где прятался Постник, была не его. До искоренения там жил какой-то бизнесмен. Миллиардер. Некто Глыбов. А Постник был его помощником. У каждого богатого всегда есть такой специальный человечек, для грязной работы... Взятки, наркотики, шлюхи, связи с преступностью, то есть ты понял, да?

Денис кивнул и опять ощупал ребра.

— В первый год искоренения тот миллиардер погиб, семьи у него не было, и Постник обосновался в его хате. Семечко досталось ему от миллиардера. Как и все остальное... — Глеб цинично скривился. — А миллиардер содержал собственную лабораторию. Исследовательский центр. Это было модно. Все жрали траву, всем было весело, всех все устраивало, но главное — все делали вид, что ненавидят стебли и мечтают покончить с заразой...

— Черт с ними, — сказал Денис. — С миллиардером. И с Постником. Что ты будешь делать?

Глеб ответил не сразу, а когда ответил, понизил голос:

— Пока не знаю. Может, брошу семя в почву.

— Зачем?

— А ты не понимаешь?

— Нет.

Студеникин подождал, пока прогремит за окнами очередной взлетающий самолет, и произнес:

— Чтобы все изменить.

Он откинулся в кресле и развел в стороны руки.

— Представь: не будет ничего. Ни телогреек, ни валенок, ни льняных штанов по три пятьдесят, ни обязательных общественных работ, ни «Чайника», ни слома, ни сбережения сбереженного... Одна зеленая трава. Все как раньше. Только без китайских депозитов. — Он подмигнул Денису. — Хочешь, давай вместе сделаем? И вместе возьмем на себя ответственность...

— Не хочу, — сказал Денис. — И тебе не позволю.

— Люди будут сытые и радостные.

— Они и так сытые.

— Но не радостные.

— Сходи на слом, там от хохота стены трясутся.

— Это не то, — воскликнул Студеникин. — Это кураж детский! А посмотри на тех, кто постарше! У кого семьи, младенцы... У кого старики болеют! Поговори с ними! Жизнь в коммуналках, теснота, горячая вода по расписанию. Искупать ребенка — проблема. Вылечить, если он заболеет, — еще бóльшая проблема. Сделать сложную операцию — год очереди. Каждый пятый взрослый мужчина — алкоголик. Каждый восьмой сидит без работы. От поддельной водки умирает по пятьдесят тысяч мужчин в год. Хваленые фермеры утопают в грязи и не знают, с какой стороны подойти к лошади или корове. Люди устали экономить и жрать морковку... — Глеб облизнул губы. — Так — в России, а есть на земле и похуже места. Где от голода люди с ума сходят и непрерывно воюют, потому что им больше не хуй делать. Вся Африка, половина Америки, весь Ближний Восток. Там за такое семечко нам с тобой обеспечен прижизненный памятник из чистого золота.

— Это отрава, — возразил Денис. — Она превращает людей в зеленых чудовищ.

Глеб засмеялся:

— Водка тоже превращает людей в чудовищ. И деньги превращают людей в чудовищ. И наркотики. И власть превращает. И безделье. Даже вера в бога может превра-

тить в чудовище. Мы тут ни при чем. Мы посеем, а кто и как пожнет — это решать не нам с тобой. Всякое семя рождено, чтобы упасть в землю и дать всходы.

— Нет, — сказал Денис. — Не всякое.

Студеникин вздохнул, запустил пальцы в волосы.

— Ты в чем-то прав. Но надо подумать.

— Нечего думать. Подбрось его властям, никаких денег ни от кого не бери, забудь и живи как жил. Открой магазин по продаже снегоходов. Татьяна без тебя с ума сходит.

— Подбросить властям, — презрительно пробормотал Глеб. — Открыть магазин. Странный ты, Денис. Вроде бы разумный парень. Неужели ты не понимаешь, что это все не зря? Почему из двадцати миллионов живущих в этом городе семя попало в руки именно мне? А не тебе, правильному мальчику Денису? Не Хоботу? Не герою добровольного слома дяде Боре Колыванову? Не Кеше, который в своем «Чайнике» пирожки печет? А мне, Глебу Студеникину, разложенцу и уголовному преступнику? Ты что, веришь властям?

— Не всегда.

— А мне?

— Тебе — всегда.

— Вот! — крикнул Глеб. — Вот, друг. Оно могло достаться кому угодно, а досталось мне. Значит, со мной что-то не так.

— Или со всеми остальными что-то не так, — сказал Денис.

3

Спустя час он сидел в крошечном театрике, на первом этаже башни «Курчатов», предназначенной к слому в будущем году. Забился в последний ряд, в угол. Курил, стряхивая пепел на пол. Думал.

На тесной, но щедро освещенной сцене трудились два великих артиста, известные всей стране как Торч и Харч. Суперзвезды, обладатели пожизненных контрактов с Нулевым каналом, они принципиально делали еженедельные бесплатные шоу в нищих районах, в трущобах, в предместьях Москвы, Нижнего Новгорода, Казани, Ростова – там, где люди пытались жить правильно, где артистов ждала самая бедная, самая простая и самая благодарная публика.

Торча и Харча боготворили.

Зал был набит битком, в проходах сидели на полу.

Главной темой творчества гениального дуэта был так называемый простой человек. Обычно простого человека изображал атлетически сложенный, плосколицый Харч, а щуплый, гибкий Торч давал интеллигента, или толстосума, или чиновника, или патрульного офицера, или туриста из Новой Москвы, «вчера из-под Купола».

Возвращаясь от Глеба, Денис протрезвел, влажная нательная фуфайка остыла. Сейчас его трясло. От благородного шотландского послевкусия во рту осталась только горечь. Как говорила мама: «Во рту – кака, голова – бяка».

– Я простой человек, – добродушно басил Харч. – Я делаю вещи.

– Простые? – осведомлялся Торч, изображающий рафинированного вырожденца при деньгах.

– Разные. Могу простые, могу сложные. Какие надо, такие и делаю.

– А допустим, вертолет-кабриолет сделаете?

– Можно, – подумав, отвечал Харч. – Только мне не надо.

Бывало, они переигрывали, давали чрезмерно грубый буфф, но иногда достигали высот мастерства и вдобавок сами писали свои репризы; сосед Дениса сидел напрягшись и азартно ожидал момента, чтобы расхохотаться.

— А, так вы делаете только то, что ВАМ надо? — разочарованно тянет Торч.

— Не, зачем?.. Если надо не мне, а тебе — я тоже могу. Тебе надо?

— Как вам объяснить... — мялся Торч. — Не просто «надо». Вертолет-кабриолет совершенно необходим... Обязателен... Это, так сказать, вопрос самоидентификации... Непременный элемент имиджа...

— Короче говоря, надо?

— Очень надо! — вибрирует Торч. — Очень!

Харч вразвалку исчезает за кулисами. Раздается страшный грохот, публика смеется; на сцене появляется рояль.

— Это что? — озадачен Торч.

— А тебе что было надо?

— Вертолет-кабриолет!

— Вот, он и есть, — Харч ухмыляется. — Сюда смотри: вот так вертишь, так летаешь. Теперь сюда смотри: вот так делаешь — оп! Крыши нет — кабриолет.

— А это что? — визжит Торч. — Табурет? Мне надо кресло! Мягкое!

— Да? — Харч чешет в затылке. — Ты б сказал заранее, что надо с креслом. Я ж не знал, что тебе надо. Мне, например, кресла не надо. Мне табуреточки хватило бы...

Публика валится со стульев, сосед Дениса икает от восторга.

— А это? — продолжает Торч. — Педали? Где мотор?

— А оно тебе надо?

— А вам что, надо вертолет с педалями?

Харч пожимает квадратными плечами.

— А мне не надо ни с педалями, ни без педалей.

Публика рыдает от хохота. Женщины визжат.

— А это? — Торч указывает на клавиши.

Огромный Харч неловко тычет мизинцем в до-минор третьей октавы.

— Это, — говорит он, — чтоб вот так делать.

Садится за рояль, кое-как играет «собачий вальс».

— А еще говорите, вы простой человек! — восклицает Торч.

— А что тут сложного? — удивляется Харч, бросает пальцы на клавиши и с изумительным мастерством исполняет начало Первого фортепианного концерта Чайковского.

Оба гения сцены были великолепными акробатами, знали по десятку языков, включая хинди и латынь, играли на всех музыкальных инструментах, включая ситар и шотландский рожок. Обоим было за шестьдесят.

Когда-то они назывались «Хлеб и Зрелища», но потом перевели свои сценические имена на язык, понятный простому народу.

Денис видел эту их репризу много раз и не смеялся. Озноб то пропадал, то возвращался. В ушах свистело. Бугристое, изумрудно-графитовое тело зародыша до сих пор стояло перед глазами. Странные приливы нежности сменялись отвращением. Люди вокруг надрывались от смеха, вытирали слезы. Женщины прятали лица в ладони, рьяно обмахивались программками, напечатанными на дешевой серой бумаге, изготовленной с применением новейших сберегательных технологий. Пахло пивом, дегтем, жареными семечками, духами, луком, смазными сапогами, горелыми спичками, сырыми тряпками. Сквозняк шевелил укрепленный над сценой баннер с рекламой спонсора концерта — корпорации «Русский литий». Торч и Харч работали, двигались, жестикулировали, рифмовали великое и ничтожное. Складывали лица в невероятные гримасы. Держали зал. С их лбов летели капли пота. Зал наслаждался, дышал, дымил папиросами, блестел сотнями глаз. Все это можно было прекратить одним слабым движением руки.

Плеснув на шершавую кожу семени стебля несколько ложек обыкновенной воды.

Постник утверждал, что достаточно капнуть из пипетки.

Таня не плакала, не заламывала рук – но с ее лица, пока она рассказывала Денису о событиях последних месяцев, не сходило особенное, чисто женское выражение обескураженности. Глеб давно не жил с нею. В декабре стал пропадать, не ночевал дома по двое-трое суток. Потом признался, что завел себе новое жилье. В какой башне, на каком уровне – сказать не может. Мещанские подозрения о появлении новой бабы Таня быстро отмела: Студеникин меньше всего походил на влюбленного самца. Похудел, посуровел, стал много пить, вонял носками, одевался в черное рванье, как пролетарий с консервного завода. Зато купил ей две шубы. Будь они прокляты. Весь бизнес перепоручил Хоботу, но денег стало даже как будто больше. Говорил, что есть проблемы, что надо отсидеться. Приходил по ночам, бесшумно, на два-три часа, но если в январе еще пытался романтически обыгрывать свои воровские визиты, цветы носил и милые подарки, обещал разобраться с неприятностями за несколько дней, просил понять и немного потерпеть, то уже в феврале стал возникать, как бледное привидение, едва раз в неделю, все время под кайфом; приходил даже не за сексом, а неизвестно зачем, бормотал бессвязное, хихикал, оставлял огромную сумму в червонцах и растворялся в воздухе, как некий спивающийся ниндзя. В марте стало хуже, Глеб пришел только однажды, накричал, попрекнул шубами и богатой жратвой, отымел яростно и бездарно, а на прощание сказал, что хочет видеть Дениса.

– Скажи ему «второй схрон». Пусть вспомнит. А не вспомнит – обойдусь без него.

Она его не любит уже, понял тогда Денис. Она, может быть, никогда не любила Глеба Студеникина. Она, может быть, вообще никого никогда не любила. Предпо-

читала, чтобы любили ее. А если не любили — хотя бы обеспечивали растущие потребности. Или идеальный вариант: чтобы и то и другое. И любовь, и потребности.

Но Денису было все равно, кого она любит или не любит. Он был готов принять ее всякую. Плохую, хорошую, с потребностями и без. Чтобы забыть Таню, он всю зиму ходил только на слом и в университет, он сдал зимнюю сессию на высшие баллы, а если кончались деньги — звонил Хоботу, загружал рюкзак всяким дерьмом и тащил на сотый уровень, в логово какого-нибудь наглухо сторчавшегося мастурбатора; получал свои червонцы, покупал матери цереброн, мясо, фрукты — и опять шел перетаскивать обломки, превращать в пыль старую жизнь, жевать безбожно пересоленную рыбу, слушать хохот семнадцатилетних девчонок, вдыхать запах секреции, рвущийся из-под драных вязаных кофт.

Он даже с Вовочкой подружился. Приспособился выслушивать жалобы о том, как и насколько все прогнило. А с матерью, наоборот, вообще почти не разговаривал. Точнее, это она, видя его состояние, дала сыну возможность побыть в эмоциональной пустоте, наедине с самим собой.

Умная мать — это первое счастье мужчины; умная жена — это второе счастье мужчины; если мужчина, имея два счастья, ищет третье — он глупый сын умной матери и глупый муж умной жены. Так написано в старой книге «Бледные люди». Денис прочел ее в пятнадцать лет и с тех пор перечитывает каждый год.

...Торч и Харч взвинтили темп, их репризы стали короче, злее и умнее — они разогрели зал и теперь делали с людьми что хотели.

— Вам хорошо, — высоким голосом тянул Торч. — Вы простой человек.

Харч, ковыряя в зубах, ухмылялся.

— А ты что, сложный?

Торч изображал приезжего из-под Купола. Пародийно обыгрывал акцент обитателя Новой Москвы.

— Ну... У нас все сложнее. Гораздо. А у вас хорошо. Просто.

— Оставайся, тут люди нужны.

— У вас холодно.

— Зато просто. Махаешь лопатой — тепло. Не махаешь — холодно.

— А без лопаты можно?

Харч разводит руками.

— Можно, но сложно. Проще с лопатой, чем без нее.

Публика гудит. Уже не хохочет, но бурно аплодирует. Новых москвичей — азиатов — тут не любят.

Если Глеб до сих пор жив — значит, Хобот его не выдал. Значит, только двое знают о существовании зародыша: Глеб Студеникин и Денис Герц. Значит, от каждого из них зависит судьба другого. И судьба самого зародыша. И может быть — как бы помпезно и странно это ни звучало, — судьба миллионов людей. Всех людей.

Наступая на чужие ноги, Денис пробрался выходу. После душного зала уличный воздух имел вкус черничного варенья. Говорят, в Москве уникальный воздух. На всей территории, включая пригороды, разрешены только электродвигатели. Власти упорно развивают экологический туризм. Россия — самая чистая страна в мире, ни одной атомной электростанции, идеально налаженное природопользование, перерабатывается сто процентов отходов, бытовых и промышленных. Из московских рек и водоемов можно пить. Водятся даже сомы. На Котельнической набережной люди тысячами ловят раков, тут же варят в огромных котлах, рубль пара, на три рубля десяток и сто грамм ржаной водки; запах укропа можно унюхать аж на Ленинских горах. Вся Ивановская область живет только продажей лицензий на отстрел лосей; раз

в год любители охоты съезжаются со всего мира. Одна лицензия — пятьсот червонцев. Экологически чистые шкуры волка, бобра, медведя на внутреннем рынке почти ничего не стоят. И северная оленина почти ничего не стоит, и мед, и рыба красная, и ягода лесная всякая. А хлеб в России давно уже бесплатный.

Если плеснуть на зародыш грибницы немного воды — это все исчезнет.

Мы не справимся вдвоем, подумал Денис.

Он достал телефон, обнаружил неотвеченный вызов, Таня; набрал номер, после некоторых колебаний; я в центре, сказала бывшая подруга, возьми такси, приезжай срочно, я оплачу. Он разозлился, но ровным голосом произнес: «Ладно». Что может быть гаже, чем выслушать от юной девочки, своей ровесницы, такую фразу? Проверил деньги — денег было мало, но сейчас это не имело никакого значения.

...Можно рассказать Вовочке — он государственный чиновник. И еще — матери, она до сих пор пишет статьи в журнал «Сберегатель». Всем вместе пойти в управу и заявить, что найдено семя стебля. Мама пусть возьмет с собой нескольких знакомых журналистов и адвоката. С группой социально активных граждан связываться не будут. Примут официальное заявление и выплатят премиальные миллионы. Хватит всем, и Глебу в том числе. В конце концов, это в его интересах. За три месяца бдений над зародышем он едва не тронулся рассудком — что с ним станет еще через три месяца?

Таксист (как положено, уроженец Кавказа) хотел было вступить в традиционный разговор насчет цен на аккумуляторы, но Денис достал из кармана мини-диск и попросил включить магнитолу. Горец мгновенно обиделся и напомнил, что клиент обязан доплачивать за прослушивание его собственной музыки. Денис доплатил и велел сделать погромче. Судя по лицу таксиста, по-

следний альбом Симона Горского никак его не возбудил. Денис закрыл глаза — первый трек ему особенно нравился; резкая, но теплая мелодия, только виолончель, бас-гитара и голос, роскошь и аскеза как единое целое; но вслушиваться не хотелось, потому что судьба великого музыканта и певца Симона Горского пребывала в руках скромного парня Дениса Герца и его товарища Глеба Студеникина.

Он смотрел на шею таксиста, сильно заросшую черным волосом, на короткие толстые пальцы, сжимающие руль, на огромные сугробы по обочинам проспекта, на желтые огни в домах: первые десять уровней — густо, потом все реже и жиже, а выше тридцатого и вплоть до верха — сплошная чернота, только иногда пошарит по стенам прожектор патрульного вертолета, выхватит окна, уступы или бесформенные провалы в местах взрывов. Ту или иную башню обстреливают каждую ночь, ракет не жалеют. Бывший одноклассник, пошедший в патруль, рассказывал Денису, что обычно им лениво искать и всматриваться, шмаляют наугад, по семидесятым или по сотым этажам; утром все как один возвращаются веселые, с пустыми обоймами.

Все это можно было прекратить, плеснув на зародыш несколько ложек воды.

Он нашел Таню на Кропоткинской, в дорогом кабаке с видом на храм Христа Спасителя. Стены и потолок ресторана, изготовленные из «китайской портянки», нельзя было рассмотреть простым глазом: женщины с голыми плечами и их спутники сидели как бы под открытым небом, среди сугробов, и делали вид, что не смотрят на спешащих мимо прохожих. Явно нетрезвая Таня пребывала в компании двух разложенцев, облаченных в отливающие пиджаки. От обоих пахло шикарным китайским парфюмом и новыми ботинками. Пили сбитень, курили

трубки, говорили какую-то хуйню, старательно подделывая акцент Новой Москвы, а может, и не подделывая. Таня сидела нога на ногу, шикарная, тонкая, элегантно хмельная, пригубляла мартини, смотрела с презрением, к правому виску прилипла мокрая прядка. Денис устроился рядом, поцеловал, чуть интимнее, чем мог себе позволить, и с удовольствием понял, что мог бы поцеловать еще более интимно — она потянулась к нему, сама подставила шею. Захочу — подставит и все остальное, решительно подумал он. Глеба нет и не будет, у Глеба теперь семечко. Таня достанется мне. И это правильно. Каждому по делам его.

— Третий «Буслай» слабоват, — говорил разложенец, представившийся как Юлий. — Не надо было менять оператора. А саунд — вообще ниже критики.

— Сэкономили, — кивнул второй, представившийся как Зиновий.

— Как там мой ненаглядный? — спросила Таня, игнорируя обоих ораторов.

— Сложно все, — негромко сказал Денис. — Потом поговорим.

— А какой кинематограф предпочитает наш новый друг Денис? — осведомился Юлий; его глаза напоминали лягушачью икру — водянистые, серо-зеленые, с крупным зрачком.

— Наш друг Денис предпочитает театр, — ответила Таня за Дениса.

— Вот как.

Оба разложенца были холеные и солидные, держались отменно, но Денис перестал воспринимать их всерьез, как только расслышал имена. Сразу представил, как двое взрослых мужчин приветствуют друг друга: «Здравствуй, Юля!» — «Добрый день, Зина».

— Наш друг Денис — правильный человек, — продолжила Таня, блестя глазами. — Он считает, что кино рас-

ходует энергию, а театр сберегает. Кино разлагает, а театр создает. Вдобавок театр честнее, быстрее и злободневнее.

— Не лишено, — похвалил субтильный Юлий и пощипал себя за бородку. — Однако, согласитесь, масштаб не тот... Кино тотально. Передний край технологий, — он посмотрел на Дениса. — Как вы считаете?

— Ебал я технологии, — вежливо сказал Денис. — И масштаб тоже.

Таня пьяно рассмеялась.

— Не лишено, — спокойно кивнул Юлий.

Зиновий набычился и опрокинул в себя рюмку.

— Театр — это не то, — сказал он. — В театре нельзя изучить женские сиськи (он в упор посмотрел на Таню) с расстояния в пять сантиметров. А в кино — можно.

— Предпочитаю изучать в натуре, — произнес Денис и обнял Таню за плечи, она немедленно прильнула.

Юлий был невозмутим. Зиновий осклабился.

— Видите ли, молодой человек... Есть такие сиськи, которые вы можете изучить только в кино. При всем, так сказать, уважении... Скажем, сиськи Леры Грин.

— Почему же, — весело произнес Денис. — Можно попробовать.

Он снял руку с плеча Татьяны, достал телефон, набрал номер Модеста. Включил громкую связь и положил аппаратик на стол, сдвинув в сторону стаканы.

— Говори быстрей, — раздраженно прогудел Модест. — Я занят.

— Прости, друг, — сказал Денис, подмигивая Тане. — У тебя есть телефон Леры Грин?

— Где-то был. А тебе зачем?

— Тут возник вопрос, сколько будет стоить потрогать ее за сиськи.

— Ты что, пьяный?

— Модест, это серьезный вопрос.

— Тебе могу бесплатно устроить. Но учти: ничего особенного. Обычные сиськи, только большие и зеленые. Там, кстати, особо не потрогаешь, она же ими дышит...

— Спасибо, друг.

— Ты бы, дурак, не про сиськи думал, а приехал помогать! Мы тут вентиль меняем в котельной, помощь не повредит...

— Боюсь, не успею, — с сожалением ответил Денис и отключился.

— Это тот самый? — мгновенно спросил Юлий. — Модест Яковлев? Единственный гомо флорус в Москве?

Денис кивнул.

— Оригинально, — мрачно сказал Зиновий. — Жить в Москве, когда есть возможность уехать под Купол.

— Не все хотят под Купол, — сказал Денис и повернулся к Тане. — Ты хочешь?

— Хочу, — сказала Таня, отхлебывая из фужера. — Но сначала я хочу к тебе.

Зиновий дернул щекой и налил себе полную.

— Не спеши, — ответил Денис. — Посидим еще. Тут хорошо. Весело.

Он тоже выпил и охмелел, как хмелеет любой, пришедший с холода и разомлевший в тепле: стремительно и тяжело. Разложенцы смотрели вежливо, чуть насмешливо.

— Господа, — сказал Денис. — Извините типа мою бесцеремонность... Не могли бы вы сообщить ваш возраст? Если вам не западло, конечно.

— Не западло, — небрежно ответил Юлий, пыхнув трубкой. — Мне сорок три.

Зиновий не ответил. Видимо, ему было западло.

— Значит... — Денис налил себе вторую, — вы помните старые времена?

— Конечно.

— И как вам сейчас? Не грустно?

Юлий тонко улыбнулся.

— Отнюдь.

— Не волнуйся за него, — небрежно сказала Таня и указала на Юлия вилкой. — Ему не грустно. У него все хорошо. Он защищен от любых потрясений. Его семью защитил еще прадедушка. Недвижимость, инвестиции, связи... Дедушка упрочил, папа продолжил...

Юлий улыбнулся и пыхнул трубкой.

— Тогда почему вы не под Куполом? — поинтересовался Денис.

— У него там дом, — небрежно ответила Таня. — Но жить он любит здесь. Так же, как твой зеленый Модест. Все, что происходит под Куполом, слишком пахнет новоделом. (Юлий поднял брови, потом благодарно посмотрел на Таню и кивнул.) А он сторонник традиций. Здесь ему свободно. Здесь интересно и дешево. И бабы лучше.

— А если завтра тут опять трава вырастет?

Таня пожала плечами.

— Ну и что? В его жизни ничего не изменится. (Юлий усмехнулся.) Коньяк, табак и кабак. Каждый день — партия в шахматы и партия в теннис. Летом он в Новой Зеландии, осенью — в Чили. Когда трава выросла, его дед потерял половину состояния. Но за следующие сорок лет увеличил его в пять раз. Когда началось искоренение, его отец опять потерял половину, но за следующие пятнадцать лет увеличил капитал в четыре раза... Перед тем как ты пришел, эти парни все о себе рассказали.

Юлий опять усмехнулся.

— Джентльмен никогда не говорит о деньгах, — произнес он и слегка выдвинул челюсть. — Впрочем, наша очаровательная Таня права. Моя семья защищена. Но это не значит, что мне неинтересны проблемы страны, которая... э-э... меня породила. Кроме того, я далеко не все рассказал. Между шахматами и теннисом я окончил Гарвард. Доктор историософии, к вашим услугам, — Юлий

элегантно поклонился, одновременно удобнее устраиваясь в кресле, а Зиновий решительно вгрызся в кусок мяса. — Наш юный друг Денис хочет знать, не вспоминаю ли я времена стеблероста. Отвечаю: да, я их вспоминаю.

Он повернулся к жующему Зиновию:

— Ты вспоминаешь?

Зиновий отмахнулся, в смысле «не мешайте мне выпивать и закусывать».

— Но мне также известно, — невозмутимо продолжал Юлий, — что растение, которое в Москве называли «трава», в Европе — «суперганджубас», а в Америке — «русский сорняк», не создало неразрешимых проблем. Имела место только некоторая... э-э... бытовая и социальная напряженность. Проблемы, уважаемый Денис, начались гораздо раньше. И не в одной России, а во всем, так сказать, цивилизованном мире. Проблемы начались в восьмидесятые годы двадцатого века, когда индустриальная цивилизация достигла пика своего развития. Много столетий человечество мечтало о товарном изобилии, о быстром и дешевом производстве еды, одежды, развлечений и так далее. О том, чтобы машины заменили человека. Наступила индустриальная эра, и это случилось. Не везде, конечно, только в развитых странах... Но случилось. Можно было праздновать, однако человек обнаружил, что умеет производить, но не умеет потреблять. В этот момент, совпавший по времени с экономическим кризисом начала двадцать первого столетия, индустриальная эра закончилась и началась информационная...

Складно втирает, сука, подумал Денис и посмотрел на Таню — она слушала, но смотрела мимо Юлия, в глубину зала, где за просторными столами живописно выпивали группы уверенных в себе разложенцев.

— В информационную эпоху, — мундштуком трубки Юлий элегантно начертил в воздухе некую фигуру, — не так важно произвести товар, как рассказать потенциаль-

ным пользователям о его преимуществах. Презентация продукта важнее самого продукта — вот принцип информационной экономики...

— А при чем тут стебли? — спросил Денис.

— Стебли, уважаемый Денис, тут ни при чем. Абсолютно. Единственный вопрос, возникающий в связи с появлением в Москве стеблей, — почему они появились так вовремя? Именно в тот момент, когда информационная эпоха исчерпала себя? Когда мы догадались, что тотальное потребление и тотальное производство взаимно аннулируют друг друга? Мне, дорогой Денис, было пятнадцать лет, я жил в лофте на девяносто девятом этаже башни «Процветание», и преподаватель латыни прилетал ко мне из Рима на реактивном самолете за счет фирмы, принадлежащей моему отцу. Я, понимаете ли, учил эту глупую латынь... Гомо гомини люпус ест... Эрраре гуманум эст... А потом отправлялся на вертолете в клуб, развлекаться, и видел, что люди больше ничего не хотят. Ни создавать, ни пользоваться. Ни зарабатывать, ни тратить. Китайцы не в счет, планета Земля им давно уже неинтересна, они заселили Луну и осваивают Марс. А мы, все остальные, — старая, вялая, пресыщенная белая раса — ничего не хотели. Трава выросла, чтобы ускорить нашу гибель, и это была не простая трава, а могильная. Кладбищенская.

Таня вздохнула и сказала:

— Слишком мрачно.

— Не слишком, — вежливо ответил Юлий. — Ведь мы не погибли, прекрасная Татьяна. Мы еще живы. И мы, блистательная Татьяна, замечательно себя чувствуем. Однако должен признаться, господа, что в последнее время я склонен к рассуждениям в духе конспирологии. Мне кажется, что семена стебля всегда были с нами. И в десятом веке, и в двадцатом, и в двадцать втором. Однажды кто-то решил, что час пробил, и швырнул семя в почву...

— Кто? — спросил Денис, сильно сжав Тане запястье; она издала негромкое восклицание и посмотрела на него удивленно, но он уже овладел собой и улыбнулся ей классической улыбкой кабацкого мачо.

Юлий посмотрел на своего спутника — тот немедля наполнил его бокал.

— Не знаю, — сказал он. — Но ясно одно: каждому семени нужна почва. Понимаете?

— Понимаю, — сказал Денис. — Семя и почва. Одного без другого не бывает.

— Именно так, мой юный друг! То есть дело не в траве, а в месте ее произрастания. В нас с вами. А теперь, — выпускник Гарварда сунул трубку в нагрудный карман пиджака и выпрямил спину, — позвольте тост. Я хочу выпить за хозяйку вечера. Таня, будьте всегда красивой и коварной. Будьте презрительной, шикарной, полупьяной, декольтированной и жестокой, ибо таково наилучшее состояние для всякой женщины. За вас.

Таня благосклонно кивнула, пригубила свой мартини и осведомилась:

— Я была с вами жестока?

Вместо ответа Юлий встал, оказавшись невысоким и сутулым. Вежливая улыбка слетела с его лица; он извлек две визитные карточки, небрежно кинул на стол.

— Всего наилучшего.

Зиновий посмотрел на Таню с презрением и вожделением, хамски подмигнул, Дениса вообще не удостоил вниманием, и оба направились к выходу, причем по дороге задержались не менее чем в двух местах, чтобы обменяться приветствиями с полуголыми женщинами и пьяными мужчинами.

— Кто такие? — спросил Денис.

Таня откинулась в кресле.

— Случайные знакомые. Не бери в голову.

– Они не заплатили.

– Заплатили. Ты просто не заметил. Такие всегда за всех платят.

– Неприятные люди.

– Им наплевать. Мне тоже.

– По-моему, у них были планы, – сказал Денис. – Насчет тебя.

– Ничего страшного, – весело ответила Таня. – Подумаешь, двух дураков продинамила. Причем один – доктор историософии. Завтра всем расскажу, что лично крутанула динамо доктору историософии. Выпускнику Гарварда. Владельцу особняка в Новой Москве. Такое не каждый день бывает.

Денис вздохнул, решил выпить водки, потом передумал и неуверенно начал:

– Насчет Глеба...

– Не надо, – резко перебила Таня. – Не надо, Денис. Пожалуйста. Как только ты пришел, я все поняла насчет Глеба.

– И что же ты поняла?

– Я была нужна Глебу, – сказала Таня. – Я была важна для Глеба. Важнее меня для Глеба был только один человек – сам Глеб. А теперь у него есть что-то важнее меня. Или кто-то. Глеб больше не испытывает во мне потребности.

– А ты? – спросил Денис.

– Я? – Таня вдруг всхлипнула. – Я пришла одна в дорогой ресторан, набитый самыми грязными разложенцами в городе. Я – девушка Глеба. У меня в сумочке деньги Глеба. На мне платье, купленное Глебом. На мне украшения, купленные Глебом, и туфли. И белье. Я пришла и сижу тут, как дорогая шлюха, у всех на виду, и не знаю, что мне делать.

– Зато я знаю, – твердо сказал Денис. – Поехали отсюда.

— К тебе?

Денис покачал головой.

— Я тут ни при чем. Ты — девушка Глеба. На тебе платье, купленное Глебом, и туфли, и украшения. Кем я буду, если повезу тебя к себе?

— Тогда отвези меня к Глебу.

— Нет.

— Тогда, — Таня побледнела, — иди к черту и оставь меня здесь!

— Нет.

— Идите тогда вы все! — закричала Таня и с размаху швырнула вилку. — С вашими деньгами, с вашей травой, с вашими семенами и почвой! С вашими башнями, схронами и секретами!

Метрдотель, или как там его, был, разумеется, блестяще натренирован и возник перед ними буквально в долю мгновения: плотный, нахмуренный, как бы лоснящийся от осознания важности собственной миссии.

— Молодые люди, — прошелестел он, — здесь так себя вести не принято.

— Ты тоже иди к черту! — крикнула Таня, и содержимое одного из бокалов — красное бордо — полетело в лицо метрдотелю; тот и глазом не моргнул, зато рядом возник еще один — тоже плотный и тоже лоснящийся, но с гораздо более равнодушной физиономией.

— Разрешите нам проводить вас к выходу, — произнес первый, улыбаясь.

Вино стекало с его носа и подбородка на белоснежную грудь.

— Принеси еще водки, — грубо приказала Таня, — и исчезни.

— Водки больше не будет, гражданка, — ответил первый; второй молчал и даже, как показалось Денису, не моргал. — И остального тоже. Прошу вас покинуть зал. Сейчас же.

Равнодушный все-таки моргнул, шагнул вперед и приглашающе протянул к Тане крепкую ладонь.

— Не трогай, — тихо посоветовал Денис.

Равнодушный продолжал выдвигать руку, наподобие шарнира, деловито, но не без некоторого изящества.

Можно было решить все миром. Встать, извиниться, улыбнуться, похлопать сотрудников общепита по плечам и гордо уйти, а где-нибудь в коридоре заплатить за разбитую посуду и испорченную манишку метрдотеля, купленную явно не в магазине сети «Все свое». Но тут вдоль невидимой стены ресторана, буквально в десяти шагах от Дениса, прошли, держась за руки, двое — мальчик и девочка, на двоих едва тридцать лет, оба в кроличьих кацавейках, румяные и смущенные обществом друг друга, типичное первое свидание; они повернули в сторону ресторана прекрасные юные лица и замедлили ход. Они явно никогда не были в ресторане для разложенцев и не понимали, что происходит. Денису стало тоскливо, он прикинул габариты метрдотеля и его приятеля и решил прорываться.

— Не трогай ее, — повторил он, уперся ногами в пол и вскочил, одновременно нанося удар кулаком снизу вверх, в живот невозмутимого — но попал словно в каменную стену. Далее его сильно сотрясло, словно от электрического разряда, ноги подогнулись, правое плечо сжали, как в тисках; с изумлением понимая, что его подошвы не касаются пола, Денис проплыл мимо жующей публики, наблюдавшей всю сцену без особого интереса — наверное, такое здесь происходило ежедневно, — к выходу из зала, потом — еще быстрее — по узкому коридору, пропитанному отвратительно густыми кухонными запахами, и обрушился на узкую кушетку в комнате без окон, заставленную ящиками с алкоголем, примерно как в схроне Глеба Студеникина.

Едва железная хватка ослабла, Денис опять тщательно уперся ногами и попытался встать, но невозмутимый молча обрушил ладонь на его темя.

Когда зрение и слух вернулись, комната была битком набита людьми из патруля. Невозмутимый исчез, а метрдотель стоял в углу и брезгливо возил мокрым платком по красному пятну на груди.

— Живой? — спросил один из патрульных, наклоняясь и заглядывая в лицо Дениса. — Идти можешь?

— Да.

— Тогда вставай.

— Где Таня? — прошептал Денис.

— Будет тебе и Таня, и все остальное. Пошли. А ты, — патрульный повернулся к метрдотелю, — отрегулируй своего дебила. Он его чуть не убил.

— Дебил отрегулирован, — с ненавистью ответил метрдотель. — А этого щенка я бы и сам убил. Его сучка испортила мне вещь.

— Разберемся, — небрежно сказал патрульный и сделал знак своим. — Принимайте клиента.

4

Ехали недолго. Гусеничный патрульный вездеход озадачил Дениса — абсолютно новый, ультрасовременный, однако насквозь пропитанный запахами казармы: как если бы рота солдат неделю жила в рубке космического корабля.

В конторе патруля было тихо, несколько младших чинов дремали перед телевизором, зажав автоматы меж коленей. В обезьяннике за мутным ударопрочным стеклом маялись несколько угрюмых нарушителей порядка, но Дениса провели мимо, на полутемный второй этаж.

Московский патруль получал неограниченное количество синтетического авиационного керосина, но взамен отчаянно экономил на электричестве.

Дениса втолкнули в прохладный кабинет.

— Это у нас кто? — спросил сидящий за столом бледный человек в байковой рубахе.

— Дебошир. Из ресторана.

— Понятно.

Бледный владелец кабинета махнул рукой, властно и небрежно. Патрульные удалились.

— Привет, Денис, — произнес бледный. — Ну ты даешь, брат.

Денис огляделся. Кабинет был скромен, чист и богато декорирован плакатами с призывом беречь сбереженное. Над головой бледного висел транспарант с девизом патруля — неофициальным, но всем известным:

ЗАКОН НЕ В КОБУРЕ, А В ГОЛОВЕ.

— Присядь.

Денис повиновался.

Бледный вздохнул.

— Бляха медная, ничего не понимаю, — сказал он, ловко двигая пальцем по экрану компьютера и всматриваясь в строки и знаки. — Правильный парень, студент, мать — учительница... Что ты забыл в этой параше? В этом шалмане для разложенцев?

— Где Таня? — грубо спросил Денис.

— И зачем такому, как ты, такая, с позволения сказать, Таня?

— Где Таня?!

— Не рычи, — тихо, но твердо посоветовал хозяин кабинета. — Твои дела и так хуевые. А Таня твоя соскочила. Еще в кабаке. Бросила тебя твоя Таня. Показала, бляха

медная, визиточку, очень серьезную. Некоего Юлия Голованова. Знаешь такого?

— Нет.

— Как это «нет»? — раздраженно воскликнул бледный. — Если ты с ним за одним столом сидел и за жизнь разговаривал?

— А, этот... Я его в первый раз видел. И больше видеть не хочу.

— А вот Таня твоя — захотела. Администратор обосрался и отпустил ее. Прилетел вертолет Голованова и забрал твою Таню. Еще до приезда патруля. Заплачено и за разбитую посуду, и за попытку порчи казенного имущества...

— Какую попытку?

— Ты хотел ударить работника заведения.

— Не хотел, — решительно произнес Денис, — а ударил.

— И как тебе ощущения?

— По-моему, палец выбил.

— Он мог тебя искалечить.

— Это был андроид?

Человек за столом кивнул.

Денис выругался и спросил:

— В этом кабаке вышибалы — андроиды?

— Только один.

— А говорят, они все на консервации.

— Говорят, в Москве кур доят, — сурово пошутил бледный. — А пошли — и сисек не нашли. Ты влез в серьезную беду, Денис. Кстати, меня зовут Вадим.

Денис осторожно потрогал гудящий затылок.

— Послушайте... Вадим. Я... как бы это сказать... против. Я сам погашу весь ущерб. Девушка ни при чем. Вся вина — на мне. Еще не хватало, чтобы какой-то разложенец за меня платил! Посмотрите мой файл. Я четыре года на сломе, у меня шесть тысяч часов общественных работ!

Я могу весь этот кабак разнести на куски, и это мне обойдется в две-три тысячи часов...

— Ну, не в три, — примирительно произнес Вадим. — В тридцать три. Это очень крутое заведение, Денис. И вдобавок не простое. Принадлежит «Интуристу», бляха медная. Ты устроил скандал на глазах у зарубежных гостей столицы. Еще два года назад это вообще была расстрельная статья. Из-за тебя, бляха медная, какой-нибудь литиевый магнат из Гондураса больше не захочет сюда приезжать. Ты влип, Дениска. Круто влип.

— Я тебе не Дениска.

— А я тебе не «ты», а гражданин майор.

— Простите, гражданин майор, но я... Во-первых, не знал...

— Теперь будешь знать, бляха медная. А что во-вторых?

— Во-вторых... — Денис смешался. — Вы что, будете меня судить?

Майор взглянул с недоумением.

— Конечно. У нас это быстро. Сутки дадим на сборы и поиск адвоката и послезавтра осудим. Я даже скажу, бляха медная, что тебе светит. Примерно пять тыщ червонцев штрафа либо пятнадцать тыщ часов общественных работ. Шесть тыщ у тебя уже есть — остается еще девять. Это больше пяти лет, бляха медная! Поедешь на ферму, будешь навоз таскать, жуков колорадских собирать и все такое. Пять с половиной лет.

— Пятнадцать тысяч часов? — крикнул Денис. — За то, что я разбил стакан в ресторане для гнилых уродов, где андроиды работают вышибалами?

— А ты как хотел?

— Я хотел, чтоб таких ресторанов в моем городе вообще не было!

— А это не твой город, — усмехнулся майор. — Это, Дениска, пока еще мой город. Я ведь не простой майор. —

Он положил на стол ярко-желтый значок. — Видишь, какой я майор, бляха медная?

— Вижу, — пробормотал Денис. — Налейте воды, пожалуйста.

— Обойдешься, — ответил майор, подул на значок, потер его об рукав и спрятал в карман рубахи. — Теперь слушай. Парень ты правильный и вдобавок неглупый. Кроме того, общество вложило в тебя энергию. Ты без пяти минут специалист с высшим образованием, имеешь хорошие баллы, и мы это учтем, — майор сделал паузу. — Но не простим, бляха медная. А то получится, что если ты правильный гражданин и с ранней молодости ходишь на общественные работы, то тебе, бляха медная, можно безнаказанно хулиганить? Никому нельзя безнаказанно хулиганить. Даже мне. Кроме того, — майор опять всмотрелся в экран, — ты тоже не самый кристальный парень. Год на коммерческом сломе. За длинным то есть рублем ходил. Большой минус тебе. Ну и... Таня твоя, бляха медная, — очень сомнительная девушка. Что у вас с ней?

Это тебя не касается, хотел ответить Денис, но решил промолчать. Девять тысяч часов, пять с половиной лет. Мама не поймет. А главное, за что?

— Ладно, — усмехнулся майор. — Я тоже люблю красивых женщин. Между нами, за этим делом сюда толпы приезжают. Со всего мира. Экстремальный секс-туризм, бляха медная! Мегаполис в снегах, медведи на Красной площади и лучшие в мире бабы по доступной цене. И никакие ресторанные драки их никогда не отпугнут...

— Тогда отпустите меня, — сказал Денис.

Майор зевнул.

— Отпущу, конечно... (Внутри у Дениса все прыгнуло.) Но не сразу. У тебя ведь есть пять минут времени?

— Конечно, — ответил Денис и понял, что не сможет удержаться от улыбки.

— Вот, — майор тоже улыбнулся. — Так лучше. Ты думал, я зверь какой-нибудь? Расслабься. Мы своих не ломаем. Мы ломаем только гадов. Разложенцев, бандитов, спекулянтов и прочих сволочей, бляха медная. Лично я собираюсь прижать твоего приятеля Юлия Голованова. А если не его, так другого, такого же. В моем городе богатые должны вести себя очень тихо. И строиться по первому свистку. Так всегда было. И при Иване Грозном, и при Петре Первом, и при Путине, бляха медная, с Медведевым. Согласен?

— Да, — сказал Денис. — Но Голованов мне не приятель.

— Тем более, — майор вздохнул и достал из ящика початую бутыль «Байкала экстра-премиум». — На, пей. Только мне оставь. Я с шести утра на ногах.

— Спасибо, гражданин майор, — искренне сказал Денис.

— Вадим.

Денис поднес горлышко к губам, набрал в рот. Вода была теплая.

— Вы с Голововым говорили про семя и почву, — произнес майор. — Что за семя?

Денис поперхнулся и закашлялся. Хозяин кабинета не сводил с него взгляда.

— Я... — Денис еще раз прокашлялся и поставил бутылку на стол. Глаза слезились, затылок опять заболел. — Сейчас...

— Давай, говори. Только быстрее.

— Он сказал, что... семена стебля существовали всегда. С первого дня цивилизации. Потом кто-то решил, что час настал, и бросил семя в землю...

— Кто? — мгновенно спросил майор.

— Не знаю.

— Голованов сказал: «Кто-то бросил семя в землю»?

— Да.

— Он имел в виду себя?

— Не знаю. Мне так не показалось.

— А как тебе показалось? — с жаром спросил майор. — Это было полтора часа назад! Вспоминай, бляха медная! Кто «бросил семя в землю»?

— Кто-то.

Майор выдохнул.

— Слушай, студент. Разговор мы прослушивали. Это ты уже понял. Но штука в том, что богатые козлы всегда носят при себе глушители. Первоклассные, бляха медная. Китайские. Мы не можем писать то, что они говорят. Мы можем писать только то, что говорят, бляха медная, их собеседники. Мы тебя писали, мы девочку твою писали и Голованова тоже писали, но не записали. Я тебе тайны не выдал, потому что про глушители все знают. Теперь, бляха медная, вспоминай дословно разговор насчет семени. Интонации, выражение лица — все! Почему ты начал разговор про семена?

— Это он начал.

— А ты сразу подхватил. Значит, понял, о чем речь. Откуда знаешь про семена?

— Все знают про семена.

— Лично ты — откуда узнал про семена?

— Не помню. От друзей, еще в школе.

— Что за друзья, бляха медная?

— Не помню. В классе было тридцать восемь человек.

— И что друзья говорили про семена?

— Что... Есть семена травы. Зародыш грибницы.

— Где?

Денис облизнул губы.

— Об этом не говорили. Это просто легенда, понимаете? Пацанская страшилка. Якобы где-то существуют семена травы или одно семя... Один зародыш, эмбрион... Кто-то говорил, что семена лежат в земле тысячелетиями и прорастают, когда наступает определенное время.

Кто-то говорил другое: что до искоренения были особые лаборатории, там пытались расшифровать геном травы и клонировать семя, и это получилось... Ничего серьезного, обычная болтовня. Болтали про китайцев, про Новую Москву под Куполом. Про суборбитальные полеты. Про андроидов. Про Луну. Ну и про семя стебля... Мне этот Голованов не сказал ничего нового. Он меня в первый раз видел, я его тоже. Таня — моя подруга, у нее проблемы, она зачем-то поехала в центр и пришла в этот кабак...

— Откуда у нее деньги, бляха медная? На такой кабак?

— У нее папа — небедный человек.

— А у тебя?

— А у меня вообще папы нет. И денег тоже.

— Тогда зачем ей ты?

— У нее спросите.

— Спросим, — кивнул майор. — Будь уверен. Кстати, сейчас ты сидишь в патруле, на допросе, а она, бляха медная, там с Голованом... — Он гнусно подмигнул Денису и сделал непристойный жест. — Вот какая у тебя подруга, Денис. Но это ваши с ней дела, а мне важно понять, зачем Голованов начал говорить с тобой про семя стебля?

— Я завел разговор про траву. Спросил его, когда ему жилось лучше. До искоренения или после. Голованов сказал, что он богатый и ему... ну, типа все равно. А потом сам заговорил про семя.

— Что еще он говорил про семя?

— Что для семени нужна почва.

— Так и сказал?

— Да.

— Что он имел в виду? Что за почва, какая почва?

— Не знаю.

— Что еще?

— Это все, — твердо сказал Денис, начинающий уставать от разговора. — Потом Голованов ушел. И второй тоже. Понимаете, они приняли Таню за проститутку. Под-

сели к ней, стали говорить, угощать... Когда Таня поняла, что эти гады просто так не отстанут, она позвонила мне. Я приехал. Я не в кабак пришел, а девушку выручить, понимаете? Я пришел, и Голованов сразу все понял. Из вежливости поговорил со мной пять минут и ушел. Даже не из вежливости, а... Ну, позабавиться хотел. Наверное, он не каждый день общается с теми, кто... Ну, в драных свитерах...

Майор кивнул. Помолчал. Тяжело вздохнул. Сильно отхлебнул из бутылки, причем воду погонял во рту, словно зубы чистил. Положил локти на стол, посмотрел на Дениса как на лучшего друга.

— Слушай меня, Денис, — сказал он негромко. — Слушай внимательно. Есть проблема. Это твоя проблема, и моя тоже. Это, бляха медная, наша общая проблема. Она заключается в том, что семени стебля не существует.

Денис опустил глаза в пол.

— Лаборатории действительно были, — продолжил майор. — До искоренения и после. Не одна и не две. Кроме того, старая грибница еще жива и дает побеги. Мы с этим боремся, но мякоть стебля до сих пор в продаже. За распространение, чтоб ты знал, мы расстреливаем без суда... Но ни одна из тех лабораторий, бляха медная, не смогла клонировать семя, или зародыш, или эмбрион. Семени нет, а слухи о нем — есть. Их кто-то распускает. Чтобы держать людей в страхе. Чтобы мы с тобой не строили новую жизнь, а боялись возврата к старой жизни. Мы ищем центр, бляха медная. Место, откуда ползут слухи. Если кто-то начнет говорить с тобой про семя стебля — ты должен будешь запомнить все и в точности рассказать об этом мне. Или моему человеку, бляха медная. Понял?

— Нет, — сказал Денис. — Я не занимаюсь такими вещами.

— Какими «такими»? — спокойно спросил майор. — Ты хочешь, чтобы кто-то мешал тебе жить? Пугал твою мать рассказами о том, что скоро в Москве опять выраc-

тет трава? Ты женишься на хорошей девушке, ты родишь детей, бляха медная, — а какая-то сволочь будет шептать твоим детям, что есть такая... — Майор пощекотал пальцами воздух, — волшебная зеленая травка, которая сама растет и которую, бляха медная, можно кушать, и потом жить, ни о чем не думая? Ты этого хочешь?

Денис вдруг понял, что невероятно благодарен обаятельному бледному майору, его слова были доходчивы, а главное — искренни, его голос был приятен, его взгляд внушал уважение и к словам, и к их смыслу, и к маленькому чистому кабинету, где они звучали, мягко отскакивая от завешанных плакатами стен. Майор не говорил ничего нового, но наполнял каждую фразу особенной веселой яростью, которая всегда нравилась Денису в людях, — яростью внутренней, не истерично-показной, а полезной, приручennой, яростью глубокой правоты.

— Ты живешь в самой лучшей стране, — говорил майор, чуть подаваясь лицом и плечами к Денису. — Впервые за всю мировую историю у нас в России бесплатный хлеб. Впервые за всю историю у нас государство освободило бизнес от всякого давления. Мы, бляха медная, создали безналоговую зону размером с четыре Европы. Мы реформировали армию. Мы за каких-то пятнадцать лет, бляха медная, наполнили прилавки простой и дешевой едой. Мы запретили всю рекламу, кроме социально значимой. Мы сделали многое и сделаем еще больше. И вдруг какие-то уроды, вместо того чтобы помогать нам делать вещи, начинают пугать нас сказками о том, что завтра трава опять вырастет! Ты хочешь позволить таким уродам ходить рядом с тобой, бляха медная? По одним и тем же улицам? Ты хочешь, чтобы они, бляха медная, смеялись над тобой и шептали, бляха медная, в спину, что у тебя ничего, бляха медная, не получится? Хочешь?

Денису стало стыдно, и слезы навернулись на глаза, но он сделал над собой усилие и не заплакал.

Майор вздохнул.

— Если хочешь — тогда подписывай, бляха медная, государственное обвинение и послезавтра в восемь утра приходи на суд получать свои пятнадцать тыщ...

— Нет, — сказал Денис. — Не хочу.

— Если не хочешь — скажи, что согласен сотрудничать. Компьютер, бляха медная, все запишет, пожмем друг другу руки и разойдемся.

— Конечно, я согласен! — воскликнул Денис и обрадовался тому, что решение принято. — Вы могли бы ничего мне не говорить. Я просто... ну... засомневался на минуточку. Я согласен, гражданин майор.

— Вадим, — поправил его владелец кабинета. — А вот я, Денис, в тебе не сомневался. Кстати, если не возражаешь, я кое-что поправлю, бляха медная, в твоем файле. Удалю запись о том, что ты работал на коммерческом сломе. Это плохая запись, бляха медная... Она тебе потом повредит, когда будешь на работу устраиваться...

— Спасибо.

Майор всмотрелся в экран, хмыкнул:

— Отец твой был интересный человек. Лихой, бляха медная. Отчаянный. Убийство, угроза оружием, попытка взятия заложника...

— Там по-другому нельзя было, — пробормотал Денис.

Майор недоверчиво прищурился:

— А ты там был, что ли?

— Конечно, был.

— И все видел?

— Да.

— Что ж ты, бляха медная, папку своего не остановил?

— Я хотел, — сказал Денис. — Но мне было семь часов от роду.

Майор не улыбнулся — не принял шутку. Солидно кивнул и, не вставая, протянул руку:

— Будь здоров, парень. И больше, бляха медная, никогда не ходи в такие рестораны.

Денис пожал мягкую ладонь, помедлил и спросил:

— А что будет с моей девушкой?

На лице майора проступило глубокое презрение.

— Ничего, — сказал он. — Допросим и пошлем к черту. Подстилки для разложенцев нас не интересуют. А тебе, бляха медная, советую найти себе новую подругу. Иди с богом. Мы с тобой свяжемся.

Денис встал.

— Если тебя тошнит — туалет направо по коридору.

— Нет, — сказал Денис. — Все в порядке. До свидания.

Майор махнул рукой и отвернулся к своему экрану.

В коридоре пахло старым деревом и талым снегом. Денис отыскал лестницу, прошел мимо дежурного, специально замедлив шаг. Если с ним играют, если он арестован, они скажут ему об этом именно сейчас. «Молодой человек, вам не туда. Вам сюда». И замок на двери обезьянника многозначительно щелкнет.

Но никто не сказал ни слова, ничего не щелкнуло.

На крыльце он огляделся, соображая, где найти остановку троллейбуса, не сообразил и зашагал наугад, с наслаждением ударяя каблуками по лужам, к ночи затянувшимся тонким, как слюда, льдом. Последним, мартовским. Потом рассмотрел справа громаду стоэтажного Дома на набережной, сориентировался и прибавил ходу.

5

— Теперь я понял, — пробормотал Денис.

Глеб смотрел с усмешкой:

— Еще бы ты не понял. Если на своей шкуре испытал... Принципа я не знаю, врать не буду... Но знаю, что это очень дорогая технология. Говорят, широко используется

под Куполом, в Новой Москве. А у нас ее применяют только спецслужбы. Бесшумный выстрел — и в твой спинной мозг внедряется микрочип. Ты ничего не чувствуешь. Чип маленький, в сотую долю миллиметра. Он посылает сигнал в центральную нервную систему. Майор нажимает кнопку — и прямо в твой мозг имплантируется некоторое количество законопослушности. Можно имплантировать стыд, доверие, симпатию... Любовь даже. Поэтому он и спросил, не тошнит ли тебя.

— Меня не тошнило.

— Потому что доза была маленькая. Ты же, извини, и так у нас правильный парень... — Глеб хлопнул Дениса по плечу. — На твою сознательность надавить — технологии не нужны. Майор включил аппаратуру, только когда ты отказался стать осведомителем. А до этого момента работал по старинке. Теория и практика допроса, том третий...

— Вообще, — искренне сказал Денис, — он большой мастер.

— Там другие не работают.

— А на вид — моложе тебя.

Глеб фыркнул:

— Это только на вид. На самом деле у него наверняка был интерактивный спецгрим. Ты видел того, кого подсознательно меньше всего боялся. Молодого человека чуть старше себя, умного, доброго, обаятельного и все такое... А на самом деле ему, может, шестьдесят лет, у него рожа алкоголика и бородавки на шее...

Сидели на полу, спинами к стене. Студеникин берег аккумуляторы; жег свечи, поставил десяток их по углам комнаты. Окон не было. Контейнер стоял у противоположной стены, на боку, открытый, — можно было смотреть, как отсветы живых оранжевых огней играют на теле зародыша. Бугристая плоть не выглядела красивой, скорее наоборот: напоминала древнюю окаменелость,

некий трилобит или даже просто кусок грубо слипшейся протоплазмы, издохшей сто миллионов лет назад, в жестокие времена, когда жизнь была по-настоящему реальной, то есть, с точки зрения современного человека, — омерзительной; когда живая ткань еще не могла мыслить, создавать симфонии, теории относительности, живописные полотна и ракеты с разделяющимися боеголовками, а умела только пульсировать, жрать, отрыгивать, размножаться, умирать и гнить.

— А зачем, — спросил Денис, — он говорил, что семени стебля не существует?

Глеб звякнул горлышком бутылки о стакан.

— Хотел посмотреть на твою реакцию. И ты наверняка прокололся.

— Я не прокололся.

Глеб опять фыркнул:

— Это тебе так кажется. На самом деле в его кабинете могло быть аппаратуры всякой напихано, в стенах и в потолке. Датчики, сенсоры и прочая дребедень. Техника вычисляет любое вранье за секунду.

— Если я прокололся, почему мы с тобой сейчас здесь, а не у них? В камере? Или не в болоте валяемся, во Владимирской области? Как Хобот?

— Не знаю, — сказал Глеб. — Во-первых, я считаю, что пока нам просто очень везет. Во-вторых, они, может, вломятся сюда через минуту.

Денис помолчал, оглядел полутемную комнату и спросил:

— А вдруг зародыша на самом деле не существует? И никто не собирается платить за него миллионы?

Студеникин указал пальцем на контейнер:

— А это что?

— А это не зародыш. А что-то другое.

— Тогда подойди и возьми его в руки. Хотя бы на пять минут. Если выдержишь... А потом сам скажешь, что это такое.

— Да, — согласился Денис. — Ты прав. Мы с тобой можем не сомневаться.

Глеб поставил бутылку на пол и встал. С коротким кряхтением. Это было вполне юмористическое, молодецкое кряхтение, и встал он вполне упруго, и прошелся по комнате вполне пружинисто, но Денис опять подумал, что старший товарищ очень сдал за последние месяцы. Постарел и осунулся. У него дрожат пальцы, у него блестят глаза, он стал многословен, и его часто трудно понять: он начинает всякую фразу клоунским тоном, с глумливой ухмылкой, а заканчивает хрипло, на трагическом надрыве.

Сейчас он даже раздражал Дениса. Мудрый и опытный друг, полгода назад терпеливо обучавший новичка премудростям незаконной доставки товаров на сотые этажи полумертвых башен, ныне высокомерно улыбался, то и дело скреб грязными ногтями небритые щеки и вообще вел себя, как пастух, невзначай пропивший стадо.

— Одна деталь, — сказал Глеб, останавливаясь перед ним и засовывая руки в карманы. — «Мы с тобой» — это неверное высказывание. «Нас с тобой» не существует. То есть ты понял, да? Во-первых, есть Глеб Студеникин, плохой человек, разложенец и преступник, нашедший какой-то предмет, предположительно — семя стебля. Во-вторых, есть его знакомый Денис Герц. — Глеб поднял не слишком чистый указательный палец. — Даже больше скажем: случайный знакомый... Правильный честный парень, студент, активист слома. Строитель новой жизни. Как только честный парень Денис узнал о семени стебля, он решил обратиться в патруль, но преступник Студеникин обманом и угрозами заставил Дениса молчать. Эти два человека — очень разные, между ними нет ничего общего. Студеникин — антиобщественный элемент, он даже школу не окончил. Родители погибли, с двенадцати лет — беспризорник... Он на пять лет старше Дениса Гер-

ца, он принадлежит к другому поколению, он запутал юношу... Обещал, что сам сдаст находку в патруль или в управу...

Денис рассмеялся.

— Я говорю серьезно, — сказал Глеб. — Отвечать — мне. А ты — ни при чем. Понял?

— Нет, — весело ответил Денис. — При всем желании я не смогу изобразить наивного мальчика. Таланта не хватит. И потом, разве мы с тобой — не одно поколение?

— А по-твоему — одно? — спросил Глеб.

— Конечно.

Студеникин посмотрел гордо, с превосходством.

— Нет, пацан. Мы с тобой — не одно поколение. И никогда не будем одно поколение. Ты родился в первый год искоренения, а мне тогда было уже пять с половиной. На второй год тебе было два, а мне — семь. Второй год был самый страшный. И я хорошо понимал, что происходит. Ты был детеныш неразумный, а я — мальчишка. У меня все вот так, — Глеб поднес к лицу ладонь, — перед глазами стоит. Мы жили на шестьдесят третьем. Школа была на шестьдесят восьмом. Пентхаусы и девяностые уровни к тому времени уже сожгли, и все кое-как улеглось... Военное положение, передвижные кухни... Все почему-то решили, что жизнь налаживается. Помню, отец говорил матери: не волнуйся, все уже кончилось, и вообще — травы больше нет, во всех окнах — солнце, это же счастье... А потом, — Глеб неприятно ухмыльнулся, — из кранов перестала течь вода. Не сразу, конечно. Сначала горячую отключили, а холодную стали давать по графику. Час утром — час вечером. Потом напор уменьшился, утром мы едва успевали набрать ведро, для питья. Это не очень мешало, потому что отец каждый день ездил вниз и покупал воду или заказывал по три-четыре фляги с доставкой... Но однажды лифты обесточили. И доставка прекратилась. Из тридцати лифтов в нашем доме работал только

один, для скорой помощи... Мы перестали бывать внизу, ходили только в ближайший супермаркет, уровнем ниже, но в ноябре свет на наших этажах отключили, и супермаркет закрылся. Потом настала зима, а отопление не заработало. То есть ты понял, да? Каждый день трогаешь радиатор, надеешься — а он ледяной, как могила... Люди стали уходить вниз. С восьмидесятых, потом с семидесятых, сначала понемногу, потом повалили толпами...

Студеникин рассказывал, глядя в пол, руки то засовывал в карманы, то складывал на груди. Нервно дергал плечом.

— Как только грибница подохла — резко изменился климат, воздух стал сухой... Дикие ветра, форточку не открыть... Помню, мать с отцом что-то говорили про континентальный температурный режим... Потом ударило минус двадцать пять, и люди побежали. Школа переехала вниз, на девятый, — но матушка уже не пускала меня в школу. Я тогда много болел, и она решила, что проходить два раза в день по пятьдесят этажей — это не для меня. Отец соорудил буржуйку, решили зимовать, а весной, если станет невмоготу, уходить к родственникам, в соседнюю башню, на четырнадцатый уровень. Там были свет и тепло. Мы бы и раньше ушли, но те родственники быстро сообразили что к чему и сдали беженцам пять из семи своих комнат... В общем, беженцы шли мимо нас всю зиму. Вниз беженцы, наверх — мародеры. Опять начались взрывы, поджоги, облавы... Помню хулиганскую песенку: «Запирайте етажи, скоро будут грабежи». На семидесятых стало пусто. Ночью просыпаешься — где-то стреляют. То одна банда с другой бандой схлестнется, то десантники с вертолетов в окна прыгают и зачищают... Целая война. Потом народ побежал и с наших, шестидесятых. Тогда же появились шустрые пацаны, которые за деньги таскали воду и дрова. Стучались в двери: «Здрасьте, балабас не нужен?» Отец был небедный, хорошо пла-

тил, и мы всю зиму просидели возле железной печки. Однажды в январе, днем, собрались все трое, матушка вязала, я книжку читал... Учебник... Как сейчас помню, новый предмет, «Историю укрепления российской государственности», его ввели после отмены «Теории абсолютного процветания»... Ты ведь не учил «Теорию абсолютного процветания»?

— Нет, конечно, — сказал Денис.

Студеникин опять отечески улыбнулся.

— А я — два года. Мы называли его «Абсопроц». Так что не говори, что мы с тобой — одно поколение.

— Интересная наука?

— Да, — сразу ответил Глеб. — Интересная и простая. По-моему, зря ее запретили. Кстати, не просто запретили, а изъяли все учебники. Можно было прийти на специальный пункт, сдать учебник и получить деньги. Либо продукты. Жратвы было мало, и сейчас такой учебник — редкость... В общем, сижу, читаю про укрепление государственности, задумался, поднял глаза, посмотрел в окно — и вижу: человек пролетел. Сверху вниз. Пальто развевается, типа как плащ у Бэтмена... Я его лицо запомнил. Это был какой-то миг, четверть секунды — но запомнил. Мертвое, белое, глаза навыкате, рот оскаленный... Говорят, самоубийца умирает еще в полете, до удара о землю. От разрыва сердца. Он пролетел быстро, и его только я увидел, мать с отцом не заметили. Матушка смотрит на меня, а я пальцем за окно показываю и пытаюсь что-то сказать, но не могу. Шок. Потом пришел в себя, рассказал, а мама улыбается: забудь, тебе показалось... А мне — семь лет! Я все понимаю! То есть ты понял, да? Понимаю, что мама — обманывает! Говорят, что в ту зиму, вторую зиму искоренения, прыгнуло пятьдесят тысяч человек. Одни от холода, другие от тоски. Синдром Смирнова. Неспособность жить без мякоти стебля. А кое-кто не сам прыгнул — помогли... В феврале они часто мимо нас

пролетали... И постоянный рев: полицейские вертолеты, военные вертолеты, пожарные вертолеты... Прожектора по окнам... А в начале марта объявили официальное распоряжение: всем идти вниз. Расселяться с пятого уровня по десятый, максимум — двенадцатый. Все остальное отключается от коммунальных сетей. Каждый, кто находится выше тридцатого этажа, приравнивается к мародеру и расстреливается на месте. Все, имеющие квартиры с пятого по десятый, уплотняются, по принципу «два человека — одна комната». Мать с отцом собрали барахло, и мы ушли.

— К родственникам?

— Нет, — ответил Глеб, криво улыбаясь. — У них случилась беда, конфликт с жильцами, все передрались меж собой, кто-то кого-то ножом пырнул, — зачем нам такие родственники?.. Отец сунул сколько надо, в комитете по переселению, и нам дали три комнаты на пятом уровне, с тремя соседями. Тепло, мусоропровод, рядом продуктовая лавка — приличное место, в общем. Сейчас на пятом живут только самые богатые, а тогда был бардак, народ заселяли куда попало. В апреле переехали, и я в первый раз за много месяцев вышел на живую землю. Ощущение, я тебе скажу, очень странное: наверное, так матросы с корабля сходят, после кругосветного плавания... А в мае решил проведать старую квартиру. Взял верного другана Хоботова, нашли проход наверх... — Глеб закрыл глаза, покачал головой: — Я хотел забрать какие-то книжки, диски... То, что не успел взять, когда переезжали. Шли, шли, вспотели, устали, но дошли. Я, кстати, больше устал, чем Хоботов, в нем всегда две жилы было... Смотрю — дверь взломана, в квартире все вверх дном. Стекла выбиты, ветер дикий, вонь, лужи... Оказывается, половина мародеров были не просто мародеры... Люди ходили наверх не грабить, а громить. Бить, жечь... Их ловили, расстреливали, а они все равно ходили. Рисковали

жизнью только для того, чтобы топтать и ломать, понимаешь? Это тоже синдром. Посттравматический вандализм... Смысл в том, что, если человека поместить в абсолютный комфорт, а потом лишить этого комфорта, человек начинает все ненавидеть и разрушать. Так не у всех бывает, но у многих. Живет, пользуется, жрет, пьет, потом жратва вдруг кончается — и он хватает дубину. Разрушает систему, которая кормила его и поила...

Глеб пересек комнату, подошел к контейнеру, наклонился, всмотрелся в зародыш. Потом принес из угла большую свечу, поставил перед ящиком, словно перед алтарем, отступил на шаг назад. Заговорил громче, злее.

— Я ходил по дому, плакал... Нашел в грязи какие-то мелочи, фотографии... Мать с отцом летали в свадебное путешествие на Луну, привезли сувенир, лунный камень, в красивом футлярчике, он у них в гостиной стоял... Я отыскал этот футлярчик, он был раздавлен, но сам камешек сохранился, и я его домой принес и матушке отдал. Вот, говорю, мама, это ваш с папой камешек... А она заплакала, истерику устроила. Зачем наверх пошел? А я ей сказал — там мой дом и я туда буду ходить, когда захочу, а если увижу там чужого человека — убью. Потом еще раз пошел. Потом стал каждую неделю ходить. И Хоботов со мной. Пацаны были совсем, ничего не понимали, запросто ведь могли погибнуть... Но — ходили. И не зря ходили.

Студеникин отодвинулся еще на шаг назад и присел, загородив контейнер с семенем; Денис мог видеть только черную фигуру друга, освещенную по контуру лимонно-багровым, и на полу — длинную тень от нее.

— ...Во-первых, мы сразу поняли, что вниз ушли не все. Что кое-кто до сих пор живет и на пятидесятых, и на семидесятых, и на сотых. Были такие, кто жил на седьмом, а перебрался на восемьдесят седьмой. Во-вторых, пре-

ступный мир оказался в полном порядке. До искоренения все базы и тайные конторы были у них именно внизу, в плесени и темноте, с первого по пятый. Там, куда милиция не совалась просто из брезгливости. А как заварилась каша — они быстро все поняли и тихо перебрались наверх, подальше от шума, на семидесятые. Когда отец умер, мать пошла на ткацкую фабрику, штаны шить, а мы с Хоботом сделали свою первую доставку. До конца жизни не забуду: башня «Маршал Жуков», семьдесят второй этаж, груз был — аккумуляторы, водка, шоколад, чай и десять колод игральных карт. Покерных... Бабло получили, тут же купили на черном рынке две гранаты. Тогда еще не ввели литиевый паритет, червонцев не было, только простые рубли, и бешеная инфляция: осколочная граната стоила четыре миллиона. На второй доставке нас хотели обдурить: балабас приняли, но не заплатили. Это у них обычный маневр: на первой доставке заплатят, а на второй, которая серьезнее первой, — обдуривают. Валите вниз, сказали, иначе обоих в окно швырнем. Хоботу, как и мне, было двенадцать, а выглядел — дай бог на десять, такой шпаненок, метр с кепкой... И вот он гранату достает и говорит: тогда я сначала вот это швырну... В общем, не получилось у них нас обдурить. За все годы ни разу ни у кого не получилось обдурить Глеба Студеникина.

— Но Хобота обдурили, — тихо заметил Денис.

Глеб встал, повернулся.

— Не обдурили, а убили, — сказал он. — Это большая разница. А сейчас, когда у Глеба Студеникина есть вот это, — он показал на контейнер, — его тем более никто не обдурит. Глеб Студеникин захочет — и весь мир пустит под откос. Или наоборот: новый Золотой век учредит. Хочешь учредить новый Золотой век?

— Нет, — ответил Денис.

— Почему?

— Не мне его учреждать. И не тебе, кстати.

Черный силуэт увеличился в размерах, тень от него прогулялась по полу, как секундная стрелка.

— А кому, если не мне? — со злой обидой спросил Глеб. — Семечко — у меня! Значит, я самый главный человек в этой части света. А может, на всей земле. Давай плеснем воды. Накормим народы первоклассной мякотью. Изумрудной. Объявим эпоху радости.

— Эпоху халявы, — произнес Денис.

— Брось, — возразил Студеникин. — Кто любит халяву, тот ее везде найдет. Кто хочет мутировать — тот мутирует. А внутренне здоровые люди — такие, как ты, — уцелеют. Ты как работал с детства, так и будешь работать. Конечно, опять появятся конченые травоеды, концентрат, зеленые детишки, расчеловечивание — но кто будет жрать концентрат? Кто будет рожать зеленых гомо флорусов? Вырожденцы, уроды, золотая молодежь! Кому положено сгинуть — тот сгинет. Кому положено превратиться в мыслящую капусту — тот превратится. А достойные, правильные — выживут! Мутируют — тысячи, а насытятся — миллионы. Давай, неси воду. Сделаем дело. Завтра твой знакомый майор разведки проснется и будет очень удивлен.

Денис не пошевелился.

— Чего ждешь? — развязно воскликнул Глеб. — Доставай семечко! Нальем воды. Или лучше — бурбона, для юмора...

Он взял с пола бутылку, в три глотка выпил едва не половину. Рассмеялся.

— Глеб, — сказал Денис. — Ты серьезно?

— Нет, шучу! — прорычал Студеникин. — Конечно, это шутка. Все великие дела делаются шутя. Сидел человек, пил бурбон, решил пошутить, а назавтра выросли стебли до неба. Доставай его.

Денис встал.

— Не надо, Глеб, — сказал он, чуть откидываясь назад, упираясь лопатками в стену, чтоб оттолкнуться и прыгнуть.

Студеникин покачивался перед ним, черный, веселый, пьяный, руки сложены на груди; смотрел прямо в глаза.

— Вот, пацан, — прохрипел он. — Это и есть разница между нами. Между твоим поколением и моим поколением. Вот именно сейчас ты должен ее уловить. Улавливаешь?

— С трудом.

— Это просто, друг. Ты боишься взорвать мир — а я не боюсь. Потому что ты не видел, как он взрывается, а я — видел. У нас с тобой разные представления о его прочности. И знаешь что? Ничего с ним не будет, с этим миром. Взрывай хоть каждый день — все останется как было. Не лучше и не хуже.

Денис молчал, ждал. С тоской думал, что если Глеб решит полить семя водой — помешать ему будет трудно. Глеб сильнее. Он, Глеб, не просто более сильный — он гораздо более жестокий человек.

Может, Таня именно поэтому ушла к Глебу.

«Схватить бутылку, — подумал он. — Разбить об пол. Воткнуть в шею. Не успею, у Глеба мгновенная реакция. Да и не получится — говорят, тут навык нужен».

Да и не поднимется рука.

— Чего ждешь? — спросил он. — Давай, начинай, раз решил.

Студеникин улыбнулся.

— А ты будешь смотреть, да?

— Буду. Интересно же.

Несколько секунд оба молчали, глядя друг другу в глаза, потом лицо Глеба исказилось, он выдохнул, ссутулился и пробормотал:

— Закрой сундук. И пойдем отсюда к черту. Сидим тут, как маньяки, свечи жжем, с ума сходим. Пойдем. Я тебе кое-что покажу.

Денис перевел дух.

Когда он поворачивал контейнер в обычное положение, ему опять показалось, что семечко задышало, подалось к нему, и невидимая колючая волна ударила в лицо, в грудь, в плечи, ледяная и жаркая сразу; тысячи нездешних вкусов достигли языка, и тысячи запахов, одновременно гадких и восхитительных, проникли в ноздри, и миллионы мелодий, примитивных и гениальных, зазвучали в ушах, и даже какие-то слова вползли в сознание, умоляющий ласковый шепот, словно бы юная и порочная девочка позвала, суля и хихикая; он зажмурился, дрожащими руками нашарил крышку, опустил. Сглотнул горячую слюну.

Отыскал Студеникина в соседней комнате, возле огромного окна. За окном тяжело сверлил темное мартовское небо расцвеченный огнями аэробус.

— Смотри, — негромко сказал Глеб, выпячивая подбородок. — Видишь?

— Что?

— Самолет.

— Вижу.

— Завтра ты сядешь на него и полетишь в Новую Москву.

Денис сразу все понял и удивился: это была простая идея, и притом самая лучшая, почему она до сих пор не пришла ему в голову?

— Ты говорил, что там живет друг твоего отца и твоей матери. Какой-то известный писатель.

— Да, — сказал Денис. — Гарри Годунов.

— Он хороший человек?

— Да.

— Сколько ему лет?

— Семьдесят.

Глеб кивнул. Кашлянул, шмыгнул носом, моргнул заслезившимися глазами — словно все физиологические

жидкости, производимые в его теле выше шеи, вдруг обильно выделились, чтоб облегчить произнесение слов.

— Ты расскажешь ему все. Мол, так и так, есть один мудила грешный, он нашел семя стебля и не знает, что с ним делать. Никому не верит, всего боится, хочет отдать находку надежным людям. Каким-нибудь... самым лучшим. Достойным. Скажешь, что не надо ни денег, ни даже благодарности — пусть приедут реальные ребята и заберут эту дрянь, от греха. А потом увезут под Купол и делают с ней, что хотят. Или не под Купол; главное — подальше. Чем дальше, тем лучше.

Денис загордился собою. Ощутил восторг, совершенно неприемлемый для взрослого двадцатилетнего мужчины. На несколько мгновений забыл даже про семя стебля. Завтра он вылетает в Новую Москву. И не туристом, а ради дела. Это круто. Мощно. Это вам не кувалдой махать, это серьезный масштаб. Жаль, рассказать некому.

Он никогда не летал на самолете. Никогда не был в Новой Москве. Он вообще нигде не был. Десяток школьных автобусных экскурсий — в Суздаль, в Нижний Новгород — не в счет. После школы он выезжал только на подмосковные фермы, подзаработать на уборке свеклы и моркови. А теперь ему предстоит путешествие под Купол, туда немногих впускают, и выпускают тоже.

— Да, — сказал Денис. — Правильно. Конечно. Только... мне нужны деньги на билет.

— Я дам тебе денег, — вяло произнес Студеникин, глядя в сторону, и Денис пожалел, что завел разговор о деньгах; разумеется, он поедет на деньги Глеба, а на чьи еще; все заботы о зародыше лежат на плечах Глеба, все расходы несет Глеб, и если бы Глеб не мог себе позволить комфортабельно прятаться от людей, наедине с зародышем, он бы сам отнес находку в контору патруля. Это его игра, Глеба.

«Он прав, – грустно подумал Денис. – Я тут ни при чем. Рискует – он, платит – тоже он. И с ума сходит тоже он, а не я».

Упоительные картины авиаперелета в Новую Москву поблекли.

Почему-то мир устроен так, что в любой крупной игре нельзя обойтись без некоторой суммы наличных; бывает, хочешь сыграть крупно, по максимуму, приходишь, пытаешься ввязаться в игру, гордо кричишь: «Ставлю здоровье, судьбу, жизнь ставлю!» – а тебе говорят: извини, парень, жизнь – оно конечно, а деньги у тебя есть?

Семя само угадало Глеба Студеникина. Семя не выбрало бедного честного парня Дениса Герца. Семя выбрало того, кому оно по карману.

– Я дам тебе денег, – повторил Глеб. – На билет и на расходы. И еще – для Татьяны. Скажешь ей, что я заболел, задолжал, в розыск объявлен... Что-нибудь такое.

– Позвони и сам скажи.

– Не хочу, – презрительно произнес Студеникин. – И ты с ней не возись. Забудь. Она пропащая баба. Это я ее погубил. Испортил. Кстати, деньгами и погубил. Комфортом, дорогими подарками... Разговорами о том, что она особенная. Самая крутая.

– Я пытаюсь, – произнес Денис.

– Что?

– Забыть. Но я не могу.

Часть третья

1

Говорили, что приехать в Новую Москву — это как первый секс.

Или как в первый раз сыграть в футбол над обрывом в триста метров.

Говорили, что под Куполом дома и тротуары имеют цвет человеческой кожи и на ощупь — словно тело младенца. Та же температура, гладкость и упругость.

Говорили, что каждому туристу вживляют микрочип, прямо в аэропорту. Не согласишься — не пустят.

Все, что говорили, оказалось правдой.

Сначала был пропускной пункт. В толпе прибывших его называли таможней, но только в шутку. Какая может быть таможня, если страна одна и та же? И вне Купола, и под ним? Здесь Сибирь, Азия, там Европа. Здесь Новая Москва, там — старая. А страна — одна и та же. Это понимает не всякий и не сразу. Но кто это понимает — тот понимает все. Кто это понимает, тот понимает главный принцип российского жизнеустройства. Здесь — сухо, чисто, светло и пахнет сладкими духами, там — грязно, потемки и вши по спинам бегают. А страна — одна и та же.

После прыжка в стратосферу Денис был немного вялый и плохо реагировал на происходящее. Бывалые авиапутешественники — в основном бизнесмены разных степеней разложения — советовали ему дышать носом и да-

же поддерживали под локоть. В конце концов Денис разозлился на себя. Хорош молотобоец: на голову выше всех, а сам бледный, потный и шатается. Стыдно. В итоге вошел в кабинет досмотра деревянной походкой, стискивая зубы и кулаки.

Чиновник в жемчужно-сером мундире — темные очки, холеные руки — проверил документы.

— Вам нужно дать согласие на имплантацию справки о правилах поведения. Даете согласие?

— Даю, — сказал Денис. — Где расписаться?

— Нигде, — усмехнулся серый, не потрудившись скрыть презрения к неотесанному провинциалу. — Просто кивните и подумайте о том, что даете согласие. Сенсоры все запишут. Если не умеете думать или у вас болит голова — произнесите вслух.

— Я умею думать.

Чиновник невозмутимо кивнул и скосил глаза на ремень Дениса.

— Отлично. Кроме обязательной справки мы можем за небольшую плату имплантировать туристический пакет. Он включает семь экскурсионных программ и одиннадцать...

— Спасибо, не надо.

— Как угодно. Прошу заметить, что в первые минуты после имплантации возможны неприятные ощущения. Можете присесть в кресло. Дверь в туалет — рядом.

— У меня нет проблем со здоровьем, — сурово признался Денис, но тут процесс имплантации пошел, и гостя столицы едва не вывернуло здесь же, прямо на жемчужно-серый мундир. Пришлось опереться о стену, и стена — действительно телесного цвета — оказалась упругой и теплой. Чиновник отступил на шаг назад, однако молотобоец был крепкий парень и покинул кабинет не опозорившись — тем же резким шагом, забросив за спину рюкзак с вещичками.

Спустя несколько мгновений он уже все знал. Справка о правилах поведения оказалась исчерпывающей. Правда, из-за небольшого системного сбоя файл закачался не целиком — последние разделы Денис не понял, но принцип работы активного информационного поля был изложен уже в первой главе. Разумеется, процесс имплантации не может не сопровождаться приступом рвоты. В голову человека вкладывается некий объем знаний, и организм протестует, исторгая содержимое желудка; одно входит, другое выходит, все уравновешено; в редких случаях возможны проблемы с кишечником и даже непроизвольная дефекация.

Некоторое время Денис озабоченно размышлял о непроизвольной дефекации — еще не хватало. Но постепенно обещанные чиновником неприятные ощущения исчезли, зато появились приятные: едва вышел из коридора в зал прибытия, как ему улыбнулась маленькая изящная девушка в ярко-красном; чтобы отвести взгляд, гостю столицы пришлось опять напрячь свою железную волю. Еще минуту назад Денис не подозревал, что такие яркие нежные девушки вообще существуют в природе.

Не только девушка — буквально все тут выглядели ошеломительно.

Никаких самовязаных свитеров, самокатаных валенок и самодельных волчьих шубеек, никаких штанов хаки, телогреек, лаптей, унтов, резиновых сапог и ботинок типа «колхозник», фуфаек из грубого льна и даже дорогостоящих контрабандных китайских пуховиков — одежды столичных жителей были тонкие, необычные, элегантные и весьма на вид удобные. Сами граждане явно были достойны своих мерцающих комбинезонов, тонких рубах и легких туфель. Спокойные открытые лица, скупые жесты, негромкие мелодичные голоса. Почти все — в черных очках.

Он вышел на площадь, вдохнул — воздух был хорош — и огляделся.

Купол, разумеется, не был виден.

Над чередой аккуратных трехэтажных домиков реяли в воздухе полупрозрачные буквы, исполненные монументальным шрифтом:

ВЖИВЛЯЙ И ЖИВИ.

Чуть в стороне и сбоку мерцал другой слоган, гораздо менее масштабный, но зато более веселый — слова меняли цвет и как бы флиртовали друг с другом:

ДА ЗДРАВСТВУЕТ БЕСКОРЫСТНАЯ
РОССИЙСКО-КИТАЙСКАЯ ДРУЖБА!

Тут гостя столицы потянули за рукав, он вздрогнул и увидел давешнюю миниатюрную красавицу в красном.

На груди ее неярко, но приятно светился значок: оранжевые буквы на фиолетовом фоне. БЕРОКО. Значок был красив, но грудь — еще лучше.

— Привет, Денис, — весело сказала красавица. — А я про тебя знаю.

— А я про тебя — нет, — ответил Денис.

— Хочешь — скачай. В смысле имплантируй. Прямо сейчас. В моем файле и фото есть, и видео, с запахами...

— Хочу. Только попозже. — Денис ощутил слабую головную боль. — Стой, погоди... Полина...

— Потерпи, — миролюбиво сказала Полина. — Я вживила тебе только имя.

— У вас тут со всеми так?

— Как?

— Ну... — Денис вздохнул и подумал, что выглядит глупо, ему не следует быть таким напряженным, а следует быть расслабленным и уверенным. — Идешь себе, нико-

го не трогаешь, подходит девушка, ты ее впервые видишь, а она — хоп — и вставляет тебе в голову свое имя... И еще — пару картинок... в рискованных нарядах...

Полина тряхнула волосами и рассмеялась:

— Не со всеми. И сама я не такая, как все. Я девушка прозрачная и бескорыстная. Просто ты мне понравился. Ты красивый. Только зря надел бамбуковый ремень.

— Почему «бамбуковый»? Кожаный.

Она погладила его по бицепсу.

— За что и люблю туристов. Они как девственники. Ничего не знают. Ладно, я потом тебе все вживлю. Или словами расскажу. Как захочешь. Ты, Денис, только в свой личный файл ничего пока не ставь. Кроме того, что есть. Имя, фамилия, откуда приехал, красная метка, зеленая метка — больше ничего не надо.

— Метки поставил не я.

Полина опять рассмеялась.

— Да знаю я. Зеленая метка — это возбуждает. А красная — тем более. Потом расскажешь, ладно?

— Ладно, — кивнул Денис. — А о чем?

— Кого ты убил.

— Я никого не убил. Это мой отец.

Полина, заметно разочарованная, кивнула:

— Знаешь, я прозрачная девушка, я тебе сразу скажу: у меня тоже была метка. Желтая. Почти два года. Но я очень старалась, и ее стерли.

— Желтая, — пробормотал Денис, застеснявшись. — Это значит...

— Да. Увлекалась. В старших классах. Но теперь все в прошлом.

— А почему ты сказала, что у меня бамбуковый ремень?

— Бамбуковый — значит, китайский. Сделанный в Китае. В нашем городе не любят бамбуковых вещей.

— А как же «российско-китайская дружба»?

Полина показала пальцем на свой значок:

– Это видишь?

– Вижу.

– Я член общества БЕРОКО. Бескорыстные российско-китайские отношения. Бескорыстные, понимаешь? Дружить дружим, но одеваемся в свое. Понял, турист?

– Понял, – вежливо ответил Денис. – А теперь – извини, Полина. Меня встречают.

Площадь перед вокзалом украшала скульптура: адмирал Колчак в полный рост. Возле скульптуры маячил очень высокий, очень худой седовласый человек в нелепом обвисшем пиджаке, с лицом старика и движениями мальчишки – он прохаживался взад-вперед, как прохаживаются люди скорее энергичные, нежели нервные, то сутулясь и опуская глаза в мгновенной задумчивости, то распрямляя спину и плечи и всматриваясь в толпу прибывших; и когда распрямлял – становилось заметно, что плечи весьма широки.

Людей на площади было густо, но седовласый курил сигарету, и вокруг имелось некое свободное пространство: прохожие обходили, сторонились, иные, пройдя мимо, даже оглядывались с недоумением.

Старик увидел Дениса и просиял. Отшвырнул окурок, торопливо подошел, обнял. Сила рук его была велика, от складок морщинистой шеи пахло хорошим одеколоном.

– Вы тут единственный курильщик, – сказал Денис.

– Хо! – Гарри Годунов рассмеялся. – Мне по фигу. У меня есть разрешение. Добрался нормально?

– Да.

– Пошли. Машина за углом. Как мать?

– Отлично.

– Не ври, – велел знаменитый писатель. – Я сегодня ей звонил, она выглядит неважно. Ты плохо заботишься о матери, пацанчик. За это получишь от старого дяди Гарри в лоб. Но позже.

Денис оглянулся — приятная девушка Полина смотрела на него и махала рукой. Пришлось тоже махнуть, из вежливости, и вообще.

— Пойдем, пойдем, — проворчал Годунов, сжимая плечо Дениса железными пальцами. — Она никуда не денется. Привыкай, тут бабы сами будут на тебя прыгать. Дикари из Европы — в большой моде. Особенно молодые и красивые. Только ремешок на штанах поменяй.

Знаменитый писатель открыл дверь крошечного двухместного электромобильчика; Денис подумал, что вдвоем они просто не поместятся в почти игрушечный экипаж, однако ошибся.

Годунов ловко вырулил на дорогу, но вдруг шепотом выругался и резко затормозил, как и два десятка соседних машин, поскольку по осевой линии со свистом промчалась кавалькада ярко-алых лимузинов.

— Видел? — усмехнувшись, спросил он.

— Нет, — сказал Денис. — Не успел. А что это было?

— Это, брат, проехал очень большой человек. Кстати, отца твоего старый знакомый. Директор-распорядитель Нулевого канала. Господин Пружинов Никита Никитович. Фильмы про Буслая смотришь?

— Бывает, смотрю.

— Это он их делает, — торжественно произнес Годунов. — И не только фильмы. Книги, сериалы, журналы. Трехмерные видеокомиксы. «Буслай и битва за независимость Аляски», «Буслай и волшебная золотая ксива», «Буслай и великий бамбуковый поход»... — Писатель поднял узловатый палец. — И справку о правилах поведения в столице нашей родины имплантировали в твою башку с его сервера. Это он, господин Пружинов, решает, какую мысль вставить тебе в голову, а какую — нет. Но не будем о нем. Я его уважаю, — Годунов цыкнул зубом, открыл окно и сплюнул. — Очень.

Он вдруг коротко простонал и выкрикнул:

— Да идите вы на хуй!

Повернулся к Денису.

— Извини, пацанчик. Мне только что напомнили, что плевать на проезжую часть нельзя. Триста червонцев штрафа.

Дорога плавно нырнула в тоннель, на стенах его Денис успел заметить плохо закрашенное граффити: «Петросяна — в Мавзолей».

Машинки в соседних рядах катились небыстро, все — на одной скорости, дорога освещалась неярко, но приятно, и предупредительные огни загорались тоже неярко, но приятно, и когда Годунов вырулил наконец на поверхность, на бульвар, засаженный кленами и соснами, — все показалось Денису неярким и приятным. Тротуары цвета топленых сливок, стены цвета кофе с молоком — дамский, кондитерский уют, бери ложечкой и кушай.

— Смешно, — сказал Денис. — Все такое... игрушечное. Узкие дорожки, маленькие домики.

— Хо! — усмехнулся Годунов, вращая миниатюрный руль. — Ясный палец, смешно. У вас там башни до неба, а тут не строят дома выше трех этажей. Чтоб у граждан не возникало болезненных ассоциаций с прошлым. По той же причине нигде не используют зеленого цвета. В Пип-Сити любят телесный цвет. И еще — красный. Надеюсь, ты понимаешь почему.

— Нет, — честно признался гость новой столицы.

— Потому что красный и зеленый — это цвета-оппоненты. Как желтый и синий, оранжевый и фиолетовый. Ничего зеленого, ни в коем случае. У меня вот в личном файле — зеленая метка, потому что я когда-то употреблял мякоть стебля, и еще серая метка, потому что меня судили за употребление мякоти стебля и дали срок. Так что меня не везде пускают... И тебя, кстати, не везде пустят.

— Знаю, — сказал Денис. — Мне загрузили справку. Я сын родителей, употреблявших мякоть стебля, а зна-

чит — сам склонен к употреблению. Это зеленая метка. Мой отец убил человека, а значит, я тоже склонен к насилию. Генетически. Это красная метка. Мне нельзя приближаться к детским садам, школам и административным зданиям ближе чем на сто метров. Мое имя, фамилия, род занятий, место рождения и особые метки находятся в общедоступном файле, файл является собственностью Нулевого канала и свободно пребывает в активном информационном поле. Любой гражданин в любой момент времени в любой точке города может загрузить себе мой файл и выяснить...

— Хватит! — с отвращением воскликнул Годунов. — Я все это и без тебя знаю. Только это полная херня. Активное информационное поле — это как масло масленое. Или мокрая вода. Информация всегда активна. Или даже агрессивна.

— Здесь — может быть, — сказал Денис. — А у нас в Европе с этим порядок. Даже реклама запрещена. Кстати, та девочка, в красном... Она почему-то сказала, чтоб я в свой файл ничего не ставил...

Годунов кивнул.

— Правильно сказала. А что ты туда поставишь? Какую информацию? Сведения о том, что тебя возбуждают исключительно рыжие толстые бабы? Или свой портрет на фоне личного вертолета, причем вертолет — подрисован? Не трогай свой файл, пацанчик. Чем меньше туда напихаешь всякой всячины — тем тебе будет проще... — Годунов помедлил. — И еще одно. Тут не говорят «загрузить». Никому никогда так не говори — могут обидеться. И даже дать по морде. Хотя... — старик с удовольствием оглядел фигуру Дениса, — тебе дать по морде проблематично. Но все равно, говори только «имплантировать». Или лучше — «вживить». Культурные люди говорят «вживить». Например, ты хочешь сказать: «Пошел на хуй!» — Годунов проделал выразительный жест. — Но

вместо этого говоришь: «Вживите себе немного стыда, уважаемый». Так ведут себя в Пип-Сити воспитанные люди. А «загрузить» — это оскорбление. Загружают в компьютер, который мертвый и железный. А в человека — «вживляют».

Денис воспитанно кивнул:

— Понял. А вы... это все серьезно?

Годунов улыбнулся и хлопнул гостя по плечу:

— Нет, конечно. Шучу я, сынок. Хочешь послать кого-то на хуй — посылай смело. «Вживлять», «имплантировать» — я сам в этом путаюсь. Проще и надежнее на хуй послать.

— Согласен, — сказал Денис, гордый тем, что взрослый человек, сам Гарри Годунов, разговаривает с ним как с равным и даже учит посылать на хуй.

— А почему «Пип-Сити»? — спросил Денис.

— Потому что это прозрачный город, — объяснил Годунов. — Власть прозрачна. Бизнес тоже прозрачен. Мы тут живем прозрачной жизнью, пацанчик. Нет ни секретов, ни тайн. Активное информационное поле — это когда каждый знает все про каждого... Вот и мой домик. Приехали. Ты как насчет выпить?

— Нормально.

— Тогда сразу двигай на кухню и наливай. Себе и мне. После стратосферы выпить — это первое дело. Сразу полегчает. На бардак не обращай внимания.

Беспорядок в доме писателя Годунова был тотален; не обратить на него внимания — значило упустить что-то очень важное. Постепенно Денис пришел в восторг. Особенно понравились грязные носки, служившие закладками в книгах. Об экран телевизора неоднократно тушили сигареты и даже, вероятно, сигары. Зеркало в ванной комнате украшала надпись, исполненная губной помадой, печатными буквами, по-женски четко и округло: «Годунов, ты сволочь!» В спальне пахло, как в конюшне,

на кухне — как в библиотеке. Денис без труда отыскал алкоголь и с трудом — чистые стаканы, но в одиночку пить не стал. Заглянул в кабинет: на стене висела огромная катана, а под ногами хрустели огрызки карандашей. Зато здесь был прозрачный потолок и живые цветы в вазах, целых три огромных вазы, три букета роз. На огромном столе лежала большая фотография: портрет молодого мужчины, круглое, сытое лицо, полные розовые губы, пот на лбу, в глазах — страх и вызов.

— Эй, — позвал Годунов. — Ты налил или нет?

— Налил, — ответил Денис. — А кто вам дарит цветы?

— Сам себе дарю. Я злой дядя, а цветы делают меня добрым.

— Понимаю, — сказал Денис. — А что за рожа на столе?

— Понравилась?

— Да.

— Мой новый герой, — объяснил Годунов, звеня посудой на кухне. — Некто Геннадий Суховлагин. Сейчас его судят. Шумный процесс, большой резонанс и прочее. А старый дядя Гарри подписался настрочить беллетризованную биографию злодея. Халтурка, короче говоря.

— А что натворил злодей?

— Государственное преступление. Крайней опасности. Посягнул на самое святое. На первую статью Конституции. На принцип прозрачности жизни гражданина.

Денис вернулся на кухню, и они выпили. Хорошо выпили — стоя, без закуски, приязненно глядя друг на друга.

— Спать будешь там, — старый дядя Гарри показал куда-то себе за спину. — Только надо купить новые простыни. Жрать в доме нечего, но тут недалеко есть приличная забегаловка. На вот тебе денег...

— У меня есть, — сказал Денис.

— Возьми-возьми. Тебе еще надо шмотки купить, тут в таких свитерах не ходят.

— Вообще, я по делу приехал, — сказал Денис, но тут Годунов метнул предупреждающий взгляд — как будто факелом взмахнул — и почесал переносицу указательным пальцем, а затем, мгновенно сдвинув палец вниз, приложил к губам. Денис понял и кивнул.

— И что? — спросил он. — Накажут его? Этого вашего злодея?

— А как же.

— И наказание — естественно, высылка?

— Хо! — воскликнул Годунов, сгребая со стульев и швыряя в мусоропровод пластиковые тарелки. — Не угадал. Из Новой Москвы никого не высылают. Как ты вышлешь человека, если в него деньги вложены? Его растили, его учили. На него рассчитывали. Его защищали от морозов. Ему сделали дороги, чтоб он по ним ездил. Наконец, в него имплантировали информацию, а информация — это, друг мой, самое дорогое. Купол над твоей головой стоит триллион юаней, но даже он — чепуха по сравнению с суммой информации, вложенной в голову каждого местного жителя. И что теперь — взять такого парня и просто отправить на все четыре стороны? Ты, Денис, плохо думаешь о властях Пип-Сити. Тут все продумано. Тут все очень строго. Тут, если ты провинился, тебе все посчитают, до копеечки. Ты на каком языке думаешь?

— На русском.

— И говоришь тоже на русском?

— Конечно.

Старый дядя Гарри развел руками:

— Тогда плати. Государству. За сбережение языка. За Тредиаковского, за Державина и Пушкина Александра Сергеевича. Они этот язык создали, а ты на халяву пользуешься. Или живи как все, по закону, и пользуйся продуктом Александра Сергеевича бесплатно — или, если не уважаешь законы, верни деньгами. Кутузов победил На-

полеона — верни должок. Рокоссовский взял Берлин — ты торчишь денег стране, родившей Рокоссовского. Гагарин в космос полетел — вся страна радовалась. Что это значит?

Денис пожал плечами.

— Это значит, — строго сказал Годунов, — что на радостях твой прапрадедушка заделал твоей прапрабабушке ребеночка! А потом, через три поколения, и ты появился на свет. Плати за Гагарина! И за Королева, который его ракету построил! Хочешь уйти из города — верни должок и отваливай ко всем чертям.

— Круто придумано, — искренне сказал Денис.

— А ты думал? Преступнику Суховлагину предъявят счет на несколько миллионов червонцев — пусть башляет. Отберут имущество, оставят пару штанов и рукавички рабочие, переселят с респектабельной улицы Трахтенберга куда-нибудь на окраину, под стенку. Потом имплантируют стыд, сожаление и муки совести. Большую дозу. Мужик будет месяц плакать и рвать на себе волосы, а потом — в ассенизаторы, пожизненно. Не отдаст — дети отдадут, внуки. Насчитают штрафные санкции, сделают поправку на инфляцию, и вперед... Весь род Суховлагиных будет ассенизировать, до пятого колена, и проклинать своего предка... Это Новая Москва, пацанчик. Самый серьезный город на всем белом свете.

— И что он сделал, этот Суховлагин?

Годунов осмотрелся. Кухня все еще не походила на место, где готовят пищу, но уже не походила на нечто среднее между читальным залом и свинарником.

— Продавал секретную информацию. Расписание регламентных работ сервера Министерства внутренних дел.

— А что такое...

— Это тебе знать не надо, сынок. Тебе надо знать, что слово «регламент» является в Новой Москве ругательным, ты его не употребляй, а если при тебе произнесут

это слово — разворачивайся и молча уходи. Или можешь в лоб дать.

— Лучше в лоб, — ответил Денис. — Только... Мне не все понятно. Как можно имплантировать стыд и муки совести?

Годунов посмотрел внимательно, пожевал бледными губами.

— Сам поймешь, — сказал он. — Присаживайся. Чаю попьем. Правда, его еще найти надо...

— Насчет халтурки ясно, — произнес Денис, набравшись смелости. — А вообще, что пишете?

Годунов недоуменно пошевелил бровями:

— В смысле?

— Ну... — Денис изыскал дополнительную смелость, — настоящую новую книгу — пишете?

Старый дядя Гарри печально ухмыльнулся:

— Не задавай глупых вопросов. Откуда мне знать? Вчера не писал, сегодня тоже не буду, а завтра оно ударит в голову — и напишется. Или не напишется. Или напишется, но не то. Сначала придумать надо. Ну, то есть... Сначала надо решить, чем думать. Потом придумать. А уж потом — написать. А бывает — пишешь, не думая, потом перечитаешь, — Годунов сделал страшные глаза, — и говоришь: ничего себе! Такую мощную штуку захочешь — не придумаешь!

— Я не понял, — сказал Денис, — а что значит «решить, чем думать»?

Годунов улыбнулся.

— Это значит, — сказал он, — что ты, например, сейчас ничем не думаешь. Если бы думал хотя бы головой, то обратил бы внимание, что минуту назад старый дядя Гарри посоветовал тебе не задавать глупых вопросов.

Денис кивнул и поспешно изобразил уважительное послушание: вскочил с табурета, вытянул руки по швам и плотно сжал губы. Годунов помолчал, улыбнулся.

— Думать можно чем угодно. Обычно люди думают головой. Но лучше не думать головой — это тухлое дело. Головной мозг — дурацкий инструмент. Как гитара: у всех есть и все типа играть умеют. Бренчат кое-как на три аккорда и довольны... Понимаешь?

— С трудом.

— Ну, поймешь со временем. Лучше всего думать сердцем. Или спинным мозгом. Но это трудно. Я тебя научу. Молодежь вроде тебя часто думает... сам знаешь чем. Старики думают теми органами, которые у них болят. Очень многие думают желудком или, допустим, задницей. Военные люди, например, глазами думают. Посмотри на портрет любого генерала — там такие глаза, огнем горят... А самые крутые ребята думают любой частью тела. По желанию. Сидишь себе и думаешь мизинцем на левой ноге — очень удобно. И мизинцу польза, и голова отдыхает... Чего ты улыбаешься?

— Вы так со мной говорите, как будто мне пятнадцать лет.

— А сколько тебе?

— Двадцать.

— Хо! — улыбнулся Годунов. — Эх, пацанчик. Мне — семьдесят. Для меня что пятнадцать, что двадцать, что пятьдесят — никакой разницы. Я для тебя динозавр, а ты для меня — дите малое. Только не обижайся.

Денис улыбнулся на все свои солидные двадцать лет и ответил:

— Не волнуйтесь. Я не обидчивый.

— Это хорошо. Это ты в мать, наверное. А вот отец твой был обидчивый парень.

Денис вдруг с изумлением увидел, как высокий седовласый человек торопливо вытер большим пальцем глаза — сначала один, потом другой.

— Гарри, — сказал Денис, — а почему вы один?

Годунов замер с чашками в руках:

— В каком смысле? А, понял. Слушай, я всегда один. Если ты про женщин — у меня их было несколько. Хорошие женщины, но они... В общем, они как-то сами появляются, а потом исчезают, тоже... как-то сами... Одну я даже любил. Или двух. Не помню. Одну — точно любил. И сейчас, наверное, люблю. Давно, много лет. Но у нее своя жизнь. Муж, сыновья, хороший дом, хорошая работа. Зачем я ей? Я пьяница, у меня судимость. Вдобавок книжки сочиняю, а это еще хуже судимости. Со мной ей будет плохо.

— Моя мать говорит, что за любовь надо биться.

— Правильно говорит. Надо. Только за чью?

— За свою.

Годунов ссутулился и покачал головой:

— Нет, друг мой. Я не привык биться за свое. За чужое — могу, а за свое не умею. Я бы за твою любовь побился с удовольствием. До крови, до смерти. А за свою... Моя любовь всегда при мне, чего за нее биться?

— Но вы несчастны.

— А мне похую, — печально ответил старик. — Я сегодня стою на вокзальной площади, курю себе, дебилы мимо проходят, рожи кривят — я несчастлив. Вдруг вижу в толпе сына своих друзей, парня хоть куда — и меня таким счастьем накрывает, что голова кружится. Зыбко все это, пацанчик... Я за счастьем не бегал. Я за своей звездой шагал. Так и прожил свои семь десятков. Две книги полезные написал и две вредные. Детей не родил, но это неважно. Зато мой лучший и единственный друг, Савелий Герц, родил сына, хорошего парня, красивого и умного... И теперь, если этому парню, младшему Герцу, надо, — он приходит ко мне. Я ему и отец, и дед, и брат. Советчик, подельник и собутыльник. А если сын моего друга не придет — пусть приходит любой другой. Каждый чей-то сын, правильно? Пусть приходит кто хочет. Я ведь, Денис, дверь в своем доме не закрываю. В настоя-

щем доме у человека дверь всегда должна быть настежь. А если на ней замок — стало быть, человек не совсем человек и дом — не совсем дом... Давай, пацанчик, пей чай. А я буду водку пить.

— Тогда и я буду водку.

— Ты совсем не похож на отца.

— Мама говорит — похож.

— Нет. Савелий был осторожный, мирный мужик. А ты — дерзкий, уверенный... — Старик подмигнул Денису. — Крутой парень.

— У нас все такие, — ответил Денис.

Годунов выпил еще рюмку и вдруг ударил Дениса по плечу.

— Хо! Я знаю, что тебе нужно. Иди-ка ты и налей себе хорошую горячую ванну. Когда последний раз в ванне лежал?

— Не помню. Может, вообще не лежал. У нас моются только под душем или в бане...

— Знаю, — сказал Годунов. — Знаю я все. Иди, погрузись. Тебе понравится.

Он лежал в голубой воде, почти счастливый. Нажал ногой на какую-то педаль — вода забурлила. Испугался, но понял, что это некий специальный эффект. Нажал другую педаль — откуда ни возьмись, появилась обильная невесомая пена, она пахла фиалками. «Вот так люди и разлагаются», — подумал молотобоец, смеживая веки.

Через несколько минут Годунов приоткрыл дверь и просунул голову:

— Там к тебе пришли. Зовут Полина, красоты неимоверной. Возьми для нее цветы, из кабинета. Тот, что в дальнем углу, там тринадцать красных роз, ей понравится...

Мокрый, голый по пояс, в прилипших к ногам штанах Денис выбежал на улицу. Цветы не взял, еще чего.

Полина стояла с независимым видом, рассматривала носки собственных туфель.

— Привет, — пропела она. — Хочешь посмотреть город?

— Конечно, — пробормотал Денис. — Но...

— Твой адрес есть в твоем файле. Извини, что я внезапно...

— Не извиняйтесь, леди, — провозгласил Годунов из-за спины Дениса. — Он дикий парень из Европы, перед ним не надо извиняться.

Денис неуверенно посмотрел на старика — тот ухмыльнулся:

— Давай-давай. Волосы обсуши — и двигай... Вечером я тебя найду.

— А как вы...

— Не волнуйся, пацанчик, — сказал старик. — Ты под Куполом. Тут про всех все известно.

2

Ее одежду Денис не понял. С голых плеч ниспадало усыпанное блестками, вроде бы абсолютно прозрачное, но вместе с тем лукаво мутнеющее в области груди и ниже живота, и был еще легчайший шарфик — словно ветерок сгустился вокруг шеи. Находиться рядом с таким великолепием, не имея на себе как минимум смокинга, было совершенно невозможно, и молотобоец загрустил. Мужчин в смокингах он видел только по телевизору, их проблем не понимал, а сейчас вот понял. Есть моменты, когда смокинг насущно необходим.

Тем временем нереальная девушка Полина продемонстрировала ум.

— Поедем, — пропела она. — Тебя надо переодеть.

За ее спиной он увидел такси с забавными маленькими колесиками. Беспилотное.

Через четверть часа стало ясно, что дом Гарри Годунова находится в бедном районе. Как здесь говорили — «под стеной», то есть у самого края Купола. По мере приближения к центру города здания становились не выше или красивее, но как бы жирнее, и кондитерская архитектура уступила место хай-теку. По первым этажам сплошь пошли вывески ресторанов и дансингов (неяркие, но приятные). Появились самодвижущиеся тротуары, торговые аркады, фонтаны, скульптуры, рекламы (приятные, но неяркие), офисные центры с прозрачными стенами, теннисные корты, паркинги, трехмерные афиши фильмов, в том числе третьего «Буслая», с Лерой Грин в пуленепробиваемом бюстгальтере (средний план, полупрофиль, очень неярко и приятно). Долго ехали вдоль здания центральной конторы корпорации «Русский литий», чьи аккумуляторы обеспечивали электричеством каждого четвертого жителя планеты Земля. Над главным входом мерцали цифры: ежесекундные колебания цены на самый дорогой в истории металл, трансляция онлайн со всех основных биржевых площадок, от Чикаго до Джакарты.

Свернули на тесную пешеходную улочку, здесь было не протолкнуться, женщины ходили, задевая друг дружку пластиковыми пакетами и коробками.

— Тут мы купим все, — заверила Полина. — Пойдем. Я сама выберу, а ты не возражай.

Молотобоец дисциплинированно кивнул и проследовал, влекомый за руку, в магазин одежды, где его спутница, хищно сузив глаза, нырнула в самую чащобу, точными движениями выхватывая то одну, то другую шмотку, и вернулась спустя каких-нибудь полчаса, возбужденная и торжественная.

— Вот это возьми, — сказала она. — Или это. И вот еще курточка классная.

Денис заколебался:

— Плюс двадцать четыре, зачем мне курточка?

— Как хочешь. Вечером будет прохладно.

— Прохладно — это как?

— Ну... Двадцать.

— Это прохладно?

— Конечно.

— Понял, — пробормотал Денис. — А как быть со штанами?

— Штаны оставим, — решительно распорядилась Полина. — Это настоящие дикарские штаны. Сразу видно — парень из Европы. Все с ума сойдут.

После некоторых колебаний молотобоец облекся в рубаху без воротника и рукавов прекрасной льняной ткани. Цена его смутила: примерно такая же шмотка в магазине «Все свое» стоила в пятнадцать раз дешевле. Ладно, подумал он, это входит в правила игры.

Выданные Годуновым узкие твердые туфли Полина велела выбросить («Причем немедленно», — сказала она) и рекомендовала невесомые веревочные сандалии. Накануне, перед самым выездом в аэропорт, Денис дальновидно постриг ногти на ногах и сейчас мысленно похвалил себя. Хотел спросить, что бы случилось, объяви он, что у него нет денег или (еще позорнее) что деньги есть, но их не хватает, однако потом вспомнил, как заполнял в аэропорту декларацию. Его финансовые возможности отражены в личном файле. А файл — в открытом доступе. То есть любой прохожий при желании может составить мнение о содержимом его карманов.

— Отлично, — сказала Полина, оглядев его, вышедшего из примерочной. — Только ты очень мутный. Расслабься немного.

«Ты мутных не видела, — подумал Денис, немного задетый за живое. — Настоящие мутные живут у нас в Москве на четвертом уровне. В глаза не смотрят, не здороваются,

чем промышляют — непонятно. Но завтракают строго в "Литиуме"».

— Я сам не смогу, — небрежно ответил он.

— Что?

— Расслабиться. Мне для этого женщину надо.

Полина тонко улыбнулась.

Протягивая загорелому кассиру плотные сотенные билеты, молотобоец поймал себя на странном чувстве. Неделю назад он рисковал жизнью в обмен на несколько таких купюр, а сейчас отдает чудовищную сумму за какую-то рубаху и пару легкомысленных лаптей, и тому и другому красная цена — пять целковых; отдает — и ничего не чувствует. Денег не жалко. Я по-крупному играю, я прилетел рассказать, что найдено семя стебля, при чем тут деньги, к черту деньги.

В приятном осознании своей миссии ступил на теплый тротуар, сделал несколько шагов, пробуя непривычную обувь, а через мгновение Полина догнала его, улыбнулась, повисла на руке, и оба немедля отразились в ближайшей витрине: сногсшибательные мальчик и девочка, он — атлет, плечищи, кулачищи, интересный нос, челюсть бойца, походка пирата, она — рискованные каблуки, карамельные глазки, фруктовые грудки, взрослый рот, легкие волосы, белая шея; вся — как вода, подвижная, не схватить, пока сама не захочет, а захочет — захлебнешься.

Через три минуты у Дениса заболела голова. Музыка неслась из-за каждой двери, разная и незнакомая. Шалея, гость столицы прислушивался и недоумевал: где аскетичный Симон Горский с его аккордеонами? Где Тихон Бес с его атональными фортепианными переливами? Отовсюду стучало, гремело, звенело нечто оригинальное, вроде бы лихорадочное, но одновременно беззаботное. Над толпой витал дух расслабленности, Денису казалось, что он идет по залу отдыха в общественной бане: многие

одеты легко, небрежно, какие-то шорты, свисающие майки, и у всех без исключения — легкая обувь, сандалии, тапочки, тонкие туфли на босу ногу. Нет, не баня, решил он, больше похоже на то, как если бы все вдруг выбежали из своих квартир за сигаретами, в домашних затрапезных прикидах.

Ни одной компании, ни одной беседующей на ходу парочки, каждый сам по себе, все молчат, многие — в темных очках, а кто не в очках — смотрит либо себе под ноги, либо поверх голов. Почти все улыбаются, но не друг другу, а скорее своим мыслям; какая-то деваха в бриллиантовых серьгах вдруг сняла очки, подмигнула Денису и сделала ему знак, но он уже проходил мимо и не стал оглядываться, чтобы не обидеть Полину. Видимо, дикарские штаны действительно производили на местную публику особенное впечатление.

Общая безмятежность показалась Денису подозрительной, но потом на углу приятнейшего, цвета сливок здания он увидел явно расстроенного чем-то человека, безо всяких очков и улыбки, и не в мягких шортах, а в дешевом пластиковом пиджаке и дурно повязанном галстуке — человек вдруг громко вздохнул, сплюнул, сказал кому-то «да идите вы в жопу» и исчез за углом; Денис сразу успокоился. Здесь было то же самое. Страсти, переживания, досада, печаль, произнесенные в сердцах ругательства, мелкие некрасивые поступки — люди как люди, нормальные, свои, граждане России. Только очень спокойные. И еще — закрытые, ушедшие в себя.

— Куда мы идем? — спросил он.

— Тебе понравится, — пообещала Полина. — Ты только ни на кого не смотри. Особенно не смотри на женщин. Тут такие есть — с полувзгляда вживят какую-нибудь ерунду неприличную, потом не отвяжешься...

— Ты меня не знаешь, — сказал Денис. — Я сам вживлю кому хочешь. По самые помидоры.

Полина засмеялась:

– Ты не сможешь никому ничего вживить. Здесь только входящие – бесплатно. А за исходящие надо платить. У тебя есть девушка?

– Была.

– Пришли, – объявила Полина, плотнее ухватила его за предплечье и повлекла в дверной проем; Денис посмотрел по сторонам, но вдруг подумал, что ему не следует слишком активно вертеть головой, это несолидно. В конце концов, он не турист, он по делу прилетел. Заведение было просторным, но уютным, музыка плотная, но не мешающая разговору, запахи странные, приятные, как если бы дыню разрезали посреди парфюмерного магазина. В углу крутился трехмерный видеокомикс, политическая сатира с элементами легкой эротики, Денис даже смутился. Спутница провела его вдоль череды глубоких ниш, где на диванах полулежали, элегантно питаясь и распивая алкоголь, группы расслабленных аборигенов, – чем дальше от входа, тем позы были свободнее, а лица – веселее. Наконец в одной из ниш восторженно завизжали, и несколько разбитных полуодетых баб бросились к Полине, чтобы изящно облобызать; Денис не удивился, такое он и у себя в Москве видел: днем расстаются, вечером созваниваются, а утром ведут себя так, словно пять лет не виделись.

– Это Денис, – объявила Полина. – Только утром из Европы.

Бабы округлили глаза и ахнули в унисон. Судя по жестам и взглядам, все были немного старше Дениса, лет двадцати пяти – двадцати семи, это польстило гостю столицы.

– А я смотрю – какие-то у вас брюки странные, – пропела одна, блондинка в красивых ресницах, браслетах и кружевах.

Денис присел и подумал, что жизнь идет в гору. Бабы поедали его глазами. Полина сияла.

— Настоящий мужчина из-за гор, — продекламировала она. — По этому поводу я немного выпью.

— И я, — немедленно заявила блондинка и посмотрела на Дениса, как на пирожное. — А вы к нам надолго?

— Не знаю. Не от меня зависит.

Загорелая соседка блондинки деловито уточнила:

— Вы турист?

— Нет. Прилетел по делу.

— А правда, что в Европе все едят только морковку?

— Неправда, — сказал Денис. — Не только. По четвергам — рыбный день, хвост кильки. В воскресенье — праздничный обед: кочерыжки в свекольном соусе. Очень вкусно и полезно для здоровья.

Загорелая фыркнула. Блондинка поперхнулась коктейлем.

— Какой ужас! А я думала — врут. И что, вы там ездите на собачьих упряжках?

— Не все. Только бедные. Богатые — верхом на лосях.

В углу дивана сидела четвертая, тощая, в огромных черных очках. Перед ней стоял бокал красного; молотобоец вспомнил вышибалу-андроида и решил быть начеку.

Блондинка взмахнула ресницами:

— А еще, знаете, я слышала, в день восемнадцатилетия каждый мальчик должен лично застрелить волка и снять с него шкуру.

— Почему «застрелить»? — удивился Денис. — Что за чепуха. Волка положено придушить немного, потом сунуть руку ему в пасть, по локоть, нашарить прямую кишку, вырвать и съесть, горячую. А уж потом снимать шкуру.

Девки ахнули. Денис приосанился. Ему было хорошо.

— Только, — сурово добавил он, — в последнее время они умные стали, волки. Догонишь его, соберешься кишку вырвать — а он сам с себя шкуру снимает, бросает тебе и убегает голый. Волчий закон: задница доро-

же шкуры. Шкура нарастет, а задница — на всю жизнь одна...

— Кошмар! — воскликнула блондинка. — Значит, и про медведей все правда. Про то, что они ходят по Красной площади. У меня знакомый ездил к вам в Европу — говорил, что встретил возле Мавзолея голодного медведя и еле убежал.

— Врет ваш знакомый, — усмехнулся Денис. — От голодного медведя не убежишь. Медведь, если кушать хочет, в три раза быстрее человека бегает. Пятьдесят километров в час. Это, кстати, не шутка.

Неожиданно бабы притихли и переглянулись.

— Я не поняла, — с обидой сказала загорелая. — А про волков и кочерыжки — это, значит, была шутка?

— Конечно, — сказал Денис, улыбаясь. — А что?

Бабы вздохнули и выпрямили спины. Блондинка надула губы, загорелая опустила глаза, тощая хмыкнула.

— Денис, — нежно произнесла Полина. — Мы девушки прозрачные, и разговоры у нас прозрачные. Я забыла предупредить, что шутить здесь не принято.

— Неужели у вас в Европе до сих пор все шутят? — спросила загорелая.

— А здесь — нет?

— Здесь прозрачное общество, — отчеканила тощая и сняла очки, оказавшись обладательницей колючих серых глазок. — Если вы, Денис, хотите что-то сказать — говорите прямо. Без шуток, намеков, без двусмысленностей. Говорите то, что подразумеваете. Иначе вас неправильно поймут. Если хотите, я могу вам вживить представление о некоторых... нормах поведения. Чтобы не тратить время на разговоры.

— Спасибо, — пробормотал Денис. — Не надо ничего вживлять.

— Я все тебе вживлю, — пообещала Полина, придвигаясь. — Позже.

— Слушайте, я не хотел никого обидеть.

— Ерунда, — величественно ответила загорелая. — Скажите, а как вы там живете, в старой Москве? Шуточки, сказочки... Никого нельзя понять, все мутные, все недоговаривают... Если вы мутный человек, вам здесь будет трудно.

— Никогда не считал себя мутным, — искренне сказал Денис. — А как тут можно заказать рюмку коньяку?

— Я закажу, — быстро ответила блондинка. — У меня скидка на исходящие.

— У меня тоже скидка, — сказала Полина. — Не лезь, дорогая.

Молотобоец деликатно отвернулся, но фрагмент стены напротив был зеркальный, и он все увидел: Полина взглядом пообещала блондинке большие проблемы, а блондинка показала язык — кстати, прекрасный язык, проворный, узкий и влажный. «Нет, — подумал Денис, — ничего особенного нет в этой их Новой Москве, несмотря на Купол в триллион юаней, прозрачность отношений и передачу мыслей на расстояние. Все то же самое».

— А чем вы занимаетесь? — спросила тощая.

— Учусь на энергетика. Летом — работаю. У фермеров. Там, где кочерыжки растут. В свободное время хожу ломать старые башни. Отработал шесть тысяч бесплатных часов.

Тощая деловито кивнула:

— Это я поняла. Это есть в вашем файле. Но я не поняла, зачем работать бесплатно?

— Так принято, — сказал Денис. — Это вопрос репутации. Тех, кто бесплатно работает, уважают. А мне нравится, когда меня уважают. Если я, допустим, совершу правонарушение, то меня будут судить и приговорят к общественным работам. А я уже на этих работах был, и наказание для меня будет формальным. Я набью морду какому-нибудь разложенцу, мне дадут пятьсот часов

работ. А у меня их — шесть тысяч. Останется пять с половиной... Кроме того, от бесплатных общественных работ зависит карьера. Вдруг я захочу управлять районом? Или городом? Или губернией? Или всей страной?

— О боже, — произнесла загорелая. — Кто ж вам даст управлять страной?

— Да я вообще-то не стремлюсь пока. Но в будущем — может быть...

Не умничай, пупсик, чуть было не сказал Денис, я могу поставить всю страну на уши с помощью стакана воды. Загорелая ему не нравилась: типичная высокомерная стерва.

— Кстати, — не унималась загорелая, — вы ведь мусульманин?

— С чего вы взяли?

— Но... вы же из Европы.

Денис вежливо улыбнулся:

— Вы немного перепутали. Мусульмане — дальше, в Западной Европе. В Париже, в Амстердаме, в Берлине. Мусульмане — в Швейцарии, в Бельгии, в Австрии. А я — из Москвы, это на две тысячи километров ближе. У нас в Москве в основном православные... Так всегда было.

— Извините, — спросила тощая, — вы сказали, что прилетели к нам по делу... Какой-то бизнес, да?

— Почти угадали. Мне надо кое-что продать.

— Расскажите. Если это меха, я вам помогу. У меня лицензия пушного дилера.

Принесли коньяк. Официант был юн и полуодет. Денис подумал, что европейскому дикарю положено быть решительным, и употребил залпом. Выдохнул и сообщил:

— Я продаю уникальную технологию выделки кожи. Называется «свинячий партак». На английском — "tatoo-pig".

— Впервые слышу, — заинтересованно сказала загорелая.

— Еще бы. Новейшая разработка. Кстати, посоветуйте мне, как вести переговоры. А то я исполню какую-нибудь шуточку и испорчу все дело.

Тощая подобралась и даже одернула блузку:

— А вы уже нашли покупателя?

— Конечно.

— И юриста, и нотариуса, и патентного поверенного?

— Всех.

Тощая кивнула:

— В нашем городе, Денис, нельзя быть мутным. Это первое и главное правило. Надо действовать абсолютно открыто. Прозрачно. Продайте ваше изобретение на открытом аукционе — получите лучшую цену. Но то, что вы предлагаете, должно соответствовать законодательству. Пройти экспертизы и проверки.

Денис, приятно хмельной, улыбнулся и сказал:

— То, что я продаю, совершенно законно и безвредно.

— Тогда ваш юрист всему вас научит. Но и с ним надо быть максимально прозрачным. Понимаете?

— Нет.

Тощая посмотрела на Полину и покачала головой.

— Денис, — сказала Полина, — поговорим об этом потом.

— Ладно, — тут же согласился молотобоец. — Тогда закажите мне еще выпить.

— Конечно, — прошелестела Полина.

Загорелая ухмыльнулась. Тощая поджала губы и произнесла:

— Кстати, если завтра вы собрались заключать важную сделку, то сегодня вам лучше не употреблять алкоголь.

— Почему?

— Потому что это прозрачное заведение. Что вы пили, как и сколько — все будет зафиксировано и отправлено на центральный сервер. В случае возможного судебного

разбирательства вас обвинят в том, что вы управляли бизнесом в нетрезвом состоянии.

– Чепуха, – решительно сказал Денис. – У меня нет бизнеса, а с двух рюмок нельзя быть в нетрезвом состоянии.

Тощая покачала головой:

– Если вы собрались что-то продавать – значит, это бизнес. Если вы пьете коньяк – значит, вы в нетрезвом состоянии. Вы слишком мутный человек, Денис, будьте прозрачнее, иначе у вас ничего не получится.

– Постараюсь, – сказал Денис.

Блондинка, сидевшая, закинув правую ногу на левую, закинула теперь левую на правую, и на ее бедре повыше колена расцвело красное пятно. «Обычные девки, – подумал Денис, – ничего особенного. Ноги, плечи, глазки подведенные. Красивые, молодые, веселые. Обычные».

Но Таня выглядела бы среди них как неухоженная дурнушка. Даже та, новая Таня, в маленьком черном платье, в дыму валютного ресторана, тычущая пальцем в миллионера Голованова, цинично усмехающаяся, взрослая, шикарная, – рядом с Полиной была бы просто бледной молью. Эти девки не ломали стены и перекрытия в минус двадцать пять, на ледяном ветру, на высоте четверти километра. Не обедали репой с картофельным гарниром, под плакатом, призывающим беречь сбереженное. Не ходили в школу пешком: дважды в день три километра по пробитым в сугробах тропинкам.

«Это я должен глядеть на них с превосходством, – подумал молотобоец, – а не они на меня. Это я должен снисходительно улыбаться. Почему я не гляжу с превосходством, почему не снисхожу?»

– Ладно, – сказал он. – Пожалуй, я отменю переговоры и выпью еще одну рюмку. Обо мне поговорили – давайте о вас, дамы. Как вы проводите вечера?

— Ой, — вздохнула блондинка. — Скучаем. Ты, Денис, приехал в очень скучный город. Или клуб, или кино, или — вот, — она обвела длинной рукой полутемное заведение. — Ну, салон, бассейн, куда еще...

— А учеба?

— Учеба — это святое, — вяло произнесла блондинка. — Я учусь на фэшен-координатора.

— А я — на менеджера по ликвидации избыточной вариативности, — сказала Полина. — Но я, в отличие от нее, еще и работаю. В БЕРОКО.

Блондинка ядовито улыбнулась:

— Прости, дорогая, но твое БЕРОКО — жутко мутная контора.

— Сама ты мутная, — весело ответила Полина. — Самое мутное дело — это фэшен. И кино. И шоу-бизнес.

Блондинка небрежно отмахнулась и обняла губами коктейльную трубочку.

— Я тоже пойду в БЕРОКО, — сказала загорелая. — Все говорят, что там весело.

— И что же, — спросил Денис, — веселого происходит в БЕРОКО?

— Не слушай их, Денис, — небрежно сказала блондинка. — Нет там ничего веселого. Ходят по городу и ищут китайскую контрабанду.

— А разве она тут есть?

— Она везде есть, — сказала Полина. — Прежде всего она — в головах. Китайский товар легко вычислить и изъять. Гораздо сложнее бороться с китайщиной в мозгах. С бамбуковым мышлением.

— Интересно, — сказал Денис. — А как проявляется китайщина в мозгах?

— Очень просто, — вместо Полины ответила тощая, опять подбираясь и поправляя блузку. — Если человек думает, что кто-то бедный и голодный приедет издалека и сделает его работу, за чашечку риса и пару червонцев, —

это китайщина. Бамбуковое мышление. Если человек думает, что ему можно не делать вещи, а устроить так, чтобы вещи делал китаец, — это бамбуковое мышление. Если человек думает, что ему можно не напрягаться, потому что китаец все равно напряжется, — это бамбуковое мышление.

— Мысли правильные, — сказал Денис. — Только, по-моему, китайцы тут ни при чем.

Тощая кивнула.

— В принципе, да. И китайцы, и бамбук. Но с китайцами — нагляднее. Общество бескорыстной российско-китайской дружбы следит за тем, чтобы граждане страны надеялись на самих себя, а не на китайцев.

«Барабанит, как по учебнику, — подумал молотобоец. — Декларирует. Отличница, наверное. Поэтому и тощая».

— Кстати, — продолжала тощая, — в совет учредителей общества входят многие китайские деятели культуры, философы и ученые. Самим китайцам тоже выгодно, чтобы их воспринимали как нормальных людей. А не как муравьев, которые безропотно обслуживают остальной мир, по первому приказу собираются в толпы и бегут работать. Понимаете?

— Да, — сказал Денис, принимая из рук официанта рюмку. — А вы тоже работаете в БЕРОКО?

— Работала, — ответила тощая и опять надела очки. — Потом меня передвинули на более ответственный участок.

Молотобоец скосил глаза на прильнувшую к нему Полину — одновременно прохладную и горячую, почти как семя стебля.

Они все красиво декларируют. Емко и выпукло. Доходчиво. И эксперты из телевизора, и миллионер Голованов из шикарного шалмана, и костлявая сероглазая девушка из города под Куполом. Сытые и гладкие всегда вооруже-

ны сотней отточенных фраз. Спорить бессмысленно — фразы все правильные. В наше время сытый обязан быть умным и уметь красиво говорить. В седой древности сытый целыми днями упражнялся в фехтовании — сейчас он упражняется в риторике. Чтобы в любой момент рассказать любому голодному, что голод — это полезно.

Дениса хлопнули по плечу, он поднял голову и увидел бледного малого лет тридцати. Малый был под пивом и выглядел не слишком презентабельно.

— Друг, — развязно сказал малый, — поделись девчонками.

Девчонки тут же притихли.

— Не могу, — хладнокровно ответил Денис. — Самому нужны.

— У тебя их четыре, а у нас — ни одной. Предлагаю объединиться.

И малый показал пальцем. Из ниши напротив отчаянно замахали руками несколько товарищей бледного.

— Боже, — пробормотала загорелая, — и тут никакого покоя.

— Мы обсудим это, — сказал Денис. — Передай своим, пусть ждут. Может, обломится, может, нет. Ничего не обещаю. Но попробую.

Обнадеженный малый ушел.

— Они мне уже десять минут сигналы шлют, — сообщила блондинка.

— И мне, — сказала тощая. — Какие-то пошлые комплименты.

— То есть вы их не хотите, — уточнил Денис, согретый третьей рюмкой.

— Абсолютно, — ответила блондинка.

— А чего ты за всех говоришь? — тихо спросила тощая. — Тот, который с краю сидит, — ничего так... Приятный молодой человек. Прозрачный. И деньги есть. Только у меня был сбой, я не поняла сколько.

— Тогда иди, — вяло произнесла загорелая.

— Одна? Нет, одна не пойду. Пусть кто-нибудь со мной пойдет. Все равно весь вечер впереди.

— Я не пойду, — сказала блондинка.

— Боже, — сказала загорелая. — Давайте никто к ним не пойдет. А если будут приставать — наш дикарь каждому прямую кишку через рот выдернет и съест. Я хочу посмотреть, как это делается.

— Вот, — сказал Денис. — А говорили — тут шутить не принято.

— Иногда можно, — сказала загорелая. — В виде исключения.

— Сегодня какой день? — спросил Денис.

— Вторник.

— Жаль. По вторникам я кишки не дергаю. Старинный дикарский обычай.

Полина рассмеялась, и Денис вдруг понял, что она норовит сесть к нему на колени. «Интересно, — подумал он, — почему на мне все время виснут какие-то красивые девчонки, но спят с этими девчонками другие люди? Надо прекратить эту глупую традицию. Желательно сегодня же».

— Ладно, — вздохнув, сказала тощая. — Не пойду. Таких отважных мушкетеров тут каждый день полно, а живого дикаря когда еще увидишь... — Она посмотрела на Дениса, на торжествующую Полину, потом опять на Дениса, потом на пустую рюмку перед ним. — Можно угостить вас коньяком, дикарь?

— Пожалуй, — благосклонно произнес дикарь.

— А у вас в Старой Москве все такие?

— Какие?

— Красивые и два метра ростом.

— Все, — ответил дикарь. — Я еще слабак. Есть и по три метра.

— Опять шутите.

— А ты не приставай, — сварливо заметила Полина. — Видишь, человеку надоели вопросы. И вообще, какой он дикарь? Культурный парень — нашли дикаря тоже... Технологию изобрел. Завтра он ее продаст, а послезавтра купит себе особняк в центре, на бульваре Потанина, и приведет туда какую-нибудь кинозвезду. А нам с тобой, подруга, останется только облизываться.

— Леру Грин, — предложил Денис.

Девки издали возгласы неприязни.

— Боже, — простонала загорелая. — Ему нравится Лера Грин! Эта зеленая хабалка с жутким выменем! Девочки, пойдемте отсюда. Наш дикарь разочаровал меня. Или это опять шутка?

— Конечно, шутка, — ответил Денис. — Но в Москве у меня есть друг. Он гомо флорус.

Блондинка состроила гримасу отвращения.

— Как можно дружить с гомо флорусом? Он же не человек.

— Может, и не человек, — сказал Денис. — Но друг замечательный.

— Я думала, все зеленые люди — здесь, в Новой Москве. Заперты в специальном институте. Их там изучают. Препарируют.

— Не все. Многие живут обычной жизнью. У них те же гражданские права, что и у нас.

— О боже, — пробормотала загорелая, глядя Денису за спину. — Он опять идет.

— Прошу прощения, — решительно заявил давешний мушкетер, подходя к столу. — Но я... э-э... уполномочен передать повторное приглашение моих товарищей.

Денис разозлился. И пожалел, что сидит в странном незнакомом месте, за четыре тысячи километров от дома. А не в любимом «Чайнике». Дома все налажено правильно, там другие нравы. Там никто не будет снимать твоих девочек, даже если ты один, а девочек много. Де-

вочки, сидящие за твоим столом, — это твои девочки. И трогать их нельзя. Им не следует подмигивать и делать знаки. Иначе можно получить табуретом по голове. И не пластмассовым, а настоящим правильным деревянным табуретом. Но тут, под Куполом, другие законы, и табуретов, кстати, нет.

— Молодой человек, — добродушно произнес Денис. — Девушки не согласны.

— Может, они сами скажут? — спросил мушкетер, стремительно краснея.

— Кто «они»? — осведомился молотобоец.

— Девушки.

— Может, скажут, а может, нет. Боюсь, у девушек нет желания беседовать с вами. Если бы девушки захотели вступить в беседу, они бы это уже сделали.

— Кстати, да! — воскликнула блондинка.

Мушкетер помрачнел, наклонился к уху Дениса, обдал его запахом пива и пробормотал:

— Пойдем выйдем.

«Классика», — с уважением подумал Денис и встал.

— В чем дело? — сварливо спросила загорелая. — Денис, куда вы? А вдруг они ударят вас по лицу?

Гость новой столицы улыбнулся, обнял мушкетера за плечо и напряг руку. Несчастный издал короткое кряхтение, и его кости хрустнули. Денис развернул его лицом к выходу и повел. За спиной раздались возмущенные возгласы покинутых дам. Пойдемте посмотрим, предложила блондинка. Охрана разберется, вставила тощая. Ему нельзя, у него красная метка в файле, озабоченно добавила Полина. Сбоку приближались прочие мушкетеры, но молотобоец не сильно забеспокоился.

Вдруг его сильно толкнули в спину. Денис повернулся, уже готовый к бою, и от удивления ослабил хватку: перед ним стоял Гарри Годунов.

— Стой, — сказал Годунов. — Отпусти парня.

Денис повиновался. Старик перевел взгляд на мушкетера и в изумлении поднял брови.

— Хо! Кого я вижу! В чем дело, господа?

Мушкетер и его подоспевшие приятели неожиданно стушевались и встали во фрунт.

— Развлекаемся? — прорычал Годунов. — Всем составом, да?

— Извиняюсь, — пролепетал один из мушкетеров, и на его невзрачном, с мелкими чертами лице отразилось столь глубокое раскаяние, что Денису стало неудобно.

— Мы зашли на пять минут, — торопливо добавил второй. — Считайте, что нас уже нет.

— Вон отсюда! — приказал Годунов. — У вас есть тридцать секунд. Время пошло.

Мушкетерам хватило пятнадцати. Старик перевел дух, посмотрел на Дениса и улыбнулся.

— Мои студенты. Завтра у нас семинар, по теме «Поэт и царь», а они пиво пьют. Вместо того чтобы зубрить.

— Ага, — сказал Денис. — А я уже хотел их... — Он сделал жест, как будто выжимает мокрую тряпку.

— Ты это брось, — строго произнес старик. — Отличные мальчишки. Сам отбирал. Из пятерых минимум двое составят цвет российской словесности. Пойдем отсюда.

— Не могу, — сказал Денис. — Я не один.

— Разумеется, — брезгливо пробормотал Годунов, оглядываясь на девок. — Двигай на выход, садись в мою машину и жди. У нас нет времени. Через час я верну тебя на прежнее место. С твоими подругами я сам разберусь, а ты — бегом в машину!

И он хлопнул Дениса по шее, довольно сильно.

Через минуту удивленного дикаря уже везли куда-то на максимальной скорости; впрочем, под Куполом быстрая езда была, разумеется, просто невозможна. Старик

вращал руль одной рукой, посматривал на старые свои наручные часы, молчал и отнюдь не выглядел стариком — это был юнец в полуразрушенном теле, долговязый седой мальчишка, нервный и точный в движениях.

— Девочки у тебя красивые, — ухмыльнулся он. — Только ты с ними поаккуратнее. Могут обратно не отпустить.

— Я, может, и сам не уеду.

— Все так говорят, — сказал Годунов. — В первый день. А через неделю — бегут, ажно пятки сверкают.

— Почему?

— Сам поймешь, — буркнул старик. — Все, приехали.

Он остановил машину в узком безлюдном переулке и опять посмотрел на часы. Поднял выцветшие глаза на молотобойца и прижал палец к губам.

Прошло несколько минут.

— Можно, — наконец тихо произнес Годунов и заговорил быстро, отрывисто, на пределе слышимости:

— Слушай и не перебивай. Весь город прослушивается, просматривается и сканируется. Поэтому его и называют «Пип-Сити». Аппаратура сложная, и часть системы ежедневно отключают, чтобы протестировать. Провести регламентные работы. Расписание регламентов — государственная тайна. Но у всех кому надо оно есть. У меня тоже есть. Думаешь, я зря про злодея Суховлагина книгу пишу? Этот район — два переулка и перекресток — сейчас на регламенте, его не будут прослушивать еще девять минут. Понял?

— Да.

— Теперь говори, зачем приехал. Только быстро и коротко.

Денис набрал полную грудь воздуха.

— Мой друг, — сказал он, — нашел семя стебля.

— Хо! — произнес Годунов, стремительно возбудившись. — В Старой Москве?

– Да.

– Так. А я тут при чем?

– Мой друг не знает, что с ним делать.

Старый Гарри сжал кулаки.

– А твой друг... он уверен, что нашел именно семя стебля? Как оно выглядит?

– Это оно, – сказал Денис. – Я держал его в руках. Можете не сомневаться. Оно одновременно и мертвое, и живое... В любом случае это аномальный предмет. Может быть, неземной.

– Черное яйцо размером с голову ребенка?

– Да. Но оно меняет цвет...

– Неважно, – перебил Годунов. – Тяжелое?

– Очень тяжелое.

Старик кивнул.

– Есть какая-то защитная упаковка? Ящик? Мешок? Или оно просто где-то валялось?

– Не валялось. Оно было в особом контейнере... Оно и сейчас в контейнере. Там автономная система контроля температуры и влажности...

– Ага. И что ты хочешь от меня?

– Совета. Помощи. Он не хочет сдавать его властям.

– Кто?

– Глеб. Ну... тот парень, который нашел. Мой друг.

– Кто еще знает?

– Он и я. Был еще третий, Глеб послал его узнать, можно ли получить официальную премию... В Интернете написано, что нашедшему зародыш дают премию... Но того парня убили. Сразу.

– Суки, – проскрипел Годунов. – А твой друг, значит, хочет денег?

– Если получится.

– Не получится, – ответил Годунов.

– Значит, отдаст бесплатно. Но только надежным людям.

— А зачем ему именно надежные люди?

— Затем, что мы не хотим, чтобы трава опять выросла.

— Хо! Понятно. Благородные мальчики из нищей Европы...

— Мы не мальчики.

— Ладно-ладно, — отмахнулся старик. — Не мальчики. Надеюсь, вы знаете, что зародыш начинает развиваться при контакте с водой?

— Знаем. Но вы, по-моему, знаете больше, чем мы.

— Кое-что. Правда, я его видел только один раз. Не ваше. Другое.

— Значит, их несколько?

Годунов вздохнул.

— Никто не знает, сколько их. Одно лежит в личном сейфе министра обороны. Еще одно — в Институте новейших проблем физиологии и генетики. Там, где гомо флорусов изучают. Ходят слухи, что недавно китайцы тоже заполучили семечко. То ли кто-то им продал, то ли сами клонировали. Ну и наверняка в частных руках тоже находятся зародыши, сколько — черт его знает...

— Значит, — твердо произнес Денис, — надо сдать наш зародыш в этот институт. Или лично министру обороны. Если не получится — помогите нам его уничтожить.

— А вы пробовали?

— Ну... Разбить его нельзя, это я знаю.

— Больше не пытайся.

— Я вообще к нему подходить не хочу. Оно... живое. Оно излучает энергию. Оно хочет, чтобы его бросили в землю и полили водой.

— А ты не хочешь.

— Конечно нет! — зло произнес Денис. — У меня отец погиб из-за этого и мать больна. Ей нужны лекарства! По три таблетки цереброна каждый день! У нас в Москве никто не хочет, чтобы вернулись старые времена. Зря мы, что ли, башни ломали?

— Ошибаешься, пацанчик, — горько сказал Годунов. — Есть много таких, кто хочет. Мечтает. Спит и видит... Даже я. Иногда.

— Странно, — сказал Денис. — Я думал, вы ненавидите старые времена.

— Сынок, — печально ответил Годунов, — я вообще не умею ненавидеть. Но это неважно. — Он громко засопел и посмотрел на часы. — Я все понял. И про семя, и про тебя, и про ситуацию. А теперь давай отваливать отсюда. Что-то мне рожа вон в том окне не нравится...

Денис огляделся, но не увидел ничего подозрительного.

— И... что? — спросил он. — У вас есть такие люди? Стопроцентно надежные? Те, кому можно верить?

— Есть, — ответил Годунов. — Я что, по-твоему, зря жизнь прожил?

3

Вернувшись в бар, Денис обнаружил, что коллектив поредел. Блондинка и загорелая исчезли. Кроме того, изменилась атмосфера: тощая была пьяна, а Полина не только пьяна, но и раздосадована.

— Ты нас бросил, — капризно протянула она. — Это ваши европейские штучки, да?

— Да, — ответил молотобоец. — Ничего не поделаешь.

Он подумал, как ему сесть — рядом с Полиной или напротив; устроился напротив. Час назад она едва не полезла ему в штаны, при всех, но с тех пор минул целый час, дама могла и перегореть; мы эти штуки знаем. Вон, губы дует, в сторону смотрит. Лучше восстановить прежнюю дистанцию.

— Этот страшный старик — твой папа? — спросила тощая.

Ее голос шуршал, как старая газета.

— Друг папы, — ответил Денис. — А почему «страшный»?

Диваны были огромны, и тощая, скинув туфли, устроилась горизонтально. Молотобоец вздрогнул: стол сам собой опустился на полметра ниже. Чтоб, значит, возлежащим вокруг него сподручнее было тягать харчи с тарелок.

— У него жуткие глаза, — сказала тощая. — В жизни не видела такого мутного человека.

— Он писатель, — сказал Денис. — Писатели все мутные.

— А твой папа — тоже писатель?

— Мой папа был журналистом. Но я его совсем не помню.

Полина тоже легла, подперла щеку кулачком, смотрела вполглаза, но заинтересованно. Негромко спросила:

— А кого он убил?

— Человека, — сказал Денис.

— За что?

— Он спасал маму. И меня.

Тощая помолчала и произнесла задумчиво:

— Твой папа человека убил. Друг твоего папы в тюрьме сидел. У него черная метка, у тебя — красная. Наверное, для тебя мы все — оранжерейные создания. У вас в Европе — трудности, опасности... Настоящая жизнь. А у нас — скука и комфорт. Ты счастливый человек, Денис. Расскажи нам что-нибудь. Только без шуток.

— Он слишком суровый, — сказала Полина, глядя в бокал с шампанским. — Он ничего не расскажет.

— Расскажу, — возразил Денис, улыбнувшись. — Спрашивайте. Только никаких опасностей у нас нет. И трудностей тоже. Опасно было в первые годы после искоренения, но те времена я не помню. А теперь жизнь наладилась.

Тощая вытянула ноги: жилистые, но длинные и стройные.

— Разве это налаженная жизнь, — спросила она, — если у вас там сугробы на улицах, сплошная экономия и нехватка продуктов?

Денис тоже захотел лечь, но засомневался, достаточно ли элегантно это будет выглядеть, и решил повременить. Улыбнулся.

— Бред. Кто вам сказал про нехватку продуктов? Сугробы есть, да. Но мы их убираем.

— Сами, что ли?

— Конечно. А как еще? Это же наши сугробы. Наш снег падает с нашего неба на нашу землю, кто его будет чистить? Утром вышел на полчасика, лопату взял — и вперед...

— А экономия?

— У нас, — сказал Денис, — нет такого слова. Есть «экономика», ее с первого класса преподают. Каждый ребенок знает, что «экономика» — от слова «экономить». То есть беречь.

Тощая хмыкнула:

— И что вы там бережете?

Молотобоец вспомнил, как в третьем классе на уроке сбережения проткнул себе палец шилом, насквозь. Учился подшивать валенки. Почти все мальчишки поранились, даже Модест. И все смотрели — кто искоса, кто не стесняясь, — какого цвета кровь у зеленого мальчика Модеста. Даже учитель смотрел. Оказалось — обычная, красная. Как у людей.

— Что бережем? — спросил Денис. — Все бережем. В первую очередь — друг друга. Сначала — сбережение человека. Потом — сбережение энергии, то есть электричества, тепла и еды. Потом — сбережение земли, то есть охрана природы и контроль за производством отходов... А разве у вас не так?

Полина и тощая одинаково улыбнулись.

— Мы же азиатки, Денис, — сказала Полина. — Тут не Европа.

— Да, — кивнула тощая. — Тебе надо это понять, милый дикарь. Тут все по-другому. Вы бережете то, чего у вас нет. Потому что вам деваться некуда. А мы — сибиряки, хозяева ресурсов, мы пребываем в центре мира. Нас учат, что мы — избранные и нам весь мир должен. Вы там, у себя в Европе, контролируете отходы и расходы — а мы контролируем все. Редкоземельные металлы. Воду. Древесину. Пушнину. Мы не думаем про отходы, у нас их японцы покупают. Потому что им тоже деваться некуда...

— Нас учили по разным учебникам, — добавила умная Полина.

— Странно, — пробормотал молотобоец. — Страна — одна, а учебники — разные.

— Ничего удивительного. В Европе один уклад, в Азии — другой. Вас учат получать и сберегать, а нас — хранить и распределять.

— Нас учат не так, — возразил Денис. — Мы живем в Москве, она — вечная. Москва — Третий Рим, а четвертому не быть. Так нас учат. А тут — временная новая столица. Когда-нибудь страна опять расцветет, от Белого моря до Черного. И обе столицы воссоединятся. Нас учат, что Новая Москва — место, где работает администрация. И все. Новая Москва — это офис, так нас учат. Офис! Знаете, над вами у нас смеются. Потому что мы живем дома, а вы — в офисе.

— Очень смешно, — презрительно сказала тощая.

Полина вздохнула, посмотрела на молотобойца и потянулась.

— Давайте уединимся, — предложила она. — Надоело сидеть у всех на виду. Ты не против, Денис?

Пока молотобоец раздумывал над ответом, сверху скользнула прозрачная перегородка — и отделила их от остального зала.

– Снимай рубашку, – сказала Полина. – Иди ко мне. Если хочешь.

– Хочу, – ответил Денис и посмотрел на тощую. – Но мы... нас...

– Я тоже хочу, – лениво сказала тощая. – Тебе понравится. Не бойся, снаружи нас не видно.

Полина придвинулась.

– Наконец-то я попробую семя дикаря, – произнесла она, блестя глазами. – Говорят, оно сладкое.

– Кто так говорит? – осведомилась тощая.

У нее была прохладная кожа, плечи в мелких родинках.

– Девчонки.

– Врут твои девчонки. Где они пробовали семя настоящего молодого дикаря? У дикарей нет денег, чтобы приезжать под Купол. Ты записываешь?

– Естественно.

– Стойте, – сказал Денис. – В каком смысле?

– На память, – слабым голосом объяснила Полина. – Я вживлю тебе копию... И вообще, расслабься... Мне раздеться или как?

– Ну... Да, разденься.

– Туфли снимать?

«Семя, – подумал Денис. – Сейчас я тебе устрою семя. Продегустировать желаешь, да? Сладкого хочешь. Давай, дегустируй. На. Пробуй. Что скажешь? Сладко? А так? А так? Разумеется, ты не за мной бегала, а за сладким дикарским семенем. Впрочем, я с самого начала подозревал нечто подобное. Теперь идите обе сюда. Ты – справа, ты – слева. И активнее, дамы, активнее! Слаще, еще слаще. Или вот еще вариант – как вам? Вижу, совсем сладко. Молодцы. Это вам не бескорыстная дружба с китайцами. Это вам не картиночками обмениваться, из головы в голову. Всякое семя да упадет в почву. Но учтите: есть семена, которые не нам сеять. Тот

миллионер из валютного кабака, тот жирный говноед, приславший вертолет за моей Таней и забравший у меня мою Таню, — он не все сказал. Он главного не сказал. Кроме семени и почвы нужен еще сеятель. От него все зависит».

Всегда есть какое-то семя. У стебля — свое, у дикаря — свое. Всегда есть какая-то почва, в Европе — одна, в Азии — другая. И в новой столице, и в старой. И на Луне, и на Марсе. Все решает сеятель. Швырнуть в борозду или не швырнуть, полить водой или оставить как есть.

Таня хотела семя Глеба. Глеб хотел семя стебля. Полина хотела семя дикаря. Дикарь хотел, чтоб его семя хотела не Полина, а Таня. Все чего-то хотят, каждый в поиске. Один ищет почвы для семени, другой — семени для почвы.

— Нет, — разочарованно сказала Полина, отдышавшись. — Не сладкое.

— А мне понравилось, — с энтузиазмом возразила тощая. — Не такое, как у наших.

«Надо спросить, как ее зовут, — подумал Денис. — А то получится не слишком по-джентльменски».

Полина облизала губы:

— Все равно — не сладкое.

— Но хорошая гамма.

— Да. Мягкое.

— Немного кислое. Но полнотелое.

— И выдержанное, — добавила Полина и погладила Дениса по щеке. — У тебя давно не было женщины, да?

— Неважно, — ответил Денис. — Вы рассказывайте, рассказывайте. Мне интересно.

— Не слушай нас, — деловито сказала Полина. — Мы о своем.

Тощая задумалась.

— Я бы повторила, — заметила она. — Но не сейчас. Попозже.

– Еще чего, – ревниво возразила Полина. – Может, ты еще расписание регламентов хочешь? Мы договаривались, что я один раз поделюсь. Ради старой дружбы.

– Ладно тебе. Нашего дикаря на пятерых хватит. Кстати, как тебе послевкусие?

– Вообще, я ожидала большего.

– Вот, я же говорю, надо повторить. Очень оригинальная гамма.

– Потому что плотность большая. А так – по-моему, ничего особенного... – Полина деловито привела себя в порядок; в стене, доселе незаметная, открылась ниша, где лежали полотенца, салфетки, тюбики, баночки и прочие емкости для хранения разнообразных гигиенических снадобий. – Денис, а что ты ел на обед?

– Ничего, – сказал Денис. – В самолете кормили, но... Я в первый раз летел, и... ну, желудок...

– Вот, – сказала тощая. – Он ничего не ел, поэтому такой вкус.

Полина пожала плечами:

– Короче говоря, я просто не распробовала. Надо повторить.

– Пусть он отдохнет. И поест.

– Сначала я пройдусь, – сказал Денис.

– Старый европейский фокус, – усмехнулась Полина.

– Я быстро. Пять минут.

Перегородка поехала вверх. Молотобоец зашагал к выходу. В голове вертелась одна-единственная мысль, странная и забавная.

Меня только что выебали.

Улица не освежила его. Словно бы вышел из меньшего помещения в большее. Не ударил в лицо прохладный ветер, и воздух не стал более колючим или крепким. Купол из «шанхайского одеяла» сам поддерживал идеальный микроклимат, наилучшую температуру, влажность и давление. В Старой Москве о волшебном куполе гово-

рят с придыханием, и каждый с детства мечтает посмотреть на главное сибирское чудо. Денис Герц тоже мечтал, и вот (он задрал голову к фиолетовому небу) — мечты сбылись. Приехал, посмотрел. А потом его выебали.

Людей вечером не стало ни больше ни меньше. Те же темные очки, то же сочетание яркого и блестящего с мятым и заношенным — как будто одна и та же большая группа граждан ходила кругами взад и вперед. Шуршали электромобили.

Он постоял, поразмышлял. Честно и прямо спросил себя, чего сейчас хочет. Вернуться и предоставить для дегустации еще одну порцию семени или послать к черту обеих сучек, уехать к Годунову и лечь спать. Выбрал первое. Пусть дегустируют, жалко, что ли? Конечно, они меня используют — но я не против. Гладкие молодые бабы, великолепно подготовленные технически. Тощая — как ее имя? — вообще игрок высшей лиги, а ведь сразу не скажешь... Сигарету бы выкурить, но в этом городе деловитых блядей и неярких, но приятных цветов, судя по всему, курение не приветствуется...

Потом его окликнули. Негромко, вежливо, по имени-отчеству.

Подошедший субъект был щупл и напряжен.

— Меня зовут Александр, — произнес он и осторожно улыбнулся.

Денис кивнул. Субъект понизил голос:

— Я друг господина Годунова. Мы готовы поговорить с вами по вашему вопросу.

Он меньше всего походил на друга господина Годунова. И вообще на чьего-либо друга. Он мелко дрожал, и взгляд его бегал, и туфли были готовы развалиться, и шея дурно выбрита. «Если это «стопроцентно надежный человек», то дело плохо», — подумал Денис и враждебно спросил:

— А где сам Годунов?

— Он нас ждет, — веско ответил щуплый и воровато оглянулся.

— Где?

— Поедемте со мной. Тут недалеко. Только не говорите о деле, пока мы не окажемся на месте.

Денис кивнул. Если что — сразу шею сверну, решил он.

Щуплый проводил его к машине. Машина была как бы неодушевленной, из пластика и металла, копией щуплого: такая же невзрачная, маленькая; Денису даже показалось, что она точно так же мелко, болезненно вибрирует.

За рулем сидел второй: жиденькие волосенки, плотно сжатые губы, физиономия вдохновенного рукоблуда.

Щуплый сел рядом с Денисом, захлопнул дверь и опять улыбнулся.

— Тут совсем недалеко, — повторил он, похабно подмигнул и сунул руку в карман.

В следующий момент Денис потерял сознание.

4

— Сосной топить — грех, — сказала мама. — Кто ж сосной топит?

— А чем надо топить? — спросил Денис.

— Березой. Сосна — дерево легкое, мягкое. А береза — твердая, плотная. Тепла от нее больше.

От печки шел жар, и верхняя поверхность железного ящика понемногу начинала менять цвет. Денис знал, что сначала на буром металле появится небольшое пятно темно-фиолетового цвета, потом оно увеличится в размерах, фиолетовое отодвинется к краям, а в центре пятно станет малиновым, и тогда мама перестанет подкладывать поленья, коротко пошурует в топке кривой кочергой и поставит на печку алюминиевый чайник.

С точки зрения Дениса, тепла было достаточно и от сосны. Он не замечал, чтобы березовые дрова давали больше жара. Пахли — да, совсем иначе. Но ему больше нравился запах сосновых дров, а не березовых. Особенно если сырые поленья положить для просушки рядом с печкой: когда коричневая кора нагреется, из ее морщин выступит темно-янтарная смола и по комнате поплывет густой сладкий запах. Если испачкать в смоле руки, их потом два дня нельзя отмыть, а испачкать легко, смола — липкая. В классе почти у всех мальчишек руки в смоле, потому что во многих квартирах этой зимой топят самодельные железные печки. Холодно, а батареи не греют. На восьмом этаже еще греют, на девятом — едва теплые, а Денис с мамой живут на двенадцатом.

— А почему береза твердая, а сосна мягкая? — спросил Денис.

— Так устроила природа, — ответила мама, наливая воду в чайник.

— Я понимаю, что природа. А почему?

— Потому что в природе все должно быть разное. Одно дерево твердое, другое — мягкое. Одно — высокое, другое — низкое. Есть маленькие цветочки, а есть огромные баобабы. И в животном мире так же. И у людей. Должно быть многообразие. Представь себе, что вокруг тебя — все такие же, как ты. Допустим, ты приходишь в школу, открываешь дверь класса и видишь — сидят одни мальчики, рост — как у тебя, и лицо — как у тебя, и каждого зовут Денис Герц...

Денис весело рассмеялся:

— Наоборот, это будет здорово! Все как один — лучшие друзья.

— Нет, — сказала мама. — О чем ты будешь говорить с такими друзьями? У всех одинаковые вкусы, одинаковые интересы — через час тебе надоест общаться с ними, а им — с тобой. Тебе захочется поспорить, а спорить бу-

дет не о чем. Ты скажешь: «Небо голубое», все кивнут. Ты скажешь: «Сахар — сладкий», все опять кивнут. Ты станешь молчаливым и ленивым. Ты не научишься отстаивать свою правоту и вырастешь слабаком.

— Я не слабак, — возразил Денис. — Если хочешь знать, я самый сильный в классе.

— Вот и хорошо. Ты сильный, другой — слабый, это и есть многообразие. Сосна — мягкая, береза — твердая. Понял?

— Да, — сказал Денис. — А люди?

Вода в чайнике зашумела.

— Что «люди»?

— Люди тоже бывают твердые и мягкие?

— Конечно, — сказала мама. — Есть очень твердые, есть очень мягкие. Есть снаружи твердые, а внутри мягкие. А есть — наоборот. Твой папа, например, снаружи был очень мягкий, а внутри — очень-очень твердый. Никто не знал, что он внутри твердый.

— А ты?

— Я тоже не сразу поняла.

Когда крышка чайника задребезжала, мама плеснула в чашки немного кипятка, чтобы нагреть их. Однажды утром в начале зимы Денис налил крутого кипятка в остывшую за ночь чашку, и она лопнула. Пришлось нести ее в школу, на урок сбережения, и склеивать специальным клеем. Денису поставили четыре. Из всего класса только Модесту поставили пять: Модест принес кувшин, разбитый на множество разных кусков, и склеивал его восемь уроков подряд, и почти склеил; не хватило одного маленького кусочка сбоку. Модест очень расстроился, а потом учитель заделал дырку специальной смолой и налил воду, а весь класс смотрел — протекает или нет. Не протекло.

— Твой папа работал в журнале, — сказала мама. — Вместе со мной. Начальник журнала был старый человек и однажды захотел уйти. На покой. А главным в журнале

назначил твоего папу. Папа отказывался. Потому что тогда он сам не знал, что он — только снаружи мягкий, а внутри — твердый... Но в журнале был еще один человек, который очень хотел быть главным. Вместо папы. Тот человек снаружи был очень твердый, и все думали, что главным будет он, а не твой папа. Даже я так думала. Но начальник журнала понимал, что твой папа только снаружи мягкий, а внутри — твердый, и он уговорил твоего папу стать главным.

— А тот человек? — спросил Денис. — Он, значит, был снаружи твердый, а внутри — мягкий?

— Нет, — ответила мама. — Тот человек внутри был не мягкий и не твердый. Он был никакой. Ничего у него не было внутри.

— А разве так бывает?

— Бывает.

— И что с ним стало? С тем человеком?

— Он обиделся и ушел из журнала.

— Куда?

Мама разлила по чашкам воду:

— Не знаю. Садись пей.

— А можно я возле печки посижу?

— Нет. Садись за стол.

Денис подчинился.

— А ты? — спросил он. — Ты мягкая или твердая?

— Я женщина, — ответила мама. — У женщин все по-другому. Захочу — буду мягкая, захочу — твердая. Понял?

— Нет.

— Ну, эти вещи я тебе потом объясню. Лет через пять.

Денис подул на чай. Если мама не хочет что-то говорить — значит, надо сменить тему.

— Директор школы сказал, что это последняя холодная зима, — сообщил он. — На следующий год тепло дадут на все этажи, с первого до двадцатого. И тепло будет, и электричество. И канализация будет работать. Дирек-

тор сказал, что печки надо будет сдавать. Их разрежут на куски и сделают что-нибудь полезное.

— Правильно, — сказала мама. — Чего добру пропадать?

— Давай не будем отдавать нашу печку, — попросил Денис, пробуя чай губами. — С печкой уютно. Можно посидеть, поговорить. На огонь посмотреть. Чаю попить.

Мама вдруг поднесла указательный палец к переносице и отвернулась.

— Ты чего? — спросил Денис.

— Ничего. Дым в глаза попал.

5

— ...Сосной топить — грех. Азиаты вы, азиаты. Кто ж сосной топит?

— А чем топить?

Влажный глубокий кашель. Скрипучий голос. Тон — властный, но благожелательный.

— Березой! Сосна — дерево легкое, мягкое. Прогорает быстро, тепла дает мало. А береза тяжелая, плотная. От нее самый жар.

— Прости, отец. Чего растет — тем и топим.

— Ладно. Ступай себе.

— Он шевелится, отец! Может, мне тут побыть?

— Ступай, говорю.

Денис разлепил веки. Из вязкой полутьмы выступил некто седовласый, одетый по зимней московской моде: грубый свитер под пиджак и валенки.

Кашлянул, наклонился к Денису, посмотрел:

— Как себя чувствуешь?

Денис поднял голову. Запах горящего дерева был приятен — невыносимо захотелось назад, в забытье, к маме, на скамеечку рядом с железной печкой.

Человек в валенках отступил назад.

— Приношу извинения за инцидент, — сказал он. - Дело такое... Опасное. Пришлось тебя отключить, с по мощью хитрой техники... Пить хочешь? Или сигаре тину?

Мама и железная печка остались в детстве.

Голые ступни гладил ледяной сквозняк. Денис хоте пошевелиться — и обнаружил, что привязан к деревян ному креслу. Руки, ноги, и даже поперек груди, толстої конопляной веревкой — такая продается в магазине сет «Все свое» под названием «шнур бельевой». Слабая лам па цедила жидкий свет на бревенчатые стены и щеляс тый пол. Углы комнаты и потолок терялись во тьме, толь ко светилась по контуру печная дверца, метрах в десят от Дениса. «Изба, — подумал он, — и большая, я таких н видел даже у фермеров».

Лицо человека в валенках оставалось в тени.

— Все, что сделано, — скрипучим голосом сказал он, - сделано ради твоей безопасности, мальчик. Мы освобо дим тебя, как только убедимся, что ты не провокатор.

Денис прохрипел:

— Где Гарри Годунов?

— Уже едет. Будет буквально с минуты на минуту. Н пока его нет, я задам несколько вопросов. Чтоб сразу по нять, кто ты и что ты...

— Без Годунова я ничего не скажу.

Человек в валенках опять кашлянул и выступил и темноты. Легко, одной рукой, передвинул массивный та бурет, поставил напротив Дениса, сел. Улыбнулся, сыгра мохнатыми седыми бровями: некрасивое, но твердое, да же надменное лицо, низкий выпуклый лоб открыт, п бокам его длинные изжелта-белые пряди неряшлив свисают на уши.

— Значит, ты начнешь говорить, только когда приеде Гарри Годунов?

— Да, — решительно ответил Денис и напрягся, проверяя крепость «шнура бельевого».

— А о чем? — вкрадчиво спросил человек. — Какой такой секрет у тебя есть, если ты без Годунова говорить не желаешь?

«Хитрый, сука», — подумал Денис и не ответил.

— Врать не умеешь, — с одобрением произнес человек в валенках, наклонился вперед и слабой ладонью ударил Дениса по плечу. — Как и я. Предлагаю вот что: я не буду врать тебе, а ты — мне. Так мы быстрее сговоримся. Согласен?

— Допустим, — сказал Денис.

— Ты знаешь, кто я?

— Нет.

Человек вздохнул и устроился на табурете, как на троне. Руки положил на бедра.

— Годунов не приедет, — объявил он. — Годунов вообще не знает, где ты. Никто не знает. Только я и еще трое, из ближней братии... Дело деликатное, и притом — грех большой... И мы его на четверых разделили. Прочие не отягощены. — Он на мгновение прикрыл глаза и сделал паузу. — Теперь о деле. Так вышло, Денис, что мы все про тебя знаем. Ты и твой друг нашли в Москве особенный предмет... И у вас есть желание отдать этот предмет... надежным людям... в надежные руки.

Денис молчал. Думал, как оторвать локти вместе с подлокотниками кресла.

— Смотри, — произнес человек и протянул к нему ладони. — Видишь?

Денис посмотрел. Ничего не сказал. Руки были старые и темные.

— Это самые надежные руки в целом мире, мальчик. Ищи хоть всю жизнь — не найдешь надежнее. Вы с товарищем нашли семя стебля и не знаете, что с ним делать. А я — знаю. Я для этого родился. Сорок лет назад я руко-

положен в предстоятели святой равноапостольной церкви стебля господнего. С тех пор служу своему делу сорок лет и, даст бог, умру в служении, а ношу мою понесет другой, а за ним — третий, и так из века в век. Веришь мне?

Денис молчал. Человек в валенках сделался суров и ткнул пальцем в грудь Дениса.

— Вы нашли овальный предмет, очень тяжелый... Меняющий цвет при разных типах освещения. Он то серый, то зеленый. Поперек — вмятина, или царапина. Предмет заключен в двойной защитный контейнер. Внутри контейнера автоматически поддерживается минимальная влажность воздуха. Предмет живет своей жизнью... Иногда он — как древний камень, а то вдруг вибрирует или как бы трепещет. От предмета исходит ток. Смотреть на него трудно, возникают необычные ощущения, можно слышать странные звуки, улавливать запахи... И вообще, рядом с ним тяжело. Возникает беспокойство, головная боль, раздражительность... Я прав?

Денис молчал.

— Я процитирую, — невозмутимо продолжил глава церкви стебля господнего. — Дословно. Согласись, мальчик, глупо подбирать слова, когда они уже подобраны и расставлены в наилучшем порядке... Сказано так (он наклонился к Денису): «Есть нечто, мать стебля и отец его, альфа и омега, начало и конец. Упокоено во прахе, от века и до века, и само есть тайна тайн. Оно ни живо, ни мертво, ибо спит, и сон его глубок. И горе тому, кто потревожит сон его. Увидевший его да повернется спиной и бежит три дня и три ночи, ибо не для всякого глаза его вид, но для избранного. Оно от мира сего, но не для всякого дня мира сего. В особенный день особенная рука разбудит спящее, и верх станет низом, север — югом, холодное — горячим. Убогий станет царем царей. Последние станут первыми, голодный напитает себя и детей

своих, а сытый помутится рассудком. Кто ничего не хотел, тот получит весь мир, а кто хотел весь мир — обретет лишь прах под ногами и лучи желтой звезды над головой...»

Человек в валенках закашлялся и перевел дух.

— Что скажешь?

— Ничего, — ответил Денис.

— Назови место, адрес. Где оно спрятано. Я позвоню в Москву, и через два часа ты вернешься к прежним занятиям. Мозги тебе проветрим, память сотрем, и все у тебя будет, как раньше. Если хочешь, заплатим. И тебе, и твоему другу. Из средств общины. Только это не поможет ни тебе, ни твоему другу...

— В каком смысле? — зло спросил Денис.

Предстоятель засопел и ответил:

— Если хотите жить — отдайте семя... и бегите.

— Три дня и три ночи?

— Да, — проскрежетал предстоятель. — Три дня и три ночи. Так сказано. И еще сказано так: кто обменяет семя божье на сало диавола, тот будет проклят.

— Сало диавола — это круто, — сказал Денис. — А что вы с ним сделаете? С семенем?

— Не твое дело.

— Послушайте, — сказал Денис, опять напрягая мышцы. — Только без обид, ага? Ваши священные откровения сочинил обычный человек. Писатель Гарри Годунов. Он сам рассказывал. Так что не надо мне тут... Про убогих и желтую звезду. Я ищу не религиозных фанатиков, а современных людей, желательно — ученых. Специалистов по данному вопросу. А вы... Храм стебля... Упокоено во прахе... Тайна тайн... Не хочу типа показаться грубым, но вы мне не нужны. Я думаю, если это действительно семя стебля — значит, пусть его изучат, а потом сожгут. В муфельной печи. И распишутся: сего числа официально уничтожено и пепел развеян... Вот так должно быть.

Глава церкви стебля усмехнулся.

— Ясно. Больше я вам, буржуинам, ничего не скажу, а самим вам, проклятым, вовек не догадаться.

— Что?

Предстоятель вздохнул:

— Это, мальчик, я цитирую другую священную книгу. Кстати, ее тоже написал не какой-то демиург, а обычный мужчина, из плоти и крови.: Такой же беллетрист, как Гарри Годунов. Может, даже похуже. Написал, видишь ли, обычную книгу, а получилась — священная. И двести пятьдесят миллионов человек на протяжении полувека читали ее и многажды перечитывали... Потом веру их объявили ересью, и книга утратила статус священной. Только поздно было, не все согласились. Нельзя просто так отобрать у человека веру, это дело опасное... — Предстоятель ссутулился, его явно мучила одышка. — Запомни, мальчик: неподкупен и честен только тот, кто верит. Как ты собираешься искать неподкупных и честных? Ты — юн! Любой взрослый проходимец обведет тебя вокруг пальца! Говорю так, ибо сам я — тоже проходимец. Бывший. И грехи мои неотмолимы, пусть и сорок лет прошло...

— Развяжите меня.

— Развяжем, — спокойно ответил предстоятель. — Все равно отсюда бежать некуда. До Купола — сто семьдесят километров по тайге, а ты городской парень. Не дойдешь.

— Надо будет — дойду, — произнес Денис. — Все равно у нас с вами ничего не получится.

— Я постараюсь, чтобы получилось, — глухим голосом ответил предстоятель. — Наша церковь сильна и богата, и ты в этом убедишься. Ты увидишь, что место семени стебля — в нашем храме. Я тебе больше скажу: ты примешь нашу веру.

Денис кивнул.

— Ага. Извиняюсь за вопрос, а вы всегда привязываете людей к стульям, перед тем как в свою веру обратить?

— Никто тебя не будет обращать, — с большим достоинством сказал предстоятель. — Сам попросишься. И Глеба своего приведешь. И мать свою. И семя сам принесешь. И тем попадешь в анналы, прославишь свое имя, впишешь в историю. Люди будут целовать края твоих одежд и кланяться, увидев твоих детей и внуков.

— Круто, — сказал Денис. — Пожалуй, я подумаю. Искушайте дальше.

— Замолчи! — стенобитным басом грянул предстоятель. — Ты не знаешь, с кем говоришь! По первому моему слову, — он задохнулся, потряс кулаками, — тебя растерзают! Ты неразумное дитя, глупец, ты норовишь забивать гвозди микроскопом! Только в одной нашей общине, северо-восточной, двадцать три доктора наук и пять профессоров! Куда ты понесешь семя? В институт новейших проблем? Почти половина сотрудников института — мои послушники! Опомнись! Назови адрес и через два часа будешь опять сидеть в ресторане, с подружками! Не хочешь себе великой планиды — бери деньги! Бог простит меня за это! Или — приди к нам, стань нашим братом и получи жизнь вечную! Друзей, единомышленников, цель, силы — все у нас найдешь!

Приступ кашля скрутил предстоятеля. Из распахнувшейся двери выбежали двое в зеленом, бережно подхватили седовласого патриарха под локти, вывели из комнаты.

Оставшись один, Денис немедленно рванулся, но путы вязали со знанием дела. Само кресло оказалось привинчено к полу и даже не заскрипело. Спустя минуту один из двоих — Денис его помнил, в момент похищения он сидел за рулем — вернулся, ступая практически бесшумно. Сейчас малый из «ближней братии» не выглядел худосочным мужичонкой с интимными проблемами:

в глазах плескался чистый гнев, играли желваки, рукава зеленой рясы были засучены, открывая жилистые руки.

— Отец болен, — медленно сказал он. — Мы бережем его здоровье. Наша вера не допускает насилия, но... Мы знаем естественные способы воздействия... В исключительных случаях...

Он подшагнул, взял Дениса за волосы и прошептал:

— Ты умрешь в страшных муках. А перед смертью расскажешь все, что надо. И даже то, что не надо. Это я тебе обещаю. Мы найдем, что ищем, с тобой или без тебя. Мы знаем, кто твой друг. Мы свяжемся с ним, и он сам придет. Думай пока.

«Ближний брат» проверил, туги ли веревки, и пошел прочь.

— Эй, — позвал Денис. — Я в туалет хочу!

— Под себя сходи, — не оборачиваясь, ответил «ближний брат». У выхода из комнаты задержался, пошарил рукой по стене и выключил свет.

Теперь Денис видел только контуры печной дверцы. В печи гудело и щелкало. «Дровишки сыроваты», — подумал плененный молотобоец и принялся вращать головой, кулаками и ступнями, чтобы кровь не застоялась. Он вспомнил, что совсем недавно сидел на мягком диване, пьяный и веселый, и слушал, как женщины обсуждают между собой вкус его собственного семени.

Потом свет опять включили. На этот раз явился «ближний брат» номер один. Денис сощурился, поджал застывшие пальцы ног и вспомнил, что на сломе в коммерческой артели с ним работал похожий человечек: узенький, белесый, все время мелко трясущийся в моменты возбуждения — конфликта или дележа заработанных денег; у человечка даже зубы звонко стучали, когда он нервничал; однако эта особенность поведения не мешала ему круто выпивать и хорошо стоять в драке. Если кто-то ведет себя странно, некрасиво и даже позорно,

это ровным счетом ничего не значит. Сопливый, неопрятный, жалкий и нефотогеничный человек вдруг может в долг тебе дать. Или, допустим, в морду.

— Сейчас пойдем в туалет, — дружелюбно сказал щуплый. — Только ты, Денис, многого от нас не жди. Мы тебя жалеть не будем. У нас есть сканер, но он... слабоват. Чтобы считать информацию, нам надо утомить твой мозг, лишить его запасов глюкозы. На подготовку уйдет двое суток. Мы не будем давать тебе есть и спать, а когда ты ослабнешь — сразу просканируем. Где, что, как — все узнаем. Еще желательно, чтобы ты испытывал боль, потому что на блокировку болевого импульса уходит много нервной энергии...

— Слушай, — спросил Денис, — а фамилия Хоботов тебе ничего не говорит?

Щуплый подумал и спокойно ответил:

— Нет. Не припоминаю.

— Жаль.

— Тебе придется тяжело, Денис. Мы все равно получим ответы, так что лучше тебе не доводить до греха...

— Хуй тебе, — столь же дружелюбно ответил Денис. — Глеб не дурак, он на одном месте не сидит. Я не знаю, где он. Я не знаю, где зародыш. И телефона не знаю — Глеб сам должен меня найти, в условный момент...

— Неважно, — спокойно произнес ближний брат номер один. — Твой Глеб где-то в Москве и прячется, надо думать, на верхних этажах какой-то башни. Мы найдем твоего Глеба, не переживай. Кстати, ты зря считаешь нас мракобесами. Я, например, инженер, у меня три профессии, жена, дети, свой дом под Куполом. Храм во всем меня поддерживает. И даже помогает с карьерой.

— И чему же молятся в вашем храме?

Ближний брат улыбнулся.

— Богу.

— А стебли при чем?

– Стебель есть проводник божьей воли. Прямая дорога от праха к желтой звезде. Если тебе интересно, можем поговорить. И про стебель, и про бога.

– Сначала поссать надо, – сказал Денис. – А потом можно и про бога поговорить.

– Может, ты и прав, – усмехнулся брат. – Пойдем, свожу тебя в туалет, пять минут отдохнешь – и приступим.

– К чему?

– К болевому воздействию.

– Подожди, – попросил Денис. – Что значит «приступим»? Я, может, вам и так все скажу. Без всяких импульсов. И даже веру приму. Мне надо подумать.

– Нет, Денис, – ровным голосом возразил щуплый, ушел в темноту, зазвенел металлом и вернулся, волоча за собой массивную стальную цепь. – Не надо тебе думать. Ты нам ничего полезного не скажешь. И веру не примешь. Отец сказал, что ты упрям и самонадеян, и тебя бесполезно уговаривать. А отца не обманешь...

Щуплый проверил цепь на прочность. Звенья были тронуты ржавчиной.

– Ты, Денис, просто не понял, кто с тобой говорил. Отец – он... Он обратил триста человек. А каждый из тех трехсот обратил еще триста. Отец проповедует на шести языках. Даже на языке глухонемых... Он написал пятнадцать томов комментариев к «Священной тетради»... Отец сказал, что ты неглупый, но упрямый, а это еще хуже. Еще он сказал, что ты будешь тянуть время. Ты надеешься, что тебя начнут искать. Ты будешь якобы думать, потом якобы дашь себя уговорить, потом якобы засомневаешься... В общем, не утруждай себя. Нас не так просто обмануть.

Ближний брат сковал руки Дениса, достал нож и перерезал веревки. Рвануться, мгновенно решил Денис, придушить, отобрать оружие, заставить открыть замки

на браслетах... Но едва поднял руку — ее пронзила сильная боль, словно тысячи железных муравьев забегали под кожей.

— Не спеши, — хладнокровно рекомендовал брат. — Ты уже четыре часа как связан, затекло все... Шевелись понемногу и терпи, через десять минут легче станет. Ведро в углу. Советую и по-малому сходить, и по-большому, чтобы потом меньше напрягаться...

6

Он лежал на спине. Руки и ноги привязали к прямоугольной раме — четыре массивных деревянных бруса, потемневших от времени, сбитых встык и скрепленных стальными скобами. Вязали надежно, новеньким «шнуром бельевым», но на раме Денис увидел обмахрившиеся остатки старых, сгнивших уже веревок и подумал, что он явно не первый и не второй распинаемый. Земля была сырая и твердая; затылок и лопатки скоро онемели от холода. В ушах гудело, звук шел извне, басовое многоголосие, бесконечно длящаяся нота. Денис не видел источника звука — справа от него был мощный деревянный забор, слева стена дома, сложенного из вековых бревен, наверху — бледное, в редких облаках небо.

— Будете поджаривать? — спросил он.

Не ответили. Один из братьев, проверяя узлы, перешагнул через пленника, и под грубой зеленой рясой обнаружились прозаические джинсы; вид помятых и не вполне свежих штанов вдруг напугал Дениса: с ним имели дело не какие-то уникальные безумцы, решившие совершить некое фантастическое действо, а обычные люди, и намерения их, судя по всему, были самые обычные.

«Убьют, — подумал Денис. — Хобота убили — и меня убьют».

— Взяли, — негромко скомандовал кто-то, раздались натужные выдохи, раму поставили вертикально.

Денис сощурился и задохнулся от изумления: глазам открылась изумрудная даль под неярким солнцем, пологий распадок меж двух сопок, бесконечные волны шевелящихся ветвей. Вот, оказывается, откуда органный звук, понял пленник, — так гудит под ветром тайга. Странно, ведь считается, что всю Сибирскую тайгу свели под корень китайцы, еще до искоренения, а она, оказывается, вот — жива, цела, безбрежна. Или не всю ее свели? Или никому не под силу свести ее всю?

А далеко впереди, почти у горизонта, из голубоватой дымки выступал Купол: пузырь, изнутри слабо подсвеченный молочно-белым. Оброненный богом и вдавленный в планету шарик для пинг-понга диаметром сто километров.

В стороне, низко над сопками деловито и мирно прогудел расцвеченный огнями летательный аппарат — новая группа дикарей прилетела из Европы, привезла местным блядям свое семя, для вдумчивых дегустаций.

Его понесли. Двор был обширен, хозяйство богатое. Два просторных сруба с широкими застекленными верандами, спутниковые антенны, повсюду столбы с камерами слежения и прожекторами, двустворчатые ворота, несколько мощных китайских вездеходов, все — сверкают чистотой, но один до крыши облеплен высохшей грязью; на нем меня привезли, подумал Денис и попытался запомнить номера машин, однако спустя несколько мгновений решил, что это глупо. Если он сможет сбежать, то найдет этот скит с номерами или без номеров. Найдет сутулого предстоятеля и всю его «ближнюю братию». И дальнюю. Всех найдет.

Его опять поставили, и он увидел перед собой ближнего брата номер один — того, кто полчаса назад обещал страшные муки. Лицо его было бесстрастно, глаза полу-

прикрыты, в руках книга в массивном переплете с потемневшими, захватанными краями. Брат посмотрел на Дениса, затем резким движением накинул капюшон и опустил голову.

– Выйдет стебель из праха, юн и тверд, – тихо произнес он. – Устремится к лучам желтой звезды, снизу вверх, по прямой, не зная никакой помехи.

Подхватили другие голоса, забормотали хором:

– Не коснется того, что сделано для блага твари божьей, разумной и неразумной. Но пронизает любую препону на пути своем, с умыслом сотворенную, аки копье, ниже камень и броню, ниже плоть живую грешную.

– Всех не перевешаете! – крикнул Денис.

Его наклонили спиной вниз, осторожно опустили на мягкое и теплое – это была сетка, очевидно, металлическая, частая и туго натянутая, она прогнулась и заскрипела, и Денис почувствовал себя вполне комфортно. Правда, в левую икру, в поясницу и в шею уперлись несколько иголок. Денис, как мог, сдвинулся в сторону, но ничего не добился, иголки были многочисленны.

– Зря вы, парни, – сказал Денис. – Я вас всех найду. И отца вашего. Я не зверь, как вы, я вас пытать не буду. Я с вами в футбол сыграю, на девяностом уровне. Там никаких препон нет, ни справа, ни слева. Посмотрим, как вы помолитесь, когда наши ребята пенальти будут бить!

Солнце било прямо в глаза. Сбоку кашлянули и провозгласили:

– Стих первый. «Сначала была нужда, и нужда была в Боге. И стал Бог, а нужды не стало. И стало Семя, и Семя было от Бога. И не было света, чтобы согреть его, и воды, чтобы напитать его. И некуда было ему падать, ибо не было ничего, кроме Бога. И умерло, никуда не упав, и стало прахом. И была скорбь Божия, и гнев, и веселье, и вспыхнул прах Семени его, от гнева и веселья, и стал свет горячий и прозрачный. И увидел Бог...»

— Слушай, — сказал Денис, — прекращай. Развяжи веревки. Я все понял. Считай, что я с вами. Я попрошу Годунова — он вам продолжение напишет. Взрослые серьезные мужики, а занимаетесь хуйней...

Голос окреп:

— «...и увидел Бог, что некуда падать Семени его, ибо ничего нет, кроме света, и второй раз бросил семя в пустоту, и опять стал прах, и прах от праха, и был мертв, ибо не было жизни. И создал Бог жизнь из праха и света, ибо не было ничего, кроме праха и света, и назвал «вода», что значит «жизнь». И в третий раз бросил Семя, и упало во прах, и приняло жизнь от Бога, и стало живое. И сказал Бог: есть Бог, есть Семя его, есть прах семени его, есть свет от праха, есть жизнь из праха. Больше ничего нет и не будет. И стало так...»

— Алло! — крикнул Денис. — Брат! Позови старика, надо поговорить.

— Стих второй. «И было Семя от Бога, и упало во прах, и была вода, и свет прозрачный, и вырос Стебель, и путь его был из праха к свету, по прямой. И сказал Бог: вот дорога всего живого, от праха к свету, по прямой, снизу вверх, других дорог нет и не будет. И был Бог весел и счастлив, и удалился, ибо дело было сделано, и не стал Бог нужен быть, и стал повсюду и нигде. И был Стебель, и Стебель от Стебля, и так тысячу тысяч раз, из рода в род, и повсюду была жизнь и свет, и не знали никакой дороги, кроме как снизу вверх, от праха к свету по прямой. И свободно плодилась всякая тварь, и питалась от Стебля, и все лисы имели норы, а птицы небесные — гнезда, и было хорошо, и Бог был везде и нигде. И тысячу раз по тысяче лет прошло».

— Перекури, — сказал Денис. — Устал ведь. Иди чайку попей.

— Стих третий. «И стало много праха, теплого и жирного, и Стебля, и стало изобилие, избыток и тень. И вы-

шел диавол, из жирного праха сгущенный, сын изобилия, дитя избытка и тени. И сказал: знаю другую дорогу, кроме прямой. И многие твари слушали его. И было великое сомнение. И родился из сомнения человек, и мысль его была быстра, а сердце жестоко. И приблизился к нему диавол, ибо где человек — там и диавол, а где диавол — там и человек. И спросил диавол человека: есть ли нужда в Боге? А человек сказал: нет нужды в Боге, ибо все есть; а когда все есть, Бог не нужен. И сказал диавол: живи с этим. И указал тысячу тысяч дорог, кроме прямой, и пошел человек, и до сих пор идет. И угрыз диавол корни Стебля Божьего, и погубил, а Семя не угрыз, но оставил след зубов, ибо Семя от Бога, и угрызть его нельзя. И тогда спрятал Семя во прахе, и запутал следы, и сам забыл, где спрятал. Ибо диавол свои дела не помнит, а только чужие».

— Кстати, — прохрипел Денис, — это правда. Я кувалдой по нему пиздячил, плечо вывихнул, и ничего. И след зубов тоже есть...

— «И перестал расти Стебель, и сделался великий глад. И многие твари умерли, и люди. А другие люди искали пищи и не нашли, и тоже умерли, а третьи ослабли, а иные возлегли без сил и ждали чуда. А диавол торжествовал и учил так: нет Бога, нет Семени его, и нет Стебля из Семени, и нечем вам питать себя и потомство. Так учил диавол, и как сам был рожден из праха жирного, и сам в жире, отрезал от себя жирное сало, и дал, и сказал: вот пища, моя и от меня, насыщайтесь или умрите, ибо люблю вас более Бога. Еще так учил: нет с вами Бога, а я есть, и всегда буду с вами, ибо Бог без вас может, а я не могу. И дано вам от Бога только Семя его, а от меня — часть меня; любите меня и насыщайтесь салом моим. И насытились твари салом диавола, и человек насытился, и нашел сало диавола сладким и мягким, и триста дней ел сало диавола, и слушал речи диавола. И учил диа-

вол: горек Стебель Божий, но сладко сало мое, неужели выберешь горькое, если можно взять сладкое? А на триста первый день не дал сала своего, и сказал: теперь оно не для всех. Еще так сказал: иди и убивай, и питайся плотью и кровью тварей, она горяча и жирна, и сладость в ней, и сила. И стало так, и кровь залила землю, и лилась тысячу раз по тысяче лет. И стали твари злы, ловки и быстры, а человек злее всех и быстрее, и плотью тварей насыщал себя, женщин своих и потомство свое. И был рад диавол, и весел, и правил миром, но имел одну печаль: найти Семя Стебля и угрызть. И позвал людей, и сказал так: лучшему из вас дам сало свое, если найдет Семя Стебля, во прахе сокрытое...»

Сетка остыла, а иглы прибавились в числе и уже ощутимо врезались в кожу. Денис пытался напрячь спину и ноги, выгибал тело, упираясь только пятками и затылком, но каждая попытка встать на «мост» заканчивалась обрушением вниз — иглы вонзались в спину, в ягодицы, в шею, в бедра; постепенно появилась боль. А хуже физической боли было изумление и отчаяние, понимание того, что все происходящее — реальность, все — всерьез, никто не придет и не скажет: вставай, мы просто проверяли тебя и теперь видим, что ты стойкий парень. Здесь хотят изувечить его или убить. Здесь всем наплевать, что он живой человек, молодой и сильный, что он студент, активист слома и гражданин России. Его растерзают, или он истечет кровью, или подохнет от переохлаждения, привязанный за руки и за ноги, под ровное бормотание безумца, читающего безумный текст, сочиненный лучшим другом его, Дениса, отца.

Одна игла вылезла особенно высоко, воткнулась в поясницу, острие было твердым, но сидело неплотно; если Денис пытался сдвинуться вбок, или чуть выше, или ниже, оно шевелилось, но не покидало раны. Попадет грязь, решил он, и — все. Сепсис, гангрена, не спасут.

— Стих четвертый. «И был царь, именем Иоаким, и было царство его велико и изобильно, люди жили сыто и вкушали пищу четырежды в день, и жизнь их была легка. Сам же был пресыщен, жесток и видом подобен сухому дереву. И положил все дни жизни своей на приумножение величия своего и на истребление врагов, и всех истребил, и пропитал земли царства своего кровью врагов в глубину на тридцать локтей, так что нельзя было погрузить плуга в борозду, чтоб не узреть кровь. И нечего было желать ему, и был скучен. И тогда послал людей многих искать во прахе Семя Стебля, и нашли. И повелел Иоаким умертвить нашедших, и уединился, и триста дней смотрел на семя, не умея отвести глаз. И оставил дела, и народ свой, и жену, и потомство. И явился ему диавол, в облике нагой девы, обильной телом, и сказал: бери меня и сало мое, а Семя отдай, ибо желаю угрызть. И искушал его, говоря: кто пробовал меня и сало мое, тот все пробовал и знает вкус тысячи тысяч яств. И сказал Иоаким: знаю сладость плоти тварей земных, и цвет крови врагов своих, и любовь дев, юных и зрелых, и люди мои сыты, и жизнь их легка; но не знаю горечи Стебля Божия; оставь меня, ибо хочу бросить Семя в почву и увидеть, как взойдет. Ибо не салом жив быть хочу, но промыслом Господа моего...»

— Хватит, — прошептал Денис. — Хватит. Больно.

— «И диавол спросил: откуда знаешь, готова ли почва для Семени сего? И ответил Иоаким: знаю. И сказал так: царство мое велико и изобильно, и полито кровью врагов моих в глубину на тридцать локтей, и люди вкушают пищу четырежды в день, и жизнь их легка; сие есть почва Семени Божьему. Ибо не та почва хороша, что возделана, а та хороша, что полита кровью врагов. Так сказал, и повернулся к диаволу спиной, вышел к народу своему, и бросил Семя в почву, и вырос Стебель до неба, из праха к свету, по прямой, и бежали люди в страхе, ибо то

был страх Божий. И посрамлен был диавол. И познал Иоаким-царь радость, и призвал народ, и сказал: вкусите от Стебля, и живите, как Бог устроил от первого дня. И еще сказал: более ни капли крови не пролью на землю; да будет мир вовеки. И призвал Иоаким-царь немногих вернейших, и сказал: отныне знаю тайну тайн. И сказал так: когда пропитается земля ваша кровью врагов ваших на тридцать локтей, когда люди ваши будут вкушать пищу четырежды в день и жизнь их будет легка — тогда будет готова почва Семени Божьему; тогда ищите во прахе Семя и бросайте в землю. А до того не бросайте, ибо не время. А кто обменяет Семя Божие на сало диавола, тот будет проклят. А кто бросит не ко времени, тот будет дважды проклят...»

Иглы были живыми и теперь сделались остриями кинжалов, глубоко вошедшими в кожу. Руки и ноги онемели, но Денис опять и опять пытался напрячь их, приподнять корпус повыше, и опять после нескольких мгновений ослабевал, и плотнее насаживал сам себя на острия.

— «И повелел Иоаким немногим вернейшим запомнить дословно волю свою и трижды повторить. И народ его вкушал от Стебля, и был радостен, и никто не желал вкушать от плоти тварей земных. И изгнали купцов, продающих яства из плоти тварей земных, и одежды из шкур тварей земных, и побили камнями продавцов возбуждающих напитков, и вкушали только от Стебля, и пили только воду. И любили только Бога, друг друга и свет желтой звезды. И был золотой век. И когда почил Иоаким-царь, триста дней трубили золотые трубы».

«Бамбук, — догадался Денис. — Мы же в Азии, они пытают меня бамбуком. Легендарная китайская казнь. Побеги прорастут сквозь меня. Проткнут. И я умру. От боли, или от потери крови, или от холода».

Он закричал. Это не слишком помогло. А тот, сидящий (или стоящий?) рядом, продолжал читать, монотонно, не прерываясь, — видимо, знал текст наизусть.

— Стих пятый. «Но диавол, быв посрамлен, не отступил, ибо помнил, как научил человека ходить дорогами разными. И был книжник, мечтавший счесть звезды, именем Иофанаил. И явился диавол Иофанаилу, в облике старца, и сказал: смотри, беда грядет. Люди не умеют проливать кровь, не плачут, не завидуют, и не хочет один, чтобы дом его был выше дома соседа его, и не хочет другой, чтобы жена его была краше жены соседа его. И нет мозолей от рукоятей мечей на ладонях воинов. Не думаешь ли ты, что так будет всегда? Не боишься ли ты, что придут дальние народы вкусить от Стебля, как ты вкушаешь? И ответил Иофанаил: боюсь. Ибо уже идут. Ибо слух о Стебле наполнил дальние земли, и многие желают вкусить и познать радость. И сказал диавол: не бойся, что явятся многие; бойся, что явятся все. И спросил диавол: не боишься ли ты, что от Стебля вкусят все люди, сколько их есть? Не боишься ли ты, что не хватит? И ответил Иофанаил: боюсь. И спросил диавол: что вкушать будешь, когда придут все, сколько есть, когда толпы будут топтать детей твоих, и пыль до неба будет стоять над домом твоим во всякий день? И ответил Иофанаил: не знаю. И сказал диавол: вкуси сала моего, и укрепись. И вкусил Иофанаил, и укрепился телом, и стал весел и жесток. И сказал диавол: иди и сожги; так спасешь дом свой и народ свой. Ибо кто имеет — тот слаб, а кто не имеет — силен, и горе тому народу, который имеет больше, чем другой народ. И сказал Иофанаил: так. И пошел непрямой дорогой, в нощи, и предал огню Стебель Божий. И пришли люди, и схватили Иофанаила, но не пролили крови его, ибо так наказал Иоаким-царь, но изгнали. И прокляли имя его, и потомство его».

Рубаха и штаны понемногу пропитывались кровью. Денис решил, что досчитает до ста, а потом все расскажет. Про Глеба Студеникина, про семя стебля, про борозды от зубов диавола на его поверхности. Про то, как хотелось бросить семя в почву. Пропиталась ли московская земля кровью на тридцать локтей? Конечно. Нет другой земли, так же пропитанной кровью, как московская земля. Сыты ли люди, легка ли их жизнь? Разумеется. Бесплатный хлеб, овощи стоят гроши, телогрейки и валенки есть у всех, а главное — повсюду улыбающиеся лица. Самое время бросить семя в почву. Вознаградить своих братьев за усердие и терпение. Вырастет трава, снизу вверх, по прямой, до неба, и каждый вкусит и будет радостен.

— Стих шестой. «И были немногие, числом тридцать, из земли Иоакима-царя. И знали, где сокрыто Семя Божие, но молчали, не говоря ни женам, ни братьям, ни сыновьям, ниже друг другу. И сколько было Семян Божиих, стало тайной тайн. Может быть, десять, может быть, тысячу раз по десять; сего никто не знал. И с тех пор так есть. И гибли великие царства, и земли погружались в воды морские, и огненные горы падали с неба, и кровь лилась подобно рекам, и было так тысячу лет. И гибли те, кто знал, что такое есть Семя Божие и где сокрыто. И умирали, но передавали тайну и веру из уст в уста, из рук в руки.

И вот, был город городов, окруженный стеной в тысячу локтей, и слава его гремела по земле. И многие народы тщились покуситься на богатства города городов, ибо знали: кто голоден, тот силен, а кто сыт, тот слаб. И пропиталась земля под стенами города кровью в глубину на тридцать локтей. Но не нашлось народа, покорившего город городов, и люди его преисполнились гордыни и не знали меры ни в чем. И видя, что нет силы, чтоб их погубить, сами себя губили. Ибо нельзя, чтоб один не губил другого — сим крепок род людской от века и до века.

И был один, именем Иемар; не мудрец, но человек ума; не воин, но человек силы; не святой, но человек сердца. И знал, где сокрыто Семя Божие, ибо кто имеет ум, силу и сердце, тот знает все. И пришел в город городов, и увидел великое торжество, и огни, и звуки труб, и многих праздных, не знающих меры ни в чем. И спросил одного: что празднуешь? Тот сказал: ничего. И пошел Иемар, и спрашивал, что празднуют, и не услышал ответа. И увидел богатство, и изобилие, и сытых, и веселых, и увидел, что едят четыре раза в день. И увидел горе, и нищету, и сомнение, и смерть. И увидел алчбу и зависть, и гнев сокрытый. И ножи, тайно точимые теми, кто зол, ради горл тех, кто ленив и беззаботен. И увидел, что плачет, кто создает, и смеется, кто тратит и расходует. И увидел все, но согласия не увидел. И сказал: настало время. И пошел, и взял Семя Стебля, и бросил в землю. И вырос Стебель до неба, по прямой, из праха к свету.

И сказали люди города: сие нам во вред. И еще сказали: сожжем Стебли, и не дадим прорасти новым побегам. И призвали ученых мужей, и устроили препоны для Стебля, из железа и камней, но тщетно. И пришел Иемар, под видом ученого мужа, и говорил: глупцы! Сие Семя Бога нашего, который везде и нигде. И Стебель его не остановить, ибо путь жизни и благодати всегда снизу вверх, по прямой, из праха к свету; сей путь един, другого нет, и кто ставит препоны на сем пути — тот против истины, жизни и благодати. И ответили ему: нет, сие во вред нам. И спросил Иемар: целы ли жилища ваши, и дороги, и храмы? И ответили: целы. И спросил Иемар: не в том ли промысел Божий, чтоб все было цело, и никто не мешал никому, как не мешает вам Стебель зеленый? Вкусите от Стебля и будьте радостны, как радостен Бог, сущий везде и нигде. И послушали Иемара, и стали вкушать от Стебля, но не знали меры. И кто вкусил без меры — сам стал Стебель. Ибо всему есть мера, ниже радости и люб-

ви, а кто не знает меры, тот губит и радость, и любовь. И многие, будучи людьми, стали Стеблями. И схватили Иемара, и обвинили, и говорили: ты виноват. И сказал Иемар: кто знает все, но не знает меры, тот ничего не знает. И устроили дознание, и терзали Иемарову плоть, дабы понять, где сокрыто Семя Стебля. И терзали тридцать дней.

И понял Иемар, что силы его на исходе. И воззвал к Богу, и просил укрепить его. И явился Бог Иемару, в облике ребенка, и сказал: нет такой тайны, чтоб ради нее пролилась кровь достойного.

И велел Бог Иемару: не молчи, иди и скажи. И спросил Иемар: все ли говорить? И ответил Бог: все. И спросил Иемар: всем ли сказать? И ответил Бог: всем.

И велел Бог Иемару: иди и скажи так. Есть Семя Божие, сокрытое ото всех. И как Бог есть повсюду и нигде, так Семя его повсюду и нигде. И почва Семени сего не в поле распаханном, где человек в поте лица растит хлеб свой. Но где празднуют без повода и меры, где вкушают пищу четыре раза в день, где пропитана земля кровью на тридцать локтей, где один создает, а девять тратят и расходуют — там почва Семени сего.

И велел Бог Иемару: иди и скажи так. Аз есьм человек. Не брат вам и не враг вам, но сеятель Семени Стебля Божьего...»

Денис перестал слушать, все слилось, склеилось, перестало быть разным и сделалось единым целым — и семя стебля, и сало дьявола, и сбережение сбереженного, и пьяная Таня, увозимая вертолетом над многими золотыми куполами старой Москвы или одним серым куполом Москвы новой, и личная кувалда с насечками, и мама, только что принявшая цереброн, и врезавшиеся в плечи лямки рюкзака, набитого балабасом, и расписание регламентов, и конвертируемые литиевые червонцы, и желание жить, как доктор прописал, и бог, сущий везде и нигде.

И когда раздались глухие хлопки выстрелов, топот сапог, восклицания, шум борьбы, и стоны, и хрипы — Денис не придал звукам значения; какая разница, что с ним сделают, погубят или спасут, замучают или продегустируют, если бог, жизнь, истина, сила — везде и нигде?

7

Очнулся оттого, что ему было хорошо. И когда понял, что ему хорошо, — стало еще лучше. Прислушался, огляделся. Не было ни веревок, стягивающих запястья и лодыжки, ни бамбуковых лезвий, вонзившихся в спину. Никто не читал над ним священных текстов, и вместо белесого неба над головой слабо светился обычный потолок.

Он лежал в регенерационной капсуле, до подбородка погруженный в гель, пахнущий спиртом. Раны на спине слабо чесались. Комната была пуста, за окном шевелились кленовые ветки.

«Очень хорошо, — подумал Денис. — Кто-то вытащил меня. Спас. Годунов, наверное. Больше некому. И заснул».

Проснулся вечером, в том же помещении, но уже на обычной кровати. Шторы были задернуты, потолок светился втрое ярче; часть стены напротив оказалась экраном, демонстрирующим сложную жизнь какого-то подвижного узора; разноцветные пятна и геометрические фигуры проникали друг в друга, рождались и растворялись. Тихо играла обволакивающая музыка.

Открылась дверь, вошел — руки в карманы — человек с необычайно испитым лицом, за ним еще несколько, одни в белых халатах, другие в цивильном. Испитой резко, быстро двигался и твердо стучал каблуками, свита же перемещалась совершенно бесшумно — никто не задевал соседа краем одежды и даже, наверное, не дышал.

— Ага, бля! — воскликнул испитой, улыбаясь. — Я ж говорил, такие не умирают! Привет, Дениска!

Лицо человека — узкое, с прямым носом и правильными полумесяцами густых бровей — показалось знакомым, Денис кивнул.

— Ну-ка выйдите все к чертовой матери, — приказал испитой.

— На третьей линии Шестаков, — прошелестели из свиты.

— Скажи, я перезвоню. И передай, чтоб очко вазелином смазал, потому что я, бля, недоволен. А теперь исчезните все.

Свита стремительно испарилась. Испитой посмотрел на Дениса и рассмеялся, обнажив ярко-розовые молодые десны. Помимо воли Денис тоже улыбнулся и почему-то ощутил стеснение.

— Точная копия папаши, — праздничным тоном произнес испитой. — Даже, бля, не верится. Только папаша был ростом поменьше, а ты — вон какой. Говорят, тебя, бля, местные бабы чуть на части не порвали. Кстати, можешь сесть. Доктор сказал, ты в норме. А он у меня за свои слова отвечает.

Денис осторожно подчинился. Кожа немного горела, и кружилась голова, но в общем он был в норме, да.

— Я Пружинов, — представился испитой. — Никита Никитович.

Его серые глаза смотрели смело, холодно и одновременно весело — такой взгляд мать Дениса называла «бесстыжий».

— Здрасьте,.— тихо сказал Денис.

— Эй, — позвал Никита Никитович, поднимая взгляд к потолку. — Покажите кино!

Узор на экране исчез, и появилась картинка: хохочущие, ярко одетые молодые люди в просторном зале, множество заваленных бумагой столов, а один стол, самый

широкий, свободен от бумаг, на нем бутылки и прочая посуда; меж веселых и молодых — кто-то старый и мрачный, в инвалидной коляске.

Отца и мать Денис узнал сразу. Оба юные, раскрасневшиеся; забавные прически, порывистые жесты.

— Этой записи сорок лет, — произнес Пружинов, ностальгически ухмыляясь; опять показались его десны; что-то было у него не так с лицом, немного не хватало кожи под носом и на щеках, и губы раздвигались шире, чем нужно, жили отдельно, неестественно активно, чуть нелепо.

— Смотри, смотри, — провозгласил он. — Интересное кино. Для тебя берег. Знал, что мы однажды увидимся. Ты наблюдаешь традиционную пятничную пьянку в редакции журнала «Самый-Самый». Мосластый в идиотской рубашке — это я. Красавица в лиловом — твоя мама. Рядом с ней — твой папа. Он уже тогда от Варвары не отходил. Но, скажу тебе, долго обхаживал, года два или три... — Пружинов грубо хохотнул. — Мама твоя была разборчивая девушка... Старик в коляске — хозяин журнала, некто Михаил Евграфович Пушков-Рыльцев. Остальных ты не знаешь.

— Знаю, — возразил Денис. — Вон тот — Георгий Деготь.

— Правильно. Гоша. Он тоже погиб.

— А вы уцелели, — сказал Денис.

— Я? — Пружинов опять ухмыльнулся. От него сильно пахло коньяком. — Ну... Не только я. Мама твоя, и Валя Мертваго, и Годунов... (У него зазвенел телефон, он посмотрел на экран и сбросил звонок.) А я... Мне, Дениска, в каком-то смысле пришлось хуже всех. Тут (он ткнул пальцем в телевизор) я еще нормальный человек. Подающий, бля, надежды репортер. Юн, свеж, нищ и тощ. И наивен, да. Как все журналисты...

— А теперь?

— А теперь я чудовище, — небрежно ответил Пружинов. — Главный мозгоправ в этой части света.

— Наслышан, — сказал Денис и ощутил новый прилив робости: все-таки перед ним стоял один из богатейших и самых влиятельных людей страны, директор-распорядитель Нулевого канала, и, когда этот человек назвал себя чудовищем, Денису захотелось пожалеть его — пьяноватый малый без возраста (то ли тридцать пять, то ли пятьдесят восемь) был никакое не чудовище, а самый обыкновенный работяга, вконец измученный ответственностью.

— О! — крикнул Пружинов, опять ткнув пальцем в экран. — Смотри! Сейчас я буду приставать к твоей будущей маме. А твой будущий папа обидится, уйдет в угол и там быстро напьется... — Он хрипло рассмеялся: — Эх, бля! Вот были времена! Золотые! И ведь ничего назад не отмотаешь... А хочется. Назад, в невинность...

— В старые времена, — подсказал Денис.

— На хер времена! — Рот богатейшего и влиятельнейшего съехал вниз и вбок, но тут же вернулся на место. — Молодость! Вот чего жаль. Я, бля, восемь миллионов юаней в себя вложил. Семнадцать операций, стволовые клетки, обезьяньи железы... Какие-то, бля, вытяжки, удаление гена старения... Двадцать два профессора подписали бумажку, что у меня организм тридцатилетнего юноши. А это не так. Хоть убей, нет у меня такого ощущения...

Денис кашлянул и сказал:

— Мне надо позвонить.

— Сейчас позвонишь, — ответил Пружинов. — Только кому? Годунову, что ли?

— Да.

— Не получится. Твой Годунов сидит в кутузке. Арестован за оскорбление представителя власти на сто часов. Извини, Денис, но даже я не могу ничего сделать. Когда

тебя украли, наш писатель затеял поиски, побежал в милицию, написал заявление, устроил скандал... Какому-то сержанту морду набил... Вот его и посадили. У нас с этим строго. Вживят ему нехилую порцию уважения к закону... Потом выгонят к черту.

— Кстати, — сказал Денис, — насчет «выгонят к черту». А где я нахожусь?

Пружинов отмахнулся:

— Неважно. Нет времени. Тебе все вживят. А лучше — подожди до утра, я сам расскажу, а то в этом блядском городишке никому верить нельзя... В самолет сядем — и расскажу.

— В самолет?

Пружинов кивнул.

— Утром летим в Москву. Заберем у Глеба семечко.

«Разумеется, — подумал Денис. — Глупо думать, что этот человек ничего не знает. Его врачи за несколько часов вылечили мою дырявую шкуру; значит, тут есть и мастера ковыряния в мозгах».

— Глеб его не отдаст, — сказал он.

Пружинов изумился, даже слегка подпрыгнул.

— Мне? — спросил он. — Не отдаст? А кому отдаст? Может, он хочет его подарить храму животворящего стебля? Никуда твой Глеб не денется.

— Он с вами даже разговаривать не станет.

— Фигня, — сказал богатейший и влиятельнейший, снова посмотрел вверх и грубо выкрикнул: — Эй, дозу мне!

Мгновенно и бесшумно появился двухметровый малый в шикарном костюме с коньячным бокалом на подносе. Пружинов выпил, и малый исчез. Богатейший и влиятельнейший перехватил взгляд Дениса и деловито пояснил:

— Бухаю. Дожил до старости и только недавно понял, что лучше алкоголя ничего нет. И стимулирует,

и расслабляет. Остальное — говно. И наркота, и мякоть стебля, и нейровозбудители. А про твоего Глеба я все знаю. И про него, и про тебя, и про зародыш. Последний раз вы виделись на сорок седьмом этаже башни «Ломоносов», возле аэропорта. Уговорились, что ты полетишь в Новую Москву, а Глеб переберется в другое место. Ты не будешь знать куда. Завтра в шестнадцать ноль-ноль ты и Таня, девушка Глеба, должны сидеть в некоем питейном заведении под названием «Чайник». Вам принесут телефон. С шестнадцати до шестнадцати ноль пяти Глеб позвонит. Ты скажешь ему кодовые слова. Если за тобой будет хвост или кто-то в момент звонка приставит тебе ко лбу пистолет — ты скажешь: «Все в порядке, Глеб, все в полном порядке». Если хвоста и пистолета не будет — ты скажешь: «Все нормально». Потом Глеб сообщит тебе адрес, и ты пойдешь на рандеву. Правильно?

— У вас есть сканер, — пробормотал Денис.

— У меня все есть, — небрежно ответил Пружинов. — У меня, мой юный друг, есть такие штуки, что я и сам уже не рад, что они у меня есть... Я сейчас вот так сделаю, — он щелкнул пальцами, — и через три часа мне приведут твою точную копию. Реплику Герца Дениса Савельевича, серийный номер такой-то. Она будет говорить твоим голосом. У нее будет твой характер, твои привычки. Твой запах изо рта. Родная мама не отличит. (Богатейший и влиятельнейший хмыкнул.) Ну, мама, может, и отличит, а вот Глеб — вряд ли... Собственно, ты мне не нужен. (Богатейший и влиятельнейший сунул руки в карманы и задрал подбородок.) Но! Во-первых, я хорошо знал твоего отца, и маму твою знаю, и обязан о тебе позаботиться. Во-вторых, я, Дениска, тебе жизнь спас. Если бы мои люди опоздали хоть на час — ты бы погиб. Один из побегов почти проткнул печень. Истек бы кровью — и привет... Эти сектанты — реальные палачи. Жаль, пред-

стоятель утек, он, бля, хитрый... Остальных мы взяли, но от них проку мало...

Денис помолчал. Думать не хотелось. Хотелось пожать Пружинову руку.

— Ты вот что, — велел богатейший и влиятельнейший. — Ты пока сиди тут. Спи, отдыхай, восстанавливайся и все такое. Захочешь пожрать — скажешь, принесут. Кино про папу с мамой посмотри. А я пошел. Утром стартуем, будь готов...

Он выхватил телефон — ковбойским движением, как револьвер из кобуры, — и выкрикнул:

— Эй, бля! Еще дозу — и по коням! Соедините с Шестаковым и позвоните в студию, пусть все подготовят!

Денис смотрел кино всю ночь. Нашел у изголовья пульт, останавливал изображение, укрупнял, отматывал назад и проматывал вперед. Отец и мать казались милыми, нелепыми и совершенно счастливыми. А за окнами редакции можно было рассмотреть исполинские черно-зеленые стебли. Запись длилась почти два часа, и за это время никто из героев ролика не сказал о траве ни слова. Веселились, шутили, подливали другу другу, старик в инвалидном кресле каркающим тенором изрекал грубые хохмы. «Поэтом можешь ты не быть, а гражданином быть не можешь». Мама отважно хохотала, папа расправлял плечи и норовил принять какую-либо живописную позу. Трава никому не мешала, она была — и ее не было. Денис всматривался в лица, пытался понять: прозревают ли эти румяные, беззаботные люди свое будущее? Предчувствуют ли конец? Угадывают ли, что через два десятилетия их светлый и уютный зал, украшенный по стенам забавными картинками, будет сначала разграблен и сожжен, а потом взорван, и облаченные в телогрейки дети румяных и беззаботных придут, чтобы грубыми железными ин-

струментами раскрошить в пыль все, что оставили им бестолковые матери и отцы?

Но ничего не увидел; отцы и матери не думали о будущем. Они наслаждались друг другом. Радовались. Жили сегодняшней минутой. И призраки их не рожденных еще потомков не стояли над ними, с кувалдами наперевес, и не смотрели суровыми глазами на беспечную веселуху.

Эти цветные фигурки из далекого прошлого не строили новую жизнь, не вынашивали планов уничтожения грибницы, не проектировали, поджав губы, грядущее. Они просто любили друг друга и мир, в котором жили. И если бы Денис прошел сквозь экран и оказался рядом с ними — он не произнес бы ни слова упрека.

Они ничего для него не сделали. Они выпивали и закусывали, сидя в мягких креслах, им было тепло и удобно — а ему, их сыну, осталась вареная морковка, хлеб, чай и валенки, пустая и застывшая земля, холод, пыль и нужда, выбитые стекла, колченогие табуреты, деревянные снеговые лопаты. Но упрекнуть — значило отменить их судьбу. А значит, и свою собственную.

Когда сыновья живут хуже отцов — это не беда. Беда, когда сыновья обвиняют отцов в том, что живут хуже.

Не суди род свой, себя осудишь.

Мама смеялась. Она пролила вино на платье, а папа рвался к ней, с салфеткой в кулаке, решительный и юный.

Денис заплакал — он чувствовал себя старше своего отца и понимал, что обязан все ему простить. Отец жил, как мог, сын живет, как может, и, если сын не ответит за отца, он тогда не сын своему отцу.

Все было правильно. И трава, и башни в сто этажей, и «никто никому ничего не должен», и учебники абсолютного процветания, и резиноасфальт, и китайцы в Сибири. Промотали, распродали, пропили, проели, просрали, пустили с молотка собственное величие — бог с вами.

Значит, так было надо. Кто я таков, чтобы вас упрекать? Я всего лишь сын ваш; рожден, где родился; имею, что есть.

Бог с вами.

На рассвете к Денису пришла женщина без возраста, принесла одежду и ботинки. Все оказалось впору. Его повели по пустым коридорам, в бесшумном лифте спустили в гараж и посадили в красную машину, огромную: в салоне уместились бы четыре электромобиля Гарри Годунова. Сопровождающих не было. Возможно, шофера тоже не было, ибо лимузин помчал с нечеловеческой скоростью, и при этом весьма плавно. Замелькал за стеклами стерильнейший, уютнейший город цвета человеческой плоти. Бесшумная техника мыла и без того чистые улицы и витринные стекла. Юноши в белых куртках деловито выносили на тротуары столики уличных кафе.

«Старый дядя Гарри был прав, — подумал Денис. — Я пробыл тут один-единственный день и уезжаю с облегчением. И вряд ли вернусь».

На аэродроме гулял ветер. Несколько широкоплечих, коротко стриженных мужчин стояли под крылом космоплана, окружив груду массивных чемоданов. Пилот грел турбины. Над колеблющимися кронами столетних кедров возвышался Купол — молочно-белый, циклопический, смотреть на него было неловко: он попирал главный, тысячелетний закон, согласно которому самые великие сооружения на планете создает все-таки природа, а никак не человек.

Трап подали сразу, как только приехал Пружинов.

— Нравится? — прокричал он, толкая Дениса в бок и показывая на космоплан.

Денис кивнул.

— Заблюешь мне кресла — будешь должен!

Он захохотал и первым полез по лестнице, споро перехватывая поручни. Его легкое пальто развевалось.

В салоне оказалось тесно, Денис несколько раз ударился головой и локтями. Коротко стриженные рассаживались в соседнем отсеке, сквозь перегородку доносились их грубые голоса и смех.

— Устраивайся, — велел Пружинов. — Слышал про суборбитальные полеты?

— Конечно.

— При разгоне будет худо, зато потом, наверху — реальный кайф. Гарантирую сорок минут невесомости. Если страшно — надень скафандр.

— А вы?

— А я свое отбоялся.

— Тогда и я не буду.

— Ну и правильно, — оценил богатейший и влиятельнейший. — У меня пилот — полковник Военно-космических сил. Боевые ордена, три раза катапультировался... Тоже ничего не боится. Кстати, давай-ка примем дозу.

— Лучше наверху, — предложил Денис.

— Наверху не получится, — с сожалением ответил Пружинов. — Глотнешь, а оно встанет где-нибудь здесь, — он ткнул себя в грудь, — и будет висеть. Никакого толка нет. Бухать надо на земле...

Он достал из кармана фляжку, хлебнул. Протянул Денису. Смотрел, как тот пьет.

— Твой отец не любил это дело. А ты, я вижу, мастер.

— У моего отца была другая жизнь, — сказал Денис.

— Это да, — пробормотал Пружинов и грубым рывком ослабил узел галстука.

— Поехали.

Денис пристегнулся.

Разгон, взлет и последующие десять минут были кошмарны. Примерно на второй минуте Денис перестал ви-

деть и слышать, на восьмой — дышать. Потом стало легче. За иллюминаторами быстро темнело.

— Сейчас тряханет, — не своим голосом прохрипел Пружинов. — Держись крепче. Отделимся от носителя, он вернется домой — а мы наверх...

— Знаю, — выдавил Денис. — Я хотел учиться на летчика. Поступал в авиационный институт. С детства мечтал летать в космос...

— Еще полетаешь, — серьезно заверил богатейший и влиятельнейший, медленно повернул прижатую к креслу голову и подмигнул. — Заберешь семечко — и пойдешь ко мне работать. Нечего тебе в Европе делать. А мне люди нужны...

Потом был рывок, грохот, несколько мгновений бешеной вибрации, и вдруг установилась тишина.

— Вот этот момент, — слабым голосом объявил Пружинов, — особенно люблю.

Улыбнулся Денису.

— Ты не на меня смотри, — посоветовал он. — Ты в окошко смотри. Там твоя родина. Вся.

Денис посмотрел. Родина была огромна и темна. Фиолетово-розовая полоса отделяла ее от бархатно-черного небесного наждака; казалось, проведи пальцем — и обдерешь кожу о густо наклеенные звезды.

— Там Европа, там Азия. — Пружинов тыкал пальцем, как в ресторанное меню. — Там север, там юг. Нравится?

— Да, — сказал Денис. — Красиво.

— Большая, сука, — удовлетворенно произнес Пружинов. — Очень большая. Даже не верится, что она такая большая.

— Кто? — спросил Денис.

— Страна. Жаль, ничего не видать. Мы уже догнали ночь. Вылетели в семь утра, прилетим в пять по московскому времени... Знаешь, почему я люблю космос? Тут людей нет. Тут им жить не по карману. Тут каж-

дый — сам себе бог. Смотришь сверху — все видишь, а их не видишь.

— Кого? — спросил Денис.

— Людей.

Губы богатейшего и влиятельнейшего разъехались.

— Твой отец любил людей — и они его убили. А я не люблю — и вот живой. Понимаешь?

— Да.

Пружинов помолчал и сообщил:

— Я уважаю это место. В смысле космос. Тут хорошо. Я каждый год три недели тут отдыхаю. Прилетаю и бездельничаю. Не на Луну, там тухло. Сплошные тусовки, дискотеки, золотая молодежь, блядки в условиях пониженной гравитации... Я на орбиту летаю. Прилечу — и сижу в каюте. Плаваю, смотрю и думаю. Про них.

— Про людей?

Пружинов кивнул.

— Они про меня мало думают, а я про них — все время. В этом моя сила. У них ничего для меня нет, а у меня для них — все время что-то новенькое. На орбите хорошо думается. Другой принцип кровообращения, клетки мозга снабжаются равномернее... Спускаюсь — идея готова. Беру, прикидываю — и вставляю. Прямо им в головы. Влияю, понял? Они думают, что сами по себе, а на самом деле за них все придумал Никита Пружинов.

— Нельзя все за всех придумать, — сказал Денис.

Богатейший и влиятельнейший отстегнул ремни, оттолкнулся и повис. Улегся на воздух, словно на кушетку.

— А за всех и не надо. К черту всех. Все не нужны. Все — это абстракция. Достаточно повлиять на тех, кто принимает решения. На самых активных. Согласен?

Денис пожал плечами.

— В старых государствах, — продолжил Пружинов, — этого не понимали. Обрабатывали самых глупых и доверчивых. Потом глупые бежали на избирательные участки

и голосовали как надо. Это очень архаично. В моей стране глупые и доверчивые предоставлены сами себе. Им отдали Европу, им дали бесплатный хлеб, который на самом деле ни хера не бесплатный и никогда не будет бесплатным... Они там гужуются, берегут сбереженное, башни сносят голыми руками... Самоуправление, самообслуживание... Жратва – есть, хулиганье и злодеев прижали... Молодцы! А чуть кто появляется смелый, резкий, критично настроенный, мы его – хоп! К себе берем. Под Купол. Или уничтожаем. Так мы твоего Годунова купили. Сказали: или мы тебя ликвидируем на хуй, или – милости просим, вот тебе домик, вот тебе работа, пиши что хочешь, но – под нашим контролем. И что, отказался твой Годунов? Нет! Собрал вещички и переехал. И таких, как он, было много. Мы собрали лучших, сливки, и теперь работаем с ними.

Денис смотрел на черную землю. Вдруг испугался: где люди, где свет городов? Неужели столь огромные пространства тотально пустынны? Наконец увидел жалкую горсть желто-белых огней, успокоился. Сказанное Пружиновым не умещалось в голове, здравый смысл велел не вслушиваться во фразы, иначе вся картина мира, каким его знал Денис, разваливалась, двадцать лет жизни превращались в идиотическую клоунаду.

– И знаешь, что приятно? – продолжал Пружинов, паря меж полом и потолком. – Не оскудевает русский народ! Каждый год мы забираем к себе примерно по триста человек. Умных, быстрых, нестандартно мыслящих. Цвет нации! Кстати, на Глеба Студеникина тоже была в свое время ориентировочка, хотели мы его забрать, к полезному делу пристроить – но пропал парень, занялся какой-то ерундой уголовной... Я его помню. Спортсмен, мощага, ничего не боялся...

«А я? – хотел спросить Денис. – А как насчет меня? Разве я не умен и не быстр? А на меня не было ориентировочки?»

Но не спросил, промолчал. Не захотел услышать ответ.

Пружинов выглядел немного глупо: парящий в положении «на спине» человек в дорогом номенклатурном костюме; конец его галстука реял, и шнурки на ботинках.

— Забираем только самых активных, — продолжил он. — А остальные — черт с ними! Для остальных есть кино про Буслая. Дешево и эффективно. Буслай — молодец, нормально справляется. Это я его придумал. Красивый, сильный, умный, русский — чего еще надо? Одному голову отрубит, другого пчелами насмерть затравит — настоящий национальный герой. Хер опять же стоит круглогодично... Но на элиту он не работает. Слабоват. Элиту, активных, лучше не обманывать, а покупать. Даем им комфорт, постоянную температуру, вечное лето, здравоохранение и доступ к информации. Элита хочет все знать, мы ей даем такую возможность. Мы — власть, мы прозрачны. На, смотри: трансляция из кабинета министра энергетики. На, смотри: трансляция из сортира жены министра обороны. Элита самолюбива и бережет себя. Умники не желают, чтобы мы копались в их мозгах. И мы им это пообещали. Торжественно гарантировали. Никаких воздействий на мыслительные процессы! Идиоты. Зачем мне их мозги? На кой хер мне их мыслительные процессы? При чем тут мозги, если главное — нервная система? Это просто, и это дешево. Зачем воспитывать в человеке честность, если ее можно имплантировать? Зачем уговаривать, если можно вживить немного неуверенности, минимальную дозу страха, вызвать слабенькую депрессию? Я тебе скажу, мой юный друг, — работать с умниками проще, чем с самыми доверчивыми и наивными... — Пружинов закинул руки за голову. — Элита глупа. Самые умные и есть самые глупые и доверчивые. Каждый думает, что он сам себе хозяин. Что он сам принимает решения. Еще бы, ведь он умный, у него высшие баллы, у него диплом, у него ай-кью...

Говоришь ему: ты болван, тебя дурят! А он отвечает: невозможно, я сам во всем разбираюсь, я сам себе хозяин! А потом хавает то, что я ему подсунул. И уебывает, гордый и самостоятельный...

Денис тоже разъял замок на ремнях и стал медленно отделяться от подушек кресла.

— Зачем вы все это рассказываете?

Богатейший и влиятельнейший медленно повернулся на бок.

— Я не рассказываю, — ответил он. — Я излагаю. Дело не в тебе, Денис. Просто я ни о чем другом разговаривать не умею. Либо мы говорим о моем деле, либо молчим. Я прозрачен, у меня нет секретов. Действую открыто. Никого не стесняюсь. Каждому сразу заряжаю: так и так, прошу любить и жаловать, я — Никита Пружинов, чудовище. Я готов каждому вставить в спинной мозг свою микросхему и управлять эмоциями. Другую, такую же, вставляю в голову. Называется — активное информационное поле. Термин глупый, неправильный, потому что всякая информация активна... Но это, бля, честный обмен! Я вам — информацию, нонстоп, свободный трафик, сколько угодно, а вы мне — ваши нервишки...

— А зачем вам семя стебля? — спросил Денис.

Пружинов помрачнел:

— Ни зачем. Положу в личный чейф. Пусть будет.

— «И был царь, именем Иоаким, и был он пресыщен и жесток», — процитировал Денис.

Богатейший и влиятельнейший презрительно рассмеялся:

— Ага. Выучил. Чертова ересь. Ненавижу этих гадов. Вот кто у нас мозги промывает! У них есть такие, знаешь... Чипы особые. Приклеиваешь прямо на горло. Вещаешь — а паства тебя слушает и все дословно запоминает. Кстати, запрещенная технология...

Денис вспомнил скрипучий, вкрадчивый баритон предстоятеля и подумал, что Глеб был прав, когда говорил про невероятное везение. Зеленая братия была готова четвертовать его, но вот появляется некто всемогущий — по совместительству старинный приятель отца — и спасает молотобойца от гибели. Это даже не везение, это — чудо.

— А как вы меня нашли? — спросил он.

— А чего тебя искать? — Пружинов теперь висел лицом вниз, вращал головой, разминая шею. — Есть же записи. Ты попал в секту случайно. У нас по всему городу сеть добровольных осведомителей. Когда район отключают на регламент, он становится бесконтрольным. А это очень плохо. Поэтому наши осведомители, живущие в отключенном районе, получают сигнал тревоги, хватают направленные микрофоны и садятся возле окон. Увидят что-то подозрительное — включают технику и слушают. Это, конечно, не тотальный контроль, но все-таки лучше, чем ничего... Подъехала машина странная, внутри двое мужиков сидят... Разговаривают, на улицу не выходят... Подозрительно, бля! Так наш осведомитель записал твой с Годуновым разговор. Но этот мудила был не только осведомителем, но и членом братства стебля, и он сначала связался с единоверцами. С предстоятелем. Так и так, ваше преосвященство, из Европы приехал дикарь семя стебля продавать...

— Я не продавал, — сказал Денис.

— Какая разница, — небрежно сказал Пружинов. — И уже потом, после разговора с паханом секты, агент передал запись по начальству... Ну не гад, скажи?

— Гад, — искренне согласился Денис.

— Сейчас сидит у нас в подвале, плачет, ему тройную дозу стыда вживили. Как наплачется — будем его наказывать. Ты ведь мог помереть, Денис. Бамбук — это такая штука... Растет со скоростью миллиметр в минуту. Пытка

считается китайской, но это вранье, не было у древних китайцев такой пытки. Они в основном любили щипцами от тела отрывать, небольшими кусочками...

Денис подумал, набрался храбрости и спросил:

— А мне вы тоже что-нибудь вживили?

— Да, — резко ответил Пружинов. — Как только в мою клинику доставили, сразу вогнали два моих чипа, личных. Нового поколения. У тебя ведь не болела голова? Не тошнило?

— Нет.

— Вот видишь. Хорошие чипы, лучше старых. Еще месяц будем проверять, потом, бля, внедрим повсеместно.

— И сейчас вы мной управляете?

— Не ссы, — небрежно посоветовал богатейший и влиятельнейший. — Только самую малость. Я имплантировал дозу уважения. К самому себе. Заметь, слабую дозу. Суточную. К вечеру рассосется. Я был обязан это сделать, Денис. Чтоб ты, бля, не брыкался, а внимательно слушал и делал, что тебе говорят. Ты бы и так, конечно, сделал, но у нас не было времени... Ты на меня не смотри, ты видом наслаждайся. Мы еще полпути не пролетели... Хочешь, кстати, настоящего веселья?

— Не знаю, — тихо ответил Денис. — Мне и так весело.

— Можно надеть скафандры и открыть люк. Полетаем минут пять, отдельно от космоплана. Что скажешь?

— В другой раз.

Пружинов посмотрел, сощурив глаза, потом захохотал.

— Ага! Обиделся, что я на твоих нервишках сыграл! — Он вытянул руки и изобразил игру на рояле. — Не обижайся. Если бы ты поговорил с Никитой Пружиновым, побыл рядом, увидел бы его жизнь, его, бля, работу, его дом — ты бы сам принес ему семечко. Возьмите, Никита Никитович, вам оно нужнее... Правда, Годунов наверняка наговорил про меня всяких гадостей... Было у нас с ним

одно недоразумение... Но это все чепуха. Тогда никто не пострадал. Пойми, Денис... Я не люблю людей, но я не зверь тоже. Я несу в мир добро! Что, Буслай разве плохой персонаж? Или, допустим, бескорыстная дружба с Китаем. Согласись, хорошая придумка? Или ваш европейский лозунг: «Делай вещи, а не деньги». Да вы должны на руках меня носить, за такой лозунг! Этот блядский зародыш грибницы — кто должен им владеть, если не я? У зеленых братьев ты был, все сам видел. Эти фанатики любому кровь пустят. Сдать гражданским властям — там будет одно из двух: или продадут китайцам, или отнесут военным, а военные сразу лапу наложат. Я, Пружинов, — именно тот человек, которого ты искал. Ты искал честного — я и есть сама честность. Я, бля, честно признался тебе, что влияю на твою нервную систему с помощью технологии активного информационного поля. Я мог бы этого не говорить — но сказал. Ты искал неподкупного — более неподкупного, чем я, ты не найдешь. Потому что деньги у меня уже есть. Ты искал достойного — я и есть самый достойный. Я никогда не брошу его в почву. Я один из хозяев страны, я создал этот мир — зачем мне все ломать? Скажи сам, достоин я или не достоин? Только честно.

— Не знаю, — сказал Денис. — Наверное, вы правы. Только я не все понял... Вы говорили, что уничтожаете тех, кто не хочет ехать под Купол...

Пружинов вздохнул:

— Их было очень мало. Всего несколько человек. Мы вынуждены казнить непокорных, Денис. Это правило номер один. Любая власть казнит непокорных, по-другому нельзя. Некоторые от нас ускользнули. Был, допустим, некий Емельян Головогрыз, бандит и наркобарон. Мы сделали предложение, когда ему было всего семнадцать. Во всех городах европейской части России у нас сидят наблюдатели, они контролируют школы, институты, ве-

дут досье, отслеживают... Он никакой не Емельян и не Головогрыз, у парнишки была золотая медаль, он был гениальный химик... Он мог бы принести пользу, а стал убийцей...

Богатейший и влиятельнейший подплыл к иллюминатору. Достал платок, протер стекло.

— О, смотри, Урал. Мы уже в Европе. Видишь, сколько земли? Большая страна, ее трудно держать, а держать надо вот так... — Пружинов потряс кулаком. — У нас куча проблем, на нас давят, нам завидуют, все хотят наши территории, нашу воду, наш литий. Мы работали день и ночь, мы с огромным трудом подняли рождаемость, мы запустили пятьсот ветряных электростанций, и каждая обошлась нам в бешеные деньги. Мы до сих пор контролируем только границы и несколько крупных городов. Люди недоедают, мерзнут, пьют...

— Тогда надо высадить траву, — сказал Денис. — Бросить семя в почву. Не в Москве, конечно. Где-нибудь в пустыне. Пусть голодные питаются сырой мякотью.

Пружинов нахмурился.

— Она не вырастет в пустыне, — произнес он. — Она — как подорожник, растет только возле человека. Она, бля, вообще не растение. И не грибница. Это своего рода первоплоть. Древнейшая протоплазма. Она старше любого известного науке растения и вообще любого организма. До некоторой степени она разумна. Она не трогает ничего, что создано человеческими руками, но никому не позволяет остановить процесс своего роста. Судя по тому, как защищен ее зародыш, она способна выживать в космосе. В свое время был проект забросить семечко на Марс, но ни одна сволочь не пожертвовала своим семечком. Министерство обороны не дало, институт не дал. Еще трое, я точно знаю, имеют в личном пользовании по одному зародышу, но и они не смогли расстаться...

— А вдруг и Глеб не захочет?

— Это его проблемы, — сказал Пружинов и полез в кресло, упираясь ногами и руками на манер краба. Галстук реял перед его лицом. — Давай, бля, пристегивайся. Сейчас тормозить начнем. Плохо будет. Тошнить будет, трясти будет. Но мой пилот по-другому не умеет. Он, бля, солдат, ему все похер. И мне, кстати, тоже. Я пошлю с тобой четверых быков. Это мои лучшие быки. Трое живых и один андроид. Любой из них твоего Глеба мизинцем успокоит. А андроид — так, для страховки...

— Что вы хотите с ним сделать?

— А что ты хочешь, чтоб мы сделали? — деловито осведомился Пружинов. — Можем ликвидировать. Девушка достанется тебе, а семечко — мне. Можем память потереть. Можем превратить в олигофрена. Можем отпустить с богом и даже денег дать...

— Поменять семя стебля на сало дьявола, — пробормотал Денис, пытаясь поймать плавающий в воздухе конец ремня.

— Да брось ты. Тоже мне, «сало дьявола»... Ты не думай, я в Москву лечу не за семечком твоим. У меня дел полно. Восемь встреч, вечером — обратно. Ребятам отдан приказ: в случае проблем зачистить территорию под ноль. Если там кроме Глеба будет кто-то — всех положат. И Глеба тоже положат.

— И меня, — пробормотал Денис.

— Тебя не положат, — негромко сказал Пружинов. — Если сам дурить не будешь. А ты не будешь дурить, Денис.

— Вы меня не знаете.

Пружинов откинул голову, закрыл глаза. Помолчал.

— Верно, — сказал он. — Но я знал твоего папу и твою маму. Ты, как твой папа, готов подохнуть за идею. Но это должна быть понятная идея. Ты не будешь подыхать за семя стебля, потому что не знаешь, что это такое. Ты скажешь Глебу, чтобы он отдал семя, и Глеб его отдаст. Потом тебя привезут ко мне, вместе с Глебом и семенем.

Потом мы вытрем Глебу память и отправим домой. А ты полетишь со мной под Купол. Девочку твою не возьмем, извини. Девочка не нужна, новую найдешь. Мать можем взять... Но Варвара не полетит, откажется... Ты ей потом позвонишь, объяснишь. Вот такой у меня, бля, план. Что скажешь?

Денис затянул ремни.

— Хороший план, — ответил он. — Хороший, бля, план.

8

Они высадили его в квартале от места. В машине переоделись в традиционный для весенней Москвы молодежный прикид: яловые сапоги с коротким голенищем, брезентовый бушлатик. И опять все пришлось впору, мало того, оказалось ветхое, истончившееся, давно не чищенное. Каждую мелочь продумали, отметил Денис, даже деньги дали мелкими мятыми купюрами.

Вошел в «Чайник», пожал руку Кеше. Таня сидела в углу, на обычном месте, за «их» столом, здесь собиралась только своя компания, старожилы, постоянные клиенты: Денис, Модест, еще несколько ребят, знавших друг друга с первого класса.

— Ой, какой суровый, — сказала Таня, улыбнувшись. — Может, поцелуешь?

— Может, поцелую, — ответил Денис, старательно глядя мимо.

Водки выпить, пронеслось в голове. Старший отряда, главный «бык» Пружинова, сказал, что выпить можно и нужно. Грамм сто — расслабиться.

Часы над барной стойкой показывали пятнадцать тридцать пять.

Огляделся. Пока шел к собственной родной башне, не смотрел по сторонам, избегал сравнений — сравнивать

два города было глупо и даже опасно. Но в «Чайнике» серо-коричневое, облупленное, смрадное придвинулось, обступило, полезло в глаза, в нос, в уши. «Чайник», разумеется, был убогим заведением. Убогой была сама его идея, не говоря уже о воплощении. Денис ужаснулся. Я ходил сюда три года подряд и провел тут немало прекрасных минут. Здесь я впервые выпил пива, здесь я впервые выпил водки, здесь я впервые схватил женщину за жопу, а чуть позже впервые подрался, из-за той же жопы той же женщины, и впервые получил в ухо не от пацана-ровесника, а от взрослого беспощадного мужика, и впервые узнал, что такое получить в ухо настоящим взрослым кулаком. И мне было хорошо. И пиво нравилось, и водка, и жопы женщин, и даже получать в ухо нравилось. Почему я не замечал этой грязи, кривизны, расшатанных лавок и столов, почему не обонял запахов прогорклого масла и скверного табака, почему не слышал скрипа ржавых дверных петель? И эти опилки на полу, и стаканы мутного желтоватого стекла, и — главное! — эти лица, помеченные печатью нищеты, обветренные, обтесанные, нездоровые. Мокрые, дыбом стоящие волосы и кислая вонь насквозь пропотевших свитеров. И каждый садящийся за стол норовит положить рядом свой засаленный кепарик. Сидят, дымят, преют, млеют, дуют в блюдца, крутят кривые цыгарки кривыми пальцами. Кеша суетится меж столов с огромным медным чайником, бликует его лысина в свете лампочки, фартук пропитан черным жиром — хоть в котел кидай и бульон вари. Тухло, гадко, нездорово. После Новой Москвы мне нельзя сюда, я уже не способен, я не могу, я видел, как можно жить. И Таня, еще три дня назад казавшаяся шикарной девахой, теперь видится как неухоженная смазливая поблядушка, и на лбу у нее прыщик, грубо замаскированный слоем пудры, и губы обветрены, и волосы по-русалочьи распущены, словно не в пивную пришла,

а в оперу, а этот кулончик на бледной груди вообще ниже всякой критики.

— Ты смотришь на меня, как на кучу дерьма, — сказала Таня.

— Извини.

Она усмехнулась, с вызовом.

— Ничего. Я понимаю. Конечно, меня не сравнить с бабами из-под Купола.

— Я не сравниваю.

— Врешь. Расскажи мне.

— Про что?

— Про баб из-под Купола.

— Сначала — ты. Про Голованова.

Таня опустила глаза.

Кеша принес графин и две стопки. Водка с горячим крепким чаем — местный фирменный напиток: и согревает, и бодрит, и вкус оригинальный.

— Капустки свежей?

— Спасибо, Кеша, — искренне произнес Денис. — Давай неси.

— А при чем тут Голованов? — весело спросила Таня. — Ты что, ревнуешь?

Денис подумал и ответил:

— Не знаю.

Часы показали пятнадцать сорок восемь.

Быки повесили на Дениса жучок и сейчас слышали все, что говорилось в радиусе пяти метров от клиента, — беседовать на темы любви и ревности было глупо. Денис разлил по рюмкам водку, выпил и закашлялся. После коньяка из фляжки богатейшего и влиятельнейшего человека страны местная водка не шла в горло. Дерьмо, сивуха, а я пил ее четыре года, и ничего, хмелел.

— Ты позвал меня, чтобы поговорить про Голованова?

Денис покачал головой.

– Я сегодня увижу Глеба, – сказал он. – Что ему передать?

Таня мгновенно перестала улыбаться и процедила:

– Привет.

– И все?

– Все.

Денис помедлил и объявил:

– Все кончилось. Сегодня Глеб вернется. И все будет как раньше.

– Как раньше – уже не будет, – ответила Таня. – Никогда.

– Будет. Даже лучше будет. Поверь мне.

Денис вспомнил дегустацию семени и содрогнулся от отвращения.

Он бы сидел здесь вечность. В жирном дыму, на липком табурете. Лишь бы с нею. С ее кулончиком, с ее губами обветренными.

– У вас с Глебом, может, и будет, – сказала она. – А я уезжаю. Под Купол.

Старший отряда оказался прав, водяра расслабила Дениса, и он засмеялся, откинув назад голову и коснувшись затылком холодной сырой стены.

– Голованов позвал?

– Да, – небрежно ответила Таня.

– Зачем он тебе?

– Голованов? Он мне не нужен. Он мудак полный. Но он сказал, что поможет.

– А ты ему натурой компенсируешь?

Таня хладнокровно кивнула:

– С девушками иногда такое случается.

– Подожди до вечера, – попросил Денис. – Увидишься с Глебом, поговоришь... Потом решишь насчет Купола.

– Я не хочу видеть Глеба. Я больше не хочу его видеть, никогда.

– А меня? – спросил Денис.

– И тебя, – сказала Таня. – Ты такой же, как Глеб. Ты отдал меня Глебу. Ты не поборолся за меня, ты уступил меня. В сторонку отошел.

«Быки будут в восторге, – подумал Денис. – Сидят сейчас, все трое, затаив дыхание, прислушиваются и подмигивают друг другу. А четвертый – андроид – не подмигивает, ему неинтересно».

– Ты сама выбрала.

Таня побледнела.

– А ты утерся, – бросила она. – И молча отвалил! Взял бы – и убил его. Если меня любишь. Тем более – он конченый подонок. Почему ты не убил его? Ладно, пусть не убил, но сказал бы: не подходи к моей Тане, а то убью! Я бы осталась с тобой. Я бы знала, что ты за меня убить готов, и всегда была бы только твоя, и никогда бы не посмотрела в сторону! Это ты виноват. Ты слабак. Я говорю тебе, что буду спать с Головановым, а ты киваешь...

– Делай что хочешь, – сказал Денис. – Я тебя люблю. Я хочу, чтобы тебе было хорошо. Если тебе хорошо с Глебом – будь с Глебом. Если тебе хорошо с Голованом – будь с Голованом.

– Дурак! – яростно прошептала Таня. – Боже, какой дурак! Я закрутила с Глебом, чтобы тебя проверить! Понимаешь?

Денис поднял глаза на циферблат и увидел Вовочку. Бойфренд мамы держал в руках кувшинчик с квасом.

– Не помешаю? – вежливо спросил он.

– Уже помешал, – сказал Денис. – Прости, но у нас разговор.

– Нет у нас разговора, – тут же сказала Таня и встала. – Уже поговорили.

Ушла, почти бегом, но куртку оставила. Глаза подведет и вернется, подумал Денис. Может, Пружинов и прав. Найду себе другую. Они все одинаковые.

— Ты бы матери позвонил, — осторожно сказал Вовочка, садясь. — Она не знает, что ты вернулся.

— Узнает.

Вовочка огляделся, и на его грушевидной, отягощенной бульдожьими брылями физиономии появилось дежурное кислое выражение.

— Грязно тут, — пробормотал он. — Дым, шум, воняет... Когда мы уже научимся жить по-человечески? Не кафе, а шалман какой-то.

«Хорошо, что он пришел, — подумал Денис. — Если тебя прослушивают, лучше говорить о грязи, чем о любви».

— Там, в углу, — он показал пальцем, — есть тряпка и ведро. Возьми и вымой. Если тебе грязно.

Вовочка удивленно поднял брови:

— У этого заведения есть хозяин.

— Есть, да. Он убирается дважды в день. Потом приходят новые люди и приносят новую грязь.

— Я и говорю, все прогнило. В грязи живем.

— Ага, — сказал Денис. — Слушай, я все хочу тебя спросить... Ты ведь налоговый инспектор?

— Да.

— Но мы живем в безналоговой зоне. В чем заключается твоя работа?

— Долго рассказывать, — произнес Вовочка и налил из кувшинчика в стакан.

Квас у Кеши был хорош. В отличие от большинства кабатчиков, Кеша не разбавлял его водой и не крепил портвейном.

— А ты попробуй, — сказал Денис.

Вовочка осторожно улыбнулся; от ответа его избавила вернувшаяся Таня: свежая, непринужденная, походка от бедра, телевизионная улыбка.

— Прошу прощения, — приветливо сказала она Вовочке. — Я была слишком резка с вами.

– Ничего, – ответил Вовочка, выпрямляя спину. – Дело молодое. Я уже ухожу.

– Останьтесь, – попросила Таня. – Денис мне о вас рассказывал.

Молотобоец кое-как сдержал гримасу изумления.

Вовочка был не самый умный человек, но и не самый глупый, он не питал на свой счет иллюзий и явно не поверил, что может заинтересовать собой двадцатилетнюю красивую девушку. Он улыбнулся горьковатой взрослой улыбкой.

– И что же рассказывал обо мне Денис?

– Что вы всегда всем недовольны.

Вовочка не удивился:

– Да. Недоволен. Мне не нравится, как я живу, и я недоволен. Вы молодые, красивые и сильные ребята, вы меня не поймете.

– Да, мы молодые и красивые, – возразила Таня, – но мы не глупые. Мы поймем.

Денис не знал, напрягаться ему или расслабляться. Часы показывали пятнадцать пятьдесят, и Таня могла исполнить все что угодно. Устроить скандал, напиться в хлам, организовать светскую беседу и тут же превратить ее в серию издевок и уничижительных реплик.

– Я, пожалуй, пойду, – сказал Вовочка. – Поговорим потом.

Таня проигнорировала сказанное и сообщила:

– Один человек предложил мне уехать отсюда. В Сибирь. В Новую Москву. Он примерно вашего возраста. Он сказал, что здесь все плохо, а там все хорошо. Вы друг мамы Дениса. Вы женитесь на маме Дениса, а Денис женится на мне, и мы станем родственниками. Скажите мне, как будущий родственник, что мне делать?

Денис вздохнул. Его худшие опасения оправдывались. С другой стороны, слова «Денис женится на мне» прозвучали хорошо. Веско и просто.

«Взять и жениться, сегодня же, — подумал он. — А Пружинов сотрет Глебу память за последние три года».

— То есть вы не знаете, где вам будет лучше, — предположил Вовочка, — с любимым человеком в Старой Москве или с нелюбимым мужчиной в Новой Москве?

— Допустим.

Налоговый инспектор сутулился над своим стаканом. Посмотрел из-под очков, поморгал.

— Таня, везде одно и то же. И в Старой Москве, и в Новой Москве, и между ними. Везде развал, плесень и безнравственность. Все прогнило насквозь, мы живем в грязи и бесстыдстве. Я могу вам посоветовать только одно: куда вас тянет — туда и идите. Следуя, как говорится, зову сердца... Понимаете?

Таня серьезно кивнула:

— Понимаю. Только я не живу в грязи и бесстыдстве.

— Вам мало лет. Вы не видели другой жизни, кроме этой, — Вовочка показал на стены и почти скрытый в чаду потолок. — А я видел. Мы живем слишком тяжело и бестолково, и эти два десятилетия так называемой новой истории — эпоха позора и глупости. Сорок миллионов очнулись, так сказать, от дурного сна... И теперь пытаются вспомнить, что такое настоящая жизнь... Двадцать лет шатались, метались, вспоминали, что такое работа, что такое, э-э, трудовая копейка... Кое-как вырастили детей... Возле буржуек, на манной каше, на рыбьем жире... Вы хорошая девочка, Таня, но мне нечего вам посоветовать, мне перед вами, молодыми, неудобно... Мне вас жалко.

— Нас не надо жалеть, — сказал Денис. — Себя пожалей. Это не эпоха позора и глупости, а моя жизнь, и я ее не в позоре живу. Это, может, ты ее живешь в позоре, а я — нормально.

— И я, — сказала Таня и посмотрела на Дениса серьезно, внимательно, и он вдруг задохнулся от прилива вос-

торга. Она была права, я должен побороться, все в моих руках; и я сегодня же устрою все свои дела. Пружинов получит семя стебля. Глеб получит деньги и возможность начать жизнь заново. Я получу Таню.

Это было так чудно, так хорошо: сидеть и спорить втроем, чтобы тебе возражал некрасивый человек с серым унылым лицом, а на твоей стороне была бы девушка с насмешливым взглядом огромных глаз. Это было бы совершенно великолепно, если бы в пятистах метрах от места спора не сидели в бронированном экипаже четверо убийц, вслушиваясь в каждое твое слово и нетерпеливо поглаживая стальные суставы автоматов.

Часы показали шестнадцать ноль две. Подошел Кеша, пахнущий кухней. Протянул телефон:

— Тебя.

Денис схватил трубку.

Голос Глеба был бодр.

— Как дела?

— Все нормально, — произнес Денис. И повторил, более четко: — Все нормально.

— Башня «Лев Толстой». Северное крыло. Восемьдесят пятый уровень. Через час.

9

Ты о нас забудь, сказал старший отряда, глядя на Дениса равнодушно-диковатым взглядом. Ты иди себе спокойно и про нас не думай. Как будто нас нет. Зайдешь, поговоришь, заберешь товар — и назад. Если будут проблемы — мы сами все поймем и в нужный момент появимся и поможем... Товарища твоего не тронем. За него не бойся. Понял?

Денис кивнул. Остальные на него не смотрели: деловито навинчивали глушители.

Он сразу взял хороший темп. Сороковые, пятидесятые, шестидесятые проскочил, ни разу не остановившись. Сами сказали — идти спокойно и не думать. Пусть теперь попотеют, пытаясь угнаться за профессионалом... Впрочем, с ними андроид, андроиды не потеют.

Башня «Лев Толстой» была одной из самых запущенных. Здесь никто не жил даже на самых нижних этажах. В первый год искоренения в «Толстом» устроили коллективное самоубийство члены радикальной секты «Воины стебля» общим числом в семьсот человек, и дом снискал дурную репутацию склепа, населенного ходячими мертвецами и призраками. Сейчас здесь можно было встретить только любопытствующих подростков, любителей пощекотать нервы. Или, наоборот, самых отпетых и расчетливых преступников, из тех, кто скрывается и от закона, и от своих же приятелей.

Между шестьдесят пятым и семидесятым несколько уровней были выжжены напалмом, стекла в окнах оплавились, из дыр крепко задувал влажный мартовский ветер. На семидесятых Денис ускорился изо всех сил, но и опасные семидесятые здесь пустовали: не донеслось ни звука, ни запаха живых людей. Призраки тоже не появлялись. Только в одном месте, на семьдесят седьмом, стены были испещрены пулевыми отметинами, а лестница — густо засыпана автоматными гильзами, причем вполне свежими.

На восемьдесят пятом замер, перевел дыхание. Прислушался, но не различил за спиной чужих шагов. Бойцы Пружинова знали свое дело. Или просто отстали. Впрочем, с ними андроид, андроиды не знают усталости.

Смрадный, затканный паутиной коридор вывел его в помещение, некогда бывшее рестораном; уцелели несколько столов и стульев, пол был густо засыпан битой

посудой, а у стены лежал труп, сгнивший, высохший и объеденный крысами много лет назад.

Нашел погруженную в полумрак кухню, откуда мародерами было вынесено все, кроме одного огромного холодильника, никелированного монстра; его тоже пытались вытащить, передвинули к выходу, но потом, очевидно, поняли, что монстр не пролезет в проем, и бросили, напоследок отвинтив, отрезав и выдернув все, что можно, и вдобавок наложив внутри ящика внушительную кучу дерьма. Дерьмо имело глубокий черный цвет, как небо за окном суборбитального космоплана.

Нашел третью дверь налево — собственно, то была не дверь, а проход, занавешенный истлевшим пыльным одеялом. Осторожно проник. Открылся еще один коридор, освещенный несколькими лампами. Лампы и провода меж ними были новенькие. В дальнем конце коридора стоял, улыбаясь, Глеб, одетый в черное, худой и небритый. Глаза блестели.

«Зачем ему освещать коридор?» — подумал Денис и приветственно махнул рукой.

— Опоздал, — сказал Глеб. — На восемь минут.

— Расслабился, — объяснил Денис. — После жизни под Куполом.

Глеб кивнул, но смотрел теперь не на своего друга, а ему за спину. Спокойная улыбка сменилась гримасой досады и ярости, Глеб попятился и исчез за поворотом коридора; в тот же момент Дениса сильно толкнули в спину, он упал, а через него уже перепрыгивали, почти бесшумно, огромные быстрые тени.

Лампы в коридоре тут же погасли, все сразу, и Денис ослеп, но атакующие среагировали в долю секунды, включили свои фонари; по потолку и стенам запрыгали круглые пятна света.

Они двигались, как животные, стремительно, огромными прыжками, один, второй, третий, четвертый —

исчезли за поворотом. Хрипло, сдавленно заорали, что-то упало; глухо, словно ладонью об подушку, ударили выстрелы, и были еще какие-то не опознанные Денисом звуки: отвратительные, чавкающе-булькающие, и рычание, и ругательства, и стоны, и что-то опять упало, тяжко, с плотным стуком. Денис не рискнул подняться, подождал, прислушался. В десяти метрах от него, за поворотом коридора, продолжало булькать, скрестись и хрипеть. Запахло жженым пластиком. Денис подождал еще.

И вот, услышал: Глеб смеялся. Дико, полушепотом. Потом застонал и позвал:

– Денис!

– Я здесь, Глеб. Здесь.

– Сколько их было?

– Четверо.

– Ага, – медленно ответил Глеб. – Иди сюда.

– Ты где?

– Иди... прямо до поворота. Только медленно. От входа ровно одиннадцать шагов... Потом остановись. Дальше не ходи, а то тебя пополам разрежет.

За поворотом коридора была комната, большая, пустая; фонари нападавших лежали на полу, освещая мусор и черные лужи крови.

– Не двигайся! – крикнул Глеб и опять застонал.

Денис рассмотрел место боя, и его тут же обильно вывернуло, прямо под ноги.

– Иди вдоль левой стены, – произнес Студеникин, терпеливо дождавшись, пока Денис откашляется. – Прижмись. Руки держи по швам. Тут везде ловушки.

Денис осторожно двинулся, стараясь не смотреть на то, что осталось от нападавших. Из тел продолжала обильно вытекать кровь, и рука одного из бойцов, отсеченная, словно бритвой, пониже плеча, бессмысленно шевелилась, пытаясь достать до скобы валявшегося рядом автомата.

— Теперь ложись на пол и ползи ко мне, — скомандовал Глеб. — Очень медленно. Голову не поднимай.

Денис различил фигуру Студеникина: он сидел у стены, придавленный огромным телом последнего и самого сильного из бойцов.

— Помоги...

Денис дополз, выпрямился. Ухватил мертвого солдата за локти, потянул. Белое лицо убитого было глубоко рассечено вдоль и поперек, уши оторваны, оба глаза вытекли, губа вместе с частью щеки отрезана, и видна была лицевая кость, почему-то черная.

— Андроид, — пробормотал Глеб. — Мне повезло, что он последним шел. Андроиды всегда идут позади людей... Люди — дешевле...

— Нановолокно, — догадался Денис.

— Да. Троих живых сразу порезало. Хорошая нитка, новейшая, семь микрон... Я тут двенадцать сетей натянул... Смотри, вон у того, блондина, череп на четыре части развалило. А этому носорогу ничего не сделалось, — Глеб уперся обеими ногами в грудь человекоподобной машины и со стоном оттолкнул от себя. — Прямо через ловушку пролез, даже не споткнулся...

— На то он и андроид, — сказал Денис. — Андроиды не спотыкаются. И как ты его?

Студеникин вытер окровавленный рот и показал огромный пистолет с толстым дулом.

— Прикупил у барыг травяных. Хорошая вещь. Направленный электромагнитный импульс. Двадцать тысяч юаней отдал. Но этот, блядь, железный дровосек тоже крепкий, сука... Четыре заряда получил в живот, а меня все равно достал. Руку сломал, по-моему...

— Идти можешь?

— Могу. Только ты не спеши... — Глеб закрыл глаза и улыбнулся. — Я посижу немного... Дух переведу.

— Ты точно в порядке?

Над безобразными кусками тел поднимался пар. Один из фонариков намок от крови, мигнул и погас. Студеникин разлепил веки.

— Как там сказано... Если долго сидеть на жопе и смотреть на труп врага, река выйдет из берегов и намочит твою жопу. Ты уверен, что их было четверо?

Дениса опять стало мутить.

— Уверен, — пробормотал он. — Вместе из Новой Москвы летели. На одном космоплане. Но у них есть хозяин, Пружинов. Директор-распорядитель Нулевого канала.

Глеб осторожно положил пистолет на пол, высвободил пальцы — они дрожали.

— Значит, это он хочет забрать у меня семя?

— Да.

Студеникин подтянул колени к подбородку. Посмотрел снизу вверх.

— А ты?

Денис не нашел что ответить. Отвел взгляд.

— Ты это... — Глеб говорил тихо, медленно, мягко, — ты не волнуйся. Я все понимаю. Ты не виноват. Лучше скажи: неужели ты думал, что они прилетят, заберут у нас зародыш и руки пожмут: «Спасибо, пацаны»?

— Я вообще ничего не думал, — пробормотал Денис. — Меня заставили.

Глеб кивнул, но Денис уловил печальную иронию в его ухмылке. «Ну и пусть», — подумал он.

Пусть ухмыляется, я не виноват, меня действительно заставили. И не просто заставили; я до сих пор ощущаю остатки приязни к хорошему красивому человеку Никите Пружинову, гению и труженику. Хотя электронный паразит, присосавшийся к моему спинному мозгу, давно не получает новых сигналов; здесь вам не Пип-Сити, здесь нет активного информационного поля. Здесь все по-другому.

— Они завалили бы нас, — сказал Глеб. — Обоих. Им нужно семечко, а мы — не нужны.

— Но ты говорил...

Студеникин рассмеялся и перебил:

— Этот, как его... Пружинов... Он ведь охуеет! Пацан в телогрейке четверых его бойцов на фарш порубил! Скажи, круто? Как по нотам прошло! — Он громко сглотнул. — Да, брат! Я сказал, чтоб ты нашел под Куполом людей достойных. Но на самом деле я ждал, что приедут не самые достойные, а гады какие-нибудь, со стволами. Если бы ты привел достойных и честных — я бы очень удивился. Так всегда бывает, Денис. Ищешь самых достойных — находишь самых жадных. Самые крутые гады, реальные упыри — они всегда под достойных маскируются.

Под подошву сапога натекла кровь. Денис ощутил злобу.

— То есть ты все продумал, да? Заранее?

— Выходит, что так, — трезво ответил Глеб. — Зато теперь я точно знаю, кто главный охотник за моим зародышем. Этот Пружинов — чего, говоришь, он директор?

— Нулевого канала.

— Чиновник?

— Да. И миллиардер.

— Не военный?

— Нет.

— И эти, — Студеникин показал на бесформенные куски мяса, — его личная банда?

Денис кивнул.

— Значит, — сказал Студеникин, — дело сделано. Я решил так: Денис — умный человек и он сразу отсеет дилетантов и всяких лохов. Появится информация, что в Москве найдено семечко, пойдет шевеление, определятся претенденты, они вокруг Дениса покрутятся, более сильные отодвинут слабых, произойдет отбор, и в мои сети прите-

тит самая жирная муха. Прикинь, брат, какой я умный! Я сейчас сижу и сам от себя охуеваю.

— Ты убил троих и радуешься.

— Иначе они убили бы и меня, и тебя.

Денис прочистил горло, но звуки все равно вышли трудно, сипло:

— И что ты будешь делать теперь?

— А ты бы что сделал? — Глеб скривился. — Продолжал искать честных и достойных?

— Да, — сказал Денис.

— Тогда иди. Ищи.

— А ты?

— А про меня забудь. Семя — мое. Оно будет у меня. Я сам решу, кто достоин, а кто недостоин. Пока я таких не вижу... А вижу только кучу мяса! И пластмассового дебила, обученного убивать таких, как я!

Студеникин схватил пистолет, вытянул руку и нажал на курок. Дуло с треском выплюнуло огромную фиолетовую искру. Андроид конвульсивно дернулся, пальцы его сжались и разжались.

— Видал? — Глеб опять выстрелил. — Электрический палач пришел за моим зародышем! Но хуй-то! Не так просто взять Глеба Студеникина! Нет вокруг меня достойных! Я и есть самый достойный!

— Надо выбираться, — сказал Денис.

— Выберемся, — сухо ответил Студеникин. — Только в разные стороны, малыш. Ты направо, я налево. Ты — домой. А я — туда, где семечко спрятано...

— Зачем оно тебе?

Глеб дернул головой, посмотрел дико.

— Не знаю. Честно — не знаю! А что с ним делать? Налить воды? В почву бросить?

— Налей, — посоветовал Денис. — Сделай, друг. Плесни водички. По крайней мере перестанешь мучиться.

Глеб помрачнел:

— Нет. Я уже думал. Наладить бизнес, барыг подключить, вырастить грибницу — через пару лет стану самым богатым. Импорт в Китай, в Чили, в Штаты... Монополия! Объявлю себя спасителем отечества! Проблема голода решена, все довольны, на каждом перекрестке — моя статуя из чистого золота... А что у кого-то родятся зеленые человечки — это чепуха. Сорок миллионов сытых и счастливых — и каких-то пять или десять тысяч гомо флорусов. Тут даже думать нечего.

— Значит, брось его в почву.

— Не могу! — выкрикнул Глеб. — Да, я сволочь... Но все-таки, бля, не последняя сволочь! Не хочу никого губить. И главное — не хочу выбирать из двух. Бросить в почву, не бросить в почву... Я где-то читал, что выбор из двух — это выбор дьявола. Не буду выбирать. Ничего не буду делать. Сяду возле него и успокоюсь. Навсегда. Оно — мое. Оно не просто так ко мне попало. Оно само меня выбрало! Значит, мне его хранить. А что будет дальше — мы с тобой не знаем и знать не можем...

Денис помолчал. Глеб дрожал, черты лица его заострились.

— Иди, — сказал он. — Справа в углу — второй выход. Иди, малыш.

— А ты?

— За меня не переживай.

— А с Пружиновым как?

— Пошли его на хуй. Ты ему не нужен. Скажи, Глеб Студеникин кланяться велел. Если начнется шум насчет трупов, вали все на меня. А теперь — иди.

Денис медленно встал. Надо было что-то сказать. Что-то особенное, важное.

— Мы еще увидимся? — спросил он.

— Конечно, — ровным голосом ответил Глеб. — Кроме тебя, мне доверять некому. Как все утихнет — я сам тебя найду...

Второй выход оказался дырой в стене: пробитый кувалдой лаз, едва в метр высотой. С той стороны тянуло затхлым.

– Погоди, – прохрипел Глеб. – Как там Таня?

– Нормально.

– Не бросай ее. Она тебя любит.

– Я знаю, – сказал Денис.

Часть четвертая

1

Годунов выглядел неплохо, как настоящий турист из-под Купола, и не простой обыватель в поисках экзотики, а настоящий «старый добрый русский», в нем за тридцать метров угадывался ветеран искоренения, прибывший издалека проинспектировать, что за новую жизнь построили новые люди в старой столице. Старческая худоба — когда дряблая, истончившаяся шея торчит из воротника рубахи — не портила легендарного писателя, как не портят воина отметины вражьих сабель. Сидел за столиком, на самом краю щербатого тротуара, жевал калач, отхлебывал из чашки топленые сливки. В темных очках отражалась тихая малоэтажная Тверская с ее историческими фасадами: гранит, кирпич, сплошной ряд мемориальных досок; для вящей сохранности все затянуто сверхпрочным, практически невидимым пластиком.

Обнялись. Денег у Дениса было мало, на Крестьянской Заставе пришлось выйти из троллейбуса и несколько километров пройти пешком; сейчас он с удовольствием опустился на стул и вытянул ноги.

— Как вам Москва?

— Хороша, — объявил Годунов. — Лучший город на свете. Только где все люди?

— Полдень, — объяснил Денис. — Взрослые работают. Школьники и студенты на учебе. Старики по домам си-

дят. Какие вам нужны люди? Бездельники и разложенцы выползут позже, часам к пяти.

— Значит, я похож на разложенца, — пробормотал писатель, оглядываясь.

Денис засмеялся:

— Нет. Разложенцы не сидят в уличных кафе. Чтобы не раздражать трудящихся своим видом. Вы похожи на туриста из-под Купола.

— Я и есть турист.

Денис улыбнулся:

— Какой же вы турист, Гарри? Вы — свой. Местный.

— Спасибо, друг, — сказал Годунов, заметно растроганный. — Приятно вернуться через пятнадцать лет и услышать, что тебя до сих пор считают своим...

— Я думал, вы остановитесь у меня.

— Это лишнее, — мягко возразил Годунов. — Мне дали хороший номер. А цветы какие тут у вас! Я себе сразу два букета купил, на окнах поставил... Красиво, вид на Кремль... И потом, ты живешь не один...

— Уже опять один, — сказал Денис.

— А твоя девушка?

— Переехала к себе. У нас с ней идейные разногласия.

— Хо! — Годунов засмеялся. — Звучит круто. Приятно знать, что у таких молодых людей уже бывают идейные разногласия.

— Звучит, может, и круто, — сказал Денис. — Но на самом деле — печальная история.

Писатель опять засмеялся.

— Ладно, это не мое дело. Милые бранятся — только тешатся. Лучше скажи вот что: у тебя есть адрес матери?

Денису принесли фирменного чаю, с дымком, в стакане с подстаканником, сбоку — профиль товарища Сталина; в последний год могущественный «Интурист» хорошо наловчился заманивать богатых иностранцев това-

рищем Сталиным; бренд «товарищ Сталин» отлично продавался; прапраправнуки тех, кого усатый товарищ сгноил и послал на смерть, теперь жили за счет продажи изображений усатого, белых наркомовских кителей, смершевских фуражек с прямоугольными козырьками и прочего сопутствующего товара. Умный студент Денис отхлебнул и подумал, что со времен Хеопса тираны уничтожают подданных, но обеспечивают безбедное будущее их отдаленным потомкам.

— Адреса нет, — ответил студент. — Мама оставила телефон какого-то человека, который знает, где она. Но тот человек не скажет. Она... никого не хочет видеть. Как только у нее пошли по телу пятна — она сразу собралась. И уехала. Куда-то под Рязань...

— Я хочу найти ее, — твердо произнес Годунов и на глазах помолодел примерно на двадцать лет: взгляд стал ярче, и ладонь ударила по столу твердо и тяжело. — Она жена моего друга, и я не могу...

— Она сказала — никого.

— Зря! Есть новые лекарства. Хорошие.

— Вы не понимаете, — сказал Денис. — Это был ее выбор. Она сама перестала принимать цереброн. Я нашел в ее шкафу пять нераспечатанных упаковок.

Годунов опять сделался ветхим и сгорбленным. Достал сигареты.

— Здесь не курят, — тихо сообщил Денис.

— У меня есть разрешение.

— Гарри, здесь не действуют никакие разрешения. Здесь просто не курят, и все. Никто не курит.

Годунов помянул черта.

— Мы на улице! Почему я не могу курить?

— Потому что Москва — экологически чистый город, — снисходительно объяснил Денис. — Если хотите курить — можем переместиться в заведение для разложенцев, но там не та публика... Или, хотите, поедем ко

мне на район, я покажу вам, где живу?.. Посидим в моем кафе, в «Чайнике». Там и курят, и пьют. Грязновато, но зато все свои. Познакомлю вас с друзьями.

— Конечно, поедем, — кивнул Годунов и сыто зажмурился. — Только не спеши. Я пятнадцать лет здесь не был. Хочу немного погулять. В храм зайду и в Третьяковку...

— Только гуляйте аккуратнее, — посоветовал Денис. — И еще — вам надо переодеться. Здесь в такой одежде не гуляют. Через десять минут за вами будет ходить толпа шлюх и валютчиков. Лучше замаскироваться под местного.

— Хо! — воскликнул Годунов. — Маскироваться! Это я люблю. Кстати, я привез тебе подарок.

Он положил на стол ярчайший журнал толщиной с книгу. Над столом повис умопомрачительный сладкий запах. Замысловатого дизайна буквы на обложке прыгали, перемещались с места на место, вставали на дыбы, толкали друг дружку, чтобы однажды вдруг замереть в нужном порядке: «Самый-Самый».

— Спасибо, — искренне сказал Денис.

— Там есть статья про расшифровку генома грибницы.

Денис перевернул журнал лицевой стороной вниз.

— Меня не интересует грибница. И ее геном.

— Врешь. Интересует.

Денис вздохнул:

— Ладно. Вру. Интересует. Но чисто теоретически. После того случая у меня нет желания заниматься геномами, грибницами, зародышами и прочим зеленым дерьмом. С меня хватит крови.

Годунов помолчал. Аккуратно, по-стариковски, прожевал кусочек калача. Тихо осведомился:

— А была кровь?

Денис кивнул, решил отмолчаться, потом подумал, что перед ним все-таки писатель, и не простой, а тот самый, чью книгу зачитывали до дыр.

— Пружинов послал меня за семечком, — сказал он. — По моим следам отправил своих мордоворотов. Но Глеб... В общем, все люди Пружинова погибли, а его самого я послал к черту и пригрозил пойти в управу. И с тех пор не видел ни Глеба, ни Пружинова. Ни зародыш. Правда, потом за мной следили. Три месяца. Почти в открытую. То машины какие-то стояли у входа в дом, то личности непонятные в «Чайнике» крутились... Но Глеба, повторяю, я не видел, он мне даже не звонил. Сейчас слежки нет.

— Или есть, — вставил Годунов. — Но более хитрая.

Денис кивнул:

— Допустим. Мне все равно. Я запутался. И вообще, мне было не до Глеба.

— Конечно, — сказал Годунов. — Понимаю.

Он снял очки; выцветшие, чуть слезящиеся глаза над дряблыми нижними веками смотрели сурово, печально.

— Ты не должен был отпускать маму.

Денис сжал кулаки. Всю последнюю неделю он махал кувалдой, и запястья сразу заболели.

— Она ничего со мной не обсуждала. Просто собралась и уехала. Сказала, что хочет жить одна. Я был у ее врача — он только руками развел. Это, мол, стандартная реакция. Она не первая и не вторая, кто перестал принимать цереброн по своей воле. Врач сказал, что хосписы переполнены.

— Ты должен был помочь ей.

— Как? — грубо спросил Денис. — Отправиться в прошлое? Приказать не жрать мякоть?

Годунов отвернулся. «Боится, — подумал молотобоец. — Это ведь не я, а он должен был помочь моей маме. Это он должен был сказать им всем: не жрите концентрат, живите как люди. Знайте меру. Ибо кто знает все, но не знает меры, тот ничего не знает. А он — не помог. Сам не жрал, но других не остановил. И я могу прямо сейчас

сказать ему это, бросить в лицо упрек... Но не скажу, не брошу».

— Ты прав, — пробормотал старик, бессмысленно ломая калач; уже подошли к его ногам несколько толстых голубей в ожидании угощения. — Это не ты должен был помогать своей матери. Это я должен был помогать. А я... Прости, сынок. Это мы, старики, все просрали. Сами виноваты.

— Вы не виноваты, — твердо ответил Денис. — Вы жили как могли. И вообще... «Кто виноват?» — это не вопрос. Лучше скажите, что такое семя стебля.

Старый Гарри швырнул птицам крошки.

— Первоплоть, — сказал он. — Праматерь всего живого. Вырастает там, где концентрация живой разумной материи достигает критического значения. То есть в крупных городах. Только в крупнейших мегаполисах и только в определенный момент... Что это за момент — никто не знает.

Денис пинком ноги отогнал голубей и пробормотал:

— «Когда земля пропитается кровью врагов на тридцать локтей».

— Может быть, — тихо сказал Годунов.

— Все равно, я не понимаю. Вы говорили, что существует как минимум полдесятка зародышей. Что у китайцев есть зародыш и у военных есть зародыш... Откуда они взялись? Они где-то найдены? Или клонированы?

— Не знаю, — ответил Годунов. — Возможно, есть и те и другие. Одни найдены, другие выращены искусственно.

— Тогда почему миллиардер Пружинов не клонировал себе такой же зародыш? Или десять зародышей? А прилетел за ним сюда и послал спецназ? Андроида ценой в три миллиона?

Годунов с сожалением повертел в пальцах незажженную сигарету и повторил:

— Не знаю. Скорее всего, клонировать семя не так просто. Нужны деньги, технологии, специалисты. Когда началось искоренение, все частные лаборатории разгромили и сожгли. Попутно выяснилось, что из десяти лабораторий девять занимались не изучением стеблероста, а возгонкой мякоти. Можно предположить, что технология утрачена... В общем, я не знаю.

— Знаете, — сказал Денис. — Вы, Гарри, все знаете. Вы написали «Священную тетрадь», я наизусть ее помню! «Есть нечто, мать стебля и отец его, альфа и омега, начало и конец! Упокоено во прахе, от века и до века, и само есть тайна тайн. Оно ни живо, ни мертво, ибо спит, и сон его глубок. И горе тому, кто потревожит сон его...»

Годунов улыбнулся, как нашкодивший мальчишка, и опять резко помолодел.

— Этого я не писал. Клянусь. Мой текст был совсем короткий, его потом дополняли и переделывали. Нашлись какие-то пророки, апостолы. каждый сочинял свое. Это объяснимо. Даже в Библии есть четыре варианта одной и той же истории, так называемые синоптические Евангелия, плюс существует более десятка Евангелий, не включенных в канон... Да, я что-то написал о семенах... Два или три абзаца. Просто потому, что всякое растение вырастает из семени. И если есть трава — стало быть, есть и семя.

— Значит, все-таки вы первым придумали его. Семя стебля.

Годунов выдохнул и огляделся. Стоящий в дверях тощий официант равнодушно смотрел на его сигарету.

— Давай здесь не будем.

— Будем, — возразил Денис. — Тут не Пип-Сити, тут не следят за каждым вашим чихом. А если и следят — мне, повторяю, плевать. Если зародыши созданы руками человека, а не найдены где-то на Луне, или в Антарктиде, или в африканской пустыне — тогда их незачем изучать. Если это не инопланетная тварь, а всего лишь самоделка,

тогда все проще. Тогда их надо замуровать где-нибудь. Навечно. Выкинуть в открытый космос, опустить в жерло вулкана...

— Или активировать, — пробормотал Годунов.

— Нет. Их нельзя активировать.

Годунов пренебрежительно хмыкнул.

— «Можно», «нельзя» — это очень странные слова, дружище. История учит нас, что все запреты рано или поздно нарушаются. Табу не работают. Есть великие тысячелетние табу — например, не есть человечину или не спать с собственной матерью, дочерью или сестрой, но людоедство и инцест были и будут. Однажды кто-то бросит семя в почву. Завтра или через десять лет. Можешь быть уверен. Его бросят просто из любопытства. Или из корысти. Или чтобы почувствовать себя сверхчеловеком, как этот маньяк Пружинов... Или для того, чтобы изменить мир.

— К черту, — сказал Денис. — Зачем его менять? Он и так сам собой меняется. Вы жили в одном мире, я живу в другом.

Годунов невесело рассмеялся:

— Интересно. Ты молодой, сильный, умный — ты не хочешь изменить мир?

— Я его меняю, — сказал Денис. — Каждый день. Я ломаю башни. Я учусь в институте. Я люблю свою мать и свою девушку. Если я увижу, что кто-то ведет себя неправильно, — я подхожу и даю по шее. Это мой способ изменить мир. Я — не как вы, не сочиняю книг... Я не такой умный. Я не могу придумать что-то гениальное. Я не художник, не ученый и не изобретатель. Зато в моем присутствии никто не может обидеть слабого. Ударить женщину. Толкнуть старика. Обмануть наивного. Растлить ребенка. Так я меняю мир.

Годунов отодвинул пустую чашку.

— Тогда, — сказал он, — ты должен найти Глеба. Забрать у него семя и замуровать его. Или запустить в космос.

— Я? — переспросил Денис. — Я должен? Нет. Это мне не по силам. Мне казалось, что вы мне поможете, Гарри. Я думал, это вы, умный взрослый человек, заберете у меня семя. И отдадите тем, кто замурует или запустит в космос. А вы мне не помогли. Вы правильно сказали: скорее всего, за мной до сих пор следят. Потихоньку, издалека. Меня схватят сразу же, как только я возьму зародыш в руки...

Годунов помолчал. Теперь это было совсем старое существо. Серое, жалкое, со слезящимися глазами.

— Я искал, — угрюмо произнесло существо. — Я искал надежных людей пять месяцев. С тех пор, как ты исчез из-под Купола. Я прилетел сюда, Денис, не ради твоей матери. Я знал, что рано или поздно она перестанет есть свои таблетки. Она сидела на цереброне двадцать лет, это настоящий подвиг. Таблетки неплохие, они помогают, но жить от таблетки до таблетки — это сущий кошмар. Головные боли, нервные расстройства, депрессии, боль, страх — вот плата за то, чтоб оставаться человеком... Твоя мама, Денис, очень сильная женщина. Она ждала, когда ты вырастешь. И станешь взрослым...

Денис молчал. Гладил пальцем кожу журнала. Вырос ли я? Взрослый ли я? Раз мамы больше нет — значит, да. Вырос. Из праха к свету, по прямой.

— Я прилетел не к твоей маме, а к тебе, — повторило серое существо. — Чтобы рассказать про надежных людей. Я нашел их. Слава богу, их оказалось немало. Это не какие-то супермены, это обычные люди... Но если им не верить, тогда и жить незачем...

Годунов перегнулся через стол и зашептал:

— Все они сказали одно и то же: семя неуничтожимо. Замуровать его нельзя. Я сам видел, как росток стебля, вот такой, — Годунов показал мизинец, — пробил насквозь плиту из легированной стали. Про космос и говорить нечего. Это нам не по силам. Можно попробовать

залить зародыш эластичной водонепроницаемой смолой, вывезти в океан... В какое-нибудь море Лаптевых. И бросить за борт. Но никто никогда так не делал, и неизвестно, как эта дрянь поведет себя... Еще вариант: есть люди, готовые забрать зародыш на хранение. Его положат в сейф, в одном из частных банков, вне российской юрисдикции...

Денис помолчал.

— А остальные семена? — спросил он. — Как быть с ними?

— Никак. Они останутся на своих местах.

— То есть наша затея не имеет смысла.

— В принципе, да. Но их станет на одно меньше. Уже неплохо.

Денис медленно убрал подарок — журнал отца — в сумку.

— Что же, — сказал он. — Вы правы. На одно меньше — уже неплохо... Только знаете что, Гарри? Я вам не верю.

Годунов моргнул.

— Пружинов сказал мне, что вы переехали под Купол не по своей воле. Вас заставили. Это правда?

Писатель опять сделался моложе. Он дернулся и стиснул кулаки. Улыбнулся и порозовел.

— Он сказал, — продолжил Денис, — что вам предложили выбор. Или ликвидация, или переезд в Новую Москву и работа под контролем.

— Не совсем так. Насчет ликвидации — это он наврал. Убивать — это не их метод. Они хуже умеют (Годунов яростно сощурился). Один укольчик — и человек становится немного глупее. Немного медленнее соображает. Сколько будет дважды два — помнит, а вот площадь круга вычислить — уже с трудом... Сначала они сделали презентацию. Вкололи слабый раствор. Все было очень грубо: пришли домой, дали по морде и выстрелили в ногу ампулой. Посмеялись и ушли. За следующую неделю я не смог

написать ни строчки. Я жрал, спал, жил обычной жизнью — но мозги не работали. Я испугался. Потом действие препарата кончилось, и все стало как прежде. А еще через несколько дней они опять заявились. Уже с документами. Или подписывай, или получаешь полную дозу и идешь на слом, махать кувалдой... У них тогда была целая кампания по перемещению творческих личностей. Насколько я знаю, никто не отказался. Либо уехали под Купол, как я, либо сбежали за границу, как Гриша Дно. Художники, композиторы, скульпторы, архитекторы в основном эмигрировали, а писатели — остались. Не все, но большинство. Предпочли быть со своим народом... (Годунов осклабился.) Тем более что весь их хваленый тотальный контроль на моей работе никак не отразился... Я как писал, что хотел, так и пишу, и буду писать. А кто и как меня будет печатать и читать — это другой вопрос.

— Пружинов говорил, что они до сих пор забирают отсюда самых умных и талантливых...

— Я чувствую, он много чего тебе наплел, — проскрипел Годунов. — Юберменш хуев. Только зря ты его слушал. Мой дружочек Никитка на волоске висит. Он ведь никакой не миллиардер. Обычный управляющий. Его хозяева — литиевые магнаты. Нулевой канал создан на их деньги. Он показал им свою хваленую технологию, активное информационное поле — они поверили и вложились. С тех пор он десять лет не может отладить систему... Постоянные сбои, ошибки программы... А главное — канал контролирует только один город. Новую Москву. Поле есть там, где на каждом углу ретрансляторы. Отъедешь на три километра — нет поля! Приходится вдобавок наебывать людей по старинке, с помощью фильмов про Буслая. Облажался Никитка, ему недолго осталось. Он думал, что отделит умных от глупых, свезет всех умных в одно место, вставит каждому в жопу микросхему — и будет счастье... А хера лысого! Никому не

дано отделить умных от глупых. Его шестерки понавезли под Купол каких-то идиотов, плюс каждый чиновник норовит перетащить всю свою родню, плюс помимо Пружинова идет приток нуворишей, заработают в Европе и едут жить под Купол... — Старый Гарри фыркнул. — Мой дружок Никитка думал построить Город солнца, а построил Содом. В Европе выросла молодежь, полно хороших светлых ребят, талантливых. Таких, как ты. И никто не хочет под Купол к Никитке, потому что тут — веселее...

— Да, — согласился Денис. — Тут весело... Пойдемте, Гарри. Купим вам штаны и ботинки. Только у меня деньги кончились.

— Сегодня кончились, завтра опять начнутся, — хмыкнул Годунов, вставая. — Показывай дорогу.

Пока шли, за ними увязался субтильный валютчик в кожаном жилете и смазных сапогах; в конце концов Денис показал ему кулак, и малый шустро отвалил в подворотню.

— Хо! — возбужденно воскликнул писатель, войдя в магазин народного кооператива «Все свое». — Изобилие! Гляди, какие унты! А это что? Кроличьи рукавицы?

— Скоро сезон, — ответил Денис. — Уже завезли зимние шмотки. Берите вот эти ботины и вот эти портки.

— А поприличней ничего нет?

— Бери, родной, — басом сказал продавец, выхватил с полки мощнейшие черные боты и с грохотом утвердил на прилавке. — Приличней нет и не бывает. Настоящая кожа, прошиты стальной проволокой. Вещь! Сносу не будет. Модель называется «море по колено». Или вот эти, глянь, какие красавцы! Хит сезона. Модель «полуколхозник».

Годунов захохотал:

— Как вы сказали? «Полуколхозник»?

— Да. Есть просто «колхозник», есть «полуколхозник».

– Мы ж вроде в городе, – осторожно возразил писатель.

– Не влияет, – ответил продавец.

Годунов приобрел, переобулся.

– К ним идет подарок, – прогудел продавец. – Натуральный гуталин на основе свиного жира.

Подарок на основе жира издавал ядреный аромат. Старый дядя Гарри заметно засомневался.

– Подарки не берем, – отрезал Денис. – Это неправильно. Мы не разложенцы, нечего нас подарками заманивать.

Благоуханная банка тут же исчезла.

– Бог в помощь, – на прощание сказал продавец и почесал кудлатую голову. – Кстати, завтра привезут осеннюю коллекцию. Комбезы будут, душегрейки, бушлаты с подстежкой... Заходите, мужики. Своим всегда рады.

– Хороший человек, – сказал Годунов, когда вышли из зала, пропахшего радикальным духом кож, резин и натуральных гуталинов.

– Не надо иллюзий, – ответил Денис. – Их специально учат. У них все продумано. С покупателем строго на «ты». Для создания атмосферы доверия к отечественному производителю. Магазинчики все маленькие, троим не повернуться. Чтоб только покупатель и продавец, и чтоб весь товар был на расстоянии вытянутой руки. «Своим рады» – это их девиз, типа рекламного трюка. Ерунда, конечно. Говорят, даже в самой честной торговле нельзя обойтись без элементов разложения...

– Все равно, мне понравилось, – сказал писатель. – Душа поет. Куда теперь?

– Поищем такси.

– Не надо нам такси, – решительно возразил Годунов. – Двинем, как люди, на общественном транспорте. Что тут у вас – трамвай?

— Троллейбус, — поправил Денис. — Но это долго будет.

— Отлично, отлично. Троллейбус! То что нужно! И билетик надо покупать?

— Обязательно, Гарри, — сказал Денис. — Только если у вас с собой много денег — вы лучше их понадежнее засуньте. Вытащат.

— Хо! — крикнул Годунов. — У вас есть карманники?

— Бывают. Месяц назад двоих расстреляли. У нас, Гарри, все есть. Полный набор. Одну банду поймают — другая появляется. Так что если вы решили ехать в троллейбусе — вы воротничок поднимите и руки держите в карманах. И лицо такое сделайте, ну, как будто ищете, кому бы по роже дать...

Годунов послушно изобразил.

— Прекрасно, — похвалил Денис. — У вас талант.

— У меня не талант, а судимость, — ответил писатель и продул зуб. — Дали шесть лет, через полгода амнистировали. А благодарить за это надо Никитку Пружинова. Кстати, в тот день, когда тебя похитили, он мне организовал арест на сто часов. Чтоб я, значит, под ногами у него не путался... Это что, троллейбус?

— Да, — сказал Денис.

— Мощный агрегат.

— Зимой на них гусеницы ставят. И впереди — нож. И людей везет, и снег чистит. Экономия.

В длинном салоне было душно. Честной народ — главным образом старики — обсуждал очередной виток инфляции. Пахло нафталином и гнилыми зубами.

— Оплочиваем! — надсадно крикнула билетерша, и грудь ее заколыхалась.

Годунов извлек деньги. Билеты спрятал в портмоне:

— На память.

И полез, втираясь в толпу, на заднюю площадку.

— Стойте тут, — шепотом посоветовал Денис, пытаясь удержать старика за твердый локоть. — Там хулиганы.

— Хо! — сказал Годунов. — А я тебе кто? Мамаша, прими вправо! Граждане, пропустите ветерана трех войн!

Какие-то девчонки в студенческих тужурках расхохотались, а одна, самая румяная и дерзкая, встала с лавки.

— Садитесь.

— Прекратите, юная леди! — вскричал старый Гарри. — Вы меня позорите. Лучше скажите, это что там такое красненькое белеется? Неужели Кремль?

— А вы не местный? — спросила румяная и дополнительно зарумянилась.

— Местный, — сказал Годунов. — Но не отсюда. Кстати, эта телогреечка вам очень идет. Денис, смотри, какая женщина красивая! И соседка ее тоже! Девочки, а где ваши мальчики?

— А мы без мальчиков, — ответила румяная, за всех.

— Это вы зря. Таким девочкам нельзя без мальчиков. Я, правда, не мальчик давно, поэтому, сами понимаете, не навязываюсь...

На задней площадке действительно обретались несколько темноликих тощих субъектов в кожаных пиджаках. Тут пахло иначе: носками и перегаром.

— Хо! — сказал Годунов. — Шпана. Люблю.

Субъекты коротко скрипнули кожами пиджаков. Годунов огляделся и стал отвоевывать пространство, для начала — звуковое. Он обстоятельно прокашлялся, фыркнул, вздохнул и простонал длинное ругательство, совершенно нечленораздельное, но отчетливо матерное. Субъекты молчали, это была их ошибка. Денис с трудом сдерживал смех. Он кое-чему научился за три года общения со Студеникиным, Хоботовым и пацанвой из их бригады.

Одержав первую победу, Годунов тут же развил успех, встал свободно, широко раскинул руки, вцепился в поручни — оккупировал столько места, сколько смог.

— Люблю это, — громко сообщил он Денису. — По Москве, на троллейбусе, среди людей достойных. Под

Куполом не так. Скучно там. Даже морду набить — и то проблема. Напьешься в кабаке — тебя на улицу не выпустят, понял? Вызовут такси. Само собой, за твой счет. То есть, понимаешь, они тебе будут наливать, сколько скажешь, но твой адрес есть в файле, и компьютер ихний, сука, сразу подсчитает, сколько денег надо заморозить на твоем счету, чтобы точно хватило на такси. И в определенный момент тебе говорят: все, родной! Больше не наливаем. Иначе тебе на такси не хватит...

— А если ты не хочешь — на такси? — спросил Денис. — Например, охота пешком пройтись, проветриться?

— Тогда ментов вызовут. А менты тебя проветрят за шесть секунд. Такой ветер организуют, что мало не покажется.

Один из кожаных субъектов — прыщавый, бледнолицый, как бы только сегодня утром вернувшийся с исправительных работ — не выдержал и хмыкнул.

— Что тут смешного, братан? — спросил Годунов, поворачиваясь. — Это, бля, грустно очень, а ты смеешься. Нашел, тоже, тему для смеха. Там, под Куполом, знаешь, как лютуют? Там за любую мелочь на сто часов закрывают, а в хате стены мягким обиты, и ты сидишь там, один, и воешь. Слезы, сопли, жить не хочется. Это называется «вживить дозу стыда». Чувствуешь чистый стыд, понял? Моральное страдание. Дают жрать — а ты не можешь жрать, тебе стыдно жрать. Тебе даже дышать стыдно. Это очень больно, братан. Сто часов — четверо суток. Кое-как уснешь, ночью проснешься от холода, хочешь клифтом укрыться — а тебе стыдно клифтом укрываться! Наутро просыпаешься, и тут же тебя накрывает: ах, бля, что я наделал, как я мог, зачем, какой я идиот... И так до вечера. Дознак держит трое суток, на четвертый день полегче, потом выпускают и в файл отметку ставят, и если опять когда-нибудь попадешься — доза будет уже двой-

ная, понял? Так что не надо мне тут ха-ха исполнять, братан, потому как не смешно это все, а наоборот...

На площадке установилось гробовое молчание.

— У нас не так, — вдруг сказал бледнолицый.

— А как у вас? — сурово спросил Годунов. — Расскажи.

Бледнолицый улыбнулся, посмотрел на своих соседей — те тоже ухмылялись, щерили серые рты, но без особой злобы, скорее — с печальным превосходством.

— Как у нас? — переспросил бледнолицый. — У нас проще, братан. Гораздо проще. У нас расстреливают.

И все они, опять скрипнув локтями и воротниками, засмеялись. Сначала тихо, опустив лица, себе в грудь, дальше — громче, откровеннее, и потом — больше и смелее, и сам Годунов тоже подхватил, и Денис, и девчонки у окна, и несколько старух, слушавших весь разговор с обычным старушечьим интересом, и спустя минуту половина пассажиров смеялась. Не хохотали, не надрывали животы — сдержанно, трезво пересмеивались, переглядывались. Ха-ха! Как у нас? У нас очень просто. У нас расстреливают. Что может быть проще?

2

— Я в восторге, — провозгласил Годунов, выбравшись из троллейбуса и оглядываясь. — Какие прекрасные, открытые люди. Это что, твой район?

— Да.

Писатель задрал голову. «Интересно, — подумал Денис, — что он видит? Действительно ли ему нравится или это самогипноз? Мне бы не понравилось. Я бы решил, что попал в трущобы». Старый дом экономкласса, дважды обвитый эстакадами и путепроводами, давно закрытыми для проезда по причине того, что некому ездить и не на чем. Сверхсовременное резиноасфальтовое по-

крытие демонтировано и переплавлено в сырье для производства сапог. Под эстакадами — сараи, амбары, курятники; многие и коз там держат, и коров даже. Первые два этажа башни сплошь закрыты вывесками контор и магазинов, все очень просто, фанерные листы, картинки в две краски; с третьего по седьмой — зеркальные стекла, кое-где даже пуленепробиваемые; дальше, до двадцатого, — сплошные гирлянды развешанного по веревкам белья. Еще выше — нежилая, запретная зона, восемьдесят уровней слепых окон, с огромными пятнами черной копоти в тех местах, куда попадали патрульные ракеты. Как водится, несколько этажей выжжены целиком, здесь это девяносто третий и девяносто четвертый; тут жгли мало, тут окраина, богатые не жили на окраинах. Говорят, до искоренения в этом доме на верхних этажах были недорогие отели.

— Хороший дом, — похвалил Годунов. — Слушай, давай-ка мы сделаем вот что. Позвони своей девушке. Ее зовут Таня?

— Да. А зачем?

— Я хочу пригласить ее в ресторан. Вон, вывеска хорошая. «Евроблины».

— Она не пойдет, — сказал Денис. — Она на меня обиделась.

Годунов удивился:

— А при чем здесь ты? Обойдемся без тебя. Желаешь присоединиться — присоединяйся, не желаешь — иди погуляй...

— Она не пойдет, — повторил Денис.

— Просто набери ее номер. И дай мне трубку. А там посмотрим...

Денис подчинился. Годунов ловко выхватил у него телефон, пошлейшим образом изогнул губы, отпрыгнул на несколько метров и принялся гнусаво бубнить, периодически вздыхая и закатывая глаза; слушать его длинные

опереточные фразы, как бы вышедшие из-под пера сочинителя второразрядных любовных романов, было невозможно, и Денис отошел в сторону.

— Хо! — провозгласил Годунов спустя пять минут. — Старый Гарри в отличной форме. Она согласна. Ты идешь?

— Нет, — ответил Денис. — Во-первых, я не уважаю «Евроблины». Это дорогое заведение, и там полно разложенцев. Во-вторых, мне надоели кабаки. И кафе, и распивочные, и трактиры. Я и так каждый вечер сижу в кабаке.

— Дурак, — сказал старый Гарри. — Ты хоть раз ходил в кабак с русским писателем?

— Нет.

— Тогда пойдем. Увидишь, что это такое.

Писатель не притронулся к меню, резко потребовал яичницу на сале, а в ответ на вопрос халдея: «Что будете пить?» — изобразил обиду.

— Земляк, — проникновенно произнес он. — Я пролетел четыре тыщи верст и прибыл в город моей молодости. Потом пришел к тебе и попросил яичницу на сале. Как ты думаешь, что я буду пить?

— Водку, — без раздумий ответил халдей.

— Действуй!

Денис огляделся; в углу заметил кого-то, смутно знакомого; впрочем, знакомый равнодушно скользнул по нему взглядом и сразу отвернулся, тем более что его компания состояла из двух раскрашенных, с голыми плечами баб из серии «угостите даму закурить». Бабы маскировали вторые подбородки горностаевыми манто и выглядели архетипически, наподобие карикатур из молодежного еженедельника «Строитель новой жизни». «Не дай бог, и Таня придет в манто, — панически подумал Денис. — С нее станется. Она все лето психовала, что денег нет.

И по дому расхаживала только в любимой майке с надписью: "Конченая сука"». Иногда это очень возбуждало Дениса, в другие моменты бесило. Так они и прожили почти полгода: непрерывная война с ежедневными перемириями под одеялом.

Тем временем Годунов закурил сразу две сигареты, издал стон наслаждения и спросил:

— Это заведение для разложенцев?

— Да.

— Хорошее место. Жаль, цветов нет. Среди цветов разлагаться приятнее. А разложенцы — это те, кто делает деньги, а не вещи?

— Точно.

— А если человек делает вещи и на этом разбогател? Он не разложенец?

— Нет, — ответил Денис. — Он правильный предприниматель.

— И он не ходит в «Евроблины»?

— Ходит. Только у таких людей нет времени ходить в «Евроблины». Правильные предприниматели деньги экономят и все вкладывают в дело, а не пропивают по злачным местам. «Евроблины» и прочие заведения, где принимают только твердые червонцы, созданы по инициативе государства. Для добывания из карманов граждан свободно конвертируемых ценностей. Лития, драгоценных металлов и валюты.

— Звучит как учебник.

— А я вам как раз учебник и цитирую. Правильный предприниматель экономит и бережет. А разложенец — тратит.

— Хо! — сказал Годунов. — Нас учили по-другому.

— Процветать, — подсказал Денис.

— Да. Развиваться. Нас учили не ограничивать себя в развитии. А вас учат экономить и беречь.

— Вас учили потреблять.

— Не все подряд, — сказал Годунов. — Только то, что развивает. Ладно, это чепуха все. Давай выпьем, Денис. За твою маму.

Они не успели выпить за маму: раскрашенные блядчонки и их смутно знакомый Денису кавалер одновременно повернули головы, как и все прочие посетители. Годунов замер, едва не уронив графин с огненной водой. Официанты выпрямили спины. Меж столиков шла Таня. Только один человек не пожирал ее глазами: ее парень, без пяти минут жених, молотобоец и студент Денис Герц.

Годунов вскочил и отодвинул стул.

— Привет, — музыкально сказала ему Таня. — Вы не похожи на свои фотографии.

— Зачем фотографии, — страстно вскричал Годунов, — если перед вами оригинал!

— Привет, Денис, — сказала Таня.

Молотобоец кивнул.

— Подождите, — сказал Годунов. — Не смотрите на него! Смотрите на меня. Так мы создадим иллюзию того, что вы пришли ко мне, а не к нему.

Таня улыбнулась:

— Но я действительно пришла к вам.

— Хо! Как это прекрасно! Последний раз такая женщина приходила ко мне тридцать четыре года назад. Конечно, потом тоже приходили, но совсем не такие...

— А какие?

— Тетки, — сурово произнес Годунов. — В возрасте. Пятнадцать минут секса и два часа разговоров о взрослых детях. Знаете, что такое старческая любовь? — Годунов трагически поморщился. — Ой, не спеши, у меня давление поднимется... Ой, погоди, у меня в спину вступило...

Таня расхохоталась, и Годунов быстро ей налил.

— Перестаньте, — попросила она. — Это ужасно! Я не хочу стареть.

— Я тоже не хотел, — ответил Годунов. — И до сих пор не хочу.

— Лучше расскажите, как там у вас. Под Куполом.

Денис вздохнул.

Выпили. Таня чокнулась с Денисом вполне непринужденно, но в глаза не посмотрела. «Ну и пусть, — подумал он. — Разумеется, она только за этим и пришла. Писатель Годунов ее не интересует. Ее интересует Годунов, приехавший из-под Купола».

Тем временем писатель Годунов в несколько мгновений ликвидировал яичницу из пяти яиц, накидал в пустую сковороду мятых салфеток и потребовал фирменных блинов с семгой.

— Под Куполом скучно, — сказал он. — Там совершенно нечего делать. Там ничего не происходит. Однообразие. Там сейчас даже песни пишут без припева.

— Вы всегда курите сразу по две сигареты? — спросила Таня.

— Нет. Просто у вас с этим строго. А без обычной дозы табака я становлюсь вял.

— А под Куполом? Там можно курить?

— Нельзя. Но можно купить разрешение.

— Вот видите. А тут не продают разрешений. И много чего не продают.

— По-вашему, это главное?

Таня спокойно пожала плечами.

— Конечно, нет. Но я — женщина. Молодая. Мне пора думать о детях. Я не очень вижу своих детей в этой обстановке. Я не хочу, чтобы мой сын или моя дочь росли здесь. На рыбьем жире и вареной морковке.

— Вы хотите, чтобы они росли под Куполом?

— Ну... Начнем с того, что я хочу рожать в нормальных условиях. Я хочу, чтобы меня наблюдал нормальный доктор, а роды принимал нормальный акушер...

Годунов понимающе кивнул.

— Милая Таня, — сказал он. — Знаете, почему Пирогов был великим хирургом? Потому что много резал. И он резал солдат. Он отпиливал им руки, ноги, делая до двадцати операций в сутки. Можно предположить, что под его ножом умерли многие — но в конце концов опыт был накоплен, и сейчас Пирогов считается величайшим хирургом всех времен. Так вот, Таня: хороший доктор — это тот, у кого богатая практика. Если в больнице грязно, это не значит, что вас будут плохо лечить.

— Это слабо утешает, — твердо сказала Таня.

— Ваши опасения я понимаю, но вас не пустят рожать под Купол. Либо потребуют за это огромных денег. Беременным женщинам из Европы запрещен въезд в Новую Москву. А беременность определят сразу, еще в аэропорту. Там для этого есть очень чувствительная техника...

— Значит, я забеременею там, — сказала Таня. — В Новой Москве.

— Это другое дело, — ответил писатель. — Но чтобы жить в Новой Москве, вы должны получить официальное приглашение...

— Я все это знаю, — перебила Таня. — Либо по приглашению, либо за деньги... — Она помедлила, искоса взглянула на Дениса, коротко вздохнула. — Слушайте, у меня есть человек — он готов организовать мне переезд. И не только мне — ему тоже, — она небрежно ткнула пальцем в Дениса. — Не буду скрывать — тот человек желает, чтобы я оказала ему определенные услуги.

— А Денис против, — сказал Годунов.

— Да. Денис против.

Годунов просверлил Таню выцветшими глазами.

— Он прав.

Таня побледнела.

— Нет! Неправ. Он во всем меня устраивает, он хороший, честный и смелый парень. Но однажды мы разошлись, и у меня появился другой мужчина. Его друг, кстати!

— Некто Глеб Студеникин, — тихо вставил Денис.

— Хо! — выдохнул Годунов. — Даже так.

— То есть я жила с другим мужчиной на его глазах. Он все знал.

— И молчал, — подсказал Годунов.

— И молчал! — воскликнула Таня, неприятно вытаращив глаза. — Потом я вернулась к нему, и он меня принял. Я, простите, утром вылезла из чужой постели, а вечером пришла в его постель, и это его не смутило. Теперь еще одно. Для того чтобы добыть деньги, он до сих пор таскает балабас. Знаете, что такое балабас?

— Примерно.

— Он, — Таня ткнула пальцем в Дениса, — носит на сотые этажи аккумуляторы и еду. Рискует жизнью и свободой. Я предлагаю ему все изменить. Я опять залезу в чужую постель, ненадолго... За это мы с ним получим все. Безопасность, покой, здоровых детей, нормальную работу, не связанную с криминалом, с риском для жизни... Разумеется, я все понимаю. Это проституция. Настоящая, банальная.

— Нет, — небрежно возразил Годунов. — Не банальная. Банальная — это вокзальный минет за мятую сотню.

Денис взял графин. Горло его было ледяным, но он почувствовал холод не пальцами — головой. Он налил, проглотил, ничего не понял.

— Прошу вас... — произнес он.

Язык не слушался. Странно, что ярость заставляет губы неметь: должно ведь быть наоборот. В моменты гнева все обязано работать идеально: и ноги, и руки, и мозг, и гортань. Чтобы было легче рвануться, всей силой мышц, обездвижить врага боевым криком и пронзить его насквозь.

— Пожалуйста... давайте... не будем. Таня, мы поговорим вдвоем... Не сейчас...

— Нет, — грубо ответила Таня. — Мы поговорим сейчас. Мы же для этого собрались, правильно? Жаль, что

твоя мама уехала, она бы меня поняла. Но я не успела с ней обсудить... А теперь — вот, приехал человек, друг твоего отца и твоей матери... Ты зачитывался его книжкой. «Бледные люди»... Я, кстати, тоже прочитала... Пусть он скажет, как нам быть. Ты сам говорил: делай что хочешь, я приму тебя любую. «Если тебе хорошо с Глебом — будь с Глебом». Так ты говорил. А теперь я хочу быть с той сволочью, которая устроит нашу жизнь. Я так хочу, понял?!

— Эй, — миролюбиво сказал Годунов. — Молодые люди! Ваша проблема — не проблема. Мы ее решим в пять минут. Не волнуйтесь. Через полчаса мы выйдем отсюда, и каждый будет знать, что делать.

— Верю, — пробормотал Денис, вставая. — Извините, Гарри. Я сейчас.

В туалете негромко играло что-то плавное, из раннего Тихона Беса, и гнев понемногу отступил, освободил Дениса. Но горечь осталась. Зачем она так? Захотела лечь под миллионера-разложенца — иди ляг. А что ты там потребуешь взамен — деньги, тряпки или билет в город под Куполом — это неважно. Хочешь? Иди сделай молча. Только не надо превращать это в трагический подвиг. А тем более — с кем-то обсуждать. Я никогда не требовал от тебя верности. Я вообще ничего от тебя не требовал. Делай что хочешь. Либо мы вдвоем, либо поодиночке, остальное неважно.

Дениса сильно ударили по плечу, он обернулся и увидел того, смутно знакомого, бросавшего из своего угла стремительные короткие взгляды, и вспомнил его.

— Привет! — сказал майор. — Я смотрю, ты меня совсем забыл, бляха медная.

— Нет, — ответил Денис. — Не забыл.

— Молодец. Я давно хотел тебя увидеть.

— Зачем?

Майор удивился.

— Как это «зачем»? Ты за полгода ко мне ни разу не зашел. И даже не позвонил, бляха медная! А я, между прочим, на тебя рассчитывал...

Майор расстегнул зиппер и стал мочеиспускаться, явно наслаждаясь процессом.

— Я зайду сегодня же, — пробормотал Денис, продвигаясь к выходу.

— Стоять! — велел майор. — Я не закончил!

Он бодро подпрыгнул, стряхивая последние капли. Рванул кран умывальника, стал мыть руки, тщательно, с мылом. Денис сунул руки в карманы.

— Тебя полгода не было, — тяжелым голосом произнес майор. — А когда мы случайно встретились, ты тут же обещаешь, что завтра зайдешь. У тебя, бляха медная, что-то есть для меня?

— Нет, — ответил Денис.

— Ты полгода гулял, делал что хотел, и у тебя ничего нет?

— Ничего.

— Салфетку дай.

— Что?

— Салфетку, говорю, дай!

Денис не пошевелился.

— Щенок, — сказал майор. — Ты за кого меня держишь? Я тебе поверил. Я тебя отпустил. Мог под суд отправить, бляха медная, но не отправил. Посмотрел на тебя, подумал: вот хороший честный парень, настоящий, бляха медная, правильный молодой человек, я не буду ему жизнь ломать, я ему помогу... И отпустил тебя. Попросил по-людски, приходить хоть иногда, за жизнь побеседовать. А ты повернулся ко мне спиной и свалил... Как будто я, бляха медная, не офицер, а шлюха дешевая...

Майор явно собирался продолжить тираду, но ему помешал вошедший Годунов. Писатель был пьяный и бравый. Он улыбнулся майору и спросил у Дениса:

— Ты чего тут застрял?

— Уважаемый, — сказал майор, сузив глаза, — выйдите, пожалуйста. Буквально две минуты.

— Конечно, — сказал Годунов. — А поссать можно?

— Нельзя.

— Жаль, — вежливо ответил Годунов. — Я бы поссал, если честно. А вы, извиняюсь, тут типа начальник сортира?

— Да, — проскрежетал майор. — Выйдите.

Годунов улыбнулся.

— Денис, — весело сказал он, — это кто?

— Неважно, — пробормотал Денис.

— Он в самом деле начальник сортира, да?

— Гражданин, — прорычал майор, — покиньте помещение.

И предъявил значок.

— Хо! — провозгласил писатель. — Секретная служба ее величества! Не люблю, но уважаю. А что у вас за дело к молодому человеку?

— Это вас не касается.

— Почему же, — сказал Годунов. — Я его близкий родственник. Ну-ка, Денис, иди отсюда. Иди к Тане. А мы с гражданином начальником поговорим. О том, как проводить в туалетах оперативно-следственные мероприятия. Иди-иди.

— Стой на месте! — сказал майор, метнув в Дениса взгляд. — А ты, старик, исчезни, бляха медная. От греха. Иначе по шее получишь, понял?

— Понял, — кивнул Годунов. — Только не вспотей, сынок.

Майор фыркнул, перевел взгляд с Дениса на Годунова и вдруг тоже улыбнулся.

— Ну вы даете, ребята, — тихо сказал он. — Со мной такое в первый раз. Сделаем по-вашему. Щенок пусть валит, а старик останется. Я люблю таких стариков.

— Гарри, — позвал Денис. — Ну его к черту. Это не ваше дело, давайте не будем...

— Будем, — небрежно возразил Годунов. — Иди, я скоро.

— Да, — произнес майор. — Иди-иди. Позвонишь мне завтра после обеда. А я объясню старичку, что почем в моем городе.

— Не переживай, Денис, — сказал писатель. — Гражданин начальник выпимши. Он решил, что ему все можно.

— Это да, — сказал майор. — Это точно. Мне все можно.

Старый Гарри нехорошо улыбнулся.

— Гражданин начальник просто не знает, кто я такой. Сейчас он мне скажет фамилию, звание, должность, я все запишу и прямо сегодня пойду к его шефу...

Денис вышел. Подумал — не подождать ли возле двери? Потом решил, что надо все рассказать Тане, вернулся в зал, сел напротив, посмотрел — она сидела безучастная, холодная. Произнесла, глядя в пустоту:

— Глеб звонил. Тебя искал.

— Ты сказала, что мне не до него?

— Скажи ему сам! — раздраженно бросила Таня. — Он звонит каждый день! Нашли, тоже, радистку Кэт! Скажи, передай, объясни... Разбирайтесь сами! Без меня! То ты бегал за ним как собачка, то не можешь даже по телефону поговорить!

— Мне не о чем с ним говорить. У него своя жизнь, у меня своя...

«Ничего я ей не расскажу, — подумал Денис. — Не потому, что нельзя рассказывать, а потому, что невозможно рассказать. Ни про Глеба, ни про семя стебля, ни про майора, бляха медная. Все зашло слишком далеко и завязалось слишком туго. Студеникин, умный парень, еще зимой понял, что с Таней лучше расстаться. Независимая, дерзкая, импульсивная — она будет только мешать».

Он вздохнул и пообещал, что сегодня же позвонит Глебу. Потом сидели, молчали, Денис выпил водки; Годунов не возвращался, и майор тоже. Пришли сразу две новые компании — щуплые разложенцы с дамами, приодетыми в «Торгсине». Шепотом выругавшись, Денис пошел в сортир.

Годунов лежал на полу под умывальником, хрипел, лицо было бескровным, серым, кисть левой руки дико вывернута. Обе брючины задрались, новые ботинки модели «полуколхозник» пахли новой кожей, а носки были разные, один темно-серый, другой — синий.

3

Денис ругался и умолял, но врач был непреклонен. Нельзя, и все. Нельзя, потому что нельзя. Не положено. У нас нет места, и вы будете нам мешать. Возьмите такси и езжайте следом. Только все равно не угонитесь, мы поедем быстро, а таксисты обязаны соблюдать правила...

Но Денис не нашел такси. Да и тратить чужие деньги было нехорошо. Ему и так пришлось вытащить у Годунова бумажник, чтобы заплатить по счету. Обшаривая, под взглядами медиков и официантов, лежащего на носилках старика, Денис чувствовал себя паскудно и, когда извлек требуемое количество сала дьявола, аккуратно вернул остальное назад, в карман куртки.

Потом носилки вдвинули в машину. Таня заплакала. Годунов был в сознании: то громко хрипел, то бранился сдавленным голосом. Судя по всему, майор использовал обычный парализатор, табельное оружие патруля, архаичное и надежное. Мощный электрический разряд вызвал мгновенный сбой в работе сердца.

Неотложка приехала быстро, в течение часа.

Врач продиктовал адрес больницы, Денис кивнул. Запиши, сказал врач. Я запомнил, сказал Денис. Ничего ты не запомнил, сказал врач, найди бумажку и запиши.

Заревел сигнал. Машина тронулась.

Вот тебе твоя родина, сказала Таня. Вот тебе место, где ты родился и собирался жить всю жизнь. Любой мент может сделать с тобой все что угодно. А если Годунов умрет?

Не умрет, ответил Денис. Такие умирают, только если сами захотят. А умрет — есть кому закопать...

Таня кивнула. Закапывай. Только без меня. Я больше не могу. Хочу, но не могу. Сил нет. И виноват — ты.

Разумеется, ответил Денис. Кто же еще? Да, я виноват. Это я отпустил тебя. Отдал Глебу. Потом я смотрел, как Глеб превращает тебя в шикарную шалаву, любительницу устриц, или что ты там любишь. Потом я взял тебя обратно. И вместо устриц кормил пшенной кашей. Типа с милым рай и в шалаше. Потом я рассказал тебе, как живут под Куполом. Потом ты захотела уехать под Купол, а я не захотел. Ты ходила передо мной в фуфайке с надписью «конченая сука» — я должен был сорвать с тебя эту фуфайку, разодрать на части и отхлестать тебя по заднице или даже по лицу, потому что ты не конченая сука и никогда ею не была, а фуфайку носила, чтобы позлить меня и спровоцировать. Но я не сорвал и не отхлестал. Разумеется, во всем виноват я, и только я. А ты — дюймовочка. Вся в белом. Жертва мужской похоти, жестокости и коварства.

Нет, не так, сказала Таня. Это ты у нас весь в белом, самый правильный и честный. Всегда там, где трудно и тяжело. Там, где наблевано и воняет, где надо бесплатно махать кувалдой и жрать селедку с морковкой. Там, где менты обезумели от безнаказанности, а скорая помощь приезжает через полдня. А вокруг тебя — сплошь гнилые, недостойные существа с мелкими страстишками. Презренные обыватели...

Они сказали друг другу еще что-то, какие-то обидные слова, какие-то фразы, пропитанные неловкостью и досадой, Денис не особенно прислушивался, Таня, кажется, тоже, спор был давний, и все аргументы выучены наизусть, один начинал говорить — другой за него заканчивал, про себя или вслух; не спорили — вяло препирались, совместно пережитый страх забрал все силы, но просто так стоять и молчать тоже было невыносимо. В конце концов Денис предложил прекратить. Иди домой, грубо велел он. К себе. Не хочу тебя видеть. У нас ничего не получится. Звони своему другу Голованову, пусть прилетает, как волшебник на голубом, бля, вертолете, и забирает тебя. Звони прямо сейчас, при мне. Чтобы я слышал. Давай. Скажи, что на все согласна, лишь бы свалить из этого гадюшника.

Ладно, сказала Таня, резким движением разъяла замок на сумочке, достала телефон: дорогое изделие, контрабанда, с множеством необходимейших опций, включая навигатор движения по основным мировым столицам, постоянно обновляемый ресторанный гид, онлайновую трансляцию с литиевой биржи, а также безлимитную связь с орбитальными и лунными китайскими курортами.

Стой, пробормотал Денис. Подожди.

Что, спросила Таня, криво улыбаясь. Передумал?

Смотрела и ждала. Ожидание ее было спокойным, ровным, таким, когда любой вариант означает выигрыш. Скажу «не звони», подумал Денис, — она не позвонит. Скажу «звони» — она подчинится. Главное — снять с себя ответственность. Потом она все равно поступит по-своему. Позвонит, кому захочет. Сделает, как ей надо. Но виноват будет кто-то другой. Денис Герц, или Глеб Студеникин, или миллионер Голованов, или шофер скорой помощи, или черт лысый.

Дай телефон, сказал Денис. Я́ поговорю с нашим общим другом.

Глеб ответил после первого же гудка: голос хриплый, больной, скверная дикция, хотелось отодвинуть аппарат подальше от уха, как если бы радиоволны могли передавать не только звуки, но и слюну, вылетающую из мокрого рта.

— Наконец-то! Надеюсь, у тебя все нормально?

— Отлично, — ответил Денис.

— Ты мне нужен, брат. Приходи.

Студеникин сипло прокашлялся, стал бормотать, быстро, одышливо, проглатывая слова:

— Приходи давай. Сегодня. Обязательно сегодня, понял? Все брось и приходи. Ночью. Только один, понял? Один! Когда будешь готов, позвони, я скажу адрес... Не придешь — будешь всю жизнь жалеть, понял?

И опять задохнулся в длинном кашле.

— Я не смогу сегодня, — сказал Денис.

— Сможешь.

Таня продолжала ждать. Со слабой усмешкой наблюдала, как заходит в «Евроблины» очередная веселая компания.

— Что-то случилось? — спросил Денис.

Глеб нетрезво захихикал:

— Ты не понимаешь?

— Нет!

— Время настало, брат, — прошептал Студеникин. — Время настало. Приходи. Я больше не могу.

Денис не стал уточнять, какое время настало, для чего. Нажал кнопку, отдал Тане телефон.

— Очередная проблема? — ледяным тоном осведомилась она. — Крутой расклад? Бросай все и будь там, где я скажу? И не опаздывай?

— Не твое дело, — сухо ответил Денис и зашагал прочь.

Надо было искать такси, ехать в больницу. Надо было найти деньги. Разыскать Модеста, занять у него. Или, лучше, зайти к Вовочке, вечерами он всегда дома.

Зашагал быстро, не оглядываясь. Врач сказал, что у Годунова инфаркт. Старый Гарри нянчил вывернутую левую руку, стонал, матерился. Рассказывал, что у него все натуральное, и сосуды, и мотор, и печень, и желудок, ни грамма пластмассы, пятьсот тысяч километров без капремонта, а врач смотрел озабоченно и скороговоркой отдавал команды медсестре: пять кубов того, десять — этого, капельницу, звоните в стационар, пусть готовят палату интенсивной терапии и реаниматоров...

«Не умрет, — сказал себе Денис. — Не умрет. Такие должны жить долго. Желательно — вечно».

Вовочка был томный, печальный и сутулился больше обычного. «Он годится Годунову в сыновья, — подумал Денис, — а выглядит старше. Неопрятный мужичок, как бы нарисованный малоталантливым художником и потом этим же художником полустертый и так оставленный. Правда, чисто выбрит — когда жил у матери, брился каждое утро, долго; ванну занимал на целый час. Такие бледные мужички с вялыми плечами всегда тщательно бреются, иначе выглядят совсем неказисто».

— Хорошо, что ты пришел, — сказал Вовочка, явно искренне обрадованный. — Давай чай пить.

— Времени нет, — ответил Денис. — У меня беда.

Выслушав, Вовочка официально подобрал живот.

— В больницу ехать не обязательно. Туристу из Новой Москвы обеспечат первоклассный уход. Инструкция номер семнадцать — двадцать пять: приезжие из Новой Москвы приравниваются к иностранным гостям и имеют преимущественное право обслуживания в местах общественного питания, а также при оказании медицинской помощи. Понял? Иди на кухню, доставай конфеты. Мать не звонила?

Кухня Денису не нравилась, и вся квартира не нравилась, хотя Вовочка на своей загадочной налоговой службе

имел неплохой оклад и даже содержал домработницу. И матери тоже не нравилось это просторное сумрачное логовище, обставленное без мысли и идеи, нелепыми шкафами, столами, диванами; Вовочка неоднократно предлагал ей переехать к нему, оставив квартиру сыну, но мать не хотела, отказывалась: неуютно, а главное — седьмой этаж, подруги не поймут. Скажут — продалась за комфорт...

— Не звонила и не позвонит, — сказал Денис, садясь за стол.

— Я могу ее найти.

— Зачем? — спросил Денис. — Ты что, не читал медицинский справочник? Сначала — зеленые пятна, потом — резкое удлинение костей, деформация скелета, вырождение пищеварительного тракта... Она права — лучше этого не видеть. Точнее, лучше пусть она не видит нас, которые ее видят, понимаешь? Есть специальные хосписы, там таких, как она, бесплатно пускают жить, во всем помогают...

— А я, — тихо сказал Вовочка, — тебе хочу помочь. Ей не помог — зато тебе помогу. Я люблю твою мать, и тебя люблю как сына. Конечно, я тебе не отец, но...

Вовочка стушевался и бесшумно отпил из чашки с отбитым краем.

— Зачем мне помогать? — спросил Денис. — Я в порядке.

— Помнишь, ты спросил, в чем заключается моя работа?

— Помню.

— Я не налоговый инспектор, — твердо объявил Вовочка. — У меня другие обязанности. Я, Денис, сотрудник Нулевого канала. Старший куратор отдела демографии. Действую негласно. Рассказывая тебе все это, я совершаю должностное преступление. Но мне наплевать. Я Варю люблю и все для нее готов сделать... Я бы ей... Я ради нее...

Он тяжело вздохнул.

— Знаю, — сказал Денис. — Понял. Ты ловишь талантливых. И отправляешь их под Купол.

— Я не отправляю, — возразил Вовочка. — Отправкой занимается другой отдел. Моя функция — отследить, протестировать, составить анкеты и доложить по начальству. И насчет талантливых ты тоже... В общем, долго рассказывать. Я куратор этого района, у меня база данных на семьдесят тысяч детей, подростков и молодых людей в возрасте от двенадцати до двадцати трех лет. Информация поступает из школ и университетов. Я ее обрабатываю. Основных показателей около ста пятидесяти. Критическое мышление, независимость суждений, скорость принятия решений, последовательность исполнения принятого решения и так далее... Чтоб ты понял, я отслеживаю не талантливых людей, а тех, у кого самый твердый характер. Упрямцев, бунтарей. Но, конечно, глупые бунтари не интересуют мое начальство...

— Я с вашим начальством знаком, — сказал Денис.

— Знаю, — ответил Вовочка. — На тебя приходила ориентировка, еще весной.

— Хо! — воскликнул Денис. — Дай угадаю. В конце марта?

— Точно. Теперь слушай меня внимательно. Ты не подходишь под требования. Какие-то показатели отличные, какие-то посредственные. Я могу показать тебе досье, но ты все равно ничего не поймешь...

— Спасибо, — усмехнулся Денис. — Мне неинтересно.

— Ты недотягиваешь совсем чуть-чуть, — продолжал Вовочка. — Скажем, по шкале Суркова у тебя отличные показатели, но логика хромает, и способности к маневру низкие... Говоря простым языком, Денис, ты не умеешь менять свои убеждения. Даже под воздействием критической массы объективных факторов. Еще проще: в детстве тебе внушили, что черное — это белое, и ты живешь

с этим убеждением... А потом жизнь подводит тебя к мысли, что черное — это все-таки черное, а никак не белое, но ты упрямо продолжаешь верить в то, что тебе внушили. Более того, ты готов стоять до конца...

— Да, — спокойно кивнул Денис. — Я люблю стоять до конца. Это мне хорошо внушили.

Вовочка осторожно улыбнулся.

— Я предлагаю тебе уехать под Купол, Денис. Я подделаю результаты тестов. Ты попадешь в число избранных и получишь предложение работать в идеальных условиях, в комфорте и безопасности. Все твои бытовые проблемы будут решаться мгновенно. Сразу после перемещения тебя опять протестируют, и наверняка моя ошибка будет вскрыта, но обратно тебя не выгонят. Все знают, что система плохо отлажена, и махнут рукой. Привезли парня — и ладно. Мне тоже ничего не будет, определенный процент ошибок заложен в расчет показателей эффективности... А если и накажут — мне, повторяю, наплевать, у меня есть сбережения, я не пропаду... Пусть сотрут память, мне все равно. Так даже лучше, забуду Варю, перестану мучиться...

— Круто, — сказал Денис. — Мне в хребет вставят провод и будут управлять моими эмоциями. Пружинов нажмет кнопку — и я буду озабочен. Он нажмет другую — и я буду весел.

— Начнем с того, — перебил Вовочка, — что ты будешь сыт и здоров. Всегда. Ты забудешь про свою кувалду и про питательные свекольные похлебки. Далее, ты получишь интересную работу, действительно интересную! Тебя поставят туда, где у тебя будет все получаться. И последнее: у тебя будут все возможности для самосовершенствования, отдыха, развлечений...

— Хороший чай, — сказал Денис. — В «Торгсине» берешь?

— Да. При чем тут...

— И конфеты тоже ничего.

Вовочка сделался скорбным.

— Я не прошу тебя отвечать сейчас. Подумай. Что ждет тебя здесь, в Европе? Ты состаришься в тридцать пять и умрешь в пятьдесят восемь. Здесь бедно и холодно, Денис. Здесь хорошо быть молодым и сильным. Но быть старым и больным — это кошмар. Подумай о будущем.

— Знаешь, — сказал Денис, — если я буду думать о будущем, я упущу настоящее. Спасибо, Володя, но я уж как-нибудь тут устроюсь. Я был под Куполом. Там скучно. А тут — весело.

— Не спеши с ответом.

— Хо! — воскликнул Денис. — Есть идея. Отправь вместо меня другого человека.

— Таню?

— Да. Это самое лучшее, что ты можешь для меня сделать.

Вовочка помрачнел.

— Видишь ли, — почти прошептал он. — Таня и так едет. Завтра я подписываю докладную. Она и еще три девочки, ее ровесницы. У всех отличные показатели. Люди из отдела «К» придут к ней в течение недели. Она уедет, а ты — останешься... Ты к этому готов?

Денис засмеялся. Вскочил, ударил хозяина дома по плечу. Он бы станцевал что-нибудь, если б умел. Он подскочил к окну и восторженно плюнул в открытую форточку.

— Только не вздумай ей говорить, это секретная информация... — озабоченно сказал старший куратор отдела демографии, он же сожитель матери, он же вершитель судеб для семидесяти тысяч московских мальчиков и девочек.

— Таня спит и видит себя под Куполом, — сказал Денис. — Когда к ней придут, это будет лучший день в ее жизни.

— Мне казалось, что у вас...

— У нас — да, было. Но она изменилась. Повзрослела. В отличие от меня она стала думать о будущем. Ей больше не нравятся веселые посиделки в бесплатных столовых после шести часов работы на сломе. Ей больше не нравятся валенки и водка с чаем...

— А ты?

— Я? — Денис опять засмеялся. — Ты же сам сказал: я недотягиваю. Я быдло, один из стада, у меня хуевые показатели. Я рожден в говне и подохну в говне. Там, где все прогнило и живут в позоре. И на моих поминках будут жрать селедку и чеснок. Слушай, я счастлив. Спасибо тебе, Володя. Я пойду, наверное. Только, это...

— Да, — сразу кивнул Вовочка, засуетился и достал несколько купюр из шкафа, забитого пачками чая и сахара. — Конечно. Держи.

— Верну послезавтра.

— Не спеши. У меня есть. Лучше подумай, как с матерью быть. Навестить бы надо...

— Если хочешь — завтра и поедем.

— Хочу, — сразу ответил старший куратор. — Я ее люблю, я ее любую хочу видеть.

Возле двери Денис помедлил.

— Слушай, — сказал он. — Ты поэтому такой, да?

Вовочка моргнул:

— Какой?

— Ну... Недовольный. Все прогнило и так далее...

— А какая связь...

— Прямая, — сказал Денис. — Тут все прогнило, а под Куполом — нормально. Раз тут прогнило, давайте отсюда последнее вывезем. Какая разница, если прогнило? Вывезем самых шустрых, остальные пусть гниют себе дальше...

Вовочка помолчал. Потеребил пуговицу жилета.

— Вот ты о чем, — пробормотал он. — Знаешь... Не слушай ты меня, дурака. Прогнило или не прогнило — сам

поймешь. Лет через тридцать. А пока — никого не слушай. Своим умом живи. Может — сгниешь, может — уцелеешь.

4

Дома встретила его обычная настороженная тишина: он скинул ботинки — звук попрыгал меж стен коридора и затух, он кашлянул — нота растворилась, как сахар в чашке чая. Можно было еще громко вздохнуть, или спеть что-нибудь, или даже начать разговаривать с самим собой и тем победить унылое безмолвие.

Но не одиночество.

Комнату матери он закрыл на ключ, сразу же, через час после ее отъезда. Купил в магазине сети «Все свое» огромный замок, врезал и закрыл, а ключ положил на столике в прихожей. Ведь мама уехала не навсегда. Мама не может навсегда уехать. Однажды она вернется. Сын отомкнет замок и скажет: вот, мама, я ничего здесь не трогал.

Жаль, ее нет, она бы обрадовалась подарку Годунова. Листала бы старый журнал часами и к месту вспомнила бы полдюжины каких-нибудь забавных историй.

Денис упал на диван. Он впервые держал в руках полностью сохранившийся экземпляр журнала «Самый-Самый». Конечно, в Интернете можно было найти все статьи любого из четырехсот с лишним номеров, и обложки, и фотографии, но Денис не любил электронные архивы. Компьютер не способен хранить ауру — а эта добротно склеенная пачка тонкого цветного пластика, нимало не потускневшего за четверть века, была пропитана энергетикой загадочных старых времен до такой степени, что казалась более реальной, чем пальцы, ее теперь листающие.

Дизайн шрифтов внушал трепет, белизна полей ошеломляла, повсюду буйствовали удивительные краски — каждая страница представляла собой праздник. И не какой-то апофеоз роскоши, сытости, ничегонеделания, не пошлый потребительский угар — прежде всего журнал отца был полон остроумия. Вчитавшись, Денис понял с некоторым удивлением, что ежемесячник «Самый-Самый» был оппозиционным изданием и критиковал власти жестоко и весело. Громили всех: кабинет министров, суды, информационное вещание и каждую из двадцати пяти милиций, вместе и по отдельности. Шикарный стиль, пятидесятикаратные афоризмы, аристократический шарм — Денис читал и задыхался от смеха. Обаятельные авторы изощрялись в сложных издевках. «Я не причисляю себя к истовым великодержавникам, — писал, например, некий Филипп Миронов. — И к неистовым тоже. Я вообще себя никуда не причисляю, поскольку не доверяю числам, а доверяю только словам». Или: «Россия никогда не была упорядоченной страной, и любой порядок в нашей стране означает лишь новую форму изначального беспорядка. Мы живем не в космической, но в хаотической державе, и это объясняет, почему так живуч русский шовинизм: хаос первичен, он старше космоса; кто адаптирован к хаосу, тот зевает и тоскует в упорядоченном космосе. Любой порядок меньше и слабее беспорядка. Порядок мал и убог, тогда как беспорядок тотален и вечен».

На сто четырнадцатой странице был маленький рассказ большого писателя Виктора Лепилина «Пиндосы & Барбосы, или Война скарабеев с богомолами», а дальше Денис увидел рекламу цереброна (тонизирующее средство нового поколения; перед применением проконсультируйтесь с участковым пихотерапевтом) и задумался. Если цереброн был создан еще до искоренения — значит, не было никакого внезапного превраще-

ния сотен тысяч уважаемых граждан в зеленые кустики. Значит, учебники и документальные фильмы привирают. Значит, проблема возникла давно и ей просто не придавали значения. «В этом и беда», — сказал себе умный студент Денис Герц. Мало разглядеть проблему, надо понять ее масштабы. Люди понемногу превращались в стебли задолго до рождения первого гомо флоруса. Почему, черт побери, никто ничего не делал? Почему тревогу подняли только тогда, когда на свет появился первый младенчик с оливковой кожей?

Или вот: «Апология дерьма. Наконец установлена причина феномена стеблероста. Специальное расследование Никиты Пружинова». Ага, подумал студент Герц. Будущий директор-распорядитель Нулевого канала уже тогда был резвый и желчный малый. «Почему стебли растут только в Москве? — вопрошал журналист Пружинов. — Почему не в Найроби, не в Париже, не в Красноярске и не в пустыне Калахари? Логично предположить, что именно в столице России — или в почвах под нею — сложились некие уникальные условия, идеально подходящие для развития грибницы. Профессор Черных-Шварцман, чья теория находит все больше сторонников и в академической среде, и за ее пределами, выделяет четыре таких уникальных фактора: сейсмическая устойчивость Среднерусской платформы, наличие толстого слоя мягких водонасыщенных почв и высокого уровня грунтовых вод, мягкий субконтинентальный климат и, наконец, главное (по Черных-Шварцману) условие — мощнейшая концентрация фекальных масс. Сорок миллионов граждан на протяжении десятилетий плотно кушали четыре раза в день; куда делись естественные отходы их жизнедеятельности? Ушли в московскую почву! Москва уникальна тем, что это единственный на планете континентальный гиперполис с аномально высоким уровнем жизни. У нас нет моря или океана, куда мы могли бы

сбрасывать фекалии. Конечно, население других супергородов — Дели и Пекина — в два раза больше московского, но надо помнить, что жители Дели и Пекина едят в семь-восемь раз меньше москвичей. Есть еще Чикаго (с населением в шестьдесят миллионов) — но новая столица Северной Америки стоит на озерах, и мощные грунтовые потоки вымывают фекальные массы... Все просто, сынок, — сказал мне профессор Черных-Шварцман. — Наше говно исторически вымывалось Москвой-рекой, но в определенный момент река перестала справляться. При суточной норме в двести граммов фекальных масс на взрослого человека московские коммунальные сети ежесуточно перемещали почти двадцать тысяч тонн фекалий, или по шестьсот граммов на человека. Понимаешь, парень? Люди жрали в три раза больше, чем положено. И соответственно испражнялись. Семь с половиной миллионов тонн говна в год. Говно бродило, оседало и слеживалось. Все это время семена стебля лежали в почве и ждали, когда концентрация говна достигнет критического уровня. Против нас восстала сама природа: когда объем и масса человеческих фекалий превысили некий предел — выросла грибница со съедобной мякотью. Природа как бы сказала нам: ребята, успокойтесь, перестаньте так активно гадить, вот вам стебель, кушайте маленькими ложечками и не засоряйте планету... Вот и все. Звоните в Швецию, пусть готовят мне Нобеля, возьму только наличными, мелкими купюрами, бывшими в употреблении...»

Последние страницы живописали светскую жизнь: юные дуры, вцепившись друг дружке в тощие бицепсы, улыбались либо напряженно (видимо, их отлавливали в очереди в уборную), либо удовлетворенно (видимо, этих отловили по выходе из оной). Подписи под портретами тоже были веселыми, ироничными: «Певица Фламинго и певица Флора Флю. Найди десять отличий».

Денис опять заглянул в начало. В середину. Везде было смешно, резко, круто, смачно — не в бровь, а в глаз. Журнал потрясал, втягивал, шокировал, просвещал, его не хотелось выпускать из рук никогда. «Его делал мой отец, — подумал Денис, — почему я не горжусь? Почему мне грустно и жалко читать сейчас лихие тексты злых и гениальных колумнистов? Как они, с такими талантами, с такими бешеными интеллектами умудрились проиграть целую страну, разбазарить, опрокинуть в грязь и бедность?»

Страницы нежно потрескивали при переворачивании. Иные картинки мерцали, иные были интерактивны и приходили в движение, едва он касался их пальцами, и самые пальцы молотобойца, грубые, красные, смотрелись на фоне полиграфических чудес как конечности динозавра.

Потому что это была фронда, понял он. Всего лишь фронда, и ничего, кроме фронды. Сидели уютно, комфортабельно, сладко ели и пили, а противостояли — только на словах. Едко, точно, беспощадно — но на словах. Когда надо было уже выходить, вставать на площадях, у мраморных правительственных подъездов, вместе с сыновьями, с друзьями и братьями — они не пошли никуда, остались в уютных ресторанчиках сочинять блестящие колонки за рюмашкой коньячишка. Уже надо было бить морды, а они продолжали критиковать. Уже надо было кидаться камнями, а они кидались афоризмами. Не было в них настоящей силы, все ушло в сарказмы изящные, в жест, в позу. Разменялись на фрондерство безопасное пятизвездочное. Думали, их миссия в том, чтобы призвать народ, а уж народ — он, знамо дело, завсегда готов подняться! А надо было не призывать, а самим подниматься. Ибо русский народ давно уже не фраер, его крамольной статейкой не запутать, не вытолкать на баррикады одними только словами, даже самыми горячими...

Денис встал, нашел старую газету, завернул в нее журнал и спрятал в дальний ящик стола, туда, где пылились конспекты лекций за первый университетский курс.

Простите, ребята, я вас люблю очень, я за вас отдал бы жизнь, но зря вы так много и красиво говорили.

Теперь — вот: сижу один, весь в дырявом, кое-как течет вода из крана, кое-как пожрал, кое-как выживаю; выживу, конечно, никуда не денусь. Мама уехала туда, где ей помогут умереть. Любимая уехала туда, где ей помогут красиво одеться. Друг ушел туда, где его никто не найдет, чтобы сохранить то, что никому нельзя показывать.

А я чего? Я тут остался.

Все куда-то делись, один Денис Герц, студент и молотобоец, никуда не делся, на том же месте тем же самым делом занят.

В полночь оделся в черное, обулся в легкое и удобное, взял другу Глебу подарок — две плитки шоколада и бутылку водки, вышел в темноту. До башни «План Путина» было шесть километров оврагами.

5

— Как тебе моя новая конура? — спросил Глеб.

— Нормально, — сказал Денис. — Окна бронированные?

— Здесь — нет. В алтарном зале бронированные, а тут — обычные. Если бутылку кинешь — не разобьется, но пулей — можно...

Студеникин сунул меж коричневых зубов наполовину выкуренную «гавану гуантанамеру» и вытащил из-за спины никелированный револьвер.

Денис осторожно улыбнулся:

— Старого друга со стволом встречаешь?

Глеб поднял на него слезящиеся глаза.

— Старого друга? — спросил он. — Старый друг за полгода ни разу меня не навестил.

— Меня пасли, Глеб, — сказал Денис. — Я не мог рисковать.

Глеб улыбнулся, несколько раз кивнул, осведомился спокойно:

— А сейчас не пасут?

Денис пожал плечами:

— Может, и пасут. Но я прошел семьдесят уровней за восемь минут. Вряд ли меня догнали...

— Это ты правильно сделал, — похвалил Глеб, как хвалил, бывало, в старые времена, и сейчас Денис понял, что напрочь отвык от менторских интонаций старшего товарища, да и от самого товарища отвык, и вообще — с трудом его узнал.

Дым висел в три слоя: темно-серый, тяжелый гашишевый — внизу, более светлый сигарный — выше, а под самым потолком витал, радужно переливаясь, прозрачный дух благовоний, поднимавшийся из двух огромных бронзовых курильниц, стоящих по углам зала. Но запах гниющих фруктов перебивал ароматы сандала и табака, и от самого Глеба, когда он сунул револьвер обратно и запахнул тяжелый халат, донеслась прискорбная мужская вонь.

Однако, пока халат был распахнут, Денис увидел тело своего друга, грудь и живот, и содрогнулся, ибо там была только серая кожа на торчащих мослах.

— Садись, — сказал Глеб. — Выпей. Пожри. Хочешь — кальян потяни. Я специально разжег, пока тебя ждал... Я тебя знаешь как ждал? Вот, подарок приготовил...

Денис отодвинул от огромного стола огромное кресло, сел. Студеникин положил перед ним старую, но отлично сохранившуюся книгу в пластиковом переплете.

— «Абсопроц»! — объявил он. — «Основы теории абсолютного процветания». Раритет. Учебник для младших классов.

— Сегодня мне все чтиво дарят, — сказал Денис. — То журналы, то учебники. Спасибо, но...

— Ты почитай, почитай! — воскликнул Глеб. — Я его каждый вечер, перед сном... Не потому что интересно, а сразу детство вспоминается... Школа, учителя... Завтраки... Булки серые с маргарином... Вкусно было... Ты не застал, а я — годами... Вот, послушай, как звучит... — Он раскрыл книгу, кинул на Дениса быстрый взгляд. — «Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля определяет слово «процветать» как «благоденствовать, жить в добре земном, в обилии; вести успешно дела свои, преуспевать». То есть процветание прямо связано с ведением дела. С трудом. Процветать — не значит бездельничать. Но мы должны понимать, что есть что-то хуже безделья и праздности. Это труд механический, бессмысленный. Нелюбимая работа ради денег губит человека. Когда он вынужден работать, зная, что его труд в конечном итоге приносит вред, — это хуже безделья. Так люди в далеком прошлом трудились на корпорации, расхищающие богатства страны. Вынужденные обеспечивать себя пропитанием и одеждой, они работали, презирая свой труд и самих себя, и это едва не привело к моральной катастрофе: люди перестали понимать, что такое хорошо и что такое плохо. Понадобились огромные усилия значительной группы неравнодушных граждан, чтобы постепенно повернуть жизнь к лучшему...

— Хватит, — оборвал Денис. — По-моему, у этих неравнодушных граждан мало что получилось. Оставь, я полистаю на досуге.

Студеникин послушно захлопнул томик.

— Как хочешь. Я бы тебе еще одно место процитировал, про любовь и силу... Ладно. Как там, внизу?

— Внизу? — переспросил Денис. — Внизу весело. Давно так весело не было. Таня уезжает под Купол. Мать уже уехала. В хоспис. Прилетел Годунов — и тот в первый же день подрался с ментом и попал в больницу...

Глеб посуровел, спросил:

— А что с матерью?

— Устала. Двадцать лет на цереброне — кто хочешь устанет...

Денис подождал новых вопросов — их не последовало.

Есть не хотелось. Можно было выпить, да, но идти пьяным назад, через сто уровней, и еще потом по живой земле, шесть километров до дома, ночью, было рискованно.

С другой стороны, можно было вообще не спускаться вниз. Внизу его никто не ждал. Только бывший гражданский муж матери. В сущности — совершенно чужой человек. А последний и лучший друг сидел сейчас рядом, пьяный, убитый в хлам, грязный, кошмарно обросший, окруженный обшарпанным, разнокалиберным богатством, какими-то пыльными гобеленами, какими-то позолоченными статуэтками, бархатными портьерами, ящиками элитного винища, нечистыми скатертями.

Глеб вдруг засуетился, подскочил, опять обдал запахом застарелого пота, грубо сдвинул в сторону блюда и подносы, одну тарелку, сравнительно чистую, обтер рукавом, поставил перед гостем. Скороговоркой сообщил:

— У меня вот что есть. Смотри. — Подвинул хрустальную емкость с крышкой. — Называется «Божья ладонь». Сырая мякоть стебля с добавлением ЛСД. Новинка. Съешь ложечку — и тебя как будто бог на ладонях качает... Во-первых, забавно, во-вторых, круто, в-третьих, где ты еще такого попробуешь? Не стесняйся, брат... Или вот еще, чистая мякоть, но не наша: син-

тетика, из Китая привезли, там сейчас это кайф номер один, научились делать... Я слышал, что они купили у русских семечко и растят сейчас грибницу небывалую, и все побеги сразу перерабатывают на съедение... Или если не хочешь кайфовать – тогда покушай как следует, гляди – у меня трюфеля, и вот еще, форель на гриле...

– Глеб, – позвал Денис. – Глеб!

– Что?!

– Подожди. Присядь, успокойся. Ты плохо выглядишь.

– Это неважно, – сказал Студеникин.

– А кто тебе сейчас балабас таскает?

– Кто таскает? – переспросил Студеникин и задумался. – Кто таскает... Ха! Есть кому таскать. Малолетки какие-то. Пацанята, по семнадцать лет... Сами меня нашли. Сигнализация сработала, я автомат хватаю, четыре гранаты по карманам, выхожу – стоят, двое. На пальцах – колечки... Ну, я эти колечки знаю, это особые колечки, от нанопарашютов. Привет, говорят, дядя, не нужно ли чего? Деловые – страсть! Не с нашего района. Гастролеры. Приехали из Мурома, специально, рюкзаками зарабатывать. Дерзкие, наглые. Мы такими не были. За деньги все что хочешь притащат... Представь себе, три раза мне шлюх поднимали! И знаешь, что самое дикое?

Глеб откинул со лба сальные волосы и вперил в Дениса взгляд.

– Что?

– Они не знают, кто я такой, – прошептал Глеб. – Понял, да? Они не знают, кто такой Глеб Студеникин! Они тут, конечно, ни разу не были, я их внизу встречал, в приемной, этажом ниже... Один раз усадил за стол, налил, поболтать захотелось, слово за слово – смотрю, а они про меня ничего не знают! Про меня, понял?

— Да, — аккуратно сказал Денис. — Удивительно.

— А деньги знаешь как называют? Сало!

— Даже так, — пробормотал Денис. — Сало дьявола. А ты в них уверен? В этих малолетках?

Студеникин ухмыльнулся и наконец стал похож на себя прежнего.

— Нет, — сказал он. — Я, малыш, только в тебе уверен. И больше ни в ком. Но меня так просто не взять, у меня тут везде нитки натянуты, и мины, и двадцать четыре видеокамеры... Это во-первых. Запарятся штурмовать, понял? А во-вторых, если край — на кнопку нажму, и полбашни взлетит на воздух. Вместе со всеми. Но до этого не дойдет. И я знаю почему.

Денис налил себе из ближайшей бутылки.

— Почему?

Глеб сверкнул глазами.

— Кто хранит семя стебля, — сказал он, — того бог хранит! Понял?

— Да, — ответил Денис. — Только там не совсем так. Там сказано: «Изберет бог немногих, по тридцать мужей из каждого колена, и пойдут мужи, и отыщут во прахе семя, и не убоятся, и не бросят семя в борозду, и будут хранить до времени, удалившись ото всех, ниже от матерей и отцов, ниже от детей и жен своих, уединясь и трижды уединясь, и три раза трижды уединясь, не подпуская прочих на три тысячи шагов. И придет диавол, и будет искушать салом своим, но не получит ничего, ибо укрепит бог волю мужей».

Глеб слушал завороженно, смотрел не мигая.

— Я знал, — восторженно сказал он. — Я знал! Ты готов, брат. Ты лучше меня все понимаешь. Хочешь посмотреть на него?

— Нет, — ответил Денис. — Не хочу. Хотя...

Глеб рассмеялся и махнул рукой. Они прошли в смежное помещение, где не было ничего, кроме не-

большого деревянного постамента, на котором стоял контейнер.

– Открывай, – тихо произнес Глеб.

– Лучше ты.

– Я не могу. С меня хватит. Неужели ты не чувствуешь?

– Чего? – спросил Денис и щелкнул замками; едва он поднял крышку, Студеникин отпрянул, вжался в стену, смотрел не на ящик – в лицо Дениса.

– Что?

– По-моему, – произнес Денис, – что-то не так. Оно изменилось.

– Это не оно изменилось, – хрипло сказал Студеникин. – Это ты изменился. А оно все такое же... – Он вздохнул. – Ладно, это ты потом, сам разберешься... Без меня.

– Что значит «без тебя»?

Студеникин подогнул колени, сполз по стене. Плотнее завернулся в халат.

– Зря ты... оставил меня одного, – пробормотал он. – Зря. Я твой друг – зачем ты оставил меня одного? У меня никого нет, кроме тебя. Ты не знаешь, что это такое, когда все вокруг – чужие, посторонние и только один – свой. Когда остается только один, тогда... Тогда ты о нем думаешь, и ты... Ты его ценишь! Если вокруг друзья, приятели, родня, девочки – ты не ценишь. А если никого нет, а есть только один – тогда все меняется... Ты доходишь до последней точки, до самого края...

– Хватит, – сказал Денис. – Я всегда уважал твою силу, Глеб. Ты был крут. А сейчас...

– Что «сейчас»?! – крикнул Глеб. – Ты так и не понял ничего! Когда у тебя никого нет – приходится быть крутым! Потому что нет другого выхода.

– Нет, – возразил Денис. – Ты был не просто крут. Ты был беспредельно крут. Ты с этим родился.

Студеникин затушил сигару об пол.

— Родиться мало, — грустно произнес он. — Надо вырасти. Я тоже думал, что я самый сильный. А потом появилось то, что сильнее меня. Так бывает с каждым, кто думает, что он сильный и крутой. Ты живешь с этим, привыкаешь, и вдруг появляется кто-то сильнее тебя... И тогда тебе страшно. То есть ты понял, да? А еще страшнее, если появляется не кто-то, а что-то...

— Например, семя стебля, — сказал Денис.

— Да! — фальцетом крикнул Глеб. — Семя стебля! Оно дает власть. Но не какую-то вонючую власть императора, президента, миллиардера — оно дает тебе власть, о которой ты ничего не знаешь! Кроме того, что она от бога и она — абсолютна. Ты говоришь — я сильный? Какой я, к черту, сильный. Вот — сила! — Он указал на контейнер. — Для большинства — еда. Для меньшинства — отрава. Хочешь — накорми, отрави... Хочешь — оставь как есть. Каждый день смотришь и думаешь: сделать или не сделать? Плеснуть водички или дать им еще один шанс? Как лучше? Как веселее? Как интереснее? Сегодня ничего не сделаю, а завтра, может быть, подхвачу насморк, будет у меня плохое настроение — и брошу в почву, устрою зеленую лужайку, и буду знать, что весь мир перевернулся из-за насморка Глеба Студеникина...

Он вдруг вскочил и едва не выпрыгнул из халата: голый, дряблый, дрожащий призрак.

— А потом приходишь в себя. Господи, думаешь, я же с ума схожу! Кто я такой, чтоб решать чьи-то судьбы? Беспризорник, неуч, уголовник, таскатель балабаса! Кого я собираюсь накормить или отравить? Нет, я должен, обязан сидеть тихо, чтоб никто меня не видел и не слышал, молча, в какой-то норе потайной, с этим проклятым ящиком в обнимку, и убивать любого, кто посягнет, потому что власть отнимает веру в людей... Никого не под-

пускать! Хранить, пока силы есть, и ничего не делать, не притрагиваться... Ждать!

Денис посмотрел на зародыш. Поперечная борозда выглядела действительно как след огромного острого когтя. Шершавое, в пупырьях тело слабо вздрогнуло, справа налево пробежала быстрая радужная волна; Денис наклонился, вгляделся.

— Да-да, — насмешливо сказал Глеб. — Смотри, малыш. Мне тоже было интересно. Вроде мертвое, черствое, а отвернешься — оно тебе шепчет... «Ты самый достойный, ты самый лучший, береги меня, храни меня, никому не отдавай... Жди... жди... жди...» Выйдешь отсюда, закроешь дверь — вдруг слышишь крик, или плач детский, или ничего не слышишь, но у тебя такое чувство, что беда случилась... Бегом бежишь, открываешь крышку — нет, все в порядке, оно на месте... И так — день за днем. Или в тронной сидишь, неделями, с бутылкой... Пойдем в тронную.

— Не хочу я в твою тронную, — сказал Денис.

Глеб захихикал.

— Я тоже не хочу. Но там отпускает. Сам поймешь. Пойдем.

Шаркая, он откинул тяжелую занавесь, жестом пригласил. В тронной было темно, за огромным стеклом переливалась огнями ночная Москва.

— Садись, — велел Глеб. — В кресло.

— Это трон? — осведомился Денис.

— Трон или не трон — потом разберешься, — сказал Глеб и повернулся к окну. — Смотри — видишь? Там, внизу, — люди. Много. Вон, гляди — огни погуще, это центр города. А там — темнота, значит, никто не живет. Там город заканчивается. В принципе, все ясно, да? Здесь их много — там их мало. Здесь, где ярко, — им, значит, хорошо. А там, где темно, — им плохо. Куда ты бросишь семя? Где для него почва? Конечно, там, где свет! Где людям хо-

рошо. Тут и думать нечего. Бросаешь — и там, где было хорошо, становится плохо. Люди начинают шевелиться, двигаться, выживать и в конечном итоге становятся сильнее. Сначала они тебя проклинают, потом — спустя сто или двести лет — благодарят. Вот почему стебли выросли в Москве, а не на полуострове Ямал. Потому что сидел такой, как я или ты, и думал: где почва для семени? Где будем все менять? Там, где ничего не происходит, или там, где все бурлит? Разумеется, там, где все бурлит! В центре! Где люди, где светло, где тепло и сыто!

Кресло было твердым, неудобным.

— Ты хочешь сказать, что...

— Конечно, — сказал Глеб. — Грибница не сама выросла. Было семя, и был сеятель, он ждал, терпел, наблюдал и однажды запустил процесс...

Он сделал несколько шагов назад от стекла. Болезненно закашлялся, но овладел собой. Заговорил негромко, севшим низким голосом:

— Я, Глеб Студеникин, знаю, что сеятелем мне не быть. Не возьму на себя ответственность. Не могу. Не способен. Слишком слаб. Но зато я могу передать семя в руки более сильного и достойного...

Он протянул руку в направлении окна. Выстрел оглушил Дениса; стекло осыпалось, и в комнату ворвался ледяной ветер. Денис вцепился в подлокотники, уши заложило. Глеб отшвырнул пистолет. Его шатало, халат рвался с плеч, но он широко расставил тощие голые ноги, повернул к Денису лицо, закричал:

— Я сделал все, что мог! Продержался, сколько сил хватило! Совесть моя чиста. Я не бросил его в почву — это первое. Я не подпустил к нему гадов — это второе. Я нашел того, кому передать груз, — это третье... И самое главное! Ты — следующий, Денис.

Он пошел вперед. Денис вскочил, но не успел. Глеб раскинул руки, улыбнулся.

— Теперь ты, малыш! — крикнул он, и шагнул в черное пространство, и повторил, и конец фразы остался сзади и наверху, а начало вместе с Глебом Студеникиным полетело вперед и вниз, от света к праху, с холодного каменного уступа к живой земле.

— Ты — следующий.

Эпилог

Модест смотрел то на лицо Дениса, то на его руки, внимательно, почти нежно. Громко сопел. Кожа его зимой темнела, становилась цвета старой еловой хвои. Сегодня он был в рубахе. Недавно его вызывали в управу и деликатно попросили хотя бы зимой не ходить голым по пояс. Чтоб, значит, не смущать граждан.

— Везет тебе, Денис, — сказал он с завистью. — Я никогда не любил тонкую работу делать. А ты и кувалдой умеешь, и заплатку пришить мастер. Вон у тебя как ловко выходит. И иголки у тебя, и шильце, и суровье...

— Могу научить, — предложил Денис.

— Спасибо, — ответил Модест. — Но я тяжести люблю. Мне надо, чтоб позвоночник был под нагрузкой. Так доктор прописал. А ты лучше выбрось эту телогрейку и купи новую.

— Еще чего.

Модест ухмыльнулся.

— Сберегаешь сбереженное?

— Не в этом дело, — сказал Денис, вонзая иглу. — Я к ней привык, она по фигуре ушита. А новая будет месяц колом стоять. Кроме того, новые воняют жутко. Ватой лежалой, перепревшей...

Он встал, сунул руки в рукава, проверил, крепко ли вышло.

Вышло крепко.

— А главное, Модест... Я, знаешь, на двадцать втором году жизни догадался, что телогреечка штопаная — это самая для меня лучшая одежда. Шмотка номер один. И когда, Модест, я это понял — мне, знаешь, так весело сделалось, легко, просто... Как будто в жару пива холодного выпил. Ты зеленый человек, тебе одежда не нужна, тебе не понять.

— Объясни, — сказал Модест. — Может, пойму.

Денис засмеялся:

— Не обижайся. Конечно, ты все поймешь. Ты нас всех умнее. Я, Модест, много чем занимался, и там пробовал, и здесь, и деньги заколачивал, и часы бесплатные накапливал, и университет закончил, и кувалдой махал, и балабас таскал, и даже женился, но ничего в жизни пока не сделал. Понимаешь, да?

Модест кивнул:

— Конечно. Надо делать вещи.

— Не обязательно вещи. В смысле предметы. Но что-то такое... Может, это смешно... — Денис аккуратно повесил ватник на гвоздь, — но нет у меня морального права носить что-то, кроме штопаной телогрейки. Знаешь, как бывает: зайдешь стакан выпить, в тот же «Чайник», и видишь — сидит дядя, беспредельно крутой, одет, как министр, и поза у него, и взгляд, и манеры, и толстый лопатник кожаный, начинаешь с ним разговаривать — а он мудак полный. Лучше — наоборот, Модест. Лучше — наоборот... Вон, жена мне с первой зарплаты подарила тулупчик нагольный, с бобровым воротником, надел я его один раз — и снял. Я в этом бобровом воротнике — типичный разложенец... Какой-нибудь икорный спекулянт, или барыга подпольный, или валютчик с Тверской... Теперь я его раз в месяц надеваю. Когда мы с Таней в театр выбираемся.

— Как она, кстати?

— Нормально, — сказал Денис со специальной ленцой надежно женатого мужчины. — Тебе бы тоже надо подругу найти. Пора, брат.

Модест щелкнул языком в своей обычной манере и вздохнул:

— Не получается. Я тут с одной из наших переписывался, хорошая девка, девятнадцать лет, сто десять килограммов, цвет редкий, нежно-изумрудный, как мякоть у киви... Вроде была симпатия, интерес взаимный — а она возьми и корни пусти... В общем, ерунда получилась. Нынешние бабы странные. Ни в чем меры не знают. Или работают как безумные, или, наоборот, палец о палец не ударят... Разве ж можно в наше время меры не знать?

— Нельзя, — согласился Денис.

— Вот и я говорю — ну их к дьяволу, баб... А твоя что — больше не хочет под Купол?

— Может, и хочет, — усмехнулся Денис. — Но молчит. Там же целая эпопея вышла. Демографический инспектор — друг моей матери, и я его уговорил, чтоб он анкеты подделал, кое-что подправил... И Таню мою не взяли под Купол. Хотя должны были взять... Она рассчитывала на своего миллионера Голованова, но на него дело завели, и он эмигрировал в Чили. Так что ничего у моей Тани не вышло.

— С твоей и божьей помощью, — подсказал Модест.

— Ну да. Наверное. Теперь я ей сказал, что, если она еще раз про Купол заговорит, я возьму зародыш, отвезу и высажу прямо в центре Новой Москвы. Возле офиса корпорации «Русский литий». Годунов поможет. Он как раз новую книгу пишет. «Семя господа нашего». В общем, Таня все поняла.

— Это ты правильно, — сказал Модест. — Иди сюда. Посмотри, что я тебе притащил.

Денис заглянул в мешок.

— Березовые?

— А как же. Сухие, гореть будут — как порох.

— Спасибо, друг. Давай-ка мы подбросим полешко, прямо сейчас, а то холодно у меня...

Зеленый человек посмотрел, как Денис шурует в печке кочергой, и посоветовал:

— Переезжай вниз. Куда-нибудь на десятый уровень, там сейчас хорошо топят. Жить в Москве и печкой греться — это не дело.

Денис кивнул.

— Заберешь у меня зародыш — сразу переберусь. Но пока тварь у меня — мне к людям нельзя. Побаиваюсь.

— Это ты правильно, — похвалил Модест.

— Хочешь посмотреть?

— Нет.

— И я не хочу, — пробормотал Денис. — Раньше, бывало, я по два часа сидел, глазел. Оно со мной разговаривало. Подмигивало. Иди посмотри. Интересно же.

— Слушай, — сказал Модест. — Ты бы хотел увидеть момент своего зачатия? Посмотреть, как твой папа и твоя мама... Или лучше, как твой дедушка твою бабушку...

Денис подумал и сказал:

— Наверное, нет.

— То есть тебе это было бы неприятно?

— Конечно.

— Вот и мне неприятно, — сухо произнес Модест. — Давай контейнер, и я пойду. Дел много.

Денис выдвинул ящик из-под стула.

— Нам надо было сразу тебе его отдать, — пробормотал он. — Глеб остался бы жив...

— Чего ж не отдали?

— Сомневались.

— Во мне?

— В себе, — сказал Денис. — А что ты с ним сделаешь?

— Увезу, — ответил зеленый человек. — Его надо подальше от людей держать. Чем дальше — тем лучше. Есть у меня парнишка надежный, из наших... Хороший малый. Тридцать лет живет, как доктор прописал. Где — не скажу. Но место глухое, дальнее...

Модест взялся за ручку, поднял контейнер, взвесил в руке.

— Слушай, — сказал Денис. — А может, его на самом деле — под Купол? Бросим в почву — и все, нет никакого Купола!

— А дальше что? Все разложенцы резко заживут правильной жизнью?

— Да, — сказал Денис. — Ты прав, Модест. Не заживут. Забирай. Увези к парнишке надежному. И не говори куда.

— Не скажу, — серьезно произнес Модест. — Ладно, брат. Дай мне тряпицу какую, завернуть ящик, а то — сам знаешь...

Денис высыпал дрова — запахло баней, деревней, правильной жизнью, — отдал мешок и спохватился.

— Погоди, Модест. Слушай... Говорят, что семя стебля ни в коем случае не должно соприкасаться с водой. Но если семена упокоены во прахе... ну, то есть лежат в земле — там же есть всякие грунтовые воды...

Собственно, он не очень знал, что такое правильная жизнь. И тем более не знал, чем она пахнет. Но догадывался, что пахнет она просто. Дровами, штопаными телогрейками, женой, снегом, чаем. Еще — кровью разрубленных на части врагов. Конечно, она пахнет не только примитивными навозными радостями физического труда; она может иметь запах сверхмощных литиевых аккумуляторов и даже ракет для суборбитальных полетов; тут главное — куда и зачем летать; кого и зачем питать от тех аккумулляторов.

— Чудак, — сказал Модест. — Ты, видать, географию плохо учил. А я — мутант, гомо флорус, я про почву и воду знаю все. Что значит «лежат в земле»? Какую землю ты имеешь в виду? Под нашими ногами — много километров осадочных пород, там есть плотные, глинистые слои, они вообще не пропускают воду...

Модест нахмурился, переложил ящик из руки в руку.

— Но это семя, — задумчиво произнес он, — не лежало в земле ни одной минуты. Это клон. Его вырастили искусственно.

— Откуда знаешь?

— Слишком слабый ток.

— Слабый? — изумился Денис. — Я этот проклятый ток за десять метров чувствую.

Модест покачал головой.

— От настоящего семени, — сказал он, — ток должен быть сильнее. Во много раз. Если бы это было настоящее семя, ты бы к нему вообще не подошел. Извини за прямоту — просто обосрался бы. От страха.

Денис помедлил. «Сейчас, — подумал он, — контейнер с семенем стебля исчезнет из моей жизни, и хочется верить, что навсегда; из-за него погиб мой друг и сам я едва не погиб; почему я ничего не чувствую?»

— А кто, — спросил он, — тебе это все сказал?

— Никто, — ответил Модест. — Я просто знаю, и все. С детства. Ты знаешь, как дышать, как есть и пить, — а я знаю, что такое семя стебля.

— И ты знаешь, что с ним делать?

— Да. Знаю.

— Скажешь?

Модест вздохнул.

— Ничего с ним не надо делать. Пусть лежит. Пребывает в покое. А где оно лежит и как оно лежит — не должен знать ни один гомо сапиенс.

— А потом что?

— Ничего. Если с ним что-то произойдет — оно произойдет само собой. Без твоего или моего участия.

В печке звонко треснуло, и пламя загудело на полтона выше.

— Значит, Модест, ты не сеятель, — сказал Денис.

— Конечно, нет. Какой же я сеятель? Я обычный зеленый человек.

Денис подумал, посмотрел на печку, на свою телогрейку, на висящую рядом кроличью шубу Тани и сказал:

— И я не сеятель.

Модест переступил с ноги на ногу.

— Сеятель ты или не сеятель — через два часа жду тебя внизу. Снег будем чистить. У подъезда и возле троллейбусной остановки. Лопату не забудь.

— Не забуду, — ответил Денис. — Что за разговоры, Модест? Когда, черт возьми, такое бывало, чтобы я забывал свою лопату?

Оглавление

ХЛОРОФИЛИЯ

Часть первая 7
Часть вторая 132
Часть третья 242

ЖИВАЯ ЗЕМЛЯ

Часть первая 317
Часть вторая 395
Часть третья 466
Часть четвертая 577

Эпилог 631

Литературно-художественное издание

Рубанов Андрей Викторович

ХЛОРОФИЛИЯ
ЖИВАЯ ЗЕМЛЯ

Романы

Заведующая редакцией *Е.Д. Шубина*
Редактор *Д.З. Хасанова*
Младший редактор *А.С. Портнов*
Технический редактор *Т.П. Тимошина*
Корректор *О.Л. Вьюнник, Н.П. Власенко*
Компьютерная верстка *Е.М. Илюшиной*

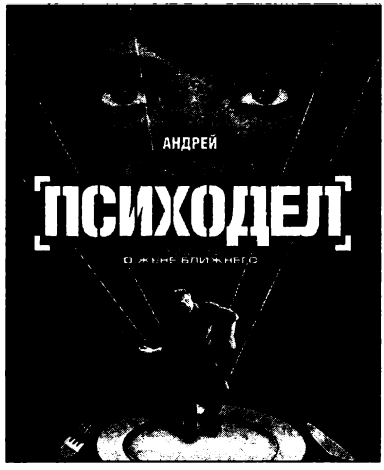
ООО «Издательство Астрель»
129085, г. Москва, проезд Ольминского, д. 3а

ООО «Издательство АСТ»
141100, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96

Электронный адрес:
www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Издательская группа АСТ представляет:



«Психодел» - авторский неологизм, образован от слов "психоз" + "делать"; человек, занимающийся психологическим подавлением другого человека в целях достижения личной выгоды; инициатор психоза; психологический "людоед".

Хорошая девушка Мила Богданова и ее жених Борис современные *бодрые* молодые люди. Они встречают Новый год за городом, а вернувшись домой, обнаруживают – их ограбили! Неожиданно Кирилл по прозвищу Кактус, старый знакомый Бориса, сообщает, что вор пойман, а украденные вещи найдены...

Все слишком просто, подозрительно просто. Знакомство Милы с Кактусом становится слишком близким, однако скоро перерастает в беспощадный поединок.

«В "Психоделе" тема – библейская, "не желай жены ближнего своего". Но тут "Прекрасный Принц" – пассивная фигура, главное – схватка "Красавицы" и "Чудовища". Современной молодой женщины, сражающейся за свое счастье, и мужчины – сорокалетнего, битого жизнью "совка"».

Андрей Рубанов

НОВАЯ КОЛЛЕКЦИЯ ФАНТАСТИКИ (BEST)

Андрей РУБАНОВ

ХЛОРОФИЛИЯ

Россия, XXII век. Все население переехало в столицу, а Сибирь сдана в аренду китайцам. «Никто никому ничего не должен» – девиз, под которым живет Россия-Москва на китайские деньги.

А однажды за двое суток Москва поросла травой с телебашню... Савелий Герц – специальный корреспондент журнала «Самый-самый», узнаёт – по тайным каналам: китайцы уходят из Сибири. Что ждет страну в будущем? Одно пока не вызывает ни у кого сомнения: трава безобидна для человека... Но так ли это?

ЖИВАЯ ЗЕМЛЯ

Продолжение «Хлорофилии». Прошло двадцать лет. Небоскребы Москвы стоят полузаброшенными, люди не живут выше восьмого этажа. Кормившая всех трава исчезла, но сохранилась легенда, что где-то есть семя, способное возродить грибницу! Неожиданно это семя попадает в руки сына Савелия Герца, Дениса, и его друзей...

www.ast.ru
www.elkniga.ru

ISBN 978-5-17-074280-6